ГЛЕН КУК

Черный Отряд

Тени сгущаются

Черный Отряд

Тени сгущаются

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН КУК

GLEN

COOK

The Black Company
Shadows Linger

ГЛЕН

КУК

Черный отряд
Тени сгущаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ МОСКВА 2002
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К89

Glen Cook
THE BLACK COMPANY
SHADOWS LINGER
1984

Перевод с английского Андрея Новикова, Ирины Васильевой

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Оформление книги Анатолия Нечаева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Koss Inc

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 13.11.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 3 000 экз. Заказ № 3610.

Кук Г.
К89 Черный Отряд. Тени сгущаются: Фантаст. романы / Г. Кук; Пер. с англ. А. Новикова, И. Васильевой. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 635, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-007186-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0285-6 (TF)

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда – лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых…

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Glen Cook, 1984
© А. Нечаев, дизайн книги, 2000
© Перевод. А. Новиков, 1997
© Перевод. И. Васильева, 1997
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2002
®TERRA FANTASTICA

Черный отряд

А. Новиков, перевод, © 1996

Глава первая

Посланник

Этот роман посвящается
членам Общества
научной фантастики
из Сент-Луиса.

Я люблю вас всех.

Одноглазый сказал, что чудес и знамений было предостаточно и в том, что мы неправильно их истолковали, нам следует винить лишь себя. Согласен, ему многое мешало, но все равно его слова — замечательный пример того, насколько мы крепки задним умом.

Молния, сверкнувшая на ясном небе, ударила в Некропольский холм и попала в бронзовую табличку, запечатывавшую склеп форвалак, наполовину уничтожив силу заклинания. Выпадали дожди из камней. Из статуй текла кровь. Жрецы нескольких храмов сообщали о жертвенных животных без сердца или печени. Одной выпотрошенной жертве даже удалось сбежать, и ее не сумели поймать. В казармах у Развилки, где размещаются городские когорты, изображение Теу повернулось спиной. Девять вечеров подряд десять черных стервятников кружили над Бастионом, потом один из них прогнал орла́, обитавшего на верхушке Бумажной Башни.

Астрологи отказывались наблюдать за небесами, опасаясь за свою жизнь. По улицам бродил свихнувшийся предсказатель, объявляя о близком конце света. А в покинутом орлом Бастионе плющ на внешних валах засох и сменился каким-то ползучим растением, листья которого теряли черноту лишь при самом ярком солнечном свете.

Но подобное происходило каждый год. Дурак задним числом может объявить знамением что угодно.

И все же события *не должны* были застать врасплох нас, имевших четырех собственных колдунов со скромными способностями, которые охраняют нас от хищного будущего — пусть даже не столь изощренным способом, как гадание на овечьих потрохах.

Лучшими авгурами и ныне считаются те, кто предсказывает будущее по знамениям прошлого. Их успехи зачастую поразительны.

Берилл непрерывно содрогался, готовый каждую минуту рухнуть в пропасть хаоса. Самый великий из Самоцветных городов был старым, упадочным и безумным, в нем смердело вырождением и загнивающими нравами. По его ночным улицам могло красться что угодно, и лишь последний дурак удивился бы этому.

Я распахнул настежь все ставни на окнах, молясь о ветерке из гавани, пусть даже воняющем тухлой рыбой. Увы, ветра не хватило бы даже колыхнуть паутину. Я вытер вспотевшее лицо и скорчил рожу первому пациенту:

— Опять вошек подхватил, Кудрявый?

Кудрявый слабо улыбнулся. Лицо у него было бледным.

— Да нет, Костоправ. Живот болит.— Его макушка напоминает отполированное страусиное яйцо, отсюда и имя. Я сверился с расписанием караулов, но его имени в списке не нашел. Уклоняться ему вроде не от чего.— Здорово прихватило. Очень больно.

— Гм...— Я уже понял, в чем дело, и напустил на себя профессиональный вид. Несмотря на жару, кожа у него была влажная и холодная.— Ел недавно где-нибудь в городе, Кудрявый? — На его лысину спикировала муха и принялась разгуливать, словно завоеватель. Он этого даже не заметил.

— Да. Раза три-четыре.

— Гм...— Я намешал вонючую микстуру, похожую на молоко.— Выпей это. До дна.

После первого же глотка он скривился.

— Послушай, Костоправ, я...

Аромат микстуры пронял даже меня.

— Пей, приятель. Двоих я не сумел спасти, пока не отыскал это противоядие. Лодырь его выпил и остался жив.

Об этом все уже знали. Кудрявый выпил.

— Выходит, это яд? Проклятые Синие мне чего-то подмешали?

— Успокойся, ничего с тобой не случится.— Мне пришлось вскрыть Косоглазого и Дикого Брюса, чтобы узнать причину их смерти — хитро действующий яд.— Ложись-ка на кушетку, там будет прохладнее... если этот проклятый ветерок когда-нибудь подует. И лежи спокойно, пусть лекарство делает свое дело.

Я уложил его на кушетку.

— Расскажи мне, что ты ел в городе.

Я взял перо и склонился над прикрепленной к столу картой города. Лодыря и Дикого Брюса, пока тот был еще жив, я уже расспросил, а сержант из взвода покойного Косоглазого по моей просьбе выяснил, где бедняга накануне набивал брюхо. Я не сомневался, что яд парням подсыпали в одной из забегаловок рядом с Бастионом, куда частенько заходят солдаты. Показания Кудрявого совпали со словами его предшественников.

— Есть! Теперь эти сволочи у нас в руках.

— Кто? — выпалил Кудрявый. Ему не терпелось самому свести счеты.

— Отдыхай. А я схожу к Капитану.

Я похлопал его по плечу и заглянул в соседнюю комнату. Кроме Кудрявого, никто на утренней поверке не назвался больным.

Я выбрал длинную дорогу и пошел по Треянской стене, нависающей над городской гаванью. На полпути я остановился и посмотрел на север. Там, за молом, маяком и Крепостным Островом, простиралось Море Мук. Его тусклые серо-коричневые воды были усеяны разноцветными пятнышками каботажных доу, которые медленно ползли по невидимой паутине морских путей, соединяющих Самоцветные города. Воздух над морем был неподвижен, тяжел и затянут дымкой, горизонт не просматривался. Но у самой воды воздух не застаивался. Возле

острова всегда дует легкий бриз, хотя суши он избегает с таким упорством, словно боится подцепить над ней проказу. Неподалеку кружили чайки, такие же угрюмые и апатичные, какими наступающий день обещал сделать большинство людей.

Еще одно лето на службе у потного и мрачного синдика Берилла, которого мы защищаем от политических соперников и недисциплинированных местных солдат. Еще одно лето будем надрываться, получая в награду то, что получил Кудрявый. Платили нам хорошо, но работа нам претила, не трогала душу. Наши ушедшие собратья наверняка возмутились бы, увидев, до какого унижения мы дошли.

Берилл погряз в нищете, но в то же время это древний и загадочный город. Его история напоминает бездонный колодец, наполненный мутной водой. Я иногда развлекаюсь, шаря в его темных глубинах, и пытаюсь отделить факты от домыслов, легенд и мифов. Нелегкая задача, потому что ранние историки города писали с оглядкой на тогдашних его властителей.

Для меня самый интересный период — эпоха древнего королевства, хуже всего описанная в хрониках. Именно тогда, во времена правления Найама, в город пришли форвалаки, были побеждены после десятилетия ужасов и замурованы в склепе на Некропольском холме. Отголоски тех ужасов сохранились в фольклоре и предостережениях, которыми матери увещевают непослушных детей. Сейчас уже никто не помнит, что представляла собой форвалака.

Я зашагал дальше, понемногу зверея от жары. В затененных будках часовые стояли, обмотав шеи полотенцами.

Ветерок застал меня врасплох. Я обернулся к гавани. Мимо Крепостного Острова шел корабль — огромное неуклюжее чудовище, по сравнению с которым доу и фелюки казались карликами. Из центра полнобрюхого черного паруса выпирал серебряный череп, окаймленный мерцающим серебряным кругом. Глаза черепа светились красным, в щербатой пасти вспыхивали огоньки.

— Это еще что за чудо-юдо? — спросил часовой.

— Не знаю, Блондин.

Размер корабля поразил меня еще больше, чем парус. Четырем колдунам нашего Отряда вполне по силам сотворить

нечто столь же эффектное, но никогда прежде мне не приходилось видеть галеру с пятью рядами весел.

Я вспомнил о своих обязанностях.

Когда я постучал в дверь Капитана, тот не ответил. Я сам пригласил себя войти и увидел его храпящим на большом деревянном стуле.

— Тревога! — взревел я.— Пожар! Бунт в Стоне! Танцор ломится во Врата Рассвета!

Танцор — генерал, когда-то давно едва не уничтоживший Берилл. Люди до сих пор вздрагивают, услышав его имя.

Капитан и ухом не повел — даже не приподнял веки и не улыбнулся.

— Ты слишком нахален, Костоправ. И когда ты научишься соблюдать субординацию?

Намек на субординацию означал, что сперва мне полагалось потревожить Лейтенанта. Сон начальства священен, и прерывать его дозволено в исключительных случаях — например, если Синие начали штурм Бастиона.

Я рассказал про Кудрявого и показал карту. Капитан снял ноги со стола.

— Похоже, для Добряка есть работенка,— мрачно заключил он. Черный Отряд не прощает покушения на своих братьев.

Добряк — наш самый крутой командир взвода. Он решил, что дюжины человек вполне хватит, но разрешил мне и Молчуну отправиться с ними. Я мог заштопать раненых, а Молчун пригодился бы на тот случай, если Синие полезут в бутылку. Молчун задержал нас на полдня, отправившись на «короткую» прогулку в лес.

— Что это ты надумал? — поинтересовался я, когда он вернулся, волоча ветхий мешок.

Он лишь ухмыльнулся в ответ. Молчун — он и есть Молчун.

Таверна, куда мы направились, называлась «Крот» — уютная забегаловка, в которой я провел немало вечеров. Добряк отправил троих к задней двери и поставил по два человека у каждого из двух окон. Еще двое забрались на крышу. У каждо-

го здания в Берилле есть люк на крыше — люди спят там летом.

Остальные вошли в таверну через главный вход.

Добряк, парень невысокий и дерзкий, обожает драматические эффекты. Он наверняка жалел, что о его появлении не возвестили фанфары.

Посетители замерли, уставившись на наши щиты и обнаженные клинки и пытаясь разглядеть прикрытые забралами мрачные лица.

— Верус! — гаркнул Добряк.— А ну, волоки сюда свою задницу!

Появился патриарх семейства, владеющего таверной, и осторожно, бочком, словно болван, ожидающий пинка, стал приближаться. Посетители зароптали.

— Молчать! — загремел Добряк. Этот коротышка умел реветь не хуже медведя.

— Чем могу вам помочь, уважаемые господа? — спросил старик.

— Приведи сюда своих сыновей и внуков, Синий.

Заскрипели стулья. Какой-то солдат вонзил в столешницу нож.

— Сиди спокойно,— охладил его Добряк.— Пришел пообедать, вот и лопай. Через час мы всех отпустим.

Старик задрожал.

— Я ничего не понимаю, господин. Что мы такого сделали?

Добряк зловеще ухмыльнулся.

— Ловко прикидываешься. Это убийство, Верус. Тебе предъявляются обвинения в двух убийствах при помощи яда. И еще в двух покушениях на убийство тем же способом. Магистрат велел применить «наказание рабов».

Я никогда не испытывал симпатии к Добряку. Он так и остался гадким мальчишкой, обрывающим мухам крылышки.

«Наказание рабов» означает, что виновного сперва публично распинают, а затем оставляют на растерзание стервятникам. В Берилле только преступников хоронят без кремации — или вообще не хоронят.

Из кухни донесся шум драки. Кто-то пытался выскользнуть через задний выход, а наши ребята стали возражать.

Зал таверны словно взорвался, и нас захлестнула размахивающая кинжалами толпа.

Нас оттеснили ко входу. Те, кто был ни в чем не виновен, явно опасались, что их заметут за компанию. Правосудие в Берилле быстрое, грубое и суровое и редко предоставляет обвиняемому возможность оправдаться.

Один из наших упал — кто-то сумел ткнуть его кинжалом. Боец из меня неважный, но я без колебаний занял место павшего. Добряк процедил мне какую-то грубость, но я не разобрал слов.

— Вот ты и потерял шанс попасть на небеса,— отозвался я.— Теперь ты навсегда исключен из Анналов.

— Фигня. Я знаю, ты записываешь туда всё подряд.

Дюжина горожан уже валялась на полу. В углублениях пола скопились лужицы крови. На улице столпились зеваки. Скоро какой-нибудь искатель приключений нападет на нас сзади.

Добряка кольнули кинжалом, и он потерял терпение.

— Молчун!

Молчун уже трудился, но ведь он Молчун, а это означает: никаких звуков и почти никакого раздражения или гнева.

Посетители таверны начали отступать, награждая себя пощечинами и размахивая руками. Они подпрыгивали, приплясывали, хватались за спины и задницы, орали и жалобно вскрикивали. Некоторые даже свалились без сознания.

— Что ты сделал? — спросил я Молчуна.

Тот ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы, и провел рукой у меня перед глазами. Я увидел таверну словно в другой перспективе.

В мешке, который Молчун притащил с собой, было осиное гнездо — если вам здорово не повезет, можете наткнуться на такое в лесах южнее Берилла. Обитателями гнезда оказались смахивающие на шмелей чудовища, которых крестьяне называют лысыми шершнями. Характер у них настолько злобный, что в природе с ними не сравнится никто, и сейчас они быстро обрабатывали толпу в таверне, не трогая наших парней.

— Отличная работа, Молчун,— похвалил Добряк, отведя душу на парочке беспомощных посетителей, и повел толпу уцелевших на улицу.

Я склонился над нашим раненым, а другой солдат тем временем приканчивал раненых противников. «Экономим синдику расходы на суд и палача»,— называл это Добряк. Молчун наблюдал, все еще ухмыляясь. Он тоже не из сентиментальных, но редко действует сам, предпочитая наблюдать.

Пленников у нас оказалось больше, чем мы предполагали.

— Неслабая толпа,— подмигнул Добряк.— Спасибо, Молчун.

Цепочка пленников растянулась на целый квартал.

Судьба — переменчивая сука. Она привела нас в таверну «Крот» в критический момент. Пошарив там, наш колдун откопал настоящее сокровище — целую толпу, спрятавшуюся в укрытии рядом с винным погребом, а в их числе и самых известных Синих.

Добряк громко разглагольствовал о том, какую щедрую награду заслужил наш осведомитель. Его, разумеется, не существовало, и весь этот треп был предназначен для того, чтобы наши колдуны не стали главной мишенью для ответного удара. Пусть враги носятся как угорелые, отыскивая призрачных шпионов.

— А ну, двинулись! — приказал Добряк и, все еще ухмыляясь, обвел взглядом угрюмую толпу.— Или думаете, что у вас хватит духу рыпнуться? — Никто не шелохнулся. Его уверенное превосходство охладило даже самые горячие головы.

Процессия растянулась по лабиринту старинных улочек. Пленники брели молча, а я, не таясь, пялился по сторонам. Мои товарищи равнодушны к прошлому, но я не мог не поражаться — а иногда и пугаться — тому, насколько далеко в глубь веков тянется история Берилла.

Неожиданно Добряк велел остановиться. Мы вышли к проспекту Синдиков, который тянется от таможни до главных ворот Бастиона. По проспекту двигалась процессия, и, хотя мы подошли к перекрестку первыми, Добряк решил уступить дорогу.

Процессия состояла из сотни вооруженных воинов, выглядевших покруче любого отряда в Берилле, за исключением нас. Во главе ехал кто-то черный на огромном черном жеребце, ка-

кого мне еще видеть не доводилось. Всадник был мал ростом, женоподобно худ и затянут в потертую черную кожу. Черный капюшон полностью скрывал его лицо, а черные перчатки — руки. Оружия у него я не заметил.

— Будь я проклят,— прошептал Добряк.

Я встревожился. От вида всадника меня бросило в леденящую дрожь, а какое-то примитивное, скрытое внутри чувство побуждало броситься наутек. Но любопытство мучило меня еще сильнее. Кто он такой? Не на том ли странном корабле приплыл? Что ему здесь нужно?

Взгляд невидимых глаз всадника скользнул по нам равнодушно, словно по стаду овец. Потом он резко обернулся и уставился на Молчуна.

Тот выдержал этот взгляд, не показав страха. И все же у меня создалось впечатление, что его каким-то образом унизили.

Колонна проследовала мимо, плотная и дисциплинированная. Потрясенный Добряк, все еще не придя в себя, приказал двигаться дальше. Когда мы следом за чужаками вошли в ворота Бастиона, нас разделяло всего несколько ярдов.

Мы арестовали почти всех наиболее консервативных лидеров Синих. Когда молва о нашем рейде распространилась, те, что пошустрее, решили поразмять мускулы. Из брошенной ими искры разгорелось чудовищное пламя.

Погода, которая постоянно выводит людей из себя, скверно влияет на способность рассуждать здраво. Толпа в Берилле хуже дикарей. Бунты вспыхивают почти без причины. Когда доходит до крайностей, погибших считают тысячами. Этот бунт оказался одним из самых жестоких.

Половину вины за него следует возложить на армию. Вереница слабых, быстро сменяющих друг друга синдиков сильно расшатала дисциплину, и войска вышли из-под контроля. Хотя против бунтовщиков они, как правило, выступают, рассматривая приказ подавить бунт как лицензию на грабеж.

Случилось наихудшее. Несколько когорт из казарм у Развилки, прежде чем выйти наводить порядок, потребовали особой оплаты вперед. Синдик отказался платить.

Когорты взбунтовались.

Взвод Добряка торопливо закрепился возле Мусорных Врат и сдерживал все три когорты. Почти все наши погибли, но никто не побежал. Сам Добряк потерял глаз и палец, был ранен в плечо и бедро, а в его щите, когда подоспела подмога, насчитали более сотни дырок. Его принесли ко мне скорее мертвым, чем живым.

Кончилось все тем, что бунтовщики предпочли разбежаться, только бы не встретиться лицом к лицу с Черным Отрядом.

Такого жестокого бунта я не помнил. Пытаясь его подавить, мы потеряли почти сотню братьев. Но мы рассчитались сполна за каждого, устлав мостовые в Стоне ковром из трупов. Крысы в городе разжирели, а из пригородов на улицы перебрались стаи ворон и стервятников.

Капитан приказал Отряду укрыться в Бастионе.

— Пусть все заглохнет само,— сказал он с отвращением.— По контракту мы не обязаны совершать самоубийство.

Кто-то пошутил: мы, дескать, упали на собственные мечи.

— Кажется, синдик от нас этого и ждет.

Берилл угнетал наш дух, но больше всех иллюзий потерял Капитан. Он винил себя во всех наших потерях и даже попытался отказаться от командования.

Вошедшая во вкус толпа теперь все свои усилия направляла на поддержание хаоса, вмешиваясь в любые попытки тушить пожары или предотвращать грабежи, но ограничивалась пока только этим. Мятежные когорты, пополнившись дезертирами из других отрядов, систематически убивали и грабили.

На третью ночь, сдуру вызвавшись нести службу, я стоял в карауле на Треянской стене. Город был странно тих. Не будь я настолько усталым, я бы встревожился, но у меня хватало сил лишь на то, чтобы не заснуть.

Ко мне подошел Тамтам:

— Ты что тут делаешь, Костоправ?

— Дурака валяю.

— На тебе лица нет. Иди лучше отдохни.

— Да ты и сам не очень-то хорошо выглядишь, коротышка.

Он пожал плечами.

— Как там Добряк?

— Пока еще не выкарабкался.— Если откровенно, я почти не надеялся, что он выживет.— Не знаешь, что там такое?

Я показал пальцем в темноту. Издалека донесся одинокий вопль — какой-то странный, не похожий на те, что звучали недавно. Те были полны боли, ярости и страха, а этот насыщен чем-то жутким.

Тамтам покашлял и похмыкал, как он это делает на пару со своим братом Одноглазым. Если ты чего-то не знаешь, они сразу начинают прикидывать, не стоит ли оставить тебя в неведении. Колдуны!

— Ходят слухи, будто бунтовщики, когда грабили Некропольский холм, сбили печать на склепе форвалак,— буркнул он наконец.

— Что? И эти создания вырвались на волю?

— Синдик полагает, что да. Но Капитан не принял это известие всерьез.

Я тоже, хотя Тамтам выглядел встревоженным.

— А те парни, что заявились вчера в город, похоже, крутые.

— Неплохо бы их к нам завербовать,— печально произнес Тамтам. Он и Одноглазый служат в Отряде очень долго и собственными глазами наблюдали его упадок.

— Зачем они прибыли сюда?

Тамтам пожал плечами.

— Иди отдохни, Костоправ. Не изводи себя. Никому от твоей усталости не полегчает.

И он заковылял прочь, сразу затерявшись в джунглях своих размышлений.

Я приподнял бровь. А Тамтам сильно сдал за последнее время. Я вновь принялся наблюдать за пожарами и огоньками костров. В городе все еще было тревожно тихо. Глаза начали слипаться, огоньки затуманились. Тамтам прав — мне нужно выспаться.

Из мрака донесся еще один странный, полный безнадежности вопль. На сей раз ближе.

— Вставай, Костоправ.— Лейтенант разбудил меня не церемонясь.— Капитан зовет тебя в офицерскую столовую.

Я застонал. Я выругался. Я пригрозил сделать из него инвалида. Он улыбнулся, ущипнул нервный узел на моем локте и стянул меня с постели на пол.

— Да проснулся я, проснулся,— буркнул я, нашаривая сапоги.— А в чем дело-то?

Но Лейтенант уже ушел.

— Добряк оклемается, Костоправ? — спросил Капитан.

— Не думаю, но я видел чудеса и покрупнее.

Все офицеры и сержанты уже собрались.

— Вы все хотите знать, что же случилось,— начал Капитан.— Позавчерашний гость оказался заморским посланником. Он предложил союз. Военные ресурсы северян в обмен на поддержку флота Берилла. На мой взгляд, разумно. Но синдик заупрямился. Он все еще не пришел в себя после завоевания Опала. Я посоветовал ему быть более гибким. Если северяне окажутся злодеями, то согласие на союз с ними станет меньшим из зол. Лучше заключить союз, чем платить им дань. А наша проблема вот в чем — какую занять позицию, если посланник станет настаивать на своем.

— Если синдик прикажет драться с северянами, то нам следует отказаться? — уточнил Леденец.

— Возможно. Сражение с колдуном может погубить весь отряд.

Бам! Хлопнула распахнутая дверь. В столовую влетел невысокий, угрюмый и жилистый мужчина с огромным носом. Капитан вскочил и щелкнул каблуками:

— Синдик.

Гость шарахнул кулаками по столу:

— Вы приказали своим людям укрыться в Бастионе. Я плачу вам не за то, чтобы вы прятались, словно исхлестанные кнутом псы.

— А также не за то, чтобы мы приносили себя в жертву,— ответил Капитан тоном, каким дураку объясняют очевидное.— Мы телохранители, а не полиция. Поддерживать на улицах порядок — обязанность городских когорт.

Синдик был уставшим, испуганным, отчаявшимся, на грани срыва. Как и каждый из нас.

— Будьте разумны,— посоветовал Капитан.— Берилл уже миновал границу, из-за которой возврата нет. На улицах царит хаос. Любая попытка восстановить порядок обречена. Исправить ситуацию сейчас может только эпидемия.

Мне его слова понравились. Я уже начал ненавидеть Берилл.

Синдик продолжал гнуть свое:

— Остается еще форвалака. И этот стервятник с севера, что ждет возле Острова.

Полусонный Тамтам встрепенулся:

— Вы сказали, возле Острова?

— Да. Ждет, когда я к нему прибегу.

— Интересно.

Коротышка-колдун вновь прикрыл глаза.

Капитан и синдик сцепились в споре об условиях контракта. Я принес наш экземпляр документа. Синдик упорно пытался расширить круг наших обязательств всяческими «Да, но...» Нам стало ясно — он хочет, чтобы мы сражались на его стороне, если посланник станет настаивать на своем.

Ильмо захрапел. Капитан отпустил всех, а сам остался спорить с нашим нанимателем.

Полагаю, семь часов могут сойти за ночной сон, поэтому я не задушил Тамтама, когда тот меня разбудил. Но все же я ворчал и жаловался на судьбу до тех пор, пока он не пригрозил превратить меня в голодранца, просящего подаяние у Врат Рассвета. И лишь когда я оделся и мы с Тамтамом присоединились к дюжине других собратьев, до меня дошло, что я так и не знаю, куда мы направляемся.

— Идем заглянуть в склеп,— пояснил Тамтам.

— Чего? — Иногда по утрам я не очень сообразителен.

— Мы идем на Некропольский холм. Надо осмотреть склеп форвалак.

— Погоди-ка...

— Что, уже наложил в штаны? Я всегда считал, что у тебя, Костоправ, кишка тонка.

— О чем это ты?

— Да не дергайся. Рядом с тобой идут три классных колдуна, так что тебе останется только отдыхать и беречь свою задницу. Одноглазый тоже хотел пойти, да только Капитан велел ему присматривать дома за порядком.

— Я другое хочу узнать — зачем?

— Чтобы узнать, реальны ли эти вампиры. Может, это всего лишь туфта, запущенная в город с того корабля.

— Ловкий фокус. Может, нам самим следовало бы подумать о нем раньше? Угроза нарваться на форвалаку сделала то, на что оказалась не способна грубая сила: усмирила бунт.

Тамтам кивнул и провел пальцами по маленькому барабану, из-за которого получил свое прозвище. Я отметил про себя его задумчивость. Когда кому-то из них приходится признавать всяческие промахи и упущения, Тамтам еще упрямее своего брата.

Город был тих, как поле боя через пару дней после сражения, и в нем с избытком хватало вони, мух, стервятников и трупов. Тишину нарушали лишь топот наших сапог и скорбный вой печальной собаки, охраняющей мертвого хозяина.

— Цена порядка,— пробормотал я и безуспешно попытался отогнать собаку.

— Цена хаоса,— возразил Тамтам, стукнув по барабанчику.— А это, Костоправ, не одно и то же.

Некропольский холм выше холмов, на которых стоит Бастион. С Верхней Выгородки, где находятся мавзолеи богачей, я смог разглядеть корабль северян.

— Стоит и ждет,— сказал Тамтам.— Как синдик и говорил.

— Почему они не входят в гавань? Кто посмел бы их остановить?

Тамтам пожал плечами. Никто не предложил своей версии.

Мы подошли к знаменитому склепу. Внешне он честно отрабатывал свою роль в слухах и легендах — очень и очень старый, несомненно пораженный молнией, весь в шрамах от раз-

личных инструментов. Толстая дубовая дверь была взломана и приоткрыта, землю на десяток ярдов вокруг усеивали щепки и обломки.

Гоблин, Тамтам и Молчун соприкоснулись головами. Кто-то пошутил, что таким способом они объединяют свои мозги. Затем Гоблин и Молчун встали по обе стороны у входа, а Тамтам повернулся к нему лицом. Он потоптался, как бык, готовый броситься в атаку, отыскал подходящую точку перед дверью, затем присел, странно расставив приподнятые руки, словно пародируя мастера рукопашного боя.

— Может, откроете все-таки дверь, придурки? — прорычал он.— Идиоты. Кругом одни идиоты.— Бум-бум по барабанчику.— Стоят и ковыряют пальцем в носу.

Двое подошли и навалились на покореженную дверь. Та слишком перекосилась и подалась ненамного. Тамтам выбил короткую дробь на барабанчике, испустил душераздирающий вопль и прыгнул внутрь. Гоблин тут же подскочил к порталу следом за ним, а Молчун приблизился медленно.

Оказавшись внутри, Тамтам пискнул по-крысиному, зачихал и сразу выскочил обратно со слезящимися глазами, зажимая нос. Его эбеновая кожа стала серой.

— Это не трюк,— гнусаво бросил он, словно его одолел насморк.

— Ты о чем? — спросил я.

Он показал пальцем на склеп. Гоблин и Молчун были уже внутри и тоже чихали.

Я бочком подобрался к двери и заглянул в склеп, но увидел лишь густую пыль в столбе солнечного света возле входа. Тогда я вошел.

Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел повсюду кости. Кости в кучках, кости в стопках, аккуратно рассортированные каким-то безумцем. Странные это были кости — похожие на человеческие, но, на мой лекарский взгляд, каких-то зловещих пропорций. В склепе должны были находиться пятьдесят тел. В давние времена его и в самом деле набили под завязку. Телами форвалак, уж это точно, потому что в Берилле лишь преступников и злодеев хоронят без кремации.

Я увидел и свежие трупы. Прежде чем меня одолел чих, я насчитал семь мертвых солдат со знаками отличия одной из мятежных когорт.

Я выволок одного мертвеца наружу, бросил его, проковылял в сторону несколько шагов и вывернул желудок наизнанку. Когда мне полегчало, я вернулся и осмотрел свою добычу. Мои спутники опередили меня, и лица у них позеленели.

— Тут поработал не фантом,— подытожил Гоблин.

Тамтам согласно мотнул головой. Он был потрясен больше всех. «Даже больше, чем можно ожидать от такого зрелища»,— подумал я.

Молчун занялся делом и наколдовал ветерок, который ворвался в дверь мавзолея, покружился там и вылетел вместе с облаком пыли и запахом смерти.

— Ты в порядке? — спросил я Тамтама.

Он взглянул на мою лекарскую сумку и отмахнулся:

— В порядке. Я просто вспоминал.

Я подождал немного, потом уточнил:

— Что вспоминал?

— Мы с Одноглазым тогда были мальчишками. Нас только что продали в ученики Н'Гамо. Из деревни на холмах к нам прибежал вестник и попросил осмотреть мертвеца.— Он опустился на колени рядом с мертвым солдатом.— Раны были точно такие же.

Мне стало не по себе. Никто из людей так не убивает, а это тело терзали сознательно и расчетливо. Тут поработал какой-то злобный разум, и это лишь подчеркивало ужас произошедшего.

Я сглотнул, присел рядом с ним и начал осмотр. Молчун и Гоблин вошли в склеп. В ладонях у Гоблина перекатывался янтарный шарик света.

— Раны не кровоточили,— заметил я.

— Форвалака забирает кровь,— пояснил Тамтам. Молчун выволок второй труп.— И органы, когда есть время.

Второе тело было вскрыто от паха до горла. Сердца и печени в нем не оказалось.

Молчун вошел в склеп. Гоблин вышел, уселся на разбитый могильный камень и покачал головой.

— Ну что? — спросил Тамтам.

— Реальное существо, никаких сомнений. Это не фокусы нашего приятеля.— Он показал пальцем на корабль северян, дрейфующий среди стаек рыбацких лодок и каботажников.— В склепе их сперва было пятьдесят четыре. Они сожрали друг друга. Осталась только одна форвалака.

Тамтам подпрыгнул, словно его хлестнули.

— Что с тобой? — спросил я.

— Это значит, что осталась самая злобная, коварная, жестокая и безумная из всех.

— Вампиры,— пробормотал я.— В наши-то дни...

— Это не совсем вампир,— уточнил Тамтам.— Это леопард-оборотень. Человек-леопард, который днем ходит на двух ногах, а ночью на четырех.

Я слыхал о волках-оборотнях и медведях-оборотнях. Крестьяне, жившие в окрестностях моего родного города, рассказывали про них всякие истории. Но о человеке-леопарде они никогда не упоминали. Я сказал об этом Тамтаму.

— Люди-леопарды водились далеко на юге. В джунглях.— Он взглянул на море.— Их полагалось закапывать в могилу живьем.

Молчун притащил еще один труп.

Леопарды-оборотни, пьющие кровь и пожирающие печень. Очень древние, зловещие существа, в которых тысячелетиями копились ненависть и голод. Подходящий материал для кошмарных снов.

— Вы можете с ней справиться?

— Н'Гамо не смог. Я никогда с ним не сравняюсь, а он потерял руку и ногу, пытаясь уничтожить молодого самца. А у нас здесь старая самка. Злобная, жестокая и умная. Все вчетвером мы еще сможем ее сдержать. А одолеть... Нет.

— Но если вы с Одноглазым все про них знаете...

— Нет.— Тамтама затрясло. Он стиснул барабанчик с такой силой, что тот заскрипел.— Не сможем.

Хаос умер. На улицах Берилла воцарилась мертвая тишина, как в захваченном городе. Даже мятежники прятались по щелям и норам, пока голод не выгонял их к городским зернохранилищам.

Синдик попытался надавить на Капитана, но тот его игнорировал. Молчун, Гоблин и Одноглазый следили за монстром. Существо действовало на чисто животном уровне, утоляя вековой голод. Синдика осаждали всевозможные делегации, требуя защиты.

Лейтенант вновь созвал нас в офицерскую столовую. Капитан сразу взял быка за рога.

— Мы в паршивой ситуации,— начал он, расхаживая взад и вперед.— Берилл требует нового синдика. Каждая из заинтересованных сторон просит Черный Отряд не вмешиваться.

Возникла очевидная моральная дилемма.

— Мы не герои,— продолжил Капитан.— Мы сильны. Мы упрямы. Мы стараемся соблюдать условия контракта. Но мы не умираем за проигравших.

Я возразил, подняв голос традиций против его невысказанного предложения.

— Мы сейчас обсуждаем вопрос о выживании отряда, Костоправ.

— Но мы взяли золото, Капитан. И речь идет о нашей чести. Вот уже четыре столетия Отряд соблюдает букву заключенных контрактов. Вспомните Книгу Сета, записанную летописцем Кораллом, когда Отряд служил архонту Кости во времена Восстания хилиархов.

— Вот ты ее и вспоминай, Костоправ.

— Как свободный солдат я настаиваю на своем праве говорить,— раздраженно заявил я.

— У него есть право говорить,— согласился Лейтенант, еще больший приверженец традиций, чем я сам.

— Хорошо. Пусть себе болтает. Мы не обязаны его слушать.

Я начал вслух вспоминать самый мрачный эпизод в истории Отряда... пока не понял, что спорю сам с собой. Я уже наполовину склонился к предательству.

— Ты закончил, Костоправ?

Я сглотнул.

— Отыщите законную лазейку — и я с вами.

Тамтам насмешливо отбил дробь на барабанчике. Одноглазый усмехнулся:

— Это работа для Гоблина, Костоправ. Он был законником, пока не сделал карьеру и не стал сводником.

Гоблин проглотил наживку:

— *Я* был законником? Да твоя мать была у законника...

— Хватит! — Капитан ударил по столу.— У нас есть согласие Костоправа. Так что валяйте — ищите оправдание.

Все с облегчением вздохнули, даже Лейтенант. Мое мнение как отрядного летописца оказалось более весомым, чем мне хотелось бы.

— Самый очевидный выход — ликвидация человека, перед которым у нас есть обязательства,— заметил я. Мои слова повисли в воздухе, как отвратительный застоявшийся запах. Как смрад в склепе форвалак.— Мы понесли большие потери. Кто посмеет нас обвинить, если убийца сумеет проскользнуть в Бастион?

— Тебе в голову иногда приходят отвратительные идеи, Костоправ,— бросил Тамтам и снова постучал для меня на барабанчике.

— Яйца вздумали кур учить? Мы сохраним хотя бы видимость чести. Отряд уже *терпел* поражения. И не так уж редко.

— Мне это нравится,— сказал Капитан.— Давайте заканчивать, пока синдик не приперся узнать, что здесь происходит. А ты, Тамтам, останься. У меня для тебя есть работенка.

Это была ночь воплей. Душная, липкая ночь из тех, что рушат последний барьер между цивилизованным человеком и затаившимся в его душе монстром. Вопли доносились из домов, где страх, жара и теснота слишком сильно натягивали сдерживающую монстра цепь.

Прохладный ветер с ревом пронесся над заливом, преследуемый массивными грозовыми облаками, на макушках которых поигрывали молнии. Ветер смел вонь Берилла, а ливень промыл улицы. Утром Берилл выглядел совсем другим — тихим, прохладным и чистым.

Когда мы шагали к побережью, на улицах еще поблескивали лужи, а в канавах журчала вода. К полудню воздух вновь станет свинцовым и влажным пуще прежнего.

Тамтам поджидал нас возле нанятой лодки.

— Сколько ты заработал на этой сделке? — спросил я.— Похоже, это корыто потонет раньше, чем доберется до Острова.

— Ни единого медяка, Костоправ,— разочарованно ответил Тамтам. Они с братом мелкие жулики и известные деятели черного рынка.— Ни единого. А эта лодка куда лучше, чем выглядит. Ее хозяин контрабандист.

— Придется поверить на слово. Тебе лучше знать.

Тем не менее я залез в лодку с осторожностью. Тамтам нахмурился. Нам полагалось притворяться, будто мы ничего не знаем о жадности братцев.

Мы вышли в море для заключения сделки. Капитан предоставил Тамтаму полную свободу действий, а нам с Лейтенантом было поручено быстро дать ему пинка, если он увлечется. Для вида нас сопровождали Молчун и полдюжины солдат.

Возле Острова нас окликнули с таможенного баркаса, но мы оторвались от него раньше, чем он успел зайти нам наперерез. Я присел и заглянул под плавучий бон. Черный корабль на глазах становился все больше и больше.

— Эта проклятая штука похожа на плавающий остров.

— Уж слишком большой,— проворчал Лейтенант.— Корабль такого размера просто развалится в бурном море.

— Почему? Тебе-то откуда знать? — Даже напуганный, я интересовался всем, что касалось моих братьев по Отряду.

— В молодости я плавал юнгой и кое-что узнал о кораблях.

Его тон не подвигнул меня на дальнейшие расспросы. Большинство из нас желает сохранить воспоминания при себе. Чего еще ждать в отряде головорезов, которых удерживает вместе настоящее и память о том, как они вместе сражались против всего мира.

— Не слишком он и велик, если скреплен колдовством,— возразил Тамтам. У него тряслись поджилки, и он отстукивал на барабанчике нервные бессвязные ритмы. Они с Одноглазым ненавидели воду.

Час от часу не легче. Таинственный чародей с севера. Корабль, черный, как круги ада. Мои нервы начали сдавать.

Моряки сбросили нам лестницу. Лейтенант поднялся на палубу. Кажется, корабль произвел на него впечатление.

Я не моряк, но и мне он показался ухоженным, а экипаж — дисциплинированным.

Младший офицер попросил Тамтама, Молчуна и меня следовать за ним и молча повел нас по трапам и коридорам на корму.

Посланник с севера сидел скрестив ноги среди роскошных подушек в каюте с открытыми иллюминаторами, достойной восточного монарха. Я разинул рот. Тамтам почернел от зависти. Посланник рассмеялся.

Меня потряс его смех — писклявое хихиканье, более подходящее какой-нибудь пятнадцатилетней красотке из таверны, чем человеку, который могущественнее любого короля.

— Извините,— произнес посланник, изысканным жестом поднося руку к невидимому под черным капюшоном рту, и добавил: — Садитесь.

Мои глаза невольно расширились от удивления. Каждое из слов он произносил другим голосом. У него под капюшоном что, целая толпа?

Тамтам судорожно вздохнул. Молчун, будучи Молчуном, просто уселся. Я последовал его примеру и постарался как можно тщательнее скрыть испуг и любопытство во взгляде.

Тамтам в тот день явно не был королем дипломатов и поэтому с ходу ляпнул:

— Синдик долго не продержится. Мы хотим заключить соглашение...

Молчун ткнул его пальцем в бедро.

— И это наш знаменитый король воров? — пробормотал я.— Человек с железными нервами?

Посланник усмехнулся:

— Ты, Костоправ, лекарь? Извини его. Он меня знает.

Холодный, леденящий страх обнял меня своими черными крыльями. Виски стали влажными, но не от жары — через иллюминаторы веял прохладный бриз, ради которого жители Берилла способны убить.

— Не стоит меня бояться. Меня послали предложить союз, выгодный как Бериллу, так и моим людям. Я все еще убежден, что согласия можно достичь — хотя и не с нынешним самодержцем. Перед вами стоит проблема, требующая такого же решения, как и моя, но вас связывает контракт.

— Он знает все. Нет смысла говорить,— прохрипел Тамтам и постучал по барабанчику, но на сей раз фетиш не принес ему облегчения.

— Синдик уязвим,— заметил посланник.— Даже под вашей охраной.— Он взглянул на меня. Я пожал плечами.— Допустим, синдик скончается, когда ваш отряд будет защищать Бастион от толпы.

— Идеальный вариант,— согласился я.— Но в нем не учтен вопрос нашей дальнейшей безопасности.

— Вы отгоняете толпу, потом обнаруживаете, что синдик мертв. Отряд остается без работы и покидает Берилл.

— И куда же мы пойдем? Как отобьемся от врагов? Нас будут преследовать городские когорты.

— Передайте Капитану, что если после кончины синдика я получу письменную просьбу стать посредником между вами и новым синдиком, то мои люди сменят вас в Бастионе. А вам нужно будет покинуть Берилл и разбить лагерь на Столпе Скорбей.

Столп Скорбей — дальняя оконечность мелового мыса, пронизанного бесчисленными пещерками. Он наконечником стрелы вонзается в море на расстоянии дневного перехода к востоку от Берилла. Там стоит маяк, он же сторожевая башня, названный так из-за стонов, которые производит ветер, задувая в пещерки.

— Но мы окажемся в смертельной ловушке! Эти педики перекроют нам выход и станут посмеиваться, пока мы будем жрать друг друга.

— Нет ничего проще, чем выслать лодки и забрать вас оттуда.

Динь-динь. Возле моего уха звякнул колокольчик тревоги. Сукин сын втягивает нас в какую-то свою игру.

— А вам-то какое до нас дело?

— Ваш отряд останется без работы. А я предложу вам контракт. На севере нужны хорошие солдаты.

Динь-динь. Колокольчик не умолкал. Он хочет забрать нас с собой. Для чего?

Что-то подсказало мне, что сейчас не лучший момент для расспросов. Я решил сменить тему.

— А как быть с форвалакой?

— С тварью из склепа? — спросил посланник мурлыкающим голосом женщины, предлагающей не стесняться.— У меня и для нее может найтись работа.

— Вы сумеете с ней справиться?

— Однажды она уже сослужила мне службу.

Я подумал о молнии, уничтожившей запирающее заклинание на табличке, которую тысячу лет ничто не могло повредить. Я был уверен, что подозрение не отразилось на моем лице, но посланник усмехнулся:

— Может быть, лекарь. А может, и нет. Интересная загадка, верно? Возвращайтесь к своему капитану и принимайте решение. Но быстро. Ваши враги уже готовы сделать первый ход.

И он жестом отпустил нас.

— Твое дело — доставить сумку! — рявкнул Капитан на Леденца.— А затем притащить свою задницу обратно.

Леденец взял курьерскую сумку и вышел.

— Есть еще желающие поспорить? У вас, сволочей, уже был шанс от меня избавиться. Вы его прошляпили.

Обстановка накалилась. Капитан, получив от посланника предложение о посредничестве в случае смерти синдика, сделал ему встречное предложение, с которым Леденец и отправился на корабль.

— Ты не ведаешь, что творишь,— пробормотал Тамтам.— Не знаешь, с кем связался.

— Так просвети меня. Не хочешь? Костоправ, что творится в городе?

Меня посылали в город на разведку.

— Это чума, сомнений нет. Но такой чумы мне еще видеть не доводилось. Должно быть, ее вектор — форвалака.

Капитан недоуменно прищурился.

— Врачебная тарабарщина,— пояснил я.— Вектор — это переносчик. Очаги чумы вспыхивают в тех местах, где убивала форвалака.

— Тамтам?! — прорычал Капитан.— Ты эту зверюгу знаешь?

— Никогда не слышал, чтобы они распространяли болезни. К тому же все, кто входил в склеп, до сих пор здоровы.

— Переносчик, в сущности, не важен,— вставил я.— Сама чума гораздо важнее. Если умерших не начнут сжигать, станет намного хуже.

— В Бастион она не проникла,— заметил Капитан.— К тому же от чумы есть и польза — солдаты из его гарнизона перестали дезертировать.

— Я заметил, что в Стоне растет напряженность. Район на грани нового взрыва.

— Как скоро?

— Дня два. От силы три.

Капитан пожевал губу. Кольцо обстоятельств смыкалось все теснее.

— Нам нужно...

К нам ворвался трибун из местного гарнизона:

— У ворот собралась толпа. У них есть таран.

— Пошли,— сказал Капитан.

Мы рассеяли их за считанные минуты — хватило десятка стрел и пары котлов с кипятком, чтобы они убрались прочь, осыпая нас проклятиями и оскорблениями.

Наступила ночь. Я стоял на стене, наблюдая за бродящими по городу пятнышками далеких факелов. Толпа эволюционировала, у нее развилась нервная система. Если появятся еще и мозги, то мы попадем в капкан революции.

Постепенно факелов стало меньше. Сегодня ночью взрыва не произойдет. Возможно, завтра — если жара и влажность станут невыносимыми.

Чуть позднее я услышал справа царапанье. Затем постукивание. Опять царапанье — еле слышное, но четкое и приближающееся. Меня обуял ужас. Я замер, как горгульи над воротами Бастиона. Ветерок превратился в арктический ураган.

По крепостной стене шло *нечто*. Красные глаза. Четыре ноги. Темное, как ночь. Черный леопард. Плавность его движений напоминала струящуюся воду. Он спустился по лестнице во двор и исчез.

Живущей у меня в спинном мозге обезьяне захотелось с визгом вскарабкаться на высокое дерево и швыряться оттуда

дерьмом и гнилыми фруктами. Я подбежал к ближайшей двери, добрался безопасным путем до комнаты Капитана и вошел без стука.

Командир лежал на койке, заложив руки за голову и глядя в потолок. Комнату освещала единственная хилая свечка.

— Форвалака в Бастионе,— выдавил я от волнения писклявo, как Гоблин.— Я сам видел, как она перебралась через стену.

Капитан что-то буркнул.

— Ты меня слышал?

— Слышал, Костоправ. Уходи. Оставь меня в покое.

— Хорошо.

Вот как. Это и его гложет. Я попятился к двери...

Вопль был долгим, громким и безнадежным, оборвался внезапно. Он доносился из апартаментов синдика. Я выхватил меч, выбежал в коридор... и налетел на Леденца. Тот свалился, а я смотрел на него и молча гадал, почему он так быстро вернулся.

— Вернись, Костоправ,— приказал Капитан.— Или ты хочешь погибнуть?

Послышались новые вопли. Смерть косила, не выбирая.

Я затащил Леденца в комнату Капитана, потом мы заперли дверь и перегородили ее брусом. Я прислонился к ней спиной и стоял с закрытыми глазами, тяжело дыша. Возможно, мне лишь показалось, но я услышал, как кто-то зарычал, проходя мимо.

— И что теперь? — спросил Леденец. Лицо у него стало совсем белым, а руки тряслись.

Капитан дописал письмо и протянул его Леденцу:

— Теперь возвращайся.

Кто-то замолотил кулаками в дверь.

— Что такое? — рявкнул Капитан.

Из-за толстой двери глухо забубнил чей-то голос.

— Это Одноглазый,— сказал я.

— Открой ему.

Я распахнул дверь, в нее протолкались Одноглазый, Тамтам, Гоблин, Молчун и дюжина других. В комнате стало жарко и тесно.

— Капитан, человек-леопард пробрался в Бастион,— сообщил Тамтам, забыв даже постучать в висящий у бедра барабанчик.

Еще один вопль из апартаментов синдика. Мое воображение не на шутку разыгралось.

— Что нам теперь делать? — спросил Одноглазый — морщинистый чернокожий коротышка не выше своего брата, склонный к эксцентричным шуткам. Он на год старше Тамтама, но в их возрасте один год не в счет — если верить Анналам, каждому уже перевалило за сотню. Он был испуган, а Тамтам на грани истерики. Гоблин и Молчун тоже были потрясены.— Оборотень прикончит нас всех по очереди.

— Его можно убить?

— Они почти неуязвимы, Капитан.

— Но их можно убить? — повторил Капитан с металлом в голосе. Он тоже испугался.

— Да,— признался Одноглазый. Выглядел он чуточку меньше испуганным, чем брат.— Неуязвимых не существует. Даже существо с черного корабля можно убить. Но оборотень силен, быстр и хитер. Оружие против него почти бессильно. Колдовство лучше, но даже от него мало толку.— Никогда прежде я не слышал, как он расписывался в собственном бессилии.

— Мы уже достаточно много болтали,— прорычал Капитан.— Теперь начинаем действовать.— Намерения нашего командира обычно трудно предугадать, но сейчас они были очевидны. Его ярость и отчаяние — ситуация, в которой мы очутились, казалась невозможной — сосредоточились на форвалаке.

Тамтам и Одноглазый принялись страстно протестовать.

— Вы наверняка размышляли над этим с того дня, когда узнали, что зверюга сбежала,— заявил Капитан.— И решили, что следует сделать, если вам придется действовать. Вот и сделайте это.

Еще один вопль.

— Похоже, Бумажная Башня превратилась в бойню,— пробормотал я.— Оборотень приканчивает там всех подряд.

На мгновение мне показалось, что даже Молчун начнет протестовать.

— Фитиль, собери людей,— приказал Капитан, вооружаясь.— Перекрой все входы в Бумажную Башню. Ильмо, отбери несколько хороших алебардщиков и арбалетчиков. Стрелы смазать ядом.

Быстро пролетели двадцать минут. Я потерял счет воплям и вообще позабыл обо всем; мною владели только нарастающая тревога и назойливый вопрос: почему форвалака забралась в Бастион? Почему она так упорно охотится? Ее направляет нечто большее, чем голод.

Посланник намекнул, что форвалака может ему пригодиться. Для чего? Для этого? В своем ли мы уме, связавшись с тем, кто способен на такое?

Четыре наших колдуна совместно сотворили нечто магическое и защитное, и теперь это нечто с потрескиванием двигалось впереди. Сам воздух выбрасывал голубые искры. Впереди шли солдаты с алебардами, их прикрывали арбалетчики. Еще десяток солдат, в том числе и мы, вошли следом за ними в штаб синдика.

Напряжение резко спало. Вестибюль Бумажной Башни выглядел обычно.

— Оборотень наверху, — подсказал Одноглазый.

Капитан обернулся:

— Фитиль, заводи своих людей внутрь.

Он намеревался двигаться вперед, осматривая комнату за комнатой и запирая все выходы, оставив лишь единственный путь к отступлению. Одноглазый и Тамтам не одобрили такой план, заявив, что форвалака станет еще опаснее, если ее загнать в угол. Нас окружала зловещая тишина. Вот уже несколько минут не раздавалось ни одного вопля.

Первую жертву мы обнаружили у основания лестницы, ведущей собственно в Башню.

— Один из наших,— буркнул я. Синдик всегда окружал себя взводом из Отряда.— Спальные помещения наверху? — Я никогда не был в Бумажной Башне.

Капитан кивнул:

— Один этаж — кухня, выше кладовые, два этажа помещений для слуг, затем семья и наконец сам синдик. На самом верху библиотека и канцелярии. Синдику хотелось, чтобы до него было трудно добраться.

— Не совсем так, как с трупами у склепа,— сказал я, осмотрев тело.— Форвалака не польстилась на кровь и органы. Почему, Тамтам?

Тот промолчал. Одноглазый тоже. Капитан вгляделся в полумрак над лестницей.

— Теперь всем быть начеку. Алебардщики, двигаться медленно, шаг за шагом. Оружие опустить и направить вперед. Арбалетчикам держаться на пять-шесть шагов сзади. Стрелять во все, что движется. Всем обнажить мечи. Одноглазый, гони свое заклинание вперед.

Потрескивание. Осторожный шаг, еще шаг. Запах страха. Дзинь! Кто-то случайно выстрелил из арбалета. Капитан сплюнул и рыкнул, как рассерженный вулкан.

Этаж с помещениями для слуг. Забрызганные кровью стены. Повсюду среди искореженной и сломанной мебели валяются тела и куски тел. Парни в Отряде закаленные, но подобное зрелище потрясло даже самых крепких. Включая меня, а уж я, как лекарь, насмотрелся на всякое, что поступало с поля боя.

— Капитан, я приведу остальных на подмогу,— решительно произнес Лейтенант. По его тону было ясно, что возражений он слышать не желает. Капитан лишь кивнул.

Зрелище кровавой бойни оказало неожиданное действие. Страх немного ослабел. Большинство из нас решили, что зверя нужно уничтожить.

Наверху прозвучал вопль — словно брошенная нам насмешка, побуждающая идти дальше. Глаза у людей стали суровыми. Воины двинулись вверх по лестнице. Потрескивал воздух — перед ними поднималось защитное заклинание. Тамтам и Одноглазый с трудом преодолевали страх. Смертельная охота началась всерьез.

Стервятник прогнал орла, гнездящегося на вершине Бумажной Башни, что воистину стало знамением конца. За жизнь нашего нанимателя я сейчас не дал бы и гроша.

Мы поднялись на пять этажей. Кровавые доказательства не оставляли сомнений в том, что форвалака побывала на каждом...

Тамтам взмахнул рукой, указывая. Форвалака где-то рядом. Алебардщики опустились на колено, направив оружие впе-

ред. Арбалетчики прицелились в тени по углам. Тамтам выждал полминуты, вместе с Одноглазым, Молчуном и Гоблином напряженно решая некую проблему, о которой мы все могли лишь догадываться, потом бросил:

— Она ждет. Будьте осторожны. Не оставляйте ей прохода.

Я задал глупый вопрос, любой ответ на который прозвучал бы запоздало:

— А не следовало ли нам воспользоваться серебряным оружием? Сделать серебряные наконечники у стрел и взять такие же мечи?

Вопрос поставил Тамтама в тупик.

— Там, откуда я родом,— пояснил я,— крестьяне говорят, что оборотня нужно убивать серебром.

— Чушь. Их убивают так же, как и кого угодно. Только двигаться надо быстрее, а удар наносить сильнее, потому что у тебя будет только один шанс его поразить.

Чем дольше он говорил, тем менее жутким казалось зловещее существо — словно мы охотимся на бродячего льва. Из-за чего тогда вся эта суматоха?

И тут я вспомнил об этаже, где жили слуги.

— Всем стоять наготове,— велел Тамтам.— И тихо. Мы попробуем разведать, что впереди.

Колдуны сблизили головы. Через некоторое время Тамтам подал знак двигаться дальше.

Мы вышли на лестничную площадку и тесно сомкнули ряды, превратившись в дикобраза со стальными иглами. Колдуны двинули вперед заклинание. Из полумрака впереди донесся злобный рев, затем царапанье когтей. Что-то мелькнуло. Дзинькнули арбалеты. Снова рев, почти насмешливый. Колдуны вновь соприкоснулись головами. Этажом ниже у основания лестницы Лейтенант расставлял людей, отрезая форвалаке путь к бегству.

Мы двинулись в темноту. Напряженность нарастала. Ноги спотыкались о тела и предательски скользили по мокрому от крови полу. Солдаты торопливо запирали боковые двери. Отряд медленно забирался все дальше в канцелярию синдика. Арбалетчики дважды стреляли, заметив какое-то движение.

Форвалака взвыла всего в двадцати футах от нас. Тамтам то ли выдохнул, то ли простонал.

— Попалась,— произнес он, имея в виду, что заклинание коснулось форвалаки.

Двадцать футов. Совсем рядом с нами, но я ничего не видел... Что-то шевельнулось. Мелькнули стрелы, вскрикнул человек...

— Проклятье,— ругнулся Капитан.— Здесь еще оставался кто-то живой.

Что-то черное, как полночь, и быстрое, словно внезапная смерть, мелькнуло над алебардами. Я успел лишь подумать: «Быстро!», прежде чем оборотень приземлился среди нас. Вопящих солдат расшвыряло в стороны под ноги стоящим с краю. Чудовище ревело и рычало, работая клыками и когтями настолько быстро, что глаза не успевали отслеживать движения. Мне, кажется, удалось задеть сгусток тьмы мечом, но тут же мощный удар отшвырнул меня на десяток футов.

Кое-как поднявшись, я прислонился спиной к колонне. Я был уверен, что умру и что зверюга прикончит нас всех. Только тщеславные глупцы могут думать, будто способны с ней справиться. Прошло всего несколько секунд, а пятеро или шестеро уже мертвы, а вдвое больше — ранены. Форвалака же целехонька, даже не замедлила движения. Ни оружие, ни чары не причинили ей вреда.

Колдуны стояли тесной группкой и пытались напустить на оборотня новые чары. Кучка уцелевшись сгрудилась вокруг Капитана. Остальные рассеялись, и монстр молниеносными движениями приканчивал солдат по одному.

Воздух пронзил сгусток серого пламени, на мгновение ярко осветив все помещение и навеки запечатлев на сетчатке моих глаз сцену кровавой резни. Форвалака взвыла, на сей раз от настоящей боли. Очко в пользу колдунов.

Она бросилась в мою сторону. Я в панике рубанул ее, когда она мелькнула рядом, и промахнулся. Оборотень развернулся и бросился на колдунов, которые встретили ее новой порцией пламени. Форвалака завизжала, тут же пронзительно закричал человек. Зверь умирающей змеей корчился на полу, его принялись колоть пиками и мечами, но он сумел подняться и бросился к выходу, который мы оставили для себя.

— Она идет! — гаркнул Капитан Лейтенанту.

Я обессиленно присел, испытывая невыразимое облегчение. Форвалака ушла... Но не успела моя задница коснуться пола, как меня рывком поднял Одноглазый:

— Пошли, Костоправ. Она ранила Тамтама. Надо помочь.

Пошатываясь, я поднялся и внезапно заметил резаную рану на ноге.

— Надо будет прочистить,— пробормотал я.— Коготки-то у нее наверняка грязные.

Вид у Тамтама был ужасен: горло разорвано, живот распорот, а мышцы на руках и на груди сорваны до костей. Как ни поразительно, он все еще был жив, но сделать для него я уже ничего не мог. Ни я, ни любой другой врач. Даже опытнейший колдун-целитель не сумел бы спасти чернокожего коротышку. Но Одноглазый настаивал, чтобы я попробовал, и я пробовал до тех пор, пока Капитан не оттащил меня, чтобы облегчить страдания не столь очевидных кандидатов в покойники.

Когда я уходил вместе с Капитаном, Одноглазый матюгался ему в спину.

— Мне нужно больше света! — приказал я.

Капитан тем временем собрал уцелевших и велел им перекрыть вход на этаж.

Когда принесли факелы и вокруг посветлело, степень нашего разгрома стала очевидной. Мы потеряли каждого десятого. Более того, еще двенадцать братьев, стоявших здесь на страже до нашего прихода, тоже лежали мертвыми, а среди них — такое же количество секретарей и советников синдика.

— Кто-нибудь видел синдика? — громко спросил Капитан.— Он должен быть здесь.

Прихватив Ильмо и Фитиля, он начал поиски, но у меня не было возможности следить за их ходом — я накладывал повязки и работал иглой как сумасшедший, призвав на помощь всех, кого смог. Когти форвалаки оставляли глубокие раны, которые следовало зашивать осторожно и умело.

Гоблин и Молчун каким-то образом сумели успокоить Одноглазого настолько, что он тоже стал мне помогать. Может быть, они его как-то обработали, потому что он действовал, едва сознавая, что делает.

Когда у меня появилась возможность, я еще раз осмотрел Тамтама. Он был все еще *жив* и стискивал свой барабанчик. Проклятье! Такое упрямство требовало вознаграждения. Но как это сделать? У меня попросту не хватало для этого опыта.

— Эй, Капитан! — крикнул Фитиль.

Я взглянул в его сторону и увидел, что он постукивает мечом по каменному сундуку, какие любят держать дома местные богачи. Этот сундук весил, по моим прикидкам, фунтов пятьсот. Его стенки украшала тонкая резьба, ныне почти вся уничтоженная. Уж не когтями ли?

Ильмо сбил замок и откинул крышку. Я разглядел дрожащего от страха человека, лежащего на куче золота и драгоценностей и прикрывающего голову руками. Ильмо и Капитан обменялись мрачными взглядами.

Меня отвлекло появление Лейтенанта. Он со своими людьми охранял основание лестницы и встревожился оттого, что стало слишком тихо. Форвалака пока что не спускалась вниз.

— Обыщите башню,— велел ему Капитан.— Возможно, она поднялась наверх.— Над нами было еще несколько этажей.

Когда я в следующий раз посмотрел на сундук, он был опять закрыт. Нашего нанимателя никто не видел. На крышке сундука сидел Фитиль и чистил под ногтями кинжалом. Я пригляделся к Капитану и Ильмо. Что-то в их поведении показалось мне чуточку странным.

Они не стали бы выполнять за форвалаку ее работу, верно? Конечно, нет. Капитан не смог бы предать таким образом идеалы Отряда. Или смог бы?

Я не стал спрашивать.

Поиски в башне выявили лишь кровавый след, ведущий наверх, где форвалака укрывалась, набираясь сил. Она была тяжело ранена, но сумела сбежать, спустившись по наружной стене башни.

Кто-то предложил выследить ее и добить, на что Капитан ответил:

— Мы уходим из Берилла. Больше мы никому не служим. Нам надо уйти, пока город не обратился против нас.

Он отправил Фитиля и Ильмо приглядывать за местным гарнизоном, а остальным велел эвакуировать раненых из Бумажной Башни.

На несколько минут я оказался предоставлен сам себе. Я долго разглядывал большой каменный сундук. Искушение все нарастало, но я сдержался. Я не хотел этого знать.

Когда возбуждение улеглось, явился Леденец с вестью о том, что посланец высаживает своих солдат на пирсе.

Наши люди уже паковали пожитки и грузили их в фургоны. Одни вполголоса обсуждали события в Бумажной Башне, другие ругались из-за того, что приходится уходить. Стоит где-нибудь задержаться, сразу начинаешь пускать корни. Копится всякое барахло. Потом находишь себе женщину. Затем случается неизбежное и приходится со всем расставаться. Сегодня всем в казарме было несладко.

Когда пришли северяне, я стоял у ворот и помог часовым вертеть кабестан, поднимавший решетку. Особой гордости я не испытывал. Без моего одобрения синдика, возможно, и не предали бы.

Посланник занял Бастион, Отряд начал эвакуацию. Шел уже третий час ночи, и улицы были пустынны.

Когда мы прошагали две трети пути до Врат Рассвета, Капитан приказал остановиться. Сержанты собрали всех способных сражаться, остальных отправили дальше сопровождать фургоны.

Капитан повел нас на север по Проспекту Древней Империи, где императоры Берилла увековечивали себя и свои триумфы. Многие монументы были весьма странными и установлены в честь любимых лошадей, гладиаторов или любовников обоих полов.

Скверные предчувствия зародились у меня еще до того, как мы подошли к Мусорным Вратам. Тревога переросла в подозрение, а подозрение расцвело мрачной уверенностью, когда мы вступили на плац. Возле Мусорных Врат не было ничего, кроме казарм у Развилки.

Конкретных приказов Капитан не отдавал, но когда мы достигли Развилки, каждый уже понял, зачем мы сюда пришли.

Городские когорты, как всегда, оказались лопухами. Ворота стояли распахнутыми, единственный часовой дрыхнул. Мы вошли,

не встретив сопротивления. Капитан начал отдавать распоряжения.

В казармах находилось от пяти до шести тысяч солдат. Их офицеры сумели добиться минимальной дисциплины, заставив солдат сдать оружие в арсеналы. Капитаны в Берилле традиционно доверяли солдатам оружие лишь перед сражением.

Три наших взвода сразу вошли в казармы, убивая подряд всех спящих. Оставшийся взвод заблокировал выход у дальнего края ограды.

Солнце уже поднялось, когда Капитан удовлетворился. Мы вышли из казарм и поспешили вслед за нашим обозом. Каждый из нас был сыт кровью по горло.

Разумеется, нас никто не преследовал, а позднее никто не пытался взять в осаду наш лагерь на Столпе Скорбей. Ради этого мы, собственно, и начали эту бойню. Ради этого и чтобы выпустить накопившуюся за несколько лет ярость.

Мы с Ильмо стояли на краю полуострова, глядя, как далеко в море лучи послеполуденного солнца играют на краях грозовой тучи. Недавно эта туча прошлась над лагерем и едва не превратила его в болото, щедро полив прохладными струями, а потом снова умчалась в море. Красивая была туча, хотя не особо разноцветная.

В последнее время Ильмо был молчалив.

— Тебе что-то не дает покоя, Ильмо?

Туча двигалась перед столбом солнечных лучей, придавая морской воде оттенок ржавого железа. Я стал гадать, доберется ли прохлада до Берилла.

— Полагаю, ты сам можешь догадаться, Костоправ.

— Думаю, что могу.— Бумажная Башня. Казармы у Развилки. Предательское нарушение контракта.— Как думаешь, какой окажется жизнь там, на севере?

— Считаешь, черный колдун вернется за нами?

— Вернется, Ильмо. Пока он решает проблему — заставляет местных марионеток плясать под свою дудку.— Разве не возникнут проблемы у каждого, кто попытается приручить этот безумный город?

— Гм. Посмотри.

Небольшое стадо китов резало волны неподалеку от рифов возле оконечности полуострова. Я попытался не проявлять восхищения — и не смог. Животные, танцующие в железном море, были великолепны.

Мы уселись на камни спиной к маяку, и нам показалось, будто мы смотрим на мир, где еще не ступал человек. Иногда мне кажется, что без нас он стал бы лучше.

— Там корабль,— произнес Ильмо.

Я разглядел судно лишь тогда, когда его парус вспыхнул, поймав солнечные лучи, и превратился в оранжевый треугольник с золотой каймой, пляшущий на волнах.

— Каботажник. Тонн двадцать.

— Такой большой?

— Для каботажника. Корабли, плавающие в открытом море, бывают иногда и по восемьдесят тонн.

Время мчалось вперед, переменчивое и надменное. Мы наблюдали за кораблями и китами. Я в сотый раз попытался представить новую землю, вспоминая всяческие слухи, слышанные от торговцев. Вероятно, нас перевезут через море в Опал. Говорят, Опал — двойник Берилла, только помоложе...

— Этот дурак собирается врезаться в скалы.

Я очнулся. Каботажник шел в опасной близости от берега. В какой-то момент он слегка изменил курс, прошел всего в сотне ярдов от рифов, затем лег на прежний курс.

— Хоть какое-то намечалось развлечение,— заметил я.

— В первый же день, когда ты произнесешь что-либо без сарказма, Костоправ, я лягу и помру на месте,— пообещал Ильмо.

— Сарказм не дает мне свихнуться, приятель.

— А это спорный вопрос, Костоправ. Спорный.

Я вновь попробовал заглянуть в лицо будущему — это лучше, чем смотреть в прошлое. Но будущее отказывалось снять маску.

— А корабль-то плывет к нам,— сказал Ильмо.

— Что? Ого.

Каботажник покачивался на крупной прибрежной зыби, еле двигаясь вперед. Его нос был направлен на пляж возле нашего лагеря.

— Не хочешь сообщить Капитану?

— Полагаю, он уже знает. На маяке стоят наблюдатели.

— Верно.

— Приглядывают на случай, если что-нибудь произойдет.

Гроза откатывалась к западу, заслоняя горизонт и накрывая своей тенью море. Холодное серое море. Мне неожиданно стало страшно при мысли о путешествии за море.

Каботажник привез весточку от контрабандистов — приятелей Тамтама и Одноглазого. Выслушав новости, Одноглазый стал еще более мрачным и угрюмым, а ведь он и так уже успел побить все свои рекорды по части мрачности. Он даже перестал цапаться и грызться с Гоблином, что было его второй профессией. Смерть Тамтама нанесла ему жестокий удар, от которого он до сих пор не сумел оправиться. Он не стал пересказывать нам полученные от приятелей новости.

Капитан стал немногим лучше Одноглазого и постоянно пребывал в отвратительном настроении. Полагаю, он одновременно и стремился перебраться с Отрядом в новые страны, и боялся этого. Новый контракт означал потенциальное возрождение Отряда и избавление от наших старых грехов, но он уже имел кое-какое представление об ожидающей нас службе и подозревал, что синдик говорил правду, рассказывая о северной империи.

На следующий день после визита контрабандистов подул прохладный северный ветерок. Под вечер выступающая в море оконечность мыса окуталась туманом. Вскоре после полуночи из тумана вынырнула лодка и пристала к пляжу. К нам прибыл посланник.

Мы собрали вещи и начали избавляться от всяческого рода приятелей и приятельниц, приехавших с нами из города. Наши животные и лишнее имущество станут им вознаграждением за верность и дружбу. Я тоже провел наполненный грустной нежностью час с женщиной, для которой я значил больше, чем догадывался. Мы не стали лить слезы и лгать друг другу. Я оставил ей на память воспоминания и почти все нажитое здесь барахло, а она одарила меня

комком в горле и ощущением утраты, степень которой я не смог оценить прежде.

— Не распускай нюни, Костоправ,— бормотал я себе под нос, спускаясь на берег.— Не в первый раз расстаешься. Ты забудешь ее раньше, чем доберешься до Опала.

На песчаном берегу нас уже ждало несколько лодок. Когда очередная заполнялась, моряки-северяне сталкивали ее с песка в прибой, гребцы брались за весла, и через несколько секунд лодка исчезала в тумане. На смену отчалившим лодкам прибывали пустые, каждую вторую загружали имуществом и личными вещами.

Один из моряков, знавший язык Берилла, сказал мне, что на борту черного корабля места хватает. Посланник оставил своих солдат в Берилле охранять нового синдика-марионетку. Им стал очередной Красный, дальний родственник человека, которому мы служили.

— Надеюсь, им достанется меньше неприятностей, чем нам,— сказал я и отошел в сторонку поразмыслить.

Посланник обменивал нас на своих людей. У меня зародилось подозрение, что нас собираются где-то использовать и впереди нас ждет нечто более мрачное, чем мы в силах вообразить.

Несколько раз за время ожидания я слышал отдаленный вой. Сперва я подумал, что это воет ветер в пещерах Столпа, но тут же вспомнил, что ветра нет. Услышав вой во второй раз, я перестал сомневаться. По коже поползли мурашки.

Отрядный интендант, Капитан, Лейтенант, Молчун, Гоблин, Одноглазый и я ждали остальных, собираясь уплыть из лагеря на последней лодке.

— Я не поеду,— неожиданно заявил Одноглазый, когда боцман призывно махнул нам рукой.

— Залезай,— попросил Капитан. Когда он произносит слова тихо, он опаснее всего.

— Я ухожу из Отряда. Пойду на юг. Я отсутствовал достаточно долго, так что дома про меня позабыли.

Капитан молча указал пальцем на Лейтенанта, Молчуна, Гоблина и меня, потом ткнул пальцем в лодку.

— Да я вас всех превращу в страусов...— взревел Одноглазый.

Ладонь Молчуна зажала ему рот. Мы потащили его к лодке. Он извивался, словно брошенная в очаг змея.

— Ты останешься с семьей,— тихо произнес Капитан.

— На счет три,— весело пискнул Гоблин и быстро досчитал до трех.

Чернокожий коротышка взлетел в воздух, дрыгая руками и ногами, и шлепнулся в лодку, потом высунулся над планширом и, брызгая слюной, принялся поливать нас отборными ругательствами. Мы рассмеялись — Одноглазый доказал, что еще не прокис окончательно,— затем, возглавляемые Гоблином, бросились в атаку и прижали Одноглазого к банке.

Моряки оттолкнули лодку от берега. Едва весла опустились в воду, Одноглазый сдался. У него был вид человека, приговоренного к повешению.

Через некоторое время мы разглядели галеру — высокий бесформенный силуэт чуть темнее окутывающего его мрака. Приглушенные туманом голоса моряков, поскрипывание дерева и такелажа я услышал задолго до того, как доверился своим глазам. Наша лодка ткнулась носом в спущенный трап. Вновь послышался вой.

Одноглазый попытался сигануть за борт. Мы его удержали, а Капитан припечатал ему задницу каблуком.

— У тебя был шанс нас всех отговорить,— добавил он.— Ты им не воспользовался. Теперь пеняй на себя.

Одноглазый понуро, как человек, лишившийся последней надежды, полез вслед за Лейтенантом по трапу. Он потерял брата, а теперь был вынужден находиться рядом с его убийцей, не в силах отомстить.

Своих людей мы отыскали на главной палубе среди куч барахла. Заметив нас, сержанты стали пробираться навстречу.

Появился посланник. Я уставился на него, потому что впервые увидел его стоящим. Он оказался коротышкой. Я на мгновение даже засомневался, мужчина ли он, потому что, судя по его голосам, нередко создавалось противоположное впечатление.

Он осмотрел нас с той пристальностью, которая подсказывала, что он — или она — читает наши души. Один из его офицеров попросил Капитана построить наших людей, насколько это возможно на переполненной палубе. Экипаж корабля

уже перебирался в центральные кубрики, расположенные над открытым трюмом, тянущимся от носа почти до кормы и от уровня верхней палубы до нижнего ряда весел. Снизу доносилось позвякивание, постукивание и бормотание разбуженных моряков.

Посланник пошел вдоль нашего строя. Он останавливался возле каждого солдата и прикалывал ему на грудь значок с копией эмблемы, украшающей парус корабля. Дело шло медленно, и корабль лег на курс задолго до того, как он закончил.

Чем ближе подходил посланник, тем больше дрожал Одноглазый. Когда тот приколол ему значок, Одноглазый едва не потерял сознание. Я недоумевал. Из-за чего такие эмоции?

Я тоже нервничал, когда подошла моя очередь, но, по крайней мере, не боялся. Когда тонкие, затянутые в перчатку пальцы прикрепили к моей куртке значок, я опустил взгляд и увидел изящно выгравированный на черном фоне серебряный череп, заключенный в серебряный круг. Довольно дорогое украшение, хотя и мрачноватое. Не будь Одноглазый настолько испуган, я подумал бы, что он сейчас прикидывает, за какую сумму значок можно заложить ростовщику.

Значок показался мне знакомым, причем я не имел в виду изображение на парусе, которое посчитал за показуху и о котором сразу позабыл. Может, я читал где-то о такой эмблеме? Или слышал о ней?

— Приветствую тебя на службе у Госпожи, лекарь,— сказал посланник. Его голос сбивал с толку и не соответствовал моим ожиданиям — на сей раз это оказался голос молодой женщины, производящей впечатление на людей постарше.

Госпожа? Где же я встречал это слово, произнесенное со значением, словно титул богини? В мрачной старинной легенде...

Наполненный яростью, болью и отчаянием вой пронесся по кораблю. Вздрогнув, я вышел из строя и подошел к вентиляционной шахте.

У основания мачты в большой железной клетке сидела форвалака. В темноте казалось, будто она, бродя по клетке и пробуя каждый прут, слегка меняется. То она казалась женщиной лет тридцати атлетического сложения, то мгновение спустя при-

нимала облик стоящего на задних лапах черного леопарда, грызущего железо. Я вспомнил, как посланник говорил, что монстр может ему пригодиться.

Я повернулся к нему. И вспомнил. Дьявольский молоток принялся забивать ледяные штыри мне в живот. Я понял, почему Одноглазый не хотел плыть за море. Древнее зло севера...

— А я думал, что вы умерли триста лет назад...

Посланник рассмеялся:

— Вы недостаточно хорошо знаете свою историю. Нас не уничтожили. Просто сковали цепями и заживо похоронили.— В его смехе прозвучала нотка истерики.— Сковали и похоронили, Костоправ, а потом дурак по имени Боманц нас освободил.

Я присел на корточки возле Одноглазого, уткнувшегося лицом в ладони.

Посланец, этот ужас, называемый в древних легендах Душеловом, дьявол страшнее дюжины форвалак, расхохотался безумным смехом. Моряки заухмылялись. Классная шутка — завербовать Черный Отряд на службу злу. Захватить великий город, а заодно и подтолкнуть разбойничков к преступлению. Воистину грандиозное надувательство.

— Расскажи мне все, Костоправ,— попросил Капитан, устраиваясь рядом со мной.

И я рассказал ему об эпохе Владычества, о Властелине и его Госпоже. Их власть простиралась на империю зла, не имевшую соперников даже в аду. Рассказал о Десяти Взятых (одним из которых был Душелов), десяти великих волшебниках и волшебницах, полубогах в своем могуществе, которых Властелин одолел и вынудил служить себе. Поведал о Белой Розе, женщине-генерале, сумевшей победить империю, но у которой не хватило сил уничтожить Властелина, Госпожу и Десятерых. Она смогла лишь замуровать их где-то на севере в заколдованном кургане.

— А теперь, выходит, они вновь ожили,— заключил я.— Они правят северной империей. Должно быть, Тамтам и Одноглазый подозревали... А мы поступили к ним на службу.

— Взятые,— процедил Капитан.— Как форвалака.

Тварь завизжала и бросилась на прутья клетки. Над туманной палубой пронесся смех Душелова.

— Взятые Взятыми,— согласился я.— Пакостное сравнение.— Чем больше старинных легенд всплывало у меня в памяти, тем сильнее меня колотила нервная дрожь.

Капитан вздохнул и уставился в туман, за которым нас ждала новая земля. Одноглазый не отрывал ненавидящего взгляда от твари в клетке. Я попытался увести его, он вырвался.

— Подожди, Костоправ. Мне нужно это обдумать.

— Что обдумать?

— Тамтама убила другая тварь. На этой нет шрамов от ран, которые мы нанесли.

Я медленно повернулся и посмотрел на посланника. Он вновь рассмеялся, глядя на нас.

Одноглазый ни о чем не догадался. А я ему ничего не сказал. Нам и так хватало неприятностей.

Глава вторая
Ворон

— Плавание из Берилла доказало мою правоту,— буркнул Одноглазый, оторвавшись от оловянной кружки.— Черному Отряду в море делать нечего. Эй, девка! Еще эля!

Он помахал кружкой, иначе служанка его не поняла бы — он отказался учить языки северян.

— Ты уже надрался,— заметил я.

— Какая проницательность. Вы заметили, господа? Костоправ, наш уважаемый знаток искусств духовных и медицинских, настолько сведущ в них, что заметил мою нетрезвость,— объявил он заплетающимся языком, то и дело рыгая, и обвел слушателей угрюмо-серьезным взглядом, который по силам изобразить лишь пьяному.

Служанка принесла новый кувшин для него и бутылку для Молчуна, тоже готового принять новую порцию полюбившегося именно ему яда. Он пристрастился к кислому вину из Берилла, которое превосходно соответствовало его характеру. Деньги перешли из рук в руки.

За столом нас было семеро. Мы сидели опустив головы, потому что в заведении было полно моряков, а чужаков и иностранцев вроде нас всегда бьют в первую очередь, когда начина-

ется драка. Если не принимать в расчет Одноглазого, мы предпочитали драться тогда, когда нам за это платят.

В уличную дверь просунулась уродливая физиономия Ростовщика. Он прищурился, глаза-бусинки забегали по сторонам и отыскали нас.

Ростовщик. Его назвали так потому, что он обдирает Отряд как липку. Имя ему не нравится, но он сам говорит, что любое имя лучше прозвища, которым его одарили родители-крестьяне: Сахарная Свекла.

— Эй! Да это же Сладкая Свеколка! — взревел Одноглазый.— Вали сюда, конфетка. Одноглазый угощает. Он слишком пьян, чтобы найти деньгам лучшее применение.— Одноглазый не соврал. Когда он трезв, то выцыганить у него монетку труднее, чем растянуть воротник из высохшей сыромятной кожи.

Ростовщик подмигнул и по привычке украдкой огляделся.

— Парни, вас зовет Капитан.

Мы переглянулись. Одноглазый притих. Последнее время мы почти не видели Капитана — он постоянно крутился среди шишек Имперской армии.

Ильмо и Лейтенант встали из-за стола. Я последовал их примеру и направился к Ростовщику.

Нас остановил вопль хозяина. Служанка тут же бросилась к двери и заслонила выход. Из задней комнаты, сотрясая пол, вышел верзила с тупой рожей. В каждой похожей на окорок руке он держал внушительную узловатую дубину. Вид у него был почему-то смущенный.

Одноглазый зарычал. Остальные посетители поднялись с мест, готовые ко всему, а моряки, почуяв драку, уже прикидывали, на чей стороне биться. Большинство из них выбрало не нас.

— Это еще что за хренотень? — гаркнул я.

— Прошу вас, господин,— сказала служанка.— Ваши друзья не заплатили за последнюю выпивку.— Она метнула в хозяина злобный взгляд.

— Черта лысого они не заплатили.— В этом заведении полагалось расплачиваться сразу, когда приносят заказ. Я взглянул на Лейтенанта. Он кивнул. Перевел взгляд на хозяина, почуял его жадность. Хозяин решил, что мы настолько пьяны, что заплатим дважды.

— Ты, Одноглазый, сам выбрал это воровское логово,— заметил Ильмо,— тебе и крутить им хвост.

Сказано — сделано. Одноглазый завизжал, как боров на бойне, и...

Из-под нашего стола выскочил четырехрукий комок уродства размером с шимпанзе. Сперва он метнулся к служанке возле двери и украсил ее бедро отметинами от клыков, потом вскарабкался на гору мускулов с дубинками в руках. Мужик и ахнуть не успел, как уже истекал кровью из десятка ран.

Миску с фруктами на столе в центре комнаты окутал черный туман. Через секунду он рассеялся, а из миски, извиваясь, поползли ядовитые змеи.

У хозяина отвисла челюсть, а из разинутого рта тут же посыпались жуки-скарабеи.

Пока все стояли на ушах, мы спокойно вышли на улицу. Одноглазый еще несколько кварталов вопил и хихикал.

Капитан пялился на нас, а мы стояли перед его столом, опираясь друг на друга. Одноглазый все еще страдал приступами хихиканья, и даже Лейтенант был не в силах сохранять на лице невозмутимость.

— Они пьяны,— сказал Капитан.

— Пьяны,— согласился Одноглазый.— Мы неоспоримо, несомненно и в стельку пьяны.

Лейтенант ткнул его в бок:

— Садитесь. И попытайтесь вести себя пристойно, пока вы здесь.

«Здесь» означало роскошное заведение на открытом воздухе, по уровню на несколько миль выше нашего предыдущего порта приписки. Тут даже у шлюх имелись титулы. Растения и фокусы ландшафта разделяли сад на полууединенные участки. Имелись здесь и пруды, и легкие домики, и мощеные дорожки, и ошеломляющий аромат цветов, разлитый в воздухе.

— Чересчур роскошно для нас,— заметил я.

— По какому поводу гуляем? — поинтересовался Лейтенант, пока остальные рассаживались.

Капитан сидел во главе огромного каменного стола — вокруг него могли запросто рассесться человек двадцать.

— Мы гости. И ведите себя соответственно.

Он поиграл приколотым возле сердца значком, удостоверяющим, что его владелец находится под защитой Душелова. Каждый из нас имел такой же, но мы редко их носили. Жест Капитана намекал на то, что нам следует исправить эту оплошность.

— Мы гости одного из Взятых? — уточнил я, борясь с действием выпитого эля. Подобное событие следует занести в Анналы.

— Нет. Значки тут носят в знак уважения к дому.— Капитан повел рукой.

Все вокруг носили значки, обозначающие принадлежность к тому или иному из Взятых. Несколько из них я распознал. Ревун. Крадущийся в Ночи. Зовущий Бурю. Хромой.

— Наш хозяин желает поступить в Отряд.

— Он хочет записаться в Черный Отряд? — переспросил Одноглазый.— У него с головой все в порядке? — С тех пор, как мы взяли нового рекрута, прошло уже несколько лет.

Капитан пожал плечами и улыбнулся:

— Давным-давно этого пожелал даже некий шаман.

— И с тех пор он об этом жалеет,— буркнул Одноглазый.

— Почему же он до сих пор здесь? — спросил я.

Одноглазый промолчал. Отряд покидают только ногами вперед. Для всех нас он дом родной.

— Каков он из себя? — поинтересовался Лейтенант.

Капитан закрыл глаза.

— Необычный. Он может стать для нас ценным приобретением. Мне он понравился. Впрочем, судите сами. Вот он.

Капитан указал пальцем на обозревающего сад человека.

На нем была серая одежда, поношенная и заплатанная. Не очень высок, худощавый и смуглый. Красив какой-то мрачной красотой. На вид немного моложе тридцати. Не очень-то вдохновляет...

Нет, я не прав. Со второго взгляда начинаешь замечать нечто разительное. Напряженность, внешнюю невозмутимость, что-то еле уловимое в позе. Роскошь сада его не запугала.

Проходящие мимо бросали на него взгляд и морщились. Они замечали не человека, а лохмотья, и не скрывали отвращения. Мало того, что сюда пропустили нас, так теперь еще и этого голодранца.

К нему уже шел служитель в роскошных одеяниях, намереваясь показать ему выход из сада, куда тот вошел явно по ошибке.

Незнакомец направился к нам, миновав служителя с таким видом, будто того не существовало. В его движениях была заметна некоторая угловатость и напряженность, свидетельствующие о том, что он оправляется после недавно полученных ранений.

— Капитан?

— Добрый день. Присаживайтесь.

От группы старших офицеров и стройных молодых женщин отделился тучный штабной генерал, сделал несколько шагов в нашу сторону, замер. Его одолевало искушение объявить о своих предрассудках.

Я узнал его. Лорд Джалена. Выше можно подняться, лишь став одним из Десяти Взятых. Лицо генерала налилось кровью. Если Капитан его и заметил, то не подал виду.

— Господа, это... Ворон. Он хочет присоединиться к нам. Ворон — не настоящее его имя, но это не имеет значения. Вы все тоже в свое время солгали. Можете представиться и задавать вопросы.

Было в этом Вороне нечто странное. Очевидно, мы были именно его гостями. Манерами он не напоминал уличного нищего, но выглядел так, словно истоптал немало пыльных дорог.

К нашему столу, тяжело дыша, подошел лорд Джалена. Таких свиней, как он, я с удовольствием подверг хотя бы половине муштры, которой они истязают своих солдат. Лорд, нахмурившись, посмотрел на Капитана.

— Сударь,— пропыхтел он, натужно втягивая воздух.— Ваши связи таковы, что мы не можем отрицать *ваше* право находиться здесь, но... Сад предназначен для утонченных персон. Так было двести лет. Мы не можем допустить...

Капитан снизошел до загадочной улыбки и негромко ответил:

— Я здесь гость, милорд. Если вам не нравится мое общество, жалуйтесь моему хозяину.— Он указал на Ворона.

Джалена сделал полуоборот направо.

— Сударь...— Его глаза и рот стали круглыми.— Ты!

Ворон уставился на Джалену. Ни один его мускул не дрогнул. Ни одна ресничка не шелохнулась. Со щек толстяка сошла краска. Он бросил почти умоляющий взгляд на своих спутников, вновь посмотрел на Ворона и повернулся к Капитану. Его губы шевелились, но произнести хотя бы слово он не смог.

Капитан протянул Ворону руку. Тот взял значок Душелова и прицепил его себе на грудь.

Джалена еще больше побледнел и попятился.

— Кажется, вы знакомы,— заметил Капитан.

— Он думал, что я умер.

Джалена вернулся к своим, что-то возбужденно сказал и вытянул руку. Побледневшие мужчины посмотрели в нашу сторону. После короткого спора вся компания покинула сад.

Ворон не стал ничего объяснять, а вместо этого спросил:

— Не перейти ли нам к делу?

— Не хочешь просветить нас, что произошло? — Голос Капитана был опасно вкрадчив.

— Нет.

— Подумай еще раз. Твое присутствие может навлечь опасность на весь Отряд.

— Не навлечет. Это личное дело. И я не притащу его следом за собой.

Капитан обдумал его слова. Он не из тех, кто копается в прошлом своих подчиненных. Без причины. Сейчас он решил, что причина имеется.

— И как же ты можешь этого избежать? Ведь ты, очевидно, кое-что значишь для лорда Джалены.

— Не для Джалены. Для его приятелей. Это старая история. Я все улажу до того, как присоединюсь к вам. Чтобы закрыть дело, потребуется смерть пятерых.

Прозвучало интересно. Ах, этот аромат тайны, темных делишек и мести. Плоть для захватывающего рассказа.

— Меня зовут Костоправ. У тебя есть какие-то особые причины, чтобы не делиться этой историей с нами?

Ворон посмотрел мне в лицо, с явным усилием сохраняя невозмутимость:

— Она личная, очень старая и позорная. Я не желаю о ней говорить.

— В таком случае я не могу голосовать «за»,— сказал Одноглазый.

Двое мужчин и женщина прошли мимо нас по мощеной дорожке и остановились, разглядывая то место, где недавно находилась компания лорда Джалены. Опоздавшие? Вид у них был удивленный, они начали переговариваться между собой.

Ильмо поддержал Одноглазого. Такое же решение принял и Лейтенант.

— А ты, Костоправ? — спросил Капитан.

Я проголосовал «за», потому что почуял тайну и не хотел ее упускать. Капитан обратился к Ворону:

— Мне известна часть твоей истории. Поэтому я поддерживаю Одноглазого. Ради блага Отряда. Мне хотелось бы тебя принять, но... Попробуй уладить свои проблемы до нашего ухода.

Опоздавшие направились в нашу сторону — презрительно задрав носы, но все же намереваясь узнать, что произошло с теми, кто их приглашал.

— Когда вы уходите? — спросил Ворон.— Сколько у меня времени?

— Завтра. На рассвете.

— Что? — изумился я.

— Помолчи-ка,— перебил меня Одноглазый.— И в самом деле, как так получилось?

Даже Лейтенант, никогда не критиковавший приказы, сказал:

— Предполагалось, что нам дадут пару недель на отдых.

Он отыскал здесь себе подружку — первую за все время, что я его знаю. Капитан пожал плечами:

— Мы нужны им на севере. Мятежник по имени Загребущий выбил Хромого из крепости в Сделке.

Опоздавшие приблизились к нам, один из мужчин спросил:

— Что стало с компанией, собравшейся в Камелиевом гроте?

Его голос прозвучал визгливо и немного гнусаво. У меня на руках поднялись волоски. Говорящий источал высокомерие и

презрение. Я не слышал подобного обращения с того дня, как вступил в Отряд. Люди в Берилле никогда не говорили с нами таким тоном.

В Опале еще не знают Черный Отряд, напомнил я себе. Пока.

Голос поразил Ворона, словно удар молотом по макушке. Он окаменел. На мгновение его глаза превратились в лед. Потом уголки его губ шевельнулись улыбкой — такой зловещей улыбки мне видеть не доводилось.

— Теперь я понял, почему у Джалены внезапно началось несварение желудка,— прошептал Капитан.

Мы сидели неподвижно, замороженные смертельной угрозой. Ворон медленно поднялся, одновременно оборачиваясь. Подошедшая троица увидела его лицо.

Визгливый поперхнулся. Стоящий рядом с ним мужчина затрясся. Женщина открыла рот, но не смогла выдавить ни слова.

Я так и не понял, как в руке Ворона оказался нож,— все произошло почти мгновенно. Из перерезанного горла визгливого хлынула кровь. Его приятель рухнул, пораженный сталью в сердце. А Ворон стиснул левой рукой горло женщины.

— Нет. Пожалуйста,— прошептала она. Пощады она не ожидала.

Ворон стиснул пальцы, заставив ее рухнуть на колени. Ее лицо стало пунцовым от прилива крови, изо рта вывалился язык. Женщина сжала запястье Ворона, содрогнулась. Тот поднял ее и смотрел ей в глаза, пока они не закатились. Женщина обмякла, вновь вздрогнула и умерла.

Ворон отдернул руку и уставился на свои трясущиеся пальцы. Его лицо исказилось, тело била нервная дрожь.

— Костоправ! — гаркнул Капитан.— Ты, кажется, называешь себя лекарем?

— Угу.

Окружающие начали реагировать, люди в саду не сводили с нас глаз. Я проверил пульс визгливого, потом его приятеля. Оба мертвы. Затем повернулся к женщине.

Ворон опустился на колени, взял ее за левую руку. Его глаза блестели от слез. Он снял золотое обручальное кольцо,

сунул себе в карман. Больше он ничего не взял, хотя драгоценностей у женщины хватило бы на целое состояние.

Мы встретились взглядами. Его глаза вновь превратились в лед, и я не осмелился произнести свою догадку вслух.

— Не хочу показаться паникером,— проворчал Одноглазый,— но почему мы до сих пор здесь торчим?

— Прекрасная мысль,— подхватил Ильмо и сразу же воплотил ее в жизнь.

— Пошевеливайся! — рявкнул на меня Капитан и схватил Ворона за руку. Я пристроился за ними.

— До рассвета я улажу все свои дела,— сказал на ходу Ворон. Капитан на мгновение обернулся.

— Угу,— только и бросил он.

Я тоже так подумал.

Но мы уйдем из Опала без Ворона.

В эту ночь Капитан получил несколько записок с угрозами.

— Эти трое, наверное, были местными шишками,— прокомментировал он.

— Они носили значки Хромого,— добавил я.— Кстати, что тебе известно о Вороне? Кто он такой?

— Человек, не ужившийся с Хромым. Его подло обманули и бросили, посчитав убитым.

— А о той женщине он скромно умолчал?

Капитан пожал плечами. Я принял его жест за подтверждение.

— Готов поспорить, что она была его женой. Возможно, предала его.

Предательства здесь — дело обычное. Равно как и заговоры, убийства и неприкрытая борьба за власть. Все прелести декадентства. Госпожа в эту мышиную возню не вмешивается. Наверное, она ее развлекает.

Совершая марш на север, мы все больше приближались к сердцу империи. С каждым днем страна становилась все более унылой, а местные жители — все более угрюмыми, мрачными и хмурыми. Счастливыми эти земли не назовешь.

Настал день, когда нам пришлось объезжать саму душу этой империи — Башню в Чарах, построенную Госпожой после воскрешения. Нас сопровождал эскорт настороженных кавалеристов, не позволяющий приближаться к Башне меньше чем на три мили, но она виднелась над горизонтом даже с такого расстояния — массивный куб из темного камня высотой не менее пятисот футов.

Я разглядывал башню весь день. Как выглядит наша хозяйка? Увижу ли я ее когда-нибудь? Она интриговала меня. В тот же день вечером я взял перо и попытался описать ее, но моя писанина в конечном итоге опошлилась до романтической фантазии.

На следующий день нас отыскал бледнолицый всадник, скакавший на юг в поисках нашего Отряда. Судя по значку, он служил Хромому. Дозорные привели его к Лейтенанту.

— Вы, халявщики, здесь прохлаждаетесь, а вас ждут под Форсбергом! Кончайте валять дурака, и вперед!

Лейтенант — человек спокойный, привыкший из-за своего звания к уважению. Он настолько опешил, что промолчал. Курьер стал еще более агрессивным. Наконец Лейтенант спросил:

— Какое у тебя звание?

— Капрал-курьер Хромого. Советую вам поторопиться, приятель. Хромой не поднимает шума из-за ерунды.

В нашем Отряде Лейтенант следит за дисциплиной и определяет наказания. Это бремя он сам снял с Капитана. Он справедлив и никогда не перегибает палку.

— Сержант! — рявкнул он, обращаясь к Ильмо.— Ты мне нужен.

Лейтенант был зол. Обычно лишь Капитан называет Ильмо сержантом.

Ильмо, ехавший рядом с Капитаном, пустил коня рысью вдоль нашей колонны. Капитан последовал за ним.

— Какие будут приказы? — спросил Ильмо.

Лейтенант остановил Отряд.

— Вбейте в этого крестьянина немного уважения.

— Есть. Масло и Сапожник — выполняйте.

— Двадцати плетей ему хватит.

— Есть двадцать плетей.

— Да вы что себе позволяете? Никакой вонючий наемник не посмеет...

— Лейтенант,— оборвал курьера Капитан,— по-моему, он заслужил еще десять плетей.

— Согласен. Ильмо!

— Есть тридцать плетей, Лейтенант.

Ильмо выбросил вперед руку. Курьер мешком свалился с седла. Масло и Сапожник подхватили его, подтащили к придорожной изгороди и прислонили к ней, затем Сапожник разорвал на спине курьера рубашку.

Ильмо принялся работать ездовой плетью Лейтенанта. Он не особенно усердствовал, потому что бил, не вымещая злобу, а лишь доводя нужную мысль до ума тех, кто считал Черный Отряд чем-то второсортным.

Когда Ильмо закончил, я подошел к курьеру, прихватив сумку.

— Попробуй расслабиться, парень. Я врач. Промою тебе спину и забинтую.— Я похлопал его по щеке.— Для северянина ты держался весьма неплохо.

Когда я обработал курьеру спину, Ильмо протянул ему новую рубашку, а я, дав парню несколько медицинских советов, под конец посоветовал:

— Доложи о себе Капитану так, словно ничего не произошло.— Я показал ему Капитана: — Давай, валяй.

Как выяснилось, наш приятель Ворон успел-таки к нам присоединиться и теперь наблюдал за происходящим, сидя на взмыленной и покрытой пылью чалой кобыле.

Курьер прислушался к моему совету.

— Передай Хромому,— ответил Капитан,— что я веду отряд с той скоростью, с какой могу. И я не стану гнать людей вперед, иначе у них не останется сил сражаться.

— Да, капитан. Я все ему передам, капитан.— Курьер неуклюже забрался в седло. Он хорошо скрывал свои чувства.

— Хромой тебе за это сердце вырежет,— заметил Ворон.

— На его неудовольствие мне наплевать,— заметил Капитан.— А я думал, ты присоединишься к нам, прежде чем мы выйдем из Опала.

— Я замешкался, сводя счеты. Одного вообще в городе не оказалось. Другого предупредил лорд Джалена. У меня ушло три дня, чтобы его отыскать.

— Того, которого не оказалось в городе?

— Я решил вместо этого догнать вас.

Ответ не удовлетворил Капитана, но он зашел с другой стороны:

— Я не могу разрешить тебе присоединиться к нам до тех пор, пока у тебя остаются интересы на стороне.

— Я выбросил их из головы. Самый важный долг я уже заплатил.

Он имел в виду женщину — я пяткой это чуял. Капитан хмуро взглянул на Ворона:

— Ладно. Езжай со взводом Ильмо.

— Спасибо... господин капитан.

Я удивился. Ворон не из тех, кто привык называть кого-либо «господин».

Отряд продолжал марш на север: миновал Вяз, углубился в провинцию Клин, проехал Розы и отправился дальше на север, в Форсберг. Эта провинция, некогда бывшая королевством, ныне стала полем кровавой схватки.

Город Весло расположен у северных границ Форсберга, а чуть выше, в лесах, находится Курганье, где Госпожа и ее любовник Властелин были похоронены четыре столетия назад. Дурацкие магические исследования колдунов из Весла пробудили Госпожу и Десять Взятых от темных снов. Теперь одолеваемые виной потомки тех колдунов сражались с Госпожой.

Южный Форсберг остался обманчиво мирным. Крестьяне приветствовали нас без особого восторга, но деньги брали охотно.

— Для них в диковинку, что солдаты Госпожи платят,— сказал Ворон.— Обычно они попросту хватают все, что им понравится.

Капитан хмыкнул. Мы бы и сами так поступали, если бы не получили от Душелова указания вести себя вежливо. Перед отъездом он щедро наполнил казну Отряда. Капитан не возражал. К чему зря заводить врагов?

Мы ехали уже два месяца. За спиной осталась тысяча миль, и мы все выдохлись. Капитан решил предоставить Отряду отдых на границе зоны боев. Возможно, у него появились сомнения насчет службы Госпоже.

Как бы то ни было, зачем гоняться за неприятностями? Особенно если плата не меняется, сражаешься ты или нет.

Капитан завел нас в лес. Пока мы разбивали лагерь, он разговаривал с Вороном. Я наблюдал за ними.

Любопытно. Их начинает что-то связывать. Я не мог понять, что именно, поскольку недостаточно знал о каждом из них. Просто Ворон стал новой загадкой, а Капитан — старой.

За все годы, проведенные рядом с Капитаном, я почти ничего про него не узнал. Так, намек там, намек здесь, приправленные домыслами.

Капитан родился в одном из Самоцветных городов. Он был профессиональным солдатом. Что-то перевернуло его личную жизнь. Вероятно, женщина. Он наплевал на контракт и на титулы и стал бродягой, а через некоторое время связался с нашей компанией духовных изгнанников.

У каждого из нас есть свое прошлое. Подозреваю, что мы окутываем его туманом вовсе не потому, что прячемся от него, а потому что думаем, будто станем выглядеть более романтично, если начнем многозначительно поднимать глаза и тонко намекать на прекрасных женщин, с которыми навсегда расстались. Те из нас, чьи истории я сумел раскопать, бежали от закона, а не от трагической любви.

Но Капитан и Ворон, очевидно, нашли друг в друге родственные души.

Мы разбили лагерь, выставили дозорных и устроились на отдых. Хотя в стране шла война, ни одна из противоборствующих сторон не сумела нас быстро заметить.

Молчун, желая повысить бдительность наших часовых, пустил в ход свои способности и обнаружил замаскировавшихся шпионов, сумевших пересечь внешнюю линию наших пикетов. Он предупредил Одноглазого, а тот доложил Капитану.

Капитан вызвал меня, Одноглазого, Гоблина и нескольких других, потом разложил карту на пне, до этого служившем карточным столом.

— Где они?

— Двое здесь. Еще двое тут. И один здесь.

— Пошлите кого-нибудь к нашим часовым с приказом незаметно вернуться в лагерь. Мы отсюда сматываемся — тоже незаметно. Гоблин. Где Гоблин? Передайте Гоблину, чтобы держал свои иллюзии наготове.— Капитан решил ни во что не ввязываться. На мой взгляд, похвальное решение.

— Где Ворон? — спросил он через несколько минут.

— Кажется, пошел ловить шпионов,— ответил я.

— Что? Он что, идиот? — Его лицо потемнело.— А тебе что надо?

Гоблин пискнул, как придавленная каблуком крыса. Голосок у него на диво писклявый, а гнев Капитана сделал его и вовсе похожим на писк птенчика.

— Ты меня вызывал.

Капитан ходил по кругу, топоча ногами, рыча и хмурясь. Обладай он талантом Гоблина или Одноглазого, из его ушей наверняка валил бы дым.

Я подмигнул Гоблину, тот расплылся в улыбке и стал похож на большую жабу. Грозный танец войны в исполнении Капитана был лишь предупреждением, чтобы его не беспокоили по пустякам. Капитан шуршал картами. Капитан метал мрачные взгляды. Наконец он резко обернулся ко мне:

— Мне это не нравится. Это ты его подговорил?

— Нет.— Я не пытаюсь творить историю Отряда. Я лишь записываю ее.

Тут показался Ворон. Он бросил к ногам Капитана тело и продемонстрировал связку жутких трофеев.

— Это что за чертовщина?

— Большие пальцы. В здешних краях считают, что они приносят удачу.

Капитан аж позеленел.

— А тело для чего?

— Суньте его пятками в костер и немного подержите. Враги не станут терять времени на размышления о том, как мы догадались, что они рядом.

Одноглазый, Гоблин и Молчун окутали Отряд чарами. Мы выскользнули из леса, словно скользкая рыба из рук неуклюжего рыбака. Выслеживавший нас вражеский батальон ничего не заметил. Мы двинулись прямиком на север. Капитан намеревался отыскать Хромого.

Под вечер Одноглазый затянул походную песню. Гоблин протестующе пискнул. Одноглазый ухмыльнулся и запел громче.

— Он подменил слова! — заверещал Гоблин.

Солдаты заулыбались, предвкушая развлечение. Гоблин и Одноглазый враждуют уже десятки лет. Подзуживать всегда начинает Одноглазый, а Гоблин иногда бывает чувствительным, как свежий ожог. Следить за их перепалкой — одно удовольствие.

На сей раз Гоблин не поддался на провокацию и проигнорировал Одноглазого. Черный коротышка почувствовал себя оскорбленным и запел еще громче. Мы ожидали фейерверка, а кончилось все скукой. Поняв, что старался зря, Одноглазый обиженно надулся.

Чуть позднее Гоблин шепнул мне:

— Держи ушки на макушке, Костоправ. Места тут незнакомые. Всякое может случиться.— Он хихикнул.

На бедро кобылы Одноглазого опустился овод. Животное заржало и взбрыкнуло. Сонный Одноглазый перекатился через хвост. Солдаты давились от смеха. Коротышка-колдун поднялся, стряхивая с себя пыль старой потрепанной шляпой, и в сердцах треснул кобылу свободной рукой, угодив ей в лоб. Потом он долго приплясывал, стонал и дул на разбитые костяшки пальцев.

В награду от зрителей он получил хор восторженных воплей. Гоблин скромно ухмылялся.

Вскоре Одноглазый задремал вновь. Этому фокусу легко научиться, проехав в седле достаточно утомительных миль. На

его плечо уселась птица. Одноглазый фыркнул и замахнулся... Птица улетела, оставив на его куртке огромное и вонючее красное пятно. Одноглазый взвыл и принялся швыряться чем попало, а стаскивая с себя куртку, ухитрился ее порвать.

Мы вновь расхохотались. Гоблин выглядел невинным, словно девственница. Одноглазый хмурился и ворчал, но все еще не врубался.

До него начало доходить, в чем дело, когда, въехав на вершину холма, мы увидели группу пигмеев размером с обезьянку, азартно целующих идола в виде лошадиной задницы. Каждый пигмей являл собой миниатюрную копию Одноглазого.

Маленький колдун метнул в Гоблина убийственный взгляд. Тот невинно пожал плечами — мол, я здесь при чем?

— Очко в пользу Гоблина,— рассудил я.

— Берегись, Костоправ,— прорычал Одноглазый.— Иначе будешь целовать меня прямо сюда.— И он похлопал себя по заднице.

— После дождичка в четверг.

Да, он более опытный колдун, чем Гоблин или Молчун, но все же не столь опытный, каким себя выставляет. Если бы он мог выполнить хотя бы половину своих угроз, то превратился бы в опасность для Взятых. Молчун последовательнее его, а Гоблин более изобретателен.

Теперь Одноглазый несколько ночей не сомкнет глаз, изобретая способы расквитаться с Гоблином за то, что тот утер ему нос. Для меня остается загадкой, почему они до сих пор не убили друг друга.

Отыскать Хромого оказалось труднее, чем этого пожелать. Мы шли по его следу до леса, где отыскали заброшенные земляные укрепления и множество тел мятежников. Из леса мы спустились в широкую долину, прорезанную искрящимся на солнце ручьем.

— Что за чертовщина? — спросил я Гоблина.— Странно...

Весь луг был усеян приземистыми, широкими и черными бугорками. Повсюду лежали тела.

— Одна из причин, по которым боятся Взятых. Смертоносные заклинания. Из-за их жара вспучилась земля.

Я остановился и осмотрел один из бугорков.

Черный круг словно провели циркулем — его граница была четкой, как нарисованная пером. На почерневшей земле лежали обугленные скелеты. Мечи и наконечники копий походили на слишком долго пролежавшие на солнце куски воска. Я заметил, что Одноглазый не в силах оторваться от жуткого зрелища.

— Когда ты сумеешь это повторить, я стану тебя бояться.

— Если я такое сумею, то стану бояться сам себя.

Другой круг оказался точной копией первого. Ворон остановил лошадь рядом со мной.

— Работа Хромого. Я такое уже видел.

Я почуял перемену ветра. А вдруг Ворон сейчас в подходящем настроении?

— Когда это было?

Ворон проигнорировал мой вопрос. Нет, он так и не вылезет из своей раковины. При встречах он даже здоровается не всякий раз, так стоит ли надеяться, что он расскажет, кто он такой и кем был.

Холодный человек. Ужасы долины его совсем не тронули.

— Хромой проиграл это сражение,— решил Капитан.— Теперь он бежит.

— Будем и дальше следовать за ним? — спросил Лейтенант.

— Эта страна нам незнакома. Здесь гораздо опаснее действовать в одиночку.

Мы ехали по следу насилия, полосе уничтожения. Вокруг расстилались вытоптанные поля. Сожженные деревни. Мертвые люди, зарезанные животные. Отравленные колодцы. Хромой оставлял за собой только смерть и опустошение.

Нам было приказано помочь удержать Форсберг. Присоединяться к Хромому мы не были обязаны. Я вообще не хотел бы иметь с ним дела. Не хотел бы даже находиться с ним в одной провинции.

По мере того, как следы разрушений становились все более свежими, Ворон проявлял возбуждение и тревогу, погружался в

себя, накапливая решимость, и все чаще прибегал к жесткому самоконтролю, за которым нередко скрывал свои чувства.

Когда я размышляю о характерах своих товарищей, мне часто хочется обладать одним небольшим талантом — умением заглянуть им в душу и сорвать покров с того темного и светлого, что ими движет. Но, быстро заглянув в джунгли собственной души, я благодарю небеса за то, что не могу этого сделать. Тот, кто едва выдерживает сражение с самим собой, не имеет права копаться в чужих душах.

Пузо, высланный в дозор, торопился нам навстречу, но мы и без него знали, что подобрались близко. Весь горизонт порос высокими косыми столбами дыма. Эта часть Форсберга оказалась плоской, равнинной и восхитительно зеленой, и столбы маслянистого дыма выглядели на фоне синего неба святотатством.

Ветра почти не было. День обещал стать очень жарким.

Пузо остановил коня возле Лейтенанта. Мы с Ильмо бросили обмениваться бородатыми байками и прислушались. Пузо показал на столб дыма:

— В деревне еще остались люди Хромого, Капитан.

— Ты с ними разговаривал?

— Нет. Башка решил, что вы этого не одобрили бы. Он ждет на околице.

— Сколько их там?

— Двадцать или двадцать пять. Пьяные и злые. Офицер оказался хуже своих солдат.

Лейтенант обернулся:

— А, Ильмо. Сегодня тебе повезло. Возьми десять человек и езжай следом за Пузом. Осмотрись в деревне.

— Проклятье,— процедил Ильмо. Он хороший солдат, но жаркая весна сделала его ленивым.— Ладно. Масло, Молчун, Карапуз, Блондин, Козел, Ворон...

Я многозначительно кашлянул.

— Ты свихнулся, Костоправ. Ну, хорошо.— Он быстро посчитал на пальцах, назвал еще три имени. Мы построились рядом с колонной. Ильмо провел быструю проверку — убедиться, что мы не забыли прихватить головы.— Тронулись.

Мы пришпорили лошадей. Пузо привел нас в рощу, откуда открывался вид на разоренную деревню. Там нас ждали Башка и Поддатый.

— Есть изменения? — спросил Ильмо.

Поддатый, у которого сарказм в крови, ответил:

— Пожары догорают.

Мы посмотрели на деревню. От увиденного у меня стало выворачивать желудок. Зарезанный скот. Мертвые собаки и кошки. Искалеченные трупики детей.

— Нет, только не дети,— пробормотал я, даже не сознавая, что думаю вслух.— Ну почему опять дети?

Ильмо посмотрел на меня как-то странно — не потому, что зрелище тронуло и его, а из-за нехарактерного для меня сочувствия. Я видел много мертвецов, но не стал ему пояснять, что для меня существует большая разница между убийством взрослого и ребенка.

— Ильмо, я должен туда пойти.

— Не глупи, Костоправ. Что ты сможешь сделать?

— Если я смогу спасти хотя бы одного ребенка...

— Я пойду с ним,— заявил Ворон. В его руке появился нож. Должно быть, он обучился этому трюку у фокусника. Он показывает его, когда нервничает или сердится.

— Надеешься запугать двадцать пять человек?

Ворон пожал плечами.

— Костоправ верно сказал, Ильмо. Это необходимо сделать. Есть вещи, которые нельзя спускать.

— Тогда мы пойдем все,— сдался Ильмо.— И молитесь о том, что они не настолько пьяны, чтобы не отличать друзей от врагов.

Ворон пришпорил лошадь.

Деревня оказалась порядочного размера — до прихода Хромого в ней было две сотни домов. Половина уже сгорела или догорала. Тела убитых усеивали улицы, их незрячие глаза облепили мухи.

— Тут нет мужчин призывного возраста,— заметил я.

Я спешился и опустился на колени возле мальчика четырех-пяти лет. Его череп был разбит, но ребенок еще дышал. Рядом со мной присел Ворон.

— Я бессилен,— признался я.

— Можешь окончить его мучения.— В глазах Ворона блеснули слезы. Слезы и гнев.— Такому нет оправдания.— Он подошел к трупу, лежащему в тени.

То был парнишка лет семнадцати в куртке рядового армии мятежников, и умер он сражаясь.

— Наверное, ему дали отпуск,— сказал Ворон.— И всю деревню защищал один мальчишка.— Он вынул из мертвых пальцев лук, согнул для пробы.— Хорошее дерево. Пара тысяч таких луков способна наголову разгромить армию Хромого.— Он перебросил лук через плечо и прихватил колчан парнишки.

Я осмотрел еще двух детей, но им уже ничто не могло помочь. В сгоревшей хижине я заметил старуху, которая пыталась заслонить своим телом младенца. Тщетно.

Ворон источал отвращение.

— Твари, подобные Хромому, — процедил он,— создают себе двух врагов на месте каждого уничтоженного.

Я услышал где-то впереди приглушенный плач, ругань и смех.

— Пойдем посмотрим, что там.

Возле хижины мы наткнулись на четверых мертвых солдат— работу парнишки.

— Хорошо стрелял,— заметил Ворон.— Дурак несчастный.

— Дурак?

— У него не хватило ума смыться. Может, и остальные не так пострадали бы.— Сила его эмоций удивила меня. Какое ему дело до парня, воевавшего не на нашей стороне? — Мертвые герои лишаются второго шанса отличиться.

Ага! Он проводит параллель с событиями из своего таинственного прошлого.

Ругань и плач обернулись сценой, которая показалась бы отвратительной любому, обладающему хотя бы каплей человечности.

Дюжина солдат стояла кругом, хохоча над своими грубыми шутками. Я вспомнил, как однажды видел суку, окруженную

кобелями, которые не дрались, как обычно, за право к ней пристроиться, а работали по очереди. Они могли ее убить, если бы я не вмешался.

Мы с Вороном сели на лошадей, чтобы лучше видеть.

Жертвой солдат оказалась девочка лет девяти. Все ее тело покрывали рубцы от ударов плетью. До ужаса перепуганная, она тем не менее не издавала ни звука. Через секунду я понял — она была немая.

Война — дело жестокое, и участвуют в ней жестокие мужчины. Боги знают, что Черный Отряд — не херувимы. Но всему *есть* пределы.

Рядом стоял старик, которого заставляли смотреть. Он-то и ругался, и плакал.

Ворон всадил стрелу в солдата, что собирался залезть на девочку.

— Проклятье! — взревел Ильмо.— Ворон!

Солдаты повернулись к нам. Блеснуло оружие. Ворон выпустил вторую стрелу и свалил солдата, державшего старика. У людей Хромого сразу пропало желание сражаться.

— Блондин,— прошептал Ильмо,— беги к нашему Старику и передай, чтобы тащил свою задницу сюда.

Одному из солдат Хромого пришла в голову сходная идея, и он помчался прочь. Ворон позволил ему убежать. Капитану подадут задницу Ворона на блюдечке, но его это словно и не волновало.

— Эй, старик! Иди сюда с девочкой. И накинь на нее что-нибудь.

Я не мог мысленно не аплодировать Ворону, но одновременно называл его глупцом.

Мы держались настороже и без приказов Ильмо, поскольку до боли ясно понимали, что крепко вляпались. «Поторопись, Блондин»,— подумал я.

Их посланник добежал до своего командира быстрее — тот, пошатываясь, уже приближался к нам. Пузо оказался прав, он был хуже своих людей.

Старик и девочка вцепились в стремена лошади Ворона. Приглядевшись к нашим значкам, старик нахмурился. Ильмо послал свою лошадь вперед, указав мне перед этим на Ворона. Я кивнул.

Пьяный офицер остановился перед Ильмо, осоловелые глаза пробежались по нашим лицам. Кажется, мы произвели на него впечатление. Мы закалились от суровой работы и выглядели соответственно.

— Ты! — внезапно пискнул он, увидев Ворона,— в точности, как в свое время визгливый в Опале,— потом развернулся и побежал.

— Стой, Лейн! — загремел Ворон.— Веди себя как мужчина, трусливый ворюга! — И выхватил из колчана стрелу.

Ильмо перерезал ему тетиву.

Лейн остановился, но благодарности не высказал. Он изрыгал проклятия и долго перечислял все ужасные пытки, которым нас подвергнет его патрон.

Я наблюдал за Вороном.

Он смотрел на Ильмо с холодной яростью. Ильмо выдерживал его взгляд, даже не моргая. Он тоже был крутым парнем.

Ворон исполнил трюк с ножом, но я постучал по его лезвию острием меча. Ворон беззлобно выругался, сверкнул глазами и остыл.

— Ты не забыл, что твоя прежняя жизнь осталась в прошлом? — напомнил Ильмо.

Ворон резко кивнул:

— Это труднее, чем я думал.— Его плечи поникли.— Беги, Лейн. Ты слишком ничтожен, чтобы тебя убивать.

За спиной послышался стук копыт — к нам ехал Капитан.

Мелкий прихвостень Хромого сразу напыжился и принялся кривляться, словно собирающийся прыгнуть кот. Ильмо взглянул на него поверх вытянутого меча. Тот понял намек.

— Мне так и так не стоило горячиться,— пробормотал Ворон.— Он всего лишь мальчик на побегушках.

Я задал Ворону уточняющий вопрос, но получил в ответ лишь притворно-равнодушный взгляд.

— Что за чертовщина тут происходит? — загремел Капитан.

Ильмо начал коротко докладывать, но его перебил Ворон:

— Этот пьяница — один из шакалов Зуада. Я хотел его убить. Ильмо и Костоправ меня остановили.

Зуад? Где я слышал это имя? Оно связано с Хромым. Полковник Зуад. Злодей номер один в армии Хромого. Кроме всего прочего, их связывает политика. Мне удалось пару раз подслушать это имя в разговорах Ворона и Капитана. Неужели Зуад — пятая на очереди жертва Ворона? В таком случае в несчастьях Ворона, должно быть, виноват сам Хромой.

Все любопытнее и любопытнее. А также страшнее и страшнее. Хромой не из тех, с кем стоит ссориться.

— Я требую, чтобы этого человека арестовали! — крикнул офицер Хромого. Капитан посмотрел ему в глаза.— Он убил двух моих людей.

Тела лежали у всех на виду. Ворон промолчал. Обычно молчаливый Ильмо не выдержал:

— Они насиловали ребенка. Так они себе представляли умиротворение.

Капитан пристально смотрел на офицера. Тот покраснел. Даже отъявленному злодею станет стыдно, если его застукают на месте преступления, а он не в силах оправдаться.

— Костоправ! — рявкнул Капитан.

— Мы нашли одного мертвого мятежника. Все указывает на то, что изнасилование произошло раньше, чем его обнаружили солдаты Лейна.

— Жители деревни — подданные Госпожи? — спросил Капитан у забулдыги.— И находятся под ее защитой?

Его слова можно было оспорить в суде, но в данный момент они сработали. Пьяный офицер не стал оправдываться и признал свою моральную вину.

— Ты мне отвратителен.— Капитан говорил вкрадчивым, опасным голосом.— Убирайся отсюда. И никогда мне не попадайся, иначе я отдам тебя на милость моих друзей.

Пошатываясь, пьяный офицер побрел прочь. Капитан повернулся к Ворону:

— Ты, дурак набитый, ты хотя бы понимаешь, что натворил?

— Наверное, лучше вас всех,— устало ответил Ворон.— Но я сделаю это снова.

— А ты еще не задумывался, почему мы приехали вытаскивать тебя из дерьма? — Капитан сменил тему.— Что

ты собираешься делать с этими людьми, благородный спаситель?

Об этом Ворон подумать не успел. Таинственные для нас события его прошлого приучили его жить только сегодняшним днем. О будущем он не думал.

— Теперь я за них отвечаю, так, что ли?

Капитан бросил попытки догнать Хромого. Теперь действия в одиночку казались меньшим злом.

Последствия начались четыре дня спустя.

Мы только что завершили наше первое значительное сражение, разгромив отряд мятежников, вдвое превосходящий нас по численности. Это не составило труда — против нас сражались зеленые новобранцы, к тому же нам помогали колдуны. Мало кому из противников удалось бежать.

Поле боя осталось за нами. Солдаты обирали мертвецов. Ильмо, я, Капитан и несколько других удовлетворенно наблюдали. Одноглазый и Гоблин отмечали победу по-своему, заставляя покойников произносить ехидные словечки в адрес соперника.

Неожиданно Гоблин оцепенел. Его глаза закатились, из горла вырвался вой, становящийся все тоньше и тоньше. Он рухнул на землю.

Одноглазый, опередив меня на шаг, принялся похлопывать Гоблина по щекам. Его привычная враждебность к Гоблину мгновенно исчезла.

— Освободите мне место! — рявкнул я.

Гоблин очнулся быстро — я успел лишь пощупать его пульс.

— Душелов,— пробормотал он.— Я был с ним в контакте.

В тот момент я был счастлив, что не обладаю талантами Гоблина. На мой взгляд, пустить кого-нибудь из Взятых себе в голову куда хуже, чем подвергнуться изнасилованию.

— Капитан! — крикнул я, не отходя от Гоблина.— Душелов.

Капитан тут же подбежал. Обычно он бегает только в бою.

— В чем дело?

Гоблин вздохнул и открыл глаза.

— Он уже ушел.— Кожа Гоблина блестела от пота, волосы слиплись. Он был бледен и начал дрожать.

— Ушел? — гаркнул Капитан.— Что за чертовщина?

Мы помогли Гоблину усесться поудобнее.

— Хромой не стал разбираться с нами, а отправился прямиком к Госпоже. Его и Душелова разделяет пролитая кровь. Хромой думает, что мы пришли сюда, чтобы подкопаться под него, и попробовал поменяться с нами ролями. Но Душелов после Берилла — в фаворе у Госпожи, а Хромой из-за военных неудач — нет. Госпожа приказала ему оставить нас в покое. Душелов не сумел добиться, чтобы Хромого заменили, но все же полагает, что этот раунд он выиграл.

Гоблин смолк. Одноглазый дал ему напиться. Гоблин осушил кружку единым духом.

— Душелов передал нам, чтобы мы держались от Хромого подальше. Тот может попытаться дискредитировать нас или даже натравить на нас мятежников. Он говорит, что нам следует вновь захватить крепость в Сделке. Это разом выведет из себя и мятежников, и Хромого.

— Если ему требуется нечто эффектное, то почему бы не приказать нам захватить сразу Круг Восемнадцати,— пробормотал Ильмо.

Круг Восемнадцати — верховное командование мятежников, восемнадцать колдунов, которые полагают, что у них есть все необходимое, чтобы бросить вызов Госпоже и Взятым. Загребущий, громивший Хромого в Форсберге, принадлежал к Кругу.

У Капитана был задумчивый вид.

— У тебя тоже появилось чувство, будто здесь замешана политика? — спросил он Ворона.

— Наш Отряд — инструмент Душелова. Это всем известно. Загадка лишь в том, как он намерен свой инструмент использовать.

— Я это ощутил еще в Опале.

Политика. Империя Госпожи якобы монолитна. Десять Взятых прилагают огромные усилия к сохранению ее целостности. Но еще больше энергии они тратят на грызню между собой,

напоминая малышей, дерущихся из-за игрушек или материнского внимания.

— Это все? — буркнул Капитан.

— Все. Он сказал, что будет держать с нами связь.

Так что мы пошли и сделали. Глухой ночью мы захватили крепость в Сделке. Говорят, Загребущий и Хромой впали в истерику. Полагаю, Душелов сумел это пережить.

Одноглазый сбросил карту в кучу битых.

— Кто-то мухлюет,— пробормотал он.

Гоблин шлепнул картой о стол, раздал четырех валетов, сбросил даму и ухмыльнулся. Ежу было ясно, что он собирается играть на понижение и у него не осталось ничего крупнее двойки. Одноглазый шарахнул кулаком по столу и зашипел. С тех пор как мы сели играть, он не выиграл ни единой партии.

— Успокойтесь, парни,— предупредил Ильмо, не обращая внимания на сброшенную Гоблином даму. Он взял себе, посмотрел на карты, поднеся их к самым глазам, раздал три четверки и сбро́сил двойку. Потом постучал по столу оставшимися двумя картами, улыбнулся Гоблину и сказал: — Если у тебя не туз, пухляк, то берегись.

Рассол подхватил двойку Ильмо, добавил к своим, раздал четыре двойки и сбросил тройку. Он сверлил Гоблина взглядом своих совиных глазок, недвусмысленно намекавшим на неприятности, если тот вздумает идти на понижение, и что его не спасет даже туз.

Я пожалел, что сейчас с нами нет Ворона — в его присутствии Одноглазый слишком нервничал и не осмеливался мухлевать. Но Ворон сейчас был в «турнепсном патруле» — так мы называли еженедельные поездки в Весло для закупки продовольствия,— а на его стуле сидел Рассол.

Рассол — интендант Отряда, и в «турнепсный патруль» обычно отправляется сам. Сегодня у него возникли проблемы с желудком, и он упросил его заменить.

— Похоже, сегодня мухлюют все,— заметил я и с отчаянием вгляделся в свои безнадежные карты. Две семерки, две восьмерки и девятка, которая пойдет с одной из восьмерок, но все равно некомплект. Почти все, чем я мог воспользоваться, уже лежит в куче битых.

Я взял себе. Наконец-то! Еще одна девятка, с ней получился комплект. Я раздал девятки, сбросил семерку и начал молиться. Сейчас мне могла помочь лишь молитва.

Одноглазый начихал на мою семерку и взял себе карту.

— Проклятье!

Он кинул шестерку на мою одинокую карту, добавил еще одну шестерку.

— Момент истины, Свиная Отбивная,— заявил он Гоблину.— Собираешься потягаться с Рассолом? Эти форсбергцы,— добавил он,— настоящие психи. Мне такие еще нигде не попадались.

Мы сидели в крепости уже месяц — многовато для нас, но мне тут нравилось.

— Скоро я настолько к ним привыкну, что они мне понравятся,— сказал я.— Если они научатся любить меня.— Мы уже отбили четыре контратаки.— Ходи, Гоблин, или снимай ставку. Сам знаешь, что уже ободрал меня и Ильмо.

Рассол потеребил ногтем уголок карты, пристально посмотрел на Гоблина.

— У них здесь собрана вся коллекция повстанческих мифов,— сказал он.— Пророки и лжепророки. Пророческие сны. Божественные откровения. Даже пророчество о том, что где-то в этих краях есть ребенок, родившийся реинкарнацией Белой Розы.

— Если ребенок уже здесь, то почему же он еще не прихлопнул нас? — спросил Ильмо.

— Потому что его еще не нашли. Или ее. Говорят, его уже ищет целая толпа местных.

Гоблин струсил. Он взял карту, плюнул, сбросил короля. Ильмо взял себе и сбросил другого короля. Рассол взглянул на Гоблина, еле заметно улыбнулся и взял карту, даже не потрудившись на нее посмотреть, потом бросил пятерку на шестерку, которой Одноглазый побил мою карту, а вынутую новую карту кинул в кучу битых.

— Пятерка? — пискнул Гоблин.— Ты придерживал пятерку? Не могу поверить. У него была пятерка.— Он шлепнул на стол туза.— У него была проклятая пятерка...

— Полегче, полегче,— предостерег его Ильмо.— Вспомни, ведь это ты всегда уговариваешь Одноглазого не кипятиться, верно?

— Он блефовал! Ну как он сумел одурачить меня проклятой пятеркой?

Рассол, все еще еле заметно улыбаясь, собирал выигрыш. Он был доволен собой — сблефовал он классно. Я сам готов был поспорить, что он придержал туза.

Одноглазый сгреб карты и кинул их Гоблину:

— Сдавай.

— Ну, это уж слишком! Он меня надул пятеркой, так мне еще и сдавать!

— Сейчас твоя очередь. Кончай бубнить и тасуй.

— А где ты услышал эту трепотню про реинкарнацию? — спросил я Рассола.

— От Трофея.

Трофеем мы назвали спасенного Вороном старика. Рассол сумел подобрать к замкнувшемуся было в себе старику ключик, и теперь его и девочку уже никто не назвал бы тощими.

Девочку назвали Душечкой. Она очень привязалась к Ворону, повсюду за ним ходила и иногда сводила нас с ума. Я был рад, что Ворон поехал в город,— Душечка почти не будет показываться нам на глаза, пока он не вернется.

Гоблин сдал. Я посмотрел свои карты. Вот уж точно — что в лоб, что по лбу. Чертовски близко к легендарной «пустышке Ильмо», то есть ни единой пары карт одной масти.

Гоблин взглянул на свои, и глаза у него полезли на лоб. Он шлепнул карты на стол картинками вверх.

— Тонк! Будь я проклят, если не тонк! Пятьдесят!

Он сдал себе пять королевских карт — автоматический выигрыш, требующий от партнеров расчета в двойном размере.

— Он способен выиграть, только когда сдает сам себе,— пробурчал Одноглазый.

— А ты, губошлеп, не выигрываешь даже тогда, когда сдаешь,— хихикнул Гоблин.

Ильмо начал тасовать заново.

Мы сыграли очередную партию. В паузах Рассол пересказывал нам обрывки истории про реинкарнацию.

Мимо прошла Душечка — круглое веснушчатое лицо печально, глаза пусты. Я попытался представить ее в образе Белой Розы и не смог. Она для нее не подходила.

На следующем круге сдавал Рассол. Ильмо попытался закончить, имея восемнадцать, но Одноглазый, взяв себе карту, его переплюнул и выиграл с семнадцатью. Я сгреб карты и стал тасовать.

— Ты уж постарайся, Костоправ,— подзуживал меня Одноглазый.— Кончай дурака валять. Видишь, мне пошла карта. Сдай-ка мне тузы и двойки.— Пятнадцать очков и меньше означали автоматический выигрыш, равно как сорок девять и пятьдесят.

— О, извини. Я поймал себя на том, что воспринял эти предрассудки мятежников всерьез.

— Верно, это прилипчивая чепуха,— подтвердил Рассол.— Рождает элегантную иллюзию надежды.— Я нахмурился, глядя на него. Его ответная улыбка оказалась почти застенчивой.— Трудно проиграть, когда ты *знаешь*, что судьба на твоей стороне. А мятежники это знают. По крайней мере, так говорит Ворон.

— В таком случае нам придется изменить их мысли.

— Не получится. Разгроми их сто раз подряд, а они все будут идти и идти. И именно по этой причине их пророчество исполнится.

— Тогда,— буркнул Ильмо,— нам нужно сделать нечто большее, чем просто разгромить их. Нам нужно их унизить.

Под словом *нам* он подразумевал всех, кто воевал на стороне Госпожи.

Я швырнул восьмерку в очередную из бесчисленных куч битых карт, ставших вехами моей жизни.

— Что-то мне начинает надоедать.

Меня снедало беспокойство. Хотелось заняться хоть чем-нибудь. Чем угодно.

— За игрой время идет быстрее,— пожал плечами Ильмо.

— Верно, это и есть настоящая жизнь,— поддакнул Гоблин.— Сидишь себе и ждешь. Сам вспомни, много ли мы так сидели за все эти годы?

— Я специально не подсчитывал,— буркнул я.— Но в карты мы играли больше, чем занимались другими делами.

— Ха! — воскликнул Ильмо.— Я слышал чей-то голосок. Он утверждает, что мои овечки заскучали. Так. Рассол, тащи-ка мишени для стрельбы из лука и...— Его слова утонули в дружном стоне.

У Ильмо есть универсальный рецепт против скуки — тяжелые физические упражнения. Если человека прогнать через его дьявольскую полосу препятствий, он или умирает, или излечивается.

Рассол, издав полагающийся в таком случае стон, дополнил свой протест и словами:

— Мне все равно придется разгружать фургоны, Ильмо. Парни уже вот-вот вернутся. Если ты хочешь, чтобы бездельники поразмялись, отдай их лучше мне.

Мы с Ильмо переглянулись. Гоблин и Одноглазый встревожились, Как, они еще не вернулись? Фургоны должны были приехать еще до полудня. Я-то думал, что парни давно отсыпаются. Те, кто отправляется в «турнепсный патруль», до конца дня больше не работники.

— Я думал, они давно уже здесь,— сказал Ильмо.

Гоблин махнул рукой в сторону кучки битых карт. Его карты на мгновение зависли в воздухе. Он хотел дать нам понять, что отпускает всех.

— Проверю-ка я, как там у них дела.

Карты Одноглазого заскользили по столу, извиваясь, словно червяки.

— Нет, я проверю, Карапуз.

— Я первый вызвался, Жабье Дыхание.

— А я старше.

— Сделайте это оба,— предложил Ильмо и повернулся ко мне: — Я собираю патруль. Пойди скажи Лейтенанту.— Он бросил карты и направился к конюшне, выкрикивая на ходу имена.

Копыта вздымали пыль, выбивая непрерывную рокочущую дробь. Мы скакали быстро, но осторожно. Одноглазый вынюхивал неприятности, но колдовать на скаку нелегко.

Все же он почуял врага вовремя. Ильмо взмахнул рукой, подавая сигнал. Мы разбились на две группы и вломились в высокие придорожные заросли. Оттуда выскочил мятежник — прямо нам в руки. У него не было ни единого шанса.

Через пару минут мы скакали дальше.

— Надеюсь, никто из местных не начнет задумываться, почему мы всегда знаем о том, что они намереваются сделать,— сказал мне Одноглазый.

— Пусть думают, что мы обложили их шпионами.

— Как шпион может так быстро передать весточку в Сделку? Наше везение становится неправдоподобным. Нужно, чтобы Капитан уговорил Душелова вывести нас отсюда, пока мы еще на что-то годимся.

Он верно говорил. Едва наш секрет выплывет, мятежники нейтрализуют наших колдунов своими. И нашему везению конец.

Впереди показались стены Весла, и я начал испытывать запоздалое сожаление. Если честно, то Лейтенант не давал добро на эту вылазку. Уж Капитан накрутит мне хвост. От его ругани выгорает щетина на подбородке, и я успею состариться, пока кончатся наложенные на меня взыскания. Прощайте, уличные красотки!

Сам виноват, что погорячился,— ведь я наполовину офицер.

Зато Ильмо и его капралов явно не смущала перспектива делать дальнейшую карьеру в Отряде, будучи уборщиками конюшен. Казалось, ими овладела лишь одна мысль: «Вперед!» Вперед, во имя славы Отряда. Даешь!

Они не были тупицами, а просто отвечали за неподчинение приказу.

Когда мы въехали в Весло, идиот Одноглазый даже принялся петь. Песня была его собственного сумбурного сочинения и исполнялась голосом, принципиально не способным выдерживать мелодию (если его вопли можно назвать мелодией).

— Заткнись, Одноглазый,— рыкнул Ильмо.— Ты привлекаешь внимание.

Впрочем, его приказ не имел смысла. Мы слишком очевидно были теми, кем были, и столь же очевидно пребывали в скверном настроении. В город въехал не «турнепсный патруль». У нас чесались кулаки.

Одноглазый допел и завыл следующую песню.

— Заткнись, тебе говорят! — загремел Ильмо.— И займись своей проклятой работой.

Когда мы свернули за угол, копыта лошадей окутал черный туман. Из него высовывались влажные черные носы, внюхивались в зловонный вечерний воздух и морщились. Следом показались миндалевидные глаза, сверкающие подобно адским лампам. Шепоток страха сметал зевак с тротуаров.

Они поднимались над туманом все выше и выше — десять, двадцать, сотня фантомов, родившихся в яме со змеями, которую Одноглазый называет своим разумом. Они потоком хлынули вперед — быстрые, зубастые, гибкие черные существа, бросавшиеся на горожан. Их опережал ужас, и через минуту на улицах остались только мы и призраки.

Я впервые оказался в Весле и теперь озирался по сторонам, словно только что въехал в город на фермерской телеге.

— Эй, посмотрите-ка сюда,— воскликнул Ильмо, когда мы свернули на улицу, где обычно останавливался турнепсный патруль.— Это же старина Корни.

Я знал это имя, но не человека. Корни держал конюшню, где всегда останавливался патруль.

Старик, сидевший возле корыта для водопоя, встал.

— Слышал, как вы едете,— сказал он.— Я сделал все, что смог, Ильмо. Только вот доктора не сумел к ним привести.

— Мы привезли своего.

Хотя Корни был стар и с трудом поспевал за Ильмо, тот не замедлил шагов.

Я принюхался. Слегка пахло дымом погасшего пожара.

Корни заторопился вперед и свернул за угол. Черные призраки мелькали у него под ногами, словно прибой, разбивающийся о валун на берегу. Мы пошли за ним и увидели источник дымного запаха.

Кто-то поджег конюшню Корни, а потом напал на наших парней, когда они оттуда выбегали. В небо все еще поднимались струйки дыма. На улице перед конюшней лежали убитые. Легкораненые перекрыли улицу и направляли движение в обход.

К нам, хромая, подошел командовавший патрулем Леденец.

— Откуда мне начинать? — спросил я.

— Самые тяжелые лежат вон там. Но лучше начни с Ворона, если он еще жив.

Мое сердце дрогнуло. Ворон? Он казался мне неуязвимым.

Одноглазый пустил своих питомцев по окрестным улицам. Теперь ни один мятежник не сумеет незаметно к нам подобраться. Я пошел следом за Леденцом туда, где лежал Ворон. Он был без сознания, лицо белое как бумага.

— Он самый тяжелый из всех?

— Единственный, кто, по-моему, не выживет.

— Ты все сделал правильно. И шины наложил так, как я тебя учил, верно? — Я осмотрел Леденца с головы до ног.— Тебе тоже лучше бы лечь.

Я занялся Вороном. Спереди у него было около тридцати ран, некоторые глубокие. Я вдел нитку в иглу.

Быстро обойдя выставленные патрули, к нам подошел Ильмо.

— Плох? — спросил он.

— Наверняка не скажешь. В нем полно дырок. Потерял много крови. Скажи Одноглазому, пусть сварганит свое варево.

Одноглазый варит по своему рецепту супчик из трав и курятины, способный вдохнуть надежду даже в раненого, стоящего одной ногой в могиле. Колдун — мой единственный помощник.

— Как все произошло, Леденец? — спросил Ильмо.

— Они подожгли конюшню и напали, когды мы выбежали.

— Я так и понял.

— Грязные убийцы,— пробормотал Корни. У меня, однако, создалось впечатление, что он больше скорбит о сгоревшей конюшне, чем о наших ребятах.

Лицо Ильмо скривилось, словно у человека, куснувшего неспелую хурму:

— И ни одного погибшего? А Ворон ранен тяжелее всех? В такое трудно поверить.

— Один погибший,— поправил его Леденец.— Старик. Из той деревни.

— Трофей,— рыкнул Ильмо. Старику не разрешалось выходить из крепости в Сделке — Капитан ему не доверял. Но Ильмо проглядел это нарушение приказа.— Мы заставим кое-кого пожалеть о том, что они это затеяли,— сказал он. Его голос прозвучал совершенно бесстрастно, таким тоном он мог назвать оптовую цену на ямс.

Я задумался над тем, как воспримет новость Рассол — он очень привязался к Трофею. Душечка будет потрясена, ведь старик был ее дедом.

— Им нужен был только Ворон,— сказал Корни.— Вот почему он так сильно пострадал.

— Трофей заслонил собой Ворона,— добавил Леденец.— А это,— он махнул рукой,— из-за того, что мы не остались в стороне.

Ильмо задал удививший меня вопрос:

— Почему мятежникам так не терпелось убить Ворона?

Пузо, слонявшийся рядом в ожидании, когда я обработаю резаную рану на его левом предплечье, ответил:

— То были не мятежники, Ильмо, а вонючий капитанишка из той самой деревушки, где мы подобрали Трофея и Душечку.

Я выругался.

— Ты работай себе иголкой, Костоправ,— сказал Ильмо.— Ты уверен, Пузо?

— Конечно, уверен. Да ты Поддатого спроси. Он его тоже видел. На нас напала всякая уличная сволота. Мы их сразу покрошили, как только принялись за дело.— Он ткнул пальцем в сторону уцелевшей от пожара стенки конюшни, где, словно поленья, лежала дюжина тел. Я смог опознать только Трофея. На остальных была драная местная одежка.

— Я его тоже видел, Ильмо,— подтвердил Леденец.— Но всем заправлял даже не он, а другой хмырь, что держался в тени. Как только мы стали побеждать, он сразу смылся.

Корни ошивался поблизости, внимательно прислушиваясь и помалкивая, но тут он вмешался в разговор:

— Я знаю, куда они пошли. Есть тут одно местечко на Унылой улице.

Я переглянулся с Одноглазым, который стряпал свой супчик, доставая из черного мешка то одно, то другое.

— Похоже, Корни знаком с нашими приятелями,— заметил я.

— Просто я достаточно хорошо вас знаю и уверен, что такое вы никому не спустите.

Я посмотрел на Ильмо. Тот уставился на Корни. Владелец конюшни всегда вызывал у нас некоторое сомнение. Корни занервничал — у Ильмо, как и у всякого сержанта-ветерана, был хорошо отработан зловещий взгляд.

— Одноглазый,— молвил наконец Ильмо,— прогуляйся с нашим приятелем. Пусть он тебе все расскажет.

Одноглазый загипнотизировал Корни за несколько секунд. Вскоре они уже ходили рядом, болтая, словно закадычные друзья. Я спросил у Леденца:

— А тот человек в тени хромал?

— То был не Хромой. Слишком высок для него.

— Все равно. Нападение произошло с его благословения. Верно, Ильмо?

Ильмо кивнул.

— Душелов страшно разгневается, если догадается. Чтобы отважиться на такое нападение, нужно получить разрешение с самого верха.

Мне показалось, что Ворон вздохнул. Я посмотрел на него и увидел, что он едва заметно приподнял веки. Звук повторился. Я приблизил ухо к его губам.

— Зуад...— прошептал он.

Зуад. Печально знаменитый полковник Зуад. Враг, от которого Ворон отрекся. Особый злодей Хромого. Рыцарское поведение Ворона обернулось зловещими последствиями.

Я назвал это имя Ильмо, но тот вроде и не удивился. Возможно, Капитан поведал историю Ворона командирам взводов.

К нам вернулся Одноглазый.

— Наш друг Корни играет за другую команду.— Он злобно ухмыльнулся. Эту улыбку он долго отрабатывал, и теперь

распугивал ею мальчишек и собак.— Подумал, ты захочешь принять эту новость во внимание.

— Еще бы.— Ильмо выглядел весьма довольным.

Я принялся за очередного раненого. Опять придется зашивать. Я уже стал беспокоиться, хватит ли нитей. Патрулю крепко досталось.

— Скоро будет готов твой супчик, Одноглазый?

— Я еще не успел раздобыть курицу.

— Так пошли кого-нибудь, пусть украдет,— проворчал Ильмо.

— Те, кого мы ищем, затаились в забегаловке на Унылой улице,— сказал Одноглазый.— Их охраняют несколько крутых приятелей.

— Что ты собираешься сделать, Ильмо? — спросил я, уверенный, что он обязательно что-нибудь предпримет. Назвав имя Зуада, Ворон связал нас обязательством. Он думал, что умирает, иначе не стал бы называть имени. Я достаточно хорошо я его знал, чтобы об этом догадаться.

— Надо чем-то порадовать полковника.

— Если ты ищешь неприятности, то ты их найдешь. Вспомни, кому он служит.

— Но еще хуже, Костоправ, позволить кому-либо нанести Отряду удар и уйти безнаказанным. Даже Хромому.

— В таком случае ты взваливаешь на свои плечи ответственность за политику весьма высокого уровня, разве не так? — Впрочем, я не мог с ним не согласиться. Поражение на поле боя допустимо, но тут совсем другое дело — это имперская политика. Всех следует предупредить, что если нас в нее втянут, то сами же пожалеют. Нужно преподать этот урок и Хромому, и Душелову.

— Как по-твоему, какие могут возникнуть последствия? — спросил я.

— Будут долго топать ногами и вопить. Но, полагаю, с нами мало что смогут *сделать*. Послушай, Костоправ, в любом случае это не твоя забота. Тебе платят, чтобы ты зашивал наших парней.— Он задумчиво посмотрел на Корни.— Думаю, чем меньше останется свидетелей, тем лучше. Хромой не станет поднимать шум, если не сумеет ничего доказать. Эй, Одноглазый! Погово-

ри-ка еще со своим ручным мятежником. У меня появилась одна хитрая идея, а он, возможно, станет для нас ключиком.

Одноглазый налил последнюю миску супа. Щеки тех раненых, кто успел его съесть, уже порозовели. Ильмо перестал грызть ногти и спросил владельца конюшни, буравя его взглядом:

— Корни, ты слышал когда-нибудь о полковнике Зуаде?

Корни напрягся и лишнюю секунду помедлил с ответом.

— Вроде бы нет.

— Странно. Думал, ты его знаешь. Это тот самый человек, которого называют левой рукой Хромого. В любом случае, Круг пойдет на что угодно, лишь бы его сцапать. Что думаешь?

— Я ничего не знаю о Круге, Ильмо.— Корни взглянул куда-то поверх крыш.— Ты хочешь сказать, что человек, который сидит сейчас в забегаловке на Унылой, и есть Зуад?

— Я этого вовсе не говорил,— усмехнулся Ильмо.— Разве тебе такое показалось, Костоправ?

— Конечно, нет. С какой стати Зуаду сейчас околачиваться в паршивом борделе в Весле? Хромой по уши завяз в неприятностях на востоке, и ему сейчас позарез нужна любая помощь.

— Видишь, Корни? Но послушай меня. Возможно, я знаю, где Круг сможет отыскать полковника. Сейчас он для Отряда — враг. С другой стороны, мы для Круга тоже не друзья. Но тут чисто деловое предложение, никакой вражды. Вот я и думаю, не сумеем ли мы обменять услугу на услугу. Может, кто-нибудь из важных мятежников сможет заглянуть в ту дыру на Унылой улице и намекнуть владельцам, что, по его мнению, им не следует опасаться тех парней. Понял, куда я клоню? Полковник Зуад может попасть в руки Круга еще тепленьким.

У Корни был вид человека, понимающего, что его загнали в ловушку.

Он был хорошим шпионом, когда мы не имели повода его опасаться. Для нас он был просто стариной Корни, приветливым владельцем конюшни, которому мы платили чуточку больше, чем полагалось, и о котором говорили не больше и не меньше, чем о прочих, не принадлежащих к Отряду. Он ничего не боялся и был просто самим собой, не притворяясь.

— Ты меня неправильно понял, Ильмо. Честно. Я никогда не вмешивался в политику. Мне все равно — что Госпожа, что Белые. Лошадям нужны стойло и корм, кто бы на них ни ездил.

— Тут ты, пожалуй, прав. Извини за подозрительность.— Ильмо подмигнул Одноглазому.

— Те, кого ты ищешь, Ильмо, сейчас в «Амадоре». Я бы на твоем месте поскорее туда отправился, пока никто им не передал, что вы в городе. А я, пожалуй, начну наводить здесь порядок.

— Мы не торопимся, Корни. Но если тебе нужно что-то сделать — валяй.

Корни посмотрел на нас, потом приблизился на несколько шагов к остаткам своей конюшни и вновь обвел нас взглядом. Ильмо посмотрел на него равнодушно. Одноглазый поднял левую переднюю ногу у своей лошади и проверил копыто. Корни нырнул в развалины конюшни.

— Ты как, Одноглазый? — спросил Ильмо.

— Иду за ним по пятам. На цыпочках.

— Не упускай его из виду,— ухмыльнулся Ильмо.— А ты, Костоправ, все записывай. Я хочу знать, кому он передаст весточку. И кому ее передадут дальше. Мы ему сказали такое, что разлетится по городу быстрее эха от хлопка в ладоши.

— Можешь считать Зуада покойником с той минуты, когда Ворон назвал его имя,— сказал я Одноглазому.— А может, еще с той минуты, когда он что-то сделал еще давным-давно.

Одноглазый хмыкнул и сбросил карту. Леденец сдал. Одноглазый выругался.

— Я не могу с ними играть, Костоправ. Они жульничают.

По улице галопом промчался Ильмо, остановил коня и спешился.

— Они уже окружают бордель. У тебя есть что-нибудь для меня, Одноглазый?

Список оказался до разочарования коротким. Я протянул его Ильмо. Он выругался, плюнул и снова выругался, потом поддал ногой доски, которые мы приспособили вместо карточного стола.

— Займитесь делом, бездельники!

Одноглазый едва не вспыхнул, но сдержался.

— Они не допускают ошибок, Ильмо, и прикрывают свои задницы. Корни слишком долго общался с нами, и ему не доверяют.

Ильмо закружил вокруг нас, топая сапогами и жарко дыша.

— Ладно. Запасной план номер один. Мы следим за Зуадом. Узнаем, куда они его спрячут, когда схватят. Потом отбиваем его в тот момент, когда он готов расколоться, приканчиваем всех собравшихся в том месте мятежников, потом начинаем охоту на тех, кто в списке.

— А ты, я вижу, решил извлечь из всей этой истории выгоду,— заметил я.

— Еще как решил. Как Ворон?

— Похоже, выкарабкается. С инфекцией я справился, и Одноглазый говорит, что он начал выздоравливать.

— Хм. Одноглазый, мне нужны имена мятежников. Много имен.

— Да, босс.— Одноглазый подобострастно отдал честь. Едва Ильмо отвернулся, рука Одноглазого изобразила непристойный жест.

— Сдвинь лучше доски, Пузо,— предложил я.— Тебе сдавать, Одноглазый.

Тот не ответил, не стал ругаться, досадовать или угрожать превратить меня в тритона. Он застыл, немой, как смерть, прикрыв глаза.

— Ильмо!

Ильмо встал перед Одноглазым и в упор посмотрел ему в глаза, потом щелкнул пальцами у него перед носом. Одноглазый не отреагировал.

— Что с ним, Костоправ?

— Думаю, в том борделе что-то происходит.

Не шелохнувшись, Одноглазый простоял минут десять. Потом его остекленевшие глаза закрылись, и он обмяк, словно мокрая тряпка.

— Что случилось? — рявкнул Ильмо.

— Дай ему хоть прийти в себя! — не выдержал я.

Одноглазый наконец заговорил:

— Мятежники захватили Зуада, но тот успел связаться с Хромым.

— И что?

— Этот хмырь едет ему на помощь.

Ильмо побледнел.

— Сюда? В Весло?

— Угу.

— Вот дерьмо!

Воистину дерьмо. Хромой слыл самым гнусным из всех Взятых.

— Думай быстрее, Ильмо. Он проследит цепочку событий и выйдет на нас... Корни здесь — лишнее звено.

— Одноглазый, отыщи старого пердуна. Блондин, Ступор, Лодырь. У меня для вас есть работенка.

Ильмо проинструктировал их. Лодырь ухмыльнулся и погладил свой кинжал. Кровожадная сволочь.

Я не в силах достоверно описать тревогу, вызванную словами Одноглазого. Мы знали Хромого только по рассказам, но эти рассказы неизменно оказывались мрачными. Мы испугались не на шутку. Покровительство Душелова не могло стать реальной защитой против другого Взятого.

Ильмо толкнул меня в бок:

— Он опять оцепенел.

И точно — Одноглазый застыл, но на сей раз вскоре рухнул и забился в судорогах с пеной у рта.

— Держите его! — приказал я.— Ильмо, дай мне свою дубинку.

На Одноглазого навалились шестеро. Хоть он и коротышка, но заставил их попыхтеть.

— Зачем тебе дубинка?

— Вставлю ему между зубами, чтобы не откусил язык.

Столь зловещих звуков, какие испускал Одноглазый, мне слышать не доводилось, а на полях сражений я наслушался их предостаточно. Раненые способны на такие звуки — поверить невозможно, что человеческое горло может их издавать.

Припадок длился лишь несколько секунд, и после очередного резкого рывка Одноглазый затих, не приходя в сознание.

— А что с ним сейчас, Костоправ?

— Не знаю. Может, выбился из сил?

— Дай ему его собственного супчика,— предложил кто-то.— Это ему не повредит.

Кто-то принес оловянную чашку, и я с трудом вылил ее содержимое в рот Одноглазого. Его глаза тут же распахнулись.

— Вы что, отравить меня собрались? Фу! Это что за гадость — кипяченая жижа из сточной канавы?

— Твой супчик.

— Так что случилось? — вмешался Ильмо.

Одноглазый сплюнул, схватил ближайший мех с вином, высосал добрую порцию, прополоскал рот и еще раз плюнул.

— Душелов случился, вот что. Уф! Теперь я сочувствую Гоблину.

Мое сердце стало пропускать каждый третий удар. В желудке неожиданно завелось гнездо шершней. Сперва Хромой, теперь Душелов.

— И что он от нас хочет? — спросил Ильмо. Он тоже нервничал — нетерпеливость не в его натуре.

— Он хотел выяснить, что тут стряслось, поскольку проведал, что Хромой весьма возбужден. Сперва он связался с Гоблином, но тот знал лишь, что мы поехали сюда, и тогда он забрался мне в башку.

— И изумился, сколько там пустого места. Теперь он знает все, что известно тебе, верно?

— Да.— Одноглазому эта идея явно пришлась не по душе.

— Ну? — произнес Ильмо, выждав несколько секунд.

— Что «ну»? — Одноглазый спрятал ухмылку, поднеся ко рту мех с вином.

— Проклятье! Что он сказал-то?

Одноглазый хихикнул.

— Сказал, что одобряет все наши действия. Только считает, мы себя повели неуклюже, как слон в посудной лавке. Поэтому нам будет оказана помощь.

— Какая именно? — Ильмо говорил таким тоном, словно знал, что ситуация вышла из-под контроля, только не мог понять, где именно.

— Он послал к нам кое-кого.

Ильмо расслабился. Я тоже — до тех пор, пока сам Душелов держится от нас подальше.

— И скоро этот кто-то будет здесь? — спросил я.

— Может, скорее, чем нам хотелось бы,— пробормотал Ильмо.— Оставь-ка вино, Одноглазый. Тебе все еще нужно следить за Зуадом.

Одноглазый что-то проворчал и погрузился в легкий транс — это означало, что он мысленно где-то шарит. Так он сидел довольно долго.

— Так что? — прорычал Ильмо, когда Одноглазый вышел из транса. Все это время он озирался, словно ждал, что перед ним прямо из воздуха появится Душелов.

— Не дергайся. Его спрятали в тайнике в полуподвальчике примерно в миле отсюда.

Ильмо не находил себе места, словно мальчик, которому отчаянно хочется пописать.

— Да что с тобой? — не выдержал я.

— Скверное предчувствие. Самое обыкновенное скверное предчувствие, Костоправ.— Его бегающие глаза внезапно замерли.— И я оказался прав. Проклятье! Как я оказался прав!

Оно казалось высотой с дом и шириной в половину дома. Облаченное в нечто ярко-красное, ныне выцветшее, побитое молью и потрепанное, оно перемещалось вдоль улицы странными рывками — то быстро, то медленно. На голове торчали жесткие седые волосы. Куст всклокоченной бороды, густой и заляпанной грязью, почти целиком скрывал лицо. Мертвенно-бледная рука, усеянная веснушками, сжимала древко жезла такой красоты, что прикосновение владельца, казалось, оскверняло его. Жезл был сделан в форме сильно вытянутой в длину женской фигуры, совершенной в каждой детали.

— Говорят, во времена Владычества это была реальная женщина, которая его обманула,— прошептал кто-то.

Если это было и в самом деле так, то женщину не стоило винить — достаточно получше приглядеться к Меняющему Облик.

Меняющий — самый близкий союзник Душелова среди Взятых. Его ненависть к Хромому гораздо сильнее, чем у нашего патрона.

Подойдя к нам на несколько футов, он остановился. Его глаза пылали безумным огнем, и в них было невозможно заглянуть. Так и не могу вспомнить, какого они цвета. Хронологически он был первым королем-волшебником, которого Властелин и его Госпожа соблазнили, подчинили, а потом и поработили.

Одноглазый, весь дрожа, шагнул ему навстречу.

— Я колдун,— сказал он.

— Ловец мне говорил.— Голос Меняющего был слишком раскатистым, низким и громким даже для человека его размеров.— Докладывай.

— Я выследил Зуада. И больше ничего.

Меняющий вновь обвел нас взглядом. Кое-кто побледнел, и он улыбнулся сквозь заросли на лице.

В отдалении, где улица изгибалась, уже собралась кучка городских зевак. Веслу пока не доводилось видеть никого из великих слуг Госпожи, так что сегодня городу повезло — его осчастливили своим присутствием сразу двое, причем самых чокнутых.

Взгляд Меняющего коснулся меня, и на мгновение я ощутил его холодное презрение. Я был лишь букашкой у него под ногами.

Вскоре он отыскал того, кто был ему нужен. Ворон. Он двинулся вперед. Мы расступились, как расступаются в зоопарке павианы перед вожаком стаи. Меняющий несколько минут разглядывал Ворона, потом его огромные плечи шелохнулись — он пожал плечами,— и вдруг коснулся груди Ворона пятками своего жезла.

Я ахнул. Кожа Ворона сразу порозовела, он перестал потеть. Лицо расслабилось, когда стихла боль. Раны превратились в ярко-красные шрамы, которые за считанные минуты стали белыми, словно зажили давным-давно. Восхищенные и изумленные, мы обступили Ворона тесным кругом.

К нам подбежал вернувшийся Лодырь.

— Эй, Ильмо! Мы все сделали. Что тут такое? — Он взглянул на Меняющего и пискнул, словно пойманная мышь.

Ильмо пришел в себя и стал прежним сержантом:

— Где Блондин и Ступор?

— Избавляются от тела.

— От тела? — переспросил Меняющий. Ильмо объяснил. Меняющий хмыкнул.— Этот Корни станет основой нашего плана. Ты.— Он ткнул в Одноглазого пальцем размером с сосиску.— Где эти двое?

Как и можно было предсказать, Одноглазый отыскал их в таверне.

— Ты.— Меняющий указал на Лодыря.— Скажи им, пусть принесут тело сюда.

Лодырь аж стал серым от возмущения, но все же кивнул, глотнул воздуха и побежал прочь. Никто не спорит со Взятым.

Я пощупал пульс Ворона. Он оказался сильным, и вообще Ворон выглядел совершенно здоровым. Стараясь придать голосу робость, я спросил:

— Вы не могли бы проделать то же и с остальными? Пока мы ждем.

Меняющий посмотрел на меня так, что я уже решил: у меня сейчас свернется кровь. Но выполнил мою просьбу.

— Что случилось? Что ты здесь делаешь? — Ворон застыл, глядя на меня, потом все вспомнил и сел.— Зуад...— Он огляделся.

— Ты был в отключке. Тебя нашпиговали, словно гуся. Мы уже не думали, что ты выкарабкаешься.

Он ощупал свои раны.

— Что со мной, Костоправ? С такими ранами мне полагается быть мертвецом.

— Душелов прислал своего приятеля Меняющего. Он тебя и заштопал.

И не только Ворона, а всех раненых. Трудно все время бояться парня, который так много сделал для твоих товарищей.

Ворон с трудом поднялся и пошатнулся от слабости.

— Проклятый Корни. Это он все подстроил.— В его руке появился нож.— Проклятье. Я слаб, как котенок.

Я до сих пор не мог понять, откуда Корни так много знает о нападавших.

— Там стоит не Корни, Ворон. Корни мертв. Это Меняющий — он учится вести себя как Корни.

Если честно, то Меняющему не требовались никакие тренировки. Он был настолько похож на Корни, что одурачил бы и его мать.

— Что тут затевается? — поинтересовался Ворон, присаживаясь рядом со мной. Я рассказал ему о том, что произошло.

— Меняющий хочет пробраться к мятежникам, воспользовавшись обликом Корни вместо верительных грамот. Сейчас ему, похоже, доверяют.

— Я пойду вместе с ним.

— Ему это может не понравиться.

— А мне плевать. На сей раз Зуаду не уйти. За ним слишком большой должок.— Его лицо смягчилось и стало печальным.— Как Душечка? Она еще не знает про Трофея?

— Не думаю. Из наших никто в Сделку не возвращался. Ильмо решил, что здесь он может делать что хочет, пока не придется вернуться к Капитану и держать перед ним ответ.

— Хорошо. Тут я не хочу с ним спорить.

— Меняющий — не единственный Взятый в этом городе,— напомнил я.— Меняющий сказал, что почуял Хромого.

Ворон пожал плечами. Хромой его не волновал.

К нам подошел лже-Корни. Мы встали. Меня немного трясло, но я заметил, что и Ворон чуточку побледнел. Хорошо. Значит, он не всегда холоден как камень.

— Ты пойдешь со мной,— заявил он Ворону и посмотрел на меня: — И ты. И сержант.

— Они знают Ильмо,— запротестовал я. Меняющий лишь улыбнулся.

— Вы будете выглядеть как мятежники. Только член Круга способен заметить подмену, но никого из них в городе нет. Мятежники здесь стремятся действовать независимо, и мы воспользуемся тем, что они не стали звать подмогу.

Мятежники столь же склонны к политической грызне, что и слуги Госпожи.

Меняющий поманил к себе Одноглазого.

— Как там полковник Зуад?

— Еще не раскололся.

— Крепкий мужик,— заметил скупой на комплименты Ворон.

— Узнал новые имена? — спросил меня Ильмо. Я вручил ему длинный список. Ильмо остался доволен.

— Пора идти,— решил Меняющий.— Пока Хромой не нанес удар.

Одноглазый сообщил нам пароли. Испуганный, убежденный в том, что не гожусь для подобных приключений, и еще более уверенный в том, что не осмелюсь возражать против сделанного Меняющим выбора, я побрел следом за Взятым.

Я так и не понял, когда это произошло,— просто поднял глаза и увидел, что иду с какими-то незнакомцами. Я тут же юркнул за спину Меняющего.

Ворон рассмеялся, и тогда я понял. Меняющий накрыл нас своими чарами, и теперь мы выглядели капитанами мятежников.

— Кто мы? — спросил я.

Меняющий показал на Ворона:

— Твердец, член Круга. Зять Загребущего. Они ненавидят друг друга, в точности как Душелов и Хромой. Ильмо теперь фельдмайор Риф, начальник штаба у Твердеца. А ты Мотрин Хэнин, племянник Твердеца, злобный убийца.

Мы не слышали прежде ни одного из этих имен, но Меняющий заверил, что их присутствие никто не станет подвергать сомнению. Твердец постоянно то уезжал из Форсберга, то возвращался, не давая скучать брату своей жены.

«Правильно,— подумал я.— Шито-крыто. А как насчет Хромого? Что нам делать, если он заявится?»

Люди в том месте, где держали Зуада, проявили скорее раздражение, чем любопытство, когда Корни объявил о приходе Твердеца. На Круг они не очень-то полагались. Вопросов они задавать не стали. Очевидно, реальный Твердец отличался злобным, вспыльчивым и непредсказуемым характером.

— Покажите им пленника,— сказал Меняющий.

Один из мятежников многозначительно взглянул на Меняющего — мол, погоди, Корни.

Заведение было буквально набито мятежниками. Я будто слышал, как Ильмо обдумывает план атаки.

Через хитро замаскированную дверь нас провели в подвал, а затем еще ниже — в помещение с земляными стенами, потолок в котором поддерживали балки и деревянные столбы. Все здесь казалось воплощением фантазий какого-то демона.

Разумеется, камеры пыток существуют, но большинство людей никогда их не видит, поэтому по-настоящему в них не верит. Мне тоже не доводилось видеть их раньше.

Я рассмотрел пыточные инструменты, перевел взгляд на Зуада, привязанного к огромному креслу зловещей конструкции, и удивился, почему Госпожу все считают такой злодейкой. Эти люди утверждают, что они хорошие парни, борются за справедливость, свободу и достоинство человеческого духа, но их методы оказались ничуть не лучше, чем у Хромого.

Меняющий что-то шепнул Ворону, тот кивнул. Я стал гадать, как же мы получим сигнал действовать. Меняющий репетировал с нами совсем недолго. Мятежники ожидают, что мы поведем себя как Твердец и его головорезы.

Мы уселись и стали наблюдать за допросом. Наше присутствие вдохновило следователей. Я закрыл глаза. На Ворона и Ильмо зрелище подействовало меньше.

Через несколько минут «Твердец» приказал «майору Рифу» отправиться по какому-то делу. Суть поручения я не помню — не до того мне было. Целью этого маневра было вывести Ильмо на улицу, чтобы он с остальными мог начать окружение.

Операцией командовал Меняющий, а нам полагалось спокойно сидеть и дожидаться его сигнала. Я предположил, что мы сделаем свой ход, когда Ильмо ворвется в заведение и сверху вниз начнет распространяться паника. А пока что нам предстояло наблюдать за мучениями полковника Зуада.

Полковник выглядел не особенно впечатляюще, но над ним уже успели потрудиться мучители. Полагаю, любой человек будет выглядеть опустошенным и сломленным, если его отдадут в лапы палачей.

Мы сидели, словно три истукана. Я мысленно поторапливал Ильмо, потому что привык получать удовольствие от исцеления человеческой плоти, а не от ее уничтожения.

Даже Ворон казался не очень счастливым. В своих фантазиях он, несомненно, представлял, как пытает Зуада, но когда дело дошло до реальных пыток, в душе Ворона победила присущая ему порядочность. Он предпочитал другой стиль — вонзить в человека нож и на этом покончить с местью.

Пол дрогнул, словно по нему топнули гигантским сапогом. Со стен и потолка посыпалась земля. Воздух замутился от пыли.

— Землетрясение! — заорал кто-то, и все мятежники бросились к лестнице. Меняющий сидел спокойно и улыбался.

Пол содрогнулся вновь. Я преодолел стадный инстинкт и остался сидеть. Меняющий-то не встревожился, так с какой стати дергаться мне?

Он указал на Зуада. Ворон кивнул, встал и подошел к нему. Полковник был в сознании и все понимал. Толчки его напугали, и он с благодарностью взглянул на Ворона, когда тот начал его освобождать.

Огромная нога снова топнула. Посыпалась земля, в одном из углов рухнула опора, и в подвал заструилась земляная пыль. Остальные опоры затрещали и перекосились. Я едва держал себя в руках.

В какой-то момент, пока все вокруг содрогалось, Ворон перестал выглядеть Твердецом, а Меняющий — Корни. Зуад скользнул по ним взглядом и внезапно узнал. Его лицо окаменело, потом побледнело, словно Ворона и Меняющего он испугался больше, чем мятежников.

— Да,— сказал Ворон.— Это час расплаты.

Пол вздыбился. Над головой глухо застучали падающие кирпичи. Лампы опрокидывались и гасли. Воздух так загустел от пыли, что дышать стало почти невозможно. А по лестнице обратно в подвал посыпались мятежники, оглядываясь на ходу.

— Хромой здесь,— бросил Меняющий. Казалось, он вовсе не раздражен. Он встал и повернулся к лестнице. Теперь он снова стал Корни, а Ворон — Твердецом.

В помещение набились мятежники. В толкотне и полумраке я потерял Ворона. Кто-то запер дверь под потолком, и мятежники притихли, словно мыши. Я почти слышал, как коло-

тятся их сердца,— они не сводили глаз с лестницы и гадали, достаточно ли хорошо замаскирован потайной вход в подвал.

Несмотря на несколько ярдов земли над головой, я услышал, как в подвале над нами кто-то расхаживает. Др-рр-топ. Др-рр-топ. Так ходит одноногий калека. Теперь и мой взгляд уперся в потайную дверь.

Следующий толчок оказался самым мощным из всех. Дверь рывком распахнулась. Дальняя стена помещения обрушилась. Завопили погребаемые люди. Обезумевшее людское стадо беспорядочно металось в поисках несуществующего выхода. Только мы с Меняющим не поддались панике и наблюдали за ней со своего островка спокойствия.

На сей раз погасли все лампы, и единственным источником света стала дыра у верхушки лестницы. Там, заслоняя выход, виднелся силуэт, который в тот момент казался зловещим даже в своей неподвижности. Моя кожа покрылась липким потом, тело сотрясала крупная дрожь. Причина моего страха крылась вовсе не в том, что я так много слышал о Хромом,— он источал нечто такое, что заставляло меня чувствовать себя арахнофобом, которому сбросили на колено большого волосатого паука.

Я посмотрел на Меняющего. Он все еще выглядел как Корни, один из толпы мятежников. Интересно, его нежелание быть узнанным Хромым имеет особые причины?

Меняющий проделал что-то руками.

Подвал наполнился ослепительным светом. Я перестал видеть и лишь услышал, так трещат и рушатся потолочные балки. На сей раз я не стал колебаться и присоединился к толпе у основания лестницы.

Полагаю, Хромой был изумлен больше всех, потому что не ожидал серьезного сопротивления. Трюк Меняющего застал его врасплох, и людской поток смел его раньше, чем он успел хоть как-то защититься.

Мы с Меняющим поднялись по лестнице последними, и я перешагнул через Хромого — невысокого человека в коричневой одежде, который, корчась на полу, вовсе не казался ужасным. Я стал искать взглядом лестницу наверх, но Меняющий схватил меня за руку. Освобождать руку я не посмел.

— Помоги мне.

Он уперся сапогом в ребра Хромого и перекатил его поближе ко входу в нижний подвал.

Снизу доносились стоны и призывы о помощи. Целые участки пола вокруг нас проседали и рушились. Больше из опасения, что окажусь в ловушке, если мы не поторопимся, чем из желания досадить Хромому, я помог Меняющему столкнуть Взятого в яму.

Меняющий улыбнулся, показал мне поднятые большие пальцы и зашевелил остальными. Все вокруг начало обваливаться еще быстрее. Схватив меня за руку, он направился к лестнице. Мы выскочили на улицу и очутились посреди величайшего столпотворения в новейшей истории города.

В курятнике хозяйничали лисы. Что-то неразборчиво вопя, повсюду носились люди, окруженные Ильмо и Отрядом, которые загоняли их обратно и отрезали пути к бегству. Мятежники были слишком потрясены, чтобы защищаться.

Полагаю, не будь рядом Меняющего, я бы в этой кутерьме не выжил. Он как-то сделал так, что стрелы и мечи отклонялись в сторону. И хоть я не из трусливых, я держался в его тени, пока мы не оказались в безопасности за шеренгой солдат Отряда.

Мы одержали для Госпожи величайшую победу, которая превзошла даже самые смелые надежды Ильмо. Еще не успела осесть пыль, как в наших руках оказались буквально все мятежники Весла. Меняющий крутился в самой гуще событий и оказал нам неоценимую помощь, а заодно от души порезвился, разнося все вокруг и поджигая. Он был счастлив как ребенок.

А потом он внезапно исчез, словно и не существовал вовсе. Все мы, уставшие до такой степени, что еле передвигали ноги, собрались возле конюшни Корни. Ильмо провел перекличку. Отозвались все, кроме одного.

— Где Ворон? — спросил Ильмо.

— Думаю, его завалило, когда дом обрушился,— ответил я.— Его и Зуада.

— Одно к одному,— заметил Одноглазый.— Ироничное, но совпадение. Но все же мне очень жаль, что его больше нет. Он здорово играл в тонк.

— Хромой тоже там? — спросил Ильмо.

— Я помогал его закапывать,— улыбнулся я.

— А Меняющий смылся.

До меня начала доходить двусмысленность ситуации, и я решил проверить, не является ли она лишь плодом моего разыгравшегося воображения. Пока солдаты готовились к возвращению в Сделку, я заговорил с Ильмо:

— Знаешь, все, кто видел Меняющего, были с нашей стороны. И мятежники, и Хромой видели многих из нас. Прежде всего тебя, Ильмо. И меня, и Ворона. Вместо Корни найдут его труп. У меня такое чувство, что любезность Меняющего не имеет никакого отношения к захвату Зуада или уничтожению местной верхушки мятежников. Мне кажется, что нас подставили, потому что здесь замешан Хромой. И проделали это очень умело.

Ильмо нравится прикидываться рослым и туповатым деревенским парнем, подавшимся в солдаты, но в сообразительности ему не откажешь. Он не только уловил смысл моих слов, но и немедленно связал их с более широкой картиной политических интриг среди Взятых.

— Нам нужно удирать отсюда во весь дух, пока Хромой не выбрался из подвала. И я говорю не про Весло, а про Форсберг. Душелов поставил нас на игровую доску пешками передовой линии, и нам предстояло угодить между молотом и наковальней.

Он задумчиво пожевал губу, потом превратился в сержанта, рявкая на любого, кто выполнял его команду недостаточно быстро.

Он едва не впал в панику, но все же проявил себя солдатом до мозга костей. Наш отход не превратился в бегство, и мы вышли из города, охраняя караван фургонов с провизией, которую собрал патруль Леденца.

— Когда мы вернемся, я сойду с ума,— признался мне по дороге Ильмо.— Выйду из крепости и перегрызу какое-нибудь дерево, или еще что-нибудь устрою.

Через несколько миль он задумчиво добавил:

— Я все пытаюсь решить, кто сообщит Душечке про Грофея. Ты только что вызвался добровольцем, Костоправ. У тебя есть в таких случаях нужный подход.

Так что всю поездку мне было о чем размышлять. Проклятый Ильмо!

Великий кавардак в Весле оказался лишь началом. По воде пошли круги. Начали копиться последствия. Судьба оказалась зловредной дамой.

Пока Хромой выбирался из-под развалин, Загребущий начал крупное наступление. Он и не подозревал, что его противника нет на поле боя, но эффект оказался тем же. Армия Хромого рассыпалась, и наша победа обернулась пшиком. Банды мятежников с улюлюканьем носились по Веслу, охотясь на агентов Госпожи.

Но мы, благодаря предвидению Душелова, уже двигались на юг, когда рухнул фронт, поэтому нас это не коснулось. Мы присоединились к гарнизону Вяза, имея на счету несколько важных побед, а Хромой с остатками своих войск бежал в провинцию Клин, заклейменный репутацией бездаря. Он знал, кто подложил ему эту свинью, но поделать ничего не мог. Его отношения с Госпожой стали слишком натянутыми, и он не осмеливался на что-то более значительное, чем роль ее верной собачки. И пока он не одержит несколько выдающихся побед, ему нельзя даже задумываться о том, как бы рассчитаться с нами или с Душеловом.

Но я не испытывал особой беззаботности. Эта мразь сумеет что-нибудь придумать, дай только время.

Загребущего успех воодушевил настолько, что он не остановился, захватив весь Форсберг, а пошел дальше на юг. Душелов приказал нам выйти из Вяза всего через неделю после того, как мы там обосновались.

Кстати, а огорчило ли произошедшее Капитана? Высказал ли он недовольство тем, что так много его подчиненных проявили самостоятельность, превысили свои полномочия или нарушили его инструкции? Скажу лишь, что внеочередных нарядов оказалось достаточно, чтобы сломать хребет быку. И добавлю, что «ночные бабочки» Вяза сильно разочаровались в Черном Отряде. Я даже вспоминать про это не хочу. Наш Капитан оказался дьявольски изобретателен.

Взводы выстроились на плацу. Фургоны нагружены и готовы отправиться в путь. Капитан и Лейтенант совещались с сержантами. Одноглазый и Гоблин играли в какую-то игру, заставляя воевать маленькие призрачные существа. Многие наблюдали за этим сражением и делали ставки на тот или иной поворот фортуны.

— Приближается всадник,— доложил часовой у ворот.

Никто не обратил на него внимания. Посыльные целый день приезжали и уезжали.

Створка ворот распахнулась. И Душечка захлопала в ладоши и побежала к воротам.

К нам, такой же потрепанный, как и в день нашей первой встречи, ехал Ворон. Он подхватил Душечку, крепко ее обнял, усадил на коня перед собой и доложил о прибытии Капитану. Я услышал его слова о том, что все его долги уплачены и у него больше нет интересов за пределами Отряда.

Капитан долго смотрел на него, потом кивнул и велел занять место в строю.

Он использовал нас в своих целях, но, делая это, обрел новый дом. Мы с радостью приняли его в семью.

А потом выехали, направляясь в новый гарнизон в Клине.

Глава 3
Загребущий

Вокруг Мейстрикта метался, всхлипывал и завывал ветер. Арктические дьяволята хихикали и выдували холодные струйки своего дыхания сквозь щели в стенах моей комнаты. Еле теплющийся огонек в лампе мерцал и колебался. Когда мои пальцы окоченели, я обхватил ими лампу — пусть поджариваются.

С севера дул резкий ветер, колючий от снежной пыли. За ночь снега выпало на целый фут, и это было лишь начало. Чем больше снега, тем поганее. Я посочувствовал Ильмо и его отряду — они отправились охотиться на мятежников.

Крепость Мейстрикт. Ключ к обороне Клина. Замерзшая зимой. Раскисшая весной. Раскаленная печь летом. Пророки Белой Розы и главные силы мятежников теперь казались нам лишь досадными мелочами.

Провинция Клин напоминает вытянутый наконечник стрелы, указывающий на юг и втиснутый между двумя горными грядами. На острие этого наконечника расположен Мейстрикт. Это точка, в которой сходятся ветры и враги. Мы получили приказ удерживать крепость, этот якорь обороны Госпожи на севере.

Почему Черный Отряд?

Потому что мы лучшие. Вскоре после потери Форсберга мятежники начали просачиваться через Клин на юг. Хромой попытался их остановить, но не смог, и Госпожа отправила нас расхлебывать заваренную Хромым кашу. Единственным выходом стало отдать врагу еще одну провинцию.

У ворот раздался рев рога — часовые увидели возвращающийся отряд Ильмо.

Никто не бросился их встречать. Неписаные правила поведения в Отряде требуют от нас внешнего безразличия. Никто не должен видеть, что тебе не терпится узнать новости. Люди лишь украдкой выглядывали из укромных местечек, гадая о судьбе вышедших на охоту братьев. Погиб ли кто-нибудь? Или тяжело ранен? Мы знаем друг друга лучше родственников. Мы годами сражаемся плечом к плечу. Не всякого назовешь другом, но мы — единая семья. Единственная, которая у тебя есть.

Часовой замолотил по лебедке, скалывая лед. С протестующим скрипом поднялась решетка ворот. Как историк Отряда я мог выйти поприветствовать Ильмо, не нарушая этикета. Обзывая себя дураком, я выбрался во двор, отдавшись во власть мороза и ветра.

Сквозь метель брела жалкая кучка теней. Пони еле волочили ноги. Всадники почти лежали на их обледеневших гривах. Люди и животные жались друг к другу, пытаясь укрыться от царапающих когтей ветра. Изо ртов вырывались облачка пара, которые мгновенно уносило прочь. Будь то нарисованная художником картина, от ее вида бросило бы в дрожь даже снеговика.

До этой зимы из всего Отряда лишь Ворону довелось видеть снег. Хорошенькую службу уготовила нам Госпожа.

Всадники приблизились. Они более смахивали на беженцев, чем на братьев из Черного Отряда. На усах Ильмо позвя-

кивали ледяные бриллианты, почти все лицо укутывали тряпки. Остальные, обмотавшись чем попало, превратились в такие тюки, что я не сумел никого узнать. Лишь Молчун сидел на своем пони, решительно выпрямившись, и глядел прямо перед собой, презирая безжалостный ветер.

Ильмо кивнул мне, проехав ворота.

— Мы уже начали задумываться,— молвил я. «Задумчивость» означала тревогу. Кодекс требовал от меня проявлять безразличие.

— Трудно было ехать.

— Какие результаты?

— На счету Отряда плюс двадцать три, у мятежников — ноль. Для тебя, Костоправ, работы нет, только Йо-Йо слегка обморозился.

— Прихлопнули Загребущего?

Жутковатые пророчества Загребущего, его умелое колдовство и мастерство полководца превратили Хромого в дурака. Клин едва не перешел в руки врага, когда Госпожа приказала нам взяться за дело. Ее решение волнами шока разошлось по всей империи. Капитан наемников получил средства и власть, которыми обычно надѣляли лишь одного из Десяти!

Лишь возможность нанести удар самому Загребущему вынудила Капитана отправить из крепости патруль, иначе он не выгнал бы людей на мороз.

Ильмо освободился от закутывавших лицо тряпок и улыбнулся, но промолчал. Какой смысл утруждать язык, если все равно придется повторять рассказ Капитану?

Я пригляделся к Молчуну и не увидел улыбки на его продолговатом хмуром лице. Он ответил на мой вопрос, слегка кивнув. Все ясно. Еще одна победа, равная неудаче. Загребущий снова сбежал. Быть может, он и нас вынудит спасаться бегством вдогонку за Хромым, этой попискивающей мышью, осмелевшей настолько, что бросила вызов коту.

Все же гибель двадцати трех человек из местной верхушки мятежников кое-что да значила. Весьма неплохой результат для одного дня работы. Хромой никогда не добивался такого успеха.

Всех пони отвели в конюшню. В большом зале уже несли на стол горячую еду и подогретое вино. Я остался с Ильмо и

Молчуном — осталось немного подождать, и я услышу их рассказ.

В большом зале Мейстрикта сквозняков было лишь чуть поменьше, чем в прочих помещениях. Пока я возился с Йо-Йо, остальные набросились на еду. Наевшись, Ильмо, Молчун, Одноглазый и Фингал уселись вокруг небольшого стола. Словно ниоткуда появились карты. Одноглазый хмуро взглянул на меня:

— Так и собираешься стоять, засунув палец в задницу? Нам нужен лопух.

Одноглазому не меньше ста лет. Вулканический темперамент умудренного жизнью чернокожего коротышки упоминается в Анналах на протяжении последнего столетия. Нигде не говорится, когда он вступил в Отряд. Семьдесят лет Анналов были утеряны, когда Отряд не смог удержать свои позиции в битве при Урбане. Одноглазый отказался просветить нас относительно событий недостающих лет, сказав, что не верит в историю.

Ильмо сдал карты — по пять каждому игроку и еще пять на стол перед пустым стулом.

— Костоправ! — рявкнул Одноглазый.— Ты будешь играть?

— Нет. Ильмо рано или поздно начнет рассказывать.— Я постучал по зубам кончиком пера.

Одноглазый редко доходил до такой кондиции — из ушей у него валил дым. Изо рта с визгом вылетела летучая мышь.

— Кажется, он раздражен,— заметил я. Остальные заулыбались. Подкалывать Одноглазого — любимое развлечение в Отряде.

Одноглазый терпеть не может всяческие вылазки, но еще больше он бесится, когда упускает что-нибудь интересное. Ухмылки Ильмо и благожелательные взгляды Молчуна подтвердили, что он пропустил нечто стоящее.

Ильмо перетасовал свои карты, поднес к лицу, приоткрыл и осторожно в них заглянул. Глаза Молчуна блестели. Сомнений нет — у этой парочки наготове особый сюрприз.

На стул, который предлагали мне, уселся Ворон. Никто не стал возражать. Даже Одноглазый никогда не возражает, когда Ворон решает что-либо сделать.

Ворон. Он холоднее нынешней стужи. Наверное, он стал человеком с мертвой душой. Один его взгляд может заставить вздрогнуть. Он источает могильный хлад. И все же Душечка его любит. Бледная, хрупкая, эфемерная, она держит руку на плече Ворона, пока тот занят картами, и улыбается ему.

В любой игре, где участвует Одноглазый, Ворон — ценный партнер. Одноглазый жульничает. Но если играет Ворон — никогда.

— Она стоит в Башне и смотрит на север. Ее изящные пальцы сжаты. Легкий ветерок просачивается в окно и теребит полуночный шелк ее волос. На нежной щеке искрится слезинка-бриллиант.

— Йех-ххоо!

— Ого-го!

— Автора! Автора!

— Пусть свинья опоросится в твоем спальном мешке, Пуганый! — Эти типы освистали мои фантазии о Госпоже.

Наброски, которые я им прочитал,— моя игра с самим собой. Откуда им знать, а вдруг мои выдумки попали в точку? Госпожу видели только Десять Взятых. Кто знает, какая она — уродливая, прекрасная или?..

— Искрятся бриллианты слез, говоришь? — повторяет Одноглазый.— Мне это понравилось. Полагаешь, она по тебе сохнет, Костоправ?

— Заткни хлебало. Я над твоими развлечениями не насмехаюсь.

Вошел Лейтенант, уселся, обвел нас хмурым взглядом. С недавних пор его любимым занятием стало выражение неодобрения.

Его приход означал, что к нам уже направляется Капитан. Ильмо сложил на груди руки и сосредоточился.

Наступила тишина. В зале словно по волшебству стали появляться люди.

— Закройте долбаную дверь! — буркнул Одноглазый.— Если все так и будут шляться, я себе задницу отморожу. Давай доиграем, Ильмо.

Капитан вошел в зал, занял свое обычное место.

— Мы вас слушаем, сержант.

Капитана не назовешь одной из самых ярких личностей в Отряде, слишком уж он спокоен. Слишком серьезен.

Ильмо положил карты на стол, постучал по колоде, выравнивая их, собрался с мыслями. Иногда его одолевает тяга к четкости и точности.

— Итак, сержант!

— Молчун заметил линию пикетов южнее фермы, Капитан. Мы зашли с севера. Атаковали после заката. Они пытались разбежаться. Молчун отвлекал Загребущего, пока мы занимались остальными. Их было тридцать. Мы уложили двадцать три. Часто перекликались и предупреждали друг друга — мол, как бы случайно не прикончить нашего шпиона. Загребущему удалось скрыться.

Хитрость стала ключом к успеху вылазки. Мы хотели, чтобы мятежники поверили, будто их ряды нашпигованы информаторами. Это усложняет им связь и принятие решений, а Молчуна, Одноглазого и Гоблина подвергает меньшему риску.

Вовремя пущенный слух. Небольшая подтасовка фактов. Намек на подкуп или шантаж. Таково наше лучшее оружие. Мы вступаем в сражение лишь тогда, когда противник загнан в мышеловку. По крайней мере, это идеальный вариант.

— Вы сразу вернулись в крепость?

— Так точно. Только сперва сожгли ферму и пристройки. Загребущий ловко замел свой след.

Капитан уставился на потемневшие от копоти потолочные балки. Тишину нарушал лишь Одноглазый, похлопывавший картами по столу. Капитан опустил взгляд.

— Тогда какого же хрена вы с Молчуном ухмыляетесь, словно два придурка?

— Гордятся тем, что вернулись домой с пустыми руками,— пробормотал Одноглазый.

Ильмо улыбнулся:

— Ошибаешься.

Молчун сунул руку за пазуху грязной рубашки и вытащил кожаный мешочек, который всегда висит на шнурке у него на шее. Его колдовской мешочек. Он вечно набит всякой экзотической гадостью вроде сушеных ушек летучих мышей или эликсира для вызывания кошмарных снов. На сей раз он извлек из него сложенную бумажку. Драматически взглянув на Одноглазого и Гоблина, он начал медленно разворачивать листок. Даже Капитан не выдержал, встал и подошел к столу.

— Осторожнее! — предупредил Ильмо.

— Так это же волосы...

Кто-то покачал головой, кто-то хмыкнул, а кто-то усомнился, в своем ли Ильмо уме. Но Одноглазый и Гоблин трижды обменялись многозначительными взглядами. Одноглазый от волнения что-то неразборчиво забормотал. Гоблин пискнул пару раз, но что с него взять — он вечно пищит.

— Это действительно его волосы? — произнес наконец Одноглазый.— Точно его?

Ильмо и Молчун излучали самодовольство удачливых конкистадоров.

— Абсоточно,— подтвердил Ильмо.— С его собственного чайника. Мы ухватили старикана за яйца, и он это прекрасно знал. Он задал такого стрекача, что зацепился за дверной косяк и выдрал клок волос. Я это видел своими глазами, да и Молчун тоже. Уф, и силен же он драпать!

— Парни, ему крышка! — заверещал Гоблин, приплясывая от возбуждения. Его голос, обычно напоминающий скрип ржавой дверной петли, превратился почти в визг.— Считайте, что он уже подвешен на мясницкий крюк. На большой такой. А ты что об этом думаешь, жалкий призрак-недомерок? — промяукал он, обращаясь к Одноглазому.

Из ноздрей Одноглазого выскочила стайка крошечных светлячков. Все они оказались послушными солдатами и быстро построились в воздухе, образовав светящиеся слова: «Гоблин педик». Для неграмотных это утверждение дублировалось синхронным жужжанием крылышек.

Но это неправда. Гоблин самый что ни на есть гетеросексуал. Одноглазый просто решил затеять склоку.

Гоблин сделал парочку пассов. Появилась огромная призрачная фигура, напоминающая Душелова, но ростом до потолка. Склонившись, она устремила на Одноглазого обвиняющий перст. Непонятно откуда звучащий голос прошептал:

— Это ты соблазнил бедную девушку, солдат...

Одноглазый фыркнул, затряс головой, снова фыркнул. Глаза его остекленели. Гоблин хихикнул, с трудом изобразил серьезную мину, но не выдержал и хихикнул вновь, потом крутанулся и принялся отплясывать перед очагом победный танец.

Братья, у которых не хватало интуиции, начали ворчать. Подумаешь, пара волосков. Если к ним добавить пару серебряных монет, то с их помощью разве что деревенская шлюха приворожит клиента.

— Господа! — произнес Капитан. Он все понял.

Балаган тут же прекратился. Капитан посмотрел на колдунов. Подумал. Прошелся. Кивнул, соглашаясь со своими мыслями. И наконец спросил:

— Этого хватит, Одноглазый?

Одноглазый хмыкнул — на удивление низким голосом для столь невысокого человечка.

— Одного волоса или обрезка ногтя уже достаточно. Капитан, он у нас в руках.

Гоблин все еще изображал пляску сумасшедшего. Молчун ухмылялся. Психи они — что тут скажешь?

Капитан снова задумался.

— Мы не можем взяться за это сами,— решил он и зашагал по периметру зала. Шаги его звучали как-то зловеще.— Придется вызвать одного из Взятых.

Одного из Взятых. Естественно. Три наших колдуна — самый ценный ресурс Отряда. Их необходимо защищать. Но... Холод прокрался в зал и превратил нас в статуи. Одного из таинственных сподвижников Госпожи... Чтоб здесь, в этом зале, оказался кто-то из этих мрачных лордов? Ну нет...

— Только не Хромой. Его из-за нас вздули.

— А у меня от Меняющего мурашки по телу бегут.

— Крадущийся в Ночи еще хуже.

— Да откуда тебе знать? Ты ж его не видел.

— Мы справимся сами, Капитан,— заявил Одноглазый.

— И родственнички Загребущего слетятся на тебя, словно мухи на лошадиное яблоко.

— Душелов,— предложил Лейтенант.— Все-таки он наш покровитель, более или менее.

Предложение пришлось всем по душе.

— Свяжись с ним, Одноглазый,— велел Капитан.— И приготовься к работе, когда он сюда прибудет.

Одноглазый кивнул и ухмыльнулся. Он был в своей стихии, и в его голове уже зарождались хитроумные и грязные планы.

Вообще-то эту игру по праву следовало бы поручить Молчуну. Но Капитан выбрал Одноглазого, потому что не смог примириться с нежеланием Молчуна говорить, и это Капитана по каким-то причинам пугало.

Молчун не стал протестовать.

Некоторые из наших местных слуг — шпионы. Мы знаем, кто есть кто, благодаря Одноглазому и Гоблину. Одному из слуг, ничего не знавшему про волосы, позволили смыться с фальшивой новостью о том, будто мы собираемся устроить шпионский штаб в вольном городе Розы.

Когда батальоны редеют, поневоле научишься коварству.

Каждый правитель обзаводится врагами. Госпожа не исключение. Сыны Белой Розы повсюду... Если выбирать чью-либо сторону, полагаясь на чувства, то присоединяться следует к мятежникам. Они сражаются за все то, что любой назовет благородными целями: свободу, независимость, правду, права... За все субъективные иллюзии, за все бессмертные слова-символы. А мы — приспешники местного злодея. Мы признаем иллюзии и отрицаем их материальное наполнение.

Не существует самопровозглашенных злодеев, зато самопровозглашенных святых — целые полки и дивизии. А где зло

и где добро, в конце концов определяют историки одержавших победу.

Мы отрекаемся от ярлыков. Мы сражаемся за деньги и нечто неопределимое под названием «гордость». Политика, этика и мораль к делу не относятся.

Одноглазый связался с Душеловом. Тот направляется к нам. Гоблин сказал, что прохиндей аж завыл от радости, когда почуял возможность возвыситься за счет Хромого. Взятые грызутся и кусаются хуже невоспитанных детей.

Осаждавшая нас зима сделала короткую передышку. Наши солдаты и местные обитатели Мейстрикта принялись расчищать от снега крепостные дворы. Один из местных исчез. Одноглазый и Молчун, сидя в главном зале, с довольным видом перебрасывались в картишки. Мятежники узнают именно то, что пожелают сообщить им наши колдуны.

— Что там происходит на стене? — спросил я. Ильмо установил на ней блок и полиспаст и теперь выворачивал из кладки один из амбразурных камней.— Что ты собираешься делать с этим блоком?

— У меня новое хобби, Костоправ. Стану ненадолго скульптором.

— Тогда ничего мне не говори. Мне на твои хобби начхать.

— Относись к ним как пожелаешь, дело твое. Кстати, я как раз хотел тебя попросить, чтобы ты отправился за Загребущим вместе с нами. Чтобы потом все правильно записать в Анналы.

— И подпустить там словечко о гениальности Одноглазого?

— Хвали тех, кто этого заслужил, Костоправ.

— Тогда Молчун заслуживает целой главы, верно?

Одноглазый плевался. Рычал. Сыпал проклятиями.

— Сыграть не хочешь? — За столом сидели лишь три игрока, один из них Ворон. Тонк гораздо интереснее, если в него играют четверо или пятеро.

Я выиграл три партии подряд.

— Тебе что, больше заняться нечем? Пошел бы лучше срезал кому-нибудь бородавку, что ли.

— Ты сам пригласил его играть,— заметил один из солдат, которого Одноглазый не просил вмешиваться.

— Ты любишь мух, Масло?

— Мух?

— Если ты не заткнешь свою пасть, я превращу тебя в лягушку.

Его слова не произвели на Масло впечатления.

— Да ты и головастика не сумеешь в лягушку превратить.

Я ехидно фыркнул:

— Ты сам напросился, Одноглазый. Когда сюда намерен прибыть Душелов?

— Когда доберется.

Я кивнул. Взятые поступают как хотят и обделывают свои дела когда хотят.

— Мы все сегодня просто приветливые симпатяги, верно? Сколько он проиграл, Масло?

В ответ тот лишь ухмыльнулся.

Следующие две партии выиграл Ворон.

Одноглазый поклялся, что сегодня больше не произнесет ни слова. Так что узнать о придуманном им плане нам не суждено. Может, оно и к лучшему. Если объяснения не прозвучат, шпионы мятежников их не подслушают.

Шесть волосков и блок известняка. Что за хреновину они задумали?

Несколько дней Молчун, Гоблин и Одноглазый по очереди трудились над каменной глыбой в конюшне. Время от времени я заходил туда поглазеть на работу. Они меня не гнали, но лишь рычали в ответ на мои вопросы.

Иногда к ним заглядывал Капитан, пожимал плечами и отправлялся к себе в комнату. Там он корпел над стратегией весенней кампании, во время которой все наличные силы империи обрушатся на мятежников. К нему трудно было войти — все свободное место в комнате было завалено стопками карт и кипами донесений.

Как только погода позволит, мы намеревались нанести по мятежникам болезненный удар.

Может, это жестоко, но большинство из нас наслаждалось тем, что мы делаем,— а Капитан больше всех. Нынче его лю-

бимой игрой стало мериться умом с Загребущим. Капитан безразличен к мертвецам, горящим деревням и голодающим детям. Как, впрочем, и Загребущий. Две слепые армии, способные видеть лишь друг друга.

Душелов пришел поздно вечером, когда бушевала метель, переплюнувшая буйством ту, в какую угодил со своим отрядом Ильмо. Ветер выл и вопил, наметая в северо-восточном углу крепости сугробы высотой со стену — снег даже переваливал через нее. Мы стали тревожиться, как бы не замело наглухо запасы дров и сена. Местные сказали, что такой метели у них никто не помнит.

В самый ее разгар объявился Душелов. Буханье его кулака в ворота разбудило весь Мейстрикт. Запели горны, загремели барабаны. Ветер донес охрипшие голоса часовых у ворот — они не смогли их открыть.

Душелов перебрался через стену, вскарабкавшись по сугробу, и свалился вниз, зарывшись в рыхлый снег, набравшийся во дворе. Не очень-то достойное прибытие для одного из Десяти.

Я заторопился в главный зал. Там, возле весело пылающего огня, уже сидели Одноглазый, Молчун и Гоблин. Вошел Лейтенант, следом за ним Капитан с Ильмо и Вороном.

— Остальные пусть идут спать! — рявкнул Лейтенант.

Вошел Душелов, стянул тяжелый черный плащ, присел на корточки у огня. «Это у него что, показной человеческий жест?» — задумался я.

Худощавое тело Душелова всегда затянуто в черную кожу. Он носит скрывающий всю голову черный морион, черные перчатки и черные сапоги. Монотонность его облачения нарушает лишь пара серебряных значков, а единственное цветное пятно на его теле — неограненный рубин на кинжале, который держит мертвой хваткой лапа с пятью когтями, торчащая из конца рукоятки.

На груди Душелова заметны небольшие округлые выпуклости. В очертаниях его ног и бедер есть что-то женское. Среди Взятых есть три женщины, но кто они — знает лишь Госпожа. Мы называем их всех «он». Какого они пола, не имеет для нас ни малейшего значения.

Душелов утверждает, что он наш друг и защитник. Пусть даже так, но с его появлением в зале повеяло холодком. Исходящий от него холод не имеет ничего общего с погодой. Когда Душелов рядом, вздрагивает даже Одноглазый.

А Ворон? Не знаю. Мне кажется, Ворон больше не способен на какие-либо чувства, если только дело не касается Душечки. Когда-нибудь каменная маска его лица покроется трещинами. Надеюсь, я буду рядом и увижу это.

Душелов поворачивается спиной к огню.

— Итак,— произносит он фальцетом.— Прекрасная погода для приключения.— Баритон. Потом слышатся странные звуки. Смех. Взятый пошутил.

Никто не смеется.

Смеяться нам не полагается. Душелов поворачивается к Одноглазому:

— Рассказывай.— На сей раз тенор, неторопливый и мягкий, слегка приглушенный, словно голос проходит сквозь тонкую стену. Или, как сказал Ильмо, с той стороны могилы.

Одноглазый больше не ведет себя как хвастун или клоун.

— Начнем сначала. Капитан?

— Один из наших информаторов узнал о собрании руководителей мятежников. Одноглазый, Гоблин и Молчун проследили за перемещениями известных нам мятежников...

— Так вы позволили им шляться в свое удовольствие?

— Они привели нас к своим приятелям.

— Разумеется. Один из проколов Хромого. Никакого воображения. Когда он видит мятежника, то сразу его убивает — а заодно и всех, кто подвернется под руку.— Вновь этот зловещий смех.— Не очень эффективно, верно? — Затем еще одна фраза, но на неизвестном мне языке.

Капитан кивнул.

— Ильмо?

Ильмо слово в слово повторил то, что уже рассказывал, и уступил очередь Одноглазому, который набросал схему поимки Загребущего. Я ничего не понял, но Душелов мгновенно ухватил суть и в третий раз рассмеялся.

Я мысленно предположил, что мы собираемся выпустить на волю все самое темное, что есть в человеческой природе.

Одноглазый повел Душелова полюбоваться на свой таинственный камень. Мы придвинулись ближе к огню. Молчун вытащил колоду. Желающих сыграть не нашлось.

Иногда я гадаю: как приближенные Взятых не сходят с ума— ведь они постоянно находятся рядом с ними. Душелов еще симпатяга по сравнению с остальными.

Одноглазый и Душелов вернулись, смеясь.

— Два сапога пара,— пробормотал Ильмо. Он редко высказывает свое мнение вслух.

Душелов вновь подошел к огню.

— Прекрасная работа, господа. Просто отличная. Все сделано с воображением. Это, возможно, поможет выбить их из Клина. Мы отправляемся в Розы, как только улучшится погода. Поедут восемь человек, Капитан, включая двоих ваших колдунов.— После каждой фразы следовала пауза. Каждая произносилась другим голосом. Жуть.

Я слышал, что это голоса тех людей, чьи души захватил Душелов.

Позволив смелости возобладать над желаниями, я вызвался участвовать в экспедиции. Мне хотелось увидеть, как Загребущий будет пойман с помощью волос и блока известняка. Вся яростная мощь Хромого не справилась с этой задачей.

Капитан обдумал мое предложение.

— Хорошо, Костоправ. Поедут Одноглазый и Гоблин. Ты, Ильмо. И выбери еще троих.

— Получается только семь, Капитан.

— Восьмым будет Ворон.

— Ах, Ворон. Ну конечно.

Конечно. Молчаливый и смертельно опасный Ворон станет *alter ego* Капитана. Связь между этими двумя не поддается пониманию. Полагаю, это волнует меня потому, что недавно Ворон напугал меня до полусмерти.

Ворон поймал взгляд Капитана. Его правая бровь приподнялась. Капитан ответил едва заметным кивком. Ворон шевельнул плечом. В чем был смысл его ответа? Я не смог догадаться.

Затевалось нечто необычное. Посвященные в тайну уже наслаждались заранее. И хотя я не мог догадаться, чем все

обернется, я был уверен, что мне предстоит увидеть что-то мерзкое и отвратительное.

Буран стих. Вскоре дорога на Розы стала свободной. Душелова одолел зуд нетерпения. Загребущий получил две недели форы, а нам, чтобы добраться до Роз, требовалась неделя. Оставалось надеяться, что пущенные Одноглазым байки о наших шпионах понизят эффективность действий противников.

Мы выехали еще до рассвета, погрузив каменный блок в фургон. Колдуны почти не изменили его формы, выдолбив лишь углубление размером с большую дыню. Я мог лишь теряться в догадках относительно его предназначения. Одноглазый и Гоблин хлопотали вокруг камня, словно жених возле невесты. На все мои вопросы Одноглазый отвечал лишь широкой улыбкой. Скотина.

Погода оставалась ясной. С юга подули теплые ветры. Нам стали попадаться длинные участки раскисшей дороги. И я сделался свидетелем поразительного явления — Душелов спрыгивал в грязь и толкал фургон вместе с нами. Душелов, великий лорд империи.

Розы — главный город провинции Клин, свободный город, республика. Госпожа решила, что нет смысла лишать его традиционной автономии. Миру нужны местечки, где люди любых взглядов и убеждений могут сбросить напряженность повседневности.

Так вот. Розы. Город без правителя. Набитый агентами, шпионами и всяческим сбродом, преступившим закон. В такой обстановке, утверждал Одноглазый, его план обречен на успех.

Когда мы подъехали к городу, над нами нависли его красные стены, темные в лучах закатного солнца, словно засохшая кровь.

В комнату, которую мы снимали, ввалился Гоблин.

— Я нашел подходящее местечко,— пискнул он, обращаясь к Одноглазому.

— Хорошо.

Странно. Они уже пару недель не обменялись и единым бранным словом. Обычно хотя бы час без их склоки казался нам чудом.

Душелов шелохнулся в темном углу, где торчал неподвижно, словно тощий черный куст, негромко споря сам с собой разными голосами.

— Продолжай.

— Это старая городская площадь. На нее выходит десяток улиц и переулков. Ночью плохо освещена. Нет никакого смысла ходить по ней или ездить после наступления темноты.

— Звучит превосходно,— согласился Одноглазый.

— И не только звучит. Я снял комнату с видом на эту площадь.

— Пошли взглянем,— решил Ильмо. Долгое пребывание в комнате всем осточертело. Началась суета. Лишь Душелов сохранял невозмутимость. Наверное, он понимал, почему нам не терпится оказаться на улице.

Разумеется, площадь оказалась именно такой, какой ее описал Гоблин.

— Так в чем, наконец, дело? — спросил я. Одноглазый ухмыльнулся. — Молчальник хренов! — не выдержал я.— В игрушечки играет.

— Сегодня ночью? — спросил Гоблин.

Одноглазый кивнул:

— Если черный призрак прикажет.

— У меня кончается терпение,— объявил я.— Что, в конце концов, происходит? Вы, клоуны, только и делали, что дулись в карты да любовались, как Ворон точит свой ножик.— Он занимался этим часами, и от звука стали, соприкасающейся с точильным камнем, у меня по спине бегали мурашки. Это было знамением. Ворон точил нож лишь в том случае, если ожидал, что ситуация станет паршивой.

В ответ Одноглазый по-вороньи каркнул.

Фургон мы выкатили в полночь. Хозяин конюшни обозвал нас сумасшедшими. Одноглазый в ответ одарил его одной из

своих знаменитых улыбок и сел на место кучера. Мы пошли пешком, окружив фургон.

Наш груз изменился. Кое-что добавилось. Кто-то высек на камне надпись. Наверное, Одноглазый — во время очередной своей таинственной отлучки.

Вместе с камнем в фургоне лежали объемистые кожаные мешки и прочный дощатый стол, достаточно крепкий на вид, чтобы выдержать вес глыбы. Ножки стола были сделаны из темного полированного дерева с врезанными в древесину символами из серебра и слоновой кости — очень сложными, иероглифическими и таинственными.

— Где вы раздобыли стол? — спросил я. Гоблин пискнул и рассмеялся.— Но сейчас-то вы мне можете сказать? — прорычал я.

— Ладно, ладно,— смилостивился Одноглазый, гнусно хихикая.— Мы его сделали.

— Для чего?

— Чтобы положить на него камень.

— Вы мне так ничего и не объяснили.

— Терпение, Костоправ. Всему свое время.

Вот скотина.

Площадь, куда мы прибыли, выглядела странновато — ее окутывал туман, хотя нигде в городе тумана не было.

Одноглазый остановил фургон в центре площади.

— Выволакивайте стол, парни.

— Выволакивайся сам, симулянт! — пискнул Гоблин.— Думаешь, тебе удастся посачковать, пока мы надрываем пупки? — Он обратился за поддержкой к Ильмо: — У этого паршивого инвалида вечно наготове какая-нибудь отмазка.

— Он прав, Одноглазый,— заметил Ильмо. Одноглазый принялся возмущаться. Ильмо не выдержал и рявкнул: — А ну, стаскивай свою задницу и ползи сюда!

Одноглазый метнул в Гоблина убийственный взгляд:

— В один прекрасный день я тебя прихлопну, огрызок. Наложу на тебя проклятие импотенции. Как тебе такое понравится?

Его слова не произвели на Гоблина впечатления:

— Я бы давно наложил на тебя проклятие тупости, если бы мог усилить то, над чем уже постаралась природа.

— Выгружайте же наконец проклятый стол! — гаркнул Ильмо.

— Нервничаешь? — спросил я. Перепалки колдунов никогда его не раздражали. Он, как и все, считал их развлечением.

— Да. Залезайте с Вороном в фургон и выталкивайте стол.

Стол оказался тяжелее, чем выглядел. Мы смогли вытащить его из фургона лишь совместными усилиями. Притворное кряхтение и ругань Одноглазому не помогли. Я спросил его, как они ухитрились запихать стол в фургон.

— Мы его в фургоне и сделали, болван,— ответил он и принялся покрикивать, требуя переместить стол то на полдюйма в одну сторону, то на полдюйма в другую.

— Оставьте его там, где стоит,— сказал Душелов.— У нас нет времени на ерунду.— Его раздражение оказало должный эффект: Гоблин и Одноглазый тут же перестали грызться.

Мы уложили камень на стол. Я отошел в сторонку, вытирая с лица пот. Вся моя одежда пропотела насквозь — и это в разгар зимы. Сам камень излучал тепло.

— Мешки,— бросил Душелов. Слово было произнесено голосом женщины, с которой я был бы не прочь познакомиться.

Я подхватил один из мешков и закряхтел от натуги — он оказался тяжел. Я свалил его в кучу остальных мешков под столом. Там уже лежало целое состояние. Никогда в жизни не видел столько сокровищ разом.

— Разрежьте мешки,— приказал Душелов.— Скорее!

Ворон полоснул по ним ножом. На булыжники посыпались сокровища. Мы уставились на них, борясь со вспыхнувшей в душе жадностью.

Душелов схватил Гоблина за плечо, взял за руку Одноглазого. Оба колдуна словно съежились. Троица встала лицом к столу с камнем.

— Отгоните фургон,— велел Душелов.

Мне так до сих пор не и удалось прочесть вечную надпись, высеченную на камне. Я быстро приблизился к столу и прочел:

«ПУСТЬ ТОТ, КТО ПОЖЕЛАЕТ НАЗВАТЬ
ЭТО БОГАТСТВО СВОИМ,
ПОЛОЖИТ ГОЛОВУ ПРЕЗРЕННОГО
ЗАГРЕБУЩЕГО
НА ЭТОТ КАМЕННЫЙ ТРОН».

Ага. Ясно сказано. Откровенно. Просто. Как раз в нашем стиле. Ха.

Я шагнул назад, пытаясь оценить, сколько своих кровных вложил в эту операцию Душелов. В груде серебра я заметил золотые блестки. Один из мешков извергал необработанные драгоценные камни.

— Волосы,— потребовал Душелов. Одноглазый вытащил прядку волос. Душелов припечатал их пальцем к стенке углубления в каменном блоке (как раз размером с голову), потом шагнул назад и взял за руки Гоблина и Одноглазого.

Они начали колдовать.

Сокровища, стол и камень стали испускать золотистое сияние.

Можно считать, что наш архивраг уже покойник. Половина мира попытается овладеть такой добычей. Слишком уж она велика, чтобы противиться искушению. Его предадут свои же.

Впрочем, я увидел, что у него есть слабенький, но все же шанс выкрутиться: Загребущий может украсть сокровище сам. Но ему придется попыхтеть. Никто из пророков мятежников не в состоянии преодолеть магию одного из Взятых.

Колдуны завершили работу.

— Пусть кто-нибудь испытает защиту,— велел Одноглазый.

Ворон кольнул кинжалом ножку стола. Раздался треск. Ворон выругался и, нахмурившись, уставился на лезвие кинжала. Ильмо сделал выпад мечом. Трах! Кончик его лезвия раскалился добела.

— Превосходно,— произнес Душелов.— Увозите фургон.

Ильмо поручил это одному из солдат. А мы, оставшиеся на площади, перебрались в снятую Одноглазым комнату.

Поначалу мы столпились у окна, желая увидеть продолжение, но энтузиазм быстро испарился.

Розы лишь на рассвете узнали о судьбе, которую мы уготовили Загребущему. Осторожные, но предприимчивые личности изобретали сотни способов добраться до денег. Прочий люд являлся на площадь просто поглазеть. Некая группа хитрецов принялась расковыривать мостовую, намереваясь сделать подкоп. Их прогнала полиция.

Душелов поставил у окна стул и ни на шаг не отходил от своего наблюдательного пункта. Как-то он сказал мне:

— Придется улучшить охранные чары. Я не предвидел подобной изобретательности.

Удивляясь собственной наглости, я спросил:

— Как выглядит Госпожа? — Я только что дописал очередную порцию своих фантазий.

Душелов медленно обернулся, быстро взглянул на меня:

— Как тот, кто способен прокусить сталь.— Его голос был женским и каким-то мурлыкающим. Странный ответ.— Надо помешать им пользоваться инструментами,— добавил он.

Вот вам и отчет очевидца. Тоже мне, раскатал губу... Мы, смертные, для Взятых всего лишь предметы. Наше любопытство им абсолютно безразлично. И я укрылся в своем тайном королевстве, населенном воображаемыми Госпожами.

Ночью Душелов модифицировал охранные заклинания. Наутро на площади лежали трупы.

На третью ночь меня разбудил Одноглазый:

— У нас посетитель.

— Что?

— Он голову принес.— Одноглазый так и сиял.

Спотыкаясь спросонья, я подошел к окну. Возле него уже торчали Гоблин и Ворон. Мы скучковались сбоку — никто не желал находиться рядом с Душеловом.

По площади крался мужчина. В его левой руке болталась отрубленная голова, которую он держал за волосы.

— А я все гадал, как долго нам придется ждать начала,— произнес я.

— Тихо! — прошипел Душелов.— Он там.

— Кто?

Душелов оказался терпелив. Поразительно терпелив. Другой Взятый мне бы попросту врезал.

— Загребущий. Тихо, а то он нас почует.

Я так и не понял, как он узнал Загребущего. Возможно, я и не хотел понимать. Такие штучки меня пугают.

— В нашем сценарии запланирован его тайный визит,— пискляво прошептал Гоблин. Как он ухитряется пищать, когда шепчет? — Загребущий *обязан* выяснить, кто ему противостоит. А в таком деле он ни на кого не может положиться.— Толстый коротышка горделиво напыжился.

Капитан называет людскую натуру нашим самым острым мечом. Любопытство и стремление выжить завлекли Загребущего в наш дьявольский котел. Но не исключено, что он сумеет обратить наше же оружие против нас. Возможностей для этого у него немало.

Проходили недели. Загребущий являлся вновь и вновь — очевидно, наблюдение приносило ему удовлетворение. Душелов велел нам его не трогать, хоть он и превратил себя в легкую добычу.

Пусть наш ментор и заботлив по отношению к нам, но в жестокости ему не откажешь. У меня создалось впечатление, что он хочет помучить Загребущего неопределенностью его судьбы.

— Город просто помешался на сокровищах,— пискнул Гоблин, радостно приплясывая.— Тебе не мешало бы почаще выходить на улицу, Костоправ. Местные превратили Загребущего в настоящую индустрию.— Он поманил меня в самый дальний от Душелова угол и открыл свой кошелек.— Глянь сюда,— прошептал он.

Я увидел пару горстей монет, некоторые из них золотые.

— С такой тяжестью тебе суждено ходить перекошенным,— заметил я. Гоблин ухмыльнулся. Ухмылка Гоблина — зрелище, достойное наблюдения.

— Я это заработал, продавая сведения о том, где можно отыскать Загребущего,— прошептал он и украдкой взглянул на Душелова.— Высосанные из пальца, разумеется.— Он по-

ложил руку мне на плечо — для этого ему пришлось встать на цыпочки.— Ты тоже можешь разбогатеть.

— А я и не знал, что мы здесь для того, чтобы набить мошну.

Гоблин нахмурился, и его круглая бледная физиономия превратилась в сплошные морщины:

— Да ты кто такой? Уж не...

Душелов обернулся.

— Мы тут немного поспорили насчет ставки, господин,— испуганно прохрипел Гоблин.— Обычное дело.

Я громко рассмеялся:

— Весьма убедительно, коротышка. Но не проще ли повеситься?

Он надулся, но ненадолго. Гоблин неугомонен, и его юмор прорывается наружу даже в самых тяжелых ситуациях.

— Это фигня, Костоправ,— прошептал он.— Видел бы ты, чем занимается Одноглазый. Продает амулеты, которые гарантированно указывают владельцу, что рядом находится мятежник.— Быстрый взгляд на Душелова.— И они действительно работают. В определенном смысле.

Я покачал головой:

— По крайней мере, сможет хотя бы рассчитаться с карточными долгами.— В этом весь Одноглазый. Ему туго пришлось в Мейстрикте, где у него не оказалось возможности заняться привычными махинациями на черном рынке.

— Вам же поручили распространять слухи. Подливать масла в огонь, но не...

— Ш-ш-ш-ш! — Он вновь взглянул на Душелова.— Мы этим и занимаемся. В каждой городской забегаловке. Ей-ей, мельница слухов крутится так, что аж крылья отваливаются. Пойдем. Я тебе кое-что покажу.

— Нет.

Душелов становится все более разговорчивым. Глядишь, сумею вызвать его на настоящий разговор.

— Тебе же хуже. Я знаю одного букмекера, который принимает ставки на то, сколько Загребущий еще проходит с головой на плечах. А у тебя есть тайная информация, сам понимаешь.

— Катись лучше отсюда, пока свою голову не потерял.

Я подошел к окну. Минуту спустя через площадь проковылял Гоблин, даже не взглянув на нашу ловушку.

— Пусть себе тешатся,— сказал Душелов.

— Что, господин? — Моя новая попытка. Подхалимская.

— Мой слух острее, чем думают твои приятели.

Я уставился на черный морион, пытаясь уловить хоть какой-то намек на мысли, скрытые под металлом.

— Безобидная возня.— Душелов слегка повернул голову, посмотрел мимо меня.— Подполье парализовано страхом.

— Да, господин.

— Раствор, скрепляющий кирпичи в этом доме, ослабел. Вскоре он начнет крошиться. Этого не произошло бы, захвати мы Загребущего сразу. Из него сделали бы символ, выставили невинной жертвой. Конечно, мятежников опечалила бы потеря, но они продолжили бы начатое им дело. И еще до начала весенней кампании Круг заменил бы Загребущего кем-нибудь другим.

Я смотрел на площадь. Почему Душелов все это мне говорит? И одним и тем же голосом. Уж не голос ли это самого Душелова?

— Потому что ты думал, что я вершил жестокости ради жестокости.

Я подпрыгнул:

— Но как вы?..

Душелов издал звук, заменяющий ему смех:

— Нет. Я не читал твои мысли. Просто я знаю, как размышляют люди. Ведь я Ловец Душ, ты не забыл?

Бывает ли Взятым одиноко? Страдают ли они без простых приятельских отношений? Без дружбы?

— Иногда.— На сей раз голос женский, обольщающий.

Я обернулся, потом, испуганный, перевел взгляд на площадь.

Душелов угадал и эту мою мысль. Он перевел разговор на Загребущего.

— Просто его устранение не входило в мои планы. Я хотел, чтобы герой Форсберга дискредитировал сам себя.

Душелов знал нашего врага лучше, чем мы подозревали. Загребущий играл в его игру. Он уже совершил две впечатля-

ющих, но тщетных попытки добраться до нашей ловушки. Эти неудачи сильно подорвали его авторитет в глазах сопровождающих. Если верить слухам, Розы склонялись к проимперским симпатиям.

— Когда он выставит себя дураком, мы его раздавим. Как назойливого жука.

— Не недооценивайте его.— Какое нахальство. Давать совет одному из Взятых.— Хромой...

— Неудачное сравнение. Я не Хромой. Они с Загребущим очень похожи. Давным-давно... Властелин мог бы сделать его одним из нас.

— А как он выглядит? — Не давай ему замолчать, Костоправ. От Властелина до Госпожи всего один шаг.

Душелов поднял руку ладонью вперед и медленно согнул пальцы, словно когти. Его жест заставил меня похолодеть. Мне ярко представилось, как эти когти терзают мою душу. Конец разговора.

Позднее я сказал Ильмо:

— Знаешь, ведь сокровища могли бы быть и ненастоящими. Сошло бы что угодно, раз никто не в силах до них добраться.

— Ты не прав,— возразил услышавший меня Душелов.— Загребущий должен знать, что они настоящие.

Наутро до нас дошла весточка от Капитана — по большей части новости. Несколько мятежников-партизан сложили оружие в ответ на наше предложение об амнистии. Кое-какие их регулярные части, пришедшие на юг вместе с Загребущим, отошли севернее. Смятение добралось и до Круга — их встревожила неудача Загребущего в Розах.

— Но почему? — удивился я.— Ведь ничего, в сущности, не произошло.

— Произошло,— ответил Душелов.— В людских умах. Загребущий, а по аналогии с ним и Круг, выглядят бессильными. Ему следовало бы передать командование войсками в Клине другому командиру.

— Будь я генералом-победителем, я, наверное, не согласился бы на такое унижение,— заметил я.

— Костоправ! — ахнул изумленный Ильмо. Обычно я не выражаю свое мнение вслух.

— Это правда, Ильмо. Ты можешь представить себе любого генерала — нашего или вражеского,— который просит другого генерала занять его место?

Черный морион, скрывающий лицо Душелова, повернулся в мою сторону:

— Их вера умирает. А армия без веры есть армия, потерпевшая поражение куда более сокрушительное, чем на поле битвы.— Когда Душелов говорит на какую-то тему, ничто не может его отвлечь.

У меня возникло странное ощущение, что он, возможно, как раз из тех, кто способен уступить командование более опытному.

— Теперь мы начнем закручивать гайки. Все мы. Рассказывайте об этом в тавернах. Шепчите на улицах. Травите его. Гоните его. Надавите на него так, чтобы у него не было времени думать. Нужно, чтобы он впал в такое отчаяние, что решился бы на какую-нибудь глупость.

Я решил, что идея у Душелова правильная. Эта победа будет одержана не на поле боя. Весна уже на носу, но сражения еще не начались. Глаза всего Клина были обращены к вольному городу. Все ждали исхода дуэли между Загребущим и защитником Госпожи.

— Теперь уже нет необходимости убивать Загребущего,— заметил Душелов.— Доверие к себе он потерял полностью. Сейчас мы уничтожаем уверенность его сторонников и всего их движения.— И он возобновил бдение у окна.

— По словам Капитана, Круг приказал Загребущему покинуть город,— сказал Ильмо.— Тот отказался.

— Он восстал против собственной революции?

— Он хочет уничтожить нашу ловушку.

Вот и еще одна грань человеческой натуры, работающая на нас. Самонадеянная гордыня.

— Доставай карты. Гоблин и Одноглазый опять принялись грабить вдов и сирот. Пора облегчить их кошельки.

Загребущий остался в полном одиночестве — озлобленный, знающий что на него охотятся. Исхлестанный пес, бегающий по ночным переулкам. Он не может верить никому. Мне стало его жаль. Почти.

Он дурак. Только дурак продолжает делать ставки, когда его шансы уменьшаются. А шансы Загребущего уменьшались с каждым часом.

Я ткнул пальцем в темный силуэт возле окна:

— Если прислушаться, весьма смахивает на сборище братства шептунов.

Ворон взглянул поверх моего плеча, но ничего не сказал. Мы играли на пару в тонк, борясь со скукой и временем.

От окна доносилось бормотание десятка голосов: «Я это чувствую», «Ты ошибаешься», «Это надвигается с юга», «Надо заканчивать немедленно», «Не сейчас», «Уже пора», «Нужно подождать еще немного», «Мы рискуем удачей. Игра может обернуться против нас», «Опасайся гордыни», «Это уже здесь. Вонь опережает это, словно дыхание шакала».

— Интересно, ему когда-нибудь удается переспорить самого себя?

Ворон и на этот раз промолчал. Я и прежде пытался разговорить его, когда ощущал в себе побольше храбрости. Тщетно. С Душеловом у меня и то лучше получалось.

Душелов внезапно поднялся и что-то произнес — гневно и неразборчиво.

— Что случилось? — спросил я. Я устал от Роз. Меня уже тошнило от этого города. Он пугал меня — отправившись прогуляться по его улицам в одиночку, можно было расстаться с жизнью.

Один из призрачных голосов был прав. Мы приблизились к черте, за которой отдача от нашей затеи начала уменьшаться. Во мне уже против моего желания постепенно росло восхищение Загребущим — он отказывался сдаться или убежать.

— Так что случилось? — повторил я.

— Хромой. Он в Розах.

— Здесь? Почему?

— Почуял крупную добычу. Хочет украсть у нас успех.

— То есть спутать нам карты?

— Это его стиль.

— А не могла бы Госпожа?..

— Мы в Розах. Она от нас очень далеко. К тому же ей все равно, кто его прикончит.

Политические дрязги среди приспешников Госпожи. Как странен мир. Я попросту не понимаю тех, кто не принадлежит к Отряду.

Мы живем простой жизнью. Думать нас не заставляют. Это забота Капитана. Мы лишь выполняем приказы. Для большинства из нас Черный Отряд — убежище, спасение от теней прошлого, место, где ты становишься новым человеком.

— Что станем делать? — спросил я.

— Хромого я беру на себя.— Душелов поискал взглядом свое одеяние.

Ввалились Гоблин и Одноглазый — настолько пьяные, что держались на ногах, лишь ухватившись друг за друга.

— Вот хрень,— пискнул Гоблин.— Опять снег пошел. Проклятый снег. А я думал, зима кончилась.

Одноглазый разразился песней — нечто о прелестях зимы. Смысл я уловил, но не более, потому что язык у него заплетался, а половину слов он не помнил.

Гоблин плюхнулся в кресло, позабыв про Одноглазого. Тот свалился к его ногам, облевал Гоблину сапоги и попытался допеть песню, потом пробормотал:

— А где все, чтоб им пусто было?

— Да так, в городе шляются.— Мы с Вороном переглянулись.— Ты можешь в это поверить? Парочка надралась вместе.

— А ты куда, старое привидение? — пискнул Гоблин, обращаясь к Душелову. Тот вышел, не удостоив его ответом.— Скотина. Эй, Одноглазый, старый приятель. Я прав? Старое привидение — настоящая скотина?

Одноглазый оторвался от пола и огляделся. Вряд ли он что-либо увидел своим единственным глазом.

— Пр-равлно.— Он скорчил мне рожу.— Ск'тина. Ст'рая ск'тина.— Что-то показалось ему смешным, и он хихикнул.

Гоблин присоединился к Одноглазому. Поняв, что мы с Вороном не уловили юмора, он изобразил оскорбленное достоинство и произнес:

— Здесь нет наших братьев по духу, старина. В снегу нам и то будет теплее.— Он помог Одноглазому подняться, и они кое-как доковыляли до двери.

— Надеюсь, они не выкинут какой-нибудь номер. Почище этого. Например, затеют склоку. Они же прикончат друг друга.

— Тонк,— бросил Ворон и раздал карты. Он вел себя так, словно и в глаза не видел пьяной парочки.

Десять или пятьдесят партий спустя в комнату ворвался один из наших солдат.

— Ильмо не видели? — спросил он.

Я взглянул на него. В волосах солдата таял снег. Лицо у него было бледное и испуганное.

— Нет. А что случилось, Ведьмак?

— Кто-то пырнул Масло ножом. Кажется, то был Загребущий. Я его спугнул.

— Пырнул ножом? Он мертв? — Я поискал взглядом свою сумку. Раненому я буду нужнее, чем Ильмо.

— Жив. Но сильно порезан. Много крови.

— Почему ты его не привел?

— Я не мог его тащить.

Он тоже был пьян. Нападение на друга немного протрезвило его, но это ненадолго.

— Ты уверен, что это был Загребущий? — Неужели старый дурак пытается нанести ответный удар?

— Конечно. Слушай, Костоправ, пошли. А то он помрет.

— Иду. Уже иду.

— Подожди.— Ворон перебирал свое оружие.— Я тоже иду.— Он взвесил на ладонях два идеально отточенных ножа, выбирая, потом пожал плечами и заткнул оба за пояс.— Плащ накинь, Костоправ. На улице холодно.

Пока я искал плащ, он быстро выяснил у Ведьмака, где находится Масло, и велел оставаться в комнате, пока не придет Ильмо.

— Пошли, Костоправ.

Вниз по лестнице. Улица сменяет улицу. У Ворона обманчивая походка. Кажется, будто он идет неторопливо, но чтобы держаться рядом с ним, нужно пошевеливаться.

Оказалось, что снегопад — еще не самое скверное. Даже там, где горели фонари, видимость составляла не более двадцати

футов. Выпало уже шесть дюймов снега — тяжелого и сырого. Но температура понижалась, а ветер усиливался. Еще одна метель? Проклятье! Неужели мы мало от них настрадались?

Мы отыскали Масло в четверти квартала от того места, где ему полагалось находиться. Он заполз под какие-то ступеньки. Ворон подошел прямо к нему. Ума не приложу, как он догадался, где следует искать. Мы перенесли Масло к ближайшему фонарю. Сам он идти не мог, потому что был в отключке. Я фыркнул:

— Мертвецки пьян. Ему грозит только одна опасность — замерзнуть насмерть.— Он был весь перепачкан кровью, но рана оказалась неглубокой — несколько швов, и все в порядке.

Мы дотащили его до нашего жилища. Я раздел его и принялся орудовать иглой, пока он не в состоянии материться.

Его приятель успел заснуть. Ворон угостил Ведьмака несколькими пинками, пока тот не проснулся.

— Я хочу услышать правду,— заявил Ворон.— Как все произошло?

Ведьмак повторил свой рассказ, настаивая на том, что приятеля ранил Загребущий.

Я усомнился в его словах, Ворон тоже. Но когда я кончил орудовать иглой, Ворон сказал:

— Возьми свой меч, Костоправ.

В его глазах появился охотничий блеск. Мне не хотелось вновь выходить на улицу, но еще меньше мне хотелось спорить с Вороном, когда он в таком настроении. Я отыскал пояс с мечом и щелкнул пряжкой.

Воздух стал холоднее, а ветер сильнее. Снежинки помельчали и сильнее покусывали щеки. Я брел вслед за Вороном, гадая, куда мы идем и зачем.

Он отыскал место, где парня ударили ножом. Свежий снег еще не успел скрыть следы на старом. Ворон присел на корточки и стал смотреть. Я гадал, что он там видит,— по-моему, в полумраке уже ничего нельзя было разглядеть.

— Может, он и не соврал,— произнес наконец Ворон и уставился в темноту переулка, откуда заявился нападавший.

— Откуда ты знаешь?

Он не ответил.

— Пошли.— Ворон зашагал по переулку.

Я не люблю переулки. А особенно в городах вроде этого, где находит пристанище всякое известное человеку зло и, вероятно, кое-какое пока еще неизвестное. Но Ворон все шел вперед... Ворон нуждался в моей помощи... Ворон — мой брат по Черному Отряду... И все же, будь я проклят, жаркий огонь и теплое вино мне понравились бы куда больше.

Полагаю, за все это время я провел на улицах города не более трех или четырех часов. Ворон выходил из комнаты еще реже, чем я, и все же он, казалось, знал, куда направляется. Он вел меня по улочкам и переулкам, через пустыри и мосты. В Рэзах протекают три реки, соединенные паутиной каналов. Мосты — одна из достопримечательностей города.

Но в тот момент мосты меня совершенно не интересовали — больше всего я желал не свалиться на снег и сохранить под одеждой остатки тепла. Ноги превратились в глыбы льда. В сапоги упорно набивался снег, а Ворон был не в настроении останавливаться всякий раз, когда это случалось.

Вперед и вперед. Мили и часы. Никогда не видел так много трущоб и свалок...

— Стоп! — Ворон вытянул руку, преграждая мне путь.

— Что?

— Тихо.

Он прислушался. Я тоже. И ничего не услышал. Впрочем, я мало что слышал и во время нашей вылазки. Но как Ворон выслеживал человека, напавшего на Масло? В том, что он выслеживает именно его, я не сомневался — но как?

Откровенно говоря, никакие поступки Ворона меня не удивляют. Никакие — с того самого дня, когда он на моих глазах задушил свою жену.

— Мы совсем рядом с ним.— Он вгляделся в мельтешение снежинок.— Иди вперед с той скоростью, с какой мы шли. Наткнешься на него через пару кварталов.

— Что? А ты куда? — вопросил я вслед расплывающейся тени.— Чтоб тебе провалиться.— Я набрал в грудь воздуха, еще раз выругался, обнажил меч и пошел вперед. В голове у меня вертелась лишь одна мысль: как мы станем оправдываться, если прикончим не того, кого следует?

И тут я увидел его в полоске света, падающей из двери таверны. Высокий поджарый мужчина, уныло бредущий по снегу и не замечающий ничего вокруг. Загребущий? Откуда мне знать? Из нас только Ильмо и Масло участвовали в рейде на ту ферму...

Сумерки сгустились. Только двое из тех, кто находится в городе, способны опознать Загребущего. Но Масло ранен, а Ильмо я не видел уже... Где он? Под снежным одеялом в каком-нибудь переулке, холодный, как эта отвратительная ночь?

Мой страх уступил место гневу.

Я сунул меч в ножны и достал кинжал, пряча его под плащом острием вперед. Фигура впереди не оборачивалась.

— Паршивая ночка, старина, верно?

Он что-то буркнул в ответ. Потом, когда я поравнялся с ним и пошел рядом, посмотрел на меня. Глаза его прищурились, он слегка отодвинулся и вгляделся в меня внимательнее. В его глазах не было страха, он был уверен в себе. Такие не бродят по ночам в переулках трущоб — те шарахаются от собственной тени.

— Что тебе нужно? — услышал я спокойный и прямой вопрос.

Ему нечего было опасаться — я был перепуган за двоих.

— Ты ударил ножом моего друга, Загребущий.

Он остановился. Глаза его на мгновение как-то странно блеснули.

— Черный Отряд?

Я кивнул.

Он смотрел на меня, задумчиво прищурившись.

— Лекарь. Ты отрядный лекарь по прозвищу Костоправ.

— Рад познакомиться.— Уверен, что в моем голосе было больше силы, чем в моем теле.

«А что же мне теперь делать?» — подумал я.

Загребущий распахнул плащ. В мою сторону метнулся короткий меч. Я отпрыгнул в сторону, распахнул полы плаща, еще раз увернулся и попытался выхватить свой меч.

Загребущий замер. Его глаза встретились с моими. Мне показалось, что они становятся все больше, больше... Я начал проваливаться в два серых колодца... Уголки его рта шевельнулись в улыбке. Он шагнул ко мне, подняв меч...

И внезапно застонал. На его лице отразилось полнейшее недоумение. Я стряхнул его чары, отступил, принял оборонительную стойку.

Загребущий медленно обернулся, вглядываясь в темноту. Из его спины торчал нож Ворона. Загребущий сунул руку за спину и вытащил его. С губ Загребущего сорвался стон. Он пристально посмотрел на нож и запел, медленно выговаривая слова:

— Шевелись, Костоправ!

Это же заклинание! Вот болван! Я позабыл о том, кто такой Загребущий. Мой меч нанес удар.

В то же мгновение из темноты возник Ворон.

Я посмотрел на тело:

— И что теперь?

Ворон опустился на колени, вытащил другой нож — с зазубренным лезвием.

— Кто-то предъявит права на сокровища Душелова.

— Его кондрашка хватит.

— Собираешься ему все рассказать?

— Нет. Но что мы с ним станем делать? — Бывали времена, когда Черный Отряд процветал, но богатым он не был никогда. Накопление богатств — не наша цель.

— Какая-то сумма мне пригодится. Рассчитаюсь со старыми долгами. А остальное... Разделите между собой. Отправьте в Берилл. Делайте что хотите. Но не возвращать же все Взятому?

— Дело твое,— пожал я плечами.— Я лишь надеюсь, что Душелов не подумает, будто мы перешли ему дорогу.

— Правду знаем только я и ты. Я ему не скажу.— Ворон смел снег с лица старика. Загребущий быстро остывал.

Потом пустил в ход нож.

Я врач. Я ампутировал конечности. Я солдат. Я видел залитые кровью поля сражений. И тем не менее меня замутило. Как-то неправильно, когда мертвецу отрезают голову.

Ворон спрятал наш кровавый трофей под плащ. Ему он не мешал.

На обратном пути я спросил Ворона:

— Кстати, а почему мы вообще за ним отправились?

Помолчав, Ворон ответил:

— Капитан в последнем письме просил покончить с этим делом, если мне представится возможность.

Когда мы подошли к площади, Ворон сказал:

— Иди наверх и проверь, на месте ли Душелов. Если нет, то отыщи самого трезвого из наших и отправь его за фургоном. Потом возвращайся сюда.

— Хорошо.— Я вздохнул и торопливо зашагал к нашему дому. Что угодно отдам за толику тепла.

Снега выпало уже на фут. Я начал всерьез опасаться, что отморозил себе ноги.

— Где тебя носило? — рявкнул Ильмо, когда я ввалился в комнату.— И где Ворон?

Я огляделся. Душелова нет. Гоблин и Одноглазый вернулись, но такие пьяные, что их сейчас можно приравнять к покойникам. Масло и Ведьмак оглушительно храпели.

— Как Масло?

— У него все в порядке. Так где ты был?

Я уселся возле огня и стянул сапоги. Ноги мои посинели и онемели, но все же я их не отморозил. Вскоре их начало болезненно покалывать. И вообще я еле передвигал ноги после бесконечных хождений по снегу. Я рассказал Ильмо обо всем.

— Вы его убили?

— Ворон сказал, что Капитан попросил завершить это дело.

— Да, я и не предполагал, что Ворон пойдет и прирежет его.

— Где Душелов?

— Еще не возвращался.— Ильмо ухмыльнулся.— Я сам пригоню фургон. Никому больше не рассказывай. Тут слишком много трепачей.— Он накинул на плечи плащ и торопливо вышел.

Мои руки и ноги немного отогрелись. Произведя в комнате разведку, я позаимствовал сапоги Масло — они оказались примерно моего размера, а ему они сейчас не нужны.

Опять выхожу в ночь. Уже почти утро. Скоро забрезжит рассвет.

Я ждал, что Ворон станет меня упрекать, но меня постигло разочарование — он лишь посмотрел на меня. Ворон замерз и дрожал. Помню, я еще подумал, что он все-таки человек, как и мы.

— Мне пришлось переобуваться. Ильмо отправился за фургоном. Остальные надрались до бесчувствия.

— А Душелов?

— Еще не возвращался.

— Пора сажать это семечко.— Он шагнул в снежную круговерть. Я торопливо последовал за ним.

На ловушке снег не скапливался, и она по-прежнему посверкивала золотом. Талая вода скапливалась лужицами под столом, ручейками стекала в сторону и превращалась в лед.

— Как думаешь, Душелов узнает, если ловушка разрядится? — спросил я.

— Почти наверняка. Да и Гоблин с Одноглазым тоже.

— Эта парочка сейчас не перевернется на другой бок, даже если весь дом сгорит.

— И тем не менее... Ш-ш-ш! Там кто-то есть. Иди сюда.

Он повел меня куда-то в сторону, в обход площади.

«Ради чего я в это ввязался?» — размышлял я, разгребая ногами снег и держа оружие наготове. Неожиданно я уткнулся в спину Ворона.

— Ты что-то увидел?

Он пристально вгляделся в темноту:

— Здесь кто-то был.— Он принюхался, медленно поворачивая голову то направо, то налево, потом быстро прошел десяток шагов и показал вниз.

Он оказался прав — след был совсем свежим. Тот, кто здесь находился, торопливо ушел. Я посмотрел на следы.

— Мне это не нравится, Ворон.— Следы отчетливо показывали, что нежданный гость приволакивал правую ногу.— Хромой.

— Точно не скажешь.

— Кто же еще? Ну где же Ильмо?

Мы вернулись к ловушке для Загребущего. Потянулось нетерпеливое ожидание. Ворон расхаживал взад-вперед и что-то бормотал. Никогда не видел его столь встревоженным. За все время ожидания он бросил лишь одну фразу:

— Хромой не Душелов.

И в самом деле. Душелов почти человек. Хромой же из тех подонков, которые наслаждаются, пытая детей.

Скрип постромок и визг плохо смазанных колес возвестили о прибытии фургона. Ильмо вывел его на площадь, подъехал к нам и спрыгнул с козел.

— Где тебя носило? — Страх и усталость взвинтили мне нервы.

— Пришлось искать конюха и запрягать лошадей. А в чем дело? Что произошло?

— Здесь бродит Хромой.

— Вот дерьмо! И что он делает?

— Пока ничего. Он...

— Пошевеливайтесь,— рявкнул Ворон.— Пока он не вернулся.

Он подошел к камню с головой Загребущего в руке. Охранных чар словно и не было. Когда голова оказалась в углублении, золотистое сияние погасло. На голову и камень стали опускаться снежинки.

— Начали,— выдохнул Ильмо.— У нас мало времени.

Я схватил мешок и перенес его в фургон. Предусмотрительный Ильмо застелил пол брезентом, чтобы выпавшие монеты не провалились в щели между досками.

Ворон велел мне собирать все, что лежало россыпью под столом.

— Ильмо, вытряхни один мешок и дай его Костоправу.

Сами они грузили мешки, а я ползал на коленях, собирая раскатившиеся монеты.

— Минута прошла,— объявил Ворон. Половина мешков уже лежала в фургоне.

— Слишком много всего рассыпалось,— пожаловался я.

— Если придется, оставим на месте.

— А куда повезем мешки? И как мы их спрячем?

— В сеновале на конюшне,— решил Ворон.— На время. Потом сделаем у фургона фальшивое дно. Две минуты прошли.

— А что делать со следами колес? — спросил Ильмо.— Он сможет нас по ним выследить.

— А с какой стати ему вообще об этом беспокоиться? — засомневался я вслух.

Ворон проигнорировал мои слова и спросил Ильмо:

— Ты не маскировал следы, когда ехал сюда?

— Как-то не подумал.

— Проклятье!

Все мешки перекочевали в фургон. Ворон и Ильмо стали помогать мне собирать россыпь.

— Три минуты,— произнес Ворон и тут же воскликнул:— Тихо! — Он прислушался.— Ведь Душелов не мог вернуться так скоро, верно? Нет, это опять Хромой. Сматываемся. Ильмо, ты поведешь фургон. Правь к главным улицам, затеряйся среди движения. Я пойду следом за тобой. А ты, Костоправ, постарайся уничтожить ведущие сюда следы фургона.

— А где Хромой? — спросил Ильмо, тщетно вглядываясь в метель.

Ворон показал.

— Нужно от него оторваться, или он все у нас отберет. Иди, Костоправ. Давай, Ильмо, езжай.

— Но, пошли! — Ильмо щелкнул поводьями. Фургон со скрипом покатил.

Я нырнул под стол, набил доверху карманы и побежал прочь от того места, где, по словам Ворона, затаился Хромой.

Не знаю, насколько удачно я сумел замаскировать следы фургона. Думаю, начавшееся с утра движение на улицах помогло нам больше, чем все, что я сделал. От конюха я тоже избавился. Я протянул парню носок, набитый золотом и серебром,— больше, чем он смог бы заработать на конюшне за несколько лет,— и спросил, не согласится ли он исчезнуть. Желательно, и из города тоже.

— Я даже не потрачу лишней минуты, чтобы забрать свое барахло,— ответил он, бросил в угол вилы и вышел.

Я торопливо вернулся в нашу комнату. Все, кроме Масла, еще дрыхли.

— А, Костоправ,— произнес он.— Как раз вовремя.

— Что, рана болит?

— Угу.

— Похмелье замучило?

— И это тоже.

— Сейчас что-нибудь придумаем. Ты давно проснулся?

— Да с час назад.

— Душелов был здесь?

— Нет. Кстати, куда он подевался?

— Не знаю.

— Эй, это же мои сапоги. Чего это тебе вздумалось надевать мои сапоги?

— Успокойся. Выпей вот это.

Он выпил, но не угомонился:

— Послушай, почему ты надел мои сапоги?

Я снял сапоги и поставил их возле огня, который уже начал угасать. Масло дышал мне в спину, пока я подбрасывал уголь.

— Если ты не успокоишься, у тебя разойдутся швы.

Наших можно успокоить только так. Когда им даешь медицинский совет, они прислушиваются. И, все еще злясь, Масло снова улегся и заставил себя лежать спокойно, но ругать меня не перестал.

Я стянул с себя промокшую одежду и напялил ночную рубашку, что попалась мне на глаза. Понятия не имею, откуда она взялась. Рубашка оказалась коротковатой. Поставив на огонь чайник, я взял свою сумку и подошел к Маслу:

— Дай-ка я тебя осмотрю.

Я очищал кожу вокруг раны, и Масло тихонько ругался, когда я услышал звук. Шарк-стук, шарк-стук. Шаги замерли возле нашей двери.

— В чем дело? — спросил Масло, ощутив мой страх.

— Это...— Дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и увидел, что моя догадка оказалась верна.

Хромой подошел к столу, плюхнулся на стул, обозрел комнату. Его взгляд пронзил меня, и я стал гадать, помнит ли он, что я сделал с ним в Весле.

— Как раз поставил чайник,— невинно произнес я.

Он посмотрел на мокрые сапоги и плащ, затем на каждого находившегося в комнате. Потом снова на меня.

Крупным Хромого не назовешь. Если встретить его на улице, не зная, кто он такой, Взятый не произведет особого впечатления. Подобно Душелову, он был одет в однотонную одежду — тускло-коричневую, поношенную и грязную. Лицо скрывала потертая кожаная маска, с которой капала вода. Из-под капюшона и маски торчали спутанные пряди волос — черных, припудренных сединой.

Он не произнес ни слова, лишь сидел и пялился на нас. Не зная, что же мне в такой ситуации делать, я закончил обрабатывать рану Масла, затем заварил чай. Разлил в три оловянные чашки, одну дал Маслу, одну поставил перед Хромым, третью взял себе.

И что дальше? Теперь уже не притворишься, будто чем-то занят. И присесть негде, только возле стола... Вот дерьмо!

Хромой стянул маску. Поднес чашку к губам...

И я не смог отвести глаз.

Я увидел лицо мертвеца или же скверно забальзамированной мумии. Глаза у него были живые и злобные, но прямо под ними я увидел пятно гниющей плоти. В правом углу рта, где не хватало квадратного дюйма губ, виднелись обнаженные десны и пожелтевшие зубы.

Хромой отхлебнул чаю, посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

Я едва не обмочился.

Я встал и подошел к окну. На улице немного посветлело, и снег падал уже не так густо, но камень я так и не смог разглядеть.

На лестнице затопали сапоги. Вошли Ильмо и Ворон.

— Эй, Костоправ, как тебе удалось отделаться от...— Голос Ильмо сразу стих, едва он заметил Хромого.

Ворон вопросительно посмотрел на меня. Хромой обернулся. Я пожал плечами, когда Хромой не мог меня видеть. Ворон отошел от двери и начал снимать мокрую одежду.

Ильмо сообразил на ходу. Он подошел к огню и разделся.

— О, как здорово избавиться от этой мокрятины! Как дела, Масло?

— Есть свежий чай,— сообщил я.

— Все тело болит, Ильмо,— ответил Масло.

Хромой посматривал на каждого из нас, а заодно на Одноглазого и Гоблина, который понемногу начал шевелиться.

— Вот, значит, как. Душелов привел с собой лучших из Черного Отряда.— Его голос упал до шепота, но даже шепот Хромого наполнил все помещение.— Где он?

Ворон проигнорировал его. Он переоделся в сухие брюки, присел возле Масла и проверил мою работу.

— Здорово ты его заштопал, Костоправ.

— У меня хватает практики.

Ильмо пожал плечами в ответ на вопрос Хромого. Он допил свой чай, налил всем по новой чашке и вновь наполнил чайник из кувшина. Пока Хромой сверлил взглядом Ворона, Ильмо быстро ткнул Одноглазого сапогом в ребра.

— Вы! — рявкнул Хромой.— Я не забыл, что вы устроили в Опале. И во время кампании в Форсберге.

Ворон уселся, прислонившись спиной к стене, вытащил один из своих самого зловещего вида ножей и принялся чистить им ногти. Он улыбался. Улыбался, глядя на Хромого, и в его глазах читалась откровенная насмешка.

Неужели он совсем не знает страха?

— Что вы сделали с деньгами? Они принадлежали не Душелову. Госпожа дала их мне.

Глядя на Ворона, и я набрался смелости:

— Разве вам не полагается сейчас быть в Вязе? Госпожа приказала вам покинуть Клин.

Гнев исказил и без того уродливое лицо. На лбу и левой щеке проступил шрам. Наверное, он тянулся вниз до левого соска Хромого. Этот удар ему нанесла сама Белая Роза.

Хромой резко обернулся. И этот проклятый Ворон сказал:

— Достал карты, Ильмо? Стол освободился.

Хромой оскалился. Уровень напряженности быстро поднимался.

— Я хочу эти деньги. Они мои. У вас есть выбор: или вы соглашаетесь, или нет. И я не завидую вам, если вы откажетесь.

— Если они тебе нужны, пойди и возьми,— сказал Ворон.— Поймай Загребущего. Отруби ему голову. Положи ее на камень. Для Хромого это не составит труда. Загребущий всего лишь бандит. Разве у него есть шанс устоять против Хромого?

Я подумал, что Взятый сейчас взорвется. Но он выдержал. Слова Ворона на мгновение ошеломили его. Но лишь на мгновение.

— Ладно. Значит, вы решили усложнить себе жизнь.— Его улыбка была широкой и жестокой.

Я понял, что напряженность вот-вот кончится взрывом.

В проеме распахнутой двери шелохнулась тень. Худощавая темная фигура скользнула в комнату, посмотрела на спину Хромого. Я облегченно вздохнул.

Хромой развернулся. Между Взятыми едва не сверкнула молния.

Краем глаза я заметил, что Гоблин сидит, а его пальцы отплясывают в сложном ритме. Одноглазый, уставившись в стену, что-то шепчет в подушку. Ворон развернул нож для броска. Ильмо вцепился в чайник, готовый выплеснуть кипяток.

Вокруг меня на расстоянии вытянутой руки не было ничего пригодного в качестве метательного снаряда. Так как же мне внести свой вклад? Занести историю в хроники — если выживу?

Душелов сделал едва заметный жест, обошел Хромого и уселся на свой любимый стул. Вытянул руку, подтащил один из стульев и положил на него ноги. Потом взглянул на Хромого:

— Госпожа передала тебе сообщение. На тот случай, если я встречу тебя. Она желает тебя видеть.— Все фразы были произнесены одним голосом, женским и твердым.— Ей не терпится расспросить тебя про восстание в Вязе.

Хромой вздрогнул. Одна из его вытянутых на столе рук нервно дернулась.

— Восстание? В Вязе?

— Мятежники атаковали дворец и казармы.

Тугая кожа на лице Хромого обрела смертельную бледность. Подергивание руки стало более заметным.

— А еще ей хочется знать, почему ты там не был и не отогнал мятежников.

Хромой выдержал лишь три секунды. За это время его лицо стало гротескным. Мне редко доводилось видеть столь откровенный страх. Затем он сорвался со стула и выбежал.

Ворон метнул нож. Тот вонзился в дверную раму, но Хромой этого не заметил.

Душелов рассмеялся. Смех был совсем не такой, как прежде, а звучный, четкий и торжествующий. Душелов встал и подошел к окну.

— Ага. Кто-то получил приз. Когда это произошло?

Ильмо решил закрыть дверь. Ворон попросил его вытащить нож. Я робко подошел к Душелову, выглянул в окно. Снегопад прекратился, камень был ясно виден. Холодный, утративший свечение и покрытый дюймовым белым покрывалом.

— Не знаю.— Мне оставалось лишь надеяться, что голос прозвучит искренне.— Всю ночь снег падал очень густо. Когда я последний раз смотрел в окно — еще до того, как пришел *он*,— то ничего не смог разглядеть. Может, сходить посмотреть?

— Не стоит.— Он развернул стул так, чтобы наблюдать за площадью. Позднее, после того как он принял из рук Ильмо чашку чая и выпил ее — отвернувшись, чтобы скрыть лицо,— Душелов негромко добавил: — Загребущий уничтожен. Его шваль в панике. И, что самое приятное, Хромого опять вывели из себя. Неплохо сработано.

— Это была правда? — спросил я.— Насчет Вяза?

— Каждое слово,— веселым голосом подтвердил Душелов.— Остается только гадать, откуда мятежники узнали, что Хромого нет в городе. И как я вовремя понял, откуда дует ветер, и потому успел появиться в Вязе и раздавить восстание прежде, чем накопились последствия.— Еще одна пауза.— Не сомневаюсь, что Хромой над этим задумается, когда придет в себя.— И он вновь рассмеялся — еще тише и еще мрачнее.

Мы с Ильмо занялись завтраком. Обычно стряпней заведовал Масло, так что у нас появился повод нарушить устоявшийся обычай. Через некоторое время Душелов заметил:

— Вам и вашим людям больше нет смысла здесь оставаться. Молитвы вашего Капитана были услышаны.

— Так мы можем отправляться? — уточнил Ильмо.

— А ради чего здесь теперь торчать?

У Одноглазого причины имелись, но мы их проигнорировали.

— После завтрака начинаем собираться,— сказал нам Ильмо.

— Вы что, решили ехать в такую погоду? — изумился Одноглазый.

— Мы нужны Капитану.

Я отнес Душелову тарелку с яичницей. Сам не знаю почему. Он редко ест и почти никогда не завтракает. Но он взял тарелку и отвернулся.

Я выглянул в окно. Толпа уже обнаружила перемену. Кто-то смел снег с лица Загребущего. Глаза у него были открыты, и казалось, будто он наблюдает. Жуть.

Под столом копошились люди, дрались за оставленные нами монеты. Получившаяся куча мала напомнила мне клубок червей в полуразложившемся трупе.

— Надо бы оказать ему последнюю почесть и похоронить голову,— пробормотал я.— Он был дьявольски сильным противником.

— Для этого у тебя есть Анналы,— ответил Душелов.— Только победитель утруждает себя оказанием почестей поверженному врагу.

К тому времени я уже сидел перед своей тарелкой. Я задумался над смыслом его слов, но в тот момент горячая еда оказалась для меня важнее.

Все, кроме меня и Масла, отправились в конюшню. За мной и раненым солдатом решили прислать фургон. Я дал Маслу кое-какие лекарства, чтобы подготовить к тряске во время предстоящего переезда.

Ребята задерживались. Ильмо решил натянуть у фургона матерчатый верх и защитить Масло от снега. Ожидая их возвращения, я раскладывал пасьянс.

— Она *очень* красива, Костоправ,— неожиданно произнес Душелов.— Юная на вид. Свежая. Ослепительная. Но сердце у нее каменное. Хромой по сравнению с ней попросту щенок. Молись о том, чтобы никогда не попасться ей на глаза.

Душелов смотрел в окно. Мне хотелось расспросить его, но я никак не мог придумать хотя бы один вопрос. Проклятье. В тот раз я и в самом деле упустил свой шанс.

Какого цвета ее волосы? Ее глаза? Как она улыбается? Когда такого не знаешь, это очень много значит.

Душелов встал и запахнул плащ.

— Даже если считать только подложенную Хромому свинью, дело того стоило,— сказал он. Возле двери он остановился и пронзил меня взглядом.— Ты, Ильмо и Ворон. Выпейте за меня. Слышал?

Потом он ушел.

Через минуту приехал Ильмо. Мы перенесли Масло в фургон и направились к Мейстрикту. Но еще очень долго мои нервы не стоили и гроша.

Глава четвертая
Шепот

Тот бой дал нам максимум результатов ценой минимума усилий. Я даже не припомню столь легкой победы, когда сражение разыгрывалось полностью по нашим нотам. Для мятежников оно стало серьезной неудачей.

Мы срочно покидали провинцию Клин, где оборона Госпожи рухнула почти в течение суток. Вместе с нами спасались бегством от пятисот до шестисот солдат регулярной армии — остатки разбитых подразделений. Чтобы сэкономить время, Капитан выбрал прямую дорогу на Лорды через Облачный лес, а не более длинную, огибающую лес с юга.

Нас преследовал, отставая на день или два, батальон регулярной армии мятежников. Мы могли бы развернуться и разгромить его, но Капитан решил смыться. Мне понравился ход его мыслей. Сражения под Розами оказались жестокими, погибли тысячи, а к Отряду присоединилось так много новичков, что я стал терять раненых, не успевая оказывать им помощь.

Нам было приказано прибыть в Лорды и поступить в распоряжение Крадущегося в Ночи. Душелов полагал, что Лорды станут мишенью для следующего удара мятежников. Мы уже очень устали, но ожидали еще несколько жестоких сражений до наступления зимы, которая замедлит поступь войны.

— Костоправ! Глянь-ка сюда! — К тому месту, где сидели я, Капитан, Молчун и еще несколько наших, мчался Блондин,

перебросив через плечо обнаженную женщину. Ее можно было бы даже назвать привлекательной, не будь она изнасилована до полусмерти.

— Неплохо, Блондин. Неплохо,— отозвался я и вновь склонился над рукописью. Там, откуда прибежал Блондин, все еще слышались вопли и улюлюканье — солдаты пожинали плоды победы.

— Они просто варвары,— беззлобно заметил Капитан.

— Иногда нужно позволять им сорваться с привязи,— напомнил я.— И лучше здесь, чем в Лордах.

Капитан неохотно согласился. Ему трудно переносить зрелище грабежей и насилия, хотя они и часть нашей профессии. Мне кажется, он тайный романтик — по крайней мере в тех случаях, когда дело касается женщин. Я попробовал улучшить ему настроение:

— Они сами на это напросились, взяв в руки оружие.

— Сколько все это уже тянется, Костоправ? — мрачно спросил он.— Кажется, целую вечность, правда? Ты вообще способен вспомнить то время, когда ты не был солдатом? Какой в войне смысл? Почему мы вообще здесь? Мы продолжаем выигрывать сражения, но Госпожа проигрывает войну. Почему бы им не плюнуть на всю эту бодягу и не отправиться по домам?

Отчасти он был прав. Начиная с Форсберга, война превратилась в одно отступление за другим, хоть мы и делали свое дело хорошо. Клин был в полной безопасности, пока на сцену не вышли Меняющий и Хромой.

Во время последнего отступления мы и наткнулись на этот базовый лагерь мятежников. Вероятнее всего, он служил главным учебным и штабным центром в кампании против Крадущегося. К счастью, мы заметили мятежников раньше, чем они нас. Мы окружили лагерь и обрушились на противника перед рассветом. У них было огромное численное превосходство, но сопротивления мы почти не встретили — большинство мятежников были зелеными новобранцами. Больше всего нас поразило наличие в лагере полка амазонок.

Конечно, мы слышали о них и раньше. Несколько женских отрядов имелось и на востоке, в окрестностях Ржи, где сражения оказались более жестокими и ожесточенными, чем здесь. Там

произошло наше первое столкновение, после которого в Отряде стали относиться к женщинам-воинам с пренебрежением, хотя они сражались лучше своих соотечественников-мужчин.

В нашу сторону поползли облака дыма — солдаты жгли казармы и здание штаба. Капитан пробормотал:

— Костоправ, пойди проследи, чтобы эти дурни не подожгли лес.

Я встал, подхватил свою сумку и пошел на шум.

Повсюду валялись тела. Придурки мятежники, должно быть, чувствовали себя в полной безопасности, потому что даже не окружили лагерь частоколом или рвом. Тупицы. Это первое, что следует сделать, даже если *знаешь*, что на сто миль вокруг нет ни единого врага. Крышу над головой сооружают потом. Лучше промокнуть, чем стать покойником.

Пора мне привыкнуть к подобному зрелищу. Я уже давно с Отрядом, и вид последствий сражения тревожит меня меньше, чем следовало бы,— я прикрыл уязвимые места моей морали пластинками брони. Но я до сих пор стараюсь не смотреть на худшее.

Ты — тот, кто сменил меня и теперь пишет эти Анналы,— теперь уже понял, что у меня не хватает смелости записывать всю правду о нашем отряде мерзавцев. Ты знаешь, что они злобны, жестоки и невежественны. Они откровенные варвары, воплощающие в жизнь свои самые жестокие фантазии, и их поведение кое-как смягчается лишь присутствием нескольких достойных людей. Я редко отображаю эту особенность Отряда, потому что эти люди мои братья, моя семья, а в детстве меня научили не говорить скверно о родственниках. Старые уроки забываются труднее всего.

Ворон смеется, читая мои записи. Он называет их «сиропчиком со специями» и грозится взять Анналы в свои руки и записывать рассказы о происходящем так, как все представало перед его глазами.

Суров этот Ворон. Насмехается надо мной. А кто это там носится по разгромленному лагерю и вмешивается всякий раз, когда у солдат возникает желание немного развлечься пытками?

Кто возит за собой десятилетнюю девочку на старом смирном муле? Не Костоправ, братья. Не Костоправ. Костоправ не романтик. Этот душевный порыв зарезервирован за Капитаном и Вороном.

Естественно, Ворон стал лучшим другом Капитана. Они частенько сидят рядом, словно два валуна, и ведут такие же беседы, какие вели бы два валуна. Их интересует лишь компания друг друга.

Ильмо возглавляет поджигателей — наших братьев не столь юного возраста, уже успевших удовлетворить голод по женской плоти. Те, кто еще шворит повсюду плененных дам,— по большей части наше молодое пополнение.

Они дали мятежникам хорошее сражение под Розами, но враг оказался слишком силен. Тогда против нас выступила половина Круга Восемнадцати, а на нашей стороне были лишь Хромой и Меняющий. Эта парочка потратила куда больше времени на взаимный саботаж, чем на попытки противостоять Кругу. В результате разгром — самое унизительное поражение Госпожи за последние десять лет.

Как правило, Круг по большей части сохраняет сплоченность. И они не тратят на взаимную грызню больше энергии, чем на врагов.

— Эй, Костоправ! — позвал Одноглазый.— Повеселись с нами!

Он швырнул горящий факел в распахнутую дверь казармы. Здание мгновенно взорвалось, тяжелые дубовые ставни сорвало с окон. Язык пламени окутал Одноглазого, он тут же отскочил. Курчавые волосы под полями его занюханной плоской шляпы затлели. Я свалил его на землю и, энергично шлепая Одноглазого одолженной у него же шляпой, загасил ему волосы.

— Ладно, ладно,— проворчал он.— Тебе вовсе не обязательно с таким пылом браться за дело.

Невольно улыбнувшись, я помог ему подняться:

— Ты цел?

— Да так, слегка обжегся,— признался он, напуская на себя ту фальшивую величавость, что присуща котам, совершившим какую-нибудь выдающуюся глупость. Нечто вроде: «Именно это я и собирался давным-давно сделать».

Пламя ревело, взметая с крыши горящие соломинки.

— Капитан послал меня проследить, чтобы вы, придурки, не запалили лес,— сообщил я.

Тут как раз из-за угла горящего дома вышел Гоблин, и его широкие губы растянулись в ехидной ухмылке.

Едва заметив его, Одноглазый завопил:

— Ах, червивые твои мозги! Так это ты подстроил мне пакость!

Испустив душераздирающий вопль, он начал приплясывать. Рев пламени стал более басовитым, а пляска огненных языков приобрела ритмичность. Вскоре мне показалось, что я различаю чью-то фигуру, корчащуюся в пламени за окном.

Гоблин тоже ее увидел. Его ухмылка исчезла, он сглотнул, смертельно побледнел и тоже принялся плясать. Теперь оба колдуна что-то завывали и пронзительно вопили, полностью игнорируя друг друга.

Корыто с водой извергло свое содержимое, которое описало в воздухе дугу и выплеснулось на пламя. Следом взвилась в воздух вода из бочки. Рев пламени стал тише.

Одноглазый подскочил поближе и начал тыкать пальцем в Гоблина, пытаясь нарушить его сосредоточенность. Тот отмахивался, уклонялся и попискивал, не прерывая танца. В пламя выплеснулась новая порция воды.

— Какая парочка!

Я обернулся. Подошедший Ильмо любовался представлением.

— И то верно,— согласился я.

Вопящие, завывающие и дерущиеся, Гоблин и Одноглазый словно олицетворяли своих собратьев по ремеслу более крупного масштаба. Разница заключалась лишь в том, что накал их вражды не поднимался и до половины той непримиримой ненависти, что существовала между Меняющим и Хромым. Если копнуть поглубже, легко увидеть, что Одноглазый и Гоблин друзья. Среди Взятых же друзей нет.

— Хочу тебе кое-что показать,— сказал Ильмо. Я знал, что больше он ничего не скажет, поэтому кивнул и пошел за ним.

Гоблин и Одноглазый продолжали дуэль. Кажется, Гоблин брал верх. Пожар меня больше не беспокоил.

— Ты умеешь разбирать эти северянские закорючки? — спросил Ильмо. Он привел меня в здание, где располагался штаб всего лагеря, и показал на кучу бумаг, которую его люди свалили на пол явно для растопки очередного пожара.

— Думаю, что разберусь.

— Может, отыщешь что-нибудь в этом хламе?

Я наугад вытянул из кучи лист. Это оказалась копия приказа одному из батальонов армии мятежников: тайно проникнуть в Лорды и укрыться в домах сочувствующих горожан до того момента, когда поступит приказ напасть на защитников города изнутри. Бумага была подписана именем «Шепот», и к ней прилагался список адресов.

— Еще как отыщу! — ахнул я. У меня внезапно перехватило дыхание. Один только этот приказ разоблачал полдюжины секретов мятежников и намекал еще на несколько.— Еще как,— повторил я, хватая следующий лист. Как и первый, то был приказ очередному отряду. Как и первый, он проливал свет на текущую стратегию мятежников.

— Позови Капитана,— велел я Ильмо.— Прихвати Гоблина, Одноглазого, Лейтенанта и всех, кому здесь следует находиться...

Должно быть, вид у меня был зловещий, потому что на лице Ильмо, когда он меня прервал, появилось какое-то странное, нервное выражение:

— Да что это за чертовщина, Костоправ?

— Все приказы и планы кампании против Лордов. Полный распорядок сражения.— Но кое-что я приберег напоследок — это я покажу только Капитану.— И поторопись. Возможно, даже минуты могут оказаться решающими. И не позволяй никому жечь подобные бумаги. Ради всего святого, останови их. Мы наткнулись на золотую жилу, так не дай ей улететь в небо дымом.

Ильмо выбежал, хлопнув за собой дверью. Его крики быстро стихли в отдалении. Хороший Ильмо сержант. Он не стал тратить время на вопросы. Покряхтывая, я уселся на пол и начал просматривать документы.

Скрипнула дверь, но я даже не поднял головы. Я лихорадочно выхватывал документы из кучи, быстро проглядывал их и сортировал, раскладывая на стопки. Краем глаза я разглядел заляпанные грязью сапоги.

— Ты можешь это читать, Ворон? — спросил я, опознав владельца сапог.

— Читать? Да.

— Тогда помоги мне разобраться с этой кучей.

Ворон уселся напротив меня. Нас разделяла гора бумаг, такая высокая, что мы едва видели друг друга. Возле Ворона расположилась Душечка — так, чтобы ему не мешать, но в то же время находиться под его защитой. В ее спокойных безрадостных глазах еще отражался ужас, пережитый в той далекой деревне.

Ворон в некотором роде парадигма Отряда. Разница между ним и остальными из нас заключается в том, что он во всем чуточку нас превосходит. Возможно, будучи новичком и нашим единственным братом с севера, он символизирует нашу жизнь на службе у Госпожи. Его моральные муки стали нашими моральными муками. Его молчаливый отказ рыдать и бить себя в грудь при несчастьях совпадает с нашими обычаями. Мы предпочитаем говорить металлическим голосом нашего оружия.

Впрочем, достаточно. К чему пытаться искать смысл всего этого? Ильмо наткнулся на золотую жилу, а мы с Вороном просеивали породу, отыскивая самородки.

К нам ввалились Гоблин и Одноглазый. Никто из них документы читать не мог, и они принялись развлекаться, запустив на стены бесформенные тени и заставив их гоняться друг за другом. Ворон пронзил их злобным взглядом. Когда ты занят делом, их бесконечные клоунские штучки и подколки начинают утомлять.

Колдуны посмотрели на Ворона, прекратили дурачиться и тихонько уселись в углу, словно нашалившие ребятишки. Есть у Ворона такое умение, такая личностная энергия, что заставляет людей, более опасных, чем он сам, вздрагивать под порывами дующего от него ледяного ветра.

Капитан пришел вместе с Ильмо и Молчуном. Через распахнутую дверь я разглядел, что вокруг бывшего штаба ошива-

ются еще несколько солдат. И как они ухитряются пронюхать, что назревают события?

— Так что ты здесь нашел, Костоправ? — спросил капитан.

Я решил, что по дороге он уже вытянул из Ильмо все, что тот знал, поэтому перешел прямо к сути:

— Это приказы.— Я похлопал по одной стопке.— А это рапорты.— Я похлопал по другой.— Все они подписаны «Шепот». А мы сейчас тягаем морковку в ее личном огороде.— От волнения я даже заговорил фальцетом.

Некоторое время все молчали, лишь Гоблин пискнул пару раз, когда в штаб ввалились Леденец и остальные сержанты. Наконец Капитан уточнил у Ворона:

— Это так?

Ворон кивнул:

— Судя по документам, она периодически наведывалась сюда еще с ранней весны.

Капитан заложил руки за спину и принялся расхаживать. Он стал похож на усталого старого монаха, бредущего на вечернюю молитву.

Шепот — лучший генерал мятежников. Ее упрямый гений сумел удержать восточный фронт, несмотря на все усилия Десяти. Она имеет репутацию самого опасного члена Круга Восемнадцати. Она славится тщательностью, с какой планирует все кампании. В войне, которая зачастую напоминает вооруженный хаос с обеих сторон, ее войска выделяются четкой организацией, дисциплиной и ясностью целей.

— Кажется, она командовала армией мятежников под Ржой, верно? — пробормотал Капитан. Битва за Ржу происходила три года назад. Говорили, что сотни квадратных миль вокруг города были полностью разорены и к концу зимы противники, чтобы выжить, вынуждены были есть собственных мертвецов.

Я кивнул. Вопрос был риторическим. Капитан попросту размышлял вслух.

— И Ржа на несколько лет стала полем боя. Шепот упорно держала фронт, а Госпожа не отступала от своих

намерений. Но если Шепот прибыла сюда, значит, Круг решил сдать Ржу.

— И это означает, что они переключились с восточной стратегии на северную,— добавил я. Север оставался слабым флангом Госпожи. Восток уже повержен, а южными морями правят союзники Госпожи. С тех пор как границы империи достигли великих лесов выше Форсберга, она обращала мало внимания на север, и именно там мятежники смогли добиться наиболее впечатляющих успехов.

— Они уже набрали ускорение,— заметил Лейтенант,— взяв Форсберг, выбив нас из Клина, захватив Розы и осадив Рожь. Части мятежников направляются к Висту и Бабе. Их остановят, но Кругу это наверняка известно. Поэтому они теперь пляшут на другой ноге и движутся к Лордам. Если город падет, они почти достигнут границ Ветреного Края. Осталось пересечь Ветреный Край, подняться по Лестнице Слёз, и с вершины перевала они всего в ста милях увидят Чары.

— Ильмо,— попросил я, не отрываясь от просмотра и сортировки бумаг,— пошарил бы ты вокруг, вдруг отыщется что-нибудь еще. Она могла кое-что спрятать.

— Пусть этим займутся Одноглазый, Гоблин и Молчун,— предложил Ворон.— У них больше шансов что-либо отыскать.

Капитан одобрил его предложение и повернулся к Лейтенанту:

— Всю суету в лагере прекратить. Карп, вы с Леденцом начинайте готовить людей к маршу. Фитиль, удвоить патрули по периметру.

— Почему? — спросил Леденец.

— Ты ведь не хочешь оказаться здесь, когда вернется Шепот, верно? Гоблин, иди сюда. Свяжись с Душеловом. Эти новости пойдут наверх. Немедленно.

Гоблин скорчил жуткую рожу, потом уселся в углу и принялся бормотать себе под нос. Это было тихое скромное колдовство — для начала.

— Костоправ,— гаркнул Капитан,— вы с Вороном, когда закончите, упакуйте документы. Прихватим их с собой.

— Я бы приберег самые ценные для Душелова,— сказал я.— Если мы хотим извлечь из них какую-то пользу, то некото-

рые потребуют немедленного внимания. Я хочу сказать, что кое-что необходимо сделать быстрее, чем Шепот сумеет что-либо предпринять, узнав о захвате своих бумаг.

— Верно,— согласился Капитан.— Я пришлю вам фургон. И не теряйте зря времени.— Он вышел.

В доносящихся с улицы воплях послышался ужас. Я вытянул онемевшие ноги, встал и подошел к двери. Солдаты сгоняли пленных мятежников на их прежний плац. Пленники ощутили наше внезапное стремление смыться и решили, что им суждено умереть за несколько минут до того, как подоспеют свои.

Покачивая головой, я вернулся к бумагам. Ворон устремил на меня взгляд, возможно, означавший, что он разделяет мою боль. С другой стороны, не исключено, что он осуждал мою слабость. Трудно сказать наверняка, когда имеешь дело с Вороном.

В дверь протиснулся Одноглазый, протопал к нам и вывалил на пол охапку свертков, обернутых промасленной кожей. К ней еще липли влажные комочки земли.

— Ты оказался прав. Мы откопали это за ее домиком.

Гоблин издал долгий пронзительный вопль, леденящий душу не меньше совиного крика в полуночном лесу. Одноглазый тут же бросился к нему. В такие моменты я начинаю сомневаться в искренности их вражды.

— Он в Башне,— простонал Гоблин.— Он с Госпожой. Я вижу *Ее* его глазами... его глазами... его глазами... Мрак! О Боже, мрак! Нет! О Боже, нет! — То был вопль неприкрытого ужаса, который тут же стих до шепота: — Око. Я вижу Око. Оно смотрит прямо сквозь меня.

Мы с Вороном обменялись хмурыми взглядами и пожали плечами. Никто из нас не понял, о чем он бормочет. Теперь Гоблин говорил так, словно впал в детство:

— Пусть она перестанет на меня смотреть. Пусть перестанет. Я буду себя хорошо вести. Пусть отведет взгляд.

— Успокойся,— бормотал Одноглазый, стоя на коленях возле Гоблина.— Все хорошо. Это не настоящее. Все будет хорошо.

Мы с Вороном переглянулись. Ворон повернулся к Душечке и зажестикулировал.

— Я посылаю ее за Капитаном,— пояснил он.

Душечка неохотно вышла. Ворон взял из кучи очередной лист и стал читать. Этот Ворон холоден как камень.

Гоблин еще немного повопил, потом затих, словно умер. Я резко обернулся к нему. Одноглазый поднял руку, показывая, что моя помощь не требуется. Гоблин завершил прием послания.

Гоблин медленно расслабился, с его лица сошло выражение ужаса, щеки порозовели. Я опустился на колени, пощупал артерию на его шее. Сердце колотилось, но пульс постепенно замедлялся.

— Удивляюсь, как он на сей раз не умер,— заметил я.— Ему когда-нибудь уже было настолько плохо?

— Нет.— Одноглазый выпустил запястье Гоблина.— Но в следующий раз его лучше заменить.

— А это прогрессирующее? — Мое ремесло в чем-то граничит с их приемами, но лишь отчасти.

— Нет. Некоторое время нам придется поддерживать его уверенность в себе. Похоже, он нарвался на Душелова, когда тот находился в Башне. Думаю, такое приключение кого угодно сведет с ума.

— Выходит, Душелов был у Госпожи,— выдохнул я, не в силах скрыть возбуждение.

Гоблин видел помещения Башни! Он мог даже увидеть Госпожу! Только Десять Взятых входят в Башню и выходят из нее. Воображение людей описывает интерьер Башни в бессчетных зловещих подробностях. Но все это лишь плоды фантазии, а у меня есть живой свидетель!

— Оставь его на время в покое, Костоправ. Он все тебе расскажет, когда придет в себя,— твердо остановил меня Одноглазый.

Они подсмеиваются над моими фантазиями и говорят мне в лицо, что я влюбился в призрака. Возможно, они правы. Иногда мой интерес к Госпоже пугает даже меня, потому что становится очень похож на навязчивую идею.

Ненадолго я даже позабыл о своих обязанностях, и Гоблин перестал для меня быть человеком, братом и старым другом,

превратившись в источник информации. Затем, устыдившись, я вернулся к документам.

Целеустремленная Душечка притащила за руку удивленного Капитана.

— А, понял. Он установил контакт,— догадался Капитан, всматриваясь в Гоблина.— Он уже что-нибудь сказал? Нет? Разбуди его, Одноглазый.

Одноглазый начал было протестовать, затем передумал и тихо потряс Гоблина. Тот не пробуждался — его сон по глубине приближался к трансу.

— Досталось ему? — спросил Капитан. Я все рассказал. Он хмыкнул.— Сюда уже едет фургон. Пусть один из вас займется упаковкой документов.

Я принялся связывать стопки бумаг.

— Когда я говорил про одного из вас, Костоправ, то имел в виду Ворона. А ты иди сюда и будь наготове. Что-то паршиво Гоблин выглядит.

Гоблин вновь побледнел, его дыхание стало более мелким и частым, с хрипотцой.

— Шлепни его, Одноглазый,— посоветовал я.— Ему, наверное, кажется, что он все еще там.

Пощечина возымела действие — Гоблин распахнул полные ужаса глаза. Узнав Одноглазого, он вздрогнул, глубоко вдохнул и пискнул:

— И меня заставили вернуться к нему? После всего, что я пережил?

Впрочем, голос выдал фальшь его возмущения — в нем оказалось так много облегчения, что его можно было резать ножом на кусочки.

— Раз он способен ругаться, с ним все в порядке,— решил я.

Капитан присел рядом с колдуном на корточки, но спрашивать ни о чем не стал. Гоблин сам заговорит, когда оклемается.

Несколько минут тот приходил в себя, потом сообщил:

— Душелов велел сматываться отсюда. И быстро. Он встретит нас по дороге к Лордам.

— И это все?

Гоблину нечего было добавить, но Капитан все еще надеялся на большее. Если учесть, что пришлось пережить Гоблину, то игра явно не стоила свеч.

Я не сводил с Гоблина глаз — искушение было чертовски сильным.

— Потом, Костоправ,— сказал он, посмотрев на меня.— Мне нужно немного времени, чтобы в голове все улеглось.

Я кивнул:

— Немного травяного чая пойдет тебе на пользу.

— О, нет! В рот больше не возьму ту крысиную мочу, что варит Одноглазый.

— Не его чай, а по моему рецепту.— Я отмерил порцию сушеных травок на пинту крепкого настоя, отдал заварку Одноглазому, закрыл свою сумку и занялся документами — на улице уже скрипели колеса фургона.

Перетаскивая в него первую охапку груза, я увидел, что солдаты на плацу приканчивают пленников кинжалами. Капитан решил не рисковать. Он хотел, чтобы нас отделяло от лагеря, когда в нем объявится Шепот, как можно большее расстояние.

Не могу сказать, что я его в чем-то виню. У него и так отвратительная репутация.

До пакетов, обернутых промасленной кожей, я добрался лишь тогда, когда мы тронулись в путь. Я уселся рядом с возницей и принялся читать, тщетно пытаясь не обращать внимания на жестокую тряску лишенного рессор фургона.

Все, что отыскалось в пакетах, я прочитал дважды, и это лишь увеличило мое смятение.

Воистину дилемма. Рассказывать ли Капитану о моем открытии? А Одноглазому или Ворону? Каждого из них оно заинтересует. Или приберечь все для Душелова? Нет сомнений, тот предпочел бы именно такой вариант. Но возникает вопрос, укладывается или не укладывается эта информация в рамки моих обязательств перед Отрядом? Мне требовался советчик.

Я спрыгнул с козел и постоял, пропуская колонну, пока не увидел Молчуна. Он охранял нас посередине, Одноглазый спереди, а Гоблин сзади. Каждый из них стоил взвода дозорных.

Молчун взглянул на меня сверху вниз из седла крупного черного коня, на котором он ездил, когда пребывал в паршивом настроении, и нахмурился. Из наших колдунов он ближе всех к определению «злой», хотя, как и у многих из нас, его злобность больше образ, чем реальность.

— У меня проблема,— пояснил я.— И серьезная. А ты для меня самый подходящий советчик.— Я огляделся.— Не хочу, чтобы меня кто-нибудь услышал.

Молчун кивнул и сделал несколько сложных и плавных пассов — так быстро, что не уследить. Внезапно я перестал слышать все, что издавало звуки далее пяти футов от меня. Просто поразительно, как много звуков человек не замечает, пока они не исчезнут. Я рассказал Молчуну о своем открытии.

Молчуна трудно потрясти — он все на свете видел и слышал. Но на сей раз я сумел удивить его по-настоящему. На мгновение мне даже показалось, что он сейчас что-то скажет.

— Мне все рассказать Душелову?

Энергичный кивок. Прекрасно. Я в этом и не сомневался. Новость Отряду не по зубам. Она сама нас слопает, если мы прибережем ее для себя.

— А как насчет Капитана? Одноглазого? Или кого другого?

На сей раз он отреагировал не столь быстро и решительно, но все же высказался против. Задав пару вопросов и призвав на помощь интуицию, основанную на жизненном опыте, я понял: Молчун чувствует, что Душелов захочет довести информацию лишь до тех, кому ее следует знать.

— Вот и хорошо. Спасибо,— сказал я и легкой рысцой побежал к голове колонны. По дороге я спросил одного из наших:

— Ворона не видел?

— Впереди с Капитаном.

Как и следовало ожидать. Я побежал дальше.

После краткого размышления я решил подстраховаться, а лучшей страховки, чем Ворон, я и представить не мог.

— Ты читаешь на каком-нибудь из древних языков? — спросил я его. С ним было трудно разговаривать: он и Капитан ехали верхом, а рядом на муле покачивалась Душечка. Когда я приблизился, мул решил наступить мне на ногу.

— Немного. Это была часть моего классического образования. А почему ты спрашиваешь?

Я проворно отскочил на пару шагов.

— Если ты будешь вести себя так и дальше, животное, то у нас на обед сегодня будет рагу из мула! — заявил я упрямому мулу. Тот фыркнул. Я повернулся к Ворону: — Некоторые из документов — те, что откопал Одноглазый,— оказались старинными.

— В таком случае в них нет ничего важного.

Я пожал плечами и, шагая рядом с его лошадью, заговорил, тщательно подбирая слова:

— Разве заранее узнаешь? У Госпожи и Десятерых очень древняя история.

Я с воплем отскочил, развернулся и побежал обратно, зажимая плечо в том месте, где его куснул упрямый мул. У животного был совершенно невинный вид, зато Душечка хитро улыбалась.

Ее улыбка почти стоила моей боли — она так редко улыбалась.

Я шел назад вдоль колонны, пока не поравнялся с Ильмо.

— Что-то случилось, Костоправ? — спросил он.

— А? Да нет. Ничего.

— У тебя вид испуганный.

А я действительно испугался. Я приподнял крышку шкатулки — просто из любопытства — и обнаружил, что она наполнена злом. То, что я прочитал, из головы уже не выкинешь.

Когда я позднее увидел Ворона, лицо у него было таким же серым, как у меня. А может, и хуже. Мы пошли рядом, и он вкратце пересказал мне то, что узнал из документов, которые я не смог прочитать.

— Некоторые из них принадлежали магу Боманцу,— сказал он.— Другие датированы эпохой Владычества. Некоторые написаны на теллекурре. Сейчас этот язык используют только Взятые.

— Боманц? — переспросил я.

— Вот именно. Тот самый, что разбудил Госпожу. Шепот каким-то образом раздобыла его секретные бумаги.

— Ого.

— Вот именно, ого.

Мы разошлись, оставшись каждый наедине со своими страхами.

Душелов появился незаметно. Кроме неизменной кожи, на нем была одежда, чем-то напоминающая нашу. Никто не заметил, как он оказался в нашей колонне. Не знаю, сколько времени он шагал вместе с нами,— сам я узнал, что он здесь, когда мы вышли из леса после трех дней напряженного марша по восемнадцать часов в сутки. Я с трудом передвигал натруженные ноги и бормотал себе под нос о том, что старею, когда мягкий женский голос поинтересовался:

— Как сегодня дела, лекарь?

Окажись у меня побольше сил, я, наверное, с воплем бы подпрыгнул футов на десять. Но я настолько выдохся, что лишь сделал очередной шаг, обернулся и пробормотал, не в силах преодолеть апатию:

— Что, объявился наконец?

Волна облегчения докатится до меня позднее, но тогда мысли у меня в голове ползли не быстрее, чем шевелились ноги. Когда так долго сматываешься от кого-нибудь, трудно накачать кровь адреналином. Мир словно лишается внезапных потрясений и страхов.

Душелов пошел рядом со мной, не обгоняя и время от времени поглядывая в мою сторону. Его лица я разглядеть не мог, зато ощущал исходившее от него веселье.

Тут накатило облегчение, а следом за ним — волна изумления собственной наглостью. Меня словно молнией шарахнуло, ведь я ответил Душелову, как одному из наших парней.

— Почему бы нам не взглянуть на эти документы? — спросил он. Настроение у Душелова было откровенно бодрое.

Я привел его к фургону, мы залезли внутрь. Возница, выпучив глаза, бросил на нас один-единственный взгляд и уставился вперед, весь дрожа и пытаясь стать глухим.

Я сразу передал ему откопанные документы и попробовал улизнуть.

— Останься,— велел он.— Им пока незачем знать.— Ощутив мой страх, он по-девчоночьи хихикнул.— Ты в безопасности, Костоправ. Более того, Госпожа просила передать тебе ее личную благодарность.— Он вновь рассмеялся.— Она хочет узнать о тебе все, Костоправ. Все как есть. Ты тоже завладел ее воображением.

Страх снова шарахнул меня молотом по голове. Никто не хочет привлечь внимание Госпожи. Душелов наслаждался моим замешательством.

— Может быть, она даже захочет с тобой поговорить, Костоправ. Ах, ты так побледнел. Впрочем, тебя никто не заставляет. Ладно, за работу.

Мне еще не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь читал с такой скоростью. Он буквально проглотил взглядом все документы — и новые, и древние.

— Ты не смог прочитать их все,— сказал Душелов своим деловым женским голосом.

— Не смог.

— И я тоже. Некоторые способна расшифровать лишь Госпожа.

Странно, подумал я. Я ожидал большего энтузиазма. Захват документов обернулся для него удачей, потому что именно он предусмотрительно нанял на службу Черный Отряд.

— Сколько ты смог понять?

Я рассказал о вражеском плане прорыва через Лорды и о том, что означало присутствие Шепот. Душелов усмехнулся:

— Старые документы, Костоправ. Расскажи мне о старых документах.

Я вспотел. Чем мягче и вкрадчивее говорил Душелов, тем больше я чувствовал, что мне следует его опасаться.

— Старый колдун. Тот, кто пробудил всех вас. Некоторые из бумаг были его.

Проклятье. Еще не договорив, я понял, что мне следовало бы прикусить язык. Ворон был единственным в Отряде, кто мог опознать бумаги Боманца как принадлежащие ему. Душелов усмехнулся и по-дружески хлопнул меня по плечу:

— Я так и думал, Костоправ. Уверенности у меня не было, но я так и думал. Вряд ли ты удержался бы и ничего не шепнул Ворону.

Я промолчал. Мне хотелось солгать, но он *знал*.

— У тебя не было другого способа это узнать. Ты сказал ему об упоминании истинного имени Хромого, и ему осталось лишь прочесть все, что он смог. Верно?

Я и на сей раз промолчал. Он был прав, хотя мотивы мои были не до конца братскими. Ворон сводит свои счеты, но Хромой желал смерти *для нас всех*.

Разумеется, наиболее ревностно охраняемый секрет каждого волшебника — его истинное имя. Любой враг, вооружившись этим знанием, способен поразить Взятого магией в самое сердце и душу или обмануть иллюзией.

— Ты смог лишь предположить истинное значение вашей находки, Костоправ. Даже я могу о нем лишь догадываться. Но последствия вполне предсказуемы — крупнейшая катастрофа для армии мятежников и грызня среди Десяти.— Он снова похлопал меня по плечу.— Ты сделал меня вторым по могуществу в империи. Госпожа знает все наши истинные имена. Теперь мне известны три других, и к тому же я получил обратно свое.

Неудивительно, что он оказался столь разговорчив. Он уклонился от стрелы, даже не зная, что она в него летит, а кроме того, одновременно получил на халяву возможность схватить Хромого за горло. Попросту говоря, он наткнулся на радужный горшочек, полный власти.

— Но Шепот...

— Ей придется исчезнуть.— Он произнес это низким и ледяным голосом. То был голос убийцы, привычный к вынесению смертных приговоров.— Она должна быстро умереть. В противном случае мы ничего не достигнем.

— А если она уже кому-то рассказала?

— Не рассказала. Уж я ее знаю. До того, как Госпожа послала меня в Берилл, я сражался с Шепот у Ржи и в других местах. Я преследовал ее среди говорящих менгиров на равнине Страха. Я ее знаю. Она гений, но гений-одиночка. Если бы она жила во времена первой эры, Властелин сделал бы ее одной из своих слуг. Она служит Белой Розе, но сердце у нее черное, как ночь в аду.

— Я сказал бы то же самое про весь Круг.

— Да,— рассмеялся Душелов.— Каждый из них лицемер. Но с Шепот не сравнится никто. Это просто невероятно, Костоправ. Как она ухитрилась раскопать столько секретов? Как она узнала *мое* имя? Я спрятал его идеально. Я восхищаюсь ею. Честно. Такой гений. Такая смелость. Удар через Лорды, марш через Ветреный Край и подъем на Лестницу Слёз. Невероятно. Невозможно. И ведь у нее все могло получиться, если бы не Черный Отряд. И ты. Ты будешь вознагражден, я гарантирую. Но хватит об этом. Мне пора заняться делом. Крадущийся нуждается в этой информации. А Госпожа должна увидеть бумаги.

— Надеюсь, что вы правы,— проворчал я.— Получив пинок в зад, нужно отдохнуть. Я выдохся. Мы носимся и сражаемся уже целый год.

Идиотская фраза, Костоправ. Я ощутил, как нахмурилось лицо под черным морионом. А сколько носится и сражается сам Душелов? Вечность.

— Можешь идти,— бросил он.— С тобой и с Вороном я поговорю потом.

Холодный, ледяной голос. Я поспешил отвалить подальше.

Когда мы добрались до Лордов, там все уже закончилось. Крадущийся действовал быстро и разил сильно. Куда бы мы ни пошли, повсюду натыкались на мятежников, висящих на деревьях или фонарях. Отряд расположился в казармах, ожидая спокойную скучную зиму и предстоящее весной преследование остатков армии мятежников до дремучих северных лесов.

Ах, как сладка была иллюзия, пока не кончилась.

— Тонк! — воскликнул я, бросая на стол пять карт-картинок, доставшихся мне после раздачи.— Ха! Двойной выигрыш, парни. Двойной. Платите.

Одноглазый, ворча и бурча, подтолкнул мне через стол монеты. Ворон усмехнулся. Даже Гоблин выдавил подобие улыбки. Одноглазый с самого утра не выиграл ни единой партии, даже когда мухлевал.

— Спасибо, господа, спасибо. Сдавай, Одноглазый.

— Ну как ты это проделываешь, Костоправ? Как?

— У него рука быстрее глаза,— предположил Ильмо.

— Все дело в честной жизни, Одноглазый. Запомни, в честной жизни.

В дверь протиснулся злой и хмурый Лейтенант:

— Ворон. Костоправ. Вы нужны Капитану. Срочно.— Он обвел взглядом картежников за несколькими столами: — Дегенераты.

Одноглазый фыркнул, затем едва заметно улыбнулся. Лейтенант был еще худшим игроком, чем он сам.

Я взглянул на Ворона. Капитан был его приятелем, но он пожал плечами и бросил карты на стол. Я рассовал выигрыш по карманам и отправился следом за Вороном в комнату Капитана.

Там был Душелов. Мы не видели его с той встречи на опушке леса, и я надеялся, что он слишком занят, чтобы возвращаться к нам. Я посмотрел на Капитана и попытался по выражению его лица угадать наше будущее. Радости на его лице я не заметил.

А если Капитан не радуется, то и я тоже.

— Садитесь,— сказал он. Нас поджидали два стула. Капитан прошелся по комнате, о чем-то думая, и наконец сказал: — Мы получили приказ — прямо из Чар — перебраться в другое место. Вместе со всей бригадой Крадущегося.— Он махнул в сторону Душелова, переадресуя объяснения ему.

Тот словно и не заметил, погрузившись в свои мысли. Наконец он еле слышно спросил:

— Ты хорошо управляешься с луком, Ворон?

— Средне. Не чемпион.

— Намного лучше, чем средне,— возразил Капитан.— Чертовски хорошо.

— А ты, Костоправ?

— Когда-то стрелял неплохо. Но уже несколько лет не натягивал тетиву.

— Потренируйтесь.— Душелов тоже принялся расхаживать. Комнатка была маленькая, и я все опасался, что они вот-вот столкнутся. Через минуту Душелов продолжил: — Многое

произошло. Мы пытались захватить Шепот в ее лагере, но в последний момент упустили. Она почуяла ловушку. Она все еще в тех краях, где-то прячется. Госпожа подтягивает туда войска со всех сторон.

Это объясняло замечание Капитана. Но мне не стало яснее, почему я должен вспомнить искусство лучника.

— Насколько нам известно,— продолжил Душелов,— мятежники не знают о том, что там произошло. Пока. У Шепот не хватило духу рассказать о своей неудаче. Она гордая женщина. Похоже, сперва она хочет нам отомстить.

— Как? — спросил Ворон.— Она не сможет собрать даже взвода.

— Воспоминаниями. Информацией из закопанных бумаг, которые вы отыскали. Вряд ли она знает, что они у нас. Она была вдалеке от своего штаба, когда Хромой невольно сделал нам подарок, а потом она укрылась в лесу. И лишь мы четверо, не считая Госпожи, знаем про документы.

Мы с Вороном кивнули. Теперь мы поняли обеспокоенность Душелова. Шепот знала его истинное имя, и теперь он превратился в ходячую мишень.

— И что же требуется от нас? — с подозрением спросил Ворон. Он опасался, что Душелов решил, будто мы сами расшифровали имена. Он даже предлагал мне убить Взятого раньше, чем он убьет нас. Взятые не бессмертны и уязвимы, но до них дьявольски трудно добраться. У меня никогда не возникало даже желания рискнуть.

— У нас троих будет особая миссия.

Мы с Вороном переглянулись. Что он задумал?

— Капитан, будьте любезны на минуту выйти,— попросил Душелов.

Капитан с явной неохотой вышел, шаркая ногами. Впрочем, его неудовольствие и медвежья походка в подобных случаях напускные. Полагаю, он не догадывается, что мы уже давно его раскусили, и продолжает так себя вести, надеясь на нужный эффект.

— Я не собираюсь увести вас в укромное место и там прикончить,— заявил Душелов.— Нет, Ворон, я не думаю, что вы узнали мое истинное имя.

Жуть какая-то. Я невольно втянул голову в плечи. Ворон шевельнул рукой. В ней возник нож, которым он принялся чистить под ногтями, хотя они в этом вовсе не нуждались.

— Суть вот в чем: Шепот подкупила Хромого после того, как мы выставили его дураком в затее с Загребущим.

— И это объясняет события в Клине,— выпалил я.— Мы крепко залатали прорехи, но за сутки все опять развалилось. А во время битвы под Розами он вообще вел себя дерьмово.

— Поражение под Розами — его вина,— согласился Ворон.— Но никто и не подумал о предательстве. В конце концов Хромой — один из Десяти.

— Верно,— подтвердил Душелов.— Его предательство многое объясняет. Но Клин и Розы уже в прошлом, а сейчас нас интересует будущее. Нам нужно избавиться от Шепот быстрее, чем она нанесет нам очередное поражение.

Ворон посмотрел на Душелова, затем на меня и вновь занялся бессмысленным маникюром. Я тоже не поверил Взятому. Мы, смертные, для них всего лишь игрушки и инструменты. Они способны выкопать из могилы кости своей бабушки, лишь бы угодить Госпоже.

— В этом наше преимущество перед Шепот,— сказал Душелов.— Мы знаем, что она согласилась завтра встретиться с Хромым...

— Откуда? — спросил Ворон.

— *Я* этого не знал, но Госпожа сказала *мне*. Хромой не подозревает, что нам про него все известно, зато знает, что долго он не протянет. Вероятно, он попробует договориться с Кругом, чтобы они его защитили. Он понимает, что если это ему не удастся, то он покойник. А Госпожа хочет, чтобы Хромой и Шепот умерли вместе, тогда Круг станет подозревать, что именно она продалась Хромому, а не наоборот.

— Ничего не выйдет,— буркнул Ворон.

— Они в это поверят.

— Значит, мы с Вороном должны их прикончить. Стрелами. А как, интересно, мы их отыщем?

Уж самого-то Душелова там не будет, что бы он ни говорил. И Шепот, и Хромой ощутят его присутствие задолго до того, как он приблизится на расстояние выстрела.

— Скоро Хромой со своими войсками двинется маршем через лес. Не зная, что его подозревают, он не станет прятаться от Ока Госпожи, полагая, что его маневры будут восприняты как поиск Шепот. Госпожа сообщит нам его местонахождение. Я выведу вас на его след. Когда парочка встретится, вы их прикончите.

— Конечно,— фыркнул Ворон.— Что может быть проще? Словно на индюков охотиться.

Он метнул нож — тот глубоко вонзился в оконную раму — и вышел.

Я тоже был не в восторге от такого расклада. Я смотрел на Душелова и две-три секунды мысленно спорил с самим собой, пока страх не побудил меня отправиться вслед за Вороном.

Уходя, я взглянул на Душелова — усталого, с поникшими плечами. Наверное, им тяжело жить с такой репутацией. Всем хочется, чтобы их любили.

Я записывал свою очередную фантазию о Госпоже, а Ворон методично посылал стрелу за стрелой в красную тряпку, приколотую к соломенному чучелу. Сам я, тренируясь незадолго до него, с трудом попадал в чучело, не говоря уже о тряпке-мишени. Казалось, Ворон просто не способен промахиваться.

На сей раз я размышлял над детством Госпожи. Когда я думаю о каком-нибудь злодее, мне всегда хочется заглянуть в его детство. Какие ниточки соединяли существо в Чарах с маленькой девочкой, которой когда-то была Госпожа? Возьмем маленьких детей. Практически все они милы и сладки, как смесь меда с маслом, их любят и берегут. Так откуда же тогда берутся злобные взрослые? Проходя через нашу казарму, я все гадал: ну как смеющийся любопытный малыш мог превратиться в Трехпалого, Поддатого или Молчуна?

Маленькие девочки вдвое драгоценнее и невиннее мальчиков. Мне не известен ни один народ, который относился бы к ним иначе.

Так откуда же взялась Госпожа? Или, кстати, Шепот? Я сидел и записывал свои мысли по этому поводу.

Рядом со мной уселся Гоблин и прочитал только что написанное.

— Я с тобой не согласен,— заявил он.— Думаю, она с самого начала приняла сознательное решение стать такой, какова она есть.

Я медленно повернулся к нему, остро ощущая присутствие Душелова — он стоял в нескольких шагах позади меня, наблюдая за стреляющим Вороном.

— Вообще-то, Гоблин, я сам сомневаюсь, что все было именно так. Тут все... Словом, сам знаешь. Когда хочешь понять, подбираешь такие мысли, с которыми можешь справиться.

— Мы все так поступаем. В обычной жизни это называется «придумывать отговорки». Истинные, обнаженные мотивы слишком грубы, чтобы их проглотить. К тому времени, когда большинство людей достигает моего возраста, они успевают столь часто и столь успешно наводить глянец на свои мотивы, что теряют с ними всякую связь.

Я заметил упавшую мне на колени тень и поднял голову. Душелов вытянул руку, приглашая меня взять лук и сменить Ворона. Тот уже вытащил из чучела свои стрелы и стоял, поджидая меня.

Три моих первых стрелы угодили в красную тряпку.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил я, поворачиваясь к Ворону.

Душелов прочитал мои фантазии и поднял голову:

— Нет, Костоправ! Все было совсем не так. Разве ты не знал, что она убила свою сестру-близнеца, когда ей было четырнадцать лет?

Вдоль моего позвоночника пробежались крысы с ледяными коготками. Я повернулся и выпустил стрелу. Она пролетела далеко в стороне от чучела. Я быстро пустил еще несколько, но лишь распугал в отдалении голубей.

Душелов взял у меня лук.

— У тебя нервы сдают, Костоправ.— Он быстро вогнал три стрелы подряд в круг менее дюйма в поперечнике.— Возьми себя в руки. Там напряжение будет куда сильнее.— Он протянул мне лук: — Весь секрет в сосредоточенности. Считай, будто делаешь операцию.

Считать, будто я делаю операцию. Верно. Я ухитрялся проделывать поразительные вещи прямо на поле боя. Все верно. Только тут все иначе.

Бессмертное оправдание. Да, но... тут все иначе.

Я собрался и успокоился настолько, что сумел вогнать оставшиеся в колчане стрелы в чучело. Вытащив их, я уступил место Ворону.

Гоблин протянул мне бумаги и перо. Я раздраженно скомкал свою писанину.

— Тебе нужно что-нибудь для укрепления нервов? — спросил он.

— Да. Железные опилки, или чем там питается Ворон.— Мое самоуважение весьма пошатнулось.

— Попробуй это.— Гоблин протянул мне шестиконечную серебряную звезду на цепочке. В центре ее была изображена черная медуза.

— Амулет?

— Да. Нам кажется, завтра он тебе пригодится.

— Завтра? — Считалось, что никто не знает о том, что предстоит нам завтра.

— У нас есть глаза, Костоправ. Это же Отряд. Может, мы не знаем, что произойдет, но догадываемся, если что-то затевается.

— Верно. Спасибо, Гоблин.

— Мы сделали его втроем — Одноглазый, Молчун и я.

— Спасибо. А как же Ворон? — Когда кто-то делает подобные жесты, я чувствую себя увереннее, сменив тему разговора.

— Ворону амулет не нужен. Он сам себе амулет. Садись. Давай поговорим.

— Я ничего не смогу тебе рассказать.

— Знаю. Но я подумал, ты захочешь узнать кое-что про Башню.— Он еще не рассказывал мне о своем визите туда, а я не расспрашивал — пусть решает сам.

— Хорошо. Расскажи.— Я взглянул на Ворона. Стрела за стрелой вонзались в тряпку.

— Ты разве не собираешься все записать?

— Ах, да.— Я приготовил перо и бумагу. То, что я веду и храню Анналы, производит на всех огромное впечатление —

ведь в них единственная надежда каждого из братьев на бессмертие.— Я рад, что не стал с ним спорить.

— С кем спорить?

— Ворон хотел, чтобы мы сделали ставки на то, кто из нас стреляет точнее.

Гоблин фыркнул:

— Ты, я вижу, поумнел и больше не попадаешься в ловушки для простаков. Готовь перо.— И он начал рассказывать.

Он мало что добавил к слухам, которые я успел собрать здесь и там. Он описал место, куда попал, как большую пустую комнату, мрачную и пыльную. Примерно этого я и ожидал от Башни. Как и от любого замка.

— Как она выглядит? — Это была самая интригующая часть головоломки. Я успел сотворить себе образ темноволосой, вечно молодой красавицы, чья сексуальная привлекательность ошарашивает смертных не хуже удара дубинки. Душелов говорил, что она прекрасна, но пока я не располагал мнением независимого наблюдателя.

— Не знаю. Не помню.

— Что значит «не помню»? Как ты можешь не помнить?

— Успокойся, Костоправ. Я просто не помню. Она стояла передо мной, потом... Потом я увидел лишь огромный желтый глаз, который становился все больше и больше и смотрел прямо сквозь меня, узнавая все мои секреты и тайны. Вот и все, что я помню. Мне этот глаз до сих пор в кошмарах снится.

Я разочарованно вздохнул:

— Наверное, мне следовало такого ожидать. Знаешь, она сейчас может пройти мимо нас, но никто и не подумает, что это она.

— Полагаю, именно этого она и желает, Костоправ. Если все развалится и станет таким, каким было до того, как ты отыскал те бумаги, она просто уйдет. Только Взятые способны ее опознать, а уж о них она как-нибудь позаботится.

Сомневаюсь, что все окажется настолько просто. Люди вроде Госпожи не способны воспринимать себя на второстепенных ролях. Низверженные принцы все равно ведут себя как принцы.

— Спасибо, что рассказал мне все, Гоблин.

— Не стоит благодарности. Рассказывать-то, по сути, нечего. Меня лишь волновало, что я столь долго откладывал наш разговор.

Ворон успел опустошить колчан и извлечь из чучела стрелы.

— Сходил бы ты да подбросил Одноглазому клопов в спальный мешок, или еще чем-нибудь занялся,— посоветовал он Гоблину.— Мы тут делом занимаемся.— Он явно нервничал из-за того, что так много мазал по мишени.

Нам придется полагаться друг на друга. Если кто-нибудь из нас промахнется, то не исключено, что мы умрем быстрее, чем успеем выпустить по второй стреле. Но об этом мне совсем не хотелось думать.

Все же такие мысли заставили меня сосредоточиться, и на сей раз большинство моих стрел угодило в красную тряпку.

Мне было дьявольски трудно выполнить свою обязанность вечером накануне того дня, когда нам с Вороном предстояло отправиться в неизвестность, но Капитан отказался нарушить трехсотлетнюю традицию. Он также отказался рассмотреть наши протесты по поводу того, что нас нанял Душелов, равно как и требование поделиться дополнительной информацией, которой он, несомненно, располагал. Я прекрасно понимал, чего именно и почему Душелов хочет добиться, но никак не мог догадаться, почему он выбрал для этого меня и Ворона. И то, что его прикрывал Капитан, лишь еще больше все запутывало.

— Хочешь знать почему, Костоправ? — переспросил он наконец.— Потому что я тебе приказываю, вот почему. А теперь выматывайся отсюда и иди читать.

Раз в месяц весь Отряд собирается вечером послушать летописца, зачитывающего отрывки из записей своих предшественников. Считается, что подобные чтения дают братьям возможность соприкоснуться с нашей историей и традициями, которые тянутся в прошлое на столетия и на тысячи миль.

Я разместил выбранную рукопись на некоем подобии аналоя и произнес обычное вступление:

— Добрый вам вечер, братья. Я прочитаю отрывки из Анналов Черного Отряда, последнего из Свободных Отрядов Ха-

товара. Сегодня я буду читать из Книги Кетте, датируемой началом второго столетия истории Отряда, которую пополняли летописцы Осадок, Агрип, Дуб и Солома. В то время Отряд служил болебогу Чён Делора. Тогда Отряд еще был полностью чернокожим.

Отрывок, который вы услышите, принадлежит перу летописца Соломы и посвящен роли Отряда в событиях, связанных с падением Чён Делора.

Я начал читать, мысленно отметив, что Отряд служил многим правителям-неудачникам.

Эпоха Чён Делора во многом схожа с нашей, хотя тогда, имея в своих рядах более шести тысяч человек, Отряду было легче влиять на свою судьбу.

Начав читать, я позабыл обо всем. Старина Солома классно владел пером. Я читал три часа без передышки, громыхая, словно свихнувшийся пророк, и едва не ввел слушателей в транс. Когда я закончил, меня наградили овацией. Я отошел от аналоя с ощущением, будто завершил главное дело своей жизни.

Физические и моральные последствия моего спектакля навалились на меня уже в казарме. Поскольку я наполовину офицер, мне полагается собственная комнатушка, и я, пошатываясь, направился прямиком туда.

Меня поджидал Ворон. Он сидел на моей койке и что-то мудрил со стрелой, древко которой было обернуто серебряной полоской. Кажется, он на ней что-то вырезал. Не будь я таким уставшим, меня это наверняка заинтересовало бы.

— Ты был превосходен,— сообщил мне Ворон.— Даже я это почувствовал.

— Да ну?

— Ты заставил меня понять, что значило в те времена быть членом Черного Отряда.

— И что это до сих пор означает для некоторых.

— Да. И даже больше. Ты проник им в самую душу.

— Да, конечно. А что ты делаешь?

– Готовлю стрелу для Хромого. Вырезаю на ней его истинное имя. Мне его сообщил Душелов.

— А-а, понятно.— Я был настолько вымотан, что решил обойтись без уточнений.— А что ты от меня хотел?

— Впервые с тех пор, как моя жена и ее любовники попытались убить меня и украсть мои права и титулы, ты заставил меня хоть что-то почувствовать.— Он встал, прищурился и взглянул вдоль древка стрелы.— Спасибо, Костоправ. За то, что я некоторое время вновь ощущал себя человеком.

И он вышел.

Я рухнул на койку и закрыл глаза, вспоминая, как Ворон задушил свою жену, как молча снял с нее обручальное кольцо. Выпалив одну короткую фразу, он раскрылся передо мной больше, чем за все время со дня нашей первой встречи. Странно.

Я заснул, размышляя о том, что он расквитался со всеми, кроме главного источника своих несчастий. Хромой оставался неприкосновенным, потому что был одним из слуг Госпожи. До сегодняшнего дня.

Завтра меня и Ворона ждала неизвестность. Я гадал о том, что ему сегодня приснится. И о том, останется ли у него цель в жизни, если Хромой умрет. Человек не может выжить, черпая силы лишь в ненависти. Так будет ли он утруждать себя попыткой остаться в живых среди того, что нам предстоит?

Возможно, именно это он и хотел мне сказать.

Я испугался. Человек, который так думает, может стать слегка самонадеянным и опасным для окружающих.

Чьи-то пальцы сомкнулись на моем плече.

— Пора, Костоправ.— Меня разбудил сам Капитан.

— Да. Я проснулся.— В эту ночь я плохо спал.

— Душелов уже готов отправиться в путь.

— Который час? — спросил я, заметив, что еще темно.

— Почти четыре. Душелов хочет уйти до рассвета.

— Понятно.

— Слышишь, Костоправ? Будь там поосторожнее. Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Конечно, Капитан. Ты же знаешь, я не любитель лезть на рожон. Но все-таки, почему именно я и Ворон? — Быть может, сейчас он мне скажет?

— Душелов сказал, что Госпожа называет это наградой.

— Серьезно? Ничего себе награда...— Я пошарил вокруг, отыскивая сапоги. Капитан уже шел к двери.— Капитан! Спасибо.

— Не за что.— Он знал, что я благодарил его за заботу.

Когда я завязывал шнурки на куртке, в дверь просунулась голова Ворона:

— Готов?

— Еще минутка. Холодно на улице?

— Прохладно.

— Плащ прихватить?

— Не помешает. Кольчугу надел? — Он коснулся моей груди.

— Да.— Я надел плащ, взял лук и подбросил его на ладони. На мгновение я ощутил на груди холодок амулета, который мне дал Гоблин. Я мысленно понадеялся, что он мне поможет.

— Я тоже надел,— улыбнулся Ворон.

— Тогда пошли,— улыбнулся я в ответ.

Душелов ждал нас во дворе, где мы накануне тренировались в стрельбе из лука. На него падал свет из окон отрядной столовой — пекари уже усердно трудились. Душелов стоял неподвижно, как на параде, левой рукой прижимая к боку сверток, и смотрел в сторону Облачного леса. На нем было лишь обычное кожаное одеяние и морион. В отличие от некоторых Взятых, он редко носил оружие, предпочитая полагаться на свое тавматургическое искусство.

Он разговаривал сам с собой. Зловещие оказались разговоры: «Хочу увидеть, как он падает замертво. Ждал этого четыреста лет».— «Мы не сможем подойти настолько близко. Он нас почует».— «Тогда откажись от любой магии».— «Ну, нет! Слишком рискованно!»

Слышался целый хор голосов. Когда два из них говорили одновременно, мне становилось по-настоящему жутко.

Я встретился взглядом с Вороном. Тот пожал плечами. Его Душелов не пугал. Но Ворон, в конце концов, вырос во владениях Госпожи и видел всех Взятых. Душелов, вероятно, один из наименее злобных.

Минуты две мы прислушивались, но фразы не становились осмысленнее. Наконец Ворон не выдержал и рыкнул:

— Господин, мы готовы.— В его голосе ощущалось легкое волнение.

Сам я словно онемел. Мысли мои вертелись вокруг лука, стрелы и дела, которое мне предстоит сделать. Я представил, как натягиваю тетиву и отпускаю ее, как прослеживаю взглядом полет стрелы, и неосознанным движением провел пальцами по подарку Гоблина, поймав себя на том, что делаю это уже не первый раз.

Душелов встряхнулся, словно мокрый пес, и как-то внешне подобрался. Он взмахнул рукой, не глядя на нас, бросил: «Пошли!» — и зашагал.

Ворон обернулся и крикнул:

— Душечка, возвращайся обратно, как я тебе велел. Прямо сейчас!

— Да как же она тебя услышит? — удивился я, тоже оборачиваясь и глядя на девочку, стоящую в полутемном дверном проеме.

— Она и не услышит. Зато услышит Капитан. Все, уходи! — Он яростно замахал рукой. Тут же появился Капитан, и Душечка исчезла.

Мы шагали следом за Душеловом. Ворон что-то бормотал себе под нос — он беспокоился о ребенке.

Душелов шел ходко. Он вывел нас из казарм, затем из города и припустил напрямик через поля, так ни разу не обернувшись. Наш путь завершился на поляне в центре большой рощи, расположенной на расстоянии нескольких полетов стрелы от городских стен. Там, на берегу ручья, лежал потрепанный ковер, натянутый на грубую деревянную раму высотой в фут и площадью примерно шесть на восемь футов. Душелов что-то произнес, ковер дернулся, зашевелился и туго натянулся.

— Ворон, сядешь здесь.— Душелов указал на правый из ближайших к нам углов.— А ты, Костоправ, здесь,— показал он на левый.

Ворон осторожно поставил ногу на ковер и явно удивился, что вся конструкция не развалилась.

— Садитесь.— Душелов усадил Ворона, заставив его скрестить ноги и положить оружие рядом, на краю ковра. Такую же операцию он проделал и со мной. Я весьма удивился, ощутив жесткость ковра,— создавалось впечатление, будто сидишь на крышке стола.— Очень важно, чтобы вы оставались на месте,— предупредил Душелов, усаживаясь впереди нас и вытягивая ноги вдоль середины ковра.— Если мы не сумеем сохранить равновесие, то все выпадем. Понятно?

Я мало что понял, но согласился с Вороном, когда тот сказал «да».

— Готовы?

Ворон снова сказал «да». Полагаю, он-то знал, что нам предстоит, но меня дальнейшее застало врасплох.

Душелов опустил руки ладонями вверх, произнес несколько странных слов, потом медленно поднял руки. Я посмотрел вниз и ахнул. Земля удалялась.

— Сиди спокойно! — рявкнул Ворон.— Убить нас хочешь, что ли?

До земли было всего футов шесть. Пока. Я выпрямился и застыл, но успел повернуть голову и заметить шевеление в кустах.

Точно, Душечка. Открыв от удивления рот, я уставился вперед и с такой силой стиснул лук, что едва не выдавил на нем вмятины. Жаль, что мне не хватило храбрости потрогать амулет.

— Ворон, а ты договорился о Душечке? На случай... сам знаешь...

— Капитан о ней позаботится.

— А вот я позабыл назначить следующего летописца.

— Не будь таким оптимистом,— саркастически бросил он. Я невольно вздрогнул.

Душелов что-то сделал, и мы заскользили над верхушками деревьев. В ушах зашуршал холодный ветер. Я скосил глаза вниз. Мы достигли уже высоты пятого этажа и продолжали подниматься.

Звезды над головой развернулись — Душелов менял курс. Ветер задул с такой силой, словно мы летели навстречу буре. Я все больше наклонялся вперед, опасаясь, что меня сдует. За спиной у меня было лишь несколько сотен футов

пустоты и резкий удар о землю. Пальцы, стискивающие лук, даже заболели.

Зато я кое-что выяснил. Теперь я знаю, как Душелов ухитряется столь быстро оказываться среди нас, хотя всегда бывает далеко, когда мы с ним связываемся.

Полет проходил в молчании. Душелов был занят делом, подгоняя вперед нашего скакуна. Ворон погрузился в свои мысли. Я тоже, потому что был до ужаса испуган, а желудок едва не выворачивался наизнанку. Про Ворона ничего сказать не могу.

Звезды начали бледнеть. Горизонт на востоке посветлел, под нами материализовалась земля. Я рискнул посмотреть вниз. Мы летели над Облачным лесом. Стало еще чуть светлее. Душелов что-то буркнул, посмотрел на восток, затем на пространство впереди. Несколько секунд он словно прислушивался, затем кивнул.

Ковер задрал нос — мы начали набирать высоту. Покачиваясь, земля стала съеживаться, пока не стала похожа на карту. И без того холодный воздух стал ледяным. Желудок упорно напоминал о себе.

Далеко слева я заметил черное пятно в лесу — то был захваченный нами лагерь. Тут мы вошли в облако, и Душелов сбросил скорость.

— Немного подрейфуем,— сказал он.— Мы в тридцати милях южнее Хромого. Он удаляется от нас. Мы быстро его догоняем. Когда мы окажемся на границе расстояния, с какого он может меня засечь, начнем спускаться.— Он произнес все это деловым женским голосом.

Я начал было говорить, но он меня оборвал:

— Тихо, Костоправ! Не отвлекай меня.

Мы оставались в облаке, невидимые и не видя ничего сами, часа два, затем Душелов сказал:

— Пора спускаться. Ухватитесь покрепче за раму и не отпускайте ее. Нас может слегка поболтать.

Ковер едва не выскользнул из-под меня. Мы полетели вниз, словно брошенный со скалы булыжник. Ковер начал медленно вращаться — казалось, лес под нами поворачивался,— потом

закачался, словно падающее перышко. Всякий раз, когда он наклонялся в мою сторону, я думал, что свалюсь.

Мне мог бы помочь добрый вопль, но рядом с Вороном и Душеловом вопить не полагается.

Лес неумолимо приближался. Вскоре я мог различить отдельные деревья... когда осмеливался смотреть вниз. Мы все погибнем. Я не сомневался, что мы врежемся в кроны деревьев и, пролетев оставшиеся до земли пятьдесят футов, разобьемся.

Душелов что-то произнес. Я не разобрал его слов, к тому же он так и так обращался к ковру. Раскачивание и вращение постепенно прекратились, скорость спуска уменьшилась. Ковер слегка наклонился носом вниз и заскользил вперед. Вскоре Душелов опустил его ниже верхушек деревьев и направил в своеобразный коридор над рекой. Мы мчались в нескольких футах над водой, и Душелов смеялся, глядя на испуганно разлетающихся птиц.

Он высадил нас в узкой долине неподалеку от реки.

— Слезайте и разомнитесь,— сказал Душелов. Когда мы пришли в себя, он нас проинструктировал: — Хромой в четырех милях к северу отсюда. Он уже добрался до места встречи с Шепот. Дальше вы пойдете без меня. Он засечет меня, если я подойду ближе. Отдайте мне значки — их он тоже может засечь.

Ворон кивнул, отдал значок, затем натянул тетиву на лук, наложил стрелу, попробовал тетиву на упругость и расслабился. Я повторил его действия, и это меня немного успокоило. Я был так рад вновь оказаться на твердой земле, что готов был ее целовать.

— Ствол большого дуба,— предложил мишень Ворон, показывая на другой берег реки.

Он выстрелил, его стрела вонзилась в ствол в двух дюймах от середины. Я глубоко вдохнул, расслабляясь, и выпустил стрелу, которая попала на дюйм ближе к середине, чем у Ворона.

— Хороший выстрел — мог бы заключить пари,— заметил Ворон и повернулся к Душелову: — Мы готовы.

— Нам нужны более точные указания,— добавил я.

— Идите вдоль берега реки. Здесь много звериных тропок, так что идти будет легко. В любом случае, торо-

питься нет нужды. Шепот доберется до места лишь через несколько часов.

— Река течет на запад,— заметил я.

— Она делает петлю назад. Идите вдоль нее три мили, затем сверните на запад и двигайтесь напрямик через лес.— Душелов присел, очистил от листьев и веток кусочек земли и палочкой нарисовал карту.— Если вы дойдете до этого поворота, значит, вы зашли слишком далеко.

Затем Душелов замер и долгую минуту вслушивался в то, что мог слышать лишь он сам.

— Госпожа передает,— сообщил он наконец,— вы поймете, что подошли близко, когда увидите рощу огромных хвойных деревьев. Там было святилище народа, вымершего еще до эпохи Владычества. Хромой ждет в центре той рощи.

— Достаточно ясно,— сказал Ворон.

— Вы будете ждать здесь? — спросил я.

— Не бойся, Костоправ.

Я еще раз глубоко вздохнул.

— Пошли, Ворон.

— Подожди, Костоправ,— остановил меня Душелов и вытащил из своего свертка стрелу.— Воспользуйся ею.

Я нерешительно взглянул на стрелу, но все же положил ее себе в колчан.

Ворон настоял на том, что пойдет первым. Я не стал спорить, потому что до Отряда был городским парнишкой. Я так и не научился чувствовать себя уютно в лесу, особенно в таком большом, как Облачный. Слишком здесь тихо, слишком одинок в лесу человек. И так легко заблудиться. Первые две мили я больше беспокоился о том, как бы отыскать обратную дорогу, чем о предстоящем нам деле, и потратил немало времени, запоминая ориентиры.

Ворон целый час молчал. Я и сам напряженно думал, поэтому меня это устраивало.

Он поднял руку. Я остановился.

— По-моему, мы зашли достаточно далеко,— сказал он.— Теперь пойдем в эту сторону.

— Угу.

— Давай отдохнем.— Он устроился на огромном древесном корне, прислонившись спиной к стволу.— Уж больно ты сегодня молчалив, Костоправ.

— Да вот, все думаю.

— Ага,— улыбнулся он.— Например, о том, какую награду мы с тобой получили.

— И об этом тоже.— Я вытащил стрелу, которую мне дал Душелов.— Видишь?

— Тупой наконечник? — Он провел по нему пальцем.— Почти мягкий. Что за ерунда?

— Вот именно. Выходит, я не должен ее убивать.

У нас даже не возникал вопрос о том, кто в кого будет стрелять. Хромой изначально достался Ворону.

— Возможно. Но я не собираюсь умирать, пытаясь захватить ее живьем.

— Я тоже. Вот что меня волнует, кроме многого другого. Например, в чем *истинная* причина того, что Госпожа выбрала тебя и меня, почему она хочет получить Шепот живой... А, пропади оно все пропадом. У меня от таких мыслей язва начнется.

— Отдохнул?

— Вполне.

Мы свернули в сторону от реки. Идти стало труднее, но вскоре мы перевалили через невысокий холм и подошли к опушке хвойной рощи. В ней почти не было подлеска, а сквозь кроны деревьев проникало очень немного солнечного света. Ворон остановился помочиться.

— Позднее возможности не будет,— пояснил он.

Он верно говорил. Подобные проблемы бывают очень некстати, когда сидишь в засаде на расстоянии броска камнем от враждебного тебе Взятого.

Меня начала трясти нервная дрожь. Ворон положил мне руку на плечо.

— Все будет хорошо,— пообещал он, явно не веря собственным словам. Его рука тоже слегка дрожала.

Я сунул руку под куртку и коснулся амулета Гоблина. Это помогло.

Ворон вопросительно приподнял бровь. Я кивнул. Мы пошли дальше. Я жевал полоску сушеного мяса, сжигая нервную энергию. Мы снова молчали.

За деревьями показались развалины. Ворон пригляделся к высеченным на камнях иероглифам и пожал плечами. Надписи ему ни о чем не говорили.

Вскоре мы приблизились к огромным деревьям, прадедушкам тех, среди которых мы только что шли. Они тянулись вверх на сотни футов, а стволы были толщиной в два размаха человеческих рук. Здесь и там копья солнечного света пронзали высоченные кроны. В воздухе густо пахло смолой. Тишина стояла ошеломляющая. Мы шли осторожно, шаг за шагом, чтобы не выдать себя ни малейшим шумом.

Моя нервозность, достигнув максимума, начала спадать. Слишком поздно было бежать, слишком поздно передумывать. Мозг отказался от всех эмоций. Обычно я впадал в такое состояние, когда был вынужден оказывать помощь раненым, а солдаты вокруг еще убивали друг друга.

Ворон подал знак остановиться. Я кивнул, потому что тоже услышал звук — фыркнула лошадь. Ворон жестом велел мне оставаться на месте, а сам, низко пригнувшись, скользнул влево и исчез за деревом в полусотне футов от меня.

Через минуту он высунулся и поманил меня. Когда я к нему присоединился, мы перебрались к месту, откуда было хорошо видно поляну. Там, рядом со своей лошадью, стоял Хромой.

Поляна оказалась не очень большой — футов семьдесят на пятьдесят. В центре находилась груда крошащихся камней — развалины какой-то постройки. Хромой сидел на упавшем камне, прислонившись к другому. Казалось, он спит. На краю поляны валялся ствол рухнувшего дерева-великана. Упало оно недавно, потому что природа его почти не тронула.

Ворон коснулся моей руки и указал в сторону. Он хотел перебраться в другое место.

Мне вовсе не улыбалось двигаться сейчас, когда Хромого уже видно. Каждый шаг грозил возможностью насторожить Взятого. Но Ворон был прав. Солнце садилось прямо перед нами. Если мы останемся здесь, то вскоре солнце будет светить прямо нам в глаза.

Мы двигались с чрезвычайной осторожностью. Разумеется. Одна ошибка — и мы покойники. Когда Ворон обернулся, я заметил его вспотевшие виски.

Он остановился, куда-то показал и улыбнулся. Я подполз к нему. Он вновь вытянул руку.

Впереди лежало еще одно упавшее дерево. При толщине в четыре фута его ствол подходил нам идеально — он был достаточно высок, чтобы спрятаться за ним, и достаточно низок, чтобы без помех из-за него стрелять. Мы отыскали точку, откуда открывался сектор обстрела до самого центра поляны.

Освещение тоже оказалось хорошим — несколько столбов света пробивались сквозь кроны и освещали почти всю поляну. Воздух был чуть-чуть пыльным, наверное, из-за пыльцы, и лучи виднелись отчетливо. Несколько минут я разглядывал поляну, запоминая все детали, потом уселся за стволом и притворился камнем. Ворон остался наблюдать.

Казалось, прошли недели, пока события не начали разворачиваться.

Ворон похлопал меня по плечу. Я поднял голову. Он изобразил пальцами ноги идущего человека. Хромой встал и теперь бродил по поляне. Я осторожно приподнялся и выглянул.

Хромой несколько раз обошел кучу камней, волоча ногу, затем вновь уселся. Подняв веточку, он принялся отламывать от нее кусочки и швырять их в невидимую для нас мишень. Изломав веточку, он набрал горсть мелких шишек и принялся их неторопливо метать. Просто портрет человека, убивающего время.

Я стал гадать, почему он приехал на лошади, ведь при желании он мог быстро попасть в нужное ему место. Наверное, потому, что сюда ему было недалеко добираться. Потом я встревожился: как бы на поляну не заявились его солдаты.

Хромой опять поднялся, набрал шишек и стал бросать их через всю поляну в ствол упавшего великана. Проклятье. Больше всего на свете мне хотелось прикончить его и поскорее смыться.

Лошадь Хромого вздернула голову и заржала. Мы с Вороном рухнули на землю и вжались в присыпанную иголками тень

за стволом. Поляна едва ли не физически излучала напряженность.

Секунду спустя я услышал похрустывание иголок под копытами и затаил дыхание. Краем глаза я увидел мелькающую среди стволов белую лошадь. Шепот? Заметит ли она нас?

Да или нет? Какому богу молиться? Да или нет? Она проехала в пятидесяти футах от нас, не заметив.

Хромой что-то произнес. Шепот ответила ему мелодичным голосом, который не совсем подходил широкой в кости, крепкой и не очень красивой женщине, проехавшей мимо меня. По голосу она была семнадцатилетней красавицей, а выглядела как женщина сорока пяти лет, только что объехавшая трижды вокруг земли.

Ворон мягко подтолкнул меня.

Я поднялся медленно, как распускающийся цветок, опасаясь, что они услышат похрустывание моих суставов. Мы выглянули из-за ствола. Шепот спешилась и обеими руками взяла за руку Хромого.

О лучшей ситуации нельзя было и мечтать. Мы находились в тени, а их освещало солнце. Вокруг них в колонне солнечного света искрилась золотистая пыльца. К тому же, держась за руки, они взаимно ограничивали себе подвижность.

Действовать нужно было немедленно. Мы оба это поняли и прицелились. Каждый прижимал к стержню лука запасную стрелу, готовую в любую секунду лечь на тетиву.

— Давай! — выдохнул Ворон.

Пока моя стрела не сорвалась с тетивы, нервы у меня были в полном порядке, но затем меня охватил озноб.

Стрела Ворона вонзилась Хромому под левую руку. Взятый взвизгнул, словно крыса, на которую наступили, и отскочил от женщины.

Моя стрела угодила Шепот в висок. На ней был кожаный шлем, но я не сомневался, что удар свалит ее на землю. Она тоже отшатнулась от Хромого.

Ворон быстро выпустил вторую стрелу, пока я возился со своей. Передумав, я бросил лук и перепрыгнул через прикрывавший нас ствол. Мимо меня просвистела третья стрела Ворона.

Когда я подбежал, Шепот стояла на коленях. Я ударил ее по голове и повернулся к Хромому. Все стрелы Ворона попали в цель, но даже особая стрела Душелова не смогла погубить Взятого — захлебываясь кровью, он пытался прохрипеть какое-то заклинание. Я врезал и ему.

Тут подоспел Ворон, и я обернулся к женщине.

Эта сука оказалась крепкой, как ее репутация. Даже оглушенная, она все пыталась подняться, вытащить меч и произнести заклинание. Я еще раз ударил ее и отнял меч.

— Я позабыл взять веревку,— произнес я, тяжело дыша.— У тебя нет веревки, Ворон?

— Нет.

Ворон стоял, глядя на Хромого. Кожаная маска Взятого сбилась на сторону, и он пытался поправить ее, чтобы разглядеть, кто мы такие.

— Проклятье, тогда как мне ее связать?

— Сперва побеспокойся о том, чтобы заткнуть ей рот.— Ворон поправил Хромому маску и теперь улыбался своей поразительно жестокой улыбкой, которая появляется на его лице в тот момент, когда он собирается перерезать горло врагу.

Я выхватил нож и принялся кромсать одежду женщины. Она сопротивлялась, пришлось ударить ее еще несколько раз. Наконец я нарезал достаточно лоскутов, чтобы связать ее и заткнуть ей рот. Потом приволок ее к куче камней, прислонил к одному из них и стал наблюдать за Вороном.

Тот сорвал с Хромого маску, обнажив уродливое лицо Взятого.

— Что ты делаешь? — спросил я, увидев, как он связывает Хромого. Зачем, интересно, ему это понадобилось?

— Просто пришел к выводу, что у меня не хватит таланта довести дело до конца.— Он присел на корточки и похлопал Хромого по щеке. Тот излучал ненависть.— Ты ведь знаешь меня, Костоправ. Я старая размазня. Я бы просто убил его и удовлетворился. Но он заслужил более тяжкую смерть. А у Душелова в таких делах опыта побольше.

Связанный Хромой напрягся. Несмотря на три раны, он, казалось, сохранял силу и даже энергию. На торчащие из тела

стрелы он вовсе не обращал внимания. Ворон вновь похлопал его по щеке:

— Привет, старый приятель. Хочу тебя по-дружески предупредить... Ты ведь предупредил меня за час до того, как моя жена Утренняя Звезда и ее приятели подкараулили меня в том месте, куда ты меня послал? Предупредил? Да. Так вот, опасайся Душелова. Он узнал твое истинное имя. А когда имеешь дело с таким, как он, никогда заранее не скажешь, что он сможет сделать.

— Кончай злорадствовать, Ворон,— сказал я.— Лучше присмотри за ним. Он что-то делает пальцами.— Пальцы Хромого ритмично шевелились.

— И точно! — воскликнул Ворон. Он схватил меч, который я отобрал у Шепот, и методично обрубил Хромому пальцы на обеих руках.

Ворон уговаривал меня не излагать всю правду в Анналах. Возможно, когда-нибудь он прочитает мои записи и пожалеет о том, что так себя вел. Но если честно, добряком его в тот день никто бы не назвал.

У меня возникла сходная проблема с Шепот, но я нашел другое решение — отрезал ей волосы и связал ими ее пальцы.

Ворон мучил Хромого, пока я не выдержал:

— Послушай, Ворон, и в самом деле хватит. По-моему, давно пора отойти в сторонку и просто приглядывать за ними.

Душелов не дал нам конкретных указаний о том, что нам делать после пленения Шепот, но я предположил: Госпожа сообщит ему о том, что дело сделано, и он прилетит на поляну. А до его прибытия нам просто нужно держать ситуацию под контролем.

Через полчаса после того, как я отогнал Ворона от Хромого, с неба спустился магический ковер Душелова, коснувшись земли в нескольких футах от пленников. Душелов сошел с ковра, потянулся, взглянул на Шепот.

— Скверный у тебя вид, Шепот,— заметил он со вздохом, произнеся слова деловым женским голосом.— Но ты никогда не была красавицей. Да, кстати, мой друг Костоправ отыскал зарытые тобой пакеты.

Шепот окинула меня с ног до головы жестким и холодным взглядом. Не желая выдерживать его и далее, я отвернулся. Но поправлять Душелова не стал.

Тот посмотрел на Хромого и печально покачал головой:

— Нет. Здесь нет ничего личного. Доверие к тебе исчерпано до конца. Это *она* приказала так поступить.

Хромой окаменел.

— Почему ты не убил его? — спросил Душелов Ворона. Тот сидел на большом упавшем стволе, положив лук на колени и глядя на землю.

Он промолчал, и я ответил за него:

— Он решил, что вы сумеете придумать что-нибудь получше.

Душелов рассмеялся:

— Я думал об этом по дороге сюда, но ничего подходящего так и не придумал. Я присоединяюсь к Ворону — я уже вызвал Меняющего, и скоро он будет здесь.— Он взглянул на Хромого: — А ведь ты влип, верно? Человек в таком возрасте должен хоть немного набраться мудрости,— сказал он мне и повернулся к Ворону: — Ворон, он был тебе наградой от Госпожи.

— Я это ценю,— буркнул Ворон.

Я уже успел об этом догадаться. Но ведь предполагалось, что и мне что-то перепадет, а я пока не видел даже намека на исполнение любой своей мечты. Душелов опять исполнил фокус с чтением мыслей:

— Полагаю, твоя награда изменилась. Она еще не доставлена. Устраивайся поудобнее, Костоправ. Мы еще долго здесь пробудем.

Я подошел к Ворону и сел рядом с ним. Мы не разговаривали. Мне ничего не хотелось говорить, а он блуждал где-то внутри себя. Как я уже сказал, человек не может жить одной лишь ненавистью.

Душелов тщательно проверил путы наших пленников, оттащил раму с ковром в укромное место и уселся на куче камней.

Меняющий Облик прибыл двадцать минут спустя — огромный, уродливый, грязный и вонючий, как всегда. Он осмотрел Хромого с ног до головы, посовещался с Душеловом, постоял с полминуты возле Хромого, негромко рыча, потом залез на свой летающий ковер и рванул прочь.

— Он тоже пас,— пояснил Душелов.— Никто не хочет взять на себя окончательную ответственность.

— И кому же он ее передал? — удивился я. У Хромого больше не осталось заклятых врагов.

Душелов пожал плечами и снова уселся на камень. Он забормотал десятком голосов, погрузившись в себя и съежившись. Полагаю, мы оба были рады остаться наедине со своими мыслями.

Тянулось время. Пронзавшие листву копья солнечных лучей становились все более пологими и гасли один за другим. Я уже стал гадать, не окажется ли Ворон прав в своих опасениях,— после наступления темноты мы станем легкой добычей, а Взятым, чтобы видеть, солнце не нужно.

Я посмотрел на Ворона. Что сейчас происходит в его голове? Его лицо было бесстрастным — с таким лицом он играет в карты.

Я спрыгнул с бревна и принялся бродить вокруг, как недавно бродил Хромой. Заняться было решительно нечем. Я метнул шишку в выступ на бревне, за которым мы с Вороном укрывались, и... выступ исчез, провалился! Я бросился было за окровавленным мечом Шепот, но тут до меня дошло, что именно я увидел.

— Что-то случилось? — спросил Душелов, когда я остановился.

— Кажется, мускулы растянул,— солгал я.— Хотел немного пробежаться, ноги размять, да что-то с ногой случилось.— Я помассировал правое бедро, Душелов вроде бы удовлетворился моим объяснением. Я вновь посмотрел на бревно, но ничего не увидел.

Но я знал, что Молчун все еще там. И он будет на месте, если потребуется.

Молчун. Ну как он мог здесь очутиться? Тем же способом, как и мы все? Или у него в запасе есть трюки, о которых никто не подозревал?

Помассировав для вида ногу, я дохромал до Ворона, сел рядом с ним и попытался дать ему понять жестами, что мы можем рассчитывать на подмогу, если дела пойдут плохо. Но старался я зря — Ворон слишком глубоко ушел в себя.

Наступила ночь. На небе повисла половинка луны, и несколько полосок серебристого света проникли на поляну. Душелов все еще сидел на камне, а мы с Вороном на бревне. От долгого сидения у меня заныла спина. Нервы начали пошаливать. Я устал, проголодался и тщетно боролся со страхом. С меня на сегодня было достаточно, но у меня не хватало решительности сказать об этом вслух.

Внезапно Ворон стряхнул с себя оцепенение, оценил ситуацию и спросил:

— Зачем мы здесь торчим?

Душелов тоже проснулся:

— Ждем. Осталось уже недолго.

— Чего мы ждем? — решительно спросил я. Когда меня поддерживает Ворон, я тоже могу стать храбрецом. Душелов посмотрел в мою сторону. Внезапно я услышал подозрительный шорох в зарослях за спиной. Ворон напрягся, готовый действовать.— Чего мы ждем? — повторил я, но уже не столь энергично.

— Меня, лекарь.— Дыхание говорящего коснулось моего затылка.

Одним прыжком я преодолел половину разделявшего меня и Душелова расстояния и остановился, лишь схватив меч Шепот. Душелов рассмеялся. Интересно, заметил ли он, что нога перестала меня беспокоить? Я украдкой взглянул на бревно, за которым сидел Молчун, но ничего не заметил.

Над бревном, которое я столь поспешно покинул, разлился ослепительный свет. Я перестал видеть Ворона, он попросту исчез. Стиснув рукоятку меча, я решил наградить Душелова хорошим ударом.

Свет проплыл над стволом рухнувшего гиганта, приблизился и остановился перед Душеловом. Он был настолько ярок, что глаза отказывались долго на него смотреть. Сияние освещало всю поляну.

Душелов опустился на колено. И тут до меня дошло.

Госпожа! Это яростное сияние и есть Госпожа. Мы ждали ее! Я смотрел на нее, пока у меня не заболели глаза, и тоже

опустился на колено, протянув к ней на ладонях меч, словно рыцарь, приносящий присягу королю. Госпожа!

Это и есть моя награда — увидеть ее своими глазами? Это нечто, призвавшее меня из самих Чар, каким-то образом заполнило меня целиком, и на одно дурацкое мгновение я влюбился в нее по уши. Но видеть ее я не мог, а мне страстно хотелось узреть ее облик.

Она тоже обладала способностью, столь раздражавшей меня в Душелове.

— Не сейчас, Костоправ,— произнесла она.— Но, думаю, скоро.

Она коснулась моей руки, и ее пальцы обожгли меня, словно первое сексуальное прикосновение первой моей возлюбленной. Помните это ослепительное, ошеломляющее и яростное мгновение восхищения?

— Награда ждет тебя позднее. А сейчас тебе будет позволено наблюдать за обрядом, которого никто не видел уже пятьсот лет.— Она переместилась.— Так тебе будет неудобно. Встань.

Я встал и отошел назад. Душелов все еще стоял неподвижно, как на параде, и смотрел на свет. Его яркость стала уменьшаться, и теперь я мог смотреть на него без боли в глазах. Сияние, постепенно слабея, двинулось вокруг каменных развалин и остановилось возле пленников. Теперь внутри него я различал женский силуэт.

Госпожа долго смотрела на Хромого, а тот на нее. Его лицо было пустым — он уже перешел грань надежды или отчаяния.

— Долгое время ты мне верно служил,— сказала Госпожа.— И твое предательство помогло мне больше, чем навредило. Я знаю, что такое милосердие.— Она вспыхнула ярче с одной стороны, осветив тень. Там стоял Ворон, его лук был заряжен стрелой.— Он твой, Ворон.

Я взглянул на Хромого. На его лице проявились возбуждение и странная надежда. Он, конечно, надеялся не на то, что ему сохранят жизнь, а на быструю, простую и безболезненную смерть.

— Нет,— сказал Ворон. И ни слова больше. Только недвусмысленный отказ.

— Тем хуже для тебя, Хромой,— негромко сказала Госпожа. Она прогнулась назад и что-то пронзительно выкрикнула, обратив лицо к небу.

Хромой резко дернулся. Из его рта вывалился кляп, узлы на путах развязались. Он поднялся и попытался убежать, бормоча на ходу защитное заклинание. Ему удалось отбежать шагов на пятнадцать, когда с неба на него обрушилась тысяча яростных змей.

Они покрыли все его тело, заползали в рот и нос, вгрызались в глаза и уши. Змеи с легкостью проникали в тело и выползали обратно через выеденные отверстия на спине, груди и животе. И Хромой вопил, вопил, вопил... Та самая поразительная жизненная энергия, что шутя справилась с ранами от стрел Ворона, не давала ему теперь умереть во время наказания.

Мой желудок не смог удержать в себе остатки вяленого мяса, бывшего за весь день моей единственной едой.

Хромой вопил очень долго, но никак не умирал. Наконец Госпожа устала и отослала змей прочь. Она окружила тело Хромого полупрозрачным коконом и издала несколько громких звуков. С ночного неба спустилась гигантская светящаяся стрекоза, подхватила Хромого и с гудением унеслась к Чарам.

— Его ждут годы развлечений,— заметила Госпожа и многозначительно взглянула на Душелова, чтобы наглядный урок пошел впрок и ему.

За все время Душелов не шевельнул и мускулом. Не сделал он этого и сейчас.

— То, что ты сейчас увидишь, Костоправ,— сказала мне Госпожа,— сохранилось лишь в воспоминаниях считанных свидетелей. Даже большинство моих приближенных успели об этом позабыть.

О чем это она?

Госпожа опустила взгляд. Шепот сжалась.

— Нет, ты ошибаешься,— молвила Госпожа.— Ты была столь выдающимся врагом, что я решила тебя вознаградить.— Она как-то странно рассмеялась.— Среди Взятых появилась вакансия.

Вот как. Теперь мне стали ясны и тупая стрела, и все зловещие обстоятельства, ведущие к этому моменту. Госпожа решила, что Шепот должна заменить Хромого.

Но когда? Когда она приняла это решение? Хромой попал в немилость уже год назад, испытывая одно унижение за другим. Неужели она всем этим дирижировала? Пожалуй, да. Намек здесь, намек там, вовремя пущенный слух, легкий провал в памяти... И Душелов принимал во всем этом участие, используя нас. Возможно, еще с тех пор, как нанял Отряд. А то, что жизненный путь Ворона пересекся с нашим, явно не случайно... Какая же она все-таки жестокая, злобная, вероломная и расчетливая сука!

Но про это и так все знают. Она избавилась от собственного мужа. Убила свою сестру, если верить словам Душелова. Тогда почему я разочарован и удивлен?

Я взглянул на Душелова. Он по-прежнему не шевелился, но по его слегка изменившейся позе было видно — он ошеломлен.

— Да,— подтвердила Госпожа, повернувшись к нему.— Вы думали, что лишь Властелин способен *взять*? — Негромкий смех.— Но вы ошибались. Передай это тем, кто все еще думает о воскрешении моего мужа.

Душелов слегка шевельнулся. Значения его движения я не смог уловить, но Госпожа им, кажется, удовлетворилась и вновь повернулась к Шепот.

Генерал мятежников была охвачена еще большим ужасом, чем Хромой. Ей предстояло стать тем, что она ненавидела сильнее всего,— и она была бессильна что-либо изменить.

Госпожа опустилась на колени и начала что-то нашептывать.

Я наблюдал за ней, все еще не зная, что происходит. Не мог я также и описать Госпожу лучше, чем это в свое время сделал Гоблин, хотя и провел рядом с ней всю ночь. Или, может быть, несколько ночей. Время приобрело сюрреальность. Несколько дней куда-то исчезло. Но видеть ее я видел и стал свидетелем процедуры, превратившей нашего опаснейшего врага в одного из Взятых.

Лишь одно я помню с предельной отчетливостью — огромное желтое Око, то самое, что едва не свело с ума Гоблина.

Возникнув неизвестно откуда, оно заглянуло в меня, Ворона и Шепот.

Взгляд его не потряс меня настолько, как Гоблина. Возможно, я менее чувствителен. Или попросту более невежествен. Но все же ничего хорошего я ожидать не мог. Как я уже упоминал, несколько дней моей жизни куда-то исчезли.

Око оказалось не всемогуще и почти не затронуло самые свежие воспоминания. И Госпожа так и не узнала, что рядом находился Молчун.

Обо всем остальном у меня сохранились лишь обрывки воспоминаний, по большей части наполненные воплями Шепот. Помню момент, когда вся поляна заполнилась пляшущими дьяволами, почти не светящимися от рвущейся наружу злобы. Все они дрались за право изнасиловать Шепот. Помню, как на Шепот смотрело Око. И помню, как Шепот умерла и была воскрешена, вновь умерла и опять воскресла, и это повторялось, пока она не свыклась со смертью. Потом ее несколько раз терзали физически, а в перерывах ее разглядывало Око.

Сведя воедино все, что я смог запомнить, я пришел к предположению о том, что ее сломили, убили, воскресили и заново собрали, но уже как преданную рабыню. Помню, как она клялась Госпоже в своей преданности — ее голос просто трепетал от страстного желания угодить.

Я проснулся, когда все давным-давно закончилось,— с кашей в голове, опустошенный и испуганный. Потребовалось немало времени, чтобы разобраться в ситуации. Вся эта путаница была частью защитной окраски Госпожи. То, чего я не мог вспомнить, я не мог и обратить против нее.

Тоже мне награда.

Госпожи на поляне не было, равно как и Шепот, зато остался Душелов. Он расхаживал взад-вперед, бормоча десятком возбужденных голосов. Едва я попытался сесть, он мгновенно смолк и с подозрительностью уставился на меня.

Я застонал, попытался подняться, но свалился на спину. Тогда я подполз к развалинам и кое-как уселся на камень. Душелов протянул мне флягу, я неуклюже напился.

— Можешь поесть, когда придешь в себя,— сказал он.

Его слова разбудили во мне зверский голод. Сколько времени я не ел?

— Что здесь происходило?

— А что ты помнишь?

— Очень немногое. Шепот была *взята*?

— Она заменила Хромого. Госпожа переправила ее на восточный фронт. Ее знания о противнике помогут выправить там положение.

Я помотал головой, стряхивая с глаз паутину.

— А я думал, что они перешли на северную стратегию.

— Так оно и есть. И мы вернемся в Лорды, едва твой друг придет в себя. Я не настолько хорошо знал Шепот, как мне казалось,— признался он мягким женским голосом.— Она все же рассказала о том, что произошло в лагере, когда узнала про это. И Круг быстро отреагировал. Они даже обошлись без обычной взаимной грызни, потому что почуяли запах крови. Смирившись с потерями, они отвлекали наше внимание, занимаясь перегруппировкой. И провели эти маневры дьявольски скрытно. Теперь армия Твердеца движется на Лорды, а наши силы все еще рассеяны по всему лесу. Она расставила нам ловушку.

Мне не хотелось этого слышать. Хватит с меня плохих новостей целый год подряд. Ну почему ни один из наших удачных ходов не смог закрепить успеха?

— Она намеренно пожертвовала собой?

— Нет. Она хотела водить нас за собой по лесам, выигрывая время для Круга. Она и не подозревала, что Госпоже про Хромого все известно. Я думал, что знал Шепот, но ошибся. Со временем мы добьемся успеха, но нам придется несладко, пока Шепот не исправит положение на востоке.

Я попытался встать, но не смог.

— Не торопись,— посоветовал Душелов.— Когда Око смотрит на тебя впервые, это всегда тяжело. Ты как, сможешь что-нибудь съесть?

— Давайте-ка сюда одну из тех лошадей.

— Лучше не увлекайся поначалу.

— И насколько плохи дела? — Я и сам не совсем понимал, о чем спрашиваю. Душелов предположил, что меня интересует стратегическая ситуация.

— Армия Твердеца больше любой из тех, которым нам доводилось противостоять в этих краях. И это лишь одна из войсковых групп, выступивших в поход. Если Крадущийся не сумеет первым занять Лорды, то мы потеряем и город, и королевство. И это может дать им начальный толчок, чтобы вообще вытеснить нас с севера. Наши силы в Висте, Вине и далее не готовы к крупным сражениям. До сих пор север был второстепенным фронтом.

— Но... После всего, что мы испытали? Выходит, ситуация еще хуже, чем после потери Роз? Проклятье! Это нечестно.— Я уже устал это повторять.

— Не тревожься, Костоправ. Если Лорды перейдут в их руки, мы остановим их на Лестнице Слёз. И будем сдерживать, пока Шепот не покажет, на что она способна. Они не смогут игнорировать ее бесконечно. Если восток падет, восстанию конец. На востоке вся их сила.

Душелов говорил так, словно старался убедить сам себя. Он уже пережил подобные потрясения в последние дни Владычества.

— А я думал, что мы их уже одолели,— пробормотал я, поддерживая голову ладонями. Ну зачем только мы покинули Берилл?

Душелов потыкал Ворона пальцем, но тот не шелохнулся.

— Вставай! — раздраженно бросил Душелов.— Меня ждут в Лордах. Как бы в конце концов нам с Меняющим не пришлось удерживать город вдвоем.

— Почему бы вам просто не оставить нас здесь, если ситуация настолько критическая?

Душелов что-то буркнул, хмыкнул, но с ответом не спешил. Он еще продолжал представление, когда я догадался, что у этого Взятого еще осталось чувство чести, чувство ответственности перед теми, кто принял его защиту. Впрочем, он этого не признает. Никогда. Это не будет соответствовать образу Взятого.

Я задумался о предстоящем полете на ковре. Крепко задумался. Я столь же ленив, как любой человек, но лететь мне очень не хотелось. Только не сейчас. И не в таком состоянии.

— Я непременно свалюсь. Вам нет смысла здесь задерживаться. Мы еще несколько дней будем приходить в себя. Про-

гулка даже пойдет нам на пользу.— Я подумал о лесе. Долгое возвращение сразу перестало меня привлекать.— Верните нам значки. Тогда вы сможете нас снова отыскать и подбросить на ковре, если время позволит.

Душелов недовольно заворчал. Мы стали перебрасываться аргументами. Я налегал на то, в каком паршивом состоянии нахожусь и насколько скверно будет себя чувствовать Ворон.

Душелову не терпелось улететь, и он позволил себя убедить. Он разгрузил ковер,— пока я был в отключке, он успел куда-то слетать,— и уселся, приготовившись к полету.

— Я с вами встречусь через несколько дней.

Ковер взмыл ввысь куда быстрее, чем когда на нем сидели еще мы с Вороном, и исчез над кронами деревьев. Я доковылял до кучки вещей, которые нам оставил Душелов.

— Вот сукин сын! — хмыкнул я. Все его возражения оказались притворством. Он привез нам провизию, наше оружие, оставленное в Лордах, и кое-какие мелочи, которые помогут нам выжить в лесу. Для одного из Взятых он очень даже неплохой босс.

— Эй, Молчун! Где ты там?

Молчун бесшумно вышел на поляну. Посмотрел на меня, на Ворона, на припасы, но ничего не сказал. Разумеется. Он же Молчун. Вид у него был потрепанный.

— Мало спал? — спросил я. Он кивнул.— Видел, что здесь происходило? — Он снова кивнул.— Надеюсь, ты помнишь это лучше меня.— Он покачал головой. Проклятье. Так это и попадет в Анналы не ясным до конца.

Странное у нас получилось общение: один говорит, другой трясет головой. Попробуй узнай что-либо таким способом. Надо будет освоить язык жестов, которому Ворон выучился у Душечки. Молчун у нее второй после Ворона лучший друг, и даже подглядеть их разговоры уже будет интересно.

— Давай посмотрим, что мы можем сделать для Ворона,— предложил я.

Ворон спал сном смертельно уставшего человека. Нечего было и надеяться, что он проснется раньше, чем через несколько

часов. Я воспользовался этой возможностью, чтобы расспросить Молчуна.

Его послал Капитан. Приехал он сюда верхом, а выехал еще раньше, чем нас с Вороном вызвал для разговора Душелов. Он ехал почти без остановок, и днем и ночью, и добрался до поляны лишь незадолго до того, как я его заметил.

Я спросил его, как он узнал, куда следует ехать, заранее полагая, что Капитан выудил из Душелова достаточно информации, чтобы отправить Молчуна в путь,— это как раз в стиле Капитана. Молчун признался, что знал лишь общее направление, пока мы не появились в этом районе, а затем он выследил нас по амулету Гоблина.

Хитрюга Гоблин. Даже словечком не обмолвился. Впрочем, оно и к лучшему. Око вытянуло бы из меня эту информацию.

— И ты думаешь, что и в самом деле смог бы что-либо сделать, если бы нам потребовалась помощь? — спросил я.

Молчун улыбнулся, пожал плечами, подошел к развалинам и уселся на камень. Для него игра в вопросы закончилась. Из всего отряда он единственный, кого не волнует собственный образ в Анналах. Ему совершенно все равно, любят его или ненавидят, где он был или куда направляется. Иногда я гадаю, заботит ли его, жив он еще или умер, а также что заставляет его оставаться в Отряде?

Наконец Ворон проснулся. Мы позаботились о нем, накормили и, поймав лошадей Шепот и Хромого, направились в Лорды. Ехали мы без особого энтузиазма, поскольку знали, что направляемся на поле очередной битвы, к месту встречи пока еще живых мертвецов.

Мы не смогли приблизиться к Лордам. Армия Твердеца осадила город и блокировала его двойным кольцом. Угрюмое черное облако накрыло его целиком. Края тучи рвали яростные молнии, противодействуя мощи Восемнадцати,— Твердец подступил к городу не в одиночестве.

Кажется, Круг твердо решил расквитаться за Шепот.

— Я смотрю, Душелов и Крадущийся работают в полную силу,— заметил Ворон после одного особенно яростного обмена

ударами.— Предлагаю отойти южнее и выждать. Если они покинут город, то мы присоединимся к остальным, когда они побегут в Ветреный Край.— Его лицо жутко исказилось — ему не понравилась эта перспектива, потому что он знал Ветреный Край.

Мы отошли на юг и присоединились к прочим солдатам, отбившимся от своих частей. Укрывшись, мы выжидали двенадцать дней. Ворон организовал из солдат некое подобие воинского отряда. Я проводил время с пером в руках и в размышлениях о Шепот, гадая о том, насколько сильно она сможет повлиять на ситуацию на востоке. То немногое, что я успел увидеть вокруг Лордов, убедило меня в том, что она — последняя реальная надежда нашей стороны.

До нас дошли слухи, что мятежники и в других местах давят на нас почти с такой же силой. Кажется, Госпожа перебросила с востока Повешенного и Костоглода, чтобы усилить сопротивление. По одному из слухов, Меняющий погиб в сражении под Рожью.

Я тревожился об Отряде — наши братья оказались в Лордах до прихода Твердеца.

Никто из наших не умирал, не поведав мне о себе. Как я смогу выслушать их, находясь в двадцати милях от города? Сколько подробностей в рассказах будет утеряно, если мне придется записывать их после свершившихся фактов? И сколько братьев погибнут, а их смерти никто даже не заметит?

Но большую часть времени я думал о Хромом и Госпоже. И терзался.

Вряд ли я теперь стану сочинять романтические фантазии о нашем нанимателе. Я был слишком близок к ней. И больше я не влюблен.

Я стал одержимым. Меня преследуют вопли Хромого. Меня преследует смех Госпожи. Преследует подозрение, что мы прокладываем дорогу чему-то такому, что следует стереть с лица земли. Преследует убеждение, что те, кто стремится уничтожить Госпожу, лишь немногим лучше ее.

Меня преследует ясное осознание того, что зло в конце всегда торжествует.

Ох, черт! Тревога. Отвратительное черное облако перевалило через холмы и ползет на северо-восток. Все вокруг носятся,

хватают оружие и седлают лошадей. А Ворон орет на меня, чтобы я пошевеливался...

Глава пятая
Твердец

Воющий ветер швырял нам в спины заряды пыли и песка. Мы отступали, шагая задом наперед, а песчаная буря отыскивала в одежде и кирасах малейшие щелочки. Пыль и песок, смешиваясь с потом, превращались в вонючую соленую грязь. Горячий и сухой воздух быстро высасывал из нее влагу, и она засыхала комками. Губы у всех потрескались и распухли, языки превратились в заплесневелые подушки, царапающие шершавую корку на внутренней стороне щек.

Армия Зовущей Бурю уносила ноги. Мы страдали едва ли не столько же, сколько мятежники. Видимость сократилась до жалкого десятка ярдов. Я едва различал людей слева и справа и видел лишь двоих из арьергардной цепочки — они тоже шли спиной вперед. Противник был вынужден следовать за нами лицом к ветру, но это меня мало утешало.

Внезапно солдаты в соседней цепочке торопливо изготовились, натягивая луки. Из пыльной круговерти вынырнули чьи-то высокие силуэты, вокруг них тенями развевались плащи, хлопающие на ветру, точно крылья огромных птиц. Я тоже сорвал с плеча лук и пустил стрелу, почти уверенный, что ветер отнесет ее в сторону от цели.

Но я ошибся. Всадник взмахнул руками, и его лошадь, развернувшись, помчалась вдогонку за ветром и остальными животными с опустевшими седлами.

Враги не давали нам передышки и держались впритык, стараясь перестрелять по одному раньше, чем мы пересечем Ветреный Край и доберемся до Лестницы Слёз, где обороняться куда легче. Им хотелось, чтобы каждый из нас, мертвый и обобранный, остался лежать под безжалостным солнцем пустыни.

Шаг назад, шаг назад. Невыносимо медленно. Но выбора нет. Если мы повернемся к ним спинами, то они хлынут на нас волной. Приходится заставлять их платить за каждую попытку приблизиться, наводить страх на бесчисленных врагов.

Подарок Зовущей Бурю стал нашей самой надежной бронеи. Ветреный Край и в лучшие-то времена дик и суров — плоский, бесплодный и сухой. Здесь никто не живет, и песчаные бури тут — самое обычное дело. Но никогда еще не видел он такой бури, что ревела час за часом, день за днем, стихая лишь ночью. Она делала Ветреный Край ужасным для любого живого существа, но именно буря не давала погибнуть Отряду.

Теперь нас стало около трех тысяч, и мы отступали перед неумолимой волной, захлестнувшей Лорды. Отказавшись разделиться, наше маленькое братство превратилось в ядро, которое стало обрастать другими беглецами, едва Капитан сумел силой вывести нас через линии осаждающих. Мы стали мозгом и нервами бегущей призрачной армии. Сама Госпожа отдала приказ всем имперским офицерам временно подчиняться указаниям Капитана. В ходе северной кампании только Отряд смог добиться выдающихся успехов.

Кто-то вышел сзади из воя и пыли, постучал меня по плечу. Я резко обернулся. Покидать свое место в линии обороняющихся было еще рано.

На меня смотрел Ворон. Капитан догадался, где меня можно отыскать.

Вся голова Ворона была обмотана тряпками. Я прищурился, заслонив ладонью глаза. Ворон прокричал что-то вроде «Ея оот ката». Я потряс головой. Он ткнул пальцем куда-то назад, вцепился в меня, подтянул ближе и провопил мне в ухо:

— Тебя зовет Капитан.

Конечно, зовет. Я кивнул, протянул ему лук и стрелы и, склонившись, двинулся навстречу ветру и песку. Оружия не хватало. Стрелы, которые я ему дал, были стрелами мятежников, прежде пущенными в нас из-за коричневатой пыльной завесы.

Шарк, шарк, шарк. Я шел, наклонив голову, скорчившись и почти закрыв глаза, и на макушке у меня начал нарастать слой песка. Мне не хотелось возвращаться. Капитан не скажет мне ничего такого, что я хотел бы услышать.

В мою сторону, подскакивая, покатился большой куст и едва не сбил меня с ног. Я рассмеялся. С нами шел и Меняющий, и мятежники зря выпустят немало стрел, когда куст до них докатится. На каждого из нас их приходилось человек десять или

пятнадцать, но даже такой перевес не мог ослабить их страха перед Взятым.

Я брел навстречу зубастому ветру, пока не уверился, что я или зашел слишком далеко, или потерял направление, что было по сути одно и то же. Я уже собрался сдаться, но тут вошел в чудесный островок спокойствия. Я сделал еще несколько шагов, пошатываясь из-за внезапного отсутствия ветра. В моих ушах все еще слышался рев бури — они отказывались поверить в тишину.

Внутри безветренной зоны тесно, колесо к колесу, катились тридцать фургонов, в большинстве своем перевозящие раненых. Фургоны окружала тысяча человек, устало бредущих на юг. Уткнувшись взглядами в землю, они с ужасом ждали своей очереди сменить кого-либо в цепи обороняющихся. Не было слышно ни разговоров, ни шуток. Эти люди видели слишком много поражений и следовали за Капитаном лишь потому, что он пообещал им шанс выжить.

— Костоправ! Сюда! — С правого фланга линии фургонов мне замахал рукой Лейтенант.

Капитан походил на залегшего в спячку медведя, которого разбудили раньше времени. Седые волосы на его висках топорщились, когда он пережевывал слова перед тем, как их выплюнуть, кожа на лице обвисла, а глаза превратились в две темные впадины.

— Кажется, я приказывал тебе никуда не отлучаться,— произнес он с бесконечной усталостью.

— Настала моя очередь...

— Тебя это не касается, Костоправ. Дай-ка я попробую повторить все настолько простыми словами, чтобы понял даже ты. Нас три тысячи. Мы в непрерывном контакте с мятежниками. И у нас только один полоумный шаман и один настоящий врач, чтобы позаботиться обо всех. Половина энергии Одноглазого уходит на то, чтобы помогать поддерживать этот островок спокойствия. Вот и получается, что все медицинские заботы ложатся на твои плечи. А это означает, что ты не должен рисковать в арьергардных стычках. Ни под каким предлогом.

Я уставился в пустоту поверх его левого плеча и, хмурясь, разглядывал вихри песка вокруг зоны спокойствия.

— До тебя дошло, Костоправ? Я ясно все сказал? Я ценю твою преданность Анналам и твое стремление оказаться в самой гуще событий, но...

Я кивнул, потом обвел взглядом фургоны и их печальный груз. Так много раненых, и так мало я могу для них сделать. Капитан не мог понять того чувства беспомощности, которое порождало у меня это зрелище. Я мог лишь зашивать раны и молиться да облегчать страдания умирающих, пока они отходили в мир иной, и мы выгружали их, освобождая место для новичков.

Мы потеряли слишком многих, кто мог бы остаться в живых, располагай я временем, умелыми помощниками и возможностью делать нормальные операции. А почему я полез в линию сражающихся? Да потому что там я хоть чего-то мог добиться, ответив нашим мучителям ударом на удар.

— Костоправ,— рыкнул Капитан.— Мне кажется, ты меня не слушаешь.

— Да, я все понял. Я остаюсь здесь и занимаюсь шитьем.

— Не надо раскисать.— Он коснулся моего плеча.— Душелов сказал, что завтра мы доберемся до Лестницы Слёз. И тогда мы сможем сделать то, что нам больше всего хочется,— раскровенить Твердецу нос.

Твердец стал главным генералом мятежников.

— А он не сказал, как мы собираемся это сделать, если у них такое численное превосходство?

Капитан нахмурился и зашагал по-медвежьи, вперевалку, составляя в уме ободряющий ответ.

Разве способны три тысячи выдохшихся и потерпевших поражение солдат повернуть вспять вкусившую победу орду Твердеца? Да ни за что. Даже с поддержкой трех из Десяти Взятых.

— Пожалуй, нет,— фыркнул я.

— Впрочем, это не твой департамент, верно? Душелов ведь не подвергает сомнению правильность твоих хирургических процедур, разве не так? Тогда с какой стати ты полез в стратегию?

— Неписаный закон всех армий, Капитан,— ухмыльнулся я.— Рядовым предоставляется право подвергать сомнению яс-

ность рассудка и компетентность своих командиров. Это цемент, не позволяющий армии развалиться.

Низкорослый Капитан на ходу взглянул на меня снизу вверх из-под кустистых бровей:

— Так говоришь, не позволяет ей развалиться? А ты знаешь, что заставляет ее двигаться?

— Что же?

— Такие, как я, кто дает пинка в зад таким, как ты, когда они начинают философствовать. Надеюсь, ты понял мой намек.

— Полагаю, что понял.

Я отошел, достал из фургона свою медицинскую сумку и принялся за работу. Поступило несколько новых раненых.

Творение Зовущей Бурю продолжало подтачивать амбиции мятежников.

Я устало брел вперед, ожидая очередного вызова, когда заметил вынырнувшего из песчаных вихрей Ильмо. Я не видел его несколько дней. Заметив, что он направляется к Капитану, я тоже подошел поближе.

— ...обойти нас справа,— говорил Ильмо.— Наверное, пытаются первыми подойти к Лестнице.— Увидев меня, он приветственно поднял руку. Рука у него дрожала, и вообще он едва держался на ногах от усталости. Как и Капитан, он почти не отдыхал с того дня, как мы вошли в Ветреный Край.

— Собери роту из резерва. Обойдите их с фланга,— ответил Капитан.— Врежьте им покрепче и быстро отходите. Такого они не ожидают, и это их ошеломит. Пусть гадают, что мы задумали.

— Есть.— Ильмо повернулся, чтобы уйти.

— Ильмо...

— Да, Капитан.

— Будь там осторожнее. И силы побереги. Нам предстоит идти всю ночь.

В глазах смертельно усталого Ильмо читалась боль, но он не стал обсуждать приказ. Он хороший солдат. К тому же он, как и я, знал, что эти приказы Капитан не выдумывал сам. Они поступали сверху. Возможно, из самой Башни.

Наступившая тем временем ночь принесла хрупкое перемирие. Перенесенные днем трудности не вызывали у солдат обеих армий желания сделать лишний шаг после прихода ночи. В темноте все стычки прекращались.

Но даже этих часов передышки, когда песчаная буря засыпала, не хватало, чтобы остановить обе армии или разъединить их, дабы задние не наступали на пятки передним. Теперь же верховные лорды потребовали от нас дополнительных усилий в надежде добиться определенного тактического преимущества. Занять ночью Лестницу, окопаться там — и пусть тогда мятежники наступают из вечной бури. Разумно. Но приказ на подобный маневр мог отдать только штабной генерал, сидя в кресле за триста миль от места сражения.

— Ты слышал приказ? — спросил меня Капитан.

— Да. На мой взгляд, дурацкий.

— Я согласен со Взятым, Костоправ. Переход окажется более легким для нас и более трудным для мятежников. Ты понял?

— Да.

— Тогда попробуй не путаться под ногами. Полезай в фургон и поспи немного.

Я побрел прочь, проклиная невезуху, лишившую нас большинства лошадей. Боги, я уже староват столько топать пешком.

Я не воспользовался советом Капитана, хоть он и был разумен. Я был слишком взвинчен, чтобы спать, а перспектива ночного марша меня и вовсе потрясла.

Я бродил, разыскивая старых друзей. Солдаты Отряда рассеялись среди толпы прочих солдат, обеспечивая выполнение приказов Капитана. Многих я не видел еще с Лордов и даже не знал, живы ли они вообще.

Я сумел отыскать лишь Гоблина, Одноглазого и Молчуна. Сегодня Гоблин и Одноглазый были не общительнее Молчуна, и одно это красноречиво свидетельствовало о нашем моральном духе.

Вся троица еле тащилась вперед, не отрывая глаз от сухой земли и лишь изредка делая пару жестов или бормоча несколько слов, чтобы поддержать целостность окружающего нас купола спокойствия. Некоторое время я брел рядом с ними, потом решил попробовать растопить лед:

— Привет.

Гоблин что-то буркнул. Одноглазый одарил меня двухсекундным злобным взглядом. Молчун и вовсе не заметил моего присутствия.

— Капитан сказал, что нам предстоит марш на всю ночь,— сообщил я им, желая, чтобы кто-нибудь еще разделил мое уныние.

Гоблин молча вопросил меня взглядом, зачем я рассказываю им подобную брехню. Одноглазый пробормотал что-то о том, что таких сволочей надо превращать в жаб.

— Сволочь, которую ты собираешься превратить в жабу, зовут Душелов,— с хитрым видом сообщил я.

— Пожалуй, я потренируюсь на тебе, Костоправ,— сообщил он, добавив для верности второй злобный взгляд.

Одноглазому перспектива ночного марша пришлась не по вкусу, поэтому Гоблин принялся немедленно восхвалять гений человека, которого осенила такая идея. Но его энтузиазм оказался настолько слаб, что Одноглазый даже не потрудился заглотить наживку.

Я решил попробовать еще раз:

— У вас, ребята, вид такой же кислый, как и мое настроение.

Мимо. Даже головы никто не повернул.

— Ну, будь по-вашему.— Я тоже понурился, зашаркал ногами и отключил мозги.

Потом за мной пришли: нужно было позаботиться о раненых из отряда Ильмо. Их оказалось около десятка, последняя партия на сегодня. Мятежники тоже выдохлись — нельзя же все время поддерживать в себе настроение типа «сделать или умереть».

Под пологом бури быстро наступила темнота. Мы занимались обычными делами — оторвались немного от мятежников, выждали, пока стихнет буря, разбили лагерь и развели костры, срубив поблизости все чахлые кусты. Только на сей раз отдых оказался коротким: пока на небе не замерцали звезды. Они уставились на нас, ехидно подмигивая, словно говорили, что пролитые нами пот и кровь, по сути, бессмысленны, а о наших поступках и свершениях через тысячу лет никто и не вспомнит.

Подобные мысли возникали у каждого. Ни у кого из нас не осталось ни идеалов, ни жажды славы. Нам хотелось лишь добрести куда-нибудь, лечь и позабыть о войне.

Но война не забывала про нас. Едва Капитан решил, что мятежники поверили, будто мы разбили лагерь на всю ночь, он отдал приказ продолжить марш. Колонна фургонов медленно поползла по освещенной лунным светом пустыне.

Проходили часы, а мы словно стояли на месте. Местность не менялась. Время от времени я оборачивался полюбоваться бурей, которую Зовущая вновь напустила на лагерь мятежников. Темное облако раздирали вспышки молний — с такой яростью стихии им еще не приходилось сталкиваться.

Укрытая тенью Лестница Слёз материализовалась из темноты столь медленно, что я лишь через час понял: это именно перевал, а не повисшая над самым горизонтом полоса облаков. Когда равнина сменилась подъемом, звезды уже начали бледнеть, а небо на востоке посветлело.

Лестница Слёз представляет собой гряду диких зазубренных скал, буквально непреодолимых, за исключением единственного крутого перевала, из-за которого она и получила свое имя. Предгорье плавно поднимается, пока не упирается в высоченные обрывы из красного песчаника, тянущиеся в обе стороны на сотни миль. В лучах восходящего солнца они напоминают потрепанные временем бастионы крепости какого-то великана.

Колонна втянулась в перегороженный осыпью каньон и остановилась, пока для фургонов расчищали путь. Я взобрался на вершину обрыва и принялся наблюдать за бурей. Она двигалась в нашу сторону.

Успеем ли мы пройти, пока нас не догнал Твердец?

Осыпь была свежей и перекрыла всего четверть мили дороги. За ней начинался путь, по которому ходили караваны, пока война не прервала торговлю.

Я вновь посмотрел на бурю. Твердец выдерживал хороший темп. Полагаю, его гнала вперед злость. Он не намеревался отступать. Мы убили его шурина, а его двоюродная сестра была *взята* тоже не без нашей помощи...

Я уловил какое-то движение на западе. В сторону Твердеца двигалась целая гряда жуткого вида грозовых туч, рыча и

переругиваясь между собой. Завертелась воронка смерча, отделилась от туч и поползла в сторону песчаной бури. Взятый решил не церемониться.

Но Твердец оказался упрямым и продолжал движение, несмотря ни на что.

— Эй, Костоправ! — крикнул кто-то.— Пошли.

Я посмотрел вниз. Фургоны уже преодолели худший участок оползня. Пора идти.

Из плоского одеяла грозовых туч вылетел второй смерч. Мне стало почти жаль солдат Твердеца.

Вскоре после того, как я присоединился к колонне, земля содрогнулась. Утес, на котором я недавно стоял, дрогнул, застонал и обрушился на дорогу водопадом обломков. Еще один подарочек Твердецу.

До новых позиций мы добрались незадолго до заката. Наконец-то человеческая местность! Настоящие деревья. Журчащий ручей. Те, у кого еще оставались силы, начали окапываться или готовить еду, остальные рухнули там, где остановились. Капитан не стал на нас давить. В тот момент лучшим лекарством оказалась простая свобода выбора между отдыхом и делом.

Я заснул мертвым сном. На рассвете меня разбудил Одноглазый.

— Принимайся за работу,— сказал он.— Капитан хочет, чтобы ты развернул госпиталь.— Он скривился и стал похож на сушеный чернослив.— Кажется, к нам движется подмога из Чар.

Я застонал, выругался и встал. Каждый мускул одеревенел, каждый сустав ныл.

— Когда мы в следующий раз окажемся в месте достаточно цивилизованном, чтобы обзавестись тавернами, напомни, чтобы я поднял тост за вечный мир,— пробормотал я.— Знаешь, Одноглазый, я готов подать в отставку.

— А кто из нас не готов? Но ведь ты летописец, Костоправ. Ты всегда тыкаешь нас носом в традиции. И прекрасно знаешь, что из Отряда можно уйти только двумя путями. Мертвым или ногами вперед. Так что плесни себе водички на морду

и принимайся за работу. А у меня есть дела поважнее, чем изображать няньку.

— А веселенькое сегодня утро, верно?

— Веселее не бывает.

Одноглазый топтался неподалеку, пока я пытался привести себя в относительный порядок.

Лагерь постепенно оживал. Солдаты ели и смывали с себя пыль пустыни, ворча и сквернословя. Некоторые даже переговаривались. Восстановление духа началось.

Сержанты и офицеры осматривали склон, отыскивая места, наиболее выгодные для обороны. Выходит, здесь именно то место, где мы, по замыслу Взятых, должны преградить врагу путь.

Место было удачным — часть перевала, в честь которого Лестница получила свое название, подъем высотой в тысячу двести футов, откуда открывался вид на лабиринт каньонов. Старинная дорога петляла по склону бесчисленными зигзагами, напоминая издали лестницу.

Призвав на помощь десяток солдат, мы с Одноглазым начали перемещать раненых в тихую рощу, находившуюся выше по склону и на порядочном удалении от возможного поля боя. Мы потратили час, устраивая их поудобнее и подготавливаясь к приему будущих раненых.

— Что это? — неожиданно спросил Одноглазый.

Я прислушался. Суета в лагере стихла.

— Что-то происходит,— предположил я.

— Ты просто гений,— сообщил Одноглазый.— Наверное, прибыли люди из Чар.

— Тогда пошли взглянем.— Я вышел из рощи и зашагал вниз по склону к палатке Капитана. Вновь прибывших я увидел сразу, едва миновал опушку рощи.

Их было около тысячи: половина — солдаты из личной гвардии Госпожи в яркой форме, а остальные, очевидно, помощники и сопровождающие. Цепочка фургонов и стадо скота оказались куда более возбуждающим зрелищем, чем подкрепление.

— Сегодня вечером будет пир,— крикнул я спускавшемуся следом Одноглазому. Он посмотрел на фургоны и улыбнулся. Радостная улыбка на его лице — явление столь же редкое,

как и сказочный куриный зуб, и, без сомнения, достойно занесения в Анналы.

Вместе с батальоном гвардейцев к нам прибыл Взятый по имени Повешенный, поразительно высокий и тощий. Голова у него была постоянно склонена набок, а шея разбухшая и посиневшая после укуса петли. На лице застыло выражение человека, умершего от удушья. Я предположил, что ему трудно произносить слова.

То был пятый увиденный мною воочию Взятый, следующий после Душелова, Хромого, Меняющего и Шепот. Крадущегося я не встретил, потому что не был в Лордах, а Зовущую Бурю так и не увидел, хотя она отступала вместе с нами. Повешенный отличался от прочих Взятых — те обычно что-то носили, желая скрыть лицо и голову. Все они, за исключением Шепот, провели по несколько веков в могилах, и это не пошло на пользу их внешности.

Душелов и Меняющий вышли поприветствовать Повешенного. Капитан стоял неподалеку спиной к ним и слушал командира охранников Госпожи. Я приблизился, надеясь что-нибудь подслушать.

Офицер-гвардеец выглядел угрюмо, потому что под командованием Капитана ему не находилось места. Никому из офицеров регулярной армии не нравилось выслушивать приказы заморского наемника.

Я бочком подобрался поближе ко Взятым. И обнаружил, что не могу понять ни слова из их разговора. Они говорили на теллекурре — языке, умершем вместе с Владычеством.

Кто-то легко коснулся моей руки. Вздрогнув, я опустил голову и посмотрел в широко распахнутые карие глаза Душечки, которой не видел уже несколько дней. Девочка быстро шевелила пальцами. Я уже научился разбирать язык жестов и понял, что она хочет мне что-то показать.

Душечка привела меня к палатке Ворона, стоявшей недалеко от палатки Капитана. Забравшись внутрь, она вылезла с деревянной куклой в руке. Игрушка была вырезана с любовной тщательностью. Не могу даже представить, сколько часов Ворон на нее потратил. И как он ухитрился найти столько свободного времени.

Душечка вновь зашевелила пальцами, только медленнее, чтобы мне было легче понять — я еще не мог назвать себя знатоком подобного способа общения. Она сказала, что куклу, как я и предположил, сделал ей Ворон и что теперь он шьет для куклы одежду. Девочка считала, что обладает великим сокровищем. Вспомнив деревню, где мы ее нашли, я не смог усомниться в том, что кукла стала лучшей игрушкой в ее жизни.

Многозначительный факт, когда начинаешь думать о Вороне, внешне столь мрачном, холодном и молчаливом. При взгляде на него кажется, что он знает лишь одно применение ножу — зловещее.

Мы с Душечкой пообщались несколько минут. Ее мысли были восхитительно прямолинейны и свежи по контрасту с миром, наполненным злобными, лицемерными, непредсказуемыми и интригующими людьми.

Мое плечо стиснула чья-то рука — одновременно сердито и привстливо.

— Тебя ищет Капитан, Костоправ.

Глаза Ворона блеснули, как кусочки обсидиана под лучами молодой луны. Он сделал вид, будто не видит куклу. А ведь ему *нравится* обращаться с другими грубовато, понял я.

— Хорошо,— сказал я и попрощался с Душечкой на языке жестов. Мне очень нравилось учиться у нее, а ей доставляло такое же удовольствие учить меня. Думаю, это наполняло ее ощущением собственной нужности. Капитан даже подумывал о том, чтобы все у нас выучили ее «пальцевый язык» — это стало бы ценным дополнением к нашему традиционному, но довольно скромному набору боевых сигналов.

Когда я прибыл, Капитан метнул в меня мрачный взгляд, но отчитывать не стал.

— Твои новые помощники и разные припасы вон там. Покажи им, куда идти.

— Есть, Капитан.

Вся ответственность теперь легла на него. Он никогда прежде не командовал таким количеством людей, не попадал в столь неблагоприятные условия, не получал столь невыполнимых приказов и не глядел в будущее с такой неуверенностью. С его точки зрения все выглядело так, словно нами решили пожертвовать, лишь бы выиграть время.

Мы, солдаты Отряда, лезем в драку без особого энтузиазма. Но всяческими хитростями Лестницу Слёз не удержать.

Похоже было, что нам пришел конец.

Никто не споет песню в память о нас. Мы последние из Свободных Отрядов Хатовара. Наши традиции и воспоминания живут только в этих Анналах. Скорбеть о нас можем только мы сами.

С одной стороны — Отряд, с другой — весь мир. Так это было, так оно и останется.

Госпожа прислала мне на помощь двоих опытных военных хирургов, десяток стажеров с различной степенью умения и несколько фургонов, набитых медицинскими припасами. Теперь у меня появился шанс спасти от гибели немало раненых.

Я привёл вновь прибывших в рощу, объяснил свои методы работы и предоставил им заботу о пациентах. Убедившись, что полными невеждами их не назовешь, я покинул импровизированный госпиталь.

Меня снедало беспокойство. Мне совершенно не нравилось то, что происходило с Отрядом. В него влилось слишком много новичков, а вдобавок на него навалили слишком большую ответственность. Прежняя близость куда-то испарилась. Были времена, когда я встречался с каждым из наших ежедневно. Теперь же я мог назвать имена братьев, которых не видел со дня схватки под Лордами. Я даже не знал, живы ли они, мертвы или же попали в плен. Меня безумно беспокоило то, что некоторые из них потеряны навсегда и им суждено остаться забытыми.

Отряд — наша семья. Без нашего братства он ничто. А нынче, когда вокруг столько новых северных лиц, главной силой, поддерживающей Отряд как единое целое, стали отчаянные попытки братьев заново восстановить семейную тесноту наших отношений. Напряженность этих усилий читалась на каждом лице.

Я пришел на один из наших сторожевых постов, неподалеку от которого ручей водопадом изливался в каньон. Далеко-далеко внизу, ниже тумана, поблескивал маленький пруд. Из него в сторону Ветреного Края вытекал тонкий ручеек, начиная путешествие, цели которого ему достичь не суждено. Я обвел взгля-

дом хаотическое нагромождение башен и обрывов из песчаника. Грозовые тучи, посверкивая по краям мечами молний, все еще затягивали, рокоча, небо над пустыней, напоминая о том, что враг совсем рядом.

Твердец приближался, несмотря на грохочущую ярость Зовущей. Полагаю, столкновение произойдет завтра. Интересно, сильно ли потрепала его гроза? Наверняка недостаточно сильно, с нашей точки зрения.

Я заметил крупную фигуру в коричневом, ковыляющую вниз по дороге к пустыне. Меняющий отправился попрактиковаться в наведении шухера. Он может проникнуть в лагерь мятежников в облике одного из них, магически отравить еду в котлах или подпустить болезнь в питьевую воду. Может обернуться тенью во мраке, которой боятся все люди, и приканчивать их по одному, оставляя после себя истерзанные останки, которые наполнят живых ужасом. Завидуя ему, я не мог избавиться от отвращения.

Над костром подмигивали звезды. Он успел прогореть до углей, пока мы, несколько ветеранов, играли в тонк. Я выиграл немного больше, чем проиграл.

— Я выхожу из игры, пока хоть что-то выиграл,— сказал я.— Есть желающие на мое место?

Я размял затекшие ноги, отошел в сторонку, уселся, прислонившись к бревну, и посмотрел на небо. Звезды показались мне веселыми и приветливыми.

Воздух был прохладен, свеж и неподвижен. В лагере все стихло. Убаюкивающе пели кузнечики и ночные птицы. В мире царили спокойствие и мир. С трудом верилось, что очень скоро это место превратится в поле боя. Я поерзал, устраиваясь поудобнее, и стал высматривать падающие звездочки, твердо решив насладиться покоем. Не исключено, что больше мне его познать не доведется.

Костер выплюнул искры и затрещал — кто-то все же решил встать и подбросить в него немного дров. Разгорелось пламя, на меня повеяло смолистым сосновым дымком, на сосредоточенных лицах игроков заплясали тени. Одноглазый сидел, сжав губы, потому что проигрывал. Лягушачий рот Гоблина был

растянут в улыбке, которую он сам не замечал. Лицо Молчуна оставалось бесстрастным — ведь он Молчун. Ильмо напряженно размышлял и, нахмурившись, прикидывал свои шансы. Физиономия Поддатого была кислее обычного. Мне было приятно увидеть его вновь — я боялся, что он погиб под Лордами.

Небо перечеркнул лишь один крошечный метеор. Я отрешенно закрыл глаза и стал вслушиваться в биение собственного сердца. *Твердец идет, Твердец идет*, говорило оно, отбивая барабанную дробь, имитирующую поступь приближающихся легионов.

— Тихо сегодня,— заметил Ворон, усаживаясь рядом со мной.

— Затишье перед бурей,— отозвался я.— Какую кашу заваривают для нас великие и могучие?

— Много споров. Капитан, Душелов и тот, новый, дают всем всласть наболтаться. Пусть облегчат душу. Кто выигрывает?

— Гоблин.

— А Одноглазый не сдает втихаря из-под колоды?

— Пока что мы его не застукали на горячем.

— Я все слышал, Ворон,— прорычал Одноглазый.— Когда-нибудь я тебя...

— Знаю, знаю. Раз — и я стану принцем лягушек. Костоправ, ты не поднимался наверх после наступления темноты?

— Нет. А зачем?

— На востоке появилось нечто необычное. Похоже на комету.

У меня екнуло сердце. Я быстро подсчитал в уме.

— Ты, вероятно, прав. Ей уже пора возвращаться.

Я встал, Ворон тоже, и мы вместе зашагали вверх по склону.

Каждое важное событие в саге о Госпоже и ее муже имело предвестника в облике кометы. Бесчисленные пророки мятежников предсказывали, что власть ее падет, когда в небе будет видна комета. Но самые опасные их пророчества говорили о ребенке, который станет реинкарнацией Белой Розы. Круг тратил и до сих пор тратит немало энергии, пытаясь отыскать этого ребенка.

Ворон привел меня на высокое место, откуда были видны звезды, низко восходящие над восточным горизонтом. И точно, по небу перемещалось нечто, напоминающее наконечник стрелы. Я долго смотрел, потом заметил:

— Кажется, острие указывает на Чары.

— Я тоже так думаю.— Ворон немного помолчал.— Я не очень высокого мнения о пророчествах, Костоправ. Слишком уж они смахивают на предрассудки. Но эта комета заставляет меня нервничать.

— Подобные пророчества ты слышал всю свою жизнь. Я удивился бы, если бы они *не коснулись* твоего воображения.

Он хмыкнул, не удовлетворившись моим ответом.

— Повешенный привез новости с востока. Шепот взяла Ржу.

— Хорошие новости, просто прекрасные,— отозвался я, приправив слова сарказмом.

— Она взяла Ржу *и окружила* армию Пустяка. У нас появилась возможность вернуть к следующему лету весь восток.

Мы стояли лицом к каньону. Несколько отрядов из авангарда Твердеца уже подошли к началу извилистой дороги, ведущей на перевал. Зовущая Бурю перестала колошматить противника грозой с молниями, чтобы подготовиться к отражению прорыва Твердеца через перевал.

— Получается, что вся ответственность ложится на нас,— прошептал я.— Мы обязаны остановить их здесь, или все обрушится, когда нам нанесут удар через черный ход.

— Может быть. Но даже в случае нашей неудачи не сбрасывай со счетов Госпожу. С ней мятежники еще не сталкивались лицом к лицу. Каждая миля на пути к Башне станет наполнять их все большим страхом. И причиной их поражения станет ужас, если только они не отыщут ребенка, упоминаемого в пророчествах.

— Возможно.

Мы смотрели на комету. Она пока была еще очень и очень далеко едва различима. Ее будет видно очень долго, и до ее исчезновения прогремит немало великих сражений.

— Наверное, не стоило показывать мне комету,— поморщился я.— Теперь эта гадость мне приснится.

Лицо Ворона озарила одна из его редких улыбок.

— Пусть лучше тебе приснится наша победа,— сказал он.

— Мы заняли оборону высоко в горах,— начал я пересказывать вымышленный сон.— Твердецу пришлось гнать солдат по длинной извилистой дороге на высоту в двенадцать сотен футов. И они, поднявшись сюда, стали для нас легкой добычей.

— Ври, да не завирайся, Костоправ. Я иду спать. Удачи тебе завтра.

— И тебе того же,— отозвался я.

Завтра Ворон окажется в самой гуще событий. Капитан поручил ему командование батальоном ветеранов регулярной армии. Им предстояло держать один из флангов, сметая врага с дороги стрелами.

Мне все же приснился сон, но совершенно неожиданный. Во сне ко мне явилось колышущееся золотое существо. Оно зависло надо мной, светясь подобно множеству далеких звезд. Я не понял, сплю я или нет, но остался не удовлетворен в любом из вариантов. Все же рискну назвать видение сном, потому что это более подходящее слово. Мне вовсе не по душе мысль о том, что Госпожа проявила ко мне повышенный интерес.

Во всем виноват я сам. Все мои фантазии о Госпоже оказались семенами, упавшими на плодородную почву моего воображения. И в самонадеянности этим снам тоже не откажешь. Сама Госпожа прислала свой призрачный дух, чтобы успокоить глупого, измотанного войной и испуганного в душе солдата? Во имя небес, почему?

Словом, это сияние явилось ко мне, воспарило надо мной и стало произносить успокаивающие слова, приправленные легким оттенком веселья. *Не бойся, верный мой. Лестница Слёз вовсе не ключ к империи. Пусть даже ее захватят — не страшно. И что бы ни случилось, мой верный останется невредим. А Лестница — лишь путевой столб на дороге, ведущей мятежников к гибели.*

Было сказано немало других фраз, причем загадочно личных. Они стали отражением моих безумнейших фантазий. А в конце — на краткое мгновение — из золотого сияния выглянуло лицо. Столь прекрасного женского лица я никогда в жизни не видел, хотя и не могу сейчас его вспомнить.

На следующее утро, занимаясь делами в госпитале, я рассказал об этом сне Одноглазому.

— У тебя слишком богатое воображение,— сказал он, посмотрев на меня и пожав плечами. Одноглазый был очень занят — ему не терпелось поскорее покончить со своими медицинскими обязанностями и уйти. Любую работу он на дух не выносит.

Завершив свои дела, я побрел в сторону главного лагеря. Голова была тяжелой, настроение паршивым. Сухой и прохладный горный воздух оказался вовсе не столь бодрящим, каким ему следовало быть.

Настроение у солдат было таким же кислым, как и у меня. Внизу на склоне перемещались воинские подразделения Твердеца.

Победа в бою отчасти рождается из глубокой уверенности в том, что, какой бы скверной ни казалась ситуация, дорога к победе обязательно откроется. Эту уверенность Отряд пронес через все испытания под Лордами. Мы всегда отыскивали способ пустить мятежникам кровь из носа, даже когда армии Госпожи отступали. Теперь же, однако... Наша уверенность начала слабеть.

Форсберг, Розы, Лорды плюс десяток менее масштабных поражений. Поражение отчасти есть обратная сторона победы. Нас преследовал тайный страх того, что, несмотря на очевидные преимущества позиции на перевале и поддержку Взятых, что-нибудь да пойдет наперекосяк.

Возможно, командование само создавало такое настроение — или Капитан, или даже Душелов. Не исключено также, что оно рождалось само собой, как это уже однажды произошло.

Рядом со мной вниз по склону плелся Одноглазый — угрюмый, мрачный, ворчащий себе под нос и ищущий драки, на худой конец скандала. Тут ему и подвернулся Гоблин.

Соня Гоблин только что выполз из спального мешка, раздобыл тазик с водой и умывался — он у нас педантичный старый хрыч. Заметив его, Одноглазый увидел возможность выместить на ком-то свое скверное настроение. Он тут же пробормотал несколько странных слов и причудливо задергался, изобразив нечто вроде смеси балетного танца с воинственной пляской дикарей.

И вода в тазике у Гоблина изменилась.

Я почувствовал изменение носом даже с расстояния в двадцать футов. Тазик наполнился чем-то зловеще-коричневым, а на поверхности этой жижи плавали тошнотворные зеленые комки. Казалось, эта гадость вонючая даже на ощупь.

Гоблин, сохраняя величественное достоинство, встал и обернулся. Несколько секунд он смотрел в глаза злобно ухмыляющемуся Одноглазому, затем поклонился. Когда он выпрямился, его лицо украсила широченная лягушачья улыбка. Распахнув пасть, Гоблин испустил жуткий душераздирающий вопль, от которого, казалось, содрогается земля.

Колдуны сорвались с цепи, и горе тому дураку, что встанет между ними. Одноглазого кольцом окружили какие-то тени и тут же, извиваясь, расползлись во все стороны тысячей рассерженных змей. Заплясали какие-то призраки, выползавшие из-под камней, прыгавшие с деревьев и выскакивавшие из кустов. Призраки попискивали, повизгивали, хихикали и преследовали порожденных Одноглазым змей.

Ростом призраки были около двух футов и весьма сильно смахивали на копии Одноглазого, только с гораздо более уродливыми физиономиями, а их задницы очень напоминали задницы самок бабуинов в сезон любви. Только не спрашивайте меня, что они вытворяли с пойманными змеями,— все равно не скажу.

Ошарашенный Одноглазый аж подпрыгнул. Он матерился, визжал и пускал пену изо рта. У нас, ветеранов Отряда, и прежде наблюдавших за этими битвами мартовских котов, не возникало и сомнения в том, что Гоблин заранее все подстроил и лишь ждал момента, когда Одноглазый попадется на какую-нибудь провокацию.

Впрочем, это совпало с тем редким случаем, когда у Одноглазого оказался наготове и второй залп.

Змеи исчезли, а из кустов, камней и деревьев, извергнувших отпрысков Гоблина, теперь повалили гигантские глянцевито-зеленые навозные жуки. Они набросились на гоблиновских эльфов и, перекатывая, словно комки навоза, принялись сбрасывать их с утеса.

Стоит ли говорить, что шум и суматоха притянули магнитом целую толпу зрителей. Ветераны, давно знакомые с этой бесконечной дуэлью, хохотали от души. Наше веселье передавалось и остальным, едва до них доходило, что перед ними не продукт бреда свихнувшегося волшебника.

Краснозадые призраки Гоблина принялись пускать корни, не желая, чтобы с ними обращались как с комками навоза. Вскоре они превратились в гигантские хищные растения со слюнявыми пастями, весьма уместные в качестве обитателей каких-нибудь привидевшихся в кошмарном сне джунглей. По всему склону захрустело и зачавкало — растительные челюсти перемалывали панцири жуков. Помните мерзопакостное ощущение, приправленное бегающими по спине мурашками, которое вы испытывали, давя крупного таракана? Теперь это чувство, только тысячекратно усиленное наглядной демонстрацией упомянутого процесса, разом охватило всех зрителей, заставляя их непроизвольно вздрагивать. На мгновение даже Одноглазый застыл на месте.

Я огляделся. Присоединившийся к зрителям Капитан наблюдал за схваткой с удовлетворенной улыбкой. Его улыбка была драгоценностью более редкой, чем яйцо птицы рух. Зато у его спутников, армейских офицеров и гвардейских капитанов, вид был совершенно ошарашенный.

Кто-то по-приятельски встал рядом со мной. Я скосил глаза и увидел, что стою плечом к плечу с Душеловом. Вернее, локтем к плечу — Взятый не отличался высоким ростом.

— Забавно, верно? — спросил он одним из тысячи своих голосов. Я нервно кивнул.

Одноглазый содрогнулся всем телом, вновь высоко подпрыгнул, завыл и шлепнулся на землю, дрыгая руками и ногами, словно эпилептик.

Уцелевшие жуки, шурша и пощелкивая, поползли навстречу друг другу и сбились в две копошащиеся кучи, откуда доносилось сердитое клацанье мандибул и сухое шуршание хитиновых панцирей. Из каждой кучи начали подниматься толстые канаты бурого дыма, которые гнулись и переплетались, пока не превратились в занавес, заслонивший копошащихся жуков. Потом дым сжался в упругие шары, начавшие подскакивать, всякий раз под-

нимаясь все выше. После очередного отскока они зависли, медленно дрейфуя на ветру, и выпустили отростки, вскоре превратившиеся в корявые пальцы.

Теперь перед нашими глазами висели в воздухе узловатые клешни Одноглазого, только увеличенные в сотню раз. Эти руки сразу принялись выпалывать посаженный Гоблином сад монстров, вырывая растения с корнями и завязывая стебли изящными и сложными морскими узлами. Как результат этого рукоделия появился длинный и все удлиняющийся плетеный канат.

— А у них больше таланта, чем можно заподозрить,— заметил Душелов.— Жаль только, что тратится он на всякие глупости.

— Не знаю,— пожал я плечами. Представление подбодрило нас морально. Ощутив дыхание той смелости, что придавала мне силы в тяжелые моменты, я добавил: — Такое колдовство люди могут оценить, в отличие от давящего и жестокого колдовства Взятых.

Черный морион Душелова на несколько секунд повернулся в мою сторону, и мне даже почудилось пламя, вспыхнувшее за узкими прорезями для глаз. Но потом я услышал девчоночий смех:

— Ты прав. Мы попросту переполнены той мрачностью и ужасом, которые нагоняем на целые армии. И эмоциональная панорама жизни быстро забывается.

Как странно, подумал я. Рядом со мной стоит Взятый со щелочкой в броне. Душелов отодвинул один из занавесов, скрывающих тайны его сущности. Обитающий во мне летописец сразу почуял запах тайны и стал быстро придумывать наводящий вопрос.

Душелов опередил меня, словно прочитав мысли:

— У тебя сегодня ночью были гости?

Азартный голос летописца смолк на полуслове.

— Я видел странный сон. О Госпоже.

Душелов хохотнул глубоким рокочущим басом. Эта постоянная смена голосов способна пошатнуть уверенность даже у самых стойких. У меня она вызвала желание защищаться. Да и сама его дружеская приветливость тоже меня встревожила.

— Я думаю, она благосклонна к тебе, Костоправ. Какая-то мелочь в тебе захватила ее воображение, равно как и она привлекла твое. И что же она тебе сказала?

Что-то внутри предупредило меня об осторожности. Вопросы Душелова были сочувственными и непринужденными, но все же в них ощущалась некая скрытая напряженность, свидетельствовавшая о том, что вопрос был не столь уж и безобидным.

— Так, просто ободрила,— ответил я.— Что-то насчет того, что Лестница Слёз не настолько уж критическое звено в ее планах. Но то был всего лишь сон.

— Конечно.— Кажется, он удовлетворился моим ответом.— Только сон.— Но произнес он эти слова женским голосом, который использовал лишь в самые серьезные моменты.

Вокруг меня охали и ахали. Я повернулся посмотреть, насколько далеко продвинулось состязание.

Кусачие растения Гоблина превратились в гигантскую медузу. Бурые руки дергались, стиснутые ее щупальцами, и тщетно пытались освободиться. А над краем обрыва, наблюдая, парило огромное розовое бородатое лицо, окаймленное спутанными рыжими волосами. Один глаз был полуприкрыт из-за синевато-багрового шрама. Я нахмурился, сбитый с толку.

— Что это?

Я знал, что ни Гоблин, ни Одноглазый не создавали это лицо. Неужели в игру вступил Молчун — просто чтобы показать им, на что он способен?

Душелов изобразил звук, весьма правдоподобно имитирующий вскрик умирающей птицы.

— Твердец,— сказал он, резко обернулся к Капитану и взревел: — К оружию! Они идут.

Через несколько секунд солдаты уже мчались на свои позиции. Последним намеком на схватку между Гоблином и Одноглазым остались повисшие в воздухе туманные обрывки, медленно дрейфующие в сторону злобного лица Твердеца. Там, где они соприкасались, создавалось впечатление, будто на лице вскочил очередной отвратительный прыщ. «Неплохой щелчок по его репутации,— подумал я,— только не вздумайте, парни, выступить против него, задрав носы. Он не в игрушки играет».

В ответ на суматоху на наших позициях снизу послышались звуки горнов и рокот барабанов, отразившиеся от стен каньонов, словно отдаленный гром.

Мятежники весь день пощипывали нашу оборону, но было ясно, что все это не всерьез и они лишь тыкают палкой в осиное гнездо, желая понаблюдать за результатом. Твердец прекрасно сознавал все трудности штурма Лестницы.

И это предполагало, что у него припасен для нас неприятный сюрприз.

Но в целом мелкие стычки подняли наш боевой дух. Солдаты стали верить, что у них есть шанс выстоять.

Хотя между звездами плыла комета, а внизу светилась целая галактика лагерных костров, ночь избавила меня от ощущения, что Лестница — сердце этой войны. Я сидел на скальном выступе лицом к вражескому лагерю, подперев коленями подбородок, и размышлял над свежими новостями с востока. Шепот уже осадила Стужу, разгромив перед этим армию Пустяка и нанеся поражение Мотыльку и Робкому среди говорящих менгиров равнины Страха. Кажется, восток стал для мятежников катастрофой похуже, чем север для нас.

Но здесь ситуация могла ухудшиться. Мотылек, Робкий и Медлительный присоединились к Твердецу. Были внизу и другие члены Круга Восемнадцати, пока еще не опознанные. Враги почуяли запах крови.

Я никогда не видел северное сияние, хотя мне говорили, что мы могли его заметить в Весле и Сделке, если бы удержали эти города до зимы. То, что я слышал об этом нежном и причудливом свечении, заставило меня подумать, что лишь оно может сравниться с тем, что сейчас обретало форму над каньонами по мере того, как постепенно блекли огоньки вражеских костров. Очень длинные и плоские знамена, сотканные из разреженного света, извиваясь и мерцая, потянулись к звездам, покачиваясь, словно водоросли в слабом течении, и переливаясь великолепными мягкими оттенками розового, зеленого, желтого и голубого. В голову скользнула фраза. Древнее название. Пастельные Войны.

Давным-давно Отряд принимал участие в Пастельных Войнах. Я попытался вспомнить, что говорится в Анналах об этих конфликтах. Я не смог вспомнить все, но того, что вспомнил, было достаточно, чтобы испугаться. И сразу заторопился к палаткам офицеров, разыскивая Душелова.

Я отыскал его и пересказал все, что сумел вспомнить. Он поблагодарил меня за заботу, но добавил, что осведомлен и о Пастельных Войнах, и о волшебстве мятежников, породившем это свечение. Нам не о чем тревожиться. Подобную атаку предвидели, и Повешенный здесь как раз для того, чтобы ее нейтрализовать.

— Сядь где-нибудь и посмотри, Костоправ. Гоблин с Одноглазым уже отработали свое представление, теперь настала очередь Десяти.— Душелов излучал уверенность — одновременно сильную и зловещую,— поэтому я предположил, что мятежники угодили в какую-то ловушку, расставленную Взятыми.

Я последовал его совету и вернулся на свой одиночный наблюдательный пункт. По дороге я прошел через лагерь, встревоженный необычным зрелищем. То здесь, то там по толпе солдат пробегал шепоток страха, усиливаясь и затихая подобно бормотанию отдаленного прибоя.

Разноцветные полосы уплотнились, но их движения стали какими-то дергаными — на породившего их явно оказывалось воздействие с нашей стороны. Наверное, Душелов был прав и все завершится ярким представлением для войск.

Дно каньона больше не подмигивало мне огоньками костров — его залило море чернильного мрака, поглощающего даже сияние светящихся полос. Но если для глаз работы больше не стало, то для ушей ее более чем хватало — акустика в каньоне была замечательная.

Твердец пошел в наступление — лишь вся его армия могла породить столько звона и бряцания металла.

И уверенности у Твердеца и его приближенных тоже хватало.

Светло-зеленое светящееся знамя, лениво колыхаясь, взмыло в ночь, похожее на подхваченный ветром лоскут. Продолжая подниматься, полотнище стало бледнеть и рассыпалось высоко в небе умирающими искрами.

Но кто уничтожил его? Твердец или Повешенный? И к добру это исчезновение или ко злу?

Я наблюдал за явлениями, о сути которых судить было почти невозможно. Это очень походило на дуэль опытнейших фехтовальщиков — невозможно уследить за всеми нюансами, если ты сам не знаток. По сравнению с этой схваткой дуэль Гоблина и Одноглазого напоминала, образно говоря, драку двух варваров с мечами.

Медленно и постепенно разноцветное свечение угасало. Все-таки это заслуга Повешенного. Оторвавшиеся от земли световые полосы не причинили нам никакого вреда.

Зато доносящийся снизу шум приблизился.

Куда подевалась Зовущая Бурю? Мы уже некоторое время ничего про нее не слышали. Сейчас просто идеальный момент одарить Твердеца скверной погодой.

Душелов, кажется, тоже принялся за дело. За все время, что мы служим Госпоже, нам еще ни разу не доводилось видеть, как он творит нечто по-настоящему впечатляющее. Неужели он менее могуч, чем утверждает его репутация, или же просто приберегал силы для крайних ситуаций, которые лишь он мог предвидеть?

Внизу началось нечто новое. Стены каньона — где пятнами, а где полосами — засветились тускло-красным, поначалу едва заметно. Краснота постепенно разгоралась, становилась ярче, и лишь когда некоторые места начали размягчаться и плавиться, я ощутил обдувающий край обрыва поток горячего воздуха.

— Боги великие,— потрясенно пробормотал я. Подобная мощь оправдала все мои догадки о могуществе Взятых.

Расплавленные скалы потекли вниз, образуя каверны в вертикальных стенах. Верхушки обрывов, лишившись опоры, посыпались в каньон градом обломков. Снизу донеслись крики — крики обреченных, увидевших свою смерть, но бессильных ее избежать или остановить. Солдаты Твердеца гибли от жара и каменных обломков.

Нет сомнений, они угодили в ведьмин котел, но что-то меня все же насторожило. Уж слишком мало криков для такой крупной армии.

Местами скалы раскалились настолько, что вспыхнули. Из каньона яростно полыхнуло раскаленным воздухом. Вой ветра перекрыл грохот падающих валунов. Стало вполне светло, и я разглядел поднимающиеся по дороге на перевал отряды мятежников.

Что-то их маловато, подумал я... Мой взгляд привлекла одинокая фигура на краю другого скального выступа. Кто-то из Взятых, но я не смог его опознать при столь переменчивом и тусклом освещении. Он кивал, наблюдая за муками врагов.

Красное свечение расплавленных скал, обвалы и пламя распространялись все дальше, пока всю панораму не расцветили красные полосы и не усеяли кипящие лужи лавы.

В щеку ударила капля. Удивившись, я задрал голову и получил новый смачный шлепок по носу.

Звезды исчезли. Надо мной, так низко, что я почти мог коснуться его рукой, мчалось губчатое брюхо жирной грозовой тучи, причудливо расцвеченное адскими огнями каньона.

Над каньоном брюхо лопнуло. Ливень задел меня лишь краешком, но едва не свалил с ног. Чуть дальше он был просто бешеным.

На расплавленные скалы хлынула вода. Меня едва не оглушили рев и шипение пара. Разноцветный, он ураганом хлестнул в небо. Я помчался прочь от обрыва, едва не ошпарившись, когда меня слегка коснулся краешек раскаленной струи.

Бедные глупые мятежники, подумал я. Сварились, как омары...

Был ли я разочарован тем, что прежде видел от Взятых мало впечатляющего? Только не сейчас. Когда я прикинул, сколько холодных и жестоких расчетов было заложено в планирование этого события, то с трудом удержал ужин в желудке.

Я страдал в тот момент от угрызений совести, знакомых каждому наемнику, но которые мало кто понимает за пределами нашей профессии. Моя работа — побеждать врагов нанимателя. Как правило, любым доступным мне способом. И небо свидетель тому, что Отряд служил нескольким жестокосердным злодеям. Но в том, что произошло внизу, было нечто *неправильное*. Думаю, позже мы все это ощутим. Возможно, такое чувство порождалось скрытой солидарностью с такими же солдатами, которые умирали, не имея возможности защищаться.

Все-таки у нас в Отряде *есть* чувство справедливости.

Рев ливня и шипение пара стихли. Я вернулся на свой наблюдательный пункт. Кроме нескольких светлых пятнышек, в каньоне было темно. Я поискал взглядом Взятого, которого недавно видел, но ушел и он.

Когда ветер унес последние облака, на небе показалась комета, украсив его крошечной насмешливой улыбкой. Хвост ее отчетливо изгибался. Над зазубренным горизонтом осторожно приподнялась луна, опасливо обозревая искореженный ландшафт.

В лагере прозвучали горны, в их жестяных голосах отчетливо угадывалась паника. Их сменил приглушенный расстоянием шум сражения, быстро набирающий силу и громкость. На звук схватка была жестокой и беспорядочной. Я направился к госпиталю в роще, не сомневаясь, что вскоре у меня там появится работа. Сам не знаю почему, но особой тревоги или волнения я не испытывал.

Мимо меня целеустремленно промчались посыльные. Капитан хорошо вымуштровал присоединившихся к нам солдат из разбитых частей и напомнил им о порядке и дисциплине.

Что-то с шелестом пронеслось над головой. Кто-то, сидя на темном прямоугольнике, летел в лунном свете, постепенно опускаясь к месту сражения. Душелов на летающем ковре.

Вокруг него коконом вспыхнуло яркое фиолетовое сияние. Ковер резко дернулся, скользнул на десяток ярдов в сторону. Сияние побледнело, сжалось в точку над головой Душелова и исчезло, одарив меня на прощание мелькающими в глазах световыми пятнышками. Я пожал плечами и пошел дальше вверх по склону.

Первые раненые уже ковыляли к госпиталю. В некотором смысле я был доволен — эта картина указывала на эффективность и стойкость командиров, сохраняющих хладнокровие в разгар схватки. Капитан просто творил чудеса.

Я услышал топот солдатских ног — несколько рот шли куда-то в темноте, и это подтвердило мое подозрение. Недавняя атака не была просто неудачной вылазкой тех, кто редко

осмеливался действовать по ночам. (Ночная тьма всецело принадлежала Госпоже.) Каким-то образом нас сумели обойти с фланга.

— Наконец-то ты осчастливил меня своей рожей,— рявкнул Одноглазый.— Топай в хирургию. Я уже велел зажечь там лампы.

Я вымыл руки и пошел к хирургам. Врачи Госпожи вместе со мной героически принялись за дело, и я впервые за все время, что мы ей служим, почувствовал, что смогу оказать раненым реальную помощь.

Но они все поступали и поступали. Напряженность схватки продолжала нарастать, и вскоре стало очевидным, что атака мятежников в каньоне была лишь отвлекающим маневром. Эффектная драма, разыгранная Взятыми, оказалась почти бесполезной.

Рассвет уже окрасил небо, когда я, подняв голову, увидел рядом потрепанного Душелова. Он выглядел так, словно его поджарили на медленном огне, а затем обваляли в чем-то синеватом, зеленоватом и отвратительном. От него попахивало дымом.

— Начинай грузить раненых в фургоны, Костоправ,— сказал он деловым женским голосом.— Капитан уже выслал тебе десяток помощников.

Весь транспорт, включая пришедшие с юга фургоны, стоял на площадке еще выше моего госпиталя под открытым небом. Я посмотрел в ту сторону. Высокий и тощий тип с кривой шеей уже командовал возницами, разворачивающими фургоны.

— Что, накрылось сражение? — поинтересовался я.— Они застали вас врасплох, верно?

— Мы достигли большинства поставленных целей,— ответил Душелов, проигнорировав мою последнюю фразу.— Лишь одна задача осталась невыполненной.— На сей раз он выбрал низкий звучный и медлительный голос человека, привыкшего произносить речи.— Исход сражения может обернуться в любую сторону. Судить об этом пока еще слишком рано. Ваш Капитан очень упрям и стоек. Но ты все же подготовь раненых к перевозке, чтобы возможное поражение не застало вас врасплох.

Несколько фургонов уже, поскрипывая, катились в нашу сторону. Я пожал плечами, передал помощникам распоряжение Взятого и отыскал следующего, кому требовалось мое внимание. Работая, я спросил Душелова:

— Раз исход сражения еще не определился, то почему вы не там и не громите мятежников?

— Я выполняю приказ Госпожи, Костоправ. Наши цели почти достигнуты. Медлительный и Мотылек погибли. Робкий очень тяжело ранен — Меняющий успешно завершил задуманную хитрость. Нам остается только одно — приканчивать генералов мятежников одного за другим.

Меня охватило замешательство, а противоречивые мысли, сумев добраться до языка, сорвались с него почти одновременно:

— Но разве нам не следовало попытаться разгромить их здесь?.. Ведь кампания на севере оказалась для Круга тяжелой. Сперва Загребущий, затем Шепот. Теперь Медлительный и Мотылек.

— На очереди Робкий и Твердец. Да, они били нас раз за разом, и всякий раз победа обходилась им очень дорого.— Он посмотрел вниз — по склону к нам поднимался небольшой отряд с Вороном во главе. Потом взглянул на стоянку фургонов. Повешенный уже не жестикулировал, а застыл в позе человека, который к чему-то прислушивается.

Внезапно Душелов заговорил вновь:

— Шепот пробила брешь в стенах Стужи. Крадущийся справился с предательскими менгирами на равнине Страха и приближается к пригородам Шмяка. Безликий сейчас на равнине Страха и движется к Амбарам. Говорят, вчера ночью Пакет покончил с собой в Эйде, чтобы его не захватил в плен Костоглод. Все не так уж и плохо, как кажется, Костоправ.

«Как бы не так,— подумал я.— Это все на востоке, а мы тут, на севере. С какой стати мне радоваться победам где-то у черта на куличках? Нас давят здесь, и если мятежники прорвутся к Чарам, то уже ничто из событий на востоке не будет иметь значения».

Ворон остановил свой отряд и подошел ко мне:

— Что им нужно делать?

Я предположил, что их послал Капитан, и потому не сомневался, что Капитан приказал отступать. Он не станет играть в игрушки для Взятого.

— Перенесите всех, кого мы обработали, в фургоны.— Возницы уже выстроили их в аккуратную линию.— Пусть с каждым фургоном отправится и десяток тех, кто может ходить. Я, Одноглазый и остальные хирурги останемся здесь и будем резать и шить дальше.

Мне не понравилось выражение глаз Ворона. Он смотрел на Душелова. Я тоже повернул к Взятому голову.

— Я ему еще не сказал,— произнес Душелов.

— Что не сказал? — Я понял, что мне не понравится то, что я сейчас услышу. От них пахло тревогой, а так пахнут только самые скверные новости.

Ворон улыбнулся — не радостно, а как-то натянуто.

— Нас с тобой снова затребовали для одного дела, Костоправ.

— Что? Довольно! Больше никогда! — Меня до сих пор бросало в дрожь при воспоминании о том, как я помогал справиться с Хромым и Шепот.

— У тебя есть практический опыт,— заметил Душелов.

Я вновь потряс головой.

— Я обязан пойти, Костоправ, и ты тоже,— рявкнул Ворон.— К тому же ты наверняка захочешь занести в Анналы, как ты своими руками уничтожил больше членов Круга, чем любой из Взятых.

— Чушь. За кого вы меня принимаете? Я не охотник за головами, а простой лекарь. Анналы и сражения — вещь побочная и случайная.

— И этого человека Капитану пришлось вытаскивать из драки, когда мы шли через Ветреный Край,— сказал Ворон Душелову. Глаза у него были прищурены, на щеках поигрывали желваки. Он тоже не хотел идти и вымещал свое недовольство, подзуживая меня.

— Выбора у тебя нет, Костоправ,— добавил Душелов детским голосом.— Тебя выбрала Госпожа.— Он попытался смягчить мое разочарование и добавил: — Она щедро вознаграждает тех, кто угождает ей. А к тебе она благосклонна.

Я проклял себя за прежний романтизм. Тот Костоправ, что прибыл на север и по уши увяз в фантазиях о таинственной Госпоже, был совсем другим человеком — сопляком, переполненным невежеством молодости. Вот-вот. Иногда приходится лгать самому себе, лишь бы остаться в живых.

— На этот раз мы проделаем это не одни, Костоправ,— подбодрил меня Душелов.— Нам помогут Повешенный, Меняющий и Зовущая Бурю.

— Выходит, нужна целая команда, чтобы пришить одного бандита, так? — кисло заметил я.

Душелов не заглотил приманку. Он никогда на это не поддается.

— Ковер там. Возьмите свое оружие и идите туда.— Душелов ушел.

Я сорвал свою злость на ни в чем не повинных помощниках. Наконец, когда Одноглазый уже был готов взорваться от возмущения, Ворон негромко произнес:

— Не выпендривайся, Костоправ. Раз нам предстоит это сделать, пойдем и сделаем.

Я извинился перед всеми и пошел к поджидающему нас Душелову.

— Залезайте,— сказал он, указывая места на ковре. Мы с Вороном уселись так, как сидели в прошлый раз. Взятый вручил нам по куску веревки.— Привяжитесь покрепче. Возможно, нам сильно достанется, и я не хочу, чтобы вы свалились. И держите наготове нож, чтобы быстро разрезать веревки, когда прилетим.

У меня затрепетало сердце. Если честно, перспектива нового полета привела меня в возбуждение, потому что воспоминания о предыдущем наполняли душу радостью и очарованием. Там, в небе, где царят орлы и дует прохладный ветер, я испытал восхитительное чувство свободы.

Даже Душелов привязался. Скверный знак.

— Готовы?

Не дожидаясь нашего ответа, он начал бормотать. Ковер мягко покачнулся и воспарил вверх — легкий, словно перышко на ветру.

Мы поднялись над верхушками деревьев. Рама, на которую был натянут ковер, резко поддала мне снизу. Желудок провалился к пяткам, в ушах засвистел ветер. Шляпу сдуло, и я не успел ее поймать. Ковер опасно накренился, и я, невольно разинув рот, уставился на быстро удаляющуюся землю. В меня вцепился Ворон. Не будь мы оба привязаны, лететь бы нам сейчас кувырком вниз.

Мы пролетели над каньонами, похожими сверху на сумасшедший лабиринт. Солдаты мятежников напомнили мне армию муравьев на марше.

Я обозрел полусферу небес — с высоты зрелище оказалось восхитительным. Орлов я не увидел, только стервятников. Душелов пронесся сквозь одну из стай, рассеяв ее.

Откуда-то поднялся второй ковер, пролетел рядом, затем пристроился в отдалении, превратившись в точку. На нем я увидел Повешенного и двух тяжеловооруженных имперских солдат.

— А где Зовущая? — спросил я.

Душелов вытянул руку. Прищурившись, я разглядел в голубом небе над пустыней еще одну точку.

Мы летели так долго, что я уже начал гадать: а произойдет ли вообще что-нибудь? Наблюдать за мятежниками мне вскоре опротивело. Они и так добились слишком больших успехов.

— Приготовиться,— бросил через плечо Душелов.

Я вцепился в веревки, ожидая нового испытания на прочность моих нервов.

— Держись!

Внезапно рама подо мной словно провалилась. Мы камнем полетели вниз, вниз, вниз... Свист раздираемого воздуха превратился в вой. Земля вращалась, дергалась и неслась навстречу. Далекие точки, бывшие Повешенным и Зовущей, не отставали и постепенно увеличивались — мы опускались с трех направлений в одну точку.

Мы спустились ниже перевала, где наши братья напряженно бились, преградив путь потоку врагов, потом еще ниже, но уже более полого, и понеслись, отчаянно лавируя, между изъеденными

ветром башнями из песчаника. До некоторых из них я мог при желании даже дотронуться.

Впереди показался небольшой луг. Ковер резко сбросил скорость, затем повис.

— Он здесь, — прошептал Душелов. Мы скользнули вперед еще на пару ярдов и чуть-чуть приподнялись, выглянув из-за столба песчаника.

Некогда зеленый луг был весь перепахан сапогами и копытами. Мы увидели десяток фургонов и возниц возле них. Душелов негромко выругался.

Из промежутка между каменными столбами левее нас что-то вылетело. Ба-бах! Каньон содрогнулся от грохота, фонтаном брызнули ошметки дерна. Люди закричали, забегали, стали хвататься за оружие.

В воздухе снова что-то мелькнуло, но уже с другой стороны. Не знаю, что сделал Повешенный, но мятежники стали задыхаться и хвататься за горло.

Один из них, очень крупный мужчина, сумел стряхнуть с себя магическое наваждение и, спотыкаясь, направился к огромной черной лошади, привязанной к шесту в дальнем конце луга. Душелов быстро послал ковер вперед. Рама ударилась о землю.

— Слезайте! — тут же рявкнул он и выхватил меч.

Мы с Вороном перерезали веревки, слезли с ковра и на ослабевших с непривычки ногах последовали за Душеловом. Тот набросился на задыхающихся фургонщиков и принялся рубить направо и налево. Мы тоже внесли свой вклад в эту бойню, хотя и с меньшим энтузиазмом.

— А какого дьявола вы тут торчали? — рычал Душелов на свои жертвы.— Он должен был находиться здесь один.

Два других ковра опустились ближе к убегающему человеку. Взятые и их помощники погнались за ним на подгибающихся после стремительного полета ногах. Мужчина вскочил на лошадь и перерубил удерживающую ее веревку резким ударом меча. Я смотрел на него не отрываясь — я и не ожидал, что Твердец окажется таким страшилой. Он был ничуть не менее уродлив, чем физиономия, появившаяся во время драчки Гоблина с Одноглазым.

— Вперед! — гаркнул Душелов, зарубив последнего фургонщика, и бросился к Твердецу. Мы бежали следом, а я все гадал, почему у меня не хватило благоразумия остаться на месте.

Генерал мятежников уже не убегал. Он свалил одного из имперцев, который опередил всех нас, громко расхохотался и проревел что-то непонятное. Воздух затрещал, наполнившись концентрированной магией.

Вокруг трех Взятых вспыхнул фиолетовый свет, еще более яркий, чем тот, что окутал ночью Душелова. Все трое застыли на месте. Мощное оказалось колдовство — усилия Взятых целиком ушли на сопротивление. Тем временем Твердец обратил свое внимание на нас.

Второй имперский солдат подобрался к нему вплотную. Огромный меч Твердеца обрушился на него, точно молот. Солдат прикрылся мечом, но не удержался на ногах. Твердец пришпорил лошадь, чтобы его растоптать, но та аккуратно переступила через лежащего солдата. Генерал бросил взгляд на Взятых, смачно выругал неторопливое животное и плашмя шлепнул его мечом.

Но лошадь и после этого не пожелала двигаться быстрее. Твердец яростно врезал ей по шее и взвыл — его рука словно приклеилась к гриве. Крик ярости сменился криком отчаяния. Он попытался заколоть лошадь, но не смог даже порезать ей шкуру, и тогда он метнул оружие во Взятых. Окутывающее их фиолетовое свечение уже начало бледнеть.

Ворона отделяли от Твердеца всего два шага, а я отставал от него на три. Столь же близко, но с другой стороны, находились солдаты, прилетевшие с Зовущей.

Ворон взмахнул мечом и нанес сильный режущий удар снизу вверх. Кончик меча чиркнул по животу Твердеца и... отскочил. Кольчуга? Огромный кулак Твердеца с размаху опустился на макушку Ворона. Тот зашатался, отступил на шаг и мешком осел на землю.

Не задумываясь, я рубанул Твердеца по руке. Мы оба завопили, когда сталь рассекла кость и брызнул красный фонтан.

Я склонился над Вороном, но тут же обернулся. Солдаты Зовущей рубили Твердеца в капусту. Его рот был распахнут, а иссеченное шрамами лицо искажено — он упрямо игнорировал

боль, одновременно пытаясь спастись при помощи магии. Взятые пока выбыли из игры, и его противниками стали три обычных человека. Но сейчас все это не имело значения.

Мой взгляд неудержимо притягивала лошадь Твердеца. Животное таяло... Нет, не таяло. Оно менялось.

Я хихикнул. Великий генерал мятежников сидел на спине Меняющего.

Мой смех превратился в безумный хохот.

Этот недолгий припадок стоил мне возможности принять участие в добивании Твердеца. Два солдата Зовущей разрубили его на куски, пока Меняющий не давал ему вырваться. Твердец стал покойником куда раньше, чем я сумел успокоиться.

Повешенный тоже пропустил развлечение. Он был очень занят, потому что умирал — из его черепа торчал брошенный Твердецом меч. К Повешенному уже направлялись Душелов и Зовущая.

Меняющий к тому времени завершил превращение в огромное, лоснящееся, вонючее, жирное и голое существо, которое, хотя и стояло на задних ногах, почему-то меньше напоминало человека, чем недавно изображаемое Взятым животное. Он пнул останки Твердеца и радостно квакнул, словно его смертельный трюк был лучшей шуткой века.

И тут он заметил Повешенного. Жирная туша содрогнулась, и он заторопился к остальным Взятым, с пеной у рта изрыгая что-то неразборчивое.

Повешенный вырвал меч из своего черепа и попытался что-то сказать, но безуспешно. Зовущая и Душелов и пальцем не шевельнули, чтобы ему помочь.

Я опустился на колени и проверил у Ворона пульс, потом взглянул на Зовущую. Какая же она крошечная — не выше ребенка. И как в такой маленькой оболочке может таиться столь жуткий гнев?

Меняющий побрел по лужайке, на его поникших плечах под слоем жира гневно бугрились мускулы. Подойдя вплотную к Душелову и Зовущей, он остановился и обшарил их лица напряженным взглядом. Не было произнесено ни единого слова, но

судьба Повешенного, кажется, была решена. Меняющий хотел ему помочь. Остальные — нет.

Странно. Меняющий — союзник Душелова. Откуда этот внезапный конфликт?

Откуда это смелое пренебрежение гневом Госпожи? Она не обрадуется, если Повешенный умрет.

Когда я коснулся артерии на шее Ворона, пульс был неровным, но постепенно наполнялся. Я облегченно вздохнул.

Солдаты Зовущей подошли к Взятым, поглядывая на широченную спину Меняющего.

Душелов и Зовущая переглянулись. Женщина кивнула. Душелов завертелся волчком. Прорези на его маске вспыхнули красным цветом лавы.

И внезапно Душелов исчез. Там, где он находился, появилось облако мрака высотой в десять футов и шириной в двенадцать, черное как внутренность угольного мешка и плотнее самого густого тумана. Облако метнулось вперед быстрее броска гадюки. Послышался удивленный мышиный писк, и наступила зловещая, долгая тишина. После рева и лязга она показалась мне смертельно многозначительной.

Я яростно потряс Ворона, но он не очнулся.

Меняющий и Зовущая стояли возле Повешенного, пристально глядя на меня. Мне хотелось завопить, убежать, зарыться в землю. Я внезапно стал волшебником, способным прочитать их мысли. Я слишком много знал.

Я застыл от ужаса.

Угольно-черное облако исчезло столь же быстро, как и возникло. Душелов стоял между солдатами. Оба падали с величественной неторопливостью срубленной вековой сосны.

Я принялся лупить Ворона. Он застонал, его веки приподнялись, и я заметил расширенные зрачки. Сотрясение. Проклятье!..

Душелов взглянул на сообщников по преступлению, потом медленно повернулся ко мне.

Трое Взятых приблизились. За их спинами умирал Повешенный, причем делал это весьма шумно. Но я его не слышал. Я встал на подгибающиеся ноги и посмотрел в лицо своей судьбе.

«Мне не положено так по-дурацки умирать,— подумал я.— Это неправильно...»

Все трое стояли и смотрели на меня.

А я смотрел на них. Ничего другого мне не оставалось.

Храбрый Костоправ. У тебя, по крайней мере, хватило духу, чтобы взглянуть смерти в глаза.

— Ты ведь ничего не видел, верно? — негромко спросил Душелов. Вдоль моего позвоночника пробежались холодные ящерицы. Это был голос одного из мертвых солдат, рубивших Твердеца.

Я покачал головой.

— Ты был слишком занят, сражаясь с Твердецом, а потом ты занимался Вороном.

Я слабо кивнул. Колени превратились в желе, иначе я рванул бы прочь без оглядки, хотя и совершил бы при этом откровенную глупость.

— Уложи Ворона на ковер Зовущей,— велел Душелов.

Подталкивая, бурча и упрашивая, я помог Ворону встать и добраться до ковра. Он не имел ни малейшего представления о том, где находится и что делает, но позволил мне отвести его куда следует.

Я встревожился. Явных ран я на нем отыскать не мог, но все же он вел себя очень странно.

— Отвезите его сразу в мой госпиталь,— сказал я Зовущей. Я не осмелился посмотреть Взятой в глаза и не смог произнести слова с нужной твердостью, поэтому они прозвучали как мольба.

Душелов поманил меня к своему ковру. Я пошел, переставляя ноги с энтузиазмом барана, приближающегося к мяснику. Откуда мне знать, вдруг он играет со мной. Если я упаду с ковра, это навсегда избавит Взятого от всяких сомнений в моем умении держать язык за зубами.

Он подошел к ковру вслед за мной, бросил на него свой окровавленный меч и уселся. Ковер поднялся и медленно полетел к Лестнице.

Я обернулся и взглянул на лежащие внизу неподвижные фигуры, снедаемый подспудным стыдом. Как все получилось несправедливо... Но все же, что я мог поделать?

Что-то золотистое, напоминающее бледную туманность на полночном небе, шевельнулось в тени, отбрасываемой одной из каменных башен.

У меня едва не остановилось сердце.

Капитан заманил обезглавленную и все более деморализующуюся армию мятежников в ловушку. Началась мясорубка, и лишь малая численность и крайняя измотанность солдат не позволила Отряду сбросить противника с перевала. Не помогло и благодушество Взятых. Один свежий батальон или один удар магии могли бы принести нам в тот день победу.

Я ухаживал за Вороном уже в пути, уложив его в последний фургон, покативший на юг. Он будет приходить в себя еще несколько дней. Само собой, на меня легли заботы и о Душечке, но я не жаловался — один ее вид прекрасно разгонял тоску очередного отступления.

Быть может, именно этим она вознаграждала Ворона за его великодушие.

— Это наш последний отход,— пообещал Капитан. Он-то не назовет его отступлением, но ведь он и не штабная крыса, у которой хватает наглости называть отступление «наступлением в противоположном направлении» или «перегруппировкой в тыл». Правда, Капитан не упомянул и тот факт, что любой следующий отход произойдет уже после конца войны. Дата падения Чар станет датой смерти империи Госпожи. И она же, по всей вероятности, станет последней датой в Анналах, подведя черту под историей Отряда.

«Покойся в мире, последнее из солдатских братств. Ты было для меня домом и семьей».

Теперь до нас дошли новости, которые придерживали, пока мы сражались на Лестнице Слёз. Несколько армий мятежников наступают с севера, продвигаясь чуть западнее маршрута нашего отступления. Перечень захваченных городов оказался длинным и удручающим даже со скидкой на допущенные осве-

домителями преувеличения. Потерпевшие поражение солдаты всегда преувеличивают силу противника — это убаюкивает их самолюбие, заподозрившее собственную ущербность.

Шагая рядом с Ильмо вниз по длинному и пологому южному склону перевала в сторону плодородных фермерских земель севернее Чар, я сказал ему:

— Когда-нибудь, если ты увидишь, что поблизости нет Взятых, попробуй намекнуть Капитану, что было бы очень мудро понемногу начать разделять понятия «Отряд» и «Душелов».

Он как-то странно взглянул на меня. В последнее время многие старые товарищи поглядывают на меня именно так. После смерти Твердеца я стал раздражителен, мрачен и неразговорчив. Впрочем, я и в лучшие времена не считался душой веселой компании. А сейчас мою душу придавливала тяжесть. Я даже отказал себе в обычной отдушине и почти перестал вести Анналы из страха, что Душелов каким-то образом узнает, что именно я там написал.

— И вообще было бы лучше, если бы столь тесной связи никогда и не было,— добавил я.

— Но что же там произошло? — Все в Отряде знали только голые факты — Твердец убит, Повешенный погиб. Из всех солдат уцелели только я и Ворон. Но каждого мучила неутолимая жажда подробностей.

— Я ничего не могу рассказать. Но все же передай ему мои слова. Когда рядом не будет Взятых.

Ильмо что-то прикинул в уме и пришел к довольно точному заключению.

— Хорошо, Костоправ. Скажу. Побереги себя.

Обязательно поберегу. Если позволит судьба.

В тот же день мы получили известия о новых победах на востоке. Опорные пункты мятежников уничтожались один за другим с той же скоростью, какую могла развить имперская армия на марше.

И в этот же день мы узнали, что все четыре северные и западные армии мятежников остановились для отдыха, пополнения и подготовки к наступлению на Чары. Ничто уже не стояло между ними и Башней. Ничто, кроме Черного Отряда и прибившихся к нему солдат, уже познавших горечь поражений.

По небу ползла крупная комета, зловещий символ всех наших неудач.

Конец был близок.

А пока мы отступали, и уже близилась последняя встреча с судьбой.

Я должен записать последнюю подробность, связанную со смертью Твердеца. Когда мы находились в трех днях пути к северу от Башни, мне приснился еще один сон наподобие того, что измучил меня на вершине перевала. И золотистое существо из сна, который мог быть вовсе и не сном, пообещало мне: «Моему верному нечего опасаться». Мне вновь позволили на мгновение увидеть восхитительное лицо, от красоты которого замирало сердце. Потом оно исчезло, и вернулся страх — столь же сильный, как и прежде.

Проходили дни. Оставались за спиной мили. Над горизонтом показался огромный уродливый блок Башни. А на ночном небе все ярче разгоралась комета.

Глава шестая
Госпожа

Земля медленно становилась серебристо-зеленой. Рассвет разбрасывал по окольцованному стенами городу алые перья. Золотые искорки веснушками усеивали городские укрепления в тех местах, где солнце касалось росы. Туман начал стекаться в низины. Протрубили утреннюю смену часовых.

Лейтенант козырьком приставил к глазам ладонь и прищурился. Хмыкнув с отвращением, он взглянул на Одноглазого. Чернокожий коротышка кивнул.

— Пора, Гоблин,— бросил Лейтенант через плечо.

В лесу зашевелились люди. Гоблин опустился на колени рядом со мной и выглянул из кустов. Он и еще четверо переоделись бедными горожанками и обмотали головы шалями. Каждый держал деревянный шест со свисающим на конце глиняным кувшином, замаскировав оружие под одеждой.

— Идите. Ворота открыты,— сказал Лейтенант. Пятеро зашагали вниз по склону холма, держась опушки леса.

— Будь я проклят, но как все-таки здорово вновь заняться такими штучками,— сказал я.

Лейтенант улыбнулся. С того дня, как мы покинули Берилл, он улыбался очень редко.

Пять фальшивых женщин, маскируясь в тени, приближались к ручью возле ведущей в город дороги. Несколько городских женщин уже шли туда же набрать воды.

К воротам мы рассчитывали подобраться без особых хлопот. Город был переполнен незнакомцами, беглецами и маркитантами мятежников, гарнизон невелик и службу нес спустя рукава. У мятежников не было причин предполагать, что Госпожа нанесет удар так далеко от Чар. Городок не имел никакого военного значения.

Кроме одного. В нем находились двое из Восемнадцати, посвященные в тайны стратегии мятежников.

Три дня мы таились в этих лесах и наблюдали. Перо и Странник, недавно ставшие членами Круга, проводили здесь медовый месяц, после чего должны были отправиться на юг и присоединиться к наступающим на Чары.

Три дня. Трое суток без костров в холодные ночи и горячей пищи. Три дня прозябания. И все же уже несколько лет у нас не было такого бодрого настроения.

— Думаю, мы сцапаем их тепленькими,— высказался я.

Лейтенант подал знак. Несколько человек отправились следом за фальшивыми старухами.

— Кто бы ни придумал этот план, он знал, что делает,— заметил Одноглазый. Он тоже был возбужден.

Как и мы все. У нас появился шанс показать, что нам удается лучше всего. Пятьдесят дней мы провели за грубой физической работой, подготавливая Чары к нападению мятежников, а пятьдесят ночей мучились, представляя будущую битву.

Еще пять человек направились к ручью.

— Из ворот выходит группа женщин,— сообщил Одноглазый. Напряжение нарастало.

Женщины гуськом направились к ручью. Это паломничество не прекратится весь день, если мы его не прервем. Внутри городских стен нет источника воды.

В желудке у меня внезапно потяжелело — наши лазутчики уже поднимались вверх по склону, направляясь к воротам.

— Всем быть наготове,— приказал Лейтенант.

— Лучше разомните мышцы,— посоветовал я. Физические упражнения помогают рассеять нервную энергию.

Сколько бы лет ты ни тянул солдатскую лямку, близость сражения всякий раз порождает страх. Эту заразу обязательно подхватывают многие. Зато Одноглазый всегда выходит на дело, сперва убедившись, что судьба вычеркнула его имя из своего списка.

Лазутчики поздоровались с горожанками писклявыми женскими голосами. К воротам они подошли без приключений — маскарад сработал. Стражником оказался башмачник из городской милиции, деловито вгонявший бронзовые гвозди в подошву сапога. Его алебарда стояла у стены в нескольких футах поодаль.

Вскоре из ворот вышел Гоблин и хлопнул над головой в ладоши. Хлопок разнесся по всей округе. Не удовлетворившись, Гоблин развел руки на уровне плеч ладонями вверх, и над его головой дугой вспыхнула радуга.

— Вечно он выпендривается,— пробурчал Одноглазый.

Гоблин сплясал джигу.

Мы выскочили из леса и бросились вперед. Женщины у ручья с визгом разбежались. «На стадо овец напали волки»,— подумал я. Мы мчались во весь дух. Мешок за спиной колотил меня по почкам. Ярдов через двести я перешел на шаг, опираясь на собственный лук. Меня обогнали парни помоложе.

Когда я добрался до ворот, сил у меня не хватило бы и на щелбан старухе. На мое счастье, все старухи успели разбежаться. Наши люди пронеслись через весь город, не встретив сопротивления.

Те, кому предстояло захватить Странника и Перо, торопливо зашагали к крошечной городской цитадели. Ее охраняли не лучше, чем ворота. Мы с Лейтенантом вошли в нее следом за Одноглазым, Молчуном и Гоблином.

На нижних этажах никто не преградил нам путь. К нашему изумлению, новобрачные все еще посапывали в своих покоях на верхнем этаже. Охранников у двери Одноглазый спугнул

какой-то жуткой иллюзией, а Гоблин и Молчун вышибли дверь любовного гнездышка.

Мы ворвались внутрь. Даже сонные, ошарашенные и испуганные, молодожены оказались не сопляками и успели наставить нам фингалов и синяков, пока не успокоились со связанными руками и кляпами во рту.

— Нам приказано привезти вас живыми,— сообщил им Лейтенант.— Но это не означает, что нам запретили вас трогать. Ведите себя спокойно, выполняйте наши приказы — и останетесь целыми и невредимыми.

Я даже ожидал, что сейчас он оскалит зубы, подкрутит кончики усов и разразится зловещим хохотом. Он и так прикидывался, поддерживая репутацию злодея, навешенную на Отряд мятежниками.

Но Странник и Перо наверняка доставят нам столько неприятностей, сколько сумеют. Они прекрасно понимают, что Госпожа послала нас не для того, чтобы пригласить их на чашку чая.

На полпути к своей территории. Лежим на животе на вершине холма, разглядывая вражеский лагерь.

— Большой,— сказал я.— Тысяч двадцать пять, а то и тридцать.

Это был один из шести лагерей, растянувшихся по дуге к северо-западу от Чар.

— Если они и дальше станут протирать штаны, им крышка,— заметил Лейтенант.

Им следовало бы атаковать немедленно после сражения на Лестнице Слёз. Но потеря Твердеца, Робкого, Мотылька и Медлительного вызвала грызню среди офицеров, рвущихся в старшие командиры. Наступление мятежников затормозилось. Госпожа восстановила равновесие сил.

Теперь ее отряды, производящие разведку боем, вырезали фуражиров врага, казнили коллаборационистов, уточняли расположение вражеских позиций и уничтожали все, что могло пригодиться противнику. И мятежники, имея огромный численный перевес, постепенно начали переходить к обороне. Каждый новый день в лагере психологически их опустошал.

Два месяца назад наш боевой дух упал ниже змеиной задницы, но теперь он поднимался все выше и выше. Если нам удастся вернуться, он и вовсе воспарит в небеса. Наша вылазка нанесет мятежникам ошеломляющий удар.

Если нам удастся вернуться.

Мы лежали неподвижно на крутом известняковом склоне, поросшем лишайниками и усыпанном опавшими листьями. Журчащий внизу ручей посмеивался над нашими затруднениями. Тени голых деревьев прикрывали нас узорчатой паутиной, а простенькие заклинания Одноглазого со товарищи маскировали дополнительно. Моих ноздрей коснулся запах страха и лошадиного пота. С дороги наверху донеслись голоса вражеских кавалеристов. Я не знал их языка, но они о чем-то спорили.

Дорога, засыпанная листьями и веточками, казалась заброшенной. Усталость взяла верх над осторожностью, и мы решили пройтись по дороге. Но внезапно, за очередным поворотом, увидели патруль мятежников на лугу в долине, куда тек ручей, что журчал сейчас у нас за спиной.

Мятежники проклинали наше исчезновение. Несколько солдат спешились и мочились с обрыва.

И тут Перо задергалась.

«Проклятье! — мысленно завопил я.— Проклятье! Так я и знал!»

Мятежники насторожились и встали цепочкой вдоль обрыва.

Я ударил женщину по макушке. Одноглазый оглушил ее с другой стороны. Быстро соображающий Молчун опутал ее магическими путами, проворно изобразив пальцами перед грудью нечто вроде переплетающихся щупалец.

Зашуршал безлистный куст. Толстый старый барсук вперевалочку спустился по склону, перебрался через ручей и скрылся среди тесно стоящих тополей на другом берегу.

Мятежники с руганью швырнули ему вслед несколько камней. Те застучали, отскакивая от лежащих в ручье валунов. Солдаты топтались на дороге, убеждая друг друга, что мы где-то поблизости и не могли уйти далеко пешком. Логика способна перевесить любые усилия наших колдунов.

Меня одолел один из худших видов страха, от которого подгибаются колени, трясутся руки и слабеет прямая кишка. Страх упорно нарастал, отыскивая многочисленные лазейки в моей душе. А вера в приметы упорно твердила, что нам и так слишком долго везло.

Что толку в недавнем подъеме боевого духа? Со страхом не поспоришь, а он обнажил истину — все это лишь иллюзия. Под ее налетом скрывалось пораженчество, спустившееся вместе с нами с Лестницы Слёз. Моя война закончилась, и я ее проиграл. Мне хотелось лишь одного — бежать.

Странник тоже решил было доставить нам неприятности, но, нарвавшись на мой яростный взгляд, затих.

Сухие листья завертел ветерок. Он охладил выступивший на теле пот, и страх немного ослабел.

Патрульные забрались в седла и, все еще досадливо бранясь, поехали назад. Я наблюдал за ними, когда они появились в том месте, где дорога сворачивает на восток от каньона. Поверх добротных кольчуг они носили ярко-красные плащи, а шлемы и оружие оказались превосходного качества. Мятежники явно богатели — начинали они на уровне грабителей с большой дороги, вооруженных дубинами и топорами.

— А ведь мы могли их и прикончить,— произнес кто-то.

— Болван! — фыркнул в ответ Лейтенант.— Сейчас они даже не поняли, кого увидели. А если бы мы полезли в драку, то они узнали бы это наверняка.

Нам вовсе не нужно, чтобы мятежники устроили на нас облаву так близко от дома. Здесь попросту нет места для маневра.

Солдат, сморозивший глупость, был одним из тех, кто прибился к Отряду во время долгого отступления.

— Послушай, брат, если хочешь оставаться с нами, то заруби себе кое-что на носу. Сражаться надо лишь тогда, когда другого выхода нет. Сам знаешь, в драке может достаться и кому-то из нас.

Солдат что-то буркнул.

— Так, патруля не видно,— сказал Лейтенант.— Пошли.

Он сориентировался и повел нас в направлении щербатых гор, видневшихся за лугом. Я застонал — опять топать по холмам и камням.

Каждый мой мускул давно протестующе ныл. Я настолько выдохся, что готов был в любой момент рухнуть. В конце концов, человек рождается не для того, чтобы с рассвета до заката тащить на спине шестьдесят фунтов.

— А ты тогда быстро сообразил,— сделал я комплимент Молчуну. Он выслушал его, пожал плечами и промолчал. Как всегда.

— Они возвращаются,— крикнул кто-то сзади.

Мы распростерлись на склоне поросшего травой холма. Далеко на юге из-за горизонта торчала Башня. Этот базальтовый куб выглядел устрашающе даже с расстояния в десять миль и никак не вписывался в окружающий его ландшафт. Невольно хотелось видеть вокруг него бесплодную пустыню или, в лучшем случае, местность, скованную вечной зимой. А на самом деле Башню окружал зеленый пасторальный простор, где на южных склонах невысоких холмов виднелись небольшие фермы. Между холмами петляли глубокие медлительные реки, окаймленные деревьями.

Ближе к Башне эта идиллия нарушалась, но и там местность была далеко не так мрачна, как расписывали пропагандисты мятежников. Никакой серы и голой, изъеденной оврагами равнины, равно как и отвратительных и злобных существ, обгладывающих человеческие кости, там не было. Не имелось даже громыхающих черных туч, вечно кружащих в небе.

— Патрулей не видно,— сказал Лейтенант.— Костоправ, Одноглазый — займитесь делом.

Я натянул на лук тетиву. Гоблин принес три заранее приготовленных стрелы, каждая с голубым шаром вместо наконечника. Одноглазый присыпал один из шаров серым порошком и передал стрелу мне. Я прицелился в солнце и выпустил ее.

Над долиной вспыхнул и повис голубой огненный шар — такой яркий, что глаза отказывались на него смотреть,— следом второй и третий. Шары выстроились аккуратной колонной, скорее дрейфуя вниз, чем падая.

— Теперь будем ждать,— пискнул Гоблин и плюхнулся в высокую траву.

— И надеяться, что друзья опередят врагов.

Любой оказавшийся поблизости мятежник наверняка станет вынюхивать, кто здесь сигналит. И все же нам пришлось взывать о помощи. Нам не удалось бы перебраться за вражеские кордоны незамеченными.

— Всем лечь! — рявкнул Лейтенант.— Третий взвод, в дозор.

Солдаты заворчали, утверждая, что сейчас очередь другого взвода, но этим их протесты и ограничились. Все пребывали в прекрасном настроении — разве мы не сбили со своего следа тех идиотов-кавалеристов? Что может остановить нас сейчас?

Я приспособил свой мешок вместо подушки и стал любоваться кучевыми облаками, могучими легионами дрейфующими в небе. День был чудесный, воздух свеж и чист, как весной.

Мой взгляд коснулся Башни, и настроение сразу испортилось. Теперь ход событий наберет скорость. Захват Пера и Странника подтолкнет мятежников к действиям. Эти двое выдадут все их секреты — когда Госпожа задает вопросы, уклониться или солгать невозможно.

Я услышал шорох, повернул голову и увидел перед носом змею с человеческим лицом. Я едва не заорал, но вовремя узнал эту дурацкую ухмылку.

Одноглазый. Это его уродливая рожа в миниатюре, только с двумя глазами и без расплющенной шляпы на макушке. Змея хихикнула, подмигнула и поползла через мою грудь.

— Опять начинается,— пробормотал я и сел, чтобы было лучше видно.

Высокая трава внезапно громко зашелестела. Поодаль показалась голова Гоблина с идиотской ухмылкой на физиономии. Из шуршащей травы выскочили зверьки размером с кролика и шмыгнули мимо меня, сжимая окровавленными зубками кусочки змеи. Самодельные мангусты, догадался я.

Гоблин вновь предугадал, что затеет Одноглазый.

Одноглазый испустил вопль и, отчаянно бранясь, высоко подпрыгнул. Шляпа его слетела, из ноздрей валил дым. Когда он заорал, изо рта с ревом вырвалось пламя.

Гоблин подпрыгивал и дурачился, напоминая людоеда, которого вот-вот угостят только что поджаренной человечиной. Боль-

шие пальцы его рук описали круги. В воздухе замерцали бледно-оранжевые кольца, которые он щелчком направил в сторону Одноглазого. Кольца нанизались на черного коротышку и стали сжиматься. Гоблин по-тюленьи зарявкал.

Одноглазый заверещал и уничтожил кольца, потом изобразил руками метательные движения. В Гоблина полетела цепочка коричневых шаров. Они взорвались облаком бабочек, которые облепили Гоблину глаза. Тот отпрянул, укрылся в траве, словно мышь, спасающаяся от совы, отполз в сторону и вскочил, выпустив ответное заклинание.

Воздух наполнился цветами. У каждого цветка имелся рот с длинными клыками, как у моржа. Цветки нанизывали бабочек на клыки и сосредоточенно пережевывали тельца. Гоблин так расхохотался, что свалился в траву.

В ответ Одноглазый в буквальном смысле изрыгнул ругательства: из его рта вырвалось длиннющее небесно-голубое полотнище, на котором серебряными буквами было высказано его мнение о Гоблине.

— А ну, прикрывайте балаган! — раздраженно громыхнул Лейтенант.— Нечего привлекать к нам внимание.

— Слишком поздно, Лейтенант,— заметил кто-то.— Посмотри-ка туда.

В нашу сторону направлялись солдаты в красной форме с вышитыми на плащах эмблемами Белой Розы. Мы рухнули в траву, словно суслики, ныряющие в норки.

Впрочем, суслики из нас получились разговорчивые. Большинство отводило душу, изобретая для Одноглазого жуткие варианты его ближайшего будущего, а меньшинство заодно проклинало и Гоблина за предательский фейерверк.

Послышался звук горна. Мятежники развернулись перед атакой на наш холм.

Взревел раздираемый воздух. Над вершиной холма пронеслась тень, срывая воздушным потоком траву и расшвыривая ошметки в стороны.

— Взятый,— пробормотал я и, высунув на мгновение голову, увидел несущийся над долиной летающий ковер. Душелов?

Поди разбери с такого расстояния. Это мог быть любой из Взятых.

Ковер спикировал навстречу потоку стрел. Его окутал молочно-белый туман, тут же вытянувшийся хвостом. На мгновение ковер стал напоминать комету. Облако тумана разделилось на клочки, напоминающие тканые лоскутки. Несколько таких лоскутков, подхваченные ветром, поплыли в нашу сторону.

Я взглянул вверх. Над горизонтом, словно призрак божественного серпа, висела комета. Она уже так долго торчала на небе, что мы почти перестали обращать на нее внимание. Интересно, а мятежники тоже к ней теперь равнодушны? Ведь для них она — один из великих предвестников грядущей победы.

Послышался вопль. Ковер успел пролететь над атакующей линией мятежников и теперь завис, медленно дрейфуя, чуть выше дальности полета стрелы. Белые лоскуты расползлись на едва заметные нити, а вопили вражеские солдаты, которых они коснулись. На месте контакта мгновенно возникали уродливые зеленые раны.

А некоторые из нитей целеустремленно двигались в нашу сторону. Это не укрылось от Лейтенанта.

— А ну-ка, парни, перейдем в другое место. На всякий случай.

Он прикинул направление ветра и показал, куда нужно переместиться. Теперь нитям, чтобы добраться до нас, придется лететь перпендикулярно ветру.

Мы торопливо отмахали ярдов триста, но нити, извиваясь, упрямо ползли в нашу сторону. Сомнений не осталось. Взятый на ковре пристально наблюдал за нитями, позабыв о мятежниках.

— Эта сволочь хочет нас прикончить! — взорвался я. Ужас превратил мои ноги в желатин. Но почему кому-то из Взятых захотелось, чтобы мы стали жертвой несчастного случая?

И если это *действительно* Душелов... Но ведь он — наш ментор, наш босс. Он не станет...

Неожиданно ковер так резко набрал скорость, что его владелец едва не опрокинулся на спину. Рванувшись в сторону ближайшего леса, он скрылся с глаз. Смертоносные нити, предоставленные сами себе, медленно опустились и исчезли в траве.

— Что за дьявольщина!

— Святой ад!

Я резко обернулся. В нашу сторону двигалась огромная, все расползающаяся тень — снижался гигантский ковер. Чьи-то лица выглядывали через его края. Мы замерли, ощетинившись оружием.

— Это Ревун,— сказал я.

Мою догадку тут же подтвердил вой, словно волк бросал луне вызов. Ковер приземлился.

— Залезайте, идиоты. Быстрее. Пошевеливайтесь.

Я рассмеялся. Напряженное тело медленно расслаблялось. Это был Капитан. Он встревоженным медведем нетерпеливо приплясывал на краю ковра, на котором я увидел еще нескольких братьев. Я забросил на ковер свой мешок и ухватился за протянутую руку, забираясь следом.

— Ворон. На сей раз вы успели в последний момент.

— Я бы на твоем месте предпочел обойтись собственными силами.

— Что?

— Капитан тебе все скажет.

Последний из наших уже забирался на ковер. Капитан угрюмо взглянул на Перо и Странника и занялся нами, равномерно распределяя новичков по всей площади ковра. У дальнего края ковра, неподвижный и скорченный, сидел кто-то ростом с ребенка, закутавшись в несколько слоев индиго-синей полупрозрачной ткани.

Я вздрогнул:

— Ты о чем говоришь?

— Капитан тебе все скажет,— повторил Ворон.

— Конечно. Как Душечка?

— У нее все хорошо.— Да, Ворон у нас просто кладезь красноречия.

Рядом со мной уселся Капитан.

— Скверные новости, Костоправ.

— Да ну? — Я отыскал в себе остатки припрятанного сарказма.— Тогда выкладывай прямым текстом. Переживу.

— Крепкий парень,— заметил Ворон.

— Ты прав, я такой. Ем гвозди на завтрак. И голыми руками раздираю на части диких кошек.

Капитан покачал головой:

— Побереги свое чувство юмора. Тебя желает увидеть Госпожа. Лично.

Мой желудок провалился до земли, то есть на пару сотен футов.

— Вот хрень,— прошептал я.— Проклятье!

— Вот-вот.

— Но что я такого сделал?

— Тебе лучше знать.

Мои мысли заметались, словно мыши, разбегающиеся от кота. Через несколько секунд я стал мокрым от пота.

— Впрочем, все не так плохо, как выглядит,— заметил Ворон.— Она была почти вежливой.

— То была просьба,— кивнул Капитан.

— Еще бы.

— Если бы у нее был на тебя зуб, ты бы попросту исчез,— попробовал утешить меня Ворон. Ему это не удалось.

— Уж больно много романсов ты про нее написал,— подколол меня Капитан.— Теперь и она в тебя влюбилась.

Вот поганцы, они никогда этого не забудут. А ведь уже несколько месяцев прошло с того дня, когда я написал последний.

— А что ей от меня, собственно, нужно?

— Она не сказала.

Почти весь оставшийся путь они молчали, просто сидели рядом и старались подбодрить меня традиционной отрядной солидарностью. Впрочем, когда мы подлетали к нашему лагерю, Капитан сообщил:

— Она велела увеличить Отряд до тысячи человек. Мы можем принять к себе добровольцев из числа солдат, которые прибились к нам на севере.

— Хорошие новости, очень хорошие.

Это и в самом деле был повод для торжества. Наши ряды впервые за два последних столетия увеличатся. Очень многие с радостью и нетерпением сменят клятву Взятому на клятву Отряду. Мы были в фаворе, и еще каком. К тому же, будучи наемниками, мы имели больше свободы действий, чем кто-либо на службе у Госпожи.

Впрочем, я не мог порадоваться вместе с братьями. Какая может быть радость, если тебя ждет Госпожа.

Ковер приземлился. Его тут же окружили собратья — всем не терпелось узнать, как мы справились с делом. В обе стороны густо посыпались брехня и шутливые угрозы.

— Ты, Костоправ, пока оставайся на ковре,— велел Капитан.— Гоблин, Молчун и Одноглазый — тоже. Доставите товар заказчику.— Он показал на пленников.

Когда прилетевшие слезли с ковра, из толпы встречающих вприпрыжку выбежала Душечка. Ворон прикрикнул на нее, но девочка, разумеется, его не услышала. Она вскарабкалась на ковер, не выпуская из рук вырезанной Вороном куклы. Теперь на кукле красовалась одежда, поражающая тонкостью отделки мельчайших деталей. Душечка вручила мне куклу и проворно заработала пальцами.

Ворон вновь на нее прикрикнул. Я попытался остановить девочку, но она увлеченно рассказывала мне о чудесном кукольном наряде. Кое-кто мог бы принять ее за умственно отсталую, раз в таком возрасте ее еще приводила в восторг кукольная одежда. Совсем наоборот — Душечка была поразительно умна и прекрасно знала, что делает, забираясь на ковер. Ей не хотелось упускать возможности прокатиться.

— Послушай, милочка,— сказал я одновременно жестами и вслух.— Тебе надо слезать. Мы сейчас...

Ревун поднял ковер в воздух, и Ворон яростно завопил. Одноглазый, Гоблин и Молчун дружно уставились на Взятого. Ревун вновь завыл. Ковер поднимался все выше.

— Сядь,— сказал я Душечке. Она уселась неподалеку от Пера. Про куклу она успела позабыть и теперь хотела узнать о наших приключениях.

Я стал рассказывать — это помогло мне отвлечься. Душечка больше времени поглядывала через край ковра, чем на мои пальцы, но тем не менее ничего не упустила, и когда я закончил, с какой-то взрослой жалостью посмотрела на Перо и Странника. Моя предстоящая встреча с Госпожой нисколько ее не встревожила, но все же она меня ободряюще обняла.

Ковер Ревуна медленно отплывал от вершины Башни. Я вяло помахал своим на прощание. Душечка послала мне воздушный поцелуй. Гоблин постучал себя по груди. Я коснулся амулета, который он дал мне в Лордах. Слабое утешение.

Имперские гвардейцы привязали Перо и Странника к носилкам.

— А что делать мне? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Тебе следует ждать здесь,— ответил мне капитан-гвардеец. Он остался, когда его гвардейцы ушли, и попробовал отвлечь меня разговором, но у меня не было настроения болтать о пустяках.

Я подошел к краю площадки на вершине Башни и стал разглядывать гигантскую стройку, в которой участвовали армии Госпожи.

Во времена строительства Башни сюда доставили множество базальтовых заготовок. Им на месте придавали нужную форму, затем складывали из них стены и сплавляли, превращая в гигантский каменный куб. Всевозможные осколки, отходы, разбитые при формовании блоки, забракованные заготовки и прочее хаотично разбросали вокруг Башни, получив защитный пояс в милю шириной и куда более эффективный, чем любой ров.

На севере, однако, углубленный участок в форме отрезанного от круглого пирога ломтя оставили свободным от камней, превратив в единственный наземный подход к Башне. На этой дуге войска Госпожи готовились отразить нападение мятежников.

Никто из тех, что копошился сейчас внизу, не верил, что его труд повлияет на исход сражения. В небе висела комета. Но все работали, потому что работа подавляла страх.

Расчищенный сектор повышался по краям, соприкасаясь с каменной мешаниной. Его широкий конец опоясывал бревенчатый палисад, за которым располагались наши лагеря. За ними располагался ров глубиной и шириной в тридцать футов, на сто ярдов ближе к Башне — второй такой же ров, а еще на сто ярдов ближе — третий. Его еще копали.

Вынутую землю переносили к Башне и высыпали за бревенчатым частоколом высотой в двенадцать футов, перегоражи-

вающим сектор от края до края. С этого возвышения катапульты будут швырять снаряды во врага, атакующего нашу пехоту.

Еще на сотню ярдов ближе к Башне располагался второй такой же частокол, обеспечивая дополнительные два фатома высоты для катапульт. Госпожа намеревалась разделить свои силы на три отдельные армии, по одной на каждом ярусе, и вынудить мятежников принять три последовательные битвы вместо одной.

И, наконец, в полусотне ярдов от второго частокола росла земляная пирамида. Ее склоны поднимались под углом около тридцати пяти градусов, а высота уже достигла семидесяти футов.

Вся увиденная мной картина отличалась навязчивой аккуратностью. Равнина перед Башней, кое-где срытая на несколько футов, была гладко выровнена, точно столешница, и засеяна травой. Наши животные, постоянно объедая траву, сделали ее похожей на тщательно подстриженную лужайку. Повсюду тянулись вымощенные каменными плитами дорожки, и горе тому, кто сошел бы с дорожки без приказа.

На среднем ярусе я увидел лучников, пристреливающих луки на участке от яруса до ближайшего рва. Пока они стреляли, офицеры перемещали подставки со стрелами в самое удобное для лучников положение.

Ярусом выше гвардейцы копошились вокруг баллист, рассчитывая секторы обстрела и выживаемость, а заодно определяя точность стрельбы по отдаленным целям. Возле каждого орудия стояли повозки с боеприпасами.

Так же как трава и мощеные дорожки, все эти приготовления выдавали навязчивое стремление к порядку.

А на нижнем ярусе работяги начали для чего-то разрушать короткие участки стены. Ерунда какая-то.

Я заметил приближающийся ковер и обернулся. Ковер сел на крышу, с него на подкашивающихся ногах сошли четыре застывших от напряжения солдата с обветрившимися в полете лицами. Их тут же увел капрал.

Наши восточные армии совершали марш к Башне, надеясь успеть до начала вражеской атаки и прекрасно понимая, что эта задача практически невыполнима. Взятые день и ночь не слезали с ковров, перевозя к Башне как можно больше людей.

Снизу послышались крики. Я обернулся... Выбросил вперед руку. Трах! Удар отшвырнул меня на несколько футов и завертел волчком. Капитан-гвардеец что-то завопил. Я упал лицом вниз. Ко мне побежали солдаты.

Я перекатился на спину, попытался сесть и поскользнулся в луже крови. Кровь! Моя кровь! Она хлестала из раны на внутренней стороне левого предплечья. Я уставился на рану с тупым изумлением. Что за дьявольщина?

— Ложись,— приказал капитан.— Да ложись же.— Он уложил меня чуть ли не насильно.— А теперь быстро говори, что нужно сделать.

— Жгут,— прохрипел я.— Стяни чем-нибудь рану. Останови кровь.

Капитан сорвал с себя пояс. Быстро сообразил. Прекрасный получится жгут. Я попытался сесть, чтобы советовать ему по ходу дела.

— Не давайте ему подниматься,— бросил капитан стоявшим рядом солдатам.— Что там произошло, Фостер?

— С верхнего уступа свалилось орудие и выстрелило на лету. Внизу сейчас суетятся, как цыплята.

— Это произошло не случайно,— выдохнул я.— Кто-то хотел меня убить.— Начав терять сознание, я смог вспомнить лишь извивающиеся на ветру белые нити.— Почему?

— Скажи мне, и мы оба будем это знать, дружище. Эй, вы! Тащите сюда носилки.— Он потуже затянул пояс.— Все будет в порядке, приятель. Через минуту будешь у лекаря.

— Повреждена артерия,— сказал я.— Тяжелый случай.— В ушах у меня зашумело. Мир начал медленно вращаться и холодеть. Шок. Сколько крови я уже потерял? Капитан действовал достаточно быстро. Времени хватает. И если лекарь не окажется мясником...

Капитан схватил за руку какого-то капрала:

— Иди и выясни внизу, что там произошло. И запомни: мне нужен ясный ответ, а не чушь.

Подоспели носилки. Меня подняли, уложили, и я отключился.

Очнулся я в небольшой палатке хирурга, который показался мне столь же умелым волшебником, как и врачом.

— Сработано лучше, чем сделал бы я сам,— признал я, когда он закончил.

— Болит?

— Нет.

— Вскоре начнет очень сильно болеть.

— Знаю.— Сколько раз я сам произносил эти же слова?

Вошел капитан гвардейцев.

— Как дела?

— Готово,— отозвался хирург и добавил, повернувшись ко мне: — Никакой работы. Никакого напряжения. Никакого секса. Короче, сам знаешь.

— Знаю. Перевязь?

Он кивнул:

— И еще на несколько дней привяжем руку к туловищу.

Капитан едва сдерживал нетерпение.

— Выяснили, что случилось? — спросил я.

— Не совсем. Расчет баллисты так ничего и не смог объяснить. Орудие непонятно каким образом сорвалось. Наверное, ты везучий.— Он вспомнил мои слова о том, что кто-то пытался меня убить.

— Наверное,— согласился я и коснулся амулета Гоблина.

— Не хочется мне этого делать,— сказал капитан,— но все же я должен проводить тебя к Госпоже.

Страх.

— Но что она хочет от меня?

— Ты это знаешь лучше меня.

— Ничего я не знаю.— Имелось у меня слабое подозрение, но я гнал его.

Башен оказалось не одна, а две, внутренняя вложена в наружную. Во внешней, чиновничьем сердце империи, расположились функционеры Госпожи. Внутренняя, столь же страшная для них, как и вся Башня для нас, пребывающих вне ее, занимала примерно треть общего объема. У нее имелся только один вход, доступный еще меньшему числу людей.

Когда мы подошли ко входу, он был открыт. Я не увидел охранников. Полагаю, они и не требовались. Наверное, я испугался бы сильнее, если бы не ослабел после операции.

— Я подожду здесь,— сказал мне капитан. Он помог мне сесть в кресло на колесах и подтолкнул его к дверному проему. Я пересек порог Башни с зажмуренными глазами и колотящимся сердцем.

Дверь за моей спиной гулко захлопнулась. Кресло катилось долго, несколько раз сворачивая. Понятия не имею, что или кто им управлял, потому что не желал открывать глаз. Потом оно остановилось. Я ждал. Ничего не происходило. Наконец любопытство победило. Я моргнул.

Она стоит в Башне и смотрит на север. Ее изящные пальцы сжаты. Легкий ветерок просачивается в окно и теребит полуночный шелк ее волос. На нежной щеке искрится слезинка-бриллиант.

Это же мои собственные слова, написанные больше года назад. Я увидел сцену из своей фантазии, точную до мельчайших деталей. Деталей, которые я придумал, но не записал. Словно этот момент фантазии был целиком выхвачен из моей головы и оживлен.

Разумеется, я ни на секунду не поверил увиденному. Я находился в недрах Башни, а в этом мрачном сооружении не было ни единого окна.

Она обернулась. И я увидел то, что видит в своих мечтах каждый мужчина. Совершенство. Ей не нужно было говорить, чтобы я узнал, какой у нее голос, ритм речи, паузы между фразами. Ей не нужно было двигаться — я и так знал, какие у нее движения, как она ходит, как подносит руку к горлу, смеясь. Я знал все это с подросткового возраста.

За несколько секунд я понял, что имели в виду рассказчики, говоря о ее ошеломляющей внешности. От нее веяло таким жаром женственности, что под его напором наверняка вздрагивал и сам Властелин.

Да, она ошеломила меня, но не сдула, словно пушинку. Половина моего «я» исходила любовным томлением, но другая напоминала о годах, проведенных рядом с Гоблином и Одноглазым. Там, где замешано волшебство, нельзя верить глазам. Да, смотрится здорово, но что там, под сахарной оболочкой?

Она изучала меня столь же пристально, как и я ее.

— Мы снова встретились,— произнесла она наконец тем самым голосом, какой я ожидал услышать. Впрочем, в нем имелось еще кое-что — юмор.

— Верно,— хрипло отозвался я.

— Ты испуган.

— Конечно, испуган.— Наверное, лишь дурак стал бы это отрицать. Наверное.

— Ты ранен.— Она подплыла ближе. Я кивнул, сердце забилось чаще.— Я не стала бы подвергать тебя такому испытанию, не будь ситуация столь важной.

Я вновь кивнул, слишком потрясенный, чтобы говорить, и насмерть перепуганный. И это Госпожа, воплощение тьмы, ожившая тень. Это паучиха, сидящая в центре черной паутины, полубогиня зла. Что могло произойти настолько важное, что она стала обращать внимание на чувства таких, как я?

И опять у меня зародилось подозрение, в котором я не желал себе признаваться. Не так уж много у меня было критических столкновений с какой-либо важной персоной.

— Кто-то пытался тебя убить. Кто?

— Не знаю.— Взятый на ковре. Белые нити.

— Почему?

— Не знаю.

— Знаешь. Даже если сам думаешь, что не знаешь.— Совершенный голос стал опасно острым.

Я пришел сюда, ожидая худшего, но она застала меня врасплох, продемонстрировав ожившую мечту, и моя защита пала.

Воздух вокруг загудел. Вокруг Госпожи образовалось лимонно-желтое сияние. Она приблизилась и начала таять — вся, кроме лица и желтого сияния. Лицо увеличилось, стало огромным, надвинулось. Мир заполнила желтизна. Я видел только глаз...

Око! Я вспомнил Око в Облачном лесу, попытался прикрыть лицо рукой, но не смог даже шевельнуться. Думаю, я завопил. Проклятье, я знаю, что вопил.

Она задавала вопросы, которые я не слышал. В моей голове вращались ответы, похожие на радугу или разноцветные круги, расплывающиеся на спокойной чистой воде вокруг капельки масла. У меня не осталось секретов.

Никаких секретов. Даже мысли, которую я мог бы утаить.

Ужас корчился во мне испуганными змеями. Да, я писал те дурацкие фантазии, но ведь у меня были и сомнения, и то, что вызывало отвращение. А это воплощение черного зла могло уничтожить меня даже за эти тайные мысли...

Нет, неправильно. Она чувствовала себя в безопасности, потому что сама злобность служила источником ее силы. Ей не было нужды подавлять вопросы, сомнения и страхи простых смертных и мстить за них. Над нашими понятиями совести и морали она попросту насмехалась.

Эта встреча не стала повтором нашей встречи в лесу. Воспоминаний я не утратил. Просто я не слышал ее вопросов, но их можно было угадать по моим ответам о контактах со Взятыми.

Она за чем-то охотилась, и это я заподозрил еще на Лестнице Слёз. Я угодил в такой смертельный капкан, что страшнее и не представишь: одной его зубастой челюстью был кто-то из Взятых, а другой — Госпожа.

Мрак. И пробуждение.

Она стоит в Башне и смотрит на север... На нежной щеке искрится слезинка-бриллиант.

Какая-то частичка прежнего Костоправа сумела не поддаться страху.

— В этом месте я вошел сюда.

Она взглянула на меня, улыбнулась. Подошла, коснулась нежнейшими пальцами.

Все страхи сгинули.

И мрак сомкнулся вновь.

Когда я очнулся в том же кресле на колесах, мимо меня проплывали стены коридоров. Кресло катил все тот же капитан гвардейцев.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался он.

Я прислушался к своим ощущениям.

— Вполне хорошо. Куда ты меня везешь?

— К выходу. Она велела тебя выпустить.

Вот даже как? Гм-м. Я ощупал рану. Уже зажила. Я покачал головой. Такого со мной еще не бывало.

Я задержался на том месте, где сорвалась баллиста. Смотреть здесь оказалось не на что, а спрашивать некого. Я спустился на средний ярус и подошел к работающим там землекопам. Им было приказано выкопать полость двенадцать футов шириной и восемнадцать глубиной. Они и понятия не имели, для чего она потребовалась.

Я обвел взглядом частокол. Вдоль всей его длины копали дюжину таких полостей.

Когда я, прихрамывая от усталости, вошел в наш лагерь, то поймал устремленные на меня напряженные взгляды. На языке у братьев вертелись вопросы, которые они все равно сейчас не зададут, и хотя мне сочувствовали, никто это сочувствие выражать не станет. Одна лишь Душечка не пожелала играть в нашу традиционную игру. Она подбежала, сжала мне руку, широко улыбнулась. Пальцы девочки быстро заплясали. Она стала задавать мне те самые вопросы, которые мужчинам не позволяет задавать мужское самолюбие.

— Не торопись так,— попросил я ее.

Я все еще недостаточно быстро улавливал изображаемые ею на пальцах знаки, и все же ее радость говорила сама за себя. Широко улыбаясь девочке, я внезапно увидел, как кто-то встал между нами. Я поднял голову. Ворон.

— Тебя ждет Капитан,— сказал он. Держался он спокойно.

— Догадываюсь.

Я знаками попрощался с Душечкой и побрел к штабной палатке. Торопиться я нужды не видел. Никто из смертных сейчас не мог меня запугать.

Я обернулся. Ворон стоял, с видом собственника опустив руку на плечо девочке. Вид у него был удивленный.

Капитан повел себя нетрадиционно и даже избавил меня от своего привычного ворчания. Кроме нас двоих в палатке находился лишь Одноглазый, и его тоже интересовало только дело.

— У нас неприятности? — сразу спросил Капитан.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Происшествие на холмах. Оно ведь не было случайностью, верно? Тебя вызывает Госпожа, и через полчаса кто-то из Взятых слетает с катушек. Затем тот случай в Башне. Ты ранен, но объяснений ни у кого нет.

— Логика требует связи,— заметил Одноглазый.

— Вчера до нас дошло известие о том, что ты умираешь,— добавил Капитан.— Сегодня ты здоров. Колдовство?

— Вчера? — Время вновь куда-то бесследно исчезло. Я откинул полог палатки и посмотрел на Башню.— Еще одна ночь в холме эльфов.

— Так это *был* несчастный случай? — не унимался Одноглазый.

— Это не было случайностью.— Так думала Госпожа.

— Все сходится, Капитан.

— Прошлой ночью кто-то пытался зарезать Ворона,— сказал Капитан.— Убийцу отогнала Душечка.

— Ворона? Душечка?

— Что-то заставило ее проснуться. Она шарахнула парня по голове деревянной куклой. Кто бы это ни был, но он смылся.

— Хреново.

— Уж это точно,— согласился Одноглазый.— Почему Ворон дрыхнул, а глухая девочка проснулась? Да Ворон запросто расслышит, как комар ногой шевельнет. Тут попахивает колдовством. Причем дурацким. Девочка не должна была проснуться.

— Ворон. Ты. Взятый,— развил его мысль Капитан.— Госпожа. Покушения. Вызов в Башню. У тебя есть ответ. Выкладывай.

Мое нежелание отвечать оказалось красноречивым.

— Ты сказал Ильмо, что нам следует отделяться от Душелова. С какой стати? Он хорошо с нами обращается. Что произошло, когда вы прикончили Твердеца? Расскажи, и пропадет всякий смысл тебя убивать.

Хороший аргумент. Только мне хотелось знать это наверняка, прежде чем раскрывать рот.

— Я полагаю, что готовится заговор против Госпожи. Возможно, в него вовлечены Душелов и Зовущая.— Я пересказал подробности гибели Твердеца и того, как была *взята* Шепот.— Душелов был серьезно встревожен, потому что они позволили Повешенному умереть. Вряд ли Хромой участвовал в каких-либо заговорах. Его подставили, и им весьма умело манипулировали. В том числе и

Госпожа. Не исключено, что Хромой и Повешенный поддерживали ее.

— А ты уверен, что Душелов в этом замешан? — задумчиво спросил Одноглазый.

— Я ни в чем не уверен. Впрочем, я ничему теперь не удивлюсь. Я еще с самого Берилла считал, что нас используют.

— Несомненно,— кивнул Капитан.— Я попросил Одноглазого изготовить для тебя амулет, который предупредит, если кто-либо из Взятых окажется слишком близко. Возможно, он тебе пригодится. Но вряд ли тебя снова потревожат. Мятежники приближаются, и это теперь у всех первоочередная забота.

Цепочка логических заключений внезапно завершилась вспыхнувшим выводом. Вся информация имелась у меня уже давно, требовался лишь толчок, чтобы факты сложились в картину.

— Кажется, я понял причину. Дело в том, что Госпожа — узурпатор.

— И кто-то из парней в масках хочет обработать ее так же, как она поступила со своим муженьком?

— Нет. Они хотят вернуть Властелина.

— Что?

— Он до сих пор в могиле где-то на севере. А Госпожа попросту не дала ему ожить, когда Боманц открыл для нее путь к воскрешению. Властелин может до сих пор поддерживать связь с теми из Взятых, кто остался ему верен. Боманц ведь доказал, что возможна связь с теми, кто похоронен в Курганье. Не исключено, что Властелин направляет и кое-кого из членов Круга. Твердец был таким же крутым злодеем, как и любой из Взятых.

Одноглазый помолчал, потом пророчески изрек:

— Сражение будет проиграно. Госпожа потеряет трон. Верные ей Взятые погибнут, а верные ей войска — уничтожены. Но вместе с ними погибнут и наиболее склонные к идеализму элементы среди мятежников, и это, в сущности, станет поражением для Белой Розы.

Я кивнул:

— Комета на небе, но мятежники так и не отыскали этого таинственного ребенка.

— Верно. Не исключено, что ты попал в самую точку, предположив, что Властелин влияет на Круг: Точно.

— А когда наступит хаос и уцелевшие станут грызться из-за объедков, тут и вылезет дьявол,— добавил я.

— А где же наше место в этой схеме? — спросил Капитан.

— Вопрос должен звучать совсем иначе,— возразил я.— Как нам вырваться из этой схемы?

Летающие ковры вились вокруг Башни, словно мухи вокруг трупа. Армии Шепот, Ревуна, Безымянного, Костоглода и Луногрыза находились от нее на расстоянии от восьми до двенадцати дней марша. Солдат с востока перебрасывали по воздуху.

Через ворота в палисаде непрерывно выходили и возвращались отряды, задачей которых было не давать врагу покоя. Мятежники переместили свои лагеря, и теперь от Башни их отделяло всего пять миль. Группа из Отряда, усиленная Гоблином, Одноглазым и Молчуном, тоже совершила ночную вылазку, но подобные действия казались бессмысленными. Из-за ошеломляющего численного превосходства противника быстрые удары небольших отрядов просто не могли оказать заметного эффекта. Я все никак не мог понять, зачем Госпоже понадобилось теребить мятежников.

Строительство оборонительных сооружений закончилось. Препятствия подготовлены. Ловушки размещены. Осталось только ждать.

Прошло шесть дней после нашего возвращения с Пером и Странником. Я ожидал, что их похищение побудит мятежников быстрее нанести удар, но они по-прежнему не торопились. Одноглазый полагал, что они до последней минуты будут надеяться отыскать свою Белую Розу.

Осталось последнее — бросить жребий. Трое Взятых, каждый из которых возглавит армию, будут оборонять по ярусу. Ходили слухи, что Госпожа сама станет командовать войсками на пирамиде.

Никому не хотелось оказаться на передней линии. В любом случае, как бы ни обернулись события, этим войскам достанется больше всех. Поэтому и решили бросать жребий.

Ни на Ворона, ни на меня больше покушений не было. Наш недоброжелатель избрал другую тактику. В любом случае покушаться на меня было поздно — я уже встретился с Госпожой.

Настроение войск вновь изменилось. Возвращающиеся лазутчики стали выглядеть более потрепанными и отчаявшимися. Вражеские лагеря вновь приблизились.

К Капитану прибыл посыльный, после чего он собрал наших офицеров.

— Началось. Госпожа созвала Взятых тянуть жребий.— На лице Капитана было странное выражение, где преобладало удивление.— Мы получили особый приказ. От самой Госпожи.

Шепот, бормотание, шуршание, недовольное ворчание. Все потрясены. Тяжелую работу она всегда взваливает на нас. Я предчувствовал, что нами укрепят передовую линию, по которой ударят элитные войска мятежников.

— Нам приказано снять лагерь и переместиться на пирамиду.— Посыпались сотни вопросов.— Мы станем ее телохранителями.

— Гвардейцам это не понравится,— сказал я. Они и так нас недолюбливали, потому что им пришлось выполнять приказы Капитана на Лестнице Слёз.

— Боишься, что они станут с ней спорить, Костоправ? Господа, босс приказал идти, поэтому мы идем. Если желаете это обсудить — пожалуйста, только во время работы, когда будете сворачивать лагерь. И чтобы солдаты не слышали.

Для солдат новость оказалась прекрасной. Мы не просто оставались в стороне от самой жестокой драки, но и получали возможность отступить в Башню.

Неужели я настолько уверен в нашем поражении? Отражает ли мой негативизм общее мнение? И в самом ли деле я в армии, потерпевшей поражение еще до первого удара?

Комета висела в небе.

Разглядывая ее, когда мы перебирались на пирамиду, окруженные животными, которых заводили в Башню, я понял, почему мятежники медлили. Разумеется, они надеялись в последнюю минуту отыскать Белую Розу. И еще они ждали, пока комета максимально приблизится и станет еще более впечатляющей.

Я хмыкнул.

— Что? — спросил Ворон. Он шел рядом и тащил на спине тюк со своими пожитками и сверточек с вещичками Душечки.

— Они так и не отыскали своего магического ребенка. Так что не все вышло так, как они планировали.

Ворон посмотрел на меня как-то странно, чуть ли не подозрительно.

— Пока,— бросил он.— Пока.

Сзади послышался звон металла — кавалеристы мятежников метали копья в воинов на палисаде. Ворон даже не обернулся. Это была лишь проба сил.

На пирамиде оказалось тесновато, зато с нее открывался великолепный вид.

— Надеюсь, мы не застрянем здесь надолго,— сказал я и добавил: — Здесь будет дьявольски неудобно обрабатывать раненых.

Мятежники последний раз переместили свои лагеря, и теперь они, всего в полумиле от палисада, слились воедино. Вдоль палисада непрерывно происходили мелкие стычки. Большая часть наших войск заняла места на ярусах.

Силы первого яруса составили солдаты, служившие на севере и усиленные бывшими гарнизонами городов, захваченных врагом,— девять тысяч человек, разделенных на три дивизии. Центральной командовала Зовущая Бурю. Если бы здесь командовал я, то послал бы ее на пирамиду вызывать циклоны.

Дивизиями на флангах командовали Луногрыз и Костоглод — два Взятых, которых я ни разу не видел.

На втором ярусе расположились шесть тысяч солдат, также разделенных на три дивизии,— в большинстве своем лучники из восточных армий, крепкие парни, не столь зараженные неуверенностью, как солдаты нижнего яруса. Ими, слева направо, командовали Безликий, он же Безымянный, Ревун и Крадущийся в Ночи. Лучникам натащили бесчисленные ящики со стрелами. Хотел бы я знать заранее, как они справятся, если враг прорвет первую линию.

На третьем ярусе заняли оборону гвардейцы с баллистами и метательными машинами, Шепот на левом фланге с пятнадцатью сотнями ветеранов из ее восточной армии, и Меняющий на правом фланге с тысячью воинов, воевавших на западе и юге. В центре у подножия пирамиды Душелов командовал гвардейцами и союзниками из Самоцветных городов — двадцать пять сотен человек.

А на пирамиде, с развевающимися знаменами и штандартами, встала тысяча воинов Черного Отряда, держа оружие наготове.

Вот так. Примерно двадцать одна тысяча человек против более чем вдесятеро превосходящего числом противника. Численность не всегда фактор критический. В Анналах записано немало случаев, когда Отряд побеждал, сражаясь в меньшинстве. Но не при таком соотношении. К тому же ситуация была слишком статичной — не имелось возможности для маневра или отступления, а о наступлении нечего было и мечтать.

Мятежники взялись за дело всерьез. Защитники палисада поспешно отступили, разобрав по дороге мостики через все три рва. Враги не стали их преследовать, а вместо этого принялись разбирать палисад на бревна.

— Похоже, они методичны не меньше Госпожи,— сказал я Ильмо.

— Угу. Из бревен они сделают мосты и перейдут рвы.

Он ошибся, но мы не сразу это поняли.

— Семь дней до подхода восточных армий,— пробормотал я поздним вечером, глядя на огромную черную тушу Башни. За весь день Госпожа так и не показалась.

— Считай реальнее — дней девять или десять,— возразил Ильмо.— Они ведь захотят подойти все сразу.

— Верно. Об этом я не подумал.

Мы поужинали сушеной пищей и улеглись спать на землю Утром мы проснулись от завываний вражеских горнов.

Куда бы я ни посмотрел, взгляд все время натыкался на вражеские отряды. Линия щитов-мантелетов двинулась вперед. Они были сделаны из бревен, выдранных из нашего палисада,

и образовали движущуюся стену на всю ширину нашей обороны. Заработали тяжелые баллисты, большие требюше швыряли камни и огненные шары, но ущерб они нанесли незначительный.

Авангард мятежников начал наводить мосты через первый ров, пользуясь принесенными с собой бревнами. В основания мостов легли огромные балки длиной пятьдесят футов, неуязвимые для снарядов катапульт. Для их укладки потребовались краны, и во время их сборки и работы строители остались беззащитны. Дальнобойные катапульты гвардейцев заставили их заплатить за мосты дорогую цену.

Там, где располагался палисад, вражеские инженеры руководили сборкой башен на колесах, из которых должны были стрелять лучники, и передвижных рамп, при помощи которых облегчался подъем на первый ярус. Плотники сколачивали лестницы. Артиллерии я не увидел. Я предположил, что они планируют преодолеть рвы и задавить нас числом.

Лейтенант хорошо разбирался в осадном искусстве, и я подошел к нему:

— Как они собираются притащить сюда рампы и башни?

— Очень просто — заполнят рвы.

Он оказался прав. Едва поперек первого рва улеглись мосты, по ним двинулись мантелеты и показались телеги и фургоны с землей и камнями. Возницам и животным всыпали от души, и немало трупов отправилось в ров.

Авангард тем временем добрался до второго рва и начал собирать краны. Строителей никто не охранял. Зовущая отправила лучников к третьему, ближнему, рву, а гвардейцы открыли массированный огонь из баллист. Строители понесли тяжелые потери, но их командование просто прислало новых.

В час пополудни мятежники начали переброску мантелетов через второй ров. Фургоны и телеги сновали по мостам через первый, подвозя землю и камни.

Приблизившись к третьему рву, авангард мятежников попал под ураганный огонь. Лучники на втором ярусе пускали стрелы высоко вверх, и они падали на вражеских солдат почти вертикально. Требюше, сменив прицел, разносили мантелеты на щепки и зубочистки. Но наступление продолжалось. На фланге

Луногрыза они смогли уложить поперек рва опорные балки для моста.

Луногрыз послал в контратаку отряд пикейщиков. Перемахнув через ров, они ударили с такой яростью, что отогнали вражеский авангард до второго рва. Пикейщики уничтожили все оборудование и снова бросились в атаку. Тогда командование мятежников выставило против них сильный отряд тяжелой пехоты. Пикейщики отступили, уничтожив по дороге мосты через второй ров.

Мятежники с непоколебимым упорством восстановили мосты и подошли к последнему рву. Теперь строителей защищали солдаты. Снайперы Зовущей отошли.

Стрелы со второго яруса сыпались, как снежинки в метель, размеренно и постоянно. Урон они нанесли впечатляющий. Солдаты мятежников потоком вливались в этот ведьмин котел. Навстречу им текла река раненых. Перед последним рвом авангард мятежников уже почти не высовывался из-за прикрытия оставшихся мантелетов, молясь лишь о том, чтобы баллисты не разнесли щиты в щепки.

Так завершился первый день. Солнце садилось, отбрасывая длинные тени на залитое кровью поле боя. По моим подсчетам, мятежники потеряли десять тысяч человек, а мы по-настоящему даже не начали сражаться.

В течение всего дня ни Взятые, ни Круг не прибегали к своим магическим силам. Госпожа не выходила из Башни.

На день меньше осталось ждать армии с востока.

Взаимное насилие завершилось на закате. Мы поели. Мятежники выслали новую смену для работы у рвов. Вновь прибывшие принялись за работу со рвением, которое их предшественники успели утратить. Стратегия была очевидной. Они будут изматывать нас, меняя побывавшие в деле войска на свежие.

С наступлением темноты настало время Взятых. Их пассивность закончилась.

Сперва я мало что мог разглядеть, поэтому не могу с уверенностью сказать, кто именно и что делал. Впрочем, подозреваю, что Меняющий изменил свой облик и проник на вражескую территорию.

Грозовые тучи начали заслонять звезды. Над землей пронесся холодный ветер, стал крепчать и подвывать. Вместе с ним примчались целые орды существ с кожистыми крыльями, летающих змей длиной с человеческую руку. Их шипение перекрыло рокот грозы. Гремел гром, копья молний вонзались во вражеские сооружения. Ослепительные вспышки высветили и другое: со стороны полей каменных обломков шагали великаны, швыряющие валуны с той же легкостью, с какой ребенок бросает мячик. Один из них выломал из моста опорную балку и принялся орудовать ею как дубиной, разбивая осадные башни и рампы. Насколько я смог разглядеть в предательском свете молний, великаны были каменные — базальтовые обломки, слепленные в гротескную пародию на человекообразную фигуру.

Земля затряслась, на равнине засветились желчно-зеленые пятна. Среди врагов заскользили десятифутовые светящиеся оранжевые черви. Небеса разверзлись и обрушили на мятежников дождь и горящую серу.

Ночь продолжала извергать все новых чудовищ. Жабы-убийцы. Смертоносные насекомые. Где-то уже все ярче разгорались очаги лавы — мы уже видели это на Лестнице Слёз. И все это обрушилось на мятежников всего за несколько минут. Едва Круг начал противодействие, эффект уменьшился, но на нейтрализацию некоторых явлений у них ушло несколько часов. Сами члены Круга атаковать не осмелились — Взятые были слишком сильны.

К полуночи все успокоилось. Мятежники потеряли все, чего добились за день, кроме частично заполненного дальнего рва. Гроза сменилась размеренным дождем. Он заставлял мятежников страдать, не причиняя им вреда. Я улегся спать среди братьев и заснул, порадовавшись, что наша часть мира осталась сухой.

Рассвет. Первый взгляд на дело рук Взятых. Повсюду смерть. Жутко изуродованные трупы. Мятежники убирали их до полудня, потом возобновили наступление на рвы.

Капитан получил послание из Башни и собрал нас.

— Мне сообщили, что ночью мы потеряли Меняющего.— Он многозначительно взглянул на меня.— Обстоятельства его гибели сомнительны. Нам приказано быть начеку. Это означает работу для тебя, Одноглазый. И для вас, Молчун и Гоблин. Если заметите что-либо подозрительное, сразу сообщайте в Башню. Понятно? — Колдуны кивнули.

Меняющий убит. Для этого кому-то пришлось изрядно потрудиться.

— У мятежников есть важные потери? — спросил я.

— Борода, Веревочник, Тамариск. Но их смогут заменить, а Меняющего — нет.

Поползли слухи. Членов Круга прикончил какой-то похожий на пантеру зверь — настолько сильный и быстрый, что даже магические способности жертв не смогли стать ему помехой. Вместе с тремя генералами погибли несколько десятков вражеских функционеров.

В Отряде шепотом вспоминали похожего зверя из Берилла. Душелов взял форвалаку на свой корабль. Неужели он воспользовался ею против мятежников?

Я в этом сомневался. Атака была проведена в стиле Меняющего. Он любил тайком пробраться во вражеский лагерь, а потом...

Одноглазый бродил с задумчивым видом и настолько погрузился в себя, что постоянно на что-то натыкался. Неожиданно он остановился и шарахнул кулаком по большому окороку, висевшему возле недавно установленной палатки повара.

Он все понял. Он догадался, как Душелов сумел подослать форвалаку в Бастион, где она убила синдика и все его окружение, а в результате получил контроль над городом через синдика-марионетку, не тратя и без того истощенные ресурсы Госпожи. Душелов и Меняющий были тогда приятелями, верно?

Одноглазый догадался, кто убил его брата,— но слишком поздно, чтобы отомстить.

Несколько раз в тот день он, проходя мимо, лупил несчастный и ни в чем не повинный окорок.

Днем я подошел к Ворону и Душечке. Они наблюдали за сражением. Я взглянул на бывшую дивизию Меняющего. Его штандарт сменился другим.

— Ворон, это флаг Джалены?

— Да,— бросил Ворон и сплюнул.

— Меняющий был неплохим парнем. Для Взятого.

— Все они неплохие. Для Взятых. Пока не встанешь у них на пути.— Он снова плюнул и посмотрел на Башню.— Что там происходит, Костоправ?

— Что?

После нашего возвращения Ворон стал вежлив, как и прежде.

— Для чего весь этот спектакль? Почему она решила завершить все именно так?

Я не был уверен, что понял смысл его вопроса.

— Не знаю. Она мне не докладывала.

— Нет? — Лицо Ворона исказилось. Неужели он мне не верит? — Было бы интересно узнать,— добавил он, пожав плечами.

— Несомненно.

Я посмотрел на Душечку. Очередная атака пробудила в ней удивительный интерес. Она засыпала Ворона потоком вопросов, причем не простых. Такие вопросы были бы вполне уместны для генерала-стажера, принца или еще кого-нибудь, предполагающего, что со временем ему придется командовать войсками.

— Может, ее лучше отвести в более безопасное место? — спросил я.— Я что хочу сказать...

— Куда? — раздраженно бросил Ворон.— Где она может быть в большей безопасности, чем рядом со мной?

Голос его прозвучал жестко, глаза подозрительно прищурились. Немного испугавшись, я оставил эту тему.

Неужели он ревнует из-за того, что я подружился с Душечкой? Не знаю. В Вороне все странное.

Целые участки дальнего рва уже исчезли. Средний ров местами был засыпан, а земля утрамбована. Мятежники переместили уцелевшие башни и рампы до границы дальности стрельбы наших катапульт. Строились новые башни. Повсюду виднелись мантелеты, за которыми укрывались солдаты.

Несмотря на безжалостный обстрел, мятежники перебросили мосты через ближний ров. Контратаки отбрасывали их раз за разом, но они снова шли на приступ. Примерно в три часа пополудни они завершили сооружение восьмого моста.

По мостам хлынул могучий поток пехоты. Навстречу ливнем брызнули стрелы. Противник бессистемно испытывал прочность нашей передовой линии. Солдаты, похожие издалека на крупинки града, бросались на стену копий, щитов и мечей. Росли груды трупов. Лучники едва не заполнили рвы рядом с мостами. Но мятежники не отступались.

Я узнал несколько знамен, которые видел под Розами и Лордами. В бой шли элитные части.

Пройдя по мостам, они построились и пошли в наступление четким строем, давя на наш центр. За их спинами строилась вторая линия атакующих — еще более многочисленная и широкая. Когда построение завершилось, офицеры переместили вторую линию на несколько ярдов вперед. Солдаты укрылись за щитами.

Авангард врага выдвинул вперед мантелеты и сформировал из них нечто вроде палисада. На нем тут же сосредоточили огонь самые мощные баллисты. Колонны фургонов подвозили к выбранным местам второго рва землю и камни.

Хотя солдаты нашей передовой линии были самыми ненадежными — подозреваю, что результаты жеребьевки были подтасованы,— они все же отбили атаку элиты мятежников. Успех подарил им лишь краткую передышку — в атаку пошла вторая линия врага.

Наша передовая линия дрогнула. Ее наверняка прорвали бы, будь у солдат куда бежать — удирать с поля боя они уже привыкли. Но сейчас они оказались в безвыходной ситуации, потому что за спиной у них торчал частокол, а через него не перепрыгнешь.

Отхлынула и вторая волна. Луногрыз перешел на своем фланге в контратаку и отбросил давящую его солдат вражескую пехоту. Он уничтожил большую часть мантелетов и едва не захватил мосты. Его агрессивность произвела на меня впечатление.

Близился вечер. Госпожа не показывалась. Полагаю, она не сомневалась, что мы выстоим. Враг начал третью атаку, решив захлестнуть нас потоком своих солдат, и ему это едва не удалось. Местами мятежники добрались до частокола и пытались его разрушить. И все же наши солдаты выдержа-

ли. Нескончаемый дождь стрел растворил решимость мятежников.

Они отступили. За мантелетами укрылись свежие части. Наступил временный мир. На поле боя хозяйничал авангард мятежников.

— Шесть дней,— сказал я самому себе.— Вряд ли мы столько продержимся.

Завтра нашей передовой линии не выстоять. Орды врага начнут штурм второго яруса. Наши лучники смертельно опасны именно как лучники, но я сомневался, что они проявят себя хорошими бойцами в рукопашной. Более того, ввязавшись в нее, они больше не смогут наносить урон идущим на штурм новым отрядам. И тогда боевые башни противника разделаются с ними.

На вершине пирамиды, неподалеку от края, мы выкопали узкую канаву и пользовались ею в качестве полевого туалета. Капитан застал меня в самый неподходящий момент.

— Ты нужен на нижнем ярусе, Костоправ. Прихвати Одноглазого и своих помощников.

— Зачем?

— Ты ведь врач. Не забыл еще?

— Ах, да.

Мне стало обидно за собственную глупость. Мне следовало бы помнить, что я не могу все время оставаться наблюдателем.

Весь Отряд тоже спустился вниз — им поставили другие задачи.

Спускаться оказалось нетрудно, хотя по временным рампам вверх и вниз двигались потоки людей. Солдаты с верхнего яруса и пирамиды подносили лучникам стрелы (Госпожа, наверное, копила их запас десятилетиями), а наверх тащили убитых и раненых.

— А у них сейчас прекрасный шанс смести нас всех,— сказал я Одноглазому.— Нужно лишь захватить рампы.

— Они слишком заняты тем же, чем и мы сейчас.

Мы прошли в нескольких шагах от Душелова. Я приветственно поднял руку. После короткой паузы Взятый повторил мой жест. Мне показалось, что он почему-то испугался.

Мы спускались все ниже и ниже, пока не очутились на территории Зовущей.

Здесь был настоящий ад. После боя любое место сражения напоминает ад, но такого мне видеть не доводилось. Повсюду валялись тела — многие из них были мятежники, а у наших солдат не хватало сил их прикончить. Даже солдаты сверху лишь отпихивали их в сторону, собирая тела своих. Всего в сорока футах солдаты мятежников, на которых никто не обращал внимания, точно так же собирали своих и игнорировали наших.

— Помню, в Анналах было описано что-то похожее,— сказал я Одноглазому.— Кажется, про битву у Торна.

— Под Торном не было столько крови.

Я лишь буркнул в ответ. Одноглазый видел ту битву. Он в Отряде давным-давно.

Я отыскал офицера и спросил, где нам развернуть госпиталь. Тот ответил, что больше всего пользы мы принесем у Костоглода.

На пути к Костоглоду мы, чувствуя себя весьма неуютно, прошли рядом с Зовущей. Амулет Одноглазого обжег мне запястье.

— Твоя подружка? — ехидно поинтересовался Одноглазый.

— Что?

— Она на тебя так смотрела...

Я вздрогнул. Белые нити. Взятый на летающем ковре. Это могла быть и Зовущая.

Костоглод оказался настоящим великаном, переплюнув габаритами даже Меняющего,— восемь футов роста и шестьсот фунтов железных безжалостных мышц. Он был настолько силен, что выглядел гротескно. Его рот напоминал крокодилью пасть, и не исключено, что когда-то он пожирал своих врагов. В нескольких древних легендах его даже называли Костоломом из-за огромной силы.

Когда я разглядывал Взятого, подошел один из его лейтенантов и велел нам отправиться на правый фланг, где напряженность сражения была настолько небольшой, что туда еще не посылали медиков.

Мы отыскали командира батальона.

— Располагайтесь прямо здесь,— сказал он нам.— Раненых вам принесут.

Вид у командира был унылый. Кто-то из его солдат сказал:

— Утром он еще был командиром роты. Сегодня офицерам крепко досталось.

Когда погибает много офицеров, это означает лишь одно — они идут в атаку перед строем своих солдат, поддерживая их боевой дух.

Мы с Одноглазым начали зашивать раны.

— А я думал, у вас сегодня был легкий день,— сказал он солдату.

— Легкий — понятие относительное,— мрачно ответил тот и хмуро посмотрел на нас: мол, нашлись герои, весь день на пирамиде околачивались.

Зашивать раны при свете факелов — еще то удовольствие. На пару с Одноглазым мы обработали несколько сот раненых. Делая перерыв, чтобы прогнать боль из немеющих от усталости рук и плеч, я всякий раз с тревогой поглядывал на небо. Сегодня кто-нибудь из Взятых мог снова свихнуться.

К нам подошел Костоглод — обнаженный до пояса и без маски, похожий на борца-переростка. Он молча стоял, а мы пытались не обращать на него внимания. Взятый буравил нас взглядом поросячьих глазок.

Мы с Одноглазым работали с одним раненым, каждый со своей стороны. Внезапно Одноглазый замер и поднял голову, словно испуганная лошадь. Глаза у него широко раскрылись, он быстро посмотрел по сторонам.

— Что такое? — спросил я.

— Не знаю... Странно. Это пропало. На секунду мне... Так, ничего.

Работая, я поглядывал на него. Одноглазый испугался — причем гораздо сильнее, чем оправдывалось присутствием Взятого. Словно что-то угрожало лично ему. Я взглянул на Костоглода. Тот тоже наблюдал за Одноглазым.

Через некоторое время, когда каждый из нас работал со своим пациентом, Одноглазый вновь встрепенулся. Я поднял голову. За спиной Одноглазого примерно на уровне пояса стоящего человека светились чьи-то глаза. По моей спине пробежал холодок.

Все более нервничая, Одноглазый вглядывался в темноту. Закончив работу, он вытер руки и шагнул к Костоглоду.

Я услышал рев. В круг света возле меня метнулась черная тень.

— Форвалака! — успел ахнуть я, бросаясь навзничь. Зверь пронесся надо мной, разорвав когтем кожаную куртку.

Едва форвалака коснулась земли рядом со мной, ее стиснул Костоглод. Одноглазый напустил чары, ослепившие и меня, и форвалаку, и всех оказавшихся поблизости. Я слышал, как ревет зверь — теперь уже не от ярости, а от боли. Зрение вернулось. Костоглод сжимал форвалаку смертельной хваткой, правой рукой сдавливая ей горло, а левой с хрустом стискивая ребра. Зверь отчаянно рубил когтями воздух. Силы в нем хватило бы, пожалуй, на дюжину настоящих леопардов, но в руках Костоглода он оказался беспомощным. Взятый захохотал и откусил у него кусок левого плеча.

Одноглазый, пошатываясь, подошел ко мне.

— Жаль, что этого парня не было с нами в Берилле,— произнес я дрогнувшим голосом.

Одноглазый настолько испугался, что не мог перевести дух. Мою шутку он не оценил. Честно говоря, мне тоже было не до смеха, и мой сарказм оказался чистым рефлексом. Юмором висельника.

Ночь наполнилась воплями горнов. Солдаты побежали на свои места. Бряцанье оружия заглушило хрип задыхающейся форвалаки.

— Пора отсюда сматываться,— заявил Одноглазый, хватая меня за руку.— Пошли.

Я не мог сдвинуться с места — меня притягивало зрелище схватки. Леопард-оборотень пытался сменить облик и стал походить на женщину.

— Да пошли наконец! — Одноглазый смачно выругался.— Если ты еще не понял, то эту гадость послали прикончить именно тебя. Послали, понял? Так что пошли, пока она не вырвалась.

Несмотря на огромную силу и ярость Костоглода, зверь, казалось, не утратил своей энергии. Взятый разорвал зубами все его левое плечо.

Одноглазый был прав. Мятежники на противоположной стороне рва что-то затевали, в любой момент могла начаться драка. Вот и вторая причина смазать пятки. Я схватил свою сумку и рванул прочь.

Возвращаясь, мы прошли мимо Зовущей и Душелова. Поддавшись дурацкой браваде, я насмешливо отдал честь каждому из Взятых. Один из них, я уверен, и был инициатором нападения. Никто из них мне не ответил.

Реакция после пережитого обрушилась на меня лишь на вершине пирамиды, когда я оказался среди своих и смог представить, чем все могло закончиться. Тогда меня так затрясло, что Одноглазому пришлось напоить меня каким-то отварчиком. Я отключился.

Что-то навестило меня во сне. Теперь уже старый друг. Золотое сияние и прекрасное лицо. И вновь: «Моему верному не надо бояться».

Когда действие снотворного отвара выветрилось, на востоке уже забрезжил свет. Я проснулся уже не таким испуганным, но уверенность ко мне так и не вернулась. Меня трижды пытались убить. И тот, кто так настойчиво желает от меня избавиться, рано или поздно найдет способ это сделать. Что бы ни говорила Госпожа.

Рядом немедленно возник Одноглазый.

— Оклемался?

— Да. Все нормально.

— Ты пропустил целое представление.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Когда стемнело, Круг и Взятые решили порезвиться. Остановились совсем недавно. На сей раз они здорово потрепали друг друга. Костоглоду и Зовущей от души досталось. Похоже, они отдубасили друг друга. Пошли, хочу тебе кое-что показать.

Недовольно ворча, я последовал за ним.

— А мятежников много наколошматили?

— По-разному говорят, но много. Как минимум четырем из Круга крышка.

Он остановился на краю пирамиды и драматическим жестом вытянул руку.

— Ну и что?

— Ослеп, что ли? Или я одним глазом вижу лучше, чем ты двумя?

— Ты хоть намекни.

— Видишь распятие?

— Ага.— Узнав, что высматривать, я теперь без труда увидел крест, врытый неподалеку от командного поста Зовущей.— Ну, вижу. И что?

— Там твоя приятельница. Форвалака.

— Моя?

— Наша, что ли? — На лице Одноглазого мелькнуло восхитительное выражение злобы.— Это конец долгой истории, Костоправ. И весьма удовлетворительный. В любом случае, кто бы ни убил Тамтама, но я дожил до того дня, когда своими глазами увидел, что убийце пришел достойный конец.

— Ты прав.— Слева от нас Ворон и Душечка наблюдали за перемещениями мятежников. Пальцы у них так и мелькали, но они стояли слишком далеко, и я почти ничего из их разговора не уловил. Мне даже показалось, будто я подслушиваю разговор на языке, с которым лишь поверхностно знаком.— Не знаешь, что в последнее время не дает Ворону покоя?

— Ты это о чем?

— Он не желает общаться ни с кем, кроме Душечки. Даже перестал торчать возле Капитана. И ни разу не сыграл в карты с того дня, когда мы привезли Перо и Странника. Кривится всякий раз, если хочешь сделать что-то приятное для Душечки. Без нас ничего такого не было?

Одноглазый пожал плечами:

— Вспомни, Костоправ, ведь и я был с вами. Никто мне ничего такого не говорил. Но сейчас я тебя послушал... И в самом деле, как-то странно он себя ведет.— Он усмехнулся.— Странно для Ворона.

Я стал наблюдать, как мятежники готовятся к атаке. Прежнее их воодушевление куда-то пропало, а вместе с ним и организованность. Тем не менее, несмотря на полученную ночью

трепку, они успели полностью засыпать два дальних рва. Ближний ров пока был частично перекрыт в полудюжине мест.

На втором и третьем ярусе число наших солдат заметно уменьшилось. Я спросил об этом у Одноглазого.

— Госпожа приказала переместить часть людей на первый ярус. По большей части солдат с верхнего.

Выходит, это больше половины дивизии Душелова. На его позициях людей осталось совсем мало.

— Как думаешь, прорвутся они сегодня?

Одноглазый пожал плечами:

— Если будут лезть столь же упрямо, как и вчера. Но посмотри сам — у них пропал задор. Они поняли, что играючи нас не взять. Мы заставили их призадуматься. И вспомнить про старую каргу из Башни. Ведь она еще не выходила. Возможно, это их и тревожит.

Сам я предположил, что причиной скорее были потери среди членов Круга, чем растущее среди солдат беспокойство. Командную структуру мятежников охватил хаос. Любая армия остановится, если не знает, кто ею командует.

Тем не менее через четыре часа после рассвета они вновь отправились умирать за свое дело. Наша передовая линия укрепилась — Ревун и Безликий сменили Зовущую и Костоглода, оставив Крадущегося защищать второй ярус.

Сражение приобрело четкую схему. Очередная волна накатывалась вперед, попадала под ливень стрел, пересекала ров по мостам, укрывалась под мантелетами, потом шла на подкрепление тем, кто ломал нашу передовую линию. Они шли и шли непрерывным потоком. Тысячи падали, еще не добравшись до врага. Многие из тех, кому это удавалось, сражались совсем недолго и вскоре уже брели обратно, иногда помогая раненым товарищам, а чаще попросту уходя от греха подальше. Офицеры потеряли контроль над солдатами.

Подкрепленная передовая линия продержалась дольше и упорнее, чем я ожидал. Тем не менее непрерывное давление и накопившаяся усталость через некоторое время сделали свое дело. Появились бреши. Вражеские солдаты добрались до частокола. Взятый организовал контратаки, но большинству из них не хватило решительности. Здесь и там менее стойкие солдаты пыта-

лись сбежать на верхний ярус, но Крадущийся перекрыл его, распределив по краю яруса несколько взводов и приказав сбрасывать беглецов обратно. Сопротивление противнику возросло.

Но все же мятежники почуяли победу. Энтузиазма у них прибавилось.

Видневшиеся в отдалении рампы и башни двинулись вперед. Перемещались они с черепашьей скоростью, по несколько ярдов в минуту. Одна из башен рухнула, когда ее переправляли через бывший дальний ров, где засыпанную землю плохо утрамбовали. Падая, она раздавила рампу и несколько десятков человек. Остальные осадные приспособления двинулись дальше. Гвардейцы нацелили на них самые мощные орудия и стали забрасывать противника огненными шарами.

Вспыхнула башня, за ней вторая. Остановилась охваченная огнем рампа, но остальные, неумолимо приближаясь, достигли второго рва.

Теперь в дело вступили легкие баллисты, обрушив град снарядов на тысячи солдат, толкавших башни и рампы.

А у ближайшего рва вовсю трудился авангард, засыпая ров и утрамбовывая землю. Каждую секунду кто-то из них падал, получив стрелу. Я смотрел на них с невольным восхищением — это оказались храбрейшие из врагов.

Звезда мятежников восходила. Нерешительная поначалу атака становилась ожесточенной. Передовая линия превратилась в группки окруженных солдат, сражающихся из последних сил. Люди, которых Крадущийся послал на край яруса возвращать бегущих снизу солдат передовой линии, теперь сбрасывали чересчур смелых мятежников, пытающихся перебраться через частокол. В одном месте мятежники выломали из него несколько бревен и теперь пытались выкопать в земляной стене проход.

День лишь недавно перевалил за середину, и мятежники располагали еще несколькими часами светлого времени. Мне стало страшновато.

Ко мне подошел Одноглазый, которого я не видел после начала вражеского приступа.

— Поступили новости из Башни,— сказал он.— Прошлой ночью Круг потерял шестерых. И это означает, что их

осталось не более восьми. А из тех, кто составлял Круг, когда мы впервые появились на севере, уже, вероятно, никого нет.

— Неудивительно, что они начали столь нерешительно.

Одноглазый пригляделся к сражению:

— Кажется, дела не очень хороши, верно?

— Хреновые дела.

— Наверное, поэтому она и выходит.— Я обернулся.— Да-да. Она уже идет. Собственной персоной.

Холод. Холодно, холодно, холодно. Сам не знаю почему. И тут я услышал, как кричит Капитан, а ему вторят Лейтенант, Леденец, Ильмо, Ворон и другие, не разберешь кто — и все они приказывают строиться. Время битья баклуш кончилось. Я торопливо направился к нашему госпиталю — нескольким палаткам у заднего склона пирамиды и, к сожалению, с подветренной стороны относительно отхожего места.

— Проведем быструю инспекцию,— бросил я Одноглазому.— Проверь, чтобы все было наготове.

Госпожа выехала верхом и поднялась по рампе, начинающейся возле выхода из Башни. Животное под ней явно было не из простых — огромное и резвое, с глянцевитой шкурой, оно выглядело как идеал лошадиного совершенства в глазах художника. Одета она была стильно — красная и золотая парча, белые шарфы, золотые и серебряные украшения, а для контраста несколько черных деталей одежды,— и весьма напоминала богатую горожанку, какую можно увидеть на улицах Опала. Волосы полуночной черноты выбивались длинными прядями из-под элегантной белой с кружевами треугольной шляпки с плюмажем из белых же страусиных перьев. На вид она казалась не старше двадцати лет. Там, где она проезжала, возникал островок тишины. Мужчины смотрели ей вслед, разинув рты. Нигде я не заметил даже намека на страх.

Спутники Госпожи внешне были ближе к ее общепринятому облику. Среднего роста, все затянутые в черное, лица скрыты под черными полупрозрачными вуалями, верхом на черных лошадях с упряжью и седлами из черной кожи, они напоминали популярный образ Взятого. Один из них держал длинное черное

копье с наконечником из зачерненной стали, другой — большой серебряный горн.

Проезжая мимо, она удостоила меня приветливой улыбкой. Ее глаза искрились юмором и казались зовущими...

— Она все еще любит тебя,— подначил Одноглазый.

Я вздрогнул:

— Этого я как раз и боюсь.

Она проехала через наши ряды прямо к Капитану, поговорила с ним полминуты. На его лице, когда он разговаривал с этим воплощением зла, не отразились никакие эмоции. Мысленно надевая железную маску командира, Капитан становится невозмутимым.

Ко мне торопливо подошел Ильмо.

— Как поживаешь, старина? — спросил я, потому что не видел его несколько дней.

— Она тебя зовет.

От неожиданности вопрос застрял у меня поперек горла.

— Да понимаю я, что ты хочешь сказать,— добавил Ильмо.— Хорошего понемногу. Но что ты можешь сделать? Раздобудь себе лошадь.

— Лошадь? Зачем? И где?

— Я лишь передал ее слова, Костоправ. Не спрашивай меня... Сам знаешь — помянешь черта...

Неподалеку от заднего края пирамиды шел молодой солдат в форме армии Ревуна, ведя в поводу несколько лошадей. Ильмо перехватил его и после короткого разговора с солдатом поманил меня рукой. Я нерешительно подошел.

— Выбирай, Костоправ.

Я выбрал гнедую кобылу с хорошими формами и явно послушную, забрался в седло. Приятно было сидеть верхом после долгого перерыва.

— Пожелай мне удачи, Ильмо.— Я хотел произнести эти слова небрежно, а получилось пискляво.

— Сам виноват,— отозвался Ильмо и бросил мне вслед:— Это тебя отучит сочинять всякие дурацкие фантазии.

— Типун тебе на язык.

Двигаясь вперед, я на мгновение задумался, насколько велико воздействие искусства на реальную жизнь. А не мог ли я и в самом деле привлечь к себе внимание Госпожи?

Когда я подъехал, Госпожа не обернулась, лишь шевельнула рукой. Всадник справа от нее отодвинулся, освобождая мне место. Я понял намек и остановился, сосредоточившись на панораме битвы и не глядя на нее. От нее исходило веселье.

За несколько предыдущих минут ситуация ухудшилась. Мятежники захватили несколько плацдармов на втором ярусе. На первом ярусе наши части были разбиты, и Ревун, смягчившись, разрешил своим людям помогать уцелевшим солдатам с нижнего яруса перебираться через частокол. Войска Шепот на третьем ярусе впервые пустили в ход луки.

Осадные рампы почти достигли ближайшего рва, но башни остановились на полпути. Более половины вышли из строя, а оставшиеся башни заполнили лучники, но они находились еще настолько далеко, что их стрелы не причиняли никому вреда. Спасибо небесам хотя бы за маленькие подарки.

Взятые на нижнем ярусе воспользовались своими магическими силами, но сами находились в такой опасности, что не могли применять их эффективно.

— Я хочу, чтобы ты все это увидел, летописец,— сказала Госпожа.

— Что? — не понял я и тут же мысленно изругал себя за тупость.

— Увидел то, что произойдет. Тогда эти события будут верно записаны хотя бы в одном источнике.

Я взглянул на нее украдкой, заметил легкую дразнящую улыбку и перенес внимание на сражение. То, что она со мной сделала, заставив пассивно наблюдать за яростным концом света, оказалось страшнее перспективы погибнуть в бою. Я слишком стар, чтобы истекать похотью, словно пятнадцатилетний юнец.

Госпожа щелкнула пальцами.

Всадник справа от нее поднял серебряный горн и откинул с лица вуаль, чтобы поднести инструмент к губам. Перо! Мой взгляд невольно обратился к Госпоже. Она подмигнула.

Взяты. Перо и Странник стали Взятыми, как перед этим Шепот. Мощь и способности, которыми они обладали, теперь в полном распоряжении Госпожи... Я быстро обдумал эту новость. В чем здесь тайный смысл? Старые Взятые гибнут, их место занимают новые...

Горн издал приятный звук, словно некий ангел созывал небожителей. Звук был негромким, но его услышали повсюду, как будто он прозвучал совсем рядом. Сражение мгновенно оборвалось, все взгляды устремились к пирамиде.

Госпожа вновь щелкнула пальцами. Другой всадник (полагаю, то был Странник) высоко поднял копье и направил наконечник вниз.

Передний частокол взорвался в дюжине мест. Трубный рев разорвал тишину. Еще не увидев рванувшихся вперед животных, я узнал их по голосу и рассмеялся.

— Слоны! — Я не видел боевых слонов с первого года вступления в Отряд.— Где вы их раздобыли?

Глаза Госпожи блеснули, но она не ответила.

Ответ был очевиден — их привезли из-за моря. Подарок союзников из Самоцветных городов. Но как она ухитрилась незаметно доставить их сюда и надежно укрыть — да, это воистину тайна.

Воистину прелестный сюрприз для мятежников в момент их очевидного триумфа. В этих краях никто даже не видел боевых слонов и уж тем более не представлял, как с ними сражаться.

Огромные серые туши врезались в толпу мятежников. Погонщики от души развлекались, бросая животных вперед и назад, сотнями давя солдат и вгоняя их в панику. Слоны сбросили мантелеты в ров, перешли его по мостам и принялись за башни, опрокидывая их одну за другой.

Животных было двадцать четыре, по два в каждом укрытии. Их прикрывала броня, а погонщиков защищал металл, но все же время от времени копье или стрела случайно находили щелочку и попадали в цель, или сбрасывая погонщика, или нанося слону достаточно серьезную рану, чтобы его разъярить. Потерявшие управление слоны теряли интерес к драке, зато раненые впадали в бешенство и наносили даже больший ущерб, чем те, которых еще направляли погонщики.

Госпожа вновь подала знак. Странник поднес к губам горн. Солдаты под нами опустили рампы, по которым мы прежде спускали припасы и поднимали раненых. Войска с третьего яруса, за исключением гвардейцев, сошли по рампам, постро-

лись и бросились в атаку. Учитывая соотношение сил, атака выглядела безумием, но если учесть царящий внизу хаос, то боевой дух сейчас оказался важнее численности.

Левый фланг возглавила Шепот, Душелов командовал в центре, а старый толстый лорд Джалена — на правом фланге. Загремели барабаны. Атакующая волна катилась вперед, и ее продвижение замедляла лишь одна проблема — как быстрее прикончить тысячи охваченных паникой мятежников. Они давно уже убежали бы, но их пугала перспектива попасть под ноги слонам, перекрывшим им дорогу к лагерю. Почти никто из них не сопротивлялся.

Вот уже мятежники отброшены до первого рва. Луногрыз, Ревун и Безликий построили своих уцелевших солдат, потом руганью и угрозами заставили их двинуться вперед, чтобы сжечь все, что враг успел построить.

Вот атакующие добрались до второго рва, обходят брошенные башни и рампы и перелезают через них, движутся дальше по кровавому следу слонов. Вот вспыхивают башни — их жгут подоспевшие солдаты с первого яруса. Атакующие приближаются к дальнему рву. Все поле боя устлано вражескими мертвецами. Такого числа покойников сразу мне никогда не доводилось видеть.

Круг, или то, что от него осталось, наконец оправился и попытался воздействовать на слонов магией. С несколькими им удалось справиться, но Взятые вскоре нейтрализовали их усилия. С этого момента все стало зависеть от людей.

Как и всегда, мятежники переломили ход наступления численностью. Слоны падали один за другим. Стена перед линией атакующих становилась все плотнее. У нас не было резервов, а из вражеского лагеря потоком шли свежие части — без особого желания сражаться, но достаточно упорные, чтобы повернуть наступление вспять. Отход стал необходимостью.

Странник по команде Госпожи подал сигнал отступать.

— Очень хорошо,— бормотал я.— Действительно очень хорошо.— Наши измотанные солдаты возвращались на позиции и обессиленно садились. До темноты оставалось совсем немного времени. Мы выстояли еще один день.— Но что теперь? Эти дураки не отступят, пока на небе видна комета. А мы уже выпустили нашу последнюю стрелу.

Госпожа улыбнулась:

— Запиши все так, как ты видел, летописец,— сказала она и уехала, окруженная сопровождающими.

— И что мне теперь делать с этой лошадью? — буркнул я.

Ночью магия сражалась с магией, но я пропустил это зрелище. Не знаю, какой стороне стычка принесла больший урон. Мы потеряли Луногрыза, Безликого и Крадущегося. Из этих троих только Крадущийся погиб из-за действий противников, остальные пали жертвами вражды между Взятыми.

Не прошло и часа после заката, как явился посыльный. Накормив помощников, я готовил свою команду к спуску вниз, зашивать раненых. Послание для меня опять принес Ильмо.

— В Башню, Костоправ. Тебя зовет подружка. Прихвати с собой лук.

Человек способен бояться лишь до какого-то предела, даже таких, как Госпожа. Я лишь вздохнул и спросил:

— Лук-то зачем?

Ильмо пожал плечами.

— И стрелы тоже?

— Про стрелы не говорилось ни слова. Глупость какая-то.

— Ты, наверное, прав. Одноглазый, остаешься за меня.

Мне подарили передышку. По крайней мере, сегодня я не буду всю ночь ампутировать конечности, зашивать раны и ободрять юношей, которые, как я знаю, не проживут и недели. Служба у Взятого дает солдату больше шансов выжить, получив тяжелую рану, но гангрена и перитонит все равно собирают полагающуюся им дань.

Вниз по длинной рампе к темному входу. Башня, омытая серебристым светом кометы, нависла надо мной чем-то мифическим. Неужели Круг просчитался? Слишком долго выжидал? И комета, начавшая удаляться и бледнеть, перестала для них быть благоприятным знамением?

Близки ли уже восточные армии? Нет, недостаточно. Но наша стратегия, кажется, не основана на глухой обороне. Будь это так, мы просто вошли бы в Башню и заперли вход. Или нет?

Я замялся, не желая пересекать порог Башни,— естественная нерешительность. Коснулся амулета, который давным-давно дал мне Гоблин, потом нового амулета Одноглазого. Не очень-то они меня подбодрили. Я взглянул на пирамиду, и мне показалось, что я различаю на вершине силуэт. Капитан? Я поднял руку. Человек на пирамиде помахал в ответ. На душе полегчало, я повернулся.

Вход в Башню выглядел как черная пасть, но, сделав шаг вперед, я очутился в широком освещенном коридоре. Здесь воняло лошадьми и коровами, которых давным-давно загнали внутрь.

Меня ждал солдат.

— Ты Костоправ?

Я кивнул.

— Следуй за мной.

Солдат был не гвардейцем, а молодым пехотинцем из армии Ревуна. Вид у него был смущенный. По дороге мне встретились и другие солдаты в такой же форме. Это меня поразило. Пока остальные Взятые воевали с Кругом и друг с другом, Ревун ночи напролет перевозил на ковре солдат. Никто из них не выходил на поле боя.

Сколько же их здесь? Какие еще сюрпризы скрывает Башня?

Я вошел во внутреннюю Башню через уже знакомый портал. Солдат передал меня капитану гвардейцев и тихим дрожащим голосом пожелал мне удачи. Я поблагодарил его, и мой голос тоже дрогнул.

Госпожа была серьезна. По крайней мере внешне. Я тоже отказался разыгрывать роль сексуально озабоченного подростка. Она сразу приступила к делу.

Усадив меня перед столом из темного дерева, на котором лежал мой лук, она сказала:

— У меня возникла проблема.

Я молча взглянул на нее.

— Среди солдат бродят дурацкие слухи, верно? О том, что происходит между Взятыми.

— Это уже не похоже на предательство Хромого,— кивнул я.— Взятые убивают друг друга. Никто не хочет оказаться под перекрестным огнем.

— Мой муж не мертв. Ты это знаешь. За всем, что происходит, стоит он. Он пробуждается. Очень медленно, но он ожил достаточно, чтобы связаться с некоторыми из Круга. Достаточно, чтобы коснуться женщин среди Взятых. Ради него они пойдут на что угодно. Суки. Я слежу за ними, насколько это в моих силах, но я не всемогуща. И им кое-что удается. Эта битва... Она совсем не то, чем кажется. Члены Круга привели сюда армию мятежников под влиянием моего мужа. Идиоты. Они думали, что смогут использовать *его*, свергнуть меня и захватить власть. Никого из них больше нет, все они мертвы, но война, которую они начали, продолжается. Я сражаюсь не с Белой Розой, летописец,— хотя моя победа над Кругом станет и победой над этой глупостью. Я сражаюсь со старым властолюбцем, с Властелином. И если проиграю, то потеряю весь мир.

Хитроумная женщина. Она не стала разыгрывать роль перепуганной девушки, а обратилась ко мне как равная к равному и тем самым увереннее приобрела мою симпатию. Она знала, что о Властелине я знаю ровно столько, сколько любой из ныне живущих простых людей. Знала, что я должен бояться его гораздо больше, чем ее, потому что кто боится женщины больше, чем мужчины?

— Я знаю тебя, летописец. Я открыла твою душу и заглянула внутрь. Ты сражаешься за меня потому, что твой отряд взял на себя обязательства, которые будет соблюдать до самого горького конца — поскольку некоторые его командиры считают, что честь отряда была запятнана в Берилле. И большинство из вас считает, что служит Злу.

Зло относительно, летописец. На него нельзя повесить табличку. Его нельзя коснуться, пощупать или разрубить мечом. Зло зависит от того, где стоишь ты сам, негодующе указывая на него пальцем. Сейчас ты противостоишь Властелину, потому что дал клятву. И поэтому он для тебя — Зло.

Она на мгновение смолкла, наверное, ожидая, что я отвечу. Я промолчал. Она обволокла оболочкой мою собственную философию.

— Это зло трижды пыталось убить тебя, летописец. Дважды — опасаясь твоих знаний, а в третий раз — твоего будущего.

— Будущего? — встрепенулся я.

— Иногда Взятые способны заглянуть в будущее. Возможно, кто-то уже предвидел наш разговор.

Она ошеломила меня. Я сидел перед ней дурак дураком.

Она вышла из комнаты и быстро вернулась с колчаном, высыпала стрелы на стол. Они были черные и тяжелые, с серебряными наконечниками и покрыты едва видными письменами. Пока я их разглядывал, она взяла мой лук и заменила его на оружие такого же веса и упругости. Лук стал великолепным дополнением к стрелам. Слишком великолепным, чтобы пользоваться им как оружием.

— Носи это с собой,— приказала она.— Всегда.

— Мне придется им воспользоваться?

— Не исключено. Завтра все так или иначе завершится. Мятежникам сильно досталось, но они все же сохранили огромные людские резервы. Моя стратегия может и не привести к победе. Если я проиграю, выиграет мой муж. Не мятежники, не Белая Роза, а Властелин — этот жуткий зверь, что не может успокоиться в могиле...

Избегая ее взгляда, я посмотрел на оружие и задумался над тем, каких слов она от меня ждет. Что мне полагается сделать с этим смертоносным оружием, и окажусь ли я на это способен, когда придет время?

Она познала мои мысли.

— В нужный момент ты поймешь все сам. И поступишь так, как сочтешь необходимым.

Я поднял взгляд и нахмурился, желая... Даже зная, кто она такая, но все же желая... Наверное, мои братья-идиоты были правы.

Она улыбнулась, протянула ко мне слишком безупречную руку, сжала мои пальцы...

И я съехал с катушек. Я так думаю. Ничего больше не помню. Мое сознание на мгновение затуманилось, а когда туман рассеялся, она все еще держала меня за руку.

— Пора идти, солдат,— сказала она, улыбаясь.— И хорошенько отдохни.

Я поднялся, словно зомби, и зашаркал к двери. Меня не покидало неясное ощущение, что я пропустил нечто особенное. Но я не обернулся. Не смог.

Я вышел из Башни в ночь и сразу понял, что опять потерял несколько часов. Звезды на небе переместились, комета висела низко над горизонтом. Отдохни хорошо? Времени на отдых почти не осталось.

Было тихо и прохладно, стрекотали кузнечики. Кузнечики. Ну кто этому поверит? Я посмотрел на оружие, которое мне дала Госпожа. Когда я успел натянуть тетиву? Почему на ней уже лежит наготове стрела? Я вообще не помню, что брал лук и стрелы со стола... На какое-то жуткое мгновение мне почудилось, что я схожу с ума. Песня кузнечиков привела меня в чувство.

Я задрал голову, посмотрел на пирамиду. С ее вершины на меня кто-то смотрел. Я поднял руку, человек на пирамиде тоже. Судя по движениям, Ильмо. Старина Ильмо.

До рассвета остались считанные часы. Но я еще успею вздремнуть, если не стану зря тратить время.

Начав подниматься по рампе, я ощутил что-то странное, а на середине подъема догадался — это же амулет Одноглазого! Он обжигает мне запястье... Взятый! Опасность!

Из-за выступа на грани пирамиды выскользнуло облачко мрака, растеклось корабельным парусом и двинулось в мою сторону. Я отреагировал единственным доступным мне способом — пустил стрелу.

Древко пронзило плоское черное пятно, и тут же послышался долгий вой — наполненный скорее удивлением, чем яростью, скорее отчаянием, чем болью. Пятно съежилось, что-то человекообразное покатилось вниз. Я наблюдал за его падением, но стрелять больше не собирался, хотя на тетиве уже лежала новая стрела. Преодолевая страх, я зашагал по рампе наверх.

— Что там случилось? — спросил Ильмо, когда я поднялся на вершину.

— Не знаю,— ответил я.— Честно могу сказать, что не имею ни малейшего представления о том, что происходит сегодня ночью.

Ильмо посмотрел на меня ободряюще — мол, все хорошо, что хорошо кончается.

— А ты здорово устал. Отдохни немного.

— Да, отдых мне не помешает,— признал я.— Передай Капитану, что, по словам Госпожи, сегодня решающий день. Победа или поражение.

Капитану эти новости ничем не помогут, но я решил, что ему желательно об этом знать.

— Хорошо. С тобой в Башне что-то делали?

— Не знаю. Думаю, что нет.

Хотя Ильмо сам советовал мне отдохнуть, ему явно хотелось поговорить еще. Я мягко отстранил его, зашел в одну из госпитальных палаток и свернулся там в уголке, словно раненое животное, забившееся в свою нору. Что-то все-таки меня коснулось, пусть даже я не могу этого назвать. Мне требовалось время, чтобы прийти в себя. Вероятно, больше времени, чем есть у меня до рассвета.

Разбудить меня послали Гоблина. Я просыпался в обычном своем утреннем настроении, угрожая кровавой местью всякому, кто окажется достаточно глуп, чтобы потревожить мой сон. Впрочем, мои сны сегодня этого заслуживали — они были гнусными. Во сне я проделывал отвратительные вещи с двумя девочками не старше двенадцати лет, причем им это нравилось. Какая все-таки гадость гнездится у нас в голове.

Но все же, несмотря на мерзостные сны, мне не хотелось вставать. Мой спальный мешок был горяч, словно поджаренный ломтик хлеба.

— Что, на грубость нарываешься? — пригрозил мне Гоблин.— Послушай, Костоправ. Скоро заявится твоя подружка. Капитан хочет, чтобы ты встречал ее наверху вместе с остальными.

— Да, конечно.— Я схватил одной рукой сапоги, отодвинул полог у входа в палатку.— А который сейчас час? — зарычал я.— Похоже, солнце уже несколько часов как встало.

— Так оно и есть. Ильмо решил, что тебе нужно отдохнуть. Сказал, что у тебя была тяжелая ночь.

Раздраженно ворча, я оделся, натянул сапоги и собирался умыться, но Гоблин увлек меня в сторону.

— Иди, оденься по-боевому. Мятежники уже выступили.

Я услышал отдаленный рокот барабанов. До сих пор они ими не пользовались. Я спросил об этом у Гоблина. Тот пожал плечами. Лицо у него было бледным. Полагаю, он слышал слова, которые я передал Капитану. Победа или поражение. Сегодня.

— Мятежники избрали новый совет,— сообщил он. Торопливо, как говорят испуганные люди, он стал пересказывать мне подробности ночной стычки между Взятыми и о том, какой урон был нанесен мятежникам. Ничего радостного я не узнал. Гоблин помог мне облачиться во все мои доспехи. Со времен сражений под Лордами я обходился кольчужной рубашкой. Затем я прихватил оружие Госпожи и вышел из палатки в великолепнейшее утро.

— Отличный денек для смерти,— заметил я.

— Угу.

— Скоро она у нас объявится? — К ее прибытию Капитан захочет нас построить. Ему нравится производить впечатление порядка и эффективности.

— Когда захочет, тогда и придет. Нам лишь передали сообщение, что она у нас будет.

— Гм-м.— Я обвел взглядом вершину пирамиды. Братья занимались своими делами, готовясь к сражению. Никто особо не торопился.— Пойду поброжу вокруг.

Гоблин не стал возражать и пристроился следом за мной. Его мертвенно-бледное лицо озабоченно хмурилось, глаза непрерывно шныряли из стороны в сторону, отмечая все вокруг. По наклону его плеч и осторожности движений я догадался, что он готов в любой момент выпустить заклинание. Он следовал за мной по пятам, и до меня не сразу дошло, что он меня охраняет.

Я был одновременно обрадован и встревожен. Обрадован, потому что обо мне заботились и берегли меня, и встревожен, потому что дела мои стали настолько скверными. Я взглянул на свои руки. Сам не помню, когда я успел натянуть тетиву и положить стрелу на изготовку. Выходит, часть моего сознания тоже максимально настороже.

Все поглядывали на оружие, но никто ничего не спрашивал. Подозреваю, что в Отряде гуляли всяческие истории про меня.

Странно, что товарищи не приперли меня в угол и не потребовали объяснений.

Мятежники тщательно и методично накапливали силы за пределами дальности стрельбы нашего оружия. Кто бы ни возглавил их с этой ночи, ему удалось восстановить дисциплину. А кроме того, за ночь они изготовили целый арсенал осадных приспособлений.

Наши войска оставили нижний уровень. Там осталось лишь распятие, на котором корчилась форвалака... Корчилась. Получив столько ран, да еще прибитая к кресту, она все еще жила!

Командование перетасовало наши силы. Лучников теперь подняли на третий ярус, где полностью распоряжалась Шепот. Союзники, уцелевшие солдаты с первого уровня, люди Душелова и прочие расположились на втором. Душелов держал центр, лорд Джалена — правый фланг, а Ревун — левый. Попытались восстановить частокол, но он так и остался сильно поврежденным и будет слабым препятствием.

К нам подошел Одноглазый:

— Слышали последнюю новость, парни?

Я вопросительно приподнял бровь.

— Они утверждают, будто нашли свою Белую Розу.

— Сомневаюсь,— возразил я, поразмыслив.

— И правильно. Из Башни передали, что она фальшивая. Это просто уловка, чтобы поднять настроение у солдат.

— Так я и думал. Удивляюсь, почему они не додумались до этого раньше.

— Помянешь черта...— пискнул Гоблин и вытянул руку.

Я несколько секунд приглядывался и лишь потом заметил мягкое свечение, приближающееся к нам по проходу между вражескими дивизиями. Оно окружало девочку на крупной белой лошади. Девочка держала красное знамя с изображением белой розы.

— Не смогли даже обставить все как следует,— бросил Одноглазый.— Видишь мужика на гнедой лошади? Вот он и создает это сияние.

Однако все внутри меня сжалось от страха — а вдруг девочка и впрямь настоящая Белая Роза? Я посмотрел на свои руки, гадая, не подразумевала ли Госпожа, что ребенок тоже

должен стать мишенью для моих стрел. Но нет — у меня не возникло желания послать стрелу в том направлении. В любом случае она не пролетела бы и половины разделявшего нас расстояния.

У дальнего края пирамиды я заметил Ворона и Душечку, оживленно переговаривающихся при помощи пальцев. Я направился к ним.

Ворон заметил меня и Гоблина, когда нас разделял десяток шагов. Он взглянул на мой лук, его лицо окаменело. В руке появился нож, которым он принялся чистить ногти.

От удивления я даже споткнулся. Я прекрасно знал этот трюк с ножом, но он прибегал к нему только в напряженные моменты. Но почему он выхватил нож передо мной? Я же не враг.

Я сунул лук и стрелу под левую подмышку и поздоровался с Душечкой. Она одарила меня широкой улыбкой и быстро обняла. Она-то точно ничего против меня не имела. Девочка попросила у меня разрешения посмотреть лук. Я позволил, но оружие не выпустил. Не смог.

Ворон не находил себе места, словно сидел на горячей сковородке.

— Да что с тобой, в конце концов? — не выдержал я.— Ты себя ведешь так, словно мы все зачумленные.

Поведение Ворона причиняло мне боль. Мы ведь с ним побывали кое в каких переделках, и он не имел права так себя вести.

Губы Ворона сжались. Он ковырял ножом под ногтями с таким ожесточением, что вот-вот мог пораниться.

— Так что?

— Не дави на меня, Костоправ.

Правой рукой я погладил по спине прильнувшую ко мне Душечку. Пальцы левой сомкнулись на стержне лука, костяшки приобрели цвет старого льда. Я был готов ударить Ворона. Не будь у него кинжала, у меня появился бы шанс начистить ему морду. Он, конечно, парень крутой, но я за долгие годы тоже кое-чему научился.

Душечка, казалось, не замечала возникшего между нами напряжения.

Гоблин встал между нами и посмотрел в лицо Ворону. Поза у него была столь же воинственная, как и у меня.

— У тебя проблема, Ворон,— сказал Гоблин.— По-моему, всем станет лучше, если мы обсудим ее вместе с Капитаном.

Ворон испугался. Он понял, пусть даже на мгновение, что создает себе врагов. Гоблина невероятно трудно вывести из себя. По-настоящему вывести, а не так, когда он дурачится с Одноглазым.

В глазах Ворона что-то потухло. Он показал на мой лук.

— Мальчик на побегушках у Госпожи,— процедил он.

Я больше огорчился, чем рассердился.

— Ты не прав,— возразил я.— Но даже если и прав, то что с того?

Ворон принялся нервно расхаживать. Его взгляд часто скользил по прильнувшей ко мне Душечке. Он хотел, чтобы она отошла от меня, но не мог подобрать приемлемых слов, чтобы высказать свое желание.

— Сперва без конца подлизывался к Душелову. Теперь к Госпоже. Что ты делаешь, Костоправ? Кого предаешь?

— Что? — Лишь присутствие Душечки помешало мне наброситься на него.

— Довольно,— отрезал Гоблин. Его голос был тверд, ни намека на писклявость.— Я употребляю свою власть. На вас обоих. Здесь. И сейчас. Мы идем к Капитану и все обговариваем начистоту. Или будем голосовать за твое исключение из Отряда, Ворон. Костоправ совершенно прав. В последнее время ты себя ведешь по-свински. Нам этого не нужно. У нас и так здесь хватает неприятностей.— Он ткнул пальцем в сторону мятежников.

Те ответили ему звуками горнов.

Разговор с Капитаном откладывался.

Было очевидно, что у мятежников новый командующий. Вражеские дивизии наступали медленным размеренным шагом, тесно сомкнув щиты, принимающие большую часть наших стрел. Шепот быстро приспособилась к их новой тактике и приказала гвардейцам обстреливать сосредоточен-

ным огнем одно подразделение за другим, а лучникам ждать, пока тяжелые орудия не проделают бреши в стене щитов. Эффективно, но недостаточно.

Осадные башни и рампы с рокотом катились вперед, толкающие их солдаты не жалели усилий. Гвардейцы старались как могли, но сумели разбить лишь несколько щитов. Шепот оказалась перед дилеммой, ей пришлось выбирать между двумя целями. Она приказала обрушить огонь баллист на пехоту.

На сей раз башни подобрались ближе, и вражеские лучники смогли обстреливать наших. Но и наши стрелы долетали до башен, а наши лучники стреляли точнее.

Враг пересек ближайший ров, выдерживая массированный обстрел с двух ярусов, и лишь добравшись до частокола, нарушил строй и устремился к ослабленным участкам заграждения, но успеха не добился. Тогда они начали атаку по всему фронту. Рампы еще медленно подползали, и вперед бросились солдаты с лестницами.

Взятые не стали дожидаться темноты и обрушили на врага все, что смогли. Колдуны противника начали противодействие и, несмотря на понесенные потери, по большей части нейтрализовали усилия наших. Шепот в этой дуэли не участвовала — ей было не до того.

Из Башни вышла Госпожа с сопровождающими. Меня опять вызвали к ней. Я забрался на лошадь и присоединился к ней, положив на колени лук.

Враг непрерывно давил. Время от времени я поглядывал на Госпожу, но она так и осталась ледяной королевой с совершенно бесстрастным лицом.

Мятежники захватывали плацдарм за плацдармом. Целые участки частокола уже были разрушены, и там орудовали люди с лопатами, сооружая земляные рампы. Деревянные рампы были еще в пути и приблизятся не скоро.

Единственный островок спокойствия сохранялся возле распятой форвалаки — атакующие обходили ее стороной на порядочном расстоянии.

Войска лорда Джалены начали сдавать. Угрозу краха можно было заметить еще до того, как солдаты начали поглядывать на частокол за спиной.

Госпожа подала знак. Странник пришпорил лошадь и спустился к подножию пирамиды. Он проехал за спинами солдат Шепот, потом через их ряды и остановился на краю яруса за дивизией Джалены, потом поднял копье. Оно сверкнуло. Не знаю почему, но войска Джалены воспрянули, сомкнули ряды и начали теснить противника.

Госпожа махнула рукой влево. Перо отчаянным галопом пустила коня вниз по склону, размахивая горном. Его серебряный зов заглушил рев вражеских труб. Проехав через строй войск на третьем ярусе, она заставила коня спрыгнуть со стены. Такой прыжок убил бы любого коня, но этот, тяжело приземлившись, сохранил равновесие, слегка присел на задние ноги и торжествующе заржал, когда Перо поднесла к губам горн. И войска на левом фланге тоже воспрянули и стали отбрасывать мятежников назад.

Маленькая фигурка цвета индиго перебралась через стену и побежала назад, огибая основание пирамиды. Она не останавливалась до самой Башни. Ревун. Я удивленно нахмурился. Его что, сменили?

Фокусом битвы стал центр. Душелов прилагал отчаянные усилия для сохранения боевой линии.

Я услышал какие-то звуки и увидел неподалеку Капитана верхом на коне. Я обернулся. На вершину пирамиды успели привести немалое число лошадей. Я посмотрел поверх узкого крутого склона пирамиды на небольшую площадку третьего яруса, и мое сердце дрогнуло. Неужели она планирует кавалерийскую атаку?

Конечно, Перо и Странник здорово помогли, но их помощи оказалось мало. Они усилили сопротивление лишь до момента, когда мятежники подтянули рампы.

Второй ярус пал. Медленнее, чем я ожидал, но все же пал. Спаслось не более тысячи наших солдат. Я посмотрел на Госпожу. Ее лицо осталось ледяным, но все же я почувствовал, что недовольной ее не назовешь.

Шепот поливала врагов внизу ливнем стрел. Гвардейцы стреляли из баллист в упор.

Над пирамидой скользнула тень. Я задрал голову. В сторону врага дрейфовал ковер Ревуна. По краям ковра на корточ-

ках сидели люди, сбрасывая какие-то шары размером с голову. Они падали в толпу мятежников, не причиняя видимого вреда. Ковер медленно перемещался в сторону вражеского лагеря, усыпая путь под собой этими бесполезными предметами.

Врагу потребовался час, чтобы установить перед третьим ярусом деревянные рампы, и еще час, чтобы накопить достаточно сил для атаки. Шепот, Перо, Странник и Душелов уничтожали их безжалостно. Подходящим частям приходилось карабкаться по трупам своих товарищей, чтобы добраться до вершины частокола.

Ревун уже сбрасывал свои шары над лагерем мятежников. Сомневаюсь, что там кто-либо остался — все сейчас толпились внизу, ожидая своей очереди вступить в бой.

Фальшивая Белая Роза сидела на лошади неподалеку от второго рва, окруженная новым советом мятежников. Члены Круга сидели неподвижно, словно замороженные, и начинали действовать лишь в том случае, если кто-либо из Взятых прибегал к магии. Впрочем, Ревуну они мешать не стали — очевидно, тут они ничего не могли поделать.

Я посмотрел на Капитана... Он выстраивал всадников вдоль переднего края пирамиды. Все-таки мы *пойдем* в кавалерийскую атаку по склону пирамиды! Какой идиотизм!

«Моему верному не надо бояться»,— прозвучал голос внутри меня. Я повернулся к Госпоже, она ответила мне холодным царственным взглядом. Я вновь обратил взгляд на битву.

Все решится очень скоро. Наши солдаты откладывали луки, бросали тяжелые орудия и сбивались в единый отряд. Вся вражеская орда на равнине пришла в движение. Настал момент, когда они должны броситься на нас, захлестнуть и с ревом ворваться в Башню, пока ворота в нее еще открыты...

Ковер Ревуна, раздирая воздух, несся к нам от лагеря мятежников, двигаясь раз в десять быстрее, чем любая лошадь. Не в силах отвести глаз, я смотрел, как большой ковер мчится над нашими головами. На мгновение он заслонил комету, потом развернулся к Башне. Снизу послышался странный вой, не похожий на любой из тех криков Ревуна, что мне доводилось слышать. Ковер чуть-чуть потерял высоту, попытался снизить скорость и врезался в Башню на несколько футов ниже вершины.

— Боже мой! — выдохнул я.

Ковер смялся в гармошку, и с пятисотфутовой высоты горохом посыпались люди. Тут Ревун умер или потерял сознание, и стал падать сам ковер.

Я повернул голову к Госпоже, которая тоже наблюдала за происходящим. Ее лицо даже не дрогнуло. Очень тихо, так, что ее услышал лишь я, она произнесла:

— Ты *воспользуешься* моим луком.

Я вздрогнул. За секунду перед моим внутренним взором промчалась сотня образов, сменяя друг друга настолько быстро, что распознать какой-либо оказалось невозможно. Мне почудилось, что я натягиваю лук...

Госпожа была разгневана. И гнев ее был настолько велик, что меня бросило в дрожь только от одной мысли об этом, хотя я знал, что он направлен не на меня. Объект же ее гнева определялся элементарно. Ревуна погубили не действия врагов. Лишь один Взятый мог быть причастен к этой трагедии. Душелов. Наш бывший ментор. Тот, кто использовал нас в своих столь многочисленных схемах.

Госпожа что-то пробормотала. Не уверен, что расслышал ее слова в точности, но прозвучали они примерно так: «Я давала ей последний шанс».

— Мы не были к этому причастны,— прошептал я.

— Поехали.— Госпожа пустила свою лошадь вперед, и та перемахнула через край пирамиды. Бросив на прощание отчаянный взгляд на Капитана, я последовал за ней.

Госпожа мчалась вниз по склону со скоростью, не уступавшей недавнему отчаянному броску Пера. Моя лошадь, казалось, твердо решила не отставать.

Мы стремительно приближались к большой группе вопящих людей. Центром ее был большой фонтан белых нитей — они взметнулись вверх и разнеслись по ветру, накрыв и мятежников, и наших солдат. Госпожа не свернула.

Душелов уже спасался бегством. Друзья и враги шарахались от него по сторонам — его окружала аура смерти. Он подбежал к Страннику, подпрыгнул, сшиб его с коня, вскочил в седло, одним прыжком перемахнул на второй ярус, пронесся через толпу врагов, спустился на равнину и погнал коня во весь опор.

Госпожа повторила весь путь по его следам, ее черные волосы струились от бешеной скачки. Я следовал за ней вплотную — смертельно испуганный, но не в силах поступить иначе. Когда наши лошади помчались по равнине, Душелов оторвался на триста ярдов. Госпожа пришпорила свое животное. Я не отставал, уверенный, что одна или обе наши лошади обязательно споткнутся о какой-нибудь обломок или тело, но они, как и конь Душелова, мчались уверенно, точно по беговой дорожке.

Душелов направился прямо к вражескому лагерю и пересек его. Мы повторили его действия. На открытой местности за лагерем мы стали его нагонять. Три наши лошади оказались неутомимы, словно машины. Миля за милей оставались за спиной, и на каждой миле мы выигрывали пятьдесят ярдов. Одной рукой я стискивал лук, другой отчаянно держался. Я никогда не был религиозен, но в тот момент у меня возникло искушение помолиться.

Она, моя Госпожа, была неумолима как смерть. Мне стало заранее жаль Душелова.

Душелов мчался по дороге, пересекающей одну из долин западнее Чар. Мы были недалеко от того места, где отдыхали на вершине холма и едва не угодили под белые нити. Я вспомнил, что совсем недавно мы промчались через целый фонтан этих нитей, но они нас даже не коснулись.

Но что же произошло на поле битвы? Являлись ли эти события частью плана, целью которого было оставить наших солдат на милость мятежников? Ближе к концу мне стало ясно, что стратегия Госпожи включает в себя максимальное разрушение и уничтожение всего и вся. Что она желает увидеть лишь жалкую кучку уцелевших и с нашей, и с другой стороны. Она устроила генеральную уборку в своем доме. И теперь среди Взятых у нее остался единственный враг — Душелов. Тот из Взятых, кто в моих глазах выглядел почти хорошим. Тот, кто минимум один раз спас мне жизнь — тогда, на Лестнице Слёз, когда Зовущая намеревалась убить меня и Ворона. Тот, кто единственный из Взятых разговаривал со мной как с человеком, кто хоть немного рассказывал о событиях древности, удовлетворяя мое ненасытное любопытство...

Тогда какого дьявола я нахожусь здесь, зачем участвую в адской скачке вместе с Госпожой, охотясь за тем, кто способен прихлопнуть меня, не моргнув глазом?

Душелов обогнул выступ холма и, когда мы несколько секунд спустя повторили его маневр, исчез. Госпожа на мгновение притормозила, медленно поворачивая голову, потом дернула поводья и направила свою лошадь в сторону леса, подступавшего к самой дороге. Когда мы достигли первых деревьев, она остановилась. Моя лошадь встала рядом с ней.

Госпожа внезапно спрыгнула с лошади. Я, не задумываясь, сделал то же самое. Когда я поднялся после прыжка, ее лошадь падала, а моя, уже мертвая, еще стояла на негнущихся ногах. У каждой на горле виднелось черное пятно ожога размером с ладонь.

Госпожа вытянула руку, показывая направление, и шагнула вперед. Пригнувшись и наложив стрелу на тетиву, я последовал за ней, ступая осторожно и беззвучно, по-лисьи скользя между кустами.

Остановившись, Госпожа присела и ткнула куда-то пальцем. Я взглянул поверх ее вытянутой руки. Мелькание, мелькание, две секунды быстро сменяющихся образов. Потом они остановились, и я увидел фигуру футах в пятидесяти от нас — кто-то, стоя на коленях спиной к нам, что-то быстро делал. На вопросы морали, одолевавшие меня во время скачки, времени не осталось. Это существо несколько раз пыталось меня убить. Я еще не осознал до конца, что делаю, а моя стрела уже взвилась в воздух.

Она попала в голову, фигура упала лицом вниз. Я на секунду затаил дыхание, потом медленно выдохнул. Так просто...

Госпожа торопливо сделала три шага вперед, нахмурилась. Справа послышался быстрый шорох — кто-то несся сквозь кусты. Госпожа развернулась и помчалась обратно, на бегу ударив меня по руке.

Через несколько секунд мы выбежали на дорогу. Я уже держал наготове новую стрелу. Рука Госпожи поднялась, указывая... Из-за прикрытия деревьев в пятидесяти ярдах от нас выскользнул прямоугольный предмет. Сидящий на нем человек сделал в нашу сторону метательное движение. Я пошатнулся,

получив удар неизвестно откуда. Мне показалось, что на мои глаза, мешая видеть, упала густая паутина, но я все же разглядел, как Госпожа изобразила рукой какой-то жест. Паутина исчезла, я воспрянул. Госпожа вновь вытянула руку — ковер, набирая высоту, стал удаляться.

Я натянул лук и пустил стрелу, даже не надеясь, что она поразит движущуюся мишень на таком расстоянии.

Она действительно не попала в цель, но лишь потому, что ковер резко дернулся вниз и в сторону. Стрела просвистела в нескольких дюймах от головы наездника.

Госпожа сделала какие-то пассы. Послышалось жужжание — его издавала неизвестно откуда возникшая гигантская стрекоза вроде той, что я видел в Облачном лесу. Стрекоза спикировала на ковер, ударила по нему. Ковер завертелся, накренился, дернулся. Наездник с криком отчаяния рухнул вниз. Едва человек коснулся земли, я выпустил стрелу. Он дернулся и остался лежать неподвижно. Мы подбежали.

Госпожа сдернула с жертвы черный морион. И выругалась. Негромко и размеренно, она материлась не хуже старшего сержанта.

— Что такое? — спросил я наконец. Человек был, несомненно, мертв.

— Это не она.— Госпожа резко обернулась к лесу, ее лицо на несколько секунд стало отрешенным. Потом взглянула на летающий ковер. Дернула головой в сторону леса: — Сходи посмотри, женщина ли там лежит. И проверь, куда делась ее лошадь.— Повернувшись к ковру Душелова, она стала делать призывные движения.

Я пошел к лесу, голова у меня едва не кружилась. Выходит, Душелов женщина? И к тому же изобретательная. Заранее все здесь подготовила, зная, что ее будет преследовать Госпожа.

Страх стал нарастать, когда я медленно и тихо пробирался через лес. Душелов играл в игру со всеми, причем гораздо хитроумнее, чем предвидела даже Госпожа. Тогда что дальше? На мою жизнь было уже столько покушений... Не настал ли подходящий момент, чтобы избавиться от той угрозы, которую я представляю?

Впрочем, так ничего и не произошло. Если не считать того, что я, подкравшись к трупу в лесу, откинул черный морион и увидел лицо симпатичного юноши. Меня захлестнули страх, гнев и отчаяние, и я пнул мертвеца.

Приступ отчаяния вскоре прошел. Я стал искать лагерь, где прятались двойники. Они уже давно сидели в лесу и были готовы просидеть еще долго — запасов у них оказалось на целый месяц.

Мое внимание привлек большой сверток. Я разрезал стягивающие его веревки и заглянул внутрь. Бумаги. Огромная пачка, фунтов на восемьдесят потянет. Меня охватило любопытство.

Я торопливо огляделся, не заметил ничего подозрительного и порылся в свертке. И мгновенно понял, что у меня в руках — часть того, что мы откопали в Облачном лесу.

Но почему эти бумаги оказались здесь? Я думал, что Душелов передал их Госпоже. Тьфу! Интрига на интриге сидит и интригой погоняет. Возможно, *часть* бумаг он передал. А себе, наверное, оставил те, что, по его мнению, могут пригодиться позднее. Скорее всего, мы сейчас столь близко наступали Душелову на пятки, что у него не осталось времени прихватить сверток с собой...

Не исключено, что он еще вернется. Я вновь огляделся, борясь со страхом.

Ничто не шелохнулось.

Так где же он?

«Она,— напомнил я себе.— Душелова следует называть *она*».

Я обшарил окрестности лагеря двойников, отыскивая следы бегства Взятого, и вскоре обнаружил ведущие в лес отпечатки копыт. Через несколько шагов они вывели меня на узкую тропку. Я присел и всмотрелся в лесной полог, где в солнечных лучах порхали золотистые мотыльки. Мне очень не хотелось идти дальше по этой тропке.

«Возвращайся,— услышал я прозвучавший в голове голос.— Возвращайся».

Госпожа. С облегчением, потому что отпала необходимость идти по следу, я вернулся.

— Там лежит мужчина,— сказал я, подходя к Госпоже.

— Так я и думала.— Она придерживала рукой висящий в двух футах над землей ковер.— Залезай.

Я сглотнул, но подчинился. Мне показалось, будто я забираюсь из воды в лодку, дважды я едва не свалился. Когда Госпожа уселась рядом, я сказал:

— Он... она... осталась верхом и поехала по лесной тропинке.

— В каком направлении?

— На юг.

Ковер быстро поднялся. Мертвые лошади превратились в пятнышки далеко внизу. Мы заскользили над лесом. Мой желудок вел себя так, будто накануне вечером я влил в него несколько галлонов вина.

Некоторое время Госпожа негромко ругалась, потом сказала погромче:

— Сука. Она нас всех водила за нос. Включая моего мужа.

Я промолчал, потому что спорил сам с собой о том, должен ли я рассказать о бумагах. Госпожа ими заинтересуется. Но меня они тоже интересуют, и если я упомяну про них сейчас, у меня никогда не будет возможности в них разобраться.

— Готова поспорить, что теперь я раскусила ее замыслы. Избавиться от остальных Взятых, притворившись, будто участвует в их заговоре. Затем настала бы моя очередь, и тогда она попросту оставила бы Властелина в могиле. Все оказалось бы в ее руках, и она сумела бы от него отделаться. Без посторонней помощи вырваться он не может.— Она скорее размышляла вслух, чем обращалась ко мне.— А я упустила доказательства. Или проигнорировала их. А они все время были у меня перед носом. Хитроумная сука. Я ее за это сожгу.

Мы начали снижаться, и я едва не потерял то немногое, что имелось у меня в желудке. Ковер, сбрасывая скорость, опускался в долину, более глубокую, чем большая часть окружающей местности, хотя окаймляющие ее холмы в высоту не превышали двухсот футов.

— Стрелу,— бросила Госпожа. Я забыл приготовить следующую.

Мы углубились в долину примерно на милю, затем поднялись вдоль склона, пока не зависли возле выступа скалы из осадочных пород, и остались там на некоторое время, касаясь скалы краем ковра. Дул резкий холодный ветер, мои руки онемели. Мы улетели далеко от Башни, и в этой местности еще правила зима. Я непрерывно дрожал.

— Держись,— внезапно услышал я краткое предупреждение.

Ковер рванулся вперед. В четверти мили впереди я увидел фигурку, прильнувшую к шее мчащегося коня. Госпожа резко снизила ковер, и теперь мы неслись всего в двух футах над землей.

Душелов заметил нас и, словно защищаясь, вскинул руку. Мы летели совсем рядом, и я выпустил стрелу.

Передний край ковра резко взметнулся вверх — Госпожа попыталась подняться выше всадника и коня, но не успела. Ковер содрогнулся от удара, затрещали ломающиеся планки рамы. Нас завертело, я отчаянно вцепился в ковер, пока вокруг менялись местами земля и небо. Потом я ощутил второй удар — мы врезались в землю,— и покатился кувырком, слетев с ковра.

Через секунду я уже стоял на ногах и, пошатываясь, прилаживал к тетиве новую стрелу. Конь Душелова лежал со сломанной ногой, а оглушенный Душелов стоял рядом на четвереньках со стрелой в боку.

Я выстрелил, потом добавил еще две стрелы, памятуя о поразительной живучести Хромого в Облачном лесу, когда Ворон свалил его стрелой с вырезанным на ней истичным именем Взятого. Выпустив третью стрелу, я, все еще не избавившись от страха, вырвал из ножен меч и бросился вперед. До сих пор не могу понять, как я ухитрился не потерять меч, пережив все, что произошло с начала погони. Подбежав к Душелову, я перехватил рукоятку двумя руками, широко размахнулся и с силой обрушил лезвие. Никогда прежде я не наносил столь трусливого и яростного удара. Голова Душелова покатилась прочь, прикрывающий лицо морион откинулся, и на меня обвиняюще взгляну-

ли глаза на женском лице. А лицо это почти не отличалось от лица той, с кем я появился здесь.

Глаза Душелова уставились на меня. Губы попытались произнести какие-то слова. Я оцепенел, не в силах понять, что все это значит, но жизнь покинула Душелова прежде, чем я уловил послание, которое она пыталась до меня донести.

Потом я бесчисленное число раз буду вспоминать тот момент, пытаясь угадать слова в шевелении умирающих губ.

Госпожа подошла ко мне, волоча ногу. Привычка заставила меня повернуться, опуститься на колено...

— Сломана,— бросила она.— Ничего. Нога подождет.— Она мелко и часто дышала, и на мгновение мне показалось, что причиной тому боль. Потом я увидел, как она смотрит на голову. Госпожа захихикала.

Я взглянул на лицо, столь напоминающее лицо Госпожи, потом на нее. Она оперлась рукой о мое плечо. Я осторожно поднялся, обнял ее за талию.

— Никогда не любила эту суку,— пробормотала она.— Даже когда мы были детьми...

Она бросила на меня подозрительный взгляд и смолкла. С ее лица сошло воодушевление, она вновь превратилась в ледяную леди.

Если во мне еще и оставалась искра зловещей любви к этой женщине, в чем меня обвиняли братья, то она быстро угасла. Теперь я ясно увидел, что хотели уничтожить мятежники — вернее, те в их движении, что были истинными приверженцами Белой Розы, а не марионетками монстра, породившего эту женщину и ныне желавшего ее уничтожения ради того, чтобы ввергнуть мир в собственную разновидность ужаса. В тот момент я с радостью и счастьем положил бы ее голову рядом с головой сестры.

Уже во второй раз, если верить Душелову. Вторая сестра. Это существо не заслуживало верности и преданности.

У каждого человека есть предел везения, сил и стремления сопротивляться. У меня не хватило духу поддаться возникшему импульсу. Быть может, позднее. Капитан совершил ошибку, согласившись служить Душелову. Будет ли моего особого положения достаточно, чтобы убедить его оставить эту службу на том

основании, что наши обязательства закончились вместе со смертью нанимателя?

Сомневаюсь. Это выльется как минимум в настоящее сражение. Особенно если он, как я подозреваю, помог синдику в Берилле отправиться на тот свет. Если предположить, что Отряд уцелел после битвы, то его существованию не угрожает абсолютная опасность. И Капитан не одобрит идею нового предательства. В предстоящем моральном конфликте он сочтет его большим злом.

А существует ли еще Отряд? Битва при Чарах не закончилась лишь потому, что мы с Госпожой временно решили его покинуть. Кто знает, что там произошло, пока мы гонялись за Взятым-предателем?

Я посмотрел на солнце и с удивлением обнаружил, что прошло лишь чуть более часа.

Госпожа тоже вспомнила про Чары:

— Ковер, лекарь. Нам пора возвращаться.

Я помог ей залезть на искалеченный ковер Душелова. Он наполовину развалился, но Госпожа полагала, что он еще сможет функционировать. Я усадил ее поудобнее, подобрал лук и уселся перед ней. Госпожа зашептала. Потрескивая, ковер поднялся. Сидеть на нем оказалось весьма неуютно.

Пока мы облетали место гибели Душелова, я сидел с закрытыми глазами и спорил с самим собой, пытаясь свести воедино свои чувства. Я не мог поверить в зло как в активную силу, для меня оно существовало лишь как точка зрения, но мне довелось увидеть достаточно, чтобы поколебать прочность собственных убеждений. И если Госпожа не являлась воплощением зла, то она приблизилась к этому настолько, что разница оказывалась несущественной.

Ковер неуверенно направился к Башне. Открыв глаза, я увидел торчащий из-за горизонта огромный черный блок. Он постепенно увеличивался. Возвращаться мне не хотелось.

Мы с черепашьей скоростью летели над заваленной обломками скал местностью к западу от Чар. Госпоже пришлось полностью сосредоточиться, чтобы удерживать ковер в воздухе. Я с ужасом

представлял, как он падает на скалы или испускает дух над армией мятежников. Я перегнулся через край и стал разглядывать каменный хаос внизу, пытаясь выбрать место для аварийной посадки.

Поэтому я и заметил девочку.

Мы преодолели три четверти заваленной камнями полосы, и тут я увидел что-то движущееся. Прикрыв глаза ладонью, на нас смотрела Душечка. Из-за камня на мгновение высунулась рука и втянула ее в укрытие.

Я скосил глаза на Госпожу. Она ничего не заметила, потому что была слишком занята.

Так что происходит? Неужели мятежники загнали Отряд в скалы? Тогда почему я больше никого не вижу?

Напрягаясь, Госпожа постепенно набирала высоту. Под нами уже простиралось поле битвы, напоминающее по форме ломоть пирога.

Поле кошмара. Его устилали тела десятков тысяч мятежников. Большинство подразделений пало на месте, сохранив строй. Ярусы усеивали тела мертвецов обеих армий. На вершине пирамиды криво торчал флаг Белой Розы. Нигде ни единой живой души. Тишина стиснула все мертвой хваткой, нарушаемая лишь бормотанием холодного северного ветра.

Госпожа на мгновение утратила контроль над ковром. Мы рухнули вниз, и она остановила падение лишь в нескольких футах от земли.

Ни единого движения, лишь колышутся на ветру знамена. Поле боя походило на плод воображения свихнувшегося художника. Верхний слой мятежников выглядел так, словно люди умерли в жутких муках. Количество мертвецов не поддавалось подсчету.

Мы поднялись над пирамидой. По ней в сторону Башни тоже прокатилась смерть. Ворота остались распахнутыми, в их тени валялись тела мятежников.

Все-таки они пробились внутрь.

На вершине пирамиды лежало лишь несколько тел — все мятежники. Моим товарищам, должно быть, удалось укрыться в Башне.

И в лабиринте ее коридоров, наверное, еще продолжается сражение. Здание огромно, его нельзя захватить быстро. Я прислушался, но ничего не услышал.

До вершины Башни было триста футов, но мы не могли подняться так высоко... Там появилась фигура, приглашающе махнула рукой. Человек был невысок и одет в коричневое. Я ахнул, вспомнив, что лишь один из Взятых одевался в коричневую одежду. Фигурка, прихрамывая, переместилась, продолжая махать нам рукой. Ковер медленно поднимался. До вершины осталось двести футов. Сто. Я обернулся и вновь обвел взглядом панораму смерти. Четверть миллиона мертвецов? Голова пошла кругом. Цифра оказалась настолько велика, что разум отказывался ее воспринимать. Даже самые страшные сражения эпохи Владычества не косили людей в таких масштабах...

Я посмотрел на Госпожу. Она организовала эту резню. Теперь она станет полной владычицей мира — если продолжающаяся сейчас в Башне битва завершится в ее пользу. Кто посмеет выступить против нее? Перед моими глазами лежат мертвецы — цвет мужского населения целого континента...

Из ворот Башни вышли несколько мятежников и стали обстреливать нас из луков. Лишь считанные стрелы смогли достичь высоты ковра. Солдаты перестали зря тратить стрелы и принялись ждать. Они знали, что нам и так приходится скверно.

Пятьдесят футов. Двадцать пять. Госпожа выбивалась из сил даже при поддержке Хромого. Я дрожал на ветру, который угрожал ударить ковер о Башню. Мне вспомнилось долгое падение Ревуна. Мы сейчас на той же высоте, откуда он полетел вниз.

Бросив еще один взгляд на долину, я увидел форвалаку. Она обвисла на кресте, но я знал, что бестия еще жива.

К Хромому подбежали солдаты — кто с веревками, кто с копьями или длинными шестами. С каждой секундой скорость нашего подъема замедлялась. Ситуация превратилась в напряженную до странности игру — чтобы спастись, достаточно протянуть руку, но ее длины упорно не хватает.

Мне на колени упала веревка.

— Привязывай ее! — крикнул мне сверху сержант-гвардеец.

— А как насчет меня, задница?

Я медленно, со скоростью улитки, переместился к Госпоже, опасаясь нарушить стабильность ковра. У меня возникло иску-

шение завязать фальшивый узел, который распустится под ее весом,— Госпожа больше не вызывала моих симпатий. Мир без нее станет лучше. Душелов была смертельно опасной интриганкой, чьи амбиции погубили сотни людей. Она заслужила свою судьбу. Насколько же больше заслуживала смерти ее сестра, преждевременно отправившая по дороге теней несчетные тысячи?

Опустилась вторая веревка, я привязался. Мы находились в пяти футах от верхушки, не в силах подняться выше. Солдаты выбрали слабину у веревок. Ковер скользнул вдоль Башни. Сверху спустили шесты, я ухватился за один из них.

Ковер рухнул вниз.

На секунду мне показалось, что я уже покойник, но тут меня потащили наверх.

Как нам сказали, на нижних этажах Башни идет ожесточенное сражение. Хромой, полностью проигнорировав меня, торопливо направился к сражающимся. А я распростерся на вершине Башни, невыразимо счастливый от того, что остался жив. Я даже вздремнул. Проснулся я наедине с северным ветром и бледной кометой, висящей над горизонтом, и отправился вниз, чтобы лично оценить эндшпиль великого замысла Госпожи.

Она победила. Из ворвавшихся в Башню мятежников уцелел едва ли не один из ста, да и те давно сбежали.

Сброшенные Ревуном шары вызвали эпидемию. Она достигла критической стадии вскоре после того, как Госпожа и я бросились в погоню за Душеловом. Колдуны мятежников не сумели вовремя распознать опасность, отсюда и бесконечные ряды мертвецов.

Тем не менее у многих врагов оказался частичный или полный иммунитет, и не все из наших сумели избежать инфекции. Мятежники овладели верхним ярусом.

План Госпожи в подобной ситуации предполагал контратаку Черного Отряда. Реабилитированный Хромой должен был поддержать ее солдатами, вызванными из Башни. Но Госпожи, которая должна была отдать приказ об атаке, на месте не оказалось, и в ее отсутствие Шепот приказала отступить в Башню.

Внутренность Башни была начинена множеством смертоносных ловушек, которыми управляли не только привезенные с востока солдаты Ревуна, но и бывшие раненые, которых прошлой ночью перенесли в Башню и вылечили при помощи магического умения Госпожи.

Все завершилось задолго до того, как я добрался до своих товарищей по бесконечным извилистым коридорам. Наткнувшись наконец на своих, я узнал, что опоздал на несколько часов. Они вышли из Башни, получив приказ выставить линию пикетов в том месте, где прежде стоял палисад.

Полночь давно миновала, когда я спустился ниже первого яруса. Я устал. Мне хотелось лишь мира, спокойствия, ну, может быть, гарнизонной службы в каком-нибудь городке... В голове с трудом ворочались мысли. Мне предстояло кое-что сделать, выдержать несколько споров и вступить в сражение с Капитаном. Он не захочет завершать предательством еще один контракт. Есть люди мертвые физически, а есть мертвые морально. Мои товарищи принадлежали ко вторым. Они меня не поймут. Ильмо, Ворон, Одноглазый, Гоблин — все они поведут себя так, словно я говорю на иностранном языке. Но все же имею ли я право их осуждать? Они мои братья, мои друзья, моя семья, и в пределах этого контекста поступали морально. Тяжесть решения легла на меня. Я должен убедить их в том, что существуют и более весомые обязательства.

Я ехал по хрустким лужам засохшей крови, переступая через мертвецов, и вел в поводу лошадей, прихваченных на конюшне Госпожи. Сам не понимаю, зачем мне потребовалось несколько лошадей,— наверное, у меня мелькнуло предчувствие, что они могут пригодиться. Лошадь, на которой ездила Перо, я выбрал по той причине, что мне не хотелось идти пешком.

Я остановился поглядеть на комету. Она совсем побледнела.

— Что, на сей раз не удалось? — спросил я ее.— Должен признаться, что я не очень разочарован,— добавил я с фальшивым смешком. Да и как иначе? Обернись комета вестником звездного часа для мятежников — как они в это верили,— я был бы сейчас мертв.

По пути к нашему лагерю я еще дважды останавливался. В первый раз, добравшись до остатков нижнего частокола, я услышал голос, негромко бормочущий проклятия. Повернув на звук, я обнаружил Одноглазого, сидящего перед распятой форвалакой. Он ровно и негромко что-то говорил на языке, которого я не знал, и настолько погрузился в это занятие, что не заметил моего появления. Не услышал он и того, как я через минуту удалился.

Одноглазый мстил за смерть своего брата Тамтама. Зная его, я не сомневался, что он растянет это удовольствие на несколько дней.

Второй раз я сделал остановку в том месте, где фальшивая Белая Роза наблюдала за сражением. Там она и осталась, совсем юная и безнадежно мертвая. Ее приятель-колдун, пытаясь спасти ее от насланной Ревуном болезни, сделал ее смерть лишь более мучительной.

— Вот и конец всему.

Я обернулся, посмотрел на Башню, затем на комету. Госпожа победила...

Но победила ли? Чего она, в сущности, добилась? Уничтожения мятежников? Но они превратились в орудие ее мужа, то есть еще большего зла. Именно он потерпел здесь поражение, пусть даже об этом знают только он, она и я. Предотвращено зло еще большего масштаба. Кроме того, идеалы мятежников прошли через очистительный огонь, в котором только закалились. И поколение спустя...

Я не религиозен. Не могу представить себе божество, которое хоть на секунду волнуют жалкие потуги и желания копошащихся где-то под ногами людишек. Рассуждая логически, существам такого порядка на это попросту наплевать. Но возможно, существует некая сила, стремящаяся к большему добру и порожденная подсознательными усилиями объединившихся в едином направлении разумов, и эта сила стала независимой величиной, по мощности превышающей сумму составляющих ее частей. Возможно, будучи порождением разума, она не связана оковами времени. Возможно, она способна видеть все и всюду и передвигает фигуры на доске таким образом, что события, сегодня выглядящие победой, закладывают камень в фундамент завтрашнего поражения.

Возможно, крайняя усталость повлияла на мое сознание, потому что на несколько секунд мне почудилось, будто я вижу картину будущего, вижу, как триумф Госпожи верткой змеей оборачивается назад и во время следующего прохождения кометы порождает ее гибель. Я увидел истинную Белую Розу, шагающую к Башне со своим флагом, увидел ее и ее защитников столь же ясно, как если бы сам находился в тот день рядом с ней...

Я пошатнулся в седле, потрясенный и охваченный ужасом. Потому что если это видение истинно, то я *буду* там. И если оно истинно, то я знаю Белую Розу. Уже целый год. Она мой друг. А я не принимал ее во внимание из-за физической ущербности...

Я погнал лошадей к лагерю. К тому времени, когда меня окликнул часовой, я накопил достаточно цинизма, чтобы позабыть о видении. Просто я пережил слишком много всего за один день. Личности вроде меня не становятся пророками. Особенно пророками своих противников.

Первым увиденным знакомым лицом оказалась физиономия Ильмо.

— Господи, ну и вид у тебя! — поразился он.— Ты не ранен?

Я смог лишь покачать головой. Он стащил меня с лошади, куда-то уложил, и это последнее, что я помню о нескольких следующих часах. Кроме того, что сны мои оказались столь же бессвязными и затерянными во времени, как и мои видения, и все они мне совершенно не понравились. К тому же я не мог из них сбежать.

Впрочем, разум человека умеет сопротивляться, и я ухитрился позабыть свои сны через несколько секунд после пробуждения.

Глава седьмая
Роза

Бурный спор с Капитаном затянулся на два часа. Он был непоколебим и не воспринимал мои аргументы, как юридические, так и моральные. Со временем к нам присоединились дру-

гие братья, заходившие к Капитану по делу, и к тому времени, когда я окончательно потерял терпение, наш спор слушало почти все командование Отряда: Лейтенант, Гоблин, Ильмо, Леденец и несколько новых офицеров, завербовавшихся уже в Чарах. Поддержку, правда скромную, я получил с весьма неожиданной стороны. Ко мне сначала присоединился Молчун, а следом за ним и два новых офицера.

Кончилось все тем, что я раздраженно вышел. За мной последовали Молчун и Гоблин. Ярость моя все нарастала, но реакция братьев меня не удивила. Теперь, после поражения мятежников, мало что могло подтолкнуть Отряд к отступничеству. Теперь они довольны собой, словно свинья, стоящая по колено в корыте со жратвой, и размышления о том, что правильно, а что нет, кажутся им обыкновенной глупостью. Да и вообще, кого это обычно волнует?

Спор состоялся на следующий день после битвы. Было еще довольно рано, я плохо выспался, но меня переполняла нервная энергия. Я быстрыми шагами мерил лагерь, стремясь выплеснуть ее в ходьбе.

Гоблин выждал, пока я немного успокоюсь, и преградил мне путь. Неподалеку, поглядывая на нас, стоял Молчун.

— Мы можем поговорить? — спросил Гоблин.

— Я уже все сказал. Никто не захотел слушать.

— Ты говорил слишком логично. Иди сюда, давай присядем.

Он подвел меня к куче всяческого барахла неподалеку от костра. Кто-то из наших готовил еду, кто-то играл в тонк. Обычная лагерная жизнь. На меня украдкой поглядывали и пожимали плечами. Все выглядели встревоженными, словно опасались за здравость моего рассудка.

Полагаю, если бы год назад кто-либо из них поступил так же, как я, то и я испытывал бы такое же чувство — искреннее смущение и участие, вызванное заботой о товарище.

Их твердолобость раздражала меня, но я не мог копить в себе это раздражение, потому что, послав ко мне Гоблина, товарищи доказали, что хотят меня понять.

Сидящие рядом картежники лениво шлепали картами. Поначалу они сидели тихие и угрюмые, но оживились, начав обмениваться слухами о прошедшей битве.

— Так что вчера произошло, Костоправ? — спросил Гоблин.

— Я уже рассказывал.

— Может, расскажешь еще раз? — мягко попросил он.— Чуточку подробнее.

Я знал, что он задумал — подвергнуть меня легкой ментальной терапии, основываясь на предположении, что длительное пребывание вблизи Госпожи сказалось на моем рассудке. Он был прав. Сказалось. Но заодно оно открыло мне глаза, и я постарался дать ему это понять, заново вспоминая тот день и прибегнув к умению выражать свои мысли, которое развилось у меня после долгой работы с Анналами, надеясь убедить Гоблина в том, что моя позиция была рациональна и моральна, а позиция всех остальных — нет.

— А ты видел, что он сделал, когда один из тех парней в Весле попытался зайти Капитану со спины? — спросил один из картежников. Они болтали о Вороне. Я как-то совсем про него позабыл. Я насторожил уши и выслушал несколько историй о его безумном героизме. Послушать их, так Ворон минимум по разу спасал жизнь каждому из нас.

— А где он сейчас? — спросил кто-то.

Многие покачали головами. Кто-то предположил:

— Погиб, наверное. Капитан выслал похоронную команду собрать наших мертвецов. Наверное, завтра увидим, как его хоронят.

— А что с его девчонкой?

— Найди Ворона, найдешь и ее,— фыркнул Ильмо.

— Кстати о девчонке. Видели, что случилось, когда они попытались накрыть второй взвод каким-то оглушающим заклинанием? Жуткое было зрелище. А девчонке словно пофиг. Все вокруг нее валятся как бревна, а она только удивленно глазенками хлопает да трясет Ворона за плечо. Тот встал, очнулся и отошел в сторонку. Так она весь взвод перетрясла да разбудила. Словно ее магия не берет.

— Может, потому что она глухая? — предположил кто-то.— Вот она магию и не услышала.

— Поди теперь узнай, так оно или нет. Жалко, что она тоже не убереглась. Я уж привык, что она у всех под ногами вертится.

— Да и Ворона тоже жалко. Кто теперь не позволит Одноглазому мухлевать?

Картежники рассмеялись. Я посмотрел на Молчуна, который прислушивался к моему разговору с Гоблином. Я покачал головой, Молчун удивленно приподнял бровь. «Они не мертвы»,— сообщил я ему на пальцах, словно разговаривал с Душечкой. Он тоже ее любил.

Молчун встал, зашел Гоблину за спину и приглашающе дернул головой. Ему хотелось поговорить со мной наедине. Я отделался от Гоблина и пошел следом за Молчуном.

Я объяснил ему, что видел Душечку, когда возвращался вместе с Госпожой к Башне, и что Ворон, скорее всего, дезертировал, воспользовавшись единственной дорогой, за которой не будут наблюдать. Молчун нахмурился и пожелал узнать, какие у меня есть основания для подобных подозрений.

— Понятия не имею. Сам знаешь, каким он стал в последнее время.— Про свои видения я упоминать не стал, потому что теперь они и мне казались фантастичными.— Может, мы ему по горло надоели.

Молчун улыбнулся, давая понять, что не верит ни единому моему слову. Он изобразил на пальцах:

— Я хочу знать причину. Что тебе известно? — Он предположил, что я знаю о Вороне и Душечке больше любого из нас, потому что постоянно охотился за подробностями, которые можно было бы занести в Анналы.

— Мне известно не больше твоего. Чаще всего он общался с Капитаном и Рассолом.

Молчун задумался секунд на десять, пошевелил пальцами:

— Оседлай двух лошадей. Нет, лучше четырех. Прихвати запас еды на несколько дней. А я пойду расспрошу кое-кого.— Его поведение не предполагало возражений.

Меня его решение вполне устраивало. Я подумал о поисках Ворона, еще разговаривая с Гоблином, но отказался от этого намерения, потому что не мог придумать способ отыскать его след.

Я отправился к пикету, где Ильмо ночью оставил моих лошадей. Как раз четыре. На мгновение мне пришла в голову мысль о существовании некой высшей силы, направляющей нас.

Я попросил двух солдат оседлать лошадей, а сам сходил к Рассолу и выцыганил у него немного еды. Уговорить его оказалось нелегко, он требовал личного разрешения Капитана. В конце концов мы заключили сделку, когда я пообещал особо упомянуть его в Анналах.

Когда я заканчивал дела с Рассолом, подошел Молчун. Едва мы навьючили припасы на лошадей, я спросил:

— Узнал что-нибудь?

— Только то, что Капитану известно нечто такое, о чем он распространяться не желает. Кажется, это больше касается Душечки, чем Ворона.

Я раздраженно буркнул. Опять двадцать пять... Неужели Капитан пришел к тому же выводу, что и я? И это не помешало ему спорить со мной сегодня? Гм-м. Вот хитрюга...

— Я думаю, Ворон уехал, не получив разрешения Капитана, но с его благословения. Ты не расспрашивал Рассола? — прожестикулировал Молчун.

— Думал, ты сам это сделаешь.

Молчун покачал головой — ему не хватило времени.

— Тогда сходи к нему сейчас. Мне еще надо уладить кое-какие мелочи.

Я зашел в госпитальную палатку, обвешался своим оружием и откопал подарок, приберегенный на день рождения Душечки. Потом отыскал Ильмо и сказал ему, что хотел бы получить часть доставшихся нам в Розах денег.

— Сколько ты хочешь взять?

— Сколько смогу унести.

Он долго и пристально смотрел на меня, но решил не задавать вопросов. Мы зашли в его палатку и тихо отсчитали деньги. Остальные о них даже не подозревали — секрет сохранялся среди тех, кто охотился в Розах на Загребущего. Правда, кое-кто все удивлялся, как это Одноглазый ухитряется отдавать карточные долги, не выигрывая и не имея времени на обычные махинации на черном рынке.

Ильмо вышел из палатки вслед за мной. Когда мы отыскали Молчуна, он уже сидел в седле, а остальные лошади были готовы отправиться в путь.

— Собираетесь прокатиться? — спросил Ильмо.

— Угу.

Я прикрепил к седлу лук, который мне дала Госпожа, и забрался на коня.

Ильмо, прищурившись, вгляделся в наши лица.

— Удачи вам,— бросил он, повернулся и ушел.

Я взглянул на Молчуна. Тот зашевелил пальцами:

— Рассол тоже утверждает, что ему ничего не известно. Правда, я хитростью заставил его признаться, что еще до начала вчерашнего сражения он выдал Ворону дополнительные пайки. Так что и он кое-что знает.

Дьявол бы вас всех побрал! Создавалось впечатление, что каждый внес свою лепту в общую кучу слухов и предположений. Следуя за Молчуном, я прокрутил в уме картину утреннего спора, отыскивая подозрительные детали. И отыскал их. Гоблин и Ильмо тоже о чем-то подозревали.

Иного пути, кроме как через лагерь мятежников, у нас не имелось. Жаль. Я предпочел бы объехать его стороной. Вонь там стояла такая же густая, как и облака мух. Когда мы с Госпожой скакали через него, он показался нам пустым, но мы попросту никого не заметили, хотя там находились раненые и лагерная обслуга. Ревун и на них сбросил шары.

Лошадей я выбрал хорошо. Кроме лошади Пера я прихватил еще трех животных той же неутомимой породы. Молчун сразу пустил их так быстро, что всякие разговоры оказались исключены, и лишь когда мы выбрались за внешнюю границу заваленной каменными обломками местности, он натянул поводья и подал мне знак оглядеться. Ему хотелось знать, в каком направлении летел ковер, когда мы с Госпожой приближались к Башне.

Я сказал ему, что мы, кажется, летели на милю южнее того места, где мы сейчас находились. Молчун передал мне поводья запасных лошадей и медленно поехал вдоль валунов, внимательно глядя на землю. Я почти не обращал на него внимания — любой след он отыщет быстрее и лучше меня.

Впрочем, тот след я и сам бы разглядел запросто. Молчун поднял руку, потом указал на землю. Беглецы покинули камен-

ные завалы примерно в том месте, где мы с Госпожой пересекли их границу, двигаясь в противоположном направлении.

— Похоже, они стремились выиграть время, а не скрыть свои следы,— предположил я.

Молчун кивнул и посмотрел на запад. Потом с помощью пальцев задал мне вопрос о дорогах.

Главная дорога с юга на север тянулась в трех милях западнее Башни. Когда-то мы ехали по ней в Форсберг, и теперь предположили, что беглецы в первую очередь воспользуются ею. Даже в такое время движение на ней было достаточно оживленным, и мужчина с девочкой могли без труда затеряться среди путников. Правда, только для глаз обычного человека. Молчун полагал, что сумеет отыскать их след даже на дороге.

— Помни, это его страна,— сказал я.— Он знает ее гораздо лучше нас.

Молчун рассеянно кивнул — его это обстоятельство мало волновало. Я взглянул на солнце. У нас осталось около двух часов светлого времени. Хотел бы я знать, насколько они нас опередили?

Вскоре мы выехали на дорогу. Молчун быстро присмотрелся к следам, проехал несколько ярдов на юг и кивнул. Потом поманил меня и пришпорил свою лошадь.

И мы погнали своих не знающих усталости животных — час за часом, после заката, всю ночь и все утро, направляясь в сторону моря, пока далеко не опередили беглецов. Привалы в пути были короткими и редкими. Все мое тело болело — я еще не успел оправиться после приключений на пару с Госпожой.

Мы остановились в месте, где дорога огибала подножие лесистого холма. Молчун показал на проплешину, которая могла стать удачным наблюдательным пунктом. Я кивнул. Мы свернули с дороги и поднялись на холм.

Позаботившись о лошадях, я обессиленно рухнул на землю.

— Староват я уже стал для такого,— пробормотал я и мгновенно уснул.

Молчун разбудил меня уже в сумерках.

— Они приближаются? — спросил я.

Он покачал головой и пояснил, что ждет их не раньше чем завтра. Но мне следует поглядывать на дорогу — на тот случай, если Ворон путешествует и по ночам.

И я уселся под бледным светом кометы, завернулся в одеяло и просидел несколько часов, дрожа на зимнем ветру, наедине с мыслями, от которых с радостью бы избавился. Я так и не увидел никого за всю ночь, лишь косуля вышла из леса и пересекла дорогу, надеясь поживиться чем-нибудь на фермерских полях.

Молчун сменил меня за несколько часов до рассвета. О, счастье! Теперь я мог лечь, дрожать и думать о том, о чем мне думать не хотелось. Но все же через некоторое время я уснул, потому что было уже светло, когда Молчун сжал мне плечо...

— Идут?

Он кивнул.

Я встал, потер кулаками глаза и уставился на дорогу. И точно, с юга приближались две фигурки, одна повыше другой. Но на таком расстоянии лиц не различить, это мог оказаться любой взрослый с ребенком. Мы торопливо упаковали вещи, навьючили лошадей и спустились с холма. Молчун решил дождаться их на дороге за поворотом, а мне велел спрятаться сзади. Так, на всякий случай. Когда имеешь дело с Вороном, ничего нельзя загадывать заранее.

Молчун ушел. Я ждал, все еще дрожа и чувствуя себя очень одиноко. Путники одолели небольшой подъем. Да, это Ворон и Душечка. Шагали они быстро, но Ворон не выглядел испуганным, явно уверенный, что их никто не преследует. Они прошли мимо меня. Я выждал минуту, вышел из леса и направился вслед за ними, огибая подножие холма.

Молчун сидел на лошади посреди дороги, слегка подавшись вперед,— тощий, зловещий и мрачный. Ворон остановился, не дойдя до него пятидесяти футов, выхватил нож. Душечку он заслонил собой.

Девочка заметила меня, улыбнулась и помахала рукой. Несмотря на напряженность момента, я улыбнулся ей в ответ.

Ворон резко обернулся и оскалился. Гнев, а возможно, и ярость затуманили его глаза. Я остановился на таком расстоянии, чтобы не опасаться его ножа. У него явно не имелось желания с нами разговаривать.

Несколько минут все стояли неподвижно. Никто не желал заговорить первым. Я взглянул на Молчуна. Тот пожал плечами — он выполнил намеченный для себя план.

Меня сюда привело любопытство. Частично я его удовлетворил. Ворон и Душечка живы и убегают. Неясным осталось только одно — почему?

К моему изумлению, Ворон заговорил первым. А я-то полагал, что он способен переупрямить даже камень.

— Что ты здесь делаешь, Костоправ?

— Тебя ищу.

— Почему?

— Из любопытства. И еще мы с Молчуном волновались за Душечку.

Ворон нахмурился. Он ожидал услышать от нас другое.

— Сам видишь, она жива и здорова.

— Вижу. Похоже на то. А ты сам?

— А что, я похож на больного?

Я посмотрел на Молчуна. Ему пока нечего было сказать.

— С ходу не разберешь, Ворон.

— Что это значит, черт подери? — огрызнулся он.

— Сам посуди. Парень игнорирует своих приятелей. Обращается с ними как с дерьмом. Потом дезертирует. Вот его друзьям и захотелось выяснить, что же с парнем произошло.

— Капитан знает, что вы здесь?

Я снова взглянул на Молчуна. Тот кивнул:

— Знает. Хочешь все свалить на нас, старина? А может быть, у всех нас — меня, Молчуна, Капитана, Рассола, Ильмо, Гоблина — появилась одна и та же идея...

— Не пытайся меня остановить, Костоправ.

— Ну почему ты вечно лезешь в драку? Кто тут говорил, что хочет тебя остановить? Если бы тебя хотели остановить, тебя бы здесь сейчас не было. Ты даже от Башни не отошел бы.

Ворон вздрогнул.

— Рассол и Капитан поняли, что ты задумал, и позволили тебе уйти. А кое-кому из нас, остальных... хотелось бы узнать причину. Я что хочу сказать: кажется, мы о ней догадались, и если это то, что мы думаем, то и *мне* хочется как минимум

благословить тебя. И Молчуну тоже. Да, пожалуй, и всем, кто не стал тебя удерживать.

Ворон нахмурился. Он понял, что я намекаю, но не мог догадаться, на что. Мешало ему то, что он не был ветераном Отряда.

— Тогда скажу иначе. Мы с Молчуном догадались, что ты решил изобразить все так, будто вы с Душечкой погибли. Пусть будет так, никто в этом не усомнится, раз ты этого желаешь. Но знаешь ли, для нас ты словно убежал из дома. И хоть мы желаем тебе только хорошего, нам все-таки немного больно из-за того, как ты нас покинул. Мы голосовали за твое принятие в Отряд. Ты прошел вместе с нами сквозь ад. Ты... Да вспомни хотя бы, сколько всего мы с тобой перенесли. А ты на нас попросту наплевал. Думаешь, нам это понравилось?

Я увидел, что мои слова запали ему в душу.

— Иногда,— произнес Ворон,— происходит нечто настолько важное, что об этом нельзя рассказать даже лучшим друзьям. Вы могли бы все погибнуть.

— И ты решил, что возникла именно такая ситуация. Эй! Успокойся!

Молчун спешился и заговорил пальцами с Душечкой. Девочка словно не замечала возникшей между нами напряженности и рассказывала Молчуну о том, что они сделали и куда направляются.

— Так ты думаешь, что поступил очень умно? — спросил я.— Вспомнил Опал? Тогда послушай кое-что, тебе следует об этом знать. Во-первых, Госпожа победила. Полагаю, ты уже и сам догадался. Увидел, что она побеждает, иначе не смазал бы пятки. Теперь вторая новость, более важная. Хромой вернулся. Госпожа его не прикончила — она его подлатала, и теперь он у нее парень номер один.

Ворон побледнел. Я впервые увидел, как он по-настоящему испугался. Но боялся он не за себя. Себя он давно считал ходячим мертвецом, человеком, которому нечего терять. Но теперь у него есть Душечка, и он обязан выжить.

— Вот-вот. Хромой. Мы с Молчуном много про это думали.— На самом деле этот довод родился у меня секунду назад, но я решил, что будет лучше, если Ворон поверит, что он под-

креплен серьезными размышлениями.— Мы полагаем, что рано или поздно Госпожа обо всем догадается. И захочет сделать свой ход. Если она свяжет тебя с девочкой, то пошлет по твоему следу Хромого. Он тебя знает и начнет искать в родных краях, предположив, что ты отыщешь там старых друзей. У тебя есть друзья, которые смогут спрятать тебя от Хромого?

Ворон вздохнул. Мне показалось, что внутри него что-то надломилось. Он убрал нож.

— Таков был мой план. Думал, переплывем через море в Берилл и спрячемся там.

— Формально Берилл лишь союзник Госпожи, но ее слово там закон. Тебе нужно убраться в такое место, где про нее даже не слышали.

— Куда?

— Тебе виднее. Я-то не отсюда родом.— Внешне Ворон вполне успокоился, и я спешился. Он настороженно взглянул на меня, потом расслабился.— Много ли я про них знал, когда попал сюда? Эй, Молчун?

Молчун кивнул и продолжил «разговор» с Душечкой. Я достал из своего спального мешка мешок с деньгами и бросил его Ворону:

— Ты забыл свою долю добычи из Роз.— Я подвел к нему запасных лошадей.— Верхом вы доберетесь быстрее.

Ворон боролся с собой, пытался поблагодарить меня, но не смог пробиться сквозь внутренний барьер, который сам же и возвел.

— Тогда мы, наверное, поедем в...

— Не хочу этого знать. На меня уже дважды смотрело Око. Госпожа загорелась мыслью запечатлеть свои деяния для потомков. Она не хочет ничего приукрашивать, просто желает, чтобы все было записано правдиво. Ей прекрасно известно, как история переписывает сама себя, и она не желает, чтобы это случилось с ней. А я и есть тот, кого она выбрала в историки.

— Брось все, Костоправ. Иди с нами. И ты, Молчун, тоже.

Ночь была очень долгой, меня никто не отвлекал, и я много над этим размышлял.

— Не могу, Ворон. Капитану придется остаться там, где мы находимся, пусть даже ему это не по душе. И Отряду придется

остаться. Я тоже часть Отряда. Я слишком стар, чтобы убегать из дома. Мы с тобой будем сражаться за единое дело, но я внесу свою долю, оставаясь в семье.

— Брось, Костоправ. Банда наемников-головорезов...

— А ну, остановись! — Мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось бы. Ворон смолк.

— Помнишь тот вечер в Лордах, перед тем как мы отправились на охоту за Шепот? — спросил я.— Когда я читал отрывки из Анналов? Что ты тогда мне сказал?

Он ответил не сразу.

— Да, помню. Я сказал, что ты заставил меня почувствовать, что значит быть членом Черного Отряда. Да, верно. Может, я этого и не понял, но зато почувствовал.

— Спасибо.— Я вынул из спального мешка второй свертоk — для Душечки.— Поговори немного с Молчуном, ладно? У меня тут подарок на день рождения.

Он задержал на мне взгляд, потом кивнул. Я отвернулся, скрывая слезы. А потом, попрощавшись с девочкой и разделив ее восхищение моим жалким подарком, я отошел на обочину и позволил себе быстро и тихо всплакнуть. Молчун и Ворон притворились слепцами.

Я буду скучать по Душечке. И весь остаток своих дней я буду за нее опасаться. За дорогую, славную и всегда счастливую девочку. То, что случилось с ней в деревне, осталось далеко в прошлом. А впереди ее ждал самый страшный враг, какого только можно вообразить. Никто из нас не желал ей такой участи.

Я встал, вытер остатки слез и отвел Ворона в сторону:

— Я не знаю твоих планов. И не хочу их знать. Но на всякий случай запомни. Когда мы с Госпожой охотились на Душелова, у него была припрятана целая охапка бумаг, которые мы откопали в лагере Шепот. Он так и не отдал их ей. А она не знает об их существовании.— Я рассказал Ворону, как отыскать бумаги.— Я съезжу в те места через пару недель. Если они все еще там, то попробую что-нибудь в них отыскать.

Ворон посмотрел на меня. Его невозмутимое лицо осталось спокойным, но думал он о том, что если на меня еще раз взглянет Око, то смертного приговора мне не избежать. Но вслух он этого не произнес.

— Спасибо, Костоправ. Если окажусь в тех местах, то загляну в бумаги сам.

— Конечно. Ты готов ехать, Молчун?

Молчун кивнул.

— Подойди ко мне, Душечка.— Я крепко обнял ее и долго не мог разжать руки.— Слушайся Ворона.

Я расстегнул застежку амулета, который дал мне Одноглазый, надел его девочке на запястье и пояснил Ворону:

— Он даст ей знать, если поблизости окажется враждебный к ней Взятый. Не спрашивай меня, как амулет работает, но он работает. Удачи вам.

— И вам.

Все еще ошарашенный, он смотрел, как мы забираемся на лошадей. Нерешительно поднял руку, уронил ее.

— Поехали домой,— сказал я Молчуну. И мы поехали.

Никто из нас не оглянулся.

Этой встречи никогда не было. Ведь Ворон и девочка-сирота погибли у ворот Чар, верно?

Назад в Отряд. Мы возвращались к делам. К параду лет. К Анналам. К страху.

Через тридцать семь лет комета вернется. Мое видение наверняка было ложным. Столько лет мне не выжить. А вдруг?..

Тени сгущаются

И. Васильева, перевод, © 1997

Дэвиду Г. Хартуэллу,
без которого не было бы
ни «Меча», ни «Империи ужаса»,
ни «Звездных рыбаков».

Глава 1
Арча

Все мы рождаемся обреченными, как говорят мудрецы. Все мы сосем грудь Смерти.

Перед этой молчаливой монархиней склоняются все. Повелительница теней лишь пальцем шевельнет — и перышко, кружа, падет на землю. Нет никакой логики в ее песне. Достойные уходят молодыми. Негодяи процветают. Она королева властителей хаоса. Дыхание ее студит души.

Мы нашли город, основанный когда-то ради поклонения ей и такой уже старый, что он забыл о своем предназначении. Мрачное величие его богини поблекло, забытое всеми, кроме осененных ее тенью. Но теперь Арче грозила более непосредственная опасность: призрак прошлого пытался просочиться в настоящее сквозь стены замка, вознесшегося над городом. И потому Черный Отряд отправился туда, в тот странный город, лежащий за пределами границ империи Госпожи... Правда, началось все это гораздо раньше. Мы тогда были еще далеко. И только двое наших старых друзей да горстка людей, с которыми мы познакомимся позже, уже столкнулись с тенью нос к носу.

Глава 2
На обочине дороги в Бирку

Детские головенки, словно сурки, высунулись из травы. Дети глазели на приближающихся солдат.

— Их не меньше тыщи! — прошептал паренек.

Колонне, казалось, не будет конца. Пыль, поднятая ею, пеленою уходила вверх, застилая дальний холм. Скрип и лязг доспехов становились все громче.

День выдался жаркий, дети все взмокли. Мысли их невольно устремлялись к речушке с тихой заводью, что журчала неподалеку. Но ребятишек послали наблюдать за дорогой. Ходили слухи, что Госпожа решила подавить возрождающееся повстанческое движение в провинции Бирка.

И вот ее солдаты уже здесь. Все ближе и ближе. Суровые, грозные воины. Ветераны. Судя по их возрасту, они вполне могли участвовать шесть лет назад в кровавом разгроме восстания, унесшем четверть миллиона жизней, в том числе и жизнь отца наблюдавших за колонной детей.

— Это они! — выдохнул мальчуган. В голосе его звучал трепет, граничивший с восторгом.— Черный Отряд!

— Откуда ты знаешь? — Девочке внешний вид солдат явно ни о чем не говорил.

Паренек указал в сторону кряжистого, как медведь, всадника на мощном чалом коне. Голова у всадника отливала серебром. Осанка выдавала в нем человека, привыкшего повелевать.

— Его зовут Капитаном. Рядом с ним — мелкий такой, черный весь — это наверняка колдун по прозвищу Одноглазый. Видала, какая у него шляпа? Ее ни с чем не спутаешь. А те двое за ними, должно быть, Ильмо и Лейтенант.

— Ух ты! А кто-нибудь из Взятых тоже есть? — Девчушка приподнялась, чтобы было лучше видно.— Где эти знаменитые колдуны?

Девочка была младше. Мальчик в свои десять лет уже считал себя солдатом Белой Розы. Он дернул сестру за руку.

— Дурочка! Хочешь, чтобы они тебя заметили?

— А если и заметят — что тут такого?

Мальчуган усмехнулся. Глупая девчонка поверила утверждению дядюшки Чиста, будто противник не трогает детей. Мальчик презирал своего дядюшку. За трусость.

Все мятежники, присягнувшие на верность Белой Розе, просто жалкие трусы. Они только прикидываются, будто борются с Госпожой. Самое большее, на что они осмелились, это устроить

засаду и схватить случайного курьера. Противнику по крайней мере не откажешь в мужестве.

Дети увидали все, что должны были увидеть. Мальчонка тронул сестру за руку:

— Пошли!

Они побежали, пригибаясь в траве, к деревьям, росшим вдоль берега речки. К ногам их легла густая тень. Ребятишки подняли глаза и обомлели. Глядя сверху вниз, их рассматривали трое всадников. Мимо них и мышь не проскочила бы незамеченной.

— Гоблин! — ахнул мальчик.

— К твоим услугам, мой юный друг! — ухмыльнулся средний из троицы, коротышка с лягушачьей физиономией.

Паренек оцепенел от ужаса, но соображения не потерял.

— Беги! — крикнул он.

Если хотя бы сестренке удастся удрать...

Гоблин махнул рукой, очертив в воздухе круг. Кончики пальцев его занялись бледно-розовым огнем. Он махнул еще раз, будто бросая что-то на землю. Мальчик упал, трепыхаясь в невидимой сети, как муха в паутине. Откуда-то издалека до него донесся плач сестренки.

— Возьмем их с собой,— сказал Гоблин своим спутникам.— Они нам расскажут много чего интересного!

Глава 3
Арча. «Железная лилия»

«Лилия» стоит в Цветочном переулке, в центре Котурна — самых злачных трущоб города Арчи. Привкус смерти здесь на языке у каждого, а жизнь человеческая ценится дешевле сытного обеда или возможности посидеть часок у теплого камелька. Фасад таверны накренился вправо: она будто пытается притулиться к соседнему дому, подражая собственным хмельным посетителям. Заднюю стену перекосило в противоположную сторону. Голые боковые стенки изъедены проказой гнилых серых пятен. Окна заколочены обломками досок, щели в них заткнуты тряпьем. На крыше гордо зияют прорехи, в которых воет кусачий ветер, когда он дует с Воландерских гор. Там даже среди лета серебряным узором мерцают далекие ледники.

Ветер с моря тоже не лучше. Он приносит с собой волглую стужу, пронизывающую до костей, гонит вдоль пристани стаи плавучих льдин.

Поросшие лесом, косматые лапы Воландерских гор тянутся к самому побережью, охватывая Портовую реку с двух сторон и держа в ладонях город и пристань. Город тянется вдоль реки, карабкается вверх по обоим ее берегам.

Достаток в Арче тоже карабкается вверх — подальше от реки. Обитатели Котурна, когда им случается оторвать взгляд от своей нищеты, видят над собой дома богачей, надменно задравшие носы и глядящие друг на друга через речку.

Еще выше, венчая оба берега, стоят два замка. На южном берегу — Черепичный замок, родовой бастион герцогов Арчи. Черепичник запущен до безобразия, как, впрочем, почти все строения в городе.

Ниже по склону расположено священное средоточие Арчи — Выгородка, под которой лежат Катакомбы. Там, оберегаемые Хранителями мертвых, спят вечным сном полсотни поколений, ожидая Дня Перехода.

На северном берегу возвышается недостроенная крепость, называемая попросту «черным замком». Архитектура его чужда местным жителям. Неведомые чудища скалятся с его зубчатых башен. Змеи застывшим серпантином вьются по стенам. А сами стены без единого стыка изваяны из материала, похожего на обсидиан. И замок этот растет.

Жители Арчи игнорируют и рост, и самое существование замка. Они не желают знать, что там творится. Слишком редко позволяет им жестокая борьба за существование подымать глаза в такую высь.

Глава 4
Засада в Бирке

Я вытащил семерку, открыл ее, скинул тройку и уставился на своего одинокого туза.

— С ним все ясно,— пробурчал сидевший слева от меня Ростовщик.— Опять мы продули.

Я с любопытством посмотрел на него:

— С чего ты взял?

Он взял карту, выругался, сбросил:

— Рожа у тебя, Костоправ, когда тебе карта прет, становится как у жмурика. Даже глаза.

Леденец взял карту, выругался и сбросил пятерку.

— Он прав, Костоправ. Ты так непроницаем, что сразу все ясно. Давай, Масло.

Масло пристально воззрился на свои карты, потом на колоду — так, будто надеялся вырвать победу из когтей поражения. И взял карту.

— Тьфу ты! — Он скинул вытянутого короля.

Я продемонстрировал им своего туза и сгреб выигрыш.

Пока Масло собирал карты, Леденец наблюдал из-за моего плеча за залом. Взгляд у него был жесткий и холодный.

— Что там? — спросил я его.

— Наш хозяин явно пытается собраться с духом. Размышляет, как бы половчее улизнуть и предупредить их.

Я обернулся. Мои товарищи тоже. Трактирщик и его клиенты один за другим опустили глаза и съежились — все, кроме высокого смуглого человека, сидевшего в одиночестве в тени возле камина. Он подмигнул и поднял кружку, приветствуя нас. Я нахмурился. Он улыбнулся в ответ.

Масло раздал карты.

— Сто девяносто третья,— заявил я.

Леденец поморщился.

— А пошел бы ты, Костоправ,— сказал он беззлобно.

Я считал партии. Они не хуже ходиков отмеряли время нашей жизни в братстве Черного Отряда. После битвы при Чарах я сыграл больше десяти тысяч партий. И одни только боги знают, сколько я сыграл их до того, как начал подсчет.

— Думаешь, они учуяли опасность? — спросил Ростовщик. Ожидание действовало ему на нервы.

— Каким образом, интересно? — Леденец с особой тщательностью перекладывал карты, зажатые в руке. Верный признак — что-то у него наклевывалось. Я снова сосчитал свои очки. Двадцать один. Наверняка продую, но лучший способ остановить его... Я выложил карты на стол:

— Двадцать один.

Масло сплюнул:

— Сукин ты сын!

Он бросил на стол свою взятку — почти выигрышную, если бы не король, давший в сумме двадцать два очка. У Леденца оказалось три девятки, туз и тройка. Я усмехнулся и снова сгреб деньгу.

— Выиграешь еще раз — мы проверим твои рукава,— проворчал Ростовщик.

Я собрал карты и начал тасовать.

У заднего входа скрипнули дверные петли. Все замерли, уставившись на кухонную дверь. За ней двигались какие-то фигуры.

— Мадл! Где тебя черти носят?

Трактирщик бросил на Леденца взгляд, исполненный муки. Леденец погрозил ему пальцем.

— Я здесь, Чист! — откликнулся трактирщик.

— Продолжаем играть! — шепнул мне Леденец.

Я начал сдавать карты.

Из кухни вышел мужчина лет сорока, за ним — еще несколько человек. Все в пятнистой зеленой одежде, с луками через плечо.

— Они, должно быть, схватили ребятишек,— сказал Чист.— Не знаю как, но...— Он что-то уловил во взгляде Мадла.— В чем дело?

Однако Мадла мы запугали будь здоров. Он нас не выдал.

По-прежнему глядя в карты, я вытащил пружинную трубку. Мои товарищи тоже. Ростовщик взял карту и сбросил ее — двойку. Обычно мелкие он оставляет себе. Игра выдавала его взвинченное состояние.

Леденец подхватил сброшенную карту и выложил на стол туза, двойку и тройку, скинув восьмерку.

— Я же говорил тебе: не надо было посылать детей,— заныл один из приятелей Чиста. Похоже, это было продолжение давнего спора.

— Плевать мне на твои «я-же-говорил»! — рявкнул Чист.— Мадл, я созвал общий сбор. Нам нужно рассредоточить группы.

— Но мы же ничего не знаем наверняка,— заметил другой мужик в зеленом.— Дети есть дети, сам понимаешь.

— Не обманывай себя. Охотничья свора Госпожи идет по нашему следу.

— Я же говорил тебе: не надо было захватывать этих...— затянул было нытик и вдруг осекся, заметив наконец, хотя и слишком поздно, присутствие чужаков и бледный вид завсегдатаев.

Чист схватился за меч.

Их было девятеро, если считать вместе с Мадлом и несколькими посетителями, принявшими участие в драке. Леденец опрокинул карточный стол. Мы нажали на спускатели пружинных трубок. В воздухе просвистели четыре отравленных дротика. Мы вытащили мечи.

Схватка длилась считанные секунды.

— Никто не ранен? — спросил Леденец.

— Меня задело,— заявил Масло.

Я осмотрел его. Сущая ерунда, царапина.

— Назад за стойку, дружок! — приказал Мадлу Леденец, пощадивший трактирщика.— А все прочие — на расчистку помещения. Не спускай с них глаз, Ростовщик. Если кто-нибудь рыпнется — кончай его.

— А трупы куда девать?

— Скинь в колодец.

Я поставил стол на место, сел и развернул листок бумажки. На нем была изображена цепочка командного состава мятежников в Бирке. Я вычеркнул имя «Чист». Оно стояло в середине цепочки.

— Мадл! — позвал я.— Иди сюда.

Трактирщик подошел ко мне с такой же охотой, с какой собака стремится к плетке.

— Не дрейфь. Мы тебя не тронем — если ты нам поможешь. Скажи мне, кто были эти люди?

Он начал мяться и запинаться. Чего и следовало ожидать.

— Только имена,— сказал я. Он посмотрел на листок, нахмурился. Читать он, конечно же, не умел.— Мадл! Плавать в колодце, битком набитом трупами, небольшое удовольствие.

Он сглотнул, обвел глазами зал. Я глянул на человека, сидевшего у камина. Во время драки он не шелохнулся и даже теперь наблюдал за нами с видимым безразличием.

Мадл назвал имена.

Некоторые из них были в моем списке, других не было. Последних я счел мелкой сошкой, поскольку предварительная разведка в Бирке была проведена на совесть.

Из зала вытащили последний труп. Я протянул Мадлу мелкую золотую монету. Он вытаращил глаза. Завсегдатаи смотрели на него с нескрываемой неприязнью.

— За оказанные услуги,— усмехнулся я.

Мадл побелел, не сводя глаз с монеты. Она была для него поцелуем смерти. Его хозяева решат, что он помог устроить засаду.

— Эй! — шепнул я.— Хочешь выбраться из этой заварухи живым?

Трактирщик взглянул на меня со страхом и ненавистью.

— Кто вы такие, черт бы вас побрал? — спросил он хриплым шепотом.

— Черный Отряд, Мадл. Черный Отряд.

Не знаю, как ему удалось, но он побелел еще больше.

Глава 5
Арча. Каштан Шед

День был холодный, туманный и хмурый, безветренный, пасмурный и промозглый. Посетители «Железной лилии», сидевшие у тлеющего огня, угрюмо обменивались односложными репликами.

Потом заморосил мелкий дождь, задернув занавес над миром. По грязной мокрой улице бродили, съежившись, бесплотные серо-бурые тени. Это был один из тех дней, что рождаются вполне уже созрелыми из чрева отчаяния. Каштан Шед, протиравший в «Лилии» кружки, оторвался от своего занятия. «Смахнуть пыль» — так он это называл. Никто не пользовался его дешевыми глиняными кружками, потому что никто не покупал его дешевое кислое вино. Никто не мог себе позволить такой роскоши.

«Лилия» стояла на южной стороне Цветочного переулка. Между стойкой Шеда и дверью простирался погруженный в глубокий мрак общий зал длиною футов в двадцать. Скопище колченогих столиков, окруженных выводками рахитичных табуреток, превращало зал в опасный лабиринт для посетителей, заходивших сюда с освещенной солнцем улицы. Дополнительными препятствиями служили полдюжины грубо вытесанных опорных столбов. Потолочные балки нависали слишком низко для рослого человека. Скрипучий дощатый пол весь растрескался и покоробился, и любая пролитая жидкость благополучно стекала вниз по склону.

Стены украшали старые безделушки и разное барахло, оставленное прежними посетителями и никому уже не нужное. Каштану Шеду было лень стирать с них пыль или просто выбросить.

Зал буквой Г огибал стойку, заворачивая к камину, возле которого стояли самые лучшие столики. За камином, в ярде от кухонной двери, пряталась в густой тени лестница, ведущая в жилые комнаты.

В этот мрачный лабиринт вошел низенький юркий человечек с охапкой хвороста.

— Шед! Можно мне?

— Что за вопрос, Аза! Нам же лучше будет.

В камине дотлевали последние угольки, превращаясь в серый пепел. Аза юркнул к камельку. Компания, сгрудившаяся вокруг огня, нехотя раздвинулась. Аза пристроился возле матери Шеда. Старая Джун была слепа и не узнала его. Он положил хворост перед собой и начал помешивать угли.

— В доках опять ничего новенького? — спросил Шед.

— Ничего,— покачал головой Аза.— Никто не причалил и не отчалил. Требовалось всего пять человек — на разгрузку фургонов. Народ передрался за эту работу.

Шед кивнул. Аза был никудышным бойцом. А кроме того, его не прельщал честный заработок.

— Душечка, кружку для Азы! — Шед сопроводил свои слова парой жестов. Служанка взяла щербатую кружку и принесла к камину.

Шеду не нравился низенький человечек. Вор, тунеядец, обманщик и плут, он был из той породы людей, что готовы продать родную сестру за пару медных горшей. Вечно скулящий нытик и трус. Но Шед привечал его, извлекая маленькую пользу из собственной благотворительности. Аза был одним из тех бездомных, кого кабатчик пускал переночевать в зале на полу, если они приносили хворост для камина. Это не давало прибыли, зато обеспечивало тепло старым косточкам Джун.

Найти зимой бесплатные дрова в Арче еще труднее, чем работу. Шеда забавляла та решимость, с какой Аза избегал любого честного заработка.

Потрескивание горящих веток нарушило тишину. Шед скинул с плеч грязное тряпье и встал за спиной у матери, протянув руки к огню. Кончики пальцев начало пощипывать. Он и не замечал до сих пор, как сильно замерз.

Впереди была длинная суровая зима.

— Аза, у тебя источник дров постоянный?

Покупать топливо Шеду было не по карману. Дрова нынче сплавляли в баржах с самого верховья реки. Стоило это дорого. Не то что раньше, когда он был молодым...

— Нет.— Аза уставился на пламя.

В зале запахло сосновой смолой. Шеда беспокоило состояние дымохода. Придется, видно, всю зиму топить сосновыми сучьями, а дымоход он так и не прочистил. А если, не дай Бог, пожар? Тогда ему конец.

Хотя в любом случае долго так продолжаться не может. Он по уши увяз в долгах — дошел, как говорится, до ручки. Прямо хоть плачь.

— Шед!

Он обернулся к столикам, к своему единственному платежеспособному клиенту:

— Да, Ворон!

— Налей еще, будь любезен.

Шед поискал глазами Душечку, но та куда-то запропастилась. Он выругался про себя. Звать девчонку без толку: она глухая, с ней нужно общаться жестами. «Оно и к лучшему»,— помнится, подумал Шед, когда Ворон предложил ему взять Душечку на работу. Каких только секретов не выбалтывали в

«Лилии» под шумок! Если любители посплетничать будут уверены, что их не подслушают, глядишь, и клиентов у него прибавится.

Шед коротко кивнул и взял кружку. Ворона он не любил, отчасти потому, что тот, как и Аза, не жаловал честной игры — и преуспевал. Никаких видимых источников дохода у него не было, но деньги водились всегда. А еще Шеду не нравилось, что Ворон моложе, сильнее и круче остальных посетителей «Лилии». Аномалия, одним словом. «Лилия», расположенная в самом низу Котурна, почти на побережье, влекла к себе всех забулдыг, потасканных проституток, наркоманов, бродяг и прочее отребье, которое оседало в этой последней мутной заводи, прежде чем кануть во тьму навсегда. Шед временами даже пугался: неужели его драгоценная «Лилия» — всего лишь конечная остановка?

Ворон не вписывался в здешнюю обстановку. Он мог себе позволить что-нибудь получше. Шед не раз жалел, что не смеет вышвырнуть парня вон. От одного его вида у кабатчика мурашки ползли по спине: сидит себе в углу, пронзая подозрительным колючим взглядом каждого вошедшего в зал, бесконечно чистит ногти острым как бритва ножом да роняет порой холодным тоном пару слов, стоит только кому-нибудь из клиентов попытаться затащить Душечку наверх... Этого Шед уж и вовсе понять не мог. Никакой очевидной связи между ними не было, однако Ворон оберегал девчонку, словно свою непорочную дочь. Убудет ее, что ли? На кой вообще тогда нужна в таверне служанка?

Шед вздрогнул и отогнал от себя непрошенные мысли. Ворон ему необходим. Ему необходим каждый постоялец, способный платить. Святым духом сыт не будешь.

Он принес вино. Ворон уронил ему в ладонь три монеты. Одна из них была серебряная лева.

— Чего еще изволите?

— Купи нормальных дров, Шед. Если бы я хотел замерзнуть, то остался бы на улице.

— Сию минуту, сударь!

Шед подошел к двери, выглянул наружу. Дровяной сарай Латама находился всего в квартале от кабачка.

Дождь усилился и стал совсем холодным. Грязная мостовая подернулась ледяной коростой.

— К вечеру снег пойдет,— не обращаясь ни к кому в отдельности, проговорил Шед.

— Двигай давай! Туда или сюда,— рявкнул Ворон.— Последнее тепло выстудишь.

Шед выскользнул на улицу. Добежать бы до Латама, пока не грянул настоящий мороз!

Сквозь студеную хмарь проглянули две фигуры, одна из них просто гигантская. Обе сгорбленные, шеи укутаны тряпками, чтобы ледяные капли не падали за шиворот.

Шед метнулся обратно в «Лилию».

— Пойду через задний ход,— сказал он и добавил жестами, на языке глухонемых: — Душечка, я ушел. Ты не видела меня с утра.

— Крейг? — руками спросила девушка.

— Крейг,— подтвердил Шед.

Он юркнул на кухню, сорвал с крючка ветхое пальто, быстро влез в него. Потом нашарил дверную щеколду и со второй попытки открыл-таки дверь.

На дворе его встретила злобная ухмылка с тремя недостающими зубами. В ноздри ударило зловонное дыхание. Грязный палец ткнул кабатчика в грудь.

— Куда намылился, Шед?

— Привет, Рыжий. Да я только к Латаму сбегаю, за дровишками.

— Ни фига подобного.— Палец ткнул сильнее. Шед попятился — и пятился до тех пор, пока не очутился в зале.

— Кружку вина? — спросил он, покрывшись испариной.

— Вот это уже по-соседски, Шед. Три кружки.

— Три? — взвизгнул Шед.

— Только не заливай мне, будто ты не знаешь, что сюда идет Крейг.

— Я понятия не имел,— солгал Шед.

Рыжий снова осклабил щербатую пасть: он знал, что хозяин таверны врет.

Глава 6
Разборка в Бирке

Ты стараешься, лезешь из кожи вон, но что-то всегда идет наперекосяк. Такова жизнь. И если ты не дурак, то заранее имеешь это в виду.

Как-то кому-то все же удалось улизнуть из трактира Мадла — примерно в то самое время, когда в западню попался уже двадцать пятый по счету мятежник и мы почти уверились в том, что Чист оказал нам большую услугу, созвав местную верхушку на собрание. Оглядываясь назад, трудно сказать, кто из нас виноват. Все мы делали свое дело. Но длительное напряжение притупляет бдительность. Слинявший мужик, очевидно, несколько часов планировал свой побег, и мы далеко не сразу заметили его отсутствие.

Первым прочухался Леденец. Недоиграв партию, он вдруг бросил карты на стол:

— Одного не хватает, ребята. Одного из этих фермеров-свиноводов. Помните — коротышка такой, сам на кабанчика похож.

Я искоса глянул в сторону столика, где должен был сидеть свинячий фермер.

— Ты прав,— проворчал я.— Блин! Надо было считать поголовье после каждого похода к колодцу.

Ростовщик сидел к столику спиной и оборачиваться не стал. Он дождался, пока сдали карты, потом неторопливо прогулялся к стойке Мадла и купил кувшин пива. Его перемещения отвлекли внимание публики, а я тем временем быстро просигналил на языке глухонемых:

— Готовьтесь к нападению. Они знают, кто мы. Я проболтался.

Для повстанцев мы были желанной добычей. За Черным Отрядом закрепилась слава беспощадного ликвидатора очагов повстанческого движения, где бы ни вспыхивала эта зараза. И хотя мы вовсе не так страшны, как нас малюют, известие о нашем прибытии всегда вызывает панику. Там, где появляется Отряд, мятежники уходят в подполье и сворачивают все операции.

Но здесь нас было всего четверо, отрезанных от своих товарищей, которые даже не подозревали о том, какому риску мы подвергаемся. Так что мятежники наверняка постараются использовать шанс — вопрос лишь в том, как сильно они будут стараться...

Правда, в рукаве у нас были припрятаны кое-какие козыри. Мы не поклонники честной игры, если можно ее избежать. Девиз Отряда — максимальная эффективность при минимальном риске.

Рослый смуглый человек встал, вышел из своего темного угла и зашагал к лестнице, ведущей в спальни.

— Дуй за ним, Масло,— бросил Леденец.

Масло поспешил за смуглым. Тот был такой высоченный, что Масло у него в кильватере выглядел совсем козявкой. Завсегдатаи наблюдали за ними, теряясь в догадках.

— Что дальше? — жестами спросил Ростовщик.

— Будем ждать,— ответил вслух Леденец и, перейдя на язык жестов, добавил: — И делать то, за чем нас сюда послали.

— Не очень-то приятно быть живой приманкой,— вздохнул Ростовщик, нервно оглядывая лестницу. И вдруг предложил: — Давайте разыграем Масло, пока он там шатается!

Я посмотрел на Леденца. Тот кивнул:

— Почему бы и нет? Сдай ему очков семнадцать.

Масло всегда открывает карты на первом же ходу, когда у него меньше двадцати очков. Если я сдам ему семнадцать, в колоде еще хватит карт, чтобы сообразить нам троим выигрышный расклад.

— Давай сюда колоду,— сказал я и быстро склонился над столом, колдуя над комбинациями. В результате у каждого оказалось по пяти карт, но карты Масла были достоинством выше.

— Блеск! — ухмыльнулся Леденец.

Масло все не возвращался.

— Пойду проверю,— сказал Ростовщик.

— Давай,— согласился Леденец.

Сам он встал и пошел за пивом. Я обвел взглядом посетителей. В головах у них явно зрели какие-то идеи. Я уставился одному прямо в глаза и покачал головой.

Через минуту Ростовщик и Масло вернулись, следуя по пятам за высоким человеком, который опять уселся в углу. Масло и Рост, облегченно вздохнув, взялись за карты.

— Кто сдавал? — спросил Масло.

— Леденец,— ответил я.— Твой ход.

Масло тут же выложил карты на стол:

— Семнадцать!

— Хе-хе,— сказал я в ответ.— Ты продул. Пятнадцать!

— Оба вы продули,— заявил Ростовщик.— У меня четырнадцать.

— И у меня четырнадцать,— сказал Леденец.— Да, Масло, не везет тебе.

Масло онемел на несколько секунд. И тут до него дошло:

— Ах вы, жулье! Да вы же все подстроили! Не думайте, что я собираюсь платить за...

— Угомонись. Мы пошутили, сынок,— сказал Леденец.— Просто пошутили. И вообще, была твоя очередь сдавать.

Карты вновь пошли по кругу, а за окном сгустились сумерки. Ни один повстанец больше не появился. Завсегдатаи теряли терпение. Большинство из них думали о своих семьях, беспокоясь о том, что вернутся домой слишком поздно. Как и всех людей, бирканцев волнует исключительно их личная жизнь. Им до фени, кто победит — Госпожа или Белая Роза.

Сочувствующее повстанцам меньшинство с тревогой ожидало возможного нападения. Они боялись, что окажутся на линии перекрестного огня.

Мы делали вид, будто ничего не замечаем.

— Кто из них может быть опасен? — знаками спросил Леденец.

Мы посовещались и насчитали троих. Леденец велел Маслу привязать их к стульям.

До завсегдатаев дошло наконец, что мы понимаем, чего ожидать, и готовимся. Не то чтобы предвкушаем, но готовимся.

Мы ждали налета до самой полуночи. Они оказались более осторожными, чем обычно бывают повстанцы. А может, наша репутация была уж *слишком* пугающей...

Они нагрянули целой толпой. Мы разрядили пружинные трубки и начали махать мечами, отступая от камина в

другой угол. Смуглый человек равнодушно наблюдал за нами.

Мятежников было много — гораздо больше, чем мы предполагали. Они все валили и валили в трактир, путаясь друг у друга под ногами, перелезая через трупы своих товарищей.

— Мы в ловушке,— выдохнул я.— Их не меньше сотни.

— Да-а,— протянул Леденец.— Дело дрянь.

Он пнул одного из нападавших в пах и, когда тот скрючился, снес ему голову.

Зал уже битком набился повстанцами, а судя по шуму, на улице их было еще больше. Им явно не хотелось упускать такую добычу.

Что ж, мы это предвидели.

Я почувствовал жжение в ноздрях. В воздухе разлился запах — слабый, еле уловимый запашок, почти незаметный в зловонии страха и пота.

— Накройсь! — крикнул я и выхватил из поясной сумки смятую в комок влажную шерстяную тряпку. Воняло от нее похуже, чем от раздавленного скунса. Ребята последовали моему примеру.

Кто-то пронзительно вскрикнул. За ним еще один. Потом вопли слились в один адский хор. Ошалелые, с искаженными агонией лицами, наши противники метались в панике по залу и падали друг на друга, корчась и раздирая ногтями собственные носы и глотки. Я старательно прикрывал лицо тряпкой.

Высокий худой человек вышел из своего темного угла и спокойно начал резать повстанцам головы серебристым клинком четырнадцати дюймов длиной. В живых он оставил только тех завсегдатаев, которых мы не привязали к креслам.

— Можно дышать спокойно,— жестами просигналил он нам.

— Следи за дверью,— велел мне Леденец. Он знал, что такая бойня внушает мне отвращение.— Масло, ты давай на кухню. А мы с Ростовщиком поможем Молчуну.

Мятежники попытались достать нас с улицы стрелами, но тщетно. Тогда они подожгли трактир. Мадл чуть не спятил от возмущения. Но Молчун — один из трех отрядных колдунов, засланный в Бирку несколько недель назад,— применив свои

присмчики, потушил пожар. Разъяренные повстанцы приготовились к осаде.

— Они, видать, согнали сюда мужиков со всей провинции,— сказал я.

Леденец пожал плечами. Он вместе с Ростовщиком складывал из трупов баррикады.

— У них наверняка тут поблизости лагерь.

Вообще-то о бирканских повстанцах мы были осведомлены неплохо. Госпожа проводит основательную разведку, прежде чем посылать Отряд. Но нас никто не предупредил, что мятежники смогут собрать такое войско за такой короткий срок.

Несмотря на успешно отбитую атаку, мне было не по себе. За стенами шумела большая толпа, и, похоже, подкрепления все прибывали и прибывали. Молчун у нас, конечно, ас, но с такой ордой даже ему не справиться.

— Ты послал весточку? — спросил я, полагая, что именно затем он и поднимался наверх. Молчун кивнул. Мне маленько полегчало. Но не слишком.

Гул снаружи притих. Стрелы полетели в дверной проем более густым потоком. Саму дверь толпа снесла с петель еще при первой атаке. А трупы, наваленные там кучей, надолго нападающих не задержат.

— Они готовятся к штурму,— сказал я Леденцу.

— Отлично.

Леденец пошел на кухню и присоединился к Маслу. Ростовщик пристроился рядом со мной. Молчун встал посреди зала. Вид у него был злой и очень грозный.

Толпа на улице загудела.

— Началось!

С помощью Молчуна мы отбили основной натиск, но повстанцы начали срывать с окон ставни. Вскоре Леденцу с Маслом пришлось ретироваться из кухни. Леденец прикончил не в меру зарвавшегося нападающего и отшвырнул труп подальше, успев при этом рявкнуть:

— Молчун! Где же наши, черт подери?

Молчун пожал плечами. Казалось, мысль о возможной гибели его ничуть не волнует. Он метнул заклятие в мятежника, которого с улицы пытались протолкнуть в окно.

В ночи истошно взревели трубы.

— Ха! — завопил я.— Наши идут!

В западне захлопнулась последняя дверца.

Остался нерешенным один-единственный вопрос: успеет ли Отряд до того, как повстанцы нас прикончат?

Еще несколько окон не выдержали напора. Молчун не мог поспеть повсюду.

— На лестницу! — крикнул Леденец.— Отступайте наверх!

Мы рванули к лестнице. Молчун напустил ядовитого тумана. Но не смертельного, как в прошлый раз: у него не было времени на подготовку.

Оборонять лестницу было значительно проще. Два человека при помощи Молчуна могли продержаться там целую вечность.

Повстанцы это поняли — и снова подожгли трактир. На сей раз Молчуну не удалось потушить весь огонь.

Глава 7
Арча. Крейг

Дверь в таверну отворилась. В «Лилию» ввалились двое, потопали ногами, стряхнули с себя налипшие льдинки. Шед поспешил им навстречу. Один из вошедших — здоровенный громила — отпихнул его. Второй, ростом поменьше, зашагал через зал, турнул Азу от огня, присел и вытянул к камину руки. Постояльцы Шеда не отрывали взглядов от пламени, ничего не видя и не слыша.

Все, кроме Ворона, как отметил про себя Шед. Ворона происходящее заинтересовало, хотя не особенно встревожило.

Шеда снова прошиб пот. Крейг наконец повернулся к нему лицом:

— Ты так и не заглянул ко мне вчера, Шед. Я по тебе соскучился.

— Я не мог, господин Крейг. Мне нечего было вам принести. Посмотрите в мой ящик с выручкой. Вы же знаете — я заплачу. Я всегда плачу вам, Крейг. Мне просто нужно немного времени.

— На прошлой неделе ты тоже заплатил с опозданием, Шед. А я терпеливо ждал. Я знаю, что тебе нелегко. Но ты запоздал и на позапрошлой неделе. И неделей раньше тоже. Ты ставишь меня в дурацкое положение, Шед. Я-то знаю, что ты обязательно заплатишь. Но что подумают люди? А? Может, они подумают, что им тоже незачем торопиться? Или решат, что можно совсем не платить?

— Крейг, я не могу. Загляните в мой ящик. Как только дела поправятся...

Крейг махнул рукой. Рыжий залез за стойку.

— Дела у всех идут неважно, Шед. У меня тоже проблемы. Я несу большие расходы. И не могу их покрыть, пока ты не отдашь долги.

Он расхаживал по залу, разглядывая обстановку. Шеду было ясно, что у него на уме. Крейг хотел заполучить «Лилию». Хотел загнать Шеда в такой тупик, чтобы тому пришлось продать таверну.

Рыжий протянул боссу ящик с выручкой Шеда. Крейг скорчил гримасу:

— Дела и правда плохи.

Он махнул рукой. Верзила по кличке Нокаут схватил кабатчика сзади за локти. У Шеда потемнело в глазах.

— Пощупай его, Рыжий. Может, он чего заныкал? — Крейг злобно усмехнулся и опустошил ящик.— Это в счет твоего долга, Шед.

Рыжий нашел серебряную леву, которую дал Шеду Ворон.

Крейг покачал головой:

— Шед! Ты обманул меня, Шед.

Нокаут стиснул своей жертве локти еще больнее.

— Это не мои деньги! — запротестовал Шед.— Это деньги Ворона. Он хотел, чтобы я купил дрова. Поэтому я и пошел к Латаму.

Крейг смерил его взглядом. Видно было, что хозяин таверны говорит правду. Слишком он перепугался, чтобы врать.

Шед и впрямь перепугался. Крейг вполне мог вынудить его расстаться с «Лилией», чтобы не расставаться с жизнью.

И что тогда? Он окажется на улице без единого герша в кармане, со старой матерью, нуждающейся в присмотре.

Джун громко обругала Крейга. Никто не обратил на нее внимания, в том числе и Шед. Кто станет принимать всерьез беспомощную старуху? Душечка замерла у кухонной двери, прижав ко рту кулачок и глядя полными мольбы глазами больше на Ворона, чем на Крейга или Шеда.

— Чего бы ему такое сломать, а, Крейг? — спросил Рыжий. Шед сжался от страха. Рыжий делал свое дело с наслаждением.— Ты не должен был прятать денежку, Шед. Ты не должен был обманывать Крейга.

Он с силой двинул Шеду в живот. Тот задохнулся, но Нокаут держал его, не давая упасть. Рыжий ударил еще раз.

— Он сказал вам правду,— раздался негромкий бесстрастный голос.— Я послал его за дровами.

Крейг с Рыжим сразу переключились на новый объект. Но верзила не ослабил хватку.

— Кто ты такой? — требовательно спросил Крейг.

— Ворон. Отпустите его.

Крейг и Рыжий переглянулись.

— Я на твоем месте не стал бы так разговаривать с господином Крейгом,— заявил Рыжий.

Ворон поднял на него глаза. Рыжий инстинктивно сжался. Потом, вспомнив о публике, шагнул вперед и замахнулся растопыренной ладонью.

Ворон поймал его руку в воздухе и крутанул. Рыжий упал на колени, скрежеща зубами и поскуливая.

— Дурак ты, парень,— сказал Ворон.

— Умный тот, кто ведет себя по-умному,— проговорил Крейг, не скрывая удивления.— Отпусти его, господин хороший, пока тебе бока не намяли.

Ворон улыбнулся — впервые на памяти Шеда.

— А вот это было бы не по-умному.

Раздался характерный хруст. Рыжий взвыл.

— Нокаут! — отрывисто бросил Крейг.

Верзила отшвырнул Шеда в сторону. Громадный, вдвое крупнее Рыжего, быстрый, сильный как бык и почти такой же умный, Нокаут не ведал поражений.

В руке у Ворона сверкнуло злое лезвие кинжала длиной в девять дюймов. Нокаут затормозил так резко, что споткнулся

одной ногой о другую. И рухнул, треснувшись о край Воронова стола.

— О Боже! — простонал Шед.

Дело запахло смертоубийством. Такого Крейг не спускал никому — это могло повредить его деловой репутации.

Но когда Нокаут поднялся, Крейг лишь велел ему небрежным тоном:

— Помоги Рыжему, Нокаут!

Верзила послушно повернулся к Рыжему, который отполз в сторону, бережно поддерживая сломанную руку.

— По-моему, у нас тут вышло небольшое недоразумение,— сказал Крейг.— Шед, слушай сюда. Даю тебе ровно неделю. Через неделю ты отдашь мне и долг, и проценты.

— Но...

— Никаких «но», Шед. Уговор есть уговор. Убей кого-нибудь. Или ограбь. Или продай свою халупу. Но деньги чтоб доставил в срок.

Иначе — этого Крейгу не было нужды добавлять.

«Все это пустые угрозы,— твердил себе Шед.— Он меня не тронет. Зачем ему лишаться такой выгодной дойной коровы?»

Но где же, черт возьми, раздобыть монет? Продавать таверну — об этом и речи быть не может. Особенно сейчас, когда зима на носу. Мать не выживет на улице.

В таверну ворвался холодный ветер. Крейг задержался у открытой двери, бросив на Ворона свирепый взгляд. Ворон не дал себе труда ответить тем же.

— Налей-ка мне еще вина, Шед,— сказал он.— Я, похоже, свое расплескал.

Шед торопливо засеменил к нему, невзирая на боль. Угодливость была его второй натурой.

— Спасибо вам, Ворон, но все-таки зря вы вмешались. Он убьет вас.

Ворон пожал плечами:

— Беги за дровами, пока никто другой не отобрал у тебя монету.

Шед глянул на дверь. Ему не хотелось выходить. Бандиты могли поджидать на улице. Он перевел взгляд на Ворона. Тот невозмутимо чистил ногти своим жутким кинжалом.

— Уже бегу.

Падал снег. Улица казалась обманчиво чистой. Тонкий белый слой прикрыл обычную грязь.

Шед терялся в догадках, пытаясь понять, зачем Ворону понадобилось вмешиваться. Хотел отстоять свои деньги? Что ж, вполне разумно... Да только разумный человек не станет связываться с Крейгом. Этот бандит способен перерезать человеку горло только за то, что на него не так посмотрели.

Впрочем, Ворон появился здесь недавно. Он, наверное, не знает еще, кто такой Крейг.

Ну так скоро узнает — на собственной шкуре. Никто не даст теперь и пары гершей за его жизнь.

А Ворон, похоже, парень не бедный. Но не станет же он таскать все свое состояние с собой, верно? Часть его деньжат наверняка припрятана в комнате наверху. И скорее всего, их там вполне достаточно, чтобы расплатиться с Крейгом. Может, продать ему Ворона с потрохами? Крейг бы это оценил.

— Покажи деньги,— потребовал Латам, когда Шед спросил у него дров. Шед протянул ему серебряную леву.— Ха! И кто же на сей раз копыта отбросил?

Шед покраснел. Прошлой зимой в «Лилии» умерла старая проститутка. Прежде чем вызвать Хранителей, Шед присвоил все ее сбережения. И мать его целую зиму провела в тепле. Об этом знал весь Котурн, потому что Шед имел глупость проболтаться Азе.

Обычно личное имущество и состояние усопших Хранители забирали себе. На эти деньги да еще на пожертвования они жили сами и содержали в порядке Катакомбы.

— Никто не отбросил. Меня послал постоялец.

— Ха! Когда у тебя появится постоялец, способный на такую щедрость...— Латам пожал плечами.— А впрочем, какое мне дело? Монета не фальшивая. К тому же деньги не пахнут. Бери поленья — вон оттуда, видишь?

Шед поплелся обратно в «Лилию». Щеки у него горели, ребра мучительно ныли. Латам даже не пытался скрыть свое презрение.

Вернувшись домой и подбросив в камин хороших дубовых полешек, Шед налил две кружки вина и подсел к Ворону за столик.

— За счет заведения.

Ворон мельком взглянул на него, отхлебнул глоток и отодвинул кружку в точности на то место, где она обычно стояла.

— Чего ты хочешь?

— Поблагодарить вас еще раз.

— Тебе не за что меня благодарить.

— Ну тогда я хочу вас предупредить. Зря вы не принимаете Крейга всерьез.

В таверну с охапкой дров ввалился Латам, недовольно ворча из-за того, что не смог вывести на улицу фургон. Мотайся теперь на своих двоих туда-сюда десять раз!

— Отвали, Шед.— Лицо у кабатчика вспыхнуло, но когда он поднялся, Ворон остановил его: — Нет, погоди. Так ты считаешь себя моим должником? Ладно, когда-нибудь я попрошу тебя об ответной услуге. И ты мне ее окажешь. Верно?

— Конечно, Ворон! Все что угодно. Вы только скажите.

— Иди и погрейся у камина, Шед.

Кабатчик протиснулся между Азой и своей матерью, присоединившись к угрюмой компании. От этого Ворона и правда оторопь берет.

А упомянутый господин тем временем оживленно обменивался знаками с глухой служанкой.

Глава 8
Бирка. После разборки

Я опустил меч, позволив ему ткнуться кончиком в пол трактира. Я отдался изнеможению, тихо покашливая в дыму. Я покачнулся и вяло ухватился за перевернутый кверху ногами стол. Наступила реакция. Я был уверен, что на сей раз нам крышка. Если бы мятежников не заставили потушить пожар...

Ильмо подбежал ко мне через зал и обхватил за пояс:

— Ты ранен, Костоправ? Хочешь, я позову Одноглазого?

— Не ранен. Просто выдохся. Давно я так не трусил, Ильмо. Я уж думал, мне конец.

Он перевернул ногой стул и усадил меня. Ильмо — самый мой лучший друг. Крутой, закаленный, почти никогда не уныва-

ющий. Левый рукав его был залит свежей кровью. Я попытался встать.

— Сиди! — приказал он.— Карман перевяжет меня.

Карман — это мой помощник, мальчишка двадцати трех лет. Стареет наш Отряд, по крайней мере его ядро. Ильмо уже за пятьдесят. Капитану с Лейтенантом скоро тоже стукнет по полвека. А мне перевалило за сорок.

— Всех взяли?

— Многих.— Ильмо тоже уселся на стул.— Одноглазый с Гоблином и Молчуном отправились в погоню за теми, кому удалось удрать.— Голос у Ильмо был равнодушный.— Считай, одним махом накрыли половину мятежников всей провинции.

— Постарели мы для такой работенки.— Ребята начали загонять пленников в зал, отделяя тех, кто мог знать что-нибудь полезное.— Пора уступать дорогу молодым.

— Кишка у них тонка.— Ильмо невидящим взглядом уставился вдаль, в наше давно ушедшее прошлое.

— Что-то не так?

Он покачал головой, потом сам же себе возразил:

— Какого черта мы здесь делаем, Костоправ? Неужто конца этому не будет?

Я подождал, но он не стал продолжать. Ильмо не любит болтать, особенно о своих чувствах.

— Что ты имеешь в виду? — не выдержал я.

— Да мы как белки в колесе. Охотимся за повстанцами, но их полку все прибывает. А до того мы отлавливали диссидентов, работая на синдика в Берилле. А до Берилла... Тридцать шесть лет одно и то же. И все эти годы я сомневался, на той ли мы стороне. Особенно теперь.

Это вполне в духе Ильмо — лет восемь держать свои сомнения при себе, прежде чем ими поделиться.

— А разве у нас есть выбор? Вряд ли Госпожа придет в восторг, если мы вдруг заявим, что будем делать только то-то и то-то, а вот того-то делать не будем никогда.

Честно говоря, на службе у Госпожи совсем не так уж плохо. Хотя Отряду и поручают самые трудные задания, нам никогда не приходится делать грязной работы. Она достается регулярным войскам. Конечно, порой мы наносим упреждающий

удар. Случается, и убиваем. Но все в пределах необходимости: на войне как на войне. Однако мы ни разу не принимали участия в кровавых бойнях. Капитан бы такого не допустил.

— Дело не в морали, Костоправ. Какая на войне мораль? Кто сильнее, тот и прав. Нет, я просто устал.

— Все это больше не похоже на приключение, да?

— И уже давно. Теперь это просто работа. Которую я делаю потому, что ничего другого не умею.

— Которую ты делаешь блестяще.— Слабое утешение, конечно, но лучшего я придумать не сумел.

В зал косолапой медвежьей походкой вошел Капитан. Обвел холодным взором следы побоища. Потом подошел к нам.

— Сколько их попалось, Костоправ?

— Мы еще не считали. Думаю, почти вся верхушка у нас в руках.

Он кивнул.

— Ты ранен?

— Вымотался. Физически и морально. Давненько я так не пугался.

Капитан перевернул стол ногами вниз, подтащил к нему стул, достал папку с картами. К нему присоединился Лейтенант. А чуть позже Леденец приволок Мадла — трактирщик каким-то чудом уцелел.

— Наш друг хочет назвать тебе несколько имен, Костоправ.

Я развернул список, вычеркнул тех, кого перечислил Мадл.

Ротные командиры погнали часть пленников на рытье могил. Я мельком подумал: интересно, понимают ли они, что будут рыть их для собственного упокоения? Мы не оставляем в живых ни одного повстанца, за исключением тех, кого удается перетянуть на сторону Госпожи, причем бесповоротно. Мадла мы перетянули. Сочинили ему легенду, чтобы он мог объяснить, как остался жив, и ликвидировали всех, кто мог бы ее опровергнуть. Леденец в приливе великодушия приказал даже трупы из его колодца повытаскивать.

Наконец вернулся Молчун, а за ним Гоблин с Одноглазым. Эти двое язвительно переругивались на ходу. Как обычно. Не помню, о чем они спорили. Да это и неважно. Для них важен был сам процесс, длившийся десятилетиями.

Капитан смерил их сердитым взглядом и спросил у Лейтенанта:

— Сердце или Том?

Сердце и Том — два единственных более или менее приличных города Бирки. Сердцем правит король, преданный союзник Госпожи. Она посадила его на трон два года назад, после того как Шепот убила его предшественника. Среди бирканцев он не пользуется популярностью. По моему мнению — которое никого не волнует,— Госпоже следовало бы избавиться от своего ставленника, пока он не навредил ей еще больше.

Гоблин разжег огонь. Утро выдалось холодное, слегка подмораживало. Став возле огня на колени, Гоблин начал поджаривать свои пальцы.

Одноглазый пошарил за стойкой Мадла и нашел чудом уцелевший кувшин пива. Колдун опустошил его одним махом, утер рот, обвел глазом зал и подмигнул мне.

— Опять начинается,— пробурчал я.

— А? — обернулся ко мне Капитан.

— Да Гоблин с Одноглазым.

— А-а.— Капитан снова склонился над картой и больше не отрывал от нее взгляда.

В огне, прямо перед лягушачьей рожицей Гоблина, стало появляться лицо. Но колдун не видел его. Он сидел, смежив веки. Я посмотрел на Одноглазого. Глаз его тоже был крепко зажмурен, а физиономия, затененная полями мягкой шляпы, вся скукожилась от напряжения — ну просто морщина на морщине. Лицо в огне обретало черты.

Я вздрогнул. Отсюда, где я сидел, оно походило на лицо Госпожи. Точнее говоря, на лицо, которое было у нее в тот единственный раз, когда я ее видел. Случилось это во время битвы при Чарах. Госпожа вызвала меня, чтобы выудить из моих мозгов все, что я подозреваю о заговоре среди Десяти Взятых... Меня затрясло от страха. Я живу с ним годами. Если она вызовет меня на допрос еще раз, Черный Отряд лишится своего главного врача и летописца. Теперь я знаю кое-что такое, за что Госпожа без колебаний стерла бы в порошок целые царства.

Лицо в огне высунуло язык, точь-в-точь как у саламандры. Гоблин взвизгнул, подпрыгнул и схватился за волдырь, вскочивший на носу.

Одноглазый, стоя к своей жертве спиной, осушал очередную кружку пива. Гоблин нахмурился, потер нос и снова сел. Одноглазый чуть-чуть повернулся, искоса подглядывая за ним и выжидая, пока Гоблин начнет клевать носом.

Такие розыгрыши они устраивали бесконечно. Когда я вступил в Отряд, оба колдуна уже были его членами, причем Одноглазый не меньше сотни лет. Он жутко старый, но бодрости у него не меньше, чем у меня.

А может, и больше. В последнее время на меня все сильнее давит бремя прожитых лет и упущенных возможностей. Я могу сколько угодно насмехаться над крестьянами и горожанами, которые всю жизнь прикованы к одному и тому же крохотному уголку земли, в то время как я разъезжаю по ней и дивлюсь ее чудесам, но когда я умру, то не оставлю после себя ни ребенка, носящего мою фамилию, ни убитой горем семьи, если не считать моих товарищей. Никто не вспомнит обо мне, никто не поставит памятник над моим хладным прахом. И пусть я был свидетелем великих событий, от меня не останется ничего, за исключением этих Анналов.

Такой вот самообман. Пишу собственную эпитафию, маскируя ее под историю Отряда.

Похоже, я превращаюсь в клинического ипохондрика. Надо за собой последить.

Одноглазый положил руки на стойку ладонями вниз, будто прикрывая что-то, пошептал и открыл ладони. На стойке остался сидеть мерзопакостный громадный паук с пушистым беличьим хвостом. Да, Одноглазый — мужик с юмором, этого у него не отнимешь. Паук спустился на пол, подбежал ко мне, ухмыльнулся черной рожей Одноглазого, только без повязки на глазу, и засеменил к Гоблину.

Суть колдовства, даже когда им занимаются не мошенники и шарлатаны, заключается в том, чтобы пустить противника по ложному следу. Именно этим и занимался хвостатый паук.

Гоблин не дремал. Он таился в засаде. Когда паук подбежал поближе, колдун резко развернулся и взмахнул поленом.

Паук юркнул в сторону. Гоблин яростно колотил поленом по полу, и все зазря. Живая мишень стремительно обогнула его, хихикнув голосом Одноглазого.

В пламени вновь появилось лицо, выбросив вперед змеиный язык. Штаны на заднице у Гоблина задымились.

— Ох ты черт! — сказал я.

— Чего? — спросил Капитан, не отрывая взгляда от карты. Они с Лейтенантом все еще спорили, где лучше устроить опорный пункт — в Сердце или Томе.

Но народ уже прослышал, и ребята один за другим повалили в зал, чтобы посмотреть последний раунд.

— Думаю, на сей раз победит Одноглазый,— заметил я.

— Да ну? — Наш старый медведь, похоже, на мгновение заинтересовался. Одноглазому годами не удавалось обставить соперника.

Гоблин разинул свой лягушачий рот и издал изумленный озлобленный вопль. Потом заплясал на месте, хлопая себя по ягодицам ладонями.

— Ты, гаденыш! — визжал он.— Да я ж тебя удавлю! Я тебе сердце вырежу и съем! Я... Я...

Поразительно. Просто поразительно. Гоблин никогда не впадает в ярость. Обычно он становится очень спокойным. И тогда Одноглазый снова начинает шевелить мозгами, придумывая очередную каверзу. Если Гоблин спокоен, Одноглазый тотчас смекает, что его провели.

— Уймите их, пока не поздно,— велел Капитан.

Мы с Ильмо встали между противниками. Дело принимало скверный оборот. Угрозы Гоблина были вполне серьезны. Похоже, он был сильно не в духе — впервые, сколько его помню,— и Одноглазый попался ему под горячую руку.

— Угомонись,— сказал я Одноглазому.

Он послушался. Он тоже почуял, что дело пахнет керосином.

Публика недовольно заворчала. На кону стояли немалые суммы. Обычно на Одноглазого никто и медяка не ставил: победа Гоблина не подлежала сомнению. Но на сей раз он явно сплоховал.

Гоблин и не думал прекращать поединок. Однако играть по обычным правилам тоже не захотел. Он подхватил с пола меч и кинулся к Одноглазому.

Я не смог сдержать усмешки. Меч был такой громадный и зазубренный, а Гоблин такой мелкий и свирепый, что все это походило на карикатуру. Правда, очень кровожадную карикатуру. Ильмо не сумел с ним справиться. Я махнул рукой, призывая на помощь. Кто-то сообразил плеснуть Гоблину на спину воды. Тот развернулся, выругался и забубнил какое-то убойное заклинание.

Нам стало совсем не до смеха. На помощь ринулась сразу дюжина ребят. Кто-то вылил на Гоблина еще одно ведро. Это остудило его пыл. Когда мы забрали у него меч, он выглядел смущенным. Еще воинственным, но смущенным.

Я отвел его обратно к камину и пристроился рядом.

— В чем дело? Что стряслось? — спросил я, искоса глянув на Капитана. Перед ним стоял Одноглазый, весь поникший от суровой нахлобучки.

— Сам не знаю, Костоправ.— Гоблин сгорбился и уставился на пламя.— Просто все вдруг обрыдло. Засада эта сегодняшняя... Вечно одно и то же. Каждый раз очередная провинция, и с каждым разом в ней все больше повстанцев. Они размножаются, как черви в коровьей лепешке. А я все старею и старею, и я не сделал в жизни ничего, чтобы хоть немного улучшить этот мир. Честно говоря, если оглянуться назад, все мы делали его только хуже.— Он покачал головой.— Нет, не то. Я не то хотел сказать. Просто не умею подобрать нужных слов.

— Должно быть, это эпидемия.

— Что?

— Ничего. Мысли вслух.

Ильмо. Я сам. Гоблин. И не мы одни, судя по настроению людей в последнее время. Что-то неладно в Черном Отряде. Кое-какие подозрения на сей счет у меня были, но анализировать их не хотелось. Слишком тоскливо.

— Может, нам просто нужно размять косточки? — предположил я.— После Чар мы ни разу и не дрались-то как следует.

Это была полуправда. Сражение, которое заставило бы нас забыть обо всем, кроме сиюминутного выживания, могло излечить симптомы, но не саму болезнь. А я как врач не советую лечить симптомы. Они все равно будут повторяться до бесконечности. Бороться нужно с причиной заболевания.

— Что нам нужно,— проговорил Гоблин таким тихим голосом, что его почти заглушило потрескивание огня,— так это дело, в которое мы могли бы поверить.

— Да,— согласился я.— Это бы нам не помешало.

С улицы донеслись изумленные и яростные вопли пленников, узнавших, что им самим предстоит заполнить вырытые могилы.

Глава 9
Арча. Трупные деньги

Шли дни, и Шеду с каждым днем становилось все страшнее. Нужно было достать хоть немного денег. Крейг распускал слухи, что на примере кабатчика проучит всех остальных.

Тактика Крейга была понятна. Гангстер хотел запугать Шеда так, чтобы тот оформил продажу «Лилии». Таверна, конечно, не ахти, но стоит все-таки гораздо больше, чем его долги. Крейг продаст ее потом с многократной прибылью или превратит в дешевый бордель. А Каштан Шед с матерью окажутся на улице, и зимний ветер будет, завывая, смеяться им в лицо.

Убей кого-нибудь, сказал Крейг. Или ограбь. Шед всерьез обдумывал оба варианта. Он был способен на все, чтобы сохранить «Лилию» и защитить свою мать.

Заполучить бы хоть парочку стоящих клиентов! А то у него сплошь мошенники да бродяги-однодневки. Ему нужны солидные постояльцы. Но их не будет, пока не сделаешь в таверне ремонт. А на ремонт нужны деньги.

В дверь вкатился Аза. Бледный и перепуганный, он потрусил прямо к стойке.

— Ну что, узнал, где взять дровишек? — спросил его Шед.

Аза покачал головой и бросил на стойку два герша:

— Дай мне выпить.

Шед кинул монеты в ящик. Откуда они у клиента — об этом спрашивать не принято. Деньги не пахнут. Шед налил полную кружку. Аза жадно протянул руку.

— Нет, погоди,— заявил хозяин таверны.— Выкладывай, что стряслось.

— Брось, Шед! Я же тебе заплатил.

— Конечно. И я тебя обслужу, как только ты мне расскажешь, почему ты такой вздрюченный.

— Где твой постоялец, Ворон?

— Наверху. Дрыхнет.— Ворона не было дома всю ночь Азу затрясло еще сильнее.

— Дай мне кружку, Шед!

— Рассказывай.

— Ладно. Крейг вместе с Рыжим прижали меня. Они хотят узнать о Вороне побольше.

Теперь стало ясно, где Аза разжился деньгами. Он пытался продать Ворона.

— Рассказывай дальше.

— Они просто хотели узнать о нем, вот и все.

— Что они хотели узнать?

— Где он бывает.

— Зачем?

Аза замялся. Шед отодвинул кружку подальше.

— Ну ладно! Крейг послал двоих парней следить за ним. А те испарились. И никто ничего не знает. Крейг вне себя от ярости.

Шед протянул ему кружку. Аза осушил ее одним глотком.

Кабатчик глянул в сторону лестницы и поежился. Возможно, он недооценил Ворона.

— Что Крейг говорил обо мне?

— Ты бы побаловал меня еще кружечкой, Шед.

— Я тебя побалую. Кружечкой по башке.

— Не больно-то ты мне нужен, Шед. У меня теперь связи. Я могу переметнуться под крылышко к Крейгу, когда захочу.

Лицо у Шеда потемнело.

— Ты выиграл,— буркнул он и налил вина.

— Он хочет вывести тебя из игры, Шед. Чего бы это ни стоило. Он вбил себе в голову, что ты с Вороном заодно.—

Аза злорадно ухмыльнулся.— Он только все удивляется, как это ты набрался духу взбрыкнуть.

— Бред какой-то. У меня нет ничего общего с Вороном, Аза. И ты это знаешь.

Аза наслаждался моментом.

— Я пробовал втолковать это Крейгу. Но он и слушать не хочет.

— Допивай свое вино и проваливай, Аза.

— Ты что, Шед? — В голосе у Азы прорезались привычные ноющие нотки.

— Ты слышал, что я сказал. Проваливай. Иди к своим новым дружкам. Посмотрим, надолго ли ты им понадобился.

— Шед!..

— Они вышвырнут тебя на улицу, Аза. Прямиком ко мне и моей маменьке. Пошел вон, кровосос!

Аза допил вино и выскользнул, втянув голову в плечи. Он почуял в словах Шеда горькую правду. Его дружба с Крейгом будет хрупкой и недолговечной.

Шед пытался предупредить Ворона. Тот от него отмахнулся. Шед протирал кружки, наблюдая за тем, как Ворон болтает с Душечкой на беззвучном языке жестов, и напрягал всю свою фантазию, силясь придумать, как бы ограбить кого-нибудь в верхнем городе. Обычно в эти утренние часы он глазел на Душечку и старался представить, какой бы найти к ней подходец, но в последнее время страх перед улицей заглушил привычную похоть.

На верхнем этаже раздался такой дикий визг, как будто свинье перерезали горло.

— Мама!

Шед понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки разом.

Старая Джун, тяжело дыша, стояла в дверном проеме общей ночлежки.

— Мам! Что случилось?

— Там покойник!

У Шеда екнуло сердце. Он влетел в комнату. На правой нижней койке лежал какой-то старик.

Прошлой ночью в ночлежке было всего четверо постояльцев. По шесть гершей с носа. В комнате — шести футов в ширину и двенадцати в длину — помещались двадцать четыре койки, поставленные в шесть ярусов. Когда ночлежка заполнялась до отказа, Шед за два герша пускал желающих поспать стоймя, прислонясь к веревке, натянутой посередине.

Шед тронул старика — кожа была холодной. Помер уже несколько часов назад.

— Кто он такой? — спросила Джун.

— Понятия не имею.

Кабатчик пошарил в лохмотьях покойного. Нашел четыре герша и железное кольцо.

— Черт! — Он не мог их прикарманить. Если Хранители ничего не найдут, у них возникнут подозрения.— Нас, видно, кто-то сглазил. Четвертый жмурик за этот год.

— Такие у нас постояльцы, сынок. Все они одной ногой в Катакомбах.

Шед сплюнул.

— Пошлю-ка я за Хранителями.

— Бедняга ждал так долго — пускай еще чуток подождет,— произнес знакомый голос.

Шед развернулся. За спиной у матери стояли Ворон и Душечка.

— Чего?

— Он мог бы решить твои проблемы,— сказал Ворон.

Душечка тут же начала жестикулировать так быстро, что Шед сумел разобрал не больше знака из двадцати. Похоже, она просила Ворона не делать чего-то. Ворон проигнорировал ее.

— Шед! — предостерегающе произнесла старая Джун.

— Не волнуйся, мам. Я все улажу. Займись своей работой.

Джун была слепа, но когда позволяло здоровье, выливала помои и выполняла, если можно так сказать, работу горничной, то есть перетряхивала постели постояльцев и изводила блох и вшей. Когда недуги приковывали ее к кровати, Шед призывал на помощь своего кузена Ферта — такого же лоботряса, как и Аза, но обремененного женой и детьми. Шед давал ему работу исключительно из жалости к его семье.

Он спустился по лестнице вниз. Ворон следовал за ним, продолжая спорить с Душечкой. Шед подумал мельком: интересно, трахает ее Ворон или нет? Чертовски обидно, если такой аппетитный кусочек женской плоти пропадает зря.

Как может мертвец с четырьмя гершами в кармане помочь ему спастись от Крейга? Ответ: никак. По крайней мере, законным образом.

Ворон взгромоздился на свой табурет и бросил горсть медяков:

— Вина. Себе тоже налей.

Шед собрал мелочь и сложил ее в ящик. Содержимое его вновь повергло кабатчика в тоску. Доходов с гулькин нос. Он обречен. Даже если его долг Крейгу каким-то чудом будет уплачен, ему все равно не выкарабкаться.

Он поставил кружку перед Вороном и сел на табуретку. Чувствовал он себя старым, ни на что не годным и бесконечно усталым.

— Я вас слушаю.

— Кто он такой, этот старик? Родственники есть у него?

Шед пожал плечами:

— Просто бродяга, который хотел немного погреться в тепле. В Котурне таких навалом.

— Понятно.

Шед содрогнулся от тона, каким это было сказано.

— Вы предлагаете... то, о чем я подумал?

— О чем же?

— Не знаю. Но какая от жмурика польза? Даже Хранителям никакой — они только стаскивают трупы в Катакомбы.

— А если, предположим, найдется покупатель?

— Я так и подумал.

— Ну и?

— Что я должен делать?

Голос Шеда еле долетел до противоположного края стола. Более омерзительного преступления он себе и представить не мог. Самого завалящего из городских покойников почитали выше живых. Труп был святыней. А Выгородка — эпицентром Арчи.

— Совсем немного. Сегодня вечером притащи труп к заднему входу. Сможешь это сделать?

Шед вяло кивнул.

— Отлично. Допивай свое вино.

Шед осушил кружку одним глотком. Потом схватился за другую кружку и начал усердно ее начищать. Все это просто дурной сон. Он скоро проснется.

Мертвец оказался почти невесомым, но Шед все равно с трудом спустился по лестнице. Он слишком много выпил. Ступая с преувеличенной осторожностью, он тихонько прокрался через сумеречный зал. Люди, сгрудившиеся вокруг камелька, казались какими-то дьявольскими фигурами в красных отблесках догорающих углей.

На кухне покойник задел ногой горшок и свалил его. Шед застыл на месте. Но все было спокойно. Сердце наконец перестало колотиться как бешеное. Шед напомнил себе, что он делает это ради матери, чтобы ей не пришлось мерзнуть на улице.

Он стукнул коленом в дверь. Ее тут же отворили снаружи.

— Быстрее,— прошипела тень и, ухватив старика за ногу, помогла Шеду забросить тело в фургон.

— А теперь что? — задыхаясь от ужаса, спросил Шед.

— Иди спать. Свою долю получишь утром.

Шед почувствовал такое облегчение, что чуть не заплакал.

— Сколько? — выдохнул он.

— Треть.

— Только треть?

— Весь риск я беру на себя. А тебе уже ничего не грозит.

— Ладно. А сколько это будет?

— Цены меняются.

Ворон ушел. Шед запер дверь и прислонился к ней, закрыв глаза. Что он натворил?

Он подбросил в камин дров и лег в кровать, прислушиваясь к материнскому храпу. Догадалась она или нет? Может, все-таки не догадалась? Хранители частенько дожидаются ночи. Он скажет ей, что она просто все проспала.

Но сам он никак не мог уснуть. Кто еще знает о трупе? Если слух просочится, пойдут разговоры. Его начнут подозревать... хотя такое и заподозрить-то немыслимо.

А что, если Ворона поймают? Сумеют инквизиторы его расколоть? Вол — он такой, у него и камень запоет.

Шед наблюдал за матерью все следующее утро. Она говорила с ним отрывисто и односложно, но так она говорила всегда.

Ворон появился сразу после полудня.

— Чаю и чашку каши, Шед.

Когда Ворон расплачивался, то не бросил, как обычно, на стойку горсть медяков.

Шед глазам своим не поверил. Перед ним лежало десять серебряных лев. Десять? За одного старого жмурика? И это всего лишь треть? Ворону, похоже, не впервой продавать мертвяков. Так у него, должно быть, денег куры не клюют! У Шеда вспотели ладони. В голове невольно начали зреть преступные планы.

— Шед! — вкрадчиво проговорил Ворон, когда хозяин принес ему кашу с чаем.— Даже не думай об этом.

— Чего?

— Не думай о том, о чем ты думаешь. Иначе сам окончишь жизнь в фургоне.

Душечка исподлобья смотрела на них из кухни. Ворон, казалось, на мгновение даже смутился.

Шед пробрался на постоялый двор, где обитал Крейг со своей свитой. Снаружи заведение выглядело таким же захудалым, как и «Лилия». Демонстративно не замечая Азу, Шед обратился к Нокауту. Громила был не из тех людей, что любят мучить просто так, ради забавы.

— Нокаут, мне нужно видеть Крейга.

Верзила открыл карие коровьи глаза:

— Зачем?

— Я принес ему деньги. Часть долга.

Нокаут встал, распрямляя свою здоровенную тушу.

— Ладно. Подожди здесь.

К Шеду бочком подкатился Аза:

— Откуда у тебя деньги, Шед?

— А у тебя откуда, Аза? — Аза не ответил.— Об этом не спрашивают. Не лезь не в свои дела — или держись от меня подальше.

— Я думал, мы с тобой друзья, Шед.

— Я старался быть тебе другом, Аза. Я даже пускал тебя переночевать. Но раз ты связался с Крейгом...

Лицо у Азы затуманилось.

— Прости, Шед. Ты же знаешь меня. Я всегда был крепок задним умом. Вечно во что-нибудь вляпаюсь.

Кабатчик фыркнул. Стало быть, до Азы наконец дошло: Крейг вышвырнет его, как только покончит с Вороном.

Шеда так и подмывало продать Ворона. У парня наверняка припрятано целое состояние. Но Шед боялся множества вещей — и первым в списке был его постоялец.

— Я знаю, как можно раздобыть в Выгородке валежник,— заявил Аза. Лицо его светилось трогательной мольбой.— В основном сосновый, но это тоже дрова.

— В Выгородке?

— Тут нет ничего незаконного, Шед. Выгородку нужно порой прочищать.

Хозяин таверны неодобрительно нахмурился.

— Шед, это все-таки лучше, чем чистить карманы покой...

Кабатчик сдержал приступ гнева. Ему нужны союзники во вражеском лагере.

— Дрова — они ведь все равно что деньги, Аза. Тоже не пахнут.

— Спасибо тебе, Шед! — заискивающе улыбнулся Аза.

— Шед! — крикнул Нокаут.

Проходя через комнату, кабатчик трясся мелкой дрожью. Подручные Крейга злорадно ухмылялись.

Ничего из этого не выйдет. Крейг даже слушать его не захочет — просто швырнет ему деньги обратно, и все.

— Нокаут говорит, ты принес мне часть долга,— сказал Крейг.

— Э-э-э...

Логово Крейга точно перетащили сюда целиком из какого-нибудь особняка, стоящего высоко над долиной. Шед был ошеломлен.

— Кончай глазеть по сторонам, ближе к делу. Только не вздумай совать мне горсть медяков и умолять об отсрочке. Ты

уже нашел себе тепленькое местечко, где перезимовать, а? Твои платежи — не платежи, а слезы, Шед.

— Нет, нет, господин Крейг! Честное слово. Я могу заплатить больше половины.

Брови у Крейга поползли кверху:

— Интересно!

Шед положил перед ним девять серебряных лев.

— Очень интересно!

Крейг пронзил кабатчика пристальным взглядом.

— Тут больше половины, считая вместе с процентами,— запинаясь, проговорил Шед.— Я надеялся — может быть, теперь вы дадите мне немножко времени, вы же видите, что...

— Цыц! — Шед заткнулся.— Ты думаешь, я забыл, что произошло?

— Я не виноват, господин Крейг. Я не подбивал его... Ворон, он такой... Вы его просто не знаете!

— Заткнись.— Крейг воззрился на монеты.— Думаю, мы это как-нибудь уладим. Я знаю, что ты его не подбивал. Кишка у тебя тонка.

Шед уставился в пол, не в силах возразить против обвинения в трусости.

— Ладно, Шед. Ты мой постоянный клиент. Будешь, как и раньше, платить по графику.— Гангстер снова бросил взгляд на монеты.— Следующий взнос через три недели.

— Спасибо, господин Крейг. Большое спасибо. Вы не представляете, как много это значит...

— Заткнись. Я все прекрасно представляю. Убирайся. И начинай собирать следующий взнос. Это твоя последняя отсрочка.

— Да, господин Крейг.

Шед попятился. Нокаут отворил дверь.

— Шед! Возможно, ты мне когда-нибудь понадобишься. Услуга за услугу. Понял?

— Да, господин Крейг.

— Ну и хорошо. Ступай.

Шед ушел, и чувство облегчения тут же сменилось подавленностью. Крейг заставит его помочь расправиться с Воро-

ном. Шед чуть не плакал, ковыляя к дому. Ничего никогда не меняется к лучшему. Вечно он попадает в ловушку.

Глава 10
Бирка. Разворот

Том был типичным городишкой из числа тех, что мы занимали в последнее время. Маленький, грязный, скучный. Оставалось лишь удивляться, зачем он нужен Госпоже. На кой ей сдались эти дальние провинции? Неужели она так жаждет поставить их на колени только затем, чтобы потешить свое самолюбие? Поживиться здесь было нечем, если не считать власти над местными жителями.

И даже они сами относились к своей стране с изрядной долей презрения.

Присутствие Черного Отряда быстро истощило окрестные ресурсы. Не прошло и недели, как Капитан уже начал поговаривать о том, что пора перевести Отряд в Сердце, расквартировав мелкие подразделения по деревням. Патрульным крайне редко удавалось зацапать кого-нибудь из повстанцев, даже с помощью колдунов. Разборка в трактире Мадла практически свела распространение инфекции на нет.

Шпионы Госпожи доносили нам, что считанные мятежники, которым удалось удрать, нашли приют в Тамбуре — еще более унылом королевстве к северо-востоку от Бирки. Похоже, Тамбур будет нашим следующим заданием, подумал я про себя.

Как-то раз, корпя над своими Анналами, я решил подсчитать, сколько миль мы отмахали на восток. Подсчитал и ахнул. От Чар до Тома оказалось две тысячи миль! Далековато же мы протопали от границ империи шестилетней давности. Победоносные кровопролитные походы Взятой Шепот передвинули имперские рубежи за равнину Страха, охватив ее дугой. Я пробежал пальцем по линии городов-государств, стоявших вдоль той забытой границы. Стужа и Ад, Шмяк и Амбары, а также Ржа, где повстанцы годами успешно отражали атаки Госпожи. Крупные города, внушительные — больше мы таких не видели. А при мысли о равнине Страха меня до сих пор бросает в дрожь.

Мы пересекали ее под защитой Шепот и Пера — двух Взятых, двух черных подмастерьев Госпожи,— чье колдовское мастерство на несколько порядков выше, чем у нашей троицы отрядных колдунов. К тому же мы шли не одни, а вместе с регулярной армией. И все равно не обошлось без потерь. На этой враждебной и дикой земле все нормальные законы природы теряют силу. Киты летают, камни говорят. В пустыне растут кораллы. Деревья ходят. А более странных созданий, чем ее обитатели... Впрочем, все это вспомнилось так, ни к селу ни к городу. Просто кошмар из прошлого. Кошмар, который преследует меня и поныне, когда вопли Пумы и Шустрого эхом катятся ко мне по туннелям времен, а я опять не в силах их спасти...

— В чем дело? — Ильмо вытащил у меня из-под пальцев карту, искоса заглядывая мне в лицо.— Ты будто привидение увидел.

— Просто вспомнил равнину Страха.

— А-а! Ясно. Выше голову, дружище. Выпей-ка лучше пивка.— Он хлопнул меня по спине.— Эй, Шишка! Где тебя черти носили? — И он рванул в погоню за самым отъявленным отрядным симулянтом.

Через минуту мои думы спугнул Одноглазый.

— Как Гоблин? — тихо поинтересовался он. После поединка в трактире у Мадла они друг с дружкой не разговаривали.— Пустые холмы? Интересное название,— добавил он, глянув на карту.

— Их называют также Полыми холмами. Гоблин в порядке. Почему бы тебе с ним не объясниться?

— А на фига? Он ведет себя как последний осел. Шуток не понимает.

— Твои шуточки, Одноглазый, порой заходят слишком далеко.

— Н-да. Может быть. Знаешь что? Пошли вместе, ладно?

— Мне нужно подготовиться к читке.

Раз в месяц, по вечерам, Капитан велит мне вдохновлять войско чтением из Анналов. Чтобы мы знали, откуда ведем свой род, и помнили о предках по оружию. Когда-то имя их гремело повсеместно. Черный Отряд. Последний из Свободных Отрядов Хатовара Нерушимое братство. Высокий моральный дух.

Мы вместе — против всего мира, и пускай мир побережется! Но что-то, проявившееся и в поведении Гоблина, и в незначительной пока депрессии Ильмо, давило на каждого из нас. Братство расползалось по швам.

Мне нужно было выбрать какой-нибудь впечатляющий отрывок. Такой, где Отряд, припертый к стенке, выживал только потому, что оставался верен своим традиционным ценностям. За четыре сотни лет подобных ситуаций было немало. Но я хотел найти отрывок, написанный одним из самых вдохновенных летописцев — написанный с таким же жаром, с каким приверженцы Белой Розы вербуют себе новобранцев. А может, лучше выбрать что-нибудь подлиннее и читать несколько вечеров подряд?

— Ерунда! — заявил Одноглазый.— Ты знаешь эти книжки назубок. Вечно сидишь, уткнувшись в них носом. К тому же ты можешь выдумать любую историю — никто и не заметит.

— Наверное. А если даже заметят, то им это до фени. Грустно, старина. Ладно, пошли проведаем Гоблина.

Быть может, я должен перечесть Анналы более внимательно? Быть может, я лечу симптомы? Анналы обладают каким-то мистическим воздействием — по крайней мере, на меня. Быть может, я сумею распознать болезнь, погрузившись в тексты с головой и выискав нечто между строк?

Гоблин с Молчуном играли в «ножички», не прикасаясь к ним руками. Надо отдать должное трем нашим чародеям: они не великие маги, но постоянно оттачивают свои таланты. Гоблин выигрывал по очкам и был в хорошем настроении. Он даже кивнул Одноглазому.

Вот и славно. Значит, ссоре конец. Джинн загнан обратно в бутылку. Теперь главное, чтобы Одноглазый что-нибудь не ляпнул.

К моему изумлению, он даже извинился. Молчун знаками предложил мне выйти и дать им примириться с глазу на глаз. Гордости у них обоих хоть отбавляй.

Мы вышли и, как частенько бывало, когда никто не мог подсмотреть наш разговор, стали жестами вспоминать о прошлом. Молчун тоже владел тем секретом, за который Госпожа не пощадила бы целые государства.

Еще с полдюжины ребят когда-то кое о чем догадывались, а потом забыли. Но мы-то знали — и забыть не могли. Те шестеро, если Госпоже вздумается их допросить, оставят ее в глубоком сомнении. А с нами двумя никаких сомнений не будет. Мы знаем самого могущественного врага Госпожи, знаем в лицо и по имени — и за шесть лет так и не сообщили ей о том, что враг этот существует не только в воображении повстанцев.

Мятежники по натуре народ суеверный. Они обожают пророков, и пророчества, и всякие театрализованные предсказания грядущих побед. Как раз одно из таких предсказаний и завело их в ловушку под Чарами, где они едва избежали поголовного истребления. Но, оправившись, повстанцы убедили себя в том, что пали жертвой ложных пророков и пророчеств, одураченные хитроумным врагом. А убедивши, могли потом поверить и в более невероятные вещи.

Самое смешное, что в байках, которыми они обманывали себя, была большая доля правды. За исключением узкого круга приближенных Госпожи, пожалуй, я один знал о том, что повстанцев ведут прямиком в лапы смерти. Только вела их туда не Госпожа, как они предполагали. Вел их враг гораздо более зловещий — Властелин, бывший супруг Госпожи, которого она предала и оставила заживо погребенным в могиле в Большом лесу, к северу от города под названием Весло. Из этой могилы он незримо дотянулся до командиров повстанческого войска, сдвинул им набекрень мозги и подчинил своей воле, надеясь с их помощью свалить Госпожу и воскреснуть. Но он проиграл, хотя на его стороне выступали и некоторые из старейших Взятых.

Если он знает о моем существовании, я, должно быть, числюсь в первых рядах его черного списка. Он по-прежнему лежит там, лелея планы мщения, и, возможно, ненавидит меня, ибо я помог обезвредить Взятых, помогавших ему... Жуткая картина. Госпожа у нас, конечно, не сахар. Но зло ее — лишь тень, отбрасываемая телом, то бишь Властелином. По крайней мере, так гласят легенды. Хотя порой я задаюсь вопросом: почему — если легенды не врут — она ходит сейчас по земле, в то время как он томится в могиле?

С тех пор как я узнал, какие силы таит в себе та могила на севере, я провел довольно солидное исследование, копаясь в по-

лузабытых хрониках. И чем больше читал, тем больше пугался. Эпоха правления Властелина, похоже, и впрямь была эпохой ада на земле. Просто диву даешься, как это Белой Розе удалось его победить. Жаль, правда, что она не уничтожила его окончательно. Заодно со всеми его присными, включая Госпожу. Мир был бы сегодня иным — в нем бы легче дышалось.

Я все думаю: скоро ли закончится наш медовый месяц? Госпожа не показала еще себя во всей красе. Когда наконец она даст себе волю и выпустит наружу черную тьму, таящуюся в ее душе, вернув тем самым на землю все ужасы прошлого?

Я думаю также о зверских злодеяниях, приписываемых Властелину. История, как известно, всегда пишется под диктовку победителя.

Из апартаментов Гоблина донесся вопль. Мы с Молчуном переглянулись и ринулись в комнату.

Я на полном серьезе был уверен, что один из них уже прощается с жизнью, истекая кровью на полу. Чего я никак не ожидал, так это увидеть такую картину: Гоблин бьется в припадке, а Одноглазый изо всех сил старается его удержать, чтобы тот себе чего-нибудь не повредил.

— Кто-то вошел с ним в контакт,— прохрипел Одноглазый.— Помоги мне. Судороги очень сильные.

Я разинул рот. Контакт! С нами не связывались напрямую уже несколько лет, после той отчаянной и требовавшей молниеносных решений кампании, когда повстанцы осадили Чары. С тех пор Госпожа и Взятые общались с нами исключительно через посыльных.

Припадок длился считанные секунды. Так оно обычно и бывает. Потом Гоблин расслабился, тихо постанывая. И лишь через несколько минут он придет в себя настолько, чтобы передать сообщение. Мы трое переглянулись с бесстрастными минами игроков и со страхом в душе.

— Нужно доложить Капитану,— сказал я.

— Ага,— согласился Одноглазый, не двинувшись с места. Молчун тоже стоял как вкопанный.

— Ладно. Я выбран делегатом.

Капитана я застал за его излюбленным занятием: ноги на столе и храп на полную катушку. Я разбудил его и все рассказал.

— Найди Лейтенанта,— вздохнул он и поплелся к папкам с полевыми картами.

Я задал пару вопросов, ответа не получил и, уловив намек, вышел вон.

Что бы это значило? Казалось, новость не была для него неожиданной. Может, в провинции критическое положение? Но как могло случиться, что в Чарах об этом пронюхали раньше нас?

Впрочем, глупо волноваться раньше времени. Нужно сначала послушать, что скажет Гоблин.

Лейтенант, похоже, удивился не больше Капитана.

— Что-то стряслось? — спросил я.

— Возможно. После того как вы с Леденцом отбыли в Бирку, прискакал гонец с депешей. В ней говорилось, что нас могут отозвать на запад. Наверное, теперь пришел приказ.

— На запад? Ты серьезно?

— Ага.

Вы бы слышали, сколько сарказма он умудрился вложить в это коротенькое словцо!

Да, но приказ и в самом деле глупый. Если условно принять Чары за пограничную точку между востоком и западом, то из Бирки нам топать две тысячи с лишком миль. При самых благоприятных условиях — трехмесячный переход. Однако местность, которую нам предстоит пересечь, можно назвать какой угодно, только не благоприятной. Тут и дороги-то есть не везде. Выходит, шесть месяцев — и то по самым оптимистичным подсчетам.

И снова я переживаю заранее! Надо подождать, там увидим.

Но то, что мы увидели — вернее, услышали,— изумило даже Капитана с Лейтенантом.

Мы с трепетом ждали, когда же Гоблин наконец придет в себя. Капитан развернул карту, прикидывая возможный маршрут до Стужи и недовольно ворча, поскольку все дороги на запад шли через равнину Страха. Гоблин прочистил горло.

Напряжение нарастало. Гоблин старательно отводил от нас глаза. Новости, стало быть, неприятные.

— Нас отзывают,— просипел он.— Это была Госпожа. Она беспокоится. Сначала мы отправимся в Стужу.

Там нас встретит кто-нибудь из Взятых и поведет в Курганье.

Мои товарищи нахмурились, обмениваясь удивленными взглядами.

— Ох,— пробормотал я.— Чтоб я сдох.

— В чем дело, Костоправ? — спросил Капитан.

Они не понимали. А все потому, что плохо знали историю.

— Да ведь это то самое место, где похоронен Властелин! Где все они были похоронены до поры до времени. В лесу, к северу от Весла.

Мы были в Весле семь лет назад. Не больно-то дружелюбный город.

— От Весла?! — взревел Капитан.— От Весла?! Но до него двадцать пять сотен миль!

— Накинь еще пару сотен до Курганья.

Он уставился в карты:

— Бесподобно. Просто бесподобно. Это значит — не только равнина Страха, но еще и Пустые холмы с Ветреным Краем в придачу! Ну просто бесподобно! Надо полагать, нас ждут там на следующей неделе?

Гоблин покачал головой.

— Госпожа не торопит нас, Капитан. Но она встревожена и хочет, чтобы мы двигались в нужном направлении.

— Она объяснила, почему и зачем?

Гоблин только усмехнулся. Разве Госпожа когда-нибудь снисходила до объяснений? Черта с два!

— Ясненько,— пробормотал Капитан.— Значит, просто от скуки. Ей скучно — и она приказывает нам прошагать полпланеты. Я в восторге.— И он велел Лейтенанту начать приготовления к походу.

Приказ был, конечно, дурацкий — безумный приказ, идиотизм в квадрате,— но не такой бессмысленный, как выходило из слов Капитана. Тем более что он морально готовился к чему-то в этом роде со дня получения депеши. Вообще говоря, сделать кувырок назад не так уж трудно. Беда лишь в том, что никому не хотелось кувыркаться.

На западе места куда приятнее, чем здесь, однако не настолько, чтобы кто-то из нас горел желанием топать в такую даль.

Она что, не могла подыскать какой-нибудь отряд поближе?

Мы жертвы своего собственного профессионализма. Госпожа всегда посылает нас туда, где положение становится особенно угрожающим. Она знает, что мы справимся лучше всех.

Черт побери. И еще раз черт побери.

Глава 11
Арча. Ночная смена

Шед отдал Крейгу только девять из десяти лев. На оставшуюся монету он купил дров, вина и пива, чтобы пополнить свои запасы. Но другие кредиторы тотчас прослышали о его богатстве, так что небольшое улучшение в делах не принесло ему ничего хорошего. Следующий взнос Крейгу он выплатил, заняв денег у ростовщика по имени Гилберт.

Он поймал себя на мысли, что с нетерпением ждет чьей-нибудь смерти. Еще десять лев могли бы дать ему реальный шанс пережить эту зиму.

А зима выдалась суровой. В гавани все замерло. Работы в Котурне не было. Единственной отдушиной для Шеда оказался Аза. Каждый раз, когда ему удавалось улизнуть от Крейга, Аза приносил немного дров, не оставляя трогательных попыток купить себе друга.

Вот и теперь он заявился с охапкой. И доверительно шепнул:

— Будь осторожнее, Шед. Крейг знает, что ты ходил к Гилберту.— Шед посерел.— Он уже нашел на «Лилию» покупателя. Теперь они вместе собирают девчонок.

Шед кивнул. Содержатели борделей вербовали отчаявшихся женщин именно в это время года. К лету — сезону наплыва моряков — они будут уже морально сломлены и готовы к работе.

— Подонок. А я-то поверил, что он дал мне передышку! Сам дурак, конечно. Так, значит, он решил прибрать к рукам и мои денежки, и таверну. Вот подонок!

— Ну, я тебя предупредил.

— Да. Спасибо, Аза.

Очередной день выплаты надвигался на Шеда, как тяжелая колесница. Гилберт отказал ему в займе. Мелкие кредиторы осадили «Лилию». Крейг натравил их на кабатчика, точно свору собак.

Шед поднес Ворону бесплатную кружку вина.

— Можно присесть?

Губы Ворона тронула еле уловимая улыбка.

— Это твое заведение. В последнее время ты не очень-то дружелюбен, Шед.

— Я просто нервничаю,— солгал Шед. На самом деле при виде Ворона его одолевали муки совести.— Долги заедают.

Ворон, похоже, видел его насквозь.

— И ты подумал, что я могу тебе помочь?

— Да! — почти простонал хозяин таверны.

Ворон тихо рассмеялся. Шеду показалось, что он уловил в этом смехе торжествующие нотки.

— Ладно, Шед. Сегодня ночью?

Шед представил себе, как его матушку увозят на телеге Хранители, и поборол приступ отвращения к самому себе.

— Ага.

— Отлично. Но на сей раз ты будешь помощником, а не партнером.— Шед сглотнул и закивал.— Уложишь старушку спать и спускайся сюда. Понял?

— Да,— прошептал Шед.

— Хорошо. А теперь отвали. Ты меня раздражаешь.

— Как скажете, сударь.

Шед отошел. Весь оставшийся день он никому не мог смотреть в глаза.

В Речной долине завывал сердитый ветер, швырял в лицо колючие хлопья снега. Шед тоскливо съежился, ощущая под собой толстую наледь, покрывшую сиденье фургона. Погода портилась прямо на глазах.

— Почему именно сегодня? — проворчал он.

— Лучшее времечко.— Ворон выбивал зубами дробь.— Никто нас не застукает.— Он свернул в Бакалейный проезд, от

которого отходили бесчисленные узкие переулки.— Здесь отличные охотничьи угодья. В такую погоду все доходяги расползаются по углам и мрут как мухи.

Шеда затрясло. Слишком он стар для всего этого. Но именно потому и нельзя отступать. Чтобы не пришлось каждую ночь дрожмя дрожать на улице.

Ворон остановил фургон.

— Проверь-ка этот закоулок.

Стоило Шеду спрыгнуть на землю, как у него заныли ноги. Ну и ладно. По крайней мере ясно, что он их не отморозил.

Переулок был темный, и Шед искал скорее чутьем, чем глазами. Увидел под навесом какую-то груду тряпья, но она вдруг шевельнулась и забормотала. Шед опрометью бросился назад.

К фургону он подбежал в тот момент, когда Ворон что-то запихивал на дно. Шед отвел глаза. Мальчику было не больше двенадцати. Ворон прикрыл тело соломой.

— Один есть. В такую ночь должен быть неплохой улов.

Шед проглотил готовый вырваться протест и залез на сиденье. Он думал о своей матери. Она и одной такой ночи на улице не переживет.

В следующем переулке он нашел свой первый труп. Старик упал и замерз, потому что не смог подняться. С болью в душе Шед потащил тело к фургону.

— Отличная ночка,— заметил Ворон.— Никакой конкуренции. В такую ночь Хранителей из дома палкой не выгонишь.— И беззаботно добавил: — Трупешников можно насобирать целую кучу.

Позже, когда они подъехали еще ближе к берегу и нашли еще по мертвецу, Шед спросил:

— А вы-то зачем этим занимаетесь?

— Мне тоже деньги нужны. Я собираюсь в далекий путь. А жмурики приносят хороший доход, к тому же быстро и без особого риска.

Шеду подумалось, что предприятие это куда более рискованное, чем кажется Ворону. Если их поймают, то разорвут на куски.

— Вы ведь родом не из Арчи, верно?

— Я родился на юге. Моряк с разбитого корыта.

Шед не поверил ему. Выговор у Ворона был хотя и мягкий, но совсем не такой, как у южан. Однако кабатчик не осмелился назвать подельника лжецом и выпытывать у него правду.

Разговор продолжался урывками. Шеду так и не удалось больше ничего узнать ни о прошлом Ворона, ни о его намерениях.

— Пойдешь в ту сторону,— сказал ему Ворон.— А я проверю здесь. Последняя остановка, Шед. Я выдохся.

Шед кивнул, мечтая лишь о том, чтобы эта ночь поскорее закончилась. К своему стыду, он начал воспринимать людей на улице как неодушевленные предметы и ненавидеть их за то, что они умирают так по-идиотски в самых неподходящих местах.

Услышав тихий оклик, он быстро повернул назад. Ворон нашел еще один труп. На сегодня, стало быть, хватит. Шед прибавил шагу.

Ворон ждал его, сидя в фургоне. Шед вскарабкался на сиденье, съежился, пряча от ветра лицо. Ворон натянул поводья, мулы тронулись.

Они проехали уже половину моста над Портовой рекой, когда Шед услышал стон.

— Что? — Одно из тел шевельнулось.— Ох, черт! Ворон!..

— Он все равно загнется.

Шед снова съежился и уставился на здания, маячившие на северном берегу. Ему хотелось спорить, хотелось драться, хотелось сделать хоть что-нибудь, чтобы не принимать участия в этом зверстве.

Часом позже он опять поднял глаза — и не узнал окрестностей. Вдоль дороги на значительном расстоянии друг от друга стояли большие дома с темными окнами.

— Где мы?

— Почти на месте. Еще полчаса, если только гололед не слишком сильный.

Шед представил себе, как фургон валится в канаву. Что тогда? Плюнуть на все и бежать, надеясь, что их не выследят? Давешний стыд сменился страхом.

И тут до него дошло, куда они едут. Дорога вела прямиком в тот проклятый черный замок.

— Ворон...

— Ну что еще?

— Мы едем к черному замку.

— А ты думал куда?

— Там кто-нибудь живет?

— Да. Чего ты так разволновался?

Ворон был чужеземцем. Он не мог понять, что значил для Арчи черный замок. Люди, которые подходили к нему слишком близко, исчезали. Город предпочитал делать вид, что замка попросту не существует.

Шед, запинаясь, поведал о своих страхах.

Ворон пожал плечами:

— Это только доказывает твое невежество.

Сквозь поземку проглянула темная громада замка. Здесь, на вершине, снегопад ослабел, зато ветер выл еще свире-пее.

Смирившись, Шед пробормотал:

— Ну что ж, чему быть, того не миновать.

Громада превратилась в зубчатые стены, шпили, башни. Нигде ни огонька. Ворон остановил фургон у ворот, спрыгнул и постучал тяжелым дверным кольцом. Шед сгорбился, надеясь в душе, что никто не откроет.

Ворота отворились мгновенно. Ворон вновь забрался на сиденье.

— Н-но, мулы! Пошли!

— Мы же не поедем туда, вовнутрь?

— Почему бы и нет?

— Эй! Нет, ни за что! Не надо...

— Заткнись, Шед. Хочешь получить деньги — поможешь разгружать.

Шед подавил рыдание. Так они не договаривались!

Ворон проехал в ворота, свернул направо и остановился под широкой аркой. Одинокий фонарь тщетно боролся с тьмой, поглотившей арочный проезд. Ворон спрыгнул на землю. Шед, с натянутыми как струны нервами, последовал за ним. Они вытаскивали тела из фургона и бросали их рядом на каменные плиты. Потом Ворон сказал:

— Садись обратно в фургон. И держи язык за зубами.

Одно из тел пошевелилось. Шед застонал. Ворон больно ущипнул его за ногу:

— Заткнись!

Из тени возникла фигура — длинная, тощая, в широких черных штанах и рубахе с капюшоном. Она быстро осмотрела тела и вроде осталась довольна. Потом она повернулась к Ворону. Шед мельком увидел лицо, сплошь состоящее из острых углов и теней,— глянцевитое, желто-зеленое, холодное, с парой мягко светящихся глаз.

— Тридцать. Тридцать. Сорок. Тридцать. Семьдесят,— сказала эта тварь.

— Тридцать. Тридцать. Пятьдесят. Тридцать. Сто,— ответил Ворон.

— Сорок. Восемьдесят.

— Сорок пять. Девяносто.

— Сорок. Девяносто.

— По рукам.

Они торговались! По поводу стариковских трупов Ворон препираться не стал. За мальчика тварь поднять цену отказалась. А вот за умирающего надбавила.

Шед смотрел, как фигура в капюшоне, не отходя от трупов, отсчитывает деньги. Ничего себе — да это ж целое состояние! Двести двадцать серебряных монет! Да с такими-то деньжищами можно сровнять «Лилию» с землей и построить новое заведение! А то и вовсе убраться из Котурна.

Ворон ссыпал серебро в карман пальто. Шеду он дал пять монет.

— И это все?

— Разве плохо за одну ночную смену?

Неплохо бы хоть за месяц столько зарабатывать. Но получить всего пять из...

— В прошлый раз мы были партнерами,— сказал Ворон, запрыгнув на сиденье.— Возможно, мы будем ими опять. Но нынче ночью ты был лишь наемным подсобником. Понял? — В голосе его появились жесткие нотки. Шед кивнул, снова охваченный страхом.

Ворон подал фургон назад. Шеда внезапно пробрал озноб. Под аркой стояла адская жара. Шед содрогнулся, ощутив на себе голодный взор существа в капюшоне.

Мимо скользнула темная, стеклянно блестящая стена без стыков.

— О Боже!

Он видел ее насквозь! В ней были кости, обломки костей, тела, части тел — застывшие, как взвесь в растворе, они точно плыли в ночи. Когда Ворон свернул к воротам, перед Шедом мелькнуло лицо, не спускающее с фургона глаз.

— Что же это за место такое?!

— Не знаю, Шед. И знать не хочу. Я знаю только, что здесь платят хорошие деньги. А мне они нужны. Мне предстоит дальняя дорога.

Глава 12
Курганье

В Стуже нас должен был встретить Взятый по прозванию Хромой. Мы провели на марше сто сорок шесть дней. Это были долгие дни, тяжелые и изматывающие. Люди и животные шли вперед неохотно, просто по привычке. Войско в хорошей форме, типа нашего, может покрыть за день миль пятьдесят или даже сто, если очень постарается,— но не неделю за неделей и месяц за месяцем, тем более по невероятно дрянным дорогам. Умный командир не гонится за скоростью на долгом марше. Ведь усталость накапливается с каждым днем, и люди просто сломаются, если задать им слишком быстрый темп.

Учитывая, что за территории нам довелось пересечь, время мы показали очень даже сносное. Между Томом и Стужей есть такие горы, где и пять миль в день — замечательный результат, а есть еще и пустыни, где приходилось блуждать в поисках воды, и реки, через которые мы переправлялись по нескольку дней на самодельных плотах. Нам еще повезло, что, добравшись до Стужи, мы потеряли всего двоих человек.

Капитан весь сиял, довольный проделанной работой,— пока его не вызвал военный губернатор.

Вернувшись от него, наш медведь собрал офицеров и старших сержантов.

— Плохие новости,— сказал он.— Госпожа посылает Хромого, чтобы тот перевел нас через равнину Страха. Нас и караван, который мы будем сопровождать.

Мы в ответ лишь угрюмо молчали. Между Отрядом и Хромым была давняя кровная вражда.

— Выступаем скоро? — спросил Ильмо.

Все мы нуждались в отдыхе. Никто нам его, естественно, не обещал: ни Госпожа, ни Взятые, как правило, не считаются с человеческими слабостями, но все-таки...

— Точное время неизвестно. Однако не расслабляйтесь. Хромого еще нет, но он может появиться хоть завтра.

Может, конечно. На коврах-самолетах, которые есть у Взятых, можно прибыть куда угодно за пару дней.

— Будем надеяться, его задержат какие-нибудь другие дела,— пробормотал я себе под нос.

Мне не хотелось снова с ним встречаться. В прошлом мы довольно-таки сильно ему насолили. До битвы под Чарами Отряд тесно сотрудничал со Взятой по прозвищу Душелов. Она не раз вовлекала нас в свои интриги, пытаясь дискредитировать Хромого — отчасти из-за старинной вражды, отчасти потому, что тайно работала на Властелина. Ей удалось настроить против Хромого даже Госпожу, и та чуть было не уничтожила его, но потом полностью восстановила в правах и привлекла к участию в решающей битве.

Давным-давно, в самом начале эпохи Владычества, за столетия до основания империи Госпожи, Властелин победил своих самых опасных соперников и заставил их служить себе. Так у него появились десять злодеев, прозванных вскоре Десятью Взятыми. Когда Белая Роза подняла народ против жестокого правления Властелина, Взятые были погребены вместе с ним. Но уничтожить их она не смогла.

Мирные столетия притупили людскую бдительность. Один любопытный колдун попытался войти с Госпожой в контакт. Госпожа использовала его, чтобы вырваться на волю, и Десять Взятых восстали из могил вместе с ней. В течение жизни одного поколения они создали новую империю тьмы. И с этой империей сражались вот уже два поколения повстанцев, чьи пророки твердили, будто Белая Роза скоро родится вновь, в другом воплощении, и приведет их к окончательной победе.

Какое-то время казалось, что они победят. Наши армии были разбиты. Провинции пали. Взятые враждовали между

собой и убивали друг друга. Девять из Десяти погибли. Но Госпожа частично возместила свои потери, *взяв* трех повстанческих полководцев: Перо, Странника и Шепот — возможно, лучшего генерала со времен Белой Розы. Ох и давала же она нам прикурить, пока ее не *взяли*!

Пророки мятежников были правы во всем, за исключением последнего и решающего боя. Они считали, что их поведет на него новая Белая Роза. Но этого не случилось. Им не удалось найти ее вовремя.

А между тем она жила уже в своем новом воплощении. Но жила по нашу сторону от линии фронта, даже не подозревая о том, кто она такая. Я узнал о ней — и именно благодаря этому знанию моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша, если меня подвергнут допросу.

— Костоправ! — рявкнул Капитан.— Проснись!

Все уставились на меня, недоумевая, как я могу предаваться грезам, когда он говорит такие вещи.

— Что?

— Ты не слушал меня?

— Нет.

Он одарил меня самым медвежьим из своих свирепых взглядов.

— Ну так послушай! Готовься к путешествию на ковре, когда прибудет Взятый. С собой можешь взять не больше пятидесяти фунтов барахлишка.

Ковер? Взятый? Какого черта? Я оглянулся вокруг. Некоторые ухмылялись. Другие смотрели на меня с сочувствием. Полет на ковре?

— Зачем?

— Госпожа хочет послать десять человек на подмогу Шепот и Перу в Курганье,— терпеливо объяснил Капитан.— Я не знаю зачем. Ты один из тех, кого она выбрала.

Легкий приступ страха.

— Почему я?

Я уже побывал в ее любимчиках, и это было круто.

— Возможно, она все еще любит тебя. Старая любовь не ржавеет.

— Капитан!..

— Потому что она так сказала, Костоправ.

— Да, такого аргумента достаточно. С ним не поспоришь. Кто остальные девять?

— Не спи, тогда все узнаешь. И не переживай заранее, успеешь еще. А сейчас вернемся к нашим баранам.

Шепот прибыла в Стужу раньше Хромого. Не успел я опомниться, как обнаружил, что бросаю свое барахло на ее ковер-самолет. Пятьдесят фунтов. Остальное я оставил на хранение Одноглазому и Молчуну.

Ковер называется ковром лишь из вежливости, то бишь по традиции. На самом деле это кусок грубого полотна, натянутый на деревянную раму в фут высотой. Моими попутчиками оказались Ильмо, возглавивший нашу команду, и Шишка. Шишка — лентяй, каких свет не видывал, но мечом орудует классно.

Наше снаряжение вместе с еще сотней фунтов груза, принадлежащего ребятам, которые присоединятся к нам позже, лежало посередине ковра. Ильмо и Шишка трясущимися руками привязались к двум задним углам деревянной рамы. Мое место было спереди, слева. Справа сидела Шепот. Все мы напялили на себя кучу одежек, так что еле могли шевельнуться. Полет будет быстрым и на большой высоте, предупредила нас Шепот. А температура наверху очень низкая.

Меня трясло не меньше, чем Ильмо и Шишку, хотя мне уже доводилось летать на коврах. Я любил вид с высоты, но страшился того предощущения падения, что неизбежно сопутствует полету. Я боялся также равнины Страха, где в воздухе шныряют странные и кровожадные твари.

— В сортир все сходили? — поинтересовалась Шепот.— Полет будет долгим.

О том, что мы можем обмочиться со страха — а в воздухе такое случалось,— она упоминать не стала. Голос у Шепот приятный и мелодичный, как у тех женщин, что приходят к вам в последнем сне перед пробуждением. Но внешность ее совершенно не соответствует голосу. Шепот до кончиков ногтей выглядит именно тем закаленным воякой, каким и является на самом деле. Она смерила меня взглядом, очевидно припомнив нашу предыдущую встречу в Облачном лесу.

Мы с Вороном лежали в засаде там, где Шепот собиралась встретиться с Хромым, чтобы переманить его на сторону мятежников. Засада увенчалась успехом. Ворон скрутил Хромого. Я взял в плен Шепот. Потом подоспели Душелов с Госпожой и завершили дело. Шепот стала первой из новых Взятых со времен эпохи Владычества.

Она подмигнула.

Полотно хлопнуло меня по заду. Мы стремительно взлетали ввысь.

Пересекать равнину Страха по воздуху, конечно, быстрее, но это все равно ужасно. Летучие киты то и дело преграждали нам путь. Мы молнией огибали их: они летают медленно и не выдерживают соревнования в скорости. Но с их спин подымались бирюзовые манты, неуклюже взмахивали крылами, ловя восходящие воздушные потоки, а потом взмывали над нами и камнем падали вниз, как орлы на добычу, бросая вызов чужакам, вторгшимся в их воздушное пространство. Опередить мы их не пытались, зато высоту набирали гораздо быстрее. Но взлететь выше китов мы не могли. На такой высоте воздух становится слишком разреженным для людей. А киты поднимались еще на милю и становились живыми вышками для мант, которые ныряли с них вниз.

Над равниной летали и твари помельче, не такие опасные, хотя и не менее противные. Как бы там ни было, но мы прорвались. А когда очередная манта таки напала на нас, Шепот победила ее своим убойным колдовством.

Правда, на это время она отвлеклась от управления ковром. Мы бесконтрольно падали вниз, пока она не прогнала манту прочь. Я сумел не расстаться с завтраком, хотя был к этому очень близок. Ильмо с Шишкой я на сей счет не расспрашивал — не хотел ранить их самолюбие.

Шепот не нападала первой. Это главный закон выживания на равнине Страха. Не бей первым. Иначе получишь не просто поединок — на тебя набросятся все окрестные чудовища.

Равнину мы пересекли без потерь, как оно обычно и бывает, когда летишь на ковре-самолете, и мчались дальше весь день до самой ночи. Потом повернули на север. Воздух стал холоднее. Шепот сбросила высоту и скорость. Утро застало нас над Фор-

сбергом, где Отряд начинал когда-то свою службу у Госпожи. Мы с Ильмо глазели вниз, перегнувшись через край ковра.

— Смотри, вон там Сделка! — крикнул я, показывая пальцем. Мы как-то стояли в этой крепости, правда, недолго.

Потом Ильмо показал в другую сторону. Там раскинулось Весло — город, где мы сыграли несколько удачных кровавых шуточек с повстанцами и заслужили ненависть Хромого. Шепот летела так низко, что мы различали лица на улицах. Город выглядел не более дружелюбным, чем восемь лет назад.

Миновав Весло, мы поплыли над верхушками Большого леса, древней девственной чащобы, откуда Белая Роза вела свои кампании против Властелина. Около полудня Шепот притормозила. Мы снижались над заросшей равниной, когда-то расчищенной от деревьев. Кучка холмов посреди равнины была творением рук человеческих, хотя курганы теперь стали едва различимы.

Шепот приземлилась на улице города, большей частью лежащего в руинах. В этом городе жила Вечная Стража, охранявшая курганы от любых посягательств. Стража несла свою службу исправно, пока не пала жертвой всеобщей беспечности.

Триста семьдесят лет понадобилось воскресителям, чтобы открыть Курганье, но и тогда им не удалось добиться желаемого. Госпожа вместе со Взятыми вернулась, однако Властелин остался в оковах.

Госпожа вырубила движение воскресителей под корень. Хорошенькая награда за усердие, верно?

Из дома, недавно отремонтированного, вышло несколько человек. Я попытался подслушать их разговор с Шепот и уловил пару слов.

— Помнишь Форсберг? — спросил я у Ильмо, разминая одеревеневшие мышцы.

— Все возвращается на круги своя. Слушай, взгляни-ка на Шишку. Он что-то плохо выглядит.

Ничего страшного я у Шишки не нашел. Он просто перетрусил. Пришлось потратить немного времени, чтобы убедить его, что мы снова на земле.

Местные жители — потомки Стражи, веками охранявшей Курганье,— провели нас в наши апартаменты. Город восста-

навливался. Мы были первой каплей, предвещавшей приток свежей крови.

Через три дня, совершив следующий полет, Шепот доставила Гоблина и двоих наших лучших солдат. Они сказали, что Отряд выступил из Стужи. Я спросил, как там Хромой — по-прежнему держит на нас зуб?

— По его поведению не скажешь,— ответил Гоблин.— Хотя это ничего не значит.

Да уж.

Последние четверо из нашей команды прибыли еще через три дня. Шепот поселилась вместе с нами в казарме. Мы превратились в нечто среднее между телохранителями и полицейскими. Помимо охраны предводительницы, нам вменялось в обязанность не допускать посторонних близко к Курганью.

Взятая по прозванию Перо заявилась вместе с собственными телохранителями. Потом прибыли специалисты, чьей задачей было исследовать Курганье, и привезли с собой рабочих, нанятых в Весле. Рабочие расчищали чащи и кущи вплоть до границы, очерченной заклятием. Нарушить ее без должной защиты означало обречь себя на медленную и мучительную смерть. Заклятия, наложенные Белой Розой, не потеряли силы с воскрешением Госпожи. А та добавила к ним еще и свои собственные. Похоже, она безумно боится, как бы он не вырвался на волю.

Вскоре прибыл еще один Взятый — Странник — вместе со своим подразделением. Он поставил в Большом лесу часовых. Взятые по очереди осуществляли воздушное патрулирование. Мы, нижестоящие, наблюдали друг за другом не менее пристально, чем за окружающим миром.

Надвигалось нечто серьезное. Никто об этом не говорил, но все было ясно без слов. Госпожа явно готовилась к возможной попытке побега заключенного.

Я проводил свой досуг за чтением архива Стражи, особенно тех записей, что относились ко времени жизни Боманца. Гридцать лет он провел в гарнизонном городке, выдавая себя за археолога, прежде чем попытался вступить в контакт с Госпо-

жой и, сам того не желая, освободил ее. Меня интересовала его личность. Однако раскопать в архивах удалось совсем немного, да и эта малость была окрашена весьма тенденциозно.

Как-то мне довелось держать в руках его собственные записки, на которые я наткнулся незадолго до *взятия* Шепот. Но я отдал их нашей тогдашней наставнице Душелову, чтобы она передала записки в Башню. Душелов придержала их из личных соображений, и они вновь попали ко мне в руки во время битвы при Чарах, когда мы с Госпожой преследовали перешедших на сторону Властелина Взятых. Я никому не рассказывал о записках, кроме моего друга Ворона. Того самого Ворона, который дезертировал, чтобы охранять девчушку, бывшую, по его мнению, новым воплощением Белой Розы. Когда мне наконец представилась возможность забрать записки из тайника, где я их спрятал, они пропали. Возможно, Ворон забрал их с собой.

Я часто думаю: что с ним сталось? Он намеревался удрать куда подальше — туда, где его никто не найдет. Его не интересовала политика. Он просто хотел защитить девочку, которую любил. Ради нее Ворон был способен на что угодно. Быть может, он решил, что записки когда-нибудь послужат ему охранной грамотой.

В штаб-квартире Стражи хранится дюжина пейзажей, написанных бывшими гарнизонными служащими. В основном на них изображено Курганье. В свое время оно выглядело очень величественно.

В самом центре его по оси север—юг высился Великий курган, где были погребены Властелин и Госпожа. Великий курган окружала высоко поднимавшаяся над равниной насыпь в виде звезды, очерченная глубоким рвом, наполненным водой. В оконечностях этой звезды располагались курганы поменьше — там были захоронены пятеро из Десяти Взятых. Над звездой, соединяя ее внутренние точки, возвышалась насыпь в виде круга, и в каждой из этих точек находилось еще по кургану с остальными пятью Взятыми. Курганы были окружены заклятиями и идолами. А возле Великого кургана возвели несколько дополнительных рядов защиты. Последним из них был дракон, свернувшийся вокруг кургана клубком и держащий свой хвост во

рту. На одной из более поздних картин, написанных очевидцем, изображено, как дракон изрыгает на равнину пламя в ночь воскрешения Госпожи. А Боманц шагает прямо в огонь.

Он попался между воскресителями и Госпожой, как между молотом и наковальней. И те, и другая манипулировали им. Случайное, как он считал, воскрешение, было для них заранее спланированным событием.

Судя по архивным записям, жене его удалось уцелеть. Она говорила, что Боманц пошел в Курганье, надеясь остановить воскрешение. Никто ей тогда не поверил, хотя она утверждала, что Боманцу было известно настоящее имя Госпожи и он хотел припечатать ее этим именем, пока она не вырвалась на свободу.

Молчун, Одноглазый и Гоблин вам подтвердят: больше всего на свете любой колдун боится, как бы кто-нибудь не узнал его настоящее имя. Жена Боманца божилась, что имя Госпожи было зашифровано в записках ее супруга, пропавших той же ночью. Тех самых записках, которые я нашел спустя множество десятилетий. Может статься, Ворон прихватил с собой единственный рычаг, способный сковырнуть империю.

Но вернемся к Курганью во дни его младости. Что ни говори, а сооружение действительно было хоть куда. Известняковые плиты, покрывающие наветренные стороны комплекса. Глубокие и голубые рвы. Окрестности, похожие на парк... Но страх перед Властелином мало-помалу иссяк, а вместе с ним иссякли и ассигнования. Еще одна поздняя картина, современница Боманца, изображает заросшую сорняком равнину, иссеченный временем известняк и рвы, превращающиеся в болото. Сегодня от рвов не осталось и следа. Известняк исчез под кустами. Насыпи и курганы стали просто пригорками. Та часть Великого кургана, где покоится Властелин, хотя и сохранила форму, однако тоже сильно заросла. Несколько идолов, скрепляющих заклятия, все еще стоят, но непогода пожрала их черты.

Граница Курганья обозначена нынче красными флажками, которые были установлены после того, как Госпожа заявила, что собирается прислать сюда исследователей. Сама Стража, живущая здесь испокон веков, не нуждается ни в каких предупреждающих вешках.

Полтора месяца я наслаждался здесь жизнью. Ублажал свое любопытство и, между прочим, нашел, что Шепот с Пером, не в пример старым Взятым, довольно общительны. К тому же и командир Стражи по имени Наблюдатель любил похвастаться прошлым своей команды, чья история насчитывает не меньше лет, чем история Отряда. За бессчетными галлонами пива мы обменивались с ним байками и небылицами.

На пятой неделе кто-то что-то обнаружил. Что именно — нам, пехтуре, не сообщили. Но Взятые всполошились. Шепот начала подвозить на ковре других членов Отряда. Прибывшее подкрепление рассказывало душераздирающие истории о равнине Страха и Пустых холмах. Отряд находился сейчас в Лордах, всего в пяти сотнях миль.

В конце шестой недели Шепот собрала нас и объявила об очередной передислокации.

— Госпожа велела мне перебросить некоторых из вас на запад. Двадцать пять человек. Ты, Ильмо, будешь командиром. Мы с Пером, а также несколько экспертов и специалистов-языковедов присоединимся к вам. Да, Костоправ. Ты тоже в списке. Неужели ты думаешь, что она забудет о своем любимом историке-любителе?

Приступ страха. Я не хотел, чтобы она снова заинтересовалась моей персоной.

— Куда мы направляемся? — спросил Ильмо. Профессионал до мозга костей, сукин сын. Ни единой жалобы.

— В город под названием Арча. Далеко за пределами западных границ Империи. Город каким-то образом связан с Курганьем, хотя и находится гораздо севернее. Там будет холодно, так что подготовьтесь соответственно.

Арча? Никогда о таком не слыхал. И никто из наших тоже. Даже Наблюдатель. Я порылся в его картах, пока не отыскал одну с изображением западного побережья. Арча и вправду находилась гораздо севернее — в тех широтах, где льды не тают круглый год. А город большой. Интересно, как он может существовать там, среди вечной мерзлоты? Я спросил об этом Шепот. Она, похоже, кое-что знала о тех местах. Арчу, сказала мне Шепот, согревает океанское течение, несущее теплые воды на север. Город этот, сказала она,

очень странный — по крайней мере, по словам Пера, которая там уже побывала.

За несколько часов до отправки мне удалось поймать Перо. Но она мало что смогла добавить, за исключением того, что Арчей владеет герцог Цимерлан, который год назад (то есть незадолго до того, как Капитану послали с курьером депешу из Чар) обратился к Госпоже с просьбой о помощи в решении местных проблем. Подумать только! Весь мир старается держаться от Госпожи подальше, а вот поди ж ты — кто-то обращается к ней за помощью. Интересные настали времена. А еще интересно, как же этот город связан с Курганьем?

Плохо, правда, что до Арчи так далеко. Утешало меня только одно: я уже буду там, когда Капитан узнает, что после отдыха в Весле ему тоже предстоит отправиться в Арчу.

Возможно, его яростный вопль долетит до моих ушей, несмотря на расстояние. Могу себе представить, в каком он будет восторге.

Глава 13
Арча. Выгородка

Вот уже которую неделю Шеда мучили по ночам кошмары. Снились ему черные стеклянные стены и умирающий человек. Дважды Ворон приглашал его на ночную охоту. Дважды Шед отказывал ему. Ворон не настаивал, хотя оба они знали, что, если он начнет давить, хозяин таверны уступит.

Шед молился, чтобы Ворон разбогател и убрался с глаз долой, перестав маячить в таверне живым укором.

И какого черта Крейг никак не соберется с ним разделаться?

Шед не мог понять, почему Ворона ничуть не волнует грядущая расправа. Ведь не дурак же он, не слабоумный какой-нибудь. Мысль о том, что Ворон не боится Крейга, попросту не могла прийти ему в голову. Только не в голову Каштана Шеда.

Аза по-прежнему оставался на жалованье у Крейга, но навещал таверну регулярно, принося охапки дров. А порой даже привозил их в фургоне.

— Зачем тебе это нужно? — не выдержал как-то Шед.

— Пытаюсь завоевать твое расположение,— признался Аза.— Ребята Крейга не очень-то любят меня.

— А кто тебя любит, Аза?

— От них любой пакости можно ожидать...

— И ты хочешь обеспечить себе убежище, да? Чем ты занимаешься у Крейга? Почему он еще валандается с тобой?

Аза мялся и запинался. Шед продолжал давить. В кои-то веки перед ним стоял человек, которого даже он мог запугать.

— Я слежу за Вороном, Шед. Доношу обо всем, что он делает.

Шед фыркнул. Крейг использовал Азу, потому что мог пожертвовать им без сожаления. Двоих парней он уже потерял. Шед догадывался, куда они девались.

Он внезапно обмер со страху. А вдруг Аза доносит и о ночных похождениях Ворона? А вдруг он видел Шеда?..

Нет, быть того не может. Аза не стал бы молчать. Он всю жизнь только тем и занимается, что ищет, где бы поживиться.

— Ты в последнее время много тратишь, Аза. Откуда у тебя деньги?

Аза побледнел. Посмотрел по сторонам, несколько раз сглотнул.

— Дровишки, Шед. Я же продаю валежник.

— Врешь ты все, Аза. Откуда у тебя монеты, говори!

— Это не принято, Шед, задавать такие вопросы!

— Может, и так. Но мне позарез нужны деньги. Я должен Крейгу. Я почти было с ним расплатился, но он стал перекупать мои мелкие долги у других кредиторов. Чертов Гилберт!.. Мне нужно собрать взнос заранее, чтобы не пришлось у него снова занимать.

Черный замок. Двести двадцать серебряных монет. Шеда так и подмывало грабануть Ворона. А тот лишь усмехался, читая его мысли.

— Так где ты берешь свои денежки, Аза?

— А ты где взял, когда расплатился с Крейгом? А? Люди удивляются, Шед. За одну ночь такую сумму не заработаешь. Только не ты. Скажи мне — тогда и я тебе скажу.

Шед отступился. Аза сиял победным торжеством.

— Ты, гаденыш! Убирайся отсюда, пока цел!

Аза поспешил к двери, оглянувшись на ходу с задумчивым видом. «Проклятье! — подумал Шед.— Этот предатель явно что-то заподозрил». И он погрузил свою тряпку в липкую кружку.

— Что за шум?

Шед мгновенно развернулся. У стойки стоял Ворон. Судя по выражению лица, шутить он был не в настроении. Шед вкратце изложил ему, в чем дело.

— Значит, Крейг не успокоился?

— Вы его не знаете, иначе не спрашивали бы. Или он вас — или вы его, Ворон.

— Тогда лучше мы его, верно?

Шед разинул рот.

— У меня предложение, Шед. Последи за своим дружком, когда он пойдет собирать валежник.

Ворон вернулся на свой табурет и вступил в оживленный немой диалог с Душечкой, загораживая от Шеда свои жесты. Судя по напряженной позе девушки, она возражала ему. Через десять минут Ворон вышел из «Лилии». Он каждый день куда-то уходил на пару часов. Шед подозревал, что Ворон разбирается с Крейговыми соглядатаями.

Душечка прислонилась к дверному косяку, глядя на улицу. Шед уставился на нее, скользя взором вверх и вниз по ее фигурке. «Ворон — ее дружок,— напомнил он себе.— Даже думать не смей!»

Но девчонка была такая ладненькая — высокая, длинноногая, созревшая для мужчины... Дурак несчастный! Не хватало только попасться еще и в эту ловушку. А то у него забот мало!

— Думаю, сегодня самое время,— сказал Ворон, когда Шед принес ему завтрак.

— Да? Для чего?

— Для прогулки в гору, чтобы проследить за нашим другом Азой.

— Н-нет. Нет. Я не могу. Мне не на кого оставить таверну.— Душечка за стойкой наклонилась, подбирая что-то с пола. Глаза у Шеда округлились, сердце затрепетало. Нужно срочно что-то делать. Пойти к проститутке, что ли?

Нет, он не может себе позволить такую роскошь.— Душечка одна не справится.

— Твой двоюродный братец Ферт, бывало, подменял тебя раньше.

Выведенный из равновесия, Шед с трудом придумывал отговорки. Душечка путала все его мысли. Пора ей носить что-нибудь подлиннее, чтобы задницу лучше прикрывало.

— Э-э... Он не сможет работать с Душечкой. Не умеет разговаривать жестами.

Лицо у Ворона слегка потемнело.

— Дай ей выходной. Пригласи ту девушку, Лизу, которая работала здесь, когда Душечка болела.

«Лиза! — подумал Шед.— Еще одна горячая штучка».

— За Лизой нужен глаз да глаз.— Горячая, да к тому же свободная.— Она обчистит меня почище Крейга.

— Шед!

— А?

— Ты позовешь Ферта и Лизу, а сам пойдешь за Азой. Я прослежу, чтобы они не сперли фамильное серебро.

— Но...

Ворон хлопнул ладонью по столу:

— Пошел вон!

Денек был погожий, ясный и для зимы довольно теплый. Шед начал слежку за Азой прямо от логова Крейга.

Аза нанял фургон. Шеда это изумило. Зимой владельцы упряжек требуют громадного залога. Мясо тяглового скота, когда его забьют и сварят, пахнет только мясом — поди докажи его происхождение! Просто чудо, что кто-то доверил Азе упряжку.

Аза направился прямиком к Выгородке. Шед крался за ним, низко склонив голову, уверенный в том, что Аза ничего не заподозрит, даже если обернется. На улицах было полно народу.

Фургон Аза оставил в рощице напротив дороги, которая тянулась вдоль стены, ограждавшей Выгородку. Таких рощиц тут было множество: горожане собирались в них на весенние и осенние ритуалы в честь мертвых. С дороги фургон был незаметен.

Шед присел в тени кустарника, глядя, как Аза прошмыгнул к ограде. «А кустарник неплохо бы расчистить,— подумалось Шеду.— Из-за него ограда выглядит как-то неопрятно. Да и саму ее не мешало бы починить». Шед пересек дорогу и обнаружил в стене дыру, в которую запросто мог пролезть человек. Он так и сделал. Аза тем временем миновал пологую опушку и быстро зашагал вверх по склону к сосновой чаще.

С внутренней стороны ограда тоже заросла кустами. Под ними валялись целые связки валежника. Кто бы мог подумать, что Аза окажется таким трудолюбивым! Общение с бандой Крейга сильно переменило его. Здорово же они его запугали.

Аза вошел в лес. Шед, пыхтя и отдуваясь, последовал за ним. Аза впереди издавал такой треск, что казалось, будто через подлесок пробирается корова.

Выгородка выглядела совершенно запущенной. Когда Шед был мальчишкой, ее содержали в образцовом порядке, как и подобает содержать такое место, где усопшие ждут своего часа. Но теперь здесь повсюду следы упадка, характерного для всей Арчи.

Шед пополз на шум. Что же там делает Аза с таким треском?

Аза обрубал сучья с поваленного дерева и связывал их в аккуратные вязанки. Аккуратность, по мнению Шеда, тоже была совершенно несвойственна Азе. Вот до чего людей доводит страх.

Через час Шед чуть было не бросил все к чертям собачьим. Он продрог до мозга костей и проголодался. Полдня ушло коту под хвост. Аза не делал ничего особенного. Но Шед все же взял себя в руки. Нужно как-то оправдать потерю времени, да и Ворон ждет его доклада. А Ворона злить ни к чему.

Аза трудился в поте лица — то рубил сучья как заведенный, то тащил их вниз, к фургону. Шед его даже зауважал.

Он сидел, не двигаясь с места, наблюдал и ругал себя последними словами. Ясно же, что вся эта слежка впустую.

И вдруг Аза засуетился. Собрал свои инструменты, припрятал их и воровато огляделся кругом. «Вот оно!»— подумал Шед.

Аза рванул вверх по склону. Шед поплелся за ним. Каждый шаг болью отзывался в застывших членах. Аза прошагал

больше мили, а тени в лесу все сгущались. Шед чуть было не потерял его, и лишь услышав тихое позвякивание, снова вышел на след.

Аза высекал металлическим кресалом из кремня огонь, склонившись над завернутой в клеенку кучкой факелов, которые вытащил из тайника. Когда пакля занялась, он подхватил факел и юркнул в заросли. Потом вскарабкался на какой-то валун — и пропал из вида. Шед выждал минуту и пошел следом. Добрался до валуна, на котором видел Азу в последний раз, обогнул его. За ним в скале зияла расщелина — достаточно широкая, чтобы можно было протиснуться вниз.

— Боже мой! — прошептал Шед.— Он нашел лаз в Катакомбы. Он грабит мертвых!

— Я тут же поспешил назад,— задыхаясь, рассказывал Шед. Ворона забавляло его смятение.— Я знаю, конечно, что Аза мошенник, но мне и в голову не могло прийти, что он способен на такое кощунство!

Ворон улыбнулся.

— Разве вас это не возмущает?

— Нет. И тебя не должно бы. Он же не крадет оттуда трупы, верно?

У Шеда зачесались кулаки. Двинуть бы ему по морде! Он в сто раз хуже Азы.

— И много твой дружок с этого имеет?

— Не так много, как вы. Хранители забирают себе все погребальные дары, за исключением проездных кулонов.

Каждый труп в Катакомбах был снабжен маленьким запечатанным кулоном, висевшим на шейной цепочке. Хранители не трогали тех монет, что хранились в кулонах. Когда настанет День Перехода, Лодочник потребует плату за перевозку в рай.

— Все эти души сядут на мель,— пробормотал Шед и объяснил почему.

— Как может человек, имеющий хоть каплю мозгов, верить в подобную чушь? — изумился Ворон.— Труп — он и есть труп. Успокойся, Шед. И просто отвечай на вопросы. Сколько примерно жмуриков в Катакомбах?

— Кто знает? Их укладывают туда со времен... Черт возьми, да как минимум тысячу лет! В пещерах, должно быть, миллионы трупов.

— Так они там у вас штабелями навалены.

Шед и сам уже думал об этом. Катакомбы, конечно, просторны, но и покойников за тысячу лет в таком-то городе набралась, поди, целая куча. Он взглянул на Ворона. Чтоб он провалился!

— Пускай этим Аза занимается. А нам туда соваться нечего.

— Почему?

— Чересчур опасно.

— С твоим дружком пока ничего не случилось.

— Вот именно, что пока. Одолеет его жадность — тут ему и конец. В Катакомбах обитают сторожевики. Чудовища.

— Опиши мне их.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу. Я знаю только, что они там есть.

— Ясно.— Ворон встал.— В этом деле надо разобраться. Только никому ни слова, особенно Азе.

— Нет, конечно!

Если Аза перепугается, то непременно наделает глупостей.

По городу поползли слухи. Крейг послал двоих своих лучших парней следить за Вороном. Они исчезли. После них сгинули еще трое. Самого Крейга ранил на улице какой-то неизвестный. Гангстер уцелел лишь благодаря нечеловеческой силе Нокаута. Но сам Нокаут, говорили, дышит на ладан.

Шед запаниковал. Крейга никак нельзя было назвать человеком разумным или рассудительным. Кабатчик попросил Ворона съехать. Тот лишь презрительно усмехнулся в ответ.

— Послушайте, я не хочу, чтобы он вас здесь убил,— сказал Шед.

— Вредно для твоего бизнеса?

— Если не для моей жизни. Теперь он просто обязан убить вас, иначе люди перестанут его бояться.

— Значит, урок не пошел ему впрок? Вот уж точно город дураков!

В дверь ворвался Аза.

— Шед! Мне нужно потолковать с тобой.— Азу трясло от страха.— Крейг думает, что я продал его Ворону. Они гонятся за мной. Ты должен меня спрятать, Шед!

— Черта с два! — Все, ловушка захлопнулась. И оба они в нее попались. Крейг, как пить дать, убьет его и вышвырнет мать на улицу.

— Шед, я всю зиму возил тебе дрова! Если бы не я, Крейг давно бы сел тебе на шею.

— Да, конечно. И поэтому мне надо сдохнуть с тобой за компанию?

— Шед, ты мой должник. Я ведь ни словечком никому не обмолвился о ваших с Вороном ночных прогулках. Как по-твоему — Крейга бы это заинтересовало?

Шед схватил Азу за руки, рванул вперед, распластав на стойке. За спиной у человечка, как по волшебству, появился Ворон. В воздухе сверкнуло лезвие ножа. Ворон, ткнув острием Азе в спину, шепнул:

— Давайте-ка поднимемся ко мне в комнату.

Аза побледнел. Шед выдавил улыбку.

— Ага.— Он отпустил Азу и вытащил из-под стойки глиняную бутыль и три кружки.— Нам нужно поговорить с тобой, Аза.

Шед поднимался по лестнице последним, спиной ощущая слепой, но пристальный материнский взгляд. Что она слышала? О чем догадывалась? В последнее время она была с ним крайне холодна. Между ними стеной встал его позор. Шед чувствовал, что не заслуживает больше ее уважения.

Он подавил приступ стыда. «Я сделал это ради нее!»

Единственной дверью, сохранившейся на верхнем этаже, была дверь в комнате Ворона. Тот открыл ее, пропуская Азу и Шеда.

— Садись,— бросил он Азе, указав на свою койку.

Аза сел. Он выглядел таким испуганным — того и гляди, обмочится со страху.

Комната Ворона была такой же аскетической, как и его одежда. Ничто здесь даже намеком не выдавало присутствия денег.

— Я их вкладываю, Шед,— издевательски усмехнулся Ворон.— В судоходство. Налей-ка вина.— И принялся чистить ногти ножом.

Аза осушил свою кружку быстрее, чем Шед успел налить остальным.

— Плесни ему еще,— велел Ворон и отхлебнул глоточек.— Какого черта ты все время пичкал меня той кислой кошачьей мочой, когда у тебя есть такой винчик?

— Его я подаю лишь по спецзаказу. Это вино дороже.

— Считай, что я сделал долгосрочный заказ.— Ворон уставился на Азу, похлопывая себя лезвием по щеке.

Да, Ворону не приходится экономить. Трупный бизнес — дело прибыльное. Так, значит, деньги он вкладывает? В судоходство? Как-то странно он это сказал. То, куда идут его денежки, может оказаться не менее интересным, чем то, откуда они приходят.

— Ты угрожал моему другу,— заявил Ворон.— Ах нет, прости меня, Шед. Я оговорился. Ты мой партнер, а не друг. Партнерам не обязательно быть друзьями. Ну что, коротышка? Можешь что-нибудь сказать в свое оправдание?

Шеда передернуло. Проклятый Ворон! Аза, как пить дать, растреплет об их партнерстве во всему Котурну. И тогда Шеду конец. Этот чертов постоялец держит его жизнь в своих руках и отщипывает от нее по кусочку, как мышь, потихоньку уничтожающая головку сыра.

— Клянусь вам, господин Ворон! У меня и в мыслях ничего такого не было. Я испугался. Крейг считает, будто вы купили меня. Мне нужно спрятаться, а Шед боится меня приютить. Вот я и пытался его убедить, что...

— Заткнись. Шед, я думал, он твой друг.

— Я просто оказывал ему кое-какие услуги. Из жалости.

— Ты укрывал его от непогоды, но не от врагов. Таких трусов, как ты, Шед, свет не видывал. Похоже, я совершил ошибку. Я собирался сделать тебя полноправным партнером, а со временем передать в твои руки весь свой бизнес. Думал, окажу тебе услугу. Но ты же просто ничтожество, подонок и слюнтяй. Вот видишь — у тебя даже оскорбиться духу не хватает! — Ворон повернулся к Азе: —

Говори, коротышка. Расскажи мне про Крейга. И про Катакомбы.

Аза побелел. И раскрыл рот лишь тогда, когда Ворон пригрозил напустить на него Хранителей.

Коленки у Шеда дрожали так, что стучали друг о дружку. Рукоятка мясницкого ножа стала скользкой от пота. Шед не мог бы пустить его в ход, даже если б хотел, но Аза был слишком напуган, чтобы это заметить. Он прикрикнул на мулов, и повозка покатила вперед. Ворон ехал за ними в собственном фургоне. Шед посмотрел на долину. Черный замок, высившийся на северном горизонте, бросал на Арчу свою грозную тень.

Зачем он там стоит? Откуда он взялся? Шед отогнал невольные вопросы. Лучше не обращать на замок внимания.

Но как его-то самого угораздило вляпаться в такое дело? Добром это не кончится. А разжалобить Ворона нечего и думать.

Оставив фургоны в рощице, они пролезли в дыру. Ворон обследовал дровяные запасы Азы и распорядился:

— Тащите вязанки к фургонам. Складывайте пока на землю.

— Но это мои дрова! — возмутился Аза.

— Заткнись.— Ворон пропихнул вязанку через дыру.— Пошел, Шед. А ты, коротышка, если вздумаешь сделать ноги, пеняй на себя.

Когда они перетащили около дюжины вязанок, Аза в панике шепнул:

— Шед, там один из Крейговых громил! Он следит за нами!

Ворона, казалось, новость ничуть не встревожила.

— Идите оба в лес и тащите дрова оттуда.

Аза заартачился. Ворон пронзил его взглядом. Аза поплелся в гору.

— Откуда он знает? — ныл на ходу коротышка.— Он никогда не следил за мной, в этом я уверен.

Шед пожал плечами:

— Может, он колдун? Он всегда знает, о чем я думаю.

Когда они вернулись, Ворона у ограды не было. Шед нервно оглянулся и решил:

— Пойдем, принесем еще по охапке.

На сей раз Ворон поджидал их.

— Тащите дрова в фургон.

— Вот тебе и наглядный ответ,— сказал Шед, показывая пальцем на фургон. По днищу его бежали струйки крови, сочившейся из-под кучи валежника.— Понял теперь, что он за человек?

— Пошли все наверх! — скомандовал Ворон, когда они вернулись.— Ты, Аза, нас поведешь. Только не забудь прихватить с собой инструменты и факелы.

Наблюдая за тем, как Ворон сооружает носилки, Шед терзался подозрениями. Нет, это исключено. Даже Ворон не может пасть так низко. Или может?

Они стояли, глядя в черную пасть подземелья.

— Ты первый, Аза,— сказал Ворон. Аза нехотя начал спускаться.— Теперь ты, Шед.

— Помилосердствуйте, господин Ворон!

— Иди давай!

Шед повиновался. Ворон спустился за ним.

Запах разлагающейся плоти хотя и стоял в Катакомбах, но был гораздо слабее, чем Шед ожидал. Пламя факела в руках у Азы колебалось от сквознячка.

— Стой! — скомандовал Ворон. Схватив факел, он обследовал расщелину, через которую они спустились, кивнул и отдал факел Азе.— Вперед.

Туннель начал расширяться в пещеру. Аза дошел до ее середины и остановился. Шед тоже остановился. Его окружали кости. Кости на полу пещеры, кости на стенных выступах, скелеты, свисающие с крюков. Перемешанные в кучу кости, разбросанные как попало. Скелеты, лежащие среди этого хлама. Кости в лохмотьях погребальных саванов. Черепа, скалящиеся с деревянных колышков на стене; провалы глазниц, зловещие в отблесках факела. И на каждом колышке — проездной кулон.

Были тут и мумии, правда немного. Бальзамирование заказывали только богачи. Но здесь их богатство ничего не стоило. Мумии валялись в общей куче.

— Это очень старое место,— заметил Аза.— Хранители больше не ходят сюда, разве только чтобы избавиться от лишних костей. Ими забита вся пещера — похоже, их просто скидывают вниз, как на свалку.

— Давайте-ка глянем,— сказал Ворон.

Аза оказался прав. Пещера дальше сужалась, а потолок ее снижался. Проход был под завязку набит костями. Шед отметил про себя отсутствие черепов и кулонов.

— Ваши Хранители не так уж трепетно относятся к трупам, как ты думал, Шед,— усмехнулся Ворон.

— Подземные покои, которые показывают во время весенних и осенних ритуалов, выглядят совсем иначе,— признал Шед.

— А за старыми пещерами, по-моему, никто уже не ухаживает,— сказал Аза.

— Пошли назад,— предложил Ворон. И по пути заметил: — Все мы тут будем. Богатые и бедные, сильные и слабые.— Он походя пнул мумию ногой.— Разве что богатые сохраняются получше. А в другом конце туннеля есть что-нибудь интересненькое, Аза?

— Я далеко не ходил, всего на сотню ярдов. Там то же, что и здесь,— ответил Аза, пытаясь вскрыть проездной кулон.

Ворон хмыкнул, забрал у него кулон, открыл и высыпал на ладонь несколько серебряных монет. Потом поднес ладонь поближе к факелу.

— Хм. А как ты объясняешь их древний возраст, Аза?

— Деньги не пахнут,— ответил за приятеля Шед.

Аза кивнул:

— К тому же я пустил слух, что откопал старинный клад.

— Ясно. Давай, веди вперед.

Вскоре Аза остановился:

— Дальше я никогда не ходил.

— Шагай-шагай!

Они блуждали по лабиринту, пока даже на Ворона не начала давить тяжесть подземелья.

— Хватит. Айда наверх.— Они выбрались на землю.— Пошли за инструментами. Вот черт! Я надеялся, в пещере будет кое-что поинтереснее.

Скоро они вернулись с лопатой и веревками.

— Шед, выкопай там яму. А ты, Аза, держи конец веревки. Когда я крикну, начинай тянуть.

Ворон спустился в Катакомбы.

Аза остался на месте как велели. Шед принялся копать. Через некоторое время Аза не выдержал:

— Шед! Что он делает?

— А ты не знаешь? Я думал, тебе известно все, что он делает.

— Я только Крейгу так говорил. Не мог же я таскаться за ним целыми ночами!

Шед усмехнулся, сбросив с лопаты очередную порцию земли. Аза — тот еще работничек. Нетрудно себе представить, как он следил за Вороном. Дрыхнул, небось, где-нибудь в укромном уголке. Следи он по-настоящему, разве успел бы он и дров заготовить, и ограбить мертвецов?

Хозяин таверны облегченно вздохнул. Аза не знает, чем они с Вороном занимались. Но скоро, как пить дать, пронюхает.

Шед заглянул в свою душу и вдруг обнаружил, что не испытывает к себе такого отвращения, как раньше. Проклятие! Он уже привык к этим преступлениям. Ворон перекроил его внутреннее «я» по собственной мерке.

Из подземелья донесся крик. Аза потянул веревку.

— Шед, дай мне руку! — попросил он.— Я не могу вытащить ее один!

Шед нехотя взялся за веревку. Улов оказался именно таким, как он и ожидал: из тьмы, точно выходец из глубины веков, потихоньку выползала мумия. Шед отвел глаза.

— Хватай ее за ноги, Аза.

Аза чуть не поперхнулся.

— Господи, Шед! Боже мой! Что ты такое говоришь?

— Успокойся и делай что велят. Так будет лучше, поверь. Бери ее за ноги.

Они отволокли мумию в кусты, к яме, вырытой Шедом. Из узелка, привязанного к груди мумии, выпал проездной кулон. В узелке их было много — не меньше пары дюжин. Значит, яма нужна для того, чтобы закопать пустые кулоны. Но почему Ворон просто не набил себе карманы там, внизу?

— Бежим отсюда, Шед! — заныл Аза.

— Иди назад к веревке.

Вскрыть кулоны — на это нужно время. А у Ворона тут, наверху, двое подручных, которым делать нечего, кроме как думать. Значит, нужно их чем-то занять. И вдобавок занятием небескорыстным. Да уж! Пара дюжин кулонов с каждым трупом — это целая куча монет.

— Шед...

— Куда ты собираешься бежать, Аза? — День был погожий и не по сезону теплый, но все равно зимний. Из Арчи зимой не выберешься.— Он найдет тебя. Возвращайся к своей веревке. Хочешь не хочешь, но ты уже влип.

Шед снова взялся за лопату.

Ворон послал наверх шесть мумий, и все с привязанными узелками. Потом он вылез из пещеры. Посмотрел на мертвенно-бледного Азу, на смирившегося Шеда.

— Твоя очередь, Шед.

Шед открыл было рот, проглотил то, что хотел сказать, и побрел к расщелине. Встал над ней не двигаясь, готовый взбунтоваться.

— Поторапливайся, Шед. Время — деньги.

И Каштан Шед спустился в царство мертвых.

Казалось, он провел в Катакомбах целую вечность, тупо выбирая трупы, собирая кулоны, подтаскивая свои ужасные трофеи к веревке. Сознание отказывалось воспринимать происходящее как реальность. Это был сон, ночной кошмар. Шед даже не сразу врубился, когда Ворон позвал его на поверхность.

Он вылез в сгущающиеся сумерки.

— Что, хватит? Можем уходить?

— Нет,— ответил Ворон.— Мы вытащили шестнадцать. Думаю, в два фургона войдет не меньше тридцати.

— Но... Да, конечно.

— Будешь тянуть,— сказал Ворон.— А мы с Азой пойдем вниз.

Шед тянул. В серебристом свете неполной луны мертвые лица казались исполненными укоризны. Шед, подавляя презрение к себе, укладывал их в рядок и опустошал кулоны.

Искушение сбежать с деньгами было велико. Но он остался — больше из-за алчности, нежели из страха перед Вороном.

На сей раз они партнеры. Тридцать трупов по тридцать лев — итого девятьсот монет. Даже если он получит небольшую долю, о таком богатстве можно только мечтать.

Но что это? Ворон совсем не так отдает приказ поднять веревку! Кто-то вопит там внизу как резаный... Душа у Шеда моментально ушла в пятки. Он чуть было не бросился бежать и опомнился, лишь услышав зычный голос Ворона. Правда, в голосе этом не было всегдашней холодной и презрительной насмешки.

Шед поднатужился. Веревка еле поддавалась. Он кряхтел, напрягая последние силы... Из расщелины, цепляясь за камни, выбрался Ворон. В разорванной рубахе, на щеке — кровавая ссадина, нож весь красный.

— Тащи! — заорал он, ухватившись за веревку.— Тащи, мать твою!

Мгновение спустя показался Аза, обвязанный веревкой.

— Что случилось? Боже мой, что случилось?

Аза дышал — но и только.

— Кто-то прыгнул на нас. Я прикончил его, но он успел-таки потрепать Азу.

— Сторожевик. Я же вас предупреждал! Зажгите еще один факел. Посмотрим, что с ним.

Однако Ворон сидел, не двигаясь с места, и только грудь его ходила ходуном. Шед сам взял факел и зажег.

Раны у Аза оказались не такими уж страшными. Он потерял много крови, был в шоке, но не при смерти.

— Нужно убираться отсюда, Ворон. Пока не появились Хранители.

К Ворону вернулось самообладание.

— Нет. Там было только одно чудовище. Я убил его. Доведем дело до конца.

— А как же Аза?

— Не знаю. Пора за работу.

— Я устал, Ворон.

— Ты не так еще устанешь, когда мы закончим. Шевелись давай. Уберем все следы преступления.

Они перетащили в фургоны тела, потом инструменты, потом отнесли вниз Азу. Когда они просовывали носилки через дыру в стене, Шед спросил:

— А с ним-то что делать будем?

Ворон посмотрел на него как на идиота:

— А ты как думаешь, Шед?

— Но...

— Разве тебе не все равно?

— Да в общем-то...— Но Шеду было не все равно. Аза, конечно, не подарок, но Шед его знал. Они не были друзьями и все же не раз выручали друг друга...— Нет. Я не могу так, Ворон. Он еще, возможно, выкарабкается. Будь я уверен, что он отбросит коньки,— тогда конечно. Тогда какой разговор? Нет тела — нет вопросов. Но я не могу убить его.

— Ну что ж, неплохо. Наконец хоть какой-то поступок. Но как ты заткнешь ему рот? Его болтливый язык уже стоил кое-кому перерезанной глотки.

— С этим я справлюсь.

— Как скажешь, партнер. Шея твоя.

До черного замка они добрались уже глубокой ночью. Ворон проехал в ворота первым, Шед — сразу за ним. Они остановились в том же арочном проезде. И процедура была все той же. Как только они выгрузили трупы, длинная тощая тварь прошлась вдоль ряда.

— Десять. Десять. Тридцать. Десять. Десять.— И так далее.

Ворон яростно спорил. Выше десятки тварь оценила лишь соглядатаев, убитых Вороном у Выгородки, да Азу, лежавшего в фургоне.

— Они умерли слишком давно,— заявила нечисть, обернувшись к Ворону.— Поэтому почти ничего не стоят. Забирай их обратно, если недоволен.

— Ладно, ладно. Договорились. Кроме того, что в фургоне.

Тварь отсчитала монеты. Ворон клал в карман шесть из каждых десяти, а остальные отдавал Шеду. Обращаясь к длинной фигуре, Ворон мимоходом бросил:

— Это мой партнер. Возможно, он когда-нибудь приедет один.

Фигура нагнулась, пошарила в своем одеянии и протянула что-то Шеду. Это оказалась серебряная висюлька в виде двух сплетенных змей.

— Надень ее, если придешь один,— сказал Ворон.— Это твоя охранная грамота.

Ежась под его ледяным взглядом, Шед бросил висюльку в карман, уже набитый серебром.

И занялся подсчетами. На его долю пришлось сто двенадцать лев. Чтобы честно заработать такую сумму, пришлось бы вкалывать лет пять, не меньше. Он богат! Он богат, черт возьми! Теперь он может делать все, что захочет. Никаких больше долгов. Никакого Крейга, медленно сосущего из него кровушку. Никакой овсянки на завтрак, обед и ужин. Он превратит «Лилию» в приличное заведение. Подыщет матери местечко, где ей будет обеспечен хороший уход. И женщины! Все женщины на свете!

Развернув фургон, Шед заметил высокий кусок стены, выросшей там, где ее прежде не было. В стене белело лицо. Лицо того самого человека, которого они с Вороном привезли еще живым. Глаза неотступно следили за Шедом.

Глава 14
Арча. Черепичник

Шепот доставила нас в разрушенный замок под названием Черепичник. Он возвышается над Арчой вообще и Выгородкой в частности. В течение недели мы не разговаривали с хозяевами замка — не могли найти общего языка. Потом нас осчастливил своим присутствием душегуб по имени Вол, знавший языки Самоцветных городов.

Вол был кем-то вроде надзирателя за местной религией, которую я совершенно не понимаю. Поначалу она казалась мне культом смерти. Но стоит приглядеться получше — и увидишь, что смерти и умершим здесь не поклоняются: их почитают, фанатично сохраняя трупы, которые должны якобы воскреснуть через тысячи лет. Эта религия наложила печать на всю Арчу, кроме Котурна, где у живых слишком много насущных проблем, чтобы волноваться о благополучии покойников.

Вола я невзлюбил с первого же взгляда. Он произвел на меня впечатление склонного к насилию полицая-садиста, привыкшего решать все вопросы с помощью дубинки. Кто-кто, а он-то останется на плаву, когда Госпожа захватит Арчу. Ее военным губернаторам нужны такие типы.

Я не сомневался, что Арча будет захвачена за считанные дни после прибытия Капитана. Мы изучили город досконально, как под микроскопом. Достаточно одного лишь приказа из Чар — и все будет кончено. Люди герцога не смогут помешать оккупации.

Собрав нас всех вместе, включая переводчиков, Вола, самого герцога и человека по имени Аргадон, который был старшим Хранителем мертвых — то бишь управлял Катакомбами, где хранились трупы,— Шепот с Пером повели всю компанию на северную крепостную стену Черепичника, в жуткую, надо сказать, холодрыгу.

— Вон из-за той крепости,— сказал герцог, показывая вдаль,— я и попросил о подмоге.

Я взглянул на крепость и поежился. Что-то в ней было настолько зловещее, что мурашки ползли по спине.

— Мы называем ее «черным замком»,— сказал герцог.— Ему уже несколько столетий.— И тут герцог выдал нам такое, что мы поразевали рты: — Вначале это был просто маленький черный камушек, лежавший возле покойника. Человек, который нашел его, хотел поднять камушек. И умер. А камень начал расти и продолжает расти до сих пор. Предки мои пытались разрушить его — но все впустую. Камню ничего не делалось, а любой, кто дотрагивался до него, погибал. Поэтому люди решили игнорировать существование замка, чтобы не повредиться в уме.

Я сощурился и уставился на крепость. Замок как замок, похож на Черепичник, разве что черного цвета... и почему-то от него мороз по коже.

— Несколько веков камень увеличивался в размерах почти незаметно,— продолжал наш хозяин.— И всего лишь пару поколений назад стал похожим на крепость.— Взгляд у герцога сделался каким-то затравленным.— Говорят, там кто-то живет.

Я улыбнулся. А чего он ожидал, интересно? Крепости, построенные они или выросшие, на то и существуют, чтобы кого-то защищать.

Нить повествования перехватил Аргадон. Изъяснялся он напыщенным официальным слогом — сразу видно, засиделся парень на своем посту.

— Последние несколько лет замок растет дьявольски быстро. Службу Хранителей весьма обеспокоили слухи — правда, исходящие из Котурна, то есть источника ненадежного,— о том, что обитатели черного замка скупают тела усопших. Достоверность этих слухов остается предметом жарких дискуссий среди сотрудников службы. Тем не менее нельзя отрицать, что в последнее время мы не получаем достаточного количества трупов из Котурна. Наши уличные патрули собирают меньше покойников, нежели десять лет тому назад. А нищета растет, и на улицах должно бы умирать гораздо больше народу.

Ну что за душка этот Аргадон! Ноет точь-в-точь как фабрикант, у которого упали доходы.

— Существует гипотеза,— продолжал между тем Аргадон,— что твари, живущие в замке, вскоре перестанут скупать трупы — если они вообще это делают. Я лично не уверен.— Гладко излагает, не придерешься: все рассказал и тут же во всем усомнился. Нет, этот парень мне нравится! — Возможно, обитатели крепости так расплодятся, что выйдут за стены замка и сами возьмут все, что захотят.

— Если вы думаете, что люди продают им покойников, почему бы вам не прихватить этих торговцев и не вытрясти из них правду? — спросил Ильмо.

Настал черед полицая внести свою лепту в разговор.

— Мы не можем поймать их,— сказал Вол таким тоном, который подразумевал: «Дали бы мне волю, уж я бы!..»— Они живут в Котурне. А там, внизу, свой мир. И если для тамошних жителей вы чужак, черта с два из них что-нибудь выудишь.

Шепот и Перо стояли чуть в стороне, не спуская глаз с черного замка. Лица у них были мрачные.

Герцог хотел, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. В сущности, ему просто надоело беспокоиться из-за этой крепости, и он позволил нам покончить с его беспокойством любой ценой. Но не любыми способами, а только теми, какие были угодны ему. К примеру, он хотел, чтобы мы оставались в Черепичнике: пускай, мол, *его* люди и люди Аргадона станут на время нашими

глазами, ушами и руками. Герцог боялся волнений, которые могла вызвать весть о нашем присутствии.

После поражения при Чарах нескольким мятежникам удалось укрыться в Арче. Так что о Госпоже в городе знали, хотя и не брали ее в голову. Однако герцог боялся, что беглецы поднимут в народе бучу, если заподозрят его в сотрудничестве с Госпожой.

В каком-то смысле он был идеальный правитель. От своих подданных он хотел только одного: чтобы его оставили в покое. И, со своей стороны, согласен был оказать им такую же услугу.

Поэтому до поры до времени нас держали в стороне от событий — пока Шепот не встревожило качество получаемой нами информации.

Дело в том, что ее тщательно просеивали. И после цензуры она становилась бесполезной. Шепот приперла герцога к стене и *сказала* ему, что ее люди пойдут на разведку вместе с его людьми.

Он продержался не более пяти минут. Схватка была неравной. Шепот пригрозила, что уйдет и бросит город на произвол судьбы. Блеф чистейшей воды. И ее, и Перо крайне интересовал черный замок. Они не ушли бы из Арчи даже под угрозой оружия.

Герцог покорился, и Шепот взялась за Хранителей. Вол уперся, не желая ни с кем делить свои прерогативы. Не знаю, как она его уломала. Он никогда об этом не рассказывал.

Я стал его напарником по разведывательным вылазкам в основном потому, что мне легко даются языки. Жители города не обращали на меня никакого внимания.

Вол — дело другое. Он был для них ходячим ужасом. Люди переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать с ним встречи. Да, репутация у него была не дай Бог.

И вдруг очередная новость смела все препоны, которые герцог с Хранителями расставляли на нашем пути.

— Слыхал? — спросил меня Ильмо.— Кто-то вломился в их драгоценные Катакомбы. Вол рвет и мечет. А его начальство срет кровавым поносом.

Я попытался это переварить, но не сумел. Ильмо выражается метко, но очень уж кратко.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Зимой бедняков пропускают в Выгородку и разрешают собирать валежник для обогрева. Но кому-то этого показалось мало, и они проникли в Катакомбы. Трое или четверо человек.

— Я все равно не очень врубаюсь, Ильмо.— Мой друг любит, чтобы его поупрашивали.

— Ну ладно. Так уж и быть. В общем, они залезли в подземелье и сперли все проездные кулоны, до которых сумели добраться. Вытащили их наверх, распотрошили и закопали в яме. Кроме того, они стянули целую кучу древних мумий. А какой вопеж и скулеж по этому поводу поднялся — ты бы слышал! Так что лучше забудь про свои планы насчет обследования Катакомб.

Я как-то обмолвился, что не худо бы совершить экскурсию в подземелье. Здешний культ казался мне таким загадочным, что хотелось присмотреться к нему поближе. И желательно без гидов.

— Боишься, они развопятся еще больше?

— Развопятся — это слабо сказано. Вол матерится на чем свет стоит. Ох, не завидую я тем парням, если они попадут ему в руки.

— Да? Ну что ж, тогда экскурсия отменяется.

Вол тут же прибыл в Черепичник для согласования плана действий с сотрудниками крайне некомпетентной тайной полиции герцога.

Работнички у него подобрались просто курам на смех. Всех их в городе прекрасно знали, и ни один из них не осмеливался сунуться в Котурн, где творились по-настоящему интересные дела.

В любом городе есть свой Котурн, только названия у них разные. В эти злачные трущобы полицейские наведываются лишь вооруженными отрядами. Законы там соблюдаются в лучшем случае хаотично, а суд вершат самозваные магистраты при поддержке гангстеров, которых сами же судьи и нанимают. Поэтому правосудие в трущобах субъективно, беспощадно, скоропалительно и зависит главным образом от размеров взятки.

Я поймал Вола и заявил ему:

— Пока это последнее дело не раскрутим, я от вас ни на шаг.

Он нахмурился. Одутловатые щеки налились жаром.

— Мне приказали,— соврал я, вроде как извиняясь.

— Да? Ну ладно. Тогда пошли.

— А куда вы собираетесь?

— В Котурн. Это дело рук тамошних бандитов. Я их, гадов, выведу на чистую воду.

При всех его недостатках, подумал я, в мужестве Волу не откажешь. Такого никто не запугает.

Мне хотелось побывать в Котурне, а лучшего проводника нечего было и искать. Говорили, Вол наведывался туда частенько и совершенно безбоязненно. Видно, репутация у него была такая зверская, что даже гангстеры не хотели с ним связываться. Идеальное прикрытие для меня.

— Прямо сейчас? — спросил я.

— Прямо сейчас.

Я пошел вслед за ним в стужу и вниз к реке. Вол отправился в путь пешком. Одно из его маленьких пристрастий. Он не признавал верховой езды. Шагал он бодро и резво, как человек, привыкший решать все дела на своих двоих.

— И что мы будем там искать? — спросил я его.

— Старые монеты. Пещера, которую осквернили, была заполнена несколько столетий назад. Если в последнее время кто-нибудь потратил кучу старых монет, мы сможем выйти на грабителей.

Я нахмурился:

— Не знаю, как принято тратить деньги у вас, но во многих других местах, где я бывал, люди хранят фамильные сбережения из поколения в поколение — а потом, стоит появиться одной паршивой овце, как она спустит все в одночасье. Несколько старых монет погоды не сделают.

— Мы будем искать не пару монет, а целую кучу. Человека, который швыряет их, не считая. Преступников было трое или четверо. Есть шанс, что один из них окажется дураком.

У Вола отменное чутье на глупые стороны человеческой натуры. Оттого, надо полагать, что они ему наиболее близки. Эк я его!

— Расспрашивать будем вежливо,— наставлял он меня, точно боясь, что я наброшусь на жителей Котурна с кулаками.

Впрочем, как известно, каждый судит по себе.— Человек, которого мы разыскиваем, прослышав о наших расспросах, ударится в бега.

— А мы за ним по пятам?

— Только для того, чтобы он не останавливался. Авось, и приведет нас куда-нибудь. Я знаю там внизу нескольких главарей, которые могли учинить подобное свинство. Мне бы только выяснить, кто это,— я ему живо яйца поотрываю!

Он говорил с жаром, как крестоносец. Нет ли у него каких-то особых счетов с преступными хозяевами трущоб? Я не выдержал и поинтересовался.

— Угу. Я сам родился в Котурне. Трудный подросток, которому повезло попасть в Хранители. Отцу моему повезло гораздо меньше. Он пытался купить себе крышу. Заплатил банде, а та не защитила его от другой такой же банды рэкетиров. Ну, отец и говорит: я, мол, не намерен выбрасывать деньги на ветер. А они перерезали ему горло. Я сам подобрал его труп, вместе с другими Хранителями. А эти гады стояли кружком неподалеку и ржали.

— Вы с ними разобрались? — спросил я, уверенный в ответе.

— Угу. Отправил туда же, в Катакомбы.— Вол глянул на черный замок, наполовину скрытый пеленой тумана, стлавшегося по дальнему склону.— Слыхал бы я тогда сплетни про это место, может, я бы... Да нет, вряд ли.

Я тоже думал, что вряд ли. Вол был своего рода фанатиком. Он не стал бы нарушать правила профессии, которая помогла ему выбраться из Котурна... ну, разве только иногда и исключительно для пользы дела.

— Начнем с самого низа,— сказал он мне.— И будем помаленьку продвигаться вверх. Из таверны в таверну, из борделя в бордель. Можно даже намекнуть, что за поимку обещана награда.— Он с силой сжал вместе ладони, пытаясь унять свой гнев. Да, страсти в нем кипят будь здоров. Как бы в один прекрасный день не взорвался.

Вышли мы рано, и за этот день я навидался столько кабаков, борделей и вонючих пивнушек, сколько не видел за десять лет. В каждой забегаловке приход Вола вызывал

испуганный переполох и клятвенные обещания сотрудничества.

Но обещания так и остались обещаниями. Нам не удалось напасть на след старинных монет, если не считать пары штук, слишком давно уже бывших в обращении.

Вол не падал духом.

— Где-нибудь да появятся,— сказал он.— Времена нынче тяжелые. Надо только набраться терпения.— Он задумался ненадолго.— Неплохо бы заслать сюда нескольких ваших парней. Их никто не знает, а выглядят они достаточно крутыми, чтобы справиться.

— Они и есть крутые.— Я улыбнулся, составляя в уме команду, в которую включил Ильмо, Гоблина, Ростовщика, Шишку и еще парочку ребят. А если б еще Ворон остался в Отряде и смог к ним присоединиться! Через каких-нибудь полгода они управляли бы всем Котурном. Это натолкнуло меня на мысль, которую я решил обсудить с Шепот.

Если мы хотим знать, что здесь творится, мы должны установить контроль над Котурном. Напустить, к примеру, на них Одноглазого — он же прирожденный гангстер! Хотя он будет слишком бросаться в глаза. С тех пор как мы переплыли море Мук, я не встречал ни одного чернокожего.

— Возникла идея? — спросил Вол, стоя на пороге развалюхи под названием «Железная лилия».— Вид у вас такой, будто из котелка сейчас пар повалит.

— Может быть. Идея на крайний случай. Если нам не удастся сдвинуть дело с мертвой точки.

«Железная лилия» была такой же дырой, как и все предыдущие, только еще грязнее. Хозяин вовсю лебезил перед Волом. Он, конечно же, ничего не знал, ни о чем не слышал, но обязательно сообщит, если увидит у кого-нибудь,хоть один герш, отчеканенный до начала правления нынешнего герцога. Каждое слово — сплошное вранье. Я вздохнул с облегчением, когда мы выбрались оттуда. Мне все казалось, что эта развалюха рухнет нам на головы, прежде чем хозяин закончит лизать Волу задницу.

— У меня идея,— сказал Вол.— Ростовщики!

Через минуту до меня дошло, откуда она возникла. Хозяин кабачка нам все уши прожужжал, ноя про свои долги.

— Хорошая мысль.

Человек, попавший в сети ростовщика, сделает что угодно, лишь бы выбраться из них.

— Это территория Крейга. Один из самых отъявленных кровопийц. Давайте-ка заглянем к нему.

Да он просто не ведает страха! Похоже, его уверенность в могуществе собственной организации столь велика, что позволяет ему не моргнув глазом лезть в самое логово бандитов. Надеюсь, я искусно скрыл свой испуг, но передрейфил не на шутку. У Крейга оказалась целая армия головорезов, и все они стояли на ушах.

Скоро мы поняли почему. Главарь банды недавно напоролся на чей-то ножик и лежал теперь на спине весь в бинтах, спеленутый, как мумия.

— Клиенты порезвились, а, Крейг? — хмыкнул Вол.— Или кто-то из твоих ребят хотел продвинуться по службе?

Крейг смерил нас холодным взглядом. Лицо его застыло словно каменное.

— Чем-то могу помочь, инквизитор?

— Вряд ли. Ты же, кровосос, все одно наврешь с три короба, даже если бы правда могла спасти твою жизнь.

— Лестью ты от меня ничего не добьешься. Чего тебе надо, говори, паразит!

А он не робкого десятка, этот Крейг. Слепленный из того же теста, что и Вол, он просто избрал себе менее почтенную профессию. В общем-то они друг друга стоят. Поп и ростовщик — два сапога пара. Именно это и имел в виду Крейг.

— Очень остроумно. Я ищу одного парня.

— Да что ты говоришь?

— У которого куча старинных монет. Кайанского периода чеканки.

— А я обязан его знать?

Вол пожал плечами:

— Может, он задолжал кому-нибудь.

— У нас тут деньги не пахнут, Вол.

— Котурновская поговорка,— пояснил мне Вол и снова повернулся к бандиту: — Эти монеты пахнут. Прямо-таки смердят. Дело серьезное, Крейг. Это тебе не очередной спектакль

под названием «расследование»: пошумели, мол, и разбежались. Мы докопаемся до правды. И кто покрывает этого парня, пойдет ко дну вместе с ним. Вот попомни мои слова.

На секунду Волу удалось произвести впечатление. Крейг переварил услышанное. Потом снова обратил к нам пустое лицо:

— Не там копаешь, инквизитор.

— Я просто предупредил.

— А что он натворил, твой парень?

— Одолжил у того, кто не любит пускать монеты в рост.

Брови у Крейга удивленно поползли кверху. Он не мог припомнить ни единого человека, подходящего под такое описание.

— У кого?

— Неважно. Просто не позволяй своим парням брать старинные монеты, прежде чем не установишь их источник и не свяжешься со мной. Понял?

— Ты все сказал, инквизитор?

— Угу.

— Тогда катись отсюда, ладно?

Мы вышли. Я не знал правил игры, поэтому не мог сказать, как отнесутся подручные Крейга к такому обмену любезностями. Мне казалось, мы были на волосок от смерти.

На улице я спросил:

— Он сказал бы нам, если бы кто-то заплатил ему теми монетами?

— Нет. По крайней мере, не сразу. Сначала сам бы попытался разузнать, что к чему. Но он в глаза не видел никаких старинных монет.

На чем основывалась его уверенность, я не понял. Однако спрашивать не стал. Он лучше знал здешнюю публику.

— А мне показалось, он что-то знает. Пару раз у него в глазах мелькнули какие-то искорки.

— Может быть. А может, и нет. Пускай пока понервничает.

— Если бы вы сказали ему, почему...

— Нет! Это исключено! Нельзя допустить, чтобы просочились слухи. Если люди решат, что мы не в состоянии защитить покойников, в том числе и их самих, когда они скопытятся, здесь

начнется сущее светопреставление! — Он рубанул ладонью воздух.— Арча просто провалится в тартарары! С треском!

Мы пошли дальше. Через пару минут он пробормотал:

— Да, сущее светопреставление.

Еще через полквартала добавил:

— Поэтому нам позарез нужно поймать грабителей. Не столько даже, чтобы наказать, а чтобы заткнуть им рты.

— Понимаю.

Мы повернули обратно, собираясь продолжить обход кабаков и заглянуть к ростовщику по имени Гилберт, когда окажемся на его территории.

— Эй! — вырвалось у меня.

Вол остановился:

— Что?

Я покачал головой:

— Ничего. Показалось, будто увидел привидение. Парень там, в конце улицы... По походке очень похож на одного моего старого знакомого.

— Может, это он и есть?

— Не-ет. Это было давно и неправда. Его уже наверняка нет в живых. Просто почудилось. Я как раз вспоминал о нем недавно.

— Думаю, времени у нас осталось визитов на пять, не больше. Потом пойдем наверх. Не хочу здесь болтаться, когда стемнеет.

Я глянул на него, вздернув бровь.

— Черт побери, приятель, ты что — не понял? Тут опасно оставаться после заката! — сказал он и одарил меня одной из своих редких улыбок. Совершенно искренней.

В тот момент он мне даже понравился.

Глава 15
Арча. Смерть гангстера

Шед подолгу и ожесточенно спорил с матерью. Она не обвиняла его впрямую, но не оставляла сомнений, что подозревает его в самых ужасных преступлениях.

Хозяин таверны с Вороном по очереди выхаживали Азу.

Потом пришла пора предстать перед Крейгом. Шеду не хотелось идти. Он боялся, как бы гангстер не связал его с Вороном и Азой. Но если не пойти, Крейг сам заявится сюда. Сейчас он только и ищет козла отпущения... Дрожа мелкой дрожью, кабатчик поплелся по морозной улице. С неба лениво падали жирные снежинки.

Один из Крейговых горилл провел Шеда в берлогу гангстера. Нокаута поблизости не было, но ходили слухи, что великан поправляется. «Слишком глуп, чтобы помереть»,— подумал Шед.

— Привет, Шед! — сказал Крейг из глубин гигантского кресла.— Ну, как ты?

— Замерз. А вы как поживаете? — Дружелюбие гангстера пугало Шеда.

— Да ничего.— Крейг коснулся своих повязок.— Чуть было не загнулся. Но мне повезло. Пришел заплатить долги?

— А сколько всего я вам должен? Вы перекупаете мои долги, так что я не в состоянии за ними уследить.

— Ты можешь отдать все сразу? — прищурился Крейг.

— Не знаю. У меня десять лев.

Крейг картинно вздохнул:

— Этого достаточно. Я и не подозревал в тебе такую хватку, Шед. Ладно, делать нечего. Где-то выигрываешь, где-то теряешь. Ты должен восемь с мелочью.

Шед отсчитал девять монет. Крейг дал ему сдачу.

— Нынешней зимой у тебя полоса везения, Шед.

— Да уж.

— Ты Азу видел? — В голосе Крейга прорезались едкие нотки.

— Три дня назад. А что?

— Да так, ничего особенного. Мы в расчете, Шед. Но ты обещал оказать мне услугу. Ворон. Он мне нужен.

— Крейг, не сочтите, будто я вмешиваюсь не в свое дело, но лучше бы вам оставить этого парня в покое. Он бешеный. Он настоящий убийца. Ему прикончить вас — раз плюнуть. Не поймите меня превратно, я не хочу вас обидеть, но он смеется над вами.

— Я ему посмеюсь! — Крейг с трудом встал из кресла, морщась от боли, и схватился за свою рану.— Я ему так посмеюсь!..

— В следующий раз он может и не выпустить вас живым, Крейг.

В глазах у гангстера мелькнула тень испуга.

— Или я — или он, Шед. Если я не убью его, мой бизнес развалится на части.

— А что будет с вашим бизнесом, если он вас убьет?

И снова тень испуга.

— У меня нет выбора. Будь готов, ты скоро мне понадобишься, Шед.

Хозяин таверны кивнул и удалился. Нужно бежать из Котурна, думал он. Теперь он может себе это позволить. Но куда бежать? В Арче Крейг найдет его повсюду. Да и вообще бежать не хотелось. «Лилия» — его дом. Нужно просто переждать невзгоды. Кто бы из них двоих ни прикончил друг друга, у Шеда в любом случае одной петлей на шее будет меньше.

Сейчас он стоял на перепутье. Он ненавидел Крейга. Гангстер годами унижал его, душил долгами, вырывал изо рта последний кусок своими сумасшедшими процентами. С другой стороны, Ворон связывал его с черным замком и преступлениями в Выгородке.

Хранители вышли на охоту, разыскивая человека, который тратит старинные монеты горстями. Розыск велся без особого шума, но то, что им занимался сам Вол, показывало, насколько серьезно относятся к делу там, наверху. Шеда чуть удар не хватил, когда Вол ввалился в «Лилию».

Куда, интересно, девались деньги из проездных кулонов? Шед не видал ни одной из этих монет. По-видимому, Ворон забрал их себе. Они с Вороном теперь партнеры...

— Что сказал Крейг? — спросил Ворон, когда Шед добрался до «Лилии».

— Хочет, чтобы я помог ему прикончить вас.

— Я так и думал. Значит, время пришло, Шед. Пора отправить Крейга в Катакомбы. На чьей ты стороне, партнер? На его или моей?

— Я... Э-э...

— По большому счету, тебе выгоднее избавиться от Крейга. Рано или поздно он все равно приберет «Лилию» к рукам.

«Это верно»,— подумал Шед.

— Ладно. И что делать будем?

— Завтра пойдешь к нему и скажешь: ты, мол, думаешь, что я продаю трупы. На пару с Азой. Но ты подозреваешь, что я его пришил. Аза был твоим другом, и ты встревожен. Все это достаточно близко к правде, чтобы запудрить ему мозги... Слушай, в чем дело?

Вечно одни ловушки. Ворон прав. История звучит правдоподобно, и Крейг в нее поверит. Но Шед надеялся избежать непосредственного участия в этом деле. Если Ворон оплошает, Каштана Шеда найдут в канаве с перерезанным горлом.

— Ни в чем.

— Вот и ладно. Послезавтра ночью я выйду из дому. А ты побежишь и доложишь Крейгу. Я дам его людям напасть на мой след. Крейг захочет сам участвовать в убийстве. И тут я устрою ему засаду.

— Вы уже однажды напали на него из засады, верно?

— Он все равно придет. Он дурак.

Шед сглотнул:

— Боюсь, у меня не хватит духа.

— Твой дух — не моя проблема, Шед. Он твой. Ты его потерял. И только ты можешь вернуть его обратно.

Крейг купился на Шедову байку. Он пришел в полный восторг оттого, что Ворон оказался таким злодеем.

— Если бы я не хотел с ним расправиться собственноручно, я бы выдал его Хранителям. Ты молодец, Шед. Я давно должен был заподозрить Азу. Он никогда не приносил ни одного стоящего известия.

— Но зачем кому-то понадобилось скупать мертвецов? — простонал Шед.

— Не ломай свою глупую башку,— усмехнулся Крейг.— Дай мне знать, когда он отправится на очередную ночную прогулку. Мы подготовим ему маленький сюрприз.

На следующую ночь Шед явился, как и было запланировано. И тут судьба нанесла ему один из самых жестоких ударов. Крейг настаивал, чтобы Шед принял участие в охоте.

— Да какой вам от меня прок, господин Крейг! У меня и оружия-то нету. А Ворон — крепкий орешек. Его без борьбы не возьмешь.

— Я не жду от тебя помощи. Ты пойдешь с нами так, на всякий случай.

— На какой такой случай?

— На случай, если это ловушка. Тогда ты будешь под рукой, чтобы я мог свернуть тебе шею.

— Я честно вам все рассказал,— заныл Шед.— Разве я когда-нибудь поступал с вами нечестно?

— Ты всегда поступал как трус. Поэтому я тебе не доверяю. Тебя кто угодно может запугать. И деньги у тебя откуда-то вдруг появились. Может, ты сам помогал Ворону продавать покойничков, а?

Шед похолодел. Крейг накинул пальто.

— Пойдем, Шед. И держись ко мне поближе. Надумаешь удрать — убью.

Шеда затрясло. Все, его песенка спета. Он стольким рисковал, через такое прошел, чтобы скинуть Крейга со своей шеи,— и вот... Это несправедливо. Просто несправедливо. Почему все вечно оборачивается против него? Он потащился на улицу, пытаясь сообразить, как спастись, хотя прекрасно понимал, что выхода нет. На щеках у него замерзали слезы.

Нет выхода. Если он сбежит, Крейг сразу поймет, что его провели. А если останется, Крейг убьет его, когда Ворон нападет из засады. И что тогда будет с матерью?

Необходимо что-то сделать. Собраться с духом, принять решение и *действовать*. Нельзя покоряться судьбе, надеясь на удачу. Иначе еще до рассвета он окажется либо в Катакомбах, либо в черном замке.

Шед солгал Крейгу насчет оружия. В левом рукаве у него был припрятан мясницкий нож. Он сунул его туда из чистой бравады. А Крейг не стал его обыскивать. Старина Шед с ножом? Ха! Не смешите. Он же может пораниться!

Старина Шед порой таки прихватывал с собой нож, хотя и не афишировал этого. Нож придавал ему уверенности. Шед говорил себе, что в крайнем случае может пустить его в ход, и

даже сам верил в эту ложь. Но в трудную минуту он все равно бросал вожжи, пуская свою судьбу на самотек.

А теперь судьба влечет его к погибели... Если только он не подхлестнет ее сию же минуту любыми способами.

Но как?

Подручных Крейга забавлял его ужас. Их было шестеро... Потом присоединился седьмой... и восьмой — они вернулись, выследив Ворона. Разве может он на что-то надеяться? У Ворона и то шансов практически никаких.

«Ты покойник! — снова и снова нашептывал ему тоненький голосок.— Покойник. Покойник».

— Он едет по Бакалейному,— доложил чей-то голос из тьмы.— И обшаривает по пути все переулки.

— Думаешь, он найдет кого-нибудь сейчас, на исходе зимы? — спросил у Шеда Крейг.— Доходяги все уже перемерли.

Шед пожал плечами:

— Не знаю.

Он прижал левую руку к боку. Присутствие ножа помогало, но не очень.

Ужас, объявший Шеда, достиг своего апогея и немного схлынул. Разгоряченные мозги застыли в бесчувственном оцепенении. Пользуясь минутой, пока страх не охватил его с новой силой, Шед пытался найти выход из своего безвыходного положения.

Кто-то снова вынырнул из тени и доложил, что фургон Ворона стоит в сотне футов. Ворон десять минут назад ушел в переулок и до сих пор не вернулся.

Крейг уставился на Шеда:

— Как по-твоему, способен он бросить свой фургон с упряжкой?

— А я почем знаю? — взвизгнул Шед.— Может, он нашел там что-нибудь.

— Давайте посмотрим.

Они подошли к одному из бессчетных закоулков, ответвлявшихся от Бакалейного проезда. Крейг вперился во тьму, чуть склонив набок голову.

— Тихо как в Катакомбах. Проверь-ка, Люк.

— Но, хозяин...

— Не волнуйся, Люк. Старина Шед пойдет с тобой. Верно я говорю, Шед?

— Крейг...

— Пошевеливайся!

Шед поплелся в проулок. Люк шагал осторожно, то и дело протыкая тьму острым ножом. Шед попытался заговорить с ним.

— Заткнись! — рявкнул тот.— У тебя что, нет оружия?

— Нет,— соврал Шед и обернулся. Никого, кроме них двоих.

Проулок закончился тупиком. Ворона нигде не было.

— Проклятье! — выругался Люк.— Куда он мог ускользнуть?

— Не знаю. Давай попробуем выяснить,— откликнулся Шед, а в голове мелькнуло: «Может, это и есть мой единственный шанс?»

— Ага! — воскликнул Люк.— Он забрался по водосточной трубе!

Шед весь напрягся. В горле сжался тугой комок.

— Давай попробуем. Может, мы его догоним?

— Угу.

Люк полез наверх.

Шед действовал бездумно, чисто автоматически. Мясницкий нож сам прыгнул ему в руку. Рука нанесла удар. Люк выгнулся назад и упал. Шед прыгнул на него, зажал ему рот ладонью и держал ее так с минуту, пока умирающий не затих. А потом отпрянул назад, не в силах поверить в то, что сотворил.

— Чего вы там копаетесь? — раздался недовольный голос Крейга.

— Не можем никого найти! — крикнул Шед.

Он оттащил Люка к стене, засыпал мусором и снегом и рванул к водосточной трубе.

Приближение Крейга вдохнуло в него невиданные силы. Кряхтя и надрываясь, напрягая все мышцы, Шед мигом вскарабкался на крышу. За пологим и нешироким карнизом круто, градусов под сорок пять, поднимался кверху скат длиной футов в двенадцать, а дальше крыша была плоской. Шед прислонился к крутому скату, задыхаясь и по-прежнему не веря в то, что он

убил человека. Услыхав внизу голоса, он стал бочком продвигаться в сторону.

— Их здесь нету, Крейг! — прокричал чей-то голос.— Ни Ворона, ни Люка, ни Шеда.

— Вот сволочь! Я так и знал, что он меня подставил!

— А Люк-то зачем с ним удрал?

— Откуда мне знать, черт подери? Не стойте столбом! Обшарьте все вокруг. Выясните, как они отсюда выбрались!

— Эй, идите сюда! Кто-то забрался по этой водосточной трубе! Может, они отправились в погоню за Вороном?

— Так чего вы ждете? Быстро наверх! Разыщите их. Люк! Шед!

— Я тут! — отозвался чей-то голос.

Шед застыл на месте. Что за чертовщина? Ворон? Наверняка Ворон, кто же еще?

Он снова начал продвигаться мелкими шажками по карнизу, пытаясь заставить себя забыть, что под ногами тридцать пять футов пустоты, и наконец добрался до края ската, где можно было залезть на плоскую крышу.

— Я тут! Похоже, мы загнали его в угол!

— Все наверх, болваны! — взъярился Крейг.

Лежа недвижно на холодном, заледеневшем гудроне, Шед увидел, как над карнизом выросли две тени и двинулись туда, откуда доносился голос. Металлический лязг и злобные ругательства свидетельствовали о том, какая судьба постигла третьего верхолаза.

— Я локоть вывихнул, Крейг! — пожаловался незадачливый альпинист.

— Вставай! — рявкнул Крейг.— Найдем другой путь на крышу.

«Беги, пока не поздно,— твердил себе Шед.— Беги домой, спрячься и не вылезай, пока все не кончится». Но он не мог. Он съехал на карниз и пополз вслед за Крейговыми гориллами.

Кто-то вскрикнул, зацарапал руками по крыше, пытаясь удержаться, и рухнул во тьму между зданиями. Крейг заорал. Никто не отозвался.

Шед перебрался на соседнюю крышу — плоскую и густо утыканную трубами.

— Ворон! — еле слышно позвал кабатчик.— Это я, Шед!

Он дотронулся до ножа в рукаве, все еще не веря, что пустил его в ход.

Во мгле возникла фигура. Шед сел на крыше, обхватив руками колени.

— Что теперь? — спросил он.

— А ты что тут делаешь?

— Крейг потащил меня с собой. Говорит — если это ловушка, я умру первым.

И Шед рассказал Ворону, что он сделал.

— Ох ты черт! Значит, все-таки собрался с духом!

— Он загнал меня в угол. Ну, что теперь?

— Наши шансы растут. Погоди-ка, дай мне подумать.

Из Бакалейного проезда донесся голос Крейга.

— Сюда! — откликнулся Ворон.— Мы гонимся за ним по пятам! — И обернулся к Шеду: — Не знаю, как долго мне удастся его дурачить. Я собирался перебить их поодиночке, но не думал, что он приведет с собой целую армию.

— Нервы у меня на пределе,— пожаловался Шед.— Я больше не выдержу.

Высота была одной из тысячи вещей, которых он боялся.

— Ну-ну, держись! До конца еще далеко.— Ворон вдруг крикнул: — Да бегите же ему наперерез, где вы там? — И исчез, тихо бросив: — За мной, Шед!

Шед за ним не поспел. Он не был таким проворным, как Ворон.

Над ним нависла чья-то темная фигура. Шед пискнул.

— Это ты, Шед?

Фигура принадлежала одному из Крейговых громил. Сердце у Шеда забилось как бешеное.

— Ага. Ты видел Ворона?

— Нет. Где Люк?

— Черт возьми, он направлялся прямо в твою сторону. Как ты мог не заметить его? Вот, смотри! — Шед показал на взрыхленный снег.

— Слушай, приятель, я его не видел. И не ори на меня, ты не Крейг. Не то я тебе жопу на уши натяну, понял?

— Ладно, ладно. Успокойся. Просто я боюсь и сам себя подбадриваю. Люк, похоже, свалился с крыши. Вон там. Поскользнулся на льду, должно быть. Так что будь поосторожнее.

— Да, я слышал. Хотя по голосу мне показалось, что это Молока. Я мог бы поклясться, что слышал вопль Молоки. На черта мы вообще сюда полезли? Ворон всех нас поскидывает вниз поодиночке. Нужно спуститься на землю и придумать что-нибудь.

— Ну уж нет! Мы должны поймать его сейчас же. Я не хочу, чтобы завтра он напал на меня из-за угла! — Шед сам удивлялся, с какой легкостью вылетает изо рта это вранье. И ругательски ругал про себя громилу, который все никак не поворачивался к нему спиной.— Слушай, у тебя нет с собой запасного ножа?

— Ножа? Для тебя, что ли? Брось! Держись лучше ко мне поближе, Шед. Я за тобой присмотрю.

— Да, конечно. Следы, по-моему, ведут в ту сторону. Давай покончим с ним поскорее.

Громила отвернулся, разглядывая следы Ворона. Шед выхватил нож и с силой ударил. Бандит, издав истошный вопль, покачнулся. Нож сломался. Шед еле удержался на крыше. Жертве его это не удалось. Со всех сторон послышались удивленные крики. Крейг, похоже, наконец-то вывел на крыши всю свою команду.

Когда Шеда перестало трясти, он снова пополз вперед, стараясь припомнить расположение соседних зданий. Ему хотелось спуститься и удрать домой. Пускай Ворон сам расхлебывает эту кашу.

На следующей крыше Шед столкнулся с Крейгом нос к носу.

— Крейг! — тут же заныл он.— Боже мой! Отпустите меня отсюда! Он нас всех перебьет!

— Тебя убью я сам, Шед. Это была западня, верно?

— Нет, Крейг, нет! — Что же делать? Мясницкий нож сломался. Остается только притворяться. Ныть и притворяться.— Вам тоже нужно убираться отсюда, Крейг! Он уже прикончил Люка, Молоку и кого-то еще. Он бы и меня пришил вместе с Люком, да только поскользнулся и упал, а я утек — но

он меня снова поймал, когда я говорил тут с одним из ваших парней. Они сцепились, и кто-то из них свалился с крыши; я не видел кто, но зуб даю, что не Ворон. Пойдемте скорее вниз. Он может наткнуться на нас в любую минуту. Я мог бы прикончить его, но у меня же нет оружия, да и не знали мы, кто к нам приближается: думали, кто-нибудь из своих. Ворон-то не обознается. Для него любой, кого он видит, враг, поэтому ему не приходится осторожничать...

— Заткнись, Шед.

Крейг, похоже, поверил. Шед заговорил еще громче, надеясь, что Ворон услышит его, подкрадется и покончит с Крейгом.

Над крышами прокатился еще один истошный вопль.

— Это Тескус,— сказал Крейг.— Четвертый. Правильно?

— Насколько мы знаем — да,— кивнул Шед.— Но, может быть, кроме нас с вами, вообще никого не осталось. Крейг, мы должны убраться отсюда, пока он нас не засек.

— В чем-то ты, пожалуй, прав. Может быть. Не надо было нам лезть на крыши. Пошли.

Шед засеменил рядышком, продолжая тараторить:

— Это была идея Люка. Он хотел заслужить вашу похвалу. Мы заметили Ворона на верху водосточной трубы, а он нас не видел, ну, Люк и говорит: пошли, мол, догоним его и прикончим, а старина Крейг уж нам...

— Заткнись, Шед. Бога ради, заткнись. Меня тошнит от твоего голоса.

— Да, конечно, господин Крейг. Только я не могу. Я так перепугался...

— Если ты сейчас же не закроешь пасть, я сам заткну ее навеки! Тогда тебе и Ворон будет нипочем.

Шед перестал трепаться. Господь свидетель, он старался сколько мог.

Вскоре Крейг остановился.

— Мы устроим засаду возле его фургона. Он же вернется за повозкой, правда?

— Надеюсь, господин Крейг. Но какой вам от меня-то прок? Сами посудите: оружия у меня нет, а и было бы, так я его в руках держать не умею!

— Заткнись. Да, ты прав. Проку от тебя в засаде мало, Шед. Но, я думаю, ты послужишь хорошей приманкой. Отвлечешь его внимание, заговоришь с ним. А я ударю ему в спину.

— Крейг...

— Заткнись.

Крейг перелез за край карниза и повис, уцепившись за парапет и нащупывая ногами опору. Шед глянул вниз. До земли было три этажа.

Он пнул Крейга по пальцам. Крейг выругался, отдернул руку, попытался ухватиться снова, промахнулся, с воплем полетел вниз и глухо шмякнулся о землю. Сверху он казался неясной тенью, которая подергалась и скоро затихла.

— Я снова убил! — Шеда начало колотить.— Нельзя мне здесь оставаться. Его ребята могут меня найти.

Шед перевалился через парапет и полез по стене здания, как обезьяна, боясь не столько высоты, сколько того, что его поймают.

Крейг еще дышал. Он даже был в сознании, только парализован.

— Ты угадал, Крейг. Это была ловушка. Зря ты загнал меня в угол. Моя ненависть к тебе пересилила даже страх.

Шед огляделся по сторонам. Прошло не так уж много времени, как ему казалось. Погоня по крышам продолжалась совсем недолго. Но где же этот чертов Ворон?

Придется, видно, самому прятать концы в воду. Шед схватил Крейга за ноги и поволок к фургону Ворона. Гангстер завопил. Кабатчик перепугался, как бы кто не вышел посмотреть, в чем дело. Но никто не появился. Котурн есть Котурн.

Когда Шед свалил его в фургон, Крейг снова завопил.

— Ну как, удобно тебе, Крейг?

Следующим он притащил Люка, потом пошел искать другие тела. Нашел еще троих. Ворона среди них не было.

— Если он не появится в ближайшие полчаса,— проворчал себе под нос кабатчик,— я сам их отвезу, и черт с ним.

И тут же подумал: «Что на тебя нашло, Каштан Шед? Какие мысли лезут тебе в голову? Ну хорошо, как выяснилось, не такой уж ты слюнтяй. И что с того? Это не значит, будто ты можешь тягаться с Вороном!»

Послышались чьи-то шаги. Схватив трофейный кинжал, Шед укрылся в тени.

Ворон подтащил к фургону труп.

— Что за черт?!

— Это я их приволок,— пояснил Шед.

— Кого — их?

— Крейга и его парней.

— А я уж решил, что он сбежал. Думал, придется начать все сызнова. Как это произошло?

Шед объяснил. Ворон недоверчиво покачал головой:

— Ты ли это, Шед?

— Наверное, у каждого есть свой предел. Нельзя запугивать человека до бесконечности.

— Верно. Но я никак не ожидал, что ты это поймешь. Ну, Шед, ты меня поразил. Хотя и разочаровал немного тоже. Я сам хотел расправиться с Крейгом.

— Так он еще жив. Слышите, стонет? У него, видно, хребет переломан. Убейте его, если хотите.

— Нет, живой он дороже стоит.

Шед кивнул. Бедный Крейг.

— А остальные где? — спросил он у Ворона.

— Один вроде остался на крыше. А еще один, должно быть, удрал.

— Проклятье! Значит, это еще не конец.

— Мы разберемся с ним потом.

— Конечно, а он тем временем соберет всю банду, и она начнет охотиться за нами.

— Думаешь, они станут рисковать своей жизнью, чтобы отомстить за Крейга? Черта с два. Они передерутся между собой за место главаря. Погоди минуточку. Я притащу того, что на крыше.

— Только поскорее,— сказал Шед.

Наступила реакция. Он выжил. Старина Шед возвращался в свою шкуру, таща за собой все привычные страхи.

По дороге из замка, глядя на розовые и багряные пятна зари, заполнившие провалы между вершинами Воландерских гор, Шед спросил:

— Чего он так орет?

Длинная тварь в капюшоне ужасно обрадовалась и отвалила за Крейга сто двадцать лев. Вопли его были слышны даже здесь.

— Я не знаю. Не оглядывайся, Шед. Делай свое дело да смотри вперед.— Ворон помолчал минуту и добавил: — Я рад, что все это кончилось.

— Кончилось? Что вы имеете в виду?

— Это был мой последний визит.— Ворон похлопал себя по карману.— С меня довольно.

— И с меня тоже. С долгами я расплатился. Отремонтирую «Лилию», мать поселю в отдельной квартирке, и мне еще хватит на всю следующую зиму, даже если дела пойдут не ахти. А про замок забуду, будто его тут и нет.

— Не думаю, Шед. Если хочешь забыть про него, лучше поедем со мной. Как только деньги у тебя выйдут, ты сразу вспомнишь о нем.

— Не могу я никуда ехать. На кого я мать-то брошу?

— Как хочешь. Я тебя предупредил. А что с Азой делать думаешь? Боюсь, ты с ним хлопот не оберешься. Хранители, похоже, настроены искать до тех пор, пока не найдут виновных в ограблении Катакомб. Аза — слабое звено.

— Я с ним справлюсь.

— Надеюсь, Шед. Очень надеюсь.

Исчезновение Крейга наделало шуму в Котурне. Шед прикинулся дурачком, божился, что понятия ни о чем не имеет, несмотря на все сплетни. И добился своего: ему поверили. Все привыкли считать его трусом. А единственный человек, который знал, что это не так, Шеду не противоречил.

Труднее всего было встретиться с матерью. Старая Джун ничего не говорила, но слепые глаза ее смотрели обвиняюще. Под ее взглядом он чувствовал себя подлецом и безбожником, словно в глубине души она уже отреклась от сына. Пропасть между ними стала неодолимой.

Глава 16
Арча. Неприятный сюрприз

Вол зашел за мной, когда собрался в следующую вылазку вниз. Быть может, ему просто надоело одиночество. А среди местных друзей у него не было.

— В чем дело? — спросил я, когда он ввалился в мой крохотный кабинет и по совместительству амбулаторный пункт.

— Надевайте пальто. Мы снова идем в Котурн.

Его рвение заразило меня исключительно по той причине, что Черепичник мне осточертел. Я жалел своих товарищей. Они сидели здесь безвылазно и помирали от скуки.

Итак, мы вышли и направились вниз по склону, мимо Выгородки.

— А что стряслось-то? — спросил я на ходу.

— Да ничего особенного,— ответил Вол.— Возможно, к нам это вообще не имеет отношения. Помните того милашку ростовщика?

— В бинтах?

— Угу. Крейг. Он исчез. Вместе с половиной своих горилл. Похоже, они погрызлись с каким-то парнем и обломали об него зубы. С тех пор их больше не видели.

Я нахмурился. Что тут особенного? Гангстеры вечно исчезают, а потом опять появляются невесть откуда.

— Вот здесь! — Вол показал на кусты, которые росли вдоль стены, опоясывавшей Выгородку.— Здесь наши голубчики пробрались внутрь.— Он махнул в сторону рощицы через дорогу.— А там оставили свои фургоны. Мы нашли свидетеля, который видел это. Он говорит, фургоны были полны дров.

Вол вломился в кусты, встал на четвереньки. Я последовал его примеру, ругаясь про себя, потому что сразу промок. Северный ветер ничуть не улучшал положения.

Внутри Выгородка заросла еще больше, чем снаружи. Вол показал мне несколько дюжин вязанок, найденных в кустах неподалеку от лаза.

— Видно, они перетаскали целую кучу дров.

— Им и нужна была целая куча, чтобы прикрыть тела. А рубили сучья там.

Вол показал на деревья, росшие вверху, ближе к Черепичнику. Замок выглядел как нарисованный на фоне бегущих облаков — серая груда камней, которая развалится при первом же подземном толчке.

Я осмотрел вязанки. Помощники Вола стащили их в одно место и аккуратно сложили в кучку, что вряд ли можно было назвать профессиональным подходом к делу. Дрова, как мне показалось, заготавливали в течение нескольких недель. Некоторые срезы выглядели свежее других. Я сказал об этом Волу.

— Да, я заметил. Дровосеки, судя по всему, делали заготовки регулярно. А потом случайно наткнулись на вход в Катакомбы. И тогда их обуяла жадность.

— Хм.— Я уставился на вязанки.— Думаете, они продавали дрова?

— Нет. Это мы знаем точно. Никто не продавал дрова из Выгородки. Наверное, семья или группа соседей использовала их для собственных нужд.

— А вы проверили владельцев конюшен?

— По-вашему, грабители совсем уж дураки? Кто же станет нанимать фургон, чтобы обчистить Выгородку?

Я пожал плечами:

— Мы ведь рассчитываем на то, что один из них окажется дураком, верно?

— Вы правы,— признал Вол.— Надо будет проверить. Все, увы, осложняется тем, что я единственный, кто не боится спускаться в Котурн. Надеюсь, нам все-таки где-нибудь да повезет. Но если потребуется, я прочешу все конюшни. Когда разгребу более срочные дела.

— Покажете мне то место, где они проникли в Катакомбы? — спросил я.

Первым его побуждением было ответить «нет». Но, подумав, он сказал:

— Это довольно далеко, в часе ходьбы. Я бы лучше хотел по горячим следам разнюхать что-нибудь об исчезновении Крейга.

— Ладно, значит, в другой раз,— кивнул я.

Мы спустились на территорию Крейга и пошли шататься по домам. У Вола еще с детства остались здесь кое-какие знакомцы. Если их уговорить да подмазать парочкой горшей, они

делились кое-какими сведениями. Но мне при откровениях присутствовать не дозволялось. Я убивал время, потягивая пиво в кабачках, где передо мной то виляли хвостом при виде моих денег, то шарахались, как от чумного. Если кто-то спрашивал, я не отрицал, что пришел сюда как инквизитор.

Наконец ко мне присоединился Вол.

— Возможно, все эти сведения ничего не стоят. Слухи ходят разные. Один говорит, что Крейга укокошили его собственные парнишки. А другой считает — это дело рук конкурентов. Крейг довольно нагло вел себя с хозяевами соседних территорий.

Вол принял кружку вина за счет заведения — впервые на моей памяти. Видно, слишком поглощен был своими мыслями.

— Есть, правда, одна зацепка. Можно будет ее проверить. Крейг, говорят, жаждал сквитаться с каким-то чужеземцем, который публично сделал из него посмешище. Кое-кто считает, что чужеземец с ним и расправился.— Вол вытащил какой-то список и начал внимательно его просматривать.— Не думаю, что это нам что-то даст, однако в ночь исчезновения Крейга было много воплей и криков. И ни одного очевидца, разумеется.— Вол усмехнулся.— А ушеслышцы говорят, там была настоящая погоня с бойней. Поэтому я склоняюсь к версии дворцового переворота.

— А что это за список?

— Здесь те, кто мог таскать дрова из Выгородки. Не исключено, что кто-то из них видел там друг друга. Надеюсь узнать что-нибудь интересненькое, сравнив их рассказы.

Вол заказал еще кружку вина. На сей раз он за нее заплатил, и за первую тоже, хотя хозяин на оплате не настаивал. У меня сложилось такое впечатление, что жители Арчи привыкли все давать Хранителям задаром. У Вола просто хватало совести не пользоваться этим, по крайней мере в Котурне. Ему не хотелось осложнять местным обитателям и без того трудную жизнь.

Порой я невольно проникался к нему симпатией.

— Так вы не собираетесь раскручивать дальше дело Крейга?

— А зачем? В том, что тела пропали, нет ничего необычного. Скорее всего, всплывут где-нибудь в реке через пару дней,

если отдали концы. Или начнут мстить, если живы.— Вол ткнул пальцем в одно из имен списка:— Вот. Он тоже ошивается в здешнем районе. Надо потолковать с этим Вороном, пока мы здесь.

Кровь отхлынула у меня от лица.

— С кем?

Вол посмотрел на меня с недоумением. Я заставил себя расслабиться и принять непринужденный вид. Складки на лбу у Вола разгладились.

— С типом по имени Ворон. Тот самый чужестранец, который вроде как повздорил с Крейгом. Он живет в тех же краях, что и один дровосек из моего списка. Пожалуй, надо задать ему парочку вопросов.

— Ворон. Необычное имечко! Что вам известно о нем?

— Только то, что он иноземец и, похоже, изрядный прохвост. Поселился здесь пару лет назад. Типичный бродяга. Околачивается вместе с бандой Кратера.

Кратер и его банда были те самые мятежные беглецы, что обосновались в Арче.

— Могу я попросить вас об услуге? Маловероятно, но этот парень может оказаться тем самым привидением, о котором я говорил вам в прошлый раз. Не лезьте к нему с вопросами. Сделайте вид, что вы не слыхали его имени. Просто составьте мне его словесный портрет и разузнайте, один он живет или с кем-то.

Вол нахмурился. Моя просьба ему явно не понравилась.

— Это важно?

— Не знаю. Может быть.

— Ладно.

— И, если можно, пока сохраните все в тайне.

— Этот парень, как я понимаю, кое-что значит для вас?

— Да, если он тот самый, кого я считал погибшим. У меня к нему есть одно дельце.

— Личное? — улыбнулся Вол.

Я кивнул, пытаясь сообразить, как себя вести. Ситуация была опасной. Если это действительно наш Ворон, необходимо соблюдать предельную осторожность. Я не мог допустить, чтобы он попался в сети расследования. Слишком уж много —

дьявольски много! — он знал. Из-за него половину офицеров и сержантов Отряда могли подвергнуть допросу. А потом прикончить.

Лучше всего, решил я, напустить туману: пускай Вол считает, что Ворон мой старый враг, с которым я жажду повстречаться в темном углу. Но не более.

— Я вас понял,— сказал Вол и посмотрел на меня как-то по-другому, точно обрадовался тому, что я в конце концов такой же, как все нормальные люди.

А я и правда такой же. Хотя люблю порой прикинуться, будто это не так.

— Мне пора в Черепичник,— сказал я ему.— Нужно потолковать с парой приятелей.

— Дорогу найдете?

— Найду. Дайте мне знать, если что-то выясните.

— Ладно.

Мы распрощались. Я помчался вверх по склону со всей прытью, на какую были способны мои сорокалетние ноги.

— Друзья мои, похоже, у нас неприятности,— сказал я, отозвав Ильмо и Гоблина в укромный уголок, где нас никто не мог подслушать.

— А именно? — осведомился Гоблин. Он сгорал от нетерпения с той самой минуты, как увидел меня. Полагаю, видок у меня был маленько взмыленный.

— В Котурне промышляет некий тип по имени Ворон. В прошлый раз, когда мы с Волом ходили в Котурн, там мелькнул какой-то парень, похожий на Ворона. Но тогда я решил, что мне померещилось.

Ильмо с Гоблином тут же занервничали не хуже меня.

— Ты уверен, что это он? — спросил Ильмо.

— Нет. Пока нет. Я рванул оттуда со всех ног, как только услышал имя Ворон. Пускай Вол считает его моим старым врагом, с которым я жажду сквитаться. Он обещал порасспрашивать о парне и составить его словесный портрет. А также разузнать, с ним ли Душечка. Возможно, у меня просто приступ белой горячки, но я хотел, чтобы вы об этом знали. На всякий пожарный.

— А если это и правда он? — сказал Ильмо.— Что тогда делать будем?

— Не знаю. Мы можем здорово влипнуть. Если им случайно заинтересуется Шепот — ну, хотя бы потому, что он путается с местными мятежниками... В общем, сами понимаете.

— Молчун, помнится, говорил, что Ворон собирался слинять в такую даль, где никто его не сыщет,— задумчиво промолвил Гоблин.

— Наверное, он считал, что сбежал достаточно далеко. Мы же почти на краю света.

Именно поэтому я так разволновался. Как раз в таком месте, типа Арчи, по моим представлениям, Ворон и должен был укрыться, если хотел удрать от Госпожи. Дальше бежать было просто некуда, разве только навострившись ходить по воде аки посуху.

— По-моему,— сказал Ильмо,— надо выяснить все в точности, прежде чем впадать в панику. А там решим, что делать. Может, пошлем в Котурн наших ребят?

— Я тоже об этом думал. Даже план для Шепот подготовил — правда, он относился совсем к другому делу. Давайте скажем ей, что займемся его выполнением, а сами пошлем ребят следить за Вороном.

— Кого? — спросил Ильмо.— Ворон узнает любого, кто знает его!

— А вот и нет. Ты можешь послать парней, которые вступили в отряд после битвы при Чарах. И еще Ростовщика для верности. Ворон определенно не помнит новичков, их там была целая куча. А если ты хочешь, чтобы у руля стоял кто-то надежный, пошли туда Гоблина. Пускай зароется в какую-нибудь дыру, где он мог бы скрыться от любопытных глаз, но держать вожжи в своих руках.

— Что скажешь, Гоблин? — спросил Ильмо.

Гоблин нервно усмехнулся:

— Я на все согласен, лишь бы чем-то заняться. У меня в этом дворце скоро мозги заплесневеют. Люди тут все какие-то сдвинутые.

— Соскучился по Одноглазому? — хмыкнул Ильмо.

— Почти.

— Ладно,— сказал я.— Вам понадобится проводник. Им буду, естественно, я. Не хочу, чтобы Вол совал свой нос в это

дело дальше, чем нужно. Но тамошние жители считают, что я из его команды. Поэтому держитесь от меня на расстоянии. И постарайтесь не выдать, кто вы такие. Не осложняйте сами себе жизнь.

Ильмо встал:

— Сейчас позову сюда Шишку и Ростовщика. Отведешь их вниз и покажешь, что к чему. Потом один из них вернется за остальными. Обговори пока все детали с Гоблином.

И он ушел.

Так мы и сделали. Гоблин вместе с шестью солдатами поселился неподалеку от квартала, где ранее царствовал Крейг. Начальству я наплел, что так нужно для дела.

И стал ждать.

Глава 17
Планы дальних странствий

Шед поймал Азу, когда тот пытался юркнуть за дверь.

— Ты что, спятил?

— Мне нужно выйти, Шед. Я здесь с ума сойду.

— Да? А ты не хочешь послушать новости, Аза? Инквизиторы ищут тебя. Вол самолично был здесь на днях и спрашивал о тебе по имени!

Шед слегка преувеличил, конечно. Вол не проявлял особой настойчивости. Однако его появление явно было как-то связано с Катакомбами. Вол со своим корешем шлялись по Котурну почти каждый день и расспрашивали, расспрашивали, расспрашивали. Шеду не улыбалось, чтобы Аза столкнулся с Волом лицом к лицу. Аза либо запаникует, либо расколется при допросе. И в любом случае Каштан Шед очень скоро угодит в самое полымя.

— Аза! Если тебя заловят, мы все покойники.

— Почему?

— Ты тратил те старинные монеты. Они ищут человека, у которого много старых денег.

— Чертов Ворон!

— Что?

— Он отдал проездные деньги мне. Как мою долю. Я богат. А теперь ты говоришь, что меня схватят, если я начну тратить свои деньги!

— Ворон, видно, решил, что ты переждешь, пока уляжется переполох. А он к тому времени слиняет.

— Слиняет?

— Он собирается отплыть, как только откроется гавань.

— И куда он направляется?

— Куда-то на юг. Он об этом не распространялся.

— Что же мне делать? Опять перебиваться с хлеба на воду? Проклятье, Шед! Так нечестно!

— Нет худа без добра, Аза. Зато теперь никто не жаждет твоей крови.

— Ну и что? Зато теперь за мной охотится Вол. С Крейгом я, может, как-нибудь договорился бы. А с Волом хрен договоришься! Так нечестно! Всю свою жизнь...

Шед не слушал его. Он сам слишком часто пел эту песню.

— Что же мне делать, Шед?

— Не знаю. Наверное, затаиться и ждать.— Шеда вдруг осенило: — А что, если тебе на время убраться из Арчи?

— Ну... Что-то в этом есть. Надо полагать, в других местах мои денежки можно будет с толком потратить?

— Не знаю. Я никогда не путешествовал.

— Попроси Ворона зайти ко мне, когда он появится.

— Аза...

— Да ладно тебе, Шед! Я же просто спрошу. Ну, в худшем случае, он мне откажет, и все.

— Дело твое, Аза. Но мне ужасно не хочется, чтобы ты уезжал.

— Ну конечно, Шед. Конечно.— Шед нырнул за дверь, но Аза окликнул его: — Погоди секундочку!

— Да?

— Э-э... Видишь ли... В общем, я ведь тебя даже не поблагодарил.

— За что, Аза?

— Ты спас мне жизнь. Ты же притащил меня сюда, верно?

Шед пожал плечами, кивнул:

— Я не сделал ничего особенного, Аза.

— Нет, сделал, Шед! И я об этом не забуду. Я у тебя в большом долгу.

Шед поспешил вниз, пока его совсем не засмущали. Ворон уже вернулся и по своему обыкновению быстро говорил о чем-то с Душечкой. Опять спорят небось. Нет, они определенно любовники. Черт бы их побрал. Шед подождал, пока Ворон заметит его.

— Аза хочет вас видеть. По-моему, он собирается уехать вместе с вами, если вы не против.

Ворон хмыкнул:

— Это решило бы все твои проблемы, правда?

Шед не стал отрицать, что будет чувствовать себя уютнее, если Аза уедет из Арчи.

— Как вы к этому относитесь?

— Вообще-то идея неплохая. Аза не подарок, но люди мне нужны. К тому же он у меня на крючке. А его отъезд поможет мне замести следы.

— Тогда забирайте его вместе с моим благословением.

Ворон направился к лестнице.

— Погодите! — окликнул его Шед. Он не знал, с чего начать и важно ли это вообще. Но решил все-таки сказать.— В последнее время Вол зачастил в Котурн. Вместе со своим корешем.

— Ну и?

— Ну и, возможно, он уже напал на наш след. Во-первых, он приходил сюда и искал Азу. Во-вторых, он расспрашивал о вас.

Лицо у Ворона застыло.

— Обо мне? Как это?

— Втихаря. Помните Сэл, жену моего двоюродного брата Ферта? Ее брат женат на одной из кузин Вола. Кроме того, у Вола остались здесь старые знакомые, еще с прежних времен, когда он не был Хранителем. Он подчас помогает им, а некоторые из них помогают ему сведениями...

— Общая картина мне ясна. Давай ближе к делу.

— Вол расспрашивал о вас — кто вы, откуда родом, кто ваши друзья и все такое.

— Но зачем?

Шед только плечами пожал.

— Ладно. Спасибо. Я с этим разберусь.

Глава 18
Арча. Дымовая завеса

Гоблин стоял через дорогу, прислонившись к зданию и напряженно глядя на меня. Я недовольно нахмурился. Какого черта он вылез на улицу? Если Вол узнает его, то поймет, что мы ведем двойную игру.

Очевидно, Гоблин хотел мне что-то сказать.

Вол собрался войти в очередную из бесчисленных забегаловок.

— Мне нужно поговорить с одним человеком в проулке, насчет лошади.

— Угу.

Он исчез за дверью. Я скользнул в переулок и помочился. Ко мне подошел Гоблин.

— В чем дело? — спросил я.

— Дело в том, Костоправ, что это он. Ворон. Наш Ворон. И не один, а с Душечкой. Она работает служанкой в кабачке «Железная лилия».

— Чтоб я сдох! — вырвалось у меня.

— Ворон живет там же. Они делают вид, что знакомы не так хорошо, но Ворон за ней присматривает.

— Проклятье! Ну конечно, иначе и быть не могло! Что же нам теперь делать?

— Скорее всего, извернуться и поцеловать себя в зад. На прощание. Этот подлец, похоже, заправляет торговлей трупами. Чем больше мы узнаём, тем больше я в этом уверен.

— Как же ты умудрился Вола-то обставить? Он пока ничего не разнюхал.

— У меня есть ресурсы, которых нет у Вола.

Я кивнул. Что правда, то правда. Порой удобно иметь под рукой колдуна. Но не всегда, особенно если вспомнить об этих сучках в Черепичнике.

— Поторопись,— сказал я.— Иначе он удивится, куда я пропал.

— У Ворона есть фургон и упряжка. Он держит их в другом конце города. Обычно выезжает поздно ночью.

Я опять кивнул. Мы уже установили, что охотники за трупами промышляют в ночную смену.

— Но...— продолжал Гоблин.— Я полагаю, тебе понравится это «но». Однажды он взял фургон среди бела дня. По странному совпадению, как раз в день ограбления Катакомб

— Бог ты мой!

— Я осмотрел его фургон, Костоправ. И нашел там кровь. Довольно свежую. Судя по всему, она появилась там в ту ночь, когда исчез этот процентщик со своими приятелями.

— Ох, блин! Ни фига себе! Мы влипли по самую макушку. Слушай, теперь ты лучше исчезни. Мне нужно еще сочинить какую-нибудь историю для Вола.

— До встречи.

— Ага.

В тот момент я готов был опустить руки и сдаться. Меня переполняло отчаяние. Этот проклятый придурок Ворон — я прекрасно понимал, что он делает. Собирает тугую мошну для побега, продавая трупы и грабя гробницы. Угрызения совести его не мучают. В его мире покойникам не придают такого значения. К тому же у него есть причина: Душечка.

Я никак не мог отделаться от Вола. Мне отчаянно хотелось поговорить с Ильмо, но приходилось брести вслед за инквизитором из одной дыры в другую и задавать вопросы.

Взглянув на северный склон, на черный замок, я подумал, что смотрю на крепость, которую построил Ворон.

Нечего так волноваться, сказал я себе. Улики-то косвенные, не окончательные... Нет, все это ерунда. Улик вполне достаточно. Моих работодателей не волнуют такие юридические тонкости, как стопроцентные доказательства.

Ильмо тоже вышел из себя:

— Мы можем убить его. Тогда он точно ни о чем не проболтается.

— Ты серьезно, Ильмо?

— Не совсем. Но ты знаешь: я сделаю это не колеблясь, если положение станет безвыходным.

— Н-да.

Все мы сделаем это не колеблясь. Во всяком случае, попытаемся. Ворон ведь может и не дать нам себя убить. Такого крутого сукина сына, как он, поискать.

— Знаешь, Ильмо, по-моему, нам нужно найти его и просто сказать, чтобы он убирался из Арчи к чертовой матери.

Ильмо сердито зыркнул на меня:

— Ты что, совсем ничего вокруг себя не замечаешь? Убраться отсюда сейчас можно только по воздуху. Гавань замерзла. Все проходы в горах завалило снегом. По-твоему, нам удастся уговорить Шепот, чтобы она сделала нам одолжение и переправила на ковре одного из местных жителей?

— Двоих местных жителей. Гоблин говорит, Душечка по-прежнему с Вороном.

Ильмо глубоко задумался. Я открыл было рот, но он махнул на меня рукой, требуя тишины. Я ждал. Наконец он спросил:

— Интересно, что он сделает, когда увидит тебя? Если учесть, что он якшается со сбродом Кратера?

Я прищелкнул языком:

— Н-да. Об этом я не подумал. Мне надо кое-что уточнить.

И побежал искать Вола.

— У вас или герцога есть свои люди в банде Кратера? — спросил я его.

— А если и есть? — удивился он.— Что с того?

— Давайте потолкуем с ними. У меня идея. Надеюсь, нам все-таки удастся раскрутить это дело.

Он долго в упор смотрел на меня. Возможно, он был сообразительнее, чем прикидывался.

— Ладно. Только не ждите от них слишком многого. Если повстанцы не отделались от наших людей, то лишь потому, что мы их не трогаем. Они просто собираются вместе и вспоминают о прошлом. Боевой пыл в них давно угас.

— И все же давайте попробуем. Чем черт не шутит! Может, они вовсе не такие невинные овечки, как кажется.

— Дайте мне полчаса.

Через полчаса мы с ним уже сидели в компании двух тайных агентов и по очереди задавали им вопросы, каждый со своей собственной целью.

Агенты не знали Ворона, по крайней мере по имени. Я облегченно вздохнул. Но что-то там было не так, и Вол это сразу учуял. Он терзал их вопросами, пока не выудил все подозрительные подробности.

— Мне пора к начальству,— заявил я.— Думаю, Шепот захочет об этом узнать.

И я изложил ему план захвата. Волу, похоже, он понравился.

— Я поставлю в известность Аргадона. Мне и в голову не приходило, что ограбление может быть делом рук беженцев. Политических. Потому-то, наверное, и монеты в ходу не появились. А может, они и трупы тоже продают?

— Повстанцам всегда нужны деньги,— заметил я.

Мы выступили на следующий вечер, по настоянию Шепот и вопреки возражениям герцога, зато при поддержке главного Хранителя. Герцог по-прежнему не желал, чтобы нас видели в городе. А Хранителям было плевать. Они просто хотели спасти свою репутацию.

Ильмо тихо возник из вечерней тени.

— Готовы? — шепнул он.

Я посмотрел на свою четверку.

— Готовы!

В операции приняли участие все до единого члены Отряда, бывшие в Арче, а также сотрудники тайной полиции герцога и дюжина людей Вола. Какой бы глупой ни казалась мне его работа, я все равно удивился, узнав, как мало народу у него в конторе. Налицо были все подчиненные Вола, кроме одного. Но тот не явился по уважительной причине — он болел.

Ильмо подал сигнал, промычав три раза.

Бывшие мятежники собрались на свое регулярное толковище. Я хихикнул при мысли о сюрпризе, который их ожидает. Они-то надеялись, что от Госпожи их отделяют семь лет плюс пятнадцать сотен миль!

Операция длилась меньше минуты. И прошла без единой жертвы. Они просто тупо смотрели на нас, уронив безвольно руки. Потом кто-то узнал нас и простонал:

— Черный Отряд! В Арче!

— Все кончено,— отозвался еще чей-то голос.— Кончено раз и навсегда. Она победила.

Казалось, их это не очень волнует. Некоторые даже испытывали облегчение.

Мы провернули все так тихо, что в городе никто ничего не заметил. Самый мирный захват в моей жизни. Повстанцев отвели в Черепичник, и Шепот с Пером принялись за работу.

Мне оставалось только надеяться, что никто из мятежников не знает слишком много.

Я все поставил на одну карту, надеясь, что Ворон не рассказал им, кто такая Душечка. Но если моя карта будет бита, то получится, что вместо дымовой завесы я устроил настоящий пожар, в котором погорим мы все.

Поскольку Шепот меня так и не вызвала, я решил, что выиграл.

Глава 19
Арча. Паника

Ворон ввалился в двери «Лилии». Шед изумленно уставился на него. Ворон, задыхаясь, прислонился к дверному косяку. Выглядел он так, будто только что заглянул в глаза собственной смерти. Шед бросил тряпку и поспешил к нему, прихватив с собой глиняную бутыль.

— Что случилось?

Ворон не отрываясь смотрел поверх его плеча на Душечку, которая обслуживала одинокого платежеспособного посетителя. Потом потряс головой, глубоко вздохнул и передернул плечами.

Он был напуган! Святые угодники, этот человек был вне себя от ужаса! Шед ошарашенно застыл. Что могло довести Ворона до такого состояния? Ведь даже черный замок был ему нипочем!

— Идите сюда, Ворон. Сядьте.

Шед взял его за руку. Тот покорно поплелся следом. Шед поймал Душечкин взгляд, знаками велел принести две кружки и еще одну бутыль.

Душечка, едва взглянув на Ворона, позабыла о своем клиенте. Через пару секунд она прибежала с кружками и вином и тут же начала говорить что-то Ворону на пальцах.

Ворон не видел ее.

— Ворон! — свистящим шепотом позвал его Шед.— Возьмите себя в руки, приятель! Что, черт возьми, стряслось?

Взгляд у Ворона наконец стал осмысленным. Он посмотрел на Шеда, на Душечку, на вино. Осушил кружку одним глотком, хлопнул ею по столу. Душечка налила снова.

Забытый посетитель начал выражать недовольство.

— Сам возьми что нужно,— бросил ему Шед.

Клиент оскорбился.

— А не хочешь, так иди к черту! — сказал ему Шед.— Говорите же, Ворон! Мы влипли?

— Э-э... Нет. Не мы, Шед. Я.— Ворон встряхнулся, как пес, выходящий из воды, и посмотрел на Душечку. Ее пальцы начали диалог.

Шед уловил почти все.

Ворон велел Душечке собирать вещи. Им необходимо бежать.

Душечка хотела знать почему.

— Потому что они нас нашли,— сказал ей Ворон.

— Кто? — спросила Душечка.

— Отряд. Он здесь. В Арче.

Душечка, похоже, не встревожилась. Она просто не поверила.

«Отряд? — подумал Шед.— Что еще за Отряд, будь он неладен?»

— Они здесь,— настаивал Ворон.— Я пошел на собрание. Но опоздал. К счастью. Пришел, а там уже все началось. Люди герцога. Хранители. И Отряд. Я видел Костоправа, и Ильмо, и Гоблина. Я слышал, как они окликали друг друга по именам. Слышал, как они упоминали о Шепот и Пере. Отряд в Арче, и две Взятые тоже. Мы должны бежать.

Для Шеда все это осталось сплошной тарабарщиной. Что за Отряд? Почему Ворон так напуган?

— А как вы собираетесь бежать, Ворон? Вы же не сможете выбраться из города. Гавань скована льдом.

Ворон посмотрел на него словно на еретика.

— Успокойтесь, Ворон. Подумайте головой. Я не понимаю, что происходит, но одно могу сказать вам точно: сейчас вы больше похожи на Каштана Шеда, чем на Ворона. Впадать в панику — это занятие для старины Шеда. Помните такого парня?

Ворон выдавил еле заметную улыбку.

— Да, ты прав. Ворон не паникует. Ворон думает головой.— Он криво ухмыльнулся.— Спасибо, Шед.

— Что случилось?

— Скажем так: меня настигло прошлое. Прошлое, с которым я не ожидал столкнуться вновь. Слушай, расскажи-ка мне про того кореша, что шатался тут вместе с Волом. Насколько я слышал, Вол обычно ходит один.

Шед описал человека как мог, хотя помнил его довольно смутно. Все его внимание было тогда приковано к Волу. Душечка повернулась так, чтобы видеть движения Шедовых губ. А потом беззвучно произнесла своими губками одно-единственное слово.

Ворон кивнул:

— Костоправ!

Шед вздрогнул. Прозвище, переведенное Вороном, звучало зловеще.

— Он что-то вроде наемного убийцы?

— Нет,— тихо рассмеялся Ворон.— Вообще-то он врач. И довольно знающий. Но у него есть и другие таланты. Ему, например, достало хитрости, чтобы разыскивать меня под прикрытием Вола. Кто станет обращать на него внимание? Все будут пялиться на проклятущего инквизитора!

Душечка вновь заговорила жестами. Слишком быстро для Шеда, однако он понял главное: она пыталась убедить Ворона, что Костоправ его друг и не стал бы за ним охотиться. Это просто совпадение, что их дорожки пересеклись.

— Никакое не совпадение,— возражал Ворон и вслух, и руками.— Если они не охотятся за мной, тогда что они делают в Арче? И почему здесь две Взятые?

И снова Душечка отвечала чересчур быстро, чтобы Шед мог понять все дословно. Похоже, она утверждала, что если бы некая Госпожа добралась до этого Костоправа или какого-то Молчуна, то Костоправа здесь бы не было.

Ворон глядел на нее добрых пятнадцать секунд, застыв как каменный. Потом осушил еще кружку вина и сказал:

— Ты права. Абсолютно права. Если бы они искали меня, то давно бы поймали. И тебя тоже. Взятые охотились бы за нами всем скопом. Значит, все-таки совпадение. Но самые крутые головорезы Госпожи тем не менее в Арче. И они что-то ищут. Что? И зачем?

Наконец это был прежний Ворон. Хладнокровный, собранный, рассудительный.

— Черный замок! — жестами ответила Душечка.

Сердце у Шеда упало. Ворон несколько секунд смотрел на Душечку, потом перевел взгляд в сторону черного замка — и снова уставился на девушку:

— Почему?

Душечка пожала плечами и сказала руками:

— Потому что в Арче нет больше ничего, что могло бы привлечь сюда Госпожу.

Ворон подумал еще пару минут и обратился к Шеду:

— Шед, я помог тебе разбогатеть? Я вытащил тебя из беды?

— Конечно, Ворон.

— В таком случае теперь твой черед протянуть мне руку помощи. В Арче сейчас мои враги, очень могущественные. Они работают вместе с Хранителем и герцогом и, возможно, прибыли сюда из-за черного замка. Если они прознают, что я здесь, мне придется туго.

Каштан Шед ел досыта и спал в тепле. Мать его была пристроена. У него не осталось долгов, ничто не угрожало его жизни. Всем этим он был обязан человеку, сидевшему напротив. Правда, ему же он был обязан и муками совести, но их он Ворону уже простил.

— Говорите. Я сделаю все, что смогу.

— Ты поможешь не только мне, но и себе тоже, если их интересует черный замок. Себе, мне и Азе. Ограбление Катакомб было ошибкой. Ну да ладно. Я хочу, чтобы ты выяснил, насколько возможно, что творится в Черепичнике. Если нужны будут деньги на подкуп, скажи мне. Я заплачу.

— Конечно,— пробормотал озадаченно Шед.— А вы не могли бы рассказать мне побольше?

— Когда узнаю, тогда расскажу. Душечка, собирай вещи! Мы должны исчезнуть.

Тут Шед запротестовал — впервые за весь день:

— Эй! Что это вы надумали? Как же я без нее управлюсь с таверной?

— Возьми к себе ту девушку, Лизу. Или своего двоюродного братца. Это не мое дело. Мы должны исчезнуть.

Шед нахмурился.

— Они охотятся больше за ней, чем за мной,— сказал Ворон.

— Она же еще ребенок!

— Шед!

— Слушаюсь, сударь. Как мне связаться с вами, сударь?

— Не надо со мной связываться. Я сам тебя найду. Пошли, Душечка. Там, в Черепичнике, Взятые.

— Кто такие Взятые? — спросил Шед.

— Если ты веришь в своих богов, Шед, молись им, чтобы тебе никогда не пришлось об этом узнать. Да покрепче молись! — И когда Душечка вернулась со своими скудными пожитками, Ворон добавил: — Поедем лучше вместе со мной, Шед! Здесь назревают кое-какие события, которые тебе вряд ли понравятся.

— Мне нужно заботиться о матери.

— Ты все-таки подумай как следует, Шед. Я знаю, о чем говорю. Я сам работал на этих людей.

Глава 20
Арча. Тень Властелина

Ворон как сквозь землю провалился. Даже Гоблин не мог взять его след. Шепот с Пером обрабатывали пленников, пока не вычерпали их до донышка, но никаких сведений о нашем старом друге у повстанцев не было. Вероятно, Ворон общался с ними под псевдонимом.

Почему же он не воспользовался им в Котурне? Глупость? Гордость? Насколько я помню, гордости у Ворона навалом.

Ворон — имя не более настоящее, чем Костоправ. Но так мы звали его, когда служили вместе. Никто, кроме Капитана, не знал настоящего имени Ворона. Когда-то он был состоятельным человеком в Опале. Это я знал. Он стал заклятым врагом Хромого после того, как тот использовал жену Ворона и ее любовников, чтобы отнять у него все права и титулы. Это я тоже знал. Но я понятия не имел, кем он все-таки был, прежде чем стал солдатом Черного Отряда.

Я боялся говорить Капитану о том, что нам удалось разнюхать. Он любил Ворона. Они двое были как братья. Капитан, должно быть, сильно переживал, когда Ворон дезертировал из Отряда. Он будет переживать еще сильнее, когда узнает, какими делами занимался в Арче его друг.

Шепот собрала нас, чтобы объявить результаты допросов.

— Рано праздновать победу, господа,— резко сказала она.— Все эти люди, за исключением одного или двух, просто болтуны. Мы выбили из них боевой дух под Чарами. Но мы узнали, что черный замок действительно скупает трупы. Его обитатели не брезгуют даже живыми людьми. Двое наших пленников продавали им мертвецов, собирая деньги на восстание.

Мысль о торговле трупами была омерзительной, но не такой уж пугающей. Я не мог понять, зачем нужны обитателям замка покойники.

— Мятежники не принимали участия в грабеже Катакомб,— продолжала Шепот.— И вообще, они для нас не представляют никакого интереса. Мы передадим их Хранителям: пускай делают с ними что хотят. А вы, господа, вернетесь в город и продолжите копать.

— Прошу прощения, мадам? — спросил Ильмо.

— Кто-то в Арче снабжает трупами черный замок. Найдите его. Так хочет Госпожа.

Ворон, подумал я. Не иначе как Ворон. Больше некому. Да, мы обязаны найти этого сукина сына! И вышвырнуть из города — или убить.

Вы должны понять, что значит для нас Отряд. Он для нас и отец, и мать, и вся наша семья. Кроме него, у нас ничего больше нет. Если Ворона поймают, это убьет семью, и в прямом смысле, и в переносном. Госпожа разгонит остатки Отряда, после того

как пропустит нас через мясорубку за то, что не донесли вовремя на Ворона.

— Нам было бы легче,— сказал я, обращаясь к Шепот,— если бы мы знали, с чем имеем дело. Трудно принимать что-либо всерьез, когда тебе ни черта не объясняют. В чем суть проблемы? Да, замок довольно странненький, я согласен. Но нам-то что до него?

Шепот, похоже, задумалась. Несколько секунд глаза ее были совершенно пустыми. Она докладывала высшему начальству. Вступила в контакт с Госпожой. Вернувшись, она сказала:

— Корни черного замка — в Курганье.

Мы навострили уши.

— Что? — Я внезапно охрип.

— Черный замок — это лазейка Властелина, через которую он хочет вырваться на волю. Когда замок достигнет определенной величины и будут созданы соответствующие условия, твари, населяющие замок и преданные Властелину душой и телом, вызволят его из Великого Кургана. Здесь.

Кто-то недоверчиво заворчал. Это казалось невероятным, несмотря на все виданные нами чудеса и колдовские штучки.

— Он предвидел поражение, которое нанесет ему Белая Роза, однако не сумел предвидеть предательство Госпожи,— продолжала Шепот.— Еще до падения Владычества он начал подготавливать свое возвращение. Он послал сюда своего верного сторонника с семечком черного замка. Но что-то у них не вышло. Властелин не собирался ждать так долго. Возможно, он не знал о том, что в Арче принято сохранять мертвецов. Кстати, чего они ждут? Судна, которое перевезет их в рай?

— Грубо говоря, да,— сказал я.— Я изучал их обычаи, но все равно они для меня темный лес. Продолжайте, пожалуйста. Значит, Властелин выскочит здесь и нападет на нас?

— Не выскочит, если нам удастся его остановить. Но не исключено, что мы явились сюда слишком поздно. Этот торговец трупами — если мы не схватим его как можно скорее, будет действительно слишком поздно. Портал почти готов к открытию.

Я посмотрел на Ильмо. Он — на меня. Бог ты мой, подумал я. Знал бы Ворон, что он делает... Я по-прежнему не дер-

жал на него зла. Он поступал так ради Душечки. Он не мог знать о том, что работает на руку Властелину. Уж настолько-то совести у него бы хватило. Он нашел бы какой-нибудь другой способ... На кой черт ему понадобилась такая прорва денег, кто бы мне объяснил!

Мы должны были найти его. Больше нам ничего не оставалось. Отныне, что бы мы ни делали, нашей главной целью будет убрать отсюда Ворона — ради спасения Отряда.

Я глянул на Ильмо. Он кивнул. Начиная с сегодняшнего дня мы будем бороться за жизнь своей семьи.

Где-то, как-то Ворон почуял опасность. Гоблин заглянул под каждый камушек в Котурне, наблюдал за каждым переулком, практически поселился в «Железной лилии», и все без толку. А время мчалось вперед. Надвигался теплый сезон. И мы все больше впадали в панику.

Глава 21
Арча

Ворон отплыл вскоре после открытия навигации на внешнем канале. Шед отправился попрощаться с ним — и только тут узрел, во что превратились вклады Ворона в судоходство. Ворон построил себе корабль и набрал команду. Настоящий новенький корабль — такого большого судна Шед отродясь не видывал. «Не удивительно, что ему потребовалось целое состояние,— подумал хозяин таверны.— Интересно, сколько трупов ушло на постройку такой махины?»

Домой он вернулся в каком-то оцепенении. Налил себе вина, сел, уставился в пустоту.

— Ворон был потрясающий парень,— пробормотал Шед.— Но я рад, что он убрался отсюда и Азу с собой прихватил. Может, теперь наконец все войдет в нормальную колею.

Шед купил домик неподалеку от Выгородки и поселил там свою мать с прислугой, избавившись таким образом от ее злобного слепого взгляда.

В «Лилии» каждый день трудились ремонтники. Они мешали бизнесу, но торговля все равно шла бойко. В гавани царило оживление. Работы хватало для всех желающих.

Шед не сумел справиться с достатком. Он потакал всем своим желаниям, накопившимся за время бедности. Разорялся на богатые одежды, которые не осмеливался носить. Посещал места, доступные одним лишь богачам. И покупал внимание прекрасных женщин.

А женщины стоят ой как дорого, когда выдаешь себя за представителя высшего общества.

Как-то Шед в очередной раз направился к своей потайной шкатулке и обнаружил, что она пуста. Как он мог истратить такую кучу денег? На что? Ремонт «Лилии» еще не закончен. Он должен заплатить рабочим. Он должен заплатить прислуге, ухаживающей за матерью. Проклятие! Неужели он снова нищий?

Нет, не может быть. Есть ведь еще доходы от таверны.

Шед рванул по лестнице вниз, к своему рабочему денежному ящику, открыл его и с облегчением вздохнул. Все свои траты он оплачивал из шкатулки, хранившейся в спальне.

Однако что-то тут не так. В ящике должно быть гораздо больше...

— Эй, Ферт!

Двоюродный брат взглянул на него, поперхнулся и бросился за дверь. Ошеломленный, Шед побежал за ним и увидел, как Ферт исчезает в проулке. Тут горькая правда ударила ему в голову.

— Сволочь! — завопил он.— Сволочь, ворюга проклятый!

Вернувшись, Шед попытался прикинуть, на каком он свете.

Через час он велел ремонтникам закругляться. Потом, оставив свою новую служанку Лизу присматривать за таверной, начал обход поставщиков.

Ферт нагрел его капитально. Он делал закупки в кредит, а денежки прикарманивал. Шед покрывал долги, и тревога его все росла по мере истощения ресурсов. Когда в кармане осталась пара медяков, Шед вернулся в «Лилию» и начал инвентаризацию.

Слава Богу, Ферт хотя бы не продал продукты, взятые в кредит. Запасов в таверне было вдоволь.

Да, но как же быть с матерью?

За дом уже уплачено. Это плюс. Однако без обслуги старушке не обойтись. А он не мог заплатить людям жалованье. И брать ее обратно в «Лилию» тоже не хотел. Нужно продать все эти дорогие тряпки. Он выкинул на них целое состояние, а носить все равно не носил. Шед занялся подсчетами. Да. Денег, вырученных за тряпки, хватит, чтобы обеспечить мать до следующего лета.

Не будет больше ни одежды, ни женщин, ни ремонта в «Лилии»... Может, Ферт не успел еще все прокутить?

Найти Ферта оказалось нетрудно. Два дня он провел в бегах, а на третий вернулся к семье. Он надеялся, что Шед спустит ему растрату с рук. Он не знал, что имеет дело с новым Шедом.

Хозяин таверны вломился в крохотную однокомнатную квартирку двоюродного брата и с треском хлопнул дверью.

— Ферт!

Ферт заскулил. Жена и дети засыпали Шеда вопросами, но он отмахнулся от них.

— Ферт, гони монету! Все до последнего медяка!

Жена Ферта заступила ему дорогу:

— Успокойся, Каштан. В чем дело?

— Ферт! — Ферт забился в угол.— Уйди с дороги, Сэл! Он украл у меня без малого сотню лев! — Шед схватил брата и потащил к двери.— Отдавай деньги, ворюга!

— Шед!..

Кабатчик пихнул его в спину. Ферт покачнулся, упал и кубарем скатился по лестнице на целый пролет. Шед бросился за ним и швырнул его в следующий пролет.

— Пожалуйста, Шед...

— Где деньги, Ферт? Мне нужны мои деньги!

— У меня их нету, Шед. Я их потратил. Честное слово! Детишкам нужна была одежда. И кушать тоже что-то надо. Я не мог удержаться, Шед. У тебя было так много... Ты же нам родня, Шед. Ты должен был помочь нам.

Шед вышвырнул его на улицу, пнул по яйцам, потом заставил встать и начал хлестать по щекам.

— Где они, Ферт? Ты не мог потратить столько! Черт возьми, твои дети ходят в лохмотьях! Я платил тебе достаточно,

чтоб ты мог их одеть. Потому что ты мне родня. Отдай деньги, которые украл!

Все больше распаляясь, Шед потащил двоюродного брата к «Лилии». Ферт стенал и молил о пощаде, но не сознавался. По прикидкам Шеда, братец обчистил его лев на пятьдесят с лишком — их вполне хватило бы, чтобы завершить ремонт таверны. Это вам не какая-то мелкая кража. Яростные удары сыпались на Ферта дождем.

Шед загнал свою жертву за «Лилию», подальше от любопытных глаз.

— А теперь, Ферт, я тебе выдам по-настоящему.

— Шед, я умоляю тебя...

— Ты обокрал меня и вдобавок врешь как сивый мерин. Я мог бы простить, если б ты воровал ради семьи. Но это не так. Говори! Или гони деньгу обратно!

Он еще раз с силой врезал Ферту. Кулаки у Шеда распухли от ударов, и гнев его начал понемногу униматься. Но Ферт внезапно раскололся:

— Я проиграл их, как последний дурак. Но я был абсолютно уверен, что выиграю. Они меня надули. Эти жулики уверяли, будто я вот-вот выиграю по-крупному, а потом приперли к стенке, и мне не оставалось ничего другого, как украсть. Иначе они убили бы меня. Я занял у Гилберта, рассказав ему, как хорошо у тебя идут дела...

— Проиграл? Занял у Гилберта? — ошарашенно пробормотал Шед. Гилберт захватил бывшую территорию Крейга и был не лучше своего предшественника.— Как ты мог сделать такую глупость?

Гнев охватил Шеда с новой силой. Он схватил доску из кучи деревянных обломков, оставленных для растопки, и шарахнул Ферта по голове. Потом еще раз. Ферт свалился на землю и перестал защищаться от ударов.

Кабатчик застыл на месте, внезапно отрезвев. Ферт не двигался.

— Ферт! Ферт! Эй, Ферт! Скажи что-нибудь...

Тот молчал.

Внутри у Шеда все сжалось. Он засунул доску обратно в кучу.

— Нужно занести эти деревяшки внутрь, пока их не растащили,— пробурчал он и схватил двоюродного брата за плечо:— Вставай, Ферт! Я больше не буду тебя бить.

Ферт не шелохнулся.

— Ох, черт,— пробормотал Шед.— Я убил его!

Теперь всему конец. Что же делать? Правосудие в Котурне было неправедным, зато безжалостным и скорым на расправу. Его повесят, как пить дать.

Он оглянулся в поиске очевидцев. Вроде никого. В голове замельтешили сотни мыслей. Выход есть! Нет тела — нет и доказательств преступления. Правда, он ни разу еще не ездил в замок один.

Шед торопливо оттащил Ферта к куче и забросал досками. Чтобы поехать в черный замок, нужен амулет. Где он? Шед бросился в «Лилию», взлетел по лестнице, нашел висюльку, рассмотрел ее внимательно. Все правильно, две переплетенные змеи. На диво тонкая, искусная работа. Крохотные рубины, заменявшие змеям глаза, зловеще вспыхнули в лучах полуденного солнца.

Шед сунул амулет в карман. «Возьми себя в руки, Шед,— велел он себе.— Если раскиснешь, тебе каюк!»

Сэл заявит о пропаже супруга не раньше чем через несколько дней. Времени, стало быть, полно.

Ворон подарил ему свой фургон с упряжкой. Но Шед даже не подумал заплатить за аренду стойла. Может, мулы уже проданы? Если так, дело плохо.

Прихватив все оставшиеся деньги, Шед оставил таверну на Лизино попечение.

Владелец конюшни мулов не продал, но животные сильно отощали. Шед выругал хозяина.

— По-вашему, сударь, я должен кормить их за свои денежки?

Шед обругал его снова и заплатил долг.

— Накорми их,— велел он.— И запряги часам к десяти.

Весь день Шед не находил себе места. Вдруг кто-нибудь найдет случайно Ферта? Но тяжкая поступь закона так и не нарушила покой таверны. Как только стемнело, Шед крадучись пошел к конюшне.

Все время по пути к замку он то терзался страхами, то прикидывал, на сколько потянет братец. И сколько можно выручить за фургон с упряжкой. Раньше он как-то забыл включить их в расчеты.

Он должен будет помочь семье Ферта. Просто обязан, хотя бы приличия ради. Ох, опять иждивенцы на его голову!

Наконец перед ним оказались черные ворота. Замок, украшенный невиданными монстрами, выглядел по-прежнему ужасно, но, похоже, ничуть не вырос с прошлого раза. Шед, похолодев от ужаса, постучал, как это делал Ворон. В левой руке он сжимал амулет.

Ну чего они там копаются? Он постучал снова. Ворота распахнулись так внезапно, что он вздрогнул. Подбежал обратно к фургону, тронул мулов.

Под арку он въехал в точности как Ворон, не глядя по сторонам. Остановился на том же месте, слез с сиденья, вытащил из фургона Ферта.

Несколько минут никто не появлялся. Шед нервничал все больше, жалея о том, что не прихватил с собой оружие. Какая у него гарантия, что твари, живущие в замке, не набросятся на него? Этот глупый амулет?

Что-то шевельнулось во тьме. У Шеда перехватило дыхание.

Нечисть, выступившая из тени, была короткой и толстой и излучала презрение. Даже не взглянув на Шеда, она тщательно обследовала труп. Шед чувствовал себя беспомощным, как обыватель, неожиданно попавший во власть мелкого чиновника. Но хозяин таверны знал, как вести себя в подобных случаях: непробиваемое спокойствие и никаких признаков раздражения. Он стоял не шевелясь и ждал.

Тварь наконец швырнула к ногам Ферта двадцать пять монет.

Шед поморщился, но деньги поднял. Залез обратно на сиденье, развернул фургон и направил мулов к воротам. Только там он осмелился выразить свое недовольство:

— Труп был первоклассный. В следующий раз заплатишь больше, или следующего раза вообще не будет. Н-но-о!

И выехал за ворота, изумленный собственным безрассудством.

Спускаясь вниз по склону, он запел. Настроение было отличное. Если не считать быстро тающего чувства вины перед Фертом — подонок получил по заслугам,— Шед был абсолютно доволен жизнью. Свобода и безопасность, никаких долгов, а теперь еще и денежки будут про запас! Он вернул мулов в конюшню, разбудил хозяина и заплатил за четыре месяца вперед.

— Позаботься как следует о моих животных,— важно заявил он.

Представитель районного магистрата появился на следующий день. Его интересовало исчезновение Ферта. Сэл донесла о драке.

— Да, я вытряс из него душу,— признался Шед.— Но я не знаю, куда он девался. Просто слинял, должно быть. Я бы на его месте тоже слинял, если б довел кого-нибудь до бешенства, как он довел меня.

— Из-за чего началась драка?

Шед поломался, делая вид, что никому не хочет причинять неприятностей, но в конце концов сказал:

— Он работал на меня. А потом украл мои деньги, чтобы расплатиться с карточными долгами. Можете проверить моих поставщиков. Они расскажут, как он делал закупки в кредит. А мне говорил, будто платит наличными.

— Сколько он украл?

— Точно сказать не могу,— ответил Шед.— Пятьдесят с лишним лев — всю мою выручку за лето, даже больше.

Следователь присвистнул:

— Неудивительно, что вы так разозлились.

— Да уж. Я не попрекнул бы его, возьми он деньги, чтобы помочь семье. У него целая орава ребятишек. Но проиграть... Черт побери, я рассвирепел. Я занял денег, чтобы отремонтировать таверну, причем под большие проценты. Мне за всю зиму их теперь не выплатить, а все потому, что этот подонок не сумел удержаться от игры. Я и сейчас не могу ручаться, что не сверну ему шею.

Классно сыграно! Похоже, он справился со своей ролью.

— Хотите подать официальную жалобу?

Шед сделал вид, будто колеблется:

— Он все-таки мой родственник. Двоюродный брат.

— Я бы за такие штучки родному отцу шею свернул.

— Н-да. Ладно. Я подам заявление. Только не вешайте его сразу. Может, он отработает или вернет хоть часть. Кто его знает, он ведь мог и наврать, что спустил все до герша. Ему соврать — раз плюнуть.— Шед покачал головой.— Он время от времени подрабатывал у нас в таверне еще тогда, когда был жив мой отец. Вот уж не думал я, что Ферт способен на такую подлость.

— Ну, вы же знаете, как это бывает. Влезаешь в долги все больше и больше, стервятники кружат над тобой, и ты готов на все, лишь бы спасти свою шкуру. Мы с подобными случаями сталкиваемся сплошь да рядом.

Шед кивнул. Он знал, как это бывает.

Когда чиновник из магистрата удалился, Шед бросил Лизе:

— Я ухожу.

Он хотел напоследок кутнуть, перед тем как окунуться в серые будни.

Шед купил самую искусную и самую прекрасную женщину, какую только сумел найти. Стоила она кучу денег, но она их действительно стоила. Шед вернулся в «Лилию», мечтая о том, чтобы жить так всегда. Всю ночь ему снилась эта женщина.

А спозаранок его разбудила Лиза:

— Там какой-то человек хочет вас видеть.

— Кто такой?

— Он не представился.

Шед с проклятиями вылез из-под одеяла, даже не пытаясь прикрыть наготу. Не раз уже он намекал Лизе, что ей следовало бы расширить круг своих обязанностей. Но она словно не замечала. Надо бы как-то ее обратать... Нет, пора взяться за ум. Он просто зациклился на сексе. Того и гляди, его самого кто-нибудь обратает.

Он спустился в зал. Лиза показала ему на какого-то незнакомца.

— Вы хотели меня видеть?

— Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Тяжелый случай. Хотя... Он никому уже не должен. И врагов у него нет.

— А в чем дело?

— Давайте поговорим о вашем двоюродном брате. О том самом, что исчез вовсе не так, как люди думают.

У Шеда заныло в кишках. Но он не выдал своего смятения.

— Я вас не понимаю.

— А если кто-то видел, что произошло?

— Пойдемте на кухню.

Незнакомец выглянул наружу через кухонную дверь:

— Как бы кто не подслушал ненароком!

И в подробностях изложил Шеду обстоятельства гибели Ферта.

— Кто наплел вам такие небылицы?

— Я сам видел.

— Во сне, наверное. Травки накурившись.

— А ты покруче, чем я слыхал. Вот что, дружок: у меня бывают провалы в памяти. Иногда я кое-что забываю. Все зависит от того, как со мной обращаются.

— Ага. Начинаю понимать. Речь идет о плате за молчание.

— Совершенно верно.

Мысли в голове у Шеда заметались, как испуганные мыши. Он не мог позволить себе платить вымогателю. Нужно срочно придумать другой выход. Но ничего путного в голову не приходило. Этот мерзавец застал его врасплох. Шеду нужно было время, чтобы взять себя в руки.

— Сколько?

— Лева в неделю — и ты покупаешь первоклассную амнезию.

Шед вытаращил глаза. Сплюнул. И промолчал.

Шантажист развел руками:

— У меня свои проблемы. И расходы тоже. Лева в неделю. Иначе пеняй на себя.

В мыслях у Шеда замаячил образ черного замка. Низость и вероломство, гнездившиеся в его душе, ухватились за этот об-

раз, ворочая его так и сяк, взвешивая перспективы. Убийство больше не пугало Каштана Шеда.

Но не теперь. Не здесь.

— Как мне с вами расплатиться?

— Просто дай мне леву,— ухмыльнулся вымогатель.

Шед принес на кухню ящичек с деньгами.

— Вам придется взять медью. У меня нет серебряных денег.

Ухмылка шантажиста стала еще шире. Он был доволен. Чем?

Когда незнакомец ушел, Шед обратился к Лизе:

— Лиза, у меня есть для тебя работенка. За деньги. Проследи за этим человеком. Выясни, куда он пойдет.— Шед протянул ей пять гершей.— Еще пять получишь, когда вернешься, если разузнаешь что-нибудь.

Лиза исчезла как молния — только юбки взметнулись.

— Он довольно долго шлялся по улицам,— докладывала Лиза,— как будто время хотел убить. Потом пошел по Парусной к этому одноглазому процентщику.

— Гилберту?

— Во-во. Гилберту.

— Спасибо тебе,— задумчиво протянул Шед.— Большое спасибо. Это проливает на всю историю немного света.

— Стоит он пяти гершей?

— Конечно. Ты хорошая девушка.

Отсчитывая монеты, он не утерпел и сделал ей недвусмысленное предложение.

— Мне деньги нужны, но не настолько, господин Шед.

Хозяин таверны вернулся на кухню и начал готовить ужин. Итак, за вымогателем стоит Гилберт. Чего он добивается? Хочет зажать его в финансовые тиски? Но зачем?

Из-за «Лилии», конечно. А зачем иначе? Ремонт и модернизация таверны сделали ее еще более лакомым кусочком.

Итак, предположим, что Гилберт открыл кампанию по захвату «Лилии». Значит, надо бороться. Но на сей раз никто не придет ему на выручку. Он может рассчитывать только на себя.

Три дня спустя Шед навестил знакомого, который промышлял в самом нижнем конце Котурна. За вознаграждение знакомый назвал ему имя. Шед посетил названного человека и оставил у него две серебряные левы.

Вернувшись в «Лилию», он попросил Лизу пожаловаться своим любимым завсегдатаям, что Гилберт-де пытается выжить ее хозяина, распуская лживые слухи и прибегая к угрозам. Шед хотел заранее посеять в магистрате подозрения против любых будущих обвинений в свой адрес.

Утром, когда настало время очередного платежа, кабатчик предупредил Лизу:

— Меня не будет весь день. Если кто спросит, скажи, что я вернусь после ужина.

— Человеку, за которым я следила, тоже?

— Ему в первую очередь.

Сначала Шед просто шатался по городу, убивая время. Но мужество с каждым часом покидало его. Что-нибудь наверняка пойдет не так. Гилберт жестоко ему отомстит... Нет, он не посмеет. Это подорвет его репутацию. Сплетня, пущенная Шедом, его же и защитит. Люди переметнутся к другому ростовщику, если Гилберт начнет уж очень зарываться.

Шед нашел себе женщину. Стоила она слишком дорого, но зато заставила его забыться. На время. Он вернулся в «Лилию» на закате.

— Приходил? — спросил он Лизу.

— И еще придет. Недоволен был — страсть! Боюсь, он придет сердитый, господин Шед.

— Ничего, переживем. Я пойду на двор, дровишек наколю.— Шед подозрительно взглянул на посетителя, которого ни разу здесь не видел. Тот кивнул и вышел через переднюю дверь.

Шед колол дрова при свете лампы, то и дело вглядываясь во тьму. Вроде никого. Он молился про себя, чтобы дело не сорвалось.

Шантажист влетел во двор через кухонную дверь:

— Скрываешься от меня, Шед? А знаешь, что с тобой будет, если вздумаешь меня надуть?

— Скрываюсь? О чем вы, помилуйте! Вот он я!

— Ты весь день где-то шляешься, а девчонка твоя грубит и норовит выставить меня за дверь. Мне пришлось чуть не колотушками выбивать из нее признание, что ты во дворе.

«А девочка подходит к делу с выдумкой. Интересно бы узнать, о чем она подозревает»,— подумал Шед.

— Кончай этот спектакль,— сказал он.— Ты хочешь денег, а я хочу поскорее избавиться от лицезрения твоей отвратной рожи. Ну так давай займемся делом.

— Ишь, какой борзый! — изумился шантажист.— А мне говорили, ты самый большой трус в Котурне.

— Кто говорил? На кого ты работаешь? Выходит, ты у нас не свободный художник?

Вымогатель прищурился на него, осознав свою ошибку.

Шед вытащил горсть мелочи. Считал, считал, пересчитывал, потом сунул пару монеток в карман.

— Подставляй грабли.

Шантажист протянул вперед ладони, сложенные в пригоршню.

Шед и не думал, что все получится так просто. Он бросил монеты и схватил вымогателя за запястья.

— Эй! Ты что, рехнулся?

Рука, появившаяся сзади, зажала ему рот. Из-за плеча он увидел чье-то искаженное от напряжения лицо. Шантажист встал на цыпочки, выгибаясь назад. Глаза его округлились от страха и боли, потом закатились. Он обмяк и ничком рухнул на землю.

— Отлично. Замечательно. А теперь убирайся,— сказал Шед.

Торопливые шаги быстро стихли во тьме.

Шед оттащил тело в тень, поспешно забросал дровами и, встав на четвереньки, принялся собирать мелочь. Нашел все, кроме двух монет.

— Что вы делаете, господин Шед?

Он вскочил:

— А ты что тут делаешь?

— Я пришла посмотреть, все ли у вас в порядке.

— Все нормально. Мы поссорились. Он выбил у меня из рук несколько монет. Никак не могу их найти.

— Подсобить?

— Иди за стойку, девочка. Иначе нас обворуют начисто.

— Да. Конечно.

Лиза скрылась за дверью. Шед поискал еще, но через пару минут сдался. Он найдет их завтра утром.

Шед весь издергался, ожидая, когда придет пора закрывать таверну. Лиза чересчур любопытна. Он боялся, как бы она не пошла искать монеты и не наткнулась на труп. Ему не хотелось брать на душу еще один грех.

Две минуты спустя после закрытия Шед выскользнул через заднюю дверь и поспешил за фургоном.

На сей раз дежурила прежняя длинная тварь. Она заплатила Шеду тридцать монет. Но когда он разворачивал мулов, недовольно спросила:

— Почему вы приезжаете так редко?

— Я не такой искусный, как мой партнер.

— А куда он делся? Мы по нему соскучились.

— Он уехал из города.

Шед мог поклясться, что слышал, как хихикнула эта гадина, когда он выезжал за ворота.

Глава 22
В тенетах страха

Прошло много времени, но ничего не происходило. Взятые были недовольны. Ильмо тоже. Он затащил меня в свои апартаменты.

— Костоправ! Куда, к чертям, подевался Ворон?

— Не знаю,— ответил я.

Можно подумать, его одного это волнует! У меня самого с каждым днем душа все глубже уходила в пятки.

— Я хочу знать. И как можно скорей.

— Слушай, старик! Гоблин сделал все, что мог, разве что к пыткам не прибегал, стараясь нащупать его след. Но Ворон испарился бесследно. Как-то, видно, узнал, что мы здесь.

— Как? Можешь ты сказать мне — как? Мы торчим здесь уже полжизни, но никто внизу и не догадывается. Почему же Ворон об этом пронюхал?

— Потому что мы ходили по городу и искали его. Он, наверное, засек кого-нибудь из нас.

— Если он засек, я хочу знать это наверняка. Пойдешь вниз и вставишь Гоблину в задницу фитиль. Понял?

— Слушаюсь. Как скажете, начальник!

Хотя Ильмо командовал авангардом, по званию я выше его. Но мне не хотелось качать права. Атмосфера и так была слишком гнетущей.

Весь Черепичник пребывал в каком-то подавленном состоянии, причины которого я понимал лишь отчасти. Взятые изучали черный замок, оставляя меня на задворках. Я был для них просто курьером, мальчиком на побегушках, доставляющим из города информацию. У меня не было ни малейшего представления о том, что они обнаружили в ходе непосредственного исследования замка. Я не знал даже, предприняли ли они такое исследование,— возможно, они затаились, опасаясь, что Властелин почует их присутствие.

Один из солдат нашел меня в комнате Ильмо:

— Шепот вызывает тебя, Костоправ.

Я вскочил как ужаленный. Вот что значит нечистая совесть.

— Зачем?

Я не видел Шепот уже несколько недель.

— Там узнаешь. Она не сказала.— Он усмехнулся, предвкушая, как от офицера полетят пух и перья. Ему казалось, что мне не миновать головомойки.

Да, ему явно так казалось; впрочем, мне тоже. Я тянул сколько мог, но в конце концов явился на ковер. Шепот сверкнула на меня гневным взглядом:

— Вы, ребята, ни хрена внизу не разузнали. Чем вы там занимаетесь? Дурака валяете? Отпуск себе устроили? Ну, говори!

— Я...

— Ты знаешь, что черный замок перестал расти после захвата группы Кратера? Нет? Почему не знаешь? Ты должен был выяснить все досконально!

— Но никто из пленников не рассказывал о...

— Да, конечно. Никто из них не знает, кто главный поставщик трупов. Но поставщик-то определенно их знал. Он свернул торговлю. С тех пор в замок было доставлено только два тела. Последнее как раз прошлой ночью. Почему ты не в курсе? Зачем тогда твои люди торчат в Котурне? Они, похоже, ни черта не в состоянии разузнать!

Да, она была в ударе.

— Разве это настолько срочно? — спросил я.— Как я понял, пара трупов никакой опасности не представляет.

— Верно. До поры до времени. Но дело зашло так далеко, что очередная пара трупов может стать решающей.

Я прикусил губу, стараясь изобразить глубокое раскаяние.

— Госпожа торопит нас,— сказала Шепот.— Она очень нервничает. Она хочет услышать от нас какие-нибудь новости.

Все ясно. Дерьмо, как обычно, стекает с горки вниз. Теперь мне самое время выйти вон и разрядиться на каком-нибудь солдатике.

— Половина проблемы заключается в том, что мы не понимаем, в чем проблема. Если вы знаете, что представляет собой черный замок и как он растет, почему бы вам просто не сровнять его с землей? Или превратить его в виноградное варенье, например?

— Это не так-то просто.

Ну конечно, как всегда. Вечно я забываю про политические последствия. Да, политик из меня никудышный.

— Возможно, мы попытаем счастья, когда придет остальная часть Отряда. Необходимо будет держать город под контролем. Герцогу с его неумехами с такой задачей не справиться.

Я стоял и смотрел на нее ожидающим взглядом. Порой люди попадаются на эту удочку и говорят больше, чем собирались.

— Когда правда выйдет наружу, город сразу взорвется, если не взять его в ежовые рукавицы. Почему, как ты думаешь, Хранители так жаждут сохранить ограбление Катакомб в тайне? Родные и близкие нескольких тысяч горожан подверглись чудовищному осквернению. Вся эта толпа просто озвереет, если узнает, что души их возлюбленных родичей потеряны.

— Понимаю.— Я и правда понимал, хотя довольно смутно и не без некоторого насилия над разумом.

— Отныне мы поставим дело иначе,— сказала мне она.— Я беру на себя руководство вашими расследованиями. Будешь докладывать мне ежедневно. А я решу, что вам делать и как. Понятно?

— Так точно, мадам.— Даже слишком понятно. Теперь будет гораздо труднее держать ее в неведении насчет Ворона.

— В первую очередь организуешь наблюдение за замком. Если и это не даст результатов, я пошлю вниз Перо. Понятно?

— Так точно, мадам.— И опять даже слишком понятно. Интересно только, подозревает ли Шепот, что у нас с ней противоположные цели?

— Можешь идти. Жду тебя завтра. С докладом.

— Слушаюсь, мадам.

Я направился к Ильмо, кипя от злости. Это он должен был выслушивать ее вопли, а не я. Только потому, что я взял на себя часть его...

Мы пробыли с Ильмо наедине достаточно долго, и я успел рассказать ему все в подробностях, когда примчался посыльный от Вола. Он хотел видеть меня немедленно.

Этот инквизитор был для меня еще одной головной болью. Я уже не сомневался, что он гораздо сообразительнее, чем прикидывается, и почти не сомневался, что он подозревает нас в скрытности.

Я ввалился в каморку, которую ему отвели в апартаментах тайной полиции.

— Что стряслось?

— Мне удалось кое-что раскопать по делу о мародерстве в Катакомбах. Сбор информации — работа тупая и нудная, но порой дает результаты.

— Ну и? — Я устал от разговоров и, очевидно, был излишне резок. Вол удивленно приподнял бровь.— У меня только что закончился тет-а-тет с начальством,— пояснил я, надеясь, что он воспримет это как извинение.— Так что вы раскопали?

— Имя.

Я ждал. Вол, как и Ильмо, любит, чтобы к нему приставали с вопросами. Но я был не в настроении играть в эти игры.

— Я последовал вашему совету проверить конюшни. И всплыло имя Аза. В дыру, которую я вам показывал в стенке Выгородки, лазил заготовщик дров тоже по имени Аза. Человек по имени Аза потратил несколько старинных монет — правда, до ограбления Катакомб. Человек по имени Аза работал на Крейга как раз перед тем, как ростовщик и его люди испарились. Куда бы я ни ткнулся, Аза тут как тут.

— А с черным замком его что-нибудь связывает?

— Нет. Я вообще не думаю, будто он всему голова. Но он должен что-то знать.

Я порылся в памяти. Вол уже называл однажды это имя, упомянув, что некий Аза ошивается в тех же краях, где и Ворон. Возможно, они как-то связаны. Тогда мне нужно срочно найти этого Азу, пока до него не добрался кто-нибудь другой.

— Я отправляюсь в Котурн,— сказал я.— Прямой приказ ее святейшества. Я велю Гоблину найти вашего парня.

Вол нахмурился. Он затаил на нас обиду с той поры, когда Ильмо отправил в Котурн наших ребят, не посоветовавшись с ним.

— Договорились. Только не надо больше мудрить у меня за спиной, ладно? Ваши люди и мои преследуют разные цели, но это еще не повод, чтобы подставлять друг друга.

— Вы правы. Мы с вами просто по-разному привыкли работать. Я заскочу к вам, когда вернусь.

— Буду вам очень признателен.

Он смерил меня взглядом, ясно дававшим понять, что он мне больше не доверяет. Если вообще когда-нибудь доверял. Я ушел, думая о том, что Отряд и лично я погрязли в этом деле по уши. Опасности грозили со всех сторон. Мы походили на жонглера, подбросившего в воздух слишком много шариков. Только вместо шариков мы жонглировали ножами, кончики которых были смазаны ядом.

Я спустился вниз, нашел Гоблина и рассказал ему о наших новых затруднениях. Ему это понравилось не больше, чем Ильмо или мне самому.

Глава 23
Арча. Допрос

Больше проблем с шантажистами у Шеда не возникало. Кто-то все же накапал в магистрат, что это Шед убил Ферта. В магистрате то ли не поверили, то ли наплевали.

Зато вдруг объявился кореш Вола. Шед чуть не выронил драгоценную глиняную бутылку. Он-то считал, что ему уже ничего не грозит. Единственные двое, кто был в курсе, уехали из Арчи. Усилием воли подавив расшатавшиеся нервы и чувство вины, Шед подошел к столику, за которым сидел инквизитор.

— Чем могу служить вам, досточтимый господин?

— Принеси мне обед и самого лучшего вина, хозяин.

Шед многозначительно взглянул на него.

— Я заплачу. Никто в Котурне не может себе позволить кормить клиентов задаром.

— Святая правда, сударь. Святая правда.

— А дела у тебя, похоже, идут неплохо, хозяин,— заметил инквизитор, когда Шед вернулся с вином.

Шед фыркнул:

— Балансируем на грани, досточтимый господин. На грани нищеты. Одна неудачная неделя — и я разорен. Каждую зиму только и делаю, что занимаю у одного ростовщика, чтобы отдать другому. Правда, это лето было удачным, грех жаловаться. Я нашел себе партнера, сумел маленько привести заведение в порядок. Теперь оно выглядит попривлекательнее. Хотя, возможно, это лишь последний вздох перед полным крахом.— Он состроил самую скорбную мину, на какую был способен.

Инквизитор кивнул:

— Оставь мне всю бутылку. Позволь Братству внести лепту в твое благосостояние.

— Я отдам ее вам по себестоимости, досточтимый господин.

— Что за глупости? Посчитай мне как обычному посетителю.

Шед мысленно накинул процентов двадцать против обычной цены. Он рад был избавиться от бутылки. Ворон исчез, оставив ему ненужный запас.

Когда Шед притащил обед, инквизитор предложил:

— Принеси еще кружку и присядь ко мне.

Нервы у Шеда тут же натянулись, как тетива. Все, пиши пропало. Они его поймали.

— Как вам будет угодно, досточтимый господин.

Он потащился к стойке и взял свою кружку. Она была покрыта пылью. Шед мало пил в последнее время, опасаясь, как бы у него не развязался язык.

— Садись. И перестань хмуриться. Ты же ничего не сделал, правда? Я даже имени твоего не знаю.

— Шед, досточтимый господин. Каштан Шед. «Железная лилия» принадлежит моей семье вот уже три поколения.

— Замечательно! Значит, это место с традициями. В наши дни традициями, увы, пренебрегают.

— Что правда, то правда, досточтимый господин.

— Я вижу, наша репутация меня опередила. Да успокойся же ты наконец!

— Чем я могу помочь вам, сударь?

— Я ищу человека по имени Аза. Мне говорили, он тут часто бывал.

— Это верно,— признал Шед.— Я хорошо его знал. Лентяй и бродяга, вечно ни герша за душой. Он не любил честной работы. И все-таки он по-своему был мне другом, и даже великодушным на свой манер. Зимой я пускал его в зал ночевать, потому что в трудные дни он всегда снабжал меня дровами.

Инквизитор кивнул. Шед решил держаться как можно ближе к правде, благо Азе она повредить не могла. Аза был недосягаем для Хранителей.

— Ты знаешь, откуда он брал дрова?

— Он собирал их в Выгородке, досточтимый господин,— сказал Шед, разыгрывая крайнее смущение.— Я все спорил со своей совестью, можно ли их принимать. Это не против закона, но все же как-то предосудительно.

Инквизитор улыбнулся и кивнул:

— Тебе не в чем себя упрекать, Каштан Шед. Братство не осуждает сбор валежника. Иначе Выгородка совсем замусорится.

— Зачем же вы тогда ищете Азу?

— Насколько я знаю, он работал на человека по имени Крейг.

— Верно. Хотя и недолго. Когда Крейг взял его на работу, Аза возомнил себя королем Котурна. Хвастал и важничал без удержу. Но скоро все это кончилось.

— Да, я слышал. Меня как раз заинтриговало совпадение во времени.

— То есть?

— Крейг и несколько его дружков исчезли. Аза исчез примерно в это же время. И все они пропали вскоре после того, как кто-то проник в Катакомбы и выпотрошил несколько тысяч проездных кулонов.

Шед постарался изобразить надлежащее потрясение:

— И это сделали Аза с Крейгом?

— Возможно. Когда Аза начал собирать в Выгородке валежник, у него появились старинные монеты. Судя по данным нашего расследования, он таскал по мелочам. Очевидно, во время каждого визита за дровами опустошал парочку кулонов. Крейг, вероятно, прознал об этом и решил грабануть по-крупному. Не исключено, что тогда-то и произошел между ними разрыв, если у Азы осталась хоть капля совести.

— Возможно, досточтимый господин. Хотя я лично думал, что они разругались из-за моего постояльца. Его звали Ворон. Крейг хотел убить его и нанял Азу, чтобы тот следил за Вороном. Аза сам мне говорил. А потом Крейг решил, что Аза халатно относится к своему заданию. Наверное, так оно и было. Аза все делал спустя рукава. Но, сдается мне, ваша теория ближе к истине. Аза ведь мог и соврать мне. Он был отпетым врунишкой.

— А какие отношения связывали Азу и Ворона?

— Да никаких.

— Где сейчас Ворон, не знаешь?

— Он уехал из Арчи, как только в гавани сошел лед.

Инквизитор, похоже, был удивлен и обрадован.

— А с Крейгом что сталось?

— Ума не приложу, досточтимый господин. Это одна из самых больших загадок Котурна. Он просто испарился: был — и нету. Слухи, конечно, ходили разные.

— Может, он тоже уехал из Арчи?

— Все может быть. Я слыхал и такую версию. Но главное — он никому ничего не сказал. Люди, которые работали на него, тоже ничего не знают.

— Или просто говорят, что не знают. Как по-твоему, мог он награбить в Катакомбах столько денег, чтобы стоило удрать из Арчи?

Шеда озадачил этот вопрос. Он звучал провокационно.

— Я не... Я не понимаю, что вы имеете в виду, сударь.

— Хм-м. Послушай, Шед, мародерству подверглись тысячи мертвецов. Большинство из них лежат в подземелье с давних пор, когда богачи еще славились своей щедростью. Мы подозреваем, что там могла быть и некоторая сумма золотом.

Шед разинул рот. Он не видел никакого золота. Инквизитор явно заливал. Но зачем? Расставлял ловушки?

— В общем, это было ограбление века. Мы очень хотели бы задать Азе пару вопросов.

— Могу себе представить.— Шед прикусил губу, лихорадочно соображая, что сказать.— Сударь, я не знаю, куда девался Крейг. Но Аза, по-моему, отплыл на юг.— И Шед ударился в пространное повествование о том, как Аза, разругавшись с Крейгом, прибежал в таверну и умолял об убежище. Как однажды он ушел надолго и вернулся весь израненный; как отлеживался на втором этаже, а в один прекрасный день исчез. Шед уверял, что видел его в доках, правда издали, в тот день, когда первое судно отчалило на юг.— Я не сумел пробраться к нему и поговорить, но, судя по всему, он собирался уехать. У него была с собой пара тюков.

— Название корабля помнишь?

— Какого корабля, сударь?

— На котором он отплыл.

— Да я же не видел, как он садился на борт, сударь. Я просто так предположил. Может, он никуда и не уехал. Только тогда он наверняка дал бы о себе знать. Аза всегда приходил ко мне, когда ему было туго. Насколько я понимаю, он и сейчас попал в передрягу?

— Может быть. Прямых улик против него нет. Но я лично уверен, что он причастен к мародерству. А Крейга ты в доках не видел?

— Нет, сударь. Пристань была битком набита людьми. Весь город приходит смотреть, как отчаливают первые суда. Это что-то вроде праздника.

Примет ли инквизитор его байку на веру? Должен принять, черт возьми! Инквизитор — это тебе не какой-нибудь шантажист, от него так просто не избавишься, сплавив труп в черный замок.

Инквизитор устало покачал головой:

— Я боялся, что услышу от тебя нечто подобное. Проклятье. Ты не оставил мне выбора.

Сердце у Шеда подпрыгнуло и застряло в горле. Безумные мысли замелькали в мозгу. Стукнуть инквизитора по башке, схватить ящик с деньгами и — дай, Бог, ноги!

— Я не люблю путешествовать, Шед. Но, похоже, мне или Волу придется отправиться за этими людьми. Могу поспорить, что выбор падет на меня.

Волна облегчения окатила Шеда липкой испариной.

— Отправиться за ними, досточтимый господин? Но на юге не признают за Святым Братством права...

— Нелегко мне придется, да? Эти варвары нас просто не понимают.— Инквизитор налил еще вина и уставился в кружку долгим взглядом. Потом наконец сказал: — Спасибо тебе, Каштан Шед. Ты мне очень помог.

Шед надеялся, что это означает прощание. Он поднялся из-за стола:

— Что-нибудь еще, досточтимый господин?

— Пожелай мне удачи.

— Конечно, сударь. Сегодня же вечером помолюсь за успех вашей миссии.

— Спасибо,— кивнул инквизитор и снова уставился в кружку.

Он оставил щедрые чаевые. Но Шеду было не по себе, когда он совал их в карман. Инквизиторы славились своим упорством. Что будет, если они все-таки поймают Азу?

Глава 24
Переплетение теней

— Кажется, все сошло гладко,— сказал я Гоблину.

— Вы бы видели этого Шеда! — гоготнул Ростовщик.— Дрожит как кролик, потеет как свинья и врет как сивый мерин. Целый скотный двор в одном лице.

— По-твоему, он врал? — усомнился я.— Он не сказал ничего, что противоречило бы известным нам фактам.

— Что ты выяснил? — спросил Гоблин.

— А я думаю, врал! — продолжал настаивать Ростовщик.— Или, по крайней мере, не говорил всей правды. Он както замешан в этом деле.

— Что ты выяснил? — сердито переспросил Гоблин.

Тут вошел Ильмо:

— Ну, как дела?

— Отлично,— ответил я.— Я выяснил, куда девался Ворон.

— Что?! — хором воскликнули Ильмо и Гоблин.

— Он отчалил из города. На корабле. В первый же день, когда открылась гавань.

— Вместе с Душечкой? — осведомился Гоблин.

— А ты ее где-нибудь видел? Сам-то ты как думаешь?

— Спорим, что Аза слинял вместе с ним,— задумчиво протянул Ростовщик.— Старина Шед сказал, они оба уехали в первый же день.

— Возможно. Я был ужасно горд собой, когда он раскололся. Теперь Шед остался у нас единственным слабым звеном. Он один знает, куда девались Ворон с Азой. Не станет Шеда — и никто уже не проболтается Волу или Взятым.

Ильмо нахмурился. Такое предложение было больше в его стиле, нежели в моем. Он решил, что я говорю на полном серьезе.

— Не знаю,— сказал он.— Слишком уж это просто. Кстати, нас здесь внизу уже заприметили, верно?

Гоблин кивнул:

— По легенде мы моряки, отставшие от корабля. Но люди сравнивают свои наблюдения и пытаются вычислить, кто же мы

на самом деле. Если Шеда убить, может подняться довольно сильный шум, который насторожит Вола. А если он начнет копать, рано или поздно новости дойдут до Взятых. Я думаю, крайние меры лучше приберечь на крайний случай.

Ростовщик согласился с ним:

— Старина Шед что-то скрывает. Я нутром это чую. Костоправ рассказал ему о грабеже в Катакомбах — а тот и ухом не повел. Любой другой на его месте тут же помчался бы к соседям, и слухи разнеслись бы по всему району быстрее чумы.

— Шишка по-прежнему следит за ним? — спросил я.

— И не только Шишка, но и Щекотун с Акулой по очереди. Старина Шед теперь чихнуть не сможет без нашего ведома.

— Хорошо. Продолжайте в том же духе. Но не трогайте его. Мы просто хотим, чтобы он держался подальше от Вола и Взятых.— Я снова погрузился в размышления.

— Ну, что надумал? — не выдержал Ильмо.

— Пока я говорил с Шедом, у меня мелькнула идея. Вол для нас сейчас — главный фактор риска, правильно? Мы знаем, что если Вол нападет на след, то вцепится в него бульдожьей хваткой. И мы знаем, как ему не терпится взять след этого Азы. Так почему бы нам не отправить его за Азой на юг?

— Трудно сказать,— пробурчал Ильмо.— А вдруг он его найдет?

— Зачем Волу нужен Аза? Чтобы допросить его о набеге на Катакомбы. Как по-вашему, может Вол рассчитывать на сотрудничество местных властей на юге? По-моему, вряд ли. Насколько я знаю, Арча для южных соседей — типичная притча во языцех. В любом случае, нам нужно только выиграть время. Но даже если Вол отыщет Азу — он найдет тогда и Ворона. А Ворона сюда никакими силами не затащишь, поскольку он считает, что Взятые ищут Душечку. Поэтому они сцепятся, и я лично ставлю на Ворона. Он заткнет единственный источник информации, на время или навсегда. Улавливаете мою мысль? А если, паче чаяния, победит Вол, то Ворон уже не сможет проболтаться.

— С чего ты взял, что тебе удастся уговорить Вола? — спросил Ильмо.— Это глупо, Костоправ. Вол не погонится за каким-то ничтожным подозреваемым.

— Еще как погонится! Помните, когда мы только прибыли в Черепичник, ему приходилось работать у нас переводчиком? Откуда, как вы думаете, он знает язык Самоцветных городов? А я у него спросил. Он провел там три года, выслеживая парня не менее ничтожного, чем Аза.

— Эти хитросплетения с каждым днем становятся все безумнее,— сказал Гоблин.— Мы постоянно наводим тень на плетень, так что я уже запутался в нашем собственном вранье. По-моему, лучше всего нам сейчас затихариться и лечь на дно до прибытия Капитана.

У меня тоже не раз возникало ощущение, что мы лишь ухудшаем ситуацию. Но я не видел иного выхода, кроме как не смыкать вежды и не терять надежды.

— Лучший выход из положения — убить всех, кто что-нибудь знает,— лаконично сформулировал Ильмо.— А потом самим грудью пасть на острия мечей.

— По-моему, это чересчур радикальный выход,— возразил Гоблин.— Но если ты подашь пример, я ему последую.

— Меня ждет Шепот. С докладом,— сказал я.— Есть у кого-нибудь блестящие идеи насчет того, что мне ей сказать?

Как же, дождешься от них! Я ушел, трепеща при мысли о предстоящей встрече. Каждый раз, представая перед Шепот, я боялся, что она все поймет по моим глазам. И злился на Ильмо, потому что не ему приходилось выносить ее ежедневные выволочки.

С Волом все получилось на удивление просто. Он бросился собирать вещи прежде, чем я закончил вешать ему на уши лапшу. Очень уж ему не терпелось зацапать этого Азу.

Меня даже сомнение взяло: может, он знает что-то такое, чего не знаем мы? Или просто зациклился на загадке ограбления Катакомб?

С Шепот было посложнее.

— Я хочу, чтобы вы послали с ним кого-то из своих,— заявила она.

Мне же надо было ей что-то сказать, вот я выложил почти всю правду. Я считал, что шансы на поимку Азы и Ворона равны нулю. Но... Шепот неожиданно выказала к этому делу

интерес, которого я не ожидал. Возможно, она знала больше, чем говорила. В конце концов, она была одной из Взятых.

Ильмо отобрал троих, назначил Шишку главным и велел ему прирезать Вола, если потребуют обстоятельства.

Капитан с Отрядом находились, как мне сказали, в Воландерских горах, в сотне миль от Арчи. Им предстоял еще медленный переход через крутые перевалы, а я уже изнывал от нетерпения. Когда Старик прибудет сюда, бремя наконец свалится с моих плеч и с плеч Ильмо. «Поторопитесь!»— мысленно воззвал я к ним и вернулся к плетению нашей паутины обманов.

Глава 25
Любовь

Каштан Шед влюбился. Влюбился так, что хуже некуда,— в женщину значительно моложе себя, чьи вкусы значительно превосходили его возможности. Он отдался своей страсти со всем пылом быка, объятого половой охотой, не думая о последствиях и швыряя деньгами с такой щедростью, будто они текли из бездонного источника. Но источник иссяк. Через две недели после первой встречи со Сью Шед уже взял заем у процентщика Гилберта. За первым займом последовал второй, потом третий. Через месяц Шед залез в долги глубже, чем за всю зиму.

А ему было плевать. Эта женщина делала его счастливым, вот и весь разговор. К его обычным недостаткам добавились теперь склонность к безрассудному упрямству и подсознательная уверенность в том, что деньги для него не проблема.

Как-то утром в «Лилию» пришла жена Ферта Сэл, мрачная и слегка сконфуженная.

— Каштан! — сказала она.— Можем мы поговорить?

— А в чем дело?

— Ты обещал помочь с квартплатой и едой.

— Конечно. Какие проблемы?

— Ну, мне не хотелось бы выглядеть неблагодарной, и я прекрасно понимаю, что не имею никакого права ждать от тебя помощи, но домовладелец угрожает выбросить нас на улицу, поскольку за квартиру не плачено уже две недели. И мы не можем найти работу, потому что сейчас ни у кого нет заказов на шитье.

— За квартиру не плачено, говоришь? Но я же виделся с ним недавно...— Вообще-то, если честно, это было довольно давно. Он просто забыл. И про мать забыл. Ее прислуге через пару дней пора будет платить жалованье. Не говоря уже о Лизе.— Ох, черт! Прости, пожалуйста. У меня вылетело из головы. Но ничего, я все улажу.

— Шед, ты был добр к нам, хотя тебя никто не принуждал. Мне больно смотреть, как ты запутался в ее сетях.

— В каких сетях?

— В сетях этой женщины. Она хочет пустить тебя по миру.

Шед так удивился, что даже не разозлился.

— Сью? Но зачем? Как это?

— Брось ее. Тебе же лучше будет, если ты с ней порвешь. Все кругом видят, чего она добивается.

— И чего же она добивается? — устало спросил Шед.

— Неважно. Я и так сказала больше чем нужно. Если мы можем хоть чем-то тебе помочь, дай нам знать.

— Обязательно. Обязательно,— пообещал Шед.

Он поднялся наверх, заглянул в потайную шкатулку и обнаружил, что она пуста.

Во всей таверне не было ни герша, ни в спальне, ни внизу. Что происходит?

— Лиза! Куда девались все деньги?

— Я их спрятала.

— Что?

— Я их спрятала. Если вы будете и дальше так швыряться деньгами, то скоро вылетите в трубу. А потратите что-нибудь на дело — скажите мне. Я возмещу расходы.

Шед выпучил глаза.

— Да кем ты себя возомнила, девчонка сопливая?! — взорвался он.

— Девчонкой, которая сохранит вам таверну даже против вашей воли. Девчонкой, которая не даст потаскушке Гилберта окончательно сделать из вас дурака.

— Гилберта?

— Конечно. А вы как думали?

— Убирайся! — рявкнул Шед.— Ты здесь больше не работаешь!

Лиза пожала плечами:

— Как хотите.

— Где деньги?

— Прощенья просим. Приходите за ними, когда маленько прочухаетесь.

Шед рванул за ней через зал. Посетители захлопали в ладоши, подзадоривая его. Он осыпал ее угрозами. Он умолял. Ничего не помогало. Лиза оставалась твердой как алмаз.

— Это мое личное дело! — возражал он.

— А вы докажите, что эта женщина не шлюха Гилберта. Тогда я отдам вам деньги и уйду.

— Я докажу!

— А если я права?

— Чушь! Я знаю ее.

— Ни черта вы не знаете. Она свела вас с ума. Так что будет, если я все-таки права?

Шед не мог даже в мыслях представить такого.

— Плевать я хотел на твое вранье!

— Ладно. Но если я все-таки окажусь права, то управлять таверной буду я. Вы дадите мне возможность вытащить нас из долгов.

Шед коротко кивнул и бросился вон из «Лилии». Он ничем не рисковал. Девчонка все наврала.

Что за игру она затеяла? Ишь, раскомандовалась! В точности как его матушка после смерти отца, пока не ослепла. Да как она смеет с ним так обращаться, эта соплюшка! Он вдвое опытнее ее — и в торговых делах, и в житейских тоже.

Полчаса он бродил по городу. А когда тоска и злость немного улеглись, то обнаружил, что стоит неподалеку от Парусной улицы. Черт! Раз уж его сюда занесло, надо заскочить к Гилберту. Одолжить денег, чтобы увидеть Сью сегодня вечером. Эта сучка Лизка может спрятать его деньги, но она не в силах помешать ему сходить к ростовщику.

Через полквартала его начали терзать угрызения совести. Слишком многие люди зависели от него. Он не должен ухудшать и без того плачевную финансовую ситуацию.

— Чертова девка,— пробормотал он.— Зачем она наговорила мне столько гадостей? Теперь из-за нее начнешь подозревать всех и каждого!

Он прислонился к стене, борясь со своей совестью. Страсть то брала верх над чувством ответственности, то отступала. Он изнывал от тоски по Сью... Если она и вправду любит его, никакие деньги ему не нужны...

— Что? — внезапно вырвалось у него. Он протер глаза. Но они его не обманули. Это была Сью, и она зашла к Гилберту.

В животе у Шеда что-то оборвалось.

— Нет. Она не может... Должно быть какое-то объяснение...

Но предатель рассудок тут же начал перечислять маленькие странности в их отношениях, критиковать склонность Сью к мотовству. Над огнем невыносимой боли потихоньку начала вскипать ярость. Он перебежал через дорогу и бросился в проулок, огибающий здание сзади. Окно конторы Гилберта как раз сюда и выходило. Шед не надеялся, что оно будет открыто. Он просто думал, что сумеет хоть что-нибудь подсмотреть.

Окно было закрыто, но Шед услышал. Хотя он отдал бы все на свете, лишь бы не слышать, как они занимаются любовью.

Он решил было покончить с собой на месте. Потом решил убить себя у порога Сью. Он придумал еще дюжину эффектных жестов протеста. И понял, что этих негодяев ничем не проймешь.

Они заговорили. Их болтовня быстро покончила с последними сомнениями Шеда. В разговоре всплыло знакомое имя: «Каштан Шед».

— Он готов,— сказала женщина.— Я раскрутила его насколько смогла. Ну, может, еще один заем, прежде чем он вспомнит о своих родичах.

— Ну так постарайся! Я хочу связать его по рукам и ногам. Ему нужно вырыть яму поглубже, не то сбежит. От Крейга-то он ушел!

Шеда затрясло от злости.

— Сколько он тебе должен?

— Восемнадцать лев плюс проценты, а их набежало около десятки.

— Могу раскрутить его еще на пять монет.

— Давай. У меня покупатель ждет не дождется.

Шед ушел. Он бродил по Котурну несколько часов. Выглядел он так мрачно, что люди шарахались от него. Нет мести более жестокой, чем та, что зреет в черном сердце труса.

Вечером того же дня Шед зашел в контору Гилберта, упрятав все эмоции в мрачную бездну своей души, которая открылась ему в ночь охоты на Крейга.

— Мне нужно пятнадцать лев, Гилберт. Срочно.

Гилберт изумленно выпялил глаза:

— Пятнадцать? На кой тебе так много?

— Я заключил выгодную сделку, но деньги нужно отдать сегодня вечером. Можете накинуть сверху еще пару процентов.

— Шед, ты и так по уши в долгах. А ну как не сумеешь расплатиться?

— Если дело выгорит, я уплачу все сразу.

Гилберт уставился на него:

— Что с тобой, Шед?

— А что со мной?

— Ты стал ужасно самоуверен.

Шед полоснул ложью по самому больному месту:

— Я собираюсь жениться, Гилберт. Хочу сегодня сделать даме предложение. И поэтому мне нужно поскорее завершить сделку, чтобы привести «Лилию» в порядок для невесты.

— Та-ак! — выдохнул Гилберт.— Так-так-так! Каштан Шед решил жениться. Очень интересно. Ладно, Шед. Я, конечно, рискую, ну да черт с тобой. Пятнадцать, говоришь?

— Спасибо, господин Гилберт. Век не забуду вашей доброты...

— А ты уверен, что сумеешь расплатиться в срок?

— Я верну вам десять лев еще до конца недели. С гарантией. А когда Сью начнет помогать мне в «Лилии», мы запросто покроем остальные долги.

Гилберт вкрадчиво улыбнулся:

— Слушай, а ты не против, если я попрошу в залог нечто более существенное, чем твое слово?

— То есть?

— Я имею в виду закладную на «Железную лилию».

Шед изобразил мучительные раздумья.

— Ладно,— вздохнул он наконец.— Моя Сью стоит риска.

Гилберт просиял улыбкой голодного крокодила, сумев в то же время напустить на себя деловой вид:

— Погоди. Сейчас схожу запишу и принесу деньги.

Шед проводил его нехорошей улыбкой.

Глава 26
Прощание с любовью

Шед оставил повозку в переулке за домом Сью, подбежал к парадному входу и забарабанил в дверь. Дом для Котурна был роскошный. Вход охранял привратник, стоявший за дверью. Жили здесь восемь женщин, каждая в отдельной квартире. Все они занимались тем же ремеслом, что и Сью, и все запрашивали за свои услуги солидные суммы.

— Добрый день, господин Шед,— сказал привратник.— Идите наверх. Она ждет вас.

Шед сунул ему чаевые, чего не делал прежде. Привратник согнулся в угодливом поклоне. Шед, даже не взглянув на него, поднялся по лестнице.

Теперь предстояло самое трудное: сыграть роль слепого от страсти любовника, в то время как он уже прозрел. Но он одурачит ее, точно так же, как она одурачила его.

Сью появилась в двери, ослепительно прекрасная. У Шеда заныло в груди. Он сунул ей в руки цепочку:

— Это тебе.

— Ох, Каштан, не надо было...— Но он прекрасно знал, что иначе она не пустила бы его на порог.— Какой странный кулончик! Это змейки?

— Настоящее серебро,— ответил Шед.— И рубины. Он показался мне любопытным. Уродливый, но работа превосходная.

— По-моему, он изумительный, Каштан! Сколько он стоит?

— Слишком много,— язвительно усмехнулся Шед.— Не могу тебе сказать. Очень уж дорогой ценой он мне достался.

Сью не стала настаивать.

— Заходи же, Каштан!

Ей, видно, приказали вести с ним осторожную игру. Обычно она уступала, лишь заставив его изрядно помучиться.

Сью начала раздеваться. Шед вошел. Он взял ее грубо, чего никогда не позволял себе раньше. И тут же взял еще раз.

— Что на тебя нашло? — спросила она, когда все было кончено.

— У меня для тебя большой сюрприз. Действительно большой. Тебе понравится, я уверен. Можешь ты выскользнуть отсюда так, чтобы никто не заметил?

— Конечно. Но зачем?

— Не скажу. Иначе какой же это сюрприз? Ну как, договорились? Ты не разочаруешься, клянусь.

— Не понимаю.

— Ну просто сделай так, как я прошу. Выйди тайком через несколько минут после моего ухода. Встретимся в переулке. Я хочу отвезти тебя кое-куда и что-то показать. Только обязательно надень цепочку с висюлькой.

— Что ты затеял? — спросила она удивленно, но не подозрительно.

«Отлично!»— подумал Шед, заканчивая одеваться.

— Не спрашивай ни о чем, дорогая. Это будет самый большой сюрприз в твоей жизни. Я не хочу его испортить.

Он направился к двери.

— Через пять минут? — спросила она вдогонку.

— Только не опаздывай. Я терпеть не могу, когда меня заставляют ждать. И не забудь надеть цепочку.

Шед прождал минут пятнадцать. Он весь извелся от нетерпения, хотя и не сомневался, что жадность заставит Сью выйти. Она крепко сидела на крючке. А опаздывала просто так, чтобы его подразнить.

— Каштан! — Голос ее, мелодичный и мягкий, чуть не надорвал ему сердце. Разве он сможет это сделать?

— Я здесь, любовь моя.

Сью подошла к нему. Шед заключил ее в объятия.

— Ну-ну, хватит. Где мой сюрприз? Я хочу его видеть!

Шед глубоко вздохнул. «Ну же, давай!»— кричал ему внутренний голос.

— Я подсажу тебя.

Она повернулась к нему спиной. «Ну же!» Но руки его точно налились свинцом.

— Чего ты тянешь, Каштан? — спросила Сью.

Он замахнулся. Сью треснулась о фургон, успев лишь тихо пискнуть. Начала приподниматься — и тут он ударил еще раз. Она обмякла. Шед схватил из фургона кляп, сунул ей в рот, пока не разоралась, и быстро связал руки. Когда он начал связывать лодыжки, Сью попыталась его лягнуть. Шед больно пнул ее в ответ, чуть не потеряв голову от злости.

Сью перестала сопротивляться. Шед затянул последний узел и усадил женщину на сиденье фургона. В темноте они казались супружеской парой, собравшейся вечером куда-то по делам.

Шед впервые заговорил с ней, только когда они проехали через мост:

— Ты, наверное, понять не можешь, в чем дело, дорогая!

Сью что-то проворчала. Она была бледна и напугана. Шед сорвал с нее цепочку с амулетом, а заодно и все прочие украшения.

— Я любил тебя, Сью. Любил по-настоящему. Я готов был сделать для тебя все что угодно. Когда убиваешь такую любовь, она превращается в ненависть.— Украшений по меньшей мере лев на двадцать. Скольких мужчин она разорила? — Ты продала меня Гилберту с потрохами. Ты хотела украсть мою «Лилию». Я все простил бы тебе, только не это. Да, только не это.

Он говорил без умолку всю дорогу, не переставая. Его болтовня отвлекала внимание Сью, пока черный замок не вырос настолько, что его просто нельзя было не заметить. И тогда глаза у нее стали громадными. Она задрожала, потеряла над собой контроль... От нее неприятно и резко запахло.

— Да, дорогая,— ласково промолвил Шед.— Да. Черный замок. Ты хотела отдать меня на растерзание *своим* друзьям. Что ж, ты сделала ставку и проиграла. И теперь я отдам тебя *моим* приятелям.

Он остановился, слез на землю, подошел к воротам. Они распахнулись мгновенно.

Длинная нечисть встретила его, потирая паучьи ладони.

— Молодец! — сказала она.— Ну просто молодец! Твой партнер никогда не привозил такую славную добычу!

Шед похолодел. Ему хотелось все переиграть. Он хотел только наказать и унизить Сью... Но было поздно. Он ничего уже не мог изменить.

— Прости, Сью. Ты сама виновата. Ты и Гилберт. Скоро придет его черед. Каштан Шед вовсе не такой олух, каким кажется.

Кляп заглушил стоны Сью. Шед отвернулся. Ему хотелось поскорее убраться отсюда. Длинная тварь начала отсчитывать ему монеты прямо в ладонь.

Шед, как и прежде, не торговался. Он даже не глядел на деньги, распихивая их по карманам. Все его внимание было приковано к темной мгле позади твари.

Там толклась и шипела целая толпа такой же нечисти. Шед различил даже толстую тушу, с которой имел однажды дело.

Длинный выродок уронил ему в ладонь последнюю монету. Сунув ее в карман, Шед вернулся к фургону. Твари рванулись из тени вперед, схватили Сью, начали сдирать с нее одежду. Кто-то вытащил кляп изо рта. Шед подал фургон назад.

— Бога ради, Каштан! Не бросай меня!

— Поздно, женщина. Поздно.— Он схватил поводья.— Н-но, залетные! Пошли!

Когда он свернул к воротам, Сью пронзительно завопила. Шед не оглянулся. Он не хотел ничего знать.

— Н-но! Пошли вперед, родные!

— Поскорее приезжай опять, Каштан Шед! — крикнула ему вдогонку длинная нечисть.

Глава 27
Арча. В изоляции

Вызов Шепот застал меня врасплох. Для ежедневного доклада было слишком рано. Я только что кончил завтракать. Стало быть, решил я, очередное чепе.

И не ошибся.

Взятая металась, как зверь в клетке, излучая бешеную злобу. Я отважно вошел и застыл по стойке «смирно», не пытаясь

оправдаться в ответ на потоки отборной брани, чтобы не переусердствовать, если чепе произошло все-таки не по моей вине.

Несколько минут она разряжалась, игнорируя меня. Потом села, воззрившись на свои ладони.

И подняла глаза. Она уже полностью владела собой, даже улыбнулась. Будь Шепот так же прекрасна, как Госпожа, от ее улыбки расплавился бы гранит. Но поскольку была она старым, покрытым шрамами воякой, улыбка лишь смягчила мрачность ее физиономии.

— Как были расположены твои люди прошлой ночью? — осведомилась она.

— Простите... Вы имеете в виду их настроение? — озадаченно переспросил я.

— Где они находились? На каких постах?

— А-а! — Вообще-то это епархия Ильмо, но я предпочел не вякать. Взятые терпеть не могут оправданий, как бы разумно они ни звучали.— Трое вместе с Волом отбыли на юг в погоню за пресловутым Азой.— Меня тревожило то, что она их послала. Когда я не понимаю мотивов Взятых, я сразу становлюсь параноиком.— Пятеро по-прежнему в Котурне, косят под иноземных моряков. Еще трое там же следят за людьми, вызвавшими наш особый интерес. Мне надо бы справиться у Ильмо для верности, но как минимум четверо дежурили ночью в других районах города, пытаясь разнюхать что-нибудь интересное. Остальные были здесь, во дворце. Погодите-ка, сейчас вспомню: один, по-моему, торчал в кабинете тайной полиции герцога, а двое вместе с Хранителями слонялись по Выгородке. Сам я почти всю ночь трепался с инквизиторами — старался выяснить, что у них на уме. Знаете, наши силы сейчас слишком распылены. Я жду не дождусь, когда наконец прибудет Капитан. У нас слишком много дел и слишком мало людей. Планы оккупации еще далеки от окончания.

Шепот вздохнула, встала и снова зашагала взад-вперед.

— Думаю, я виновата не меньше других.— Она уставилась в окно, потом кивнула мне.

Я подошел. Она показала на черный замок:

— Осталось всего ничего. Они уже пытаются открыть Властелину выход. Еще не время, но они торопятся. Возможно, почуяли нашу заинтересованность.

Это арчинское дело походило на гигантского спрута из морских баек. Что бы мы ни делали, как бы ни старались, его щупальца сжимали нас все теснее. Преследуя цели, противоположные целям Взятых, стараясь замести все более очевидные следы, мы осложняли начальству работу по предотвращению опасности, исходящей от черного замка. А если нам все-таки удастся замести следы, не исключено, что тем самым мы дадим возможность Властелину явиться в ничего не подозревающий мир.

Я не хотел брать такой страшный грех на свою совесть.

Боюсь, из моих записей это не очень-то явствует, но мы совершенно запутались в серьезных моральных дилеммах. А решать их мы не привыкли. Большинство наемников не имеют опыта в принятии нравственных решений. Как правило, наемник отбрасывает мораль или, в лучшем случае, подгоняет общепринятые моральные нормы под свой образ жизни. Главными критериями становится то, с каким умением он делает свою работу, как добросовестно выполняет взятые на себя обязательства, насколько неукоснительно соблюдает неписаный закон, требующий неколебимой верности товарищам. Наемник дегуманизирует мир за рамками своего подразделения. И тогда все, что он делает или чему бывает свидетелем, становится несущественным, пока не коснется непосредственно Отряда.

Мы сами загнали себя в ловушку, в которой нам, возможно, придется сделать самый кардинальный выбор за всю историю существования Черного Отряда. Не исключено, что мы будем вынуждены предать его четырехсотлетние мифы ради более глобальных ценностей.

Я знал, что не могу допустить возвращения Властелина, даже если это будет единственный способ не дать Госпоже напасть на след Ворона с Душечкой.

И все-таки... Госпожа была немногим лучше. Мы служили ей, и до последнего времени служили хорошо и преданно, уничтожая повстанцев везде, где могли их найти, но в душе почти каждому из нас было небезразлично, кому и зачем мы служим. Госпожа считалась меньшим злом в сравнении с Властелином лишь потому, что была не так прямолинейна и более терпелива в своем стремлении к абсолютному мировому господству.

И в связи с этим передо мной вставала еще одна дилемма. Способен ли я принести в жертву Душечку ради того, чтобы предотвратить возвращение Властелина? Если предотвратить его можно будет только такой ценой?

— У тебя очень задумчивый вид,— сказала Шепот.

— Н-да. В этом деле слишком много заинтересованных сторон. Хранители. Герцог. Мы. Вол, льющий воду на собственную мельницу.

Я уже успел доложить Шепот о том, что Вол родом из Котурна, скармливая ей как можно больше не относящейся к делу информации, чтобы запутать ее мысли и отвлечь внимание.

— Разве я не приказывала тебе установить за ним тщательное наблюдение? — Она снова ткнула пальцем в сторону замка.

— Да, мадам. Мы его и установили — на время. Но ничего не происходило, а потом навалилась куча других заданий...

Я осекся, пораженный внезапной догадкой.

Шепот прочла мои мысли по лицу:

— Да. Прошлой ночью. И на сей раз товар был еще жив.

— Бог ты мой! — пробормотал я.— Кто это сделал? Вы знаете?

— Мы просто заметили последовавшие затем перемены. Они пытались открыть портал. Им чуть-чуть не хватило сил, но это ненадолго.

Шепот опять начала рыскать по комнате. Я мысленно отметил галочками фамилии дежуривших прошлой ночью в Котурне. Нужно будет задать им несколько неприятных вопросов.

— Я напрямую связалась с Госпожой. Она очень обеспокоена. Она приказала отложить все прочие дела. Главная наша задача — не допустить доставки в замок новых тел. Да, я знаю, что скоро подойдет весь Отряд. Через шесть — максимум десять дней. И нужно многое сделать, чтобы подготовиться к их приходу. Но, как ты верно заметил, дел слишком много, а людей слишком мало. Поэтому пускай ваш Капитан справляется со своими проблемами сам, когда прибудет. А черный замок должен быть изолирован немедля.

— Почему бы вам не подбросить часть Отряда на ковре нам в подмогу?

— Госпожа запретила.

— Но почему? — Я постарался изумиться как можно более натурально.

Однако у меня возникло пугающее подозрение, что я уже знаю ответ.

Шепот пожала плечами:

— Потому что она не хочет, чтобы вы теряли время на болтовню и введение новичков в курс дела. Иди и прими все меры, чтобы отрезать подходы к замку.

— Слушаюсь!

Я ушел, думая о том, что свидание наше прошло и лучше и хуже, чем я ожидал. Лучше потому, что Шепот не обрушилась на меня в очередном припадке ярости. А хуже потому, что, по сути, она объявила всех нас, находящихся в Арче, подозреваемыми, которых Госпожа велела изолировать, чтобы наше моральное разложение не заразило собратьев по оружию.

Плохо дело.

— Да-а,— протянул Ильмо, когда я ему рассказал. Объяснять, чем это грозит, не требовалось.— Нужно срочно связаться со Стариком.

— Послать связного?

— А как иначе? Только кого бы послать, чтобы проскользнул незамеченным?

— Одного из тех, кто сейчас в Котурне.

Ильмо кивнул:

— Я распоряжусь. А ты займись замком: разведай, как его лучше изолировать.

— Почему бы тебе самому им не заняться? Я хочу выяснить, что делали дежурные прошлой ночью в Котурне.

— Сейчас это уже не имеет значения, Костоправ. Котурн я беру на себя. Я не хочу сказать, что ты не справляешься, но дело вышло из-под контроля. В общем, это моя вина. Я, в конце концов, солдат.

— Солдат или не солдат — какая разница, Ильмо? Мы не воюем в Котурне, мы занимаемся там шпионажем. А шпиону нужно время, чтобы внедриться в окружающую среду. Нам просто не хватило времени.

— Но теперь наше время вышло. Или я неправильно тебя понял?

— Пожалуй, что так,— признал я.— Ладно. Я разведаю обстановку вокруг замка. А ты все-таки выясни, что происходило в Котурне прошлой ночью. Особенно в таверне «Железная линия». Ее название всплывает сейчас не реже, чем имя того парня, Азы.

В конце нашего разговора Ильмо совершенно преобразился. Он выглядел теперь точь-в-точь как бывший моряк, слишком старый для плавания, но еще достаточно крепкий для черной работы. В Котурне он запросто сойдет за своего. Я так ему и сказал.

— Ну-ну. Давай-ка за дело. И не рассчитывай на отдых до прибытия Капитана.

Мы молча посмотрели друг на друга, не решаясь высказать затаенную мысль, которая мучила нас обоих. Если Взятые хотят изолировать нас от собратьев, что же с нами сделают, когда Отряд перевалит через Воландерские горы?

Вблизи черный замок выглядел еще более интригующе и тревожно. Я сел на лошадь, объехал вокруг замка несколько раз и даже приветственно махнул рукой, уловив какое-то движение на верху стеклянно блестящего крепостного вала.

Позади замка начинался крутой каменистый обрыв, поросший сучковатыми колючими кустами с полынным запахом. Отсюда к крепости не подберешься, особенно волоча на себе покойника. Подходы с западной и восточной стороны, вдоль горного кряжа, были чуть полегче, но тоже выглядели труднодоступными. Торговцы трупами наверняка должны были выбрать самый легкий путь, то бишь дорогу, ведущую от берега Портовой речки вверх, мимо разбросанных по склону купеческих особняков, и упирающуюся прямо в ворота крепости. Видно, кто-то частенько пользовался этим маршрутом, поскольку наезженная колея бежала от замка до самого берега.

Оставалось решить основной вопрос: где устроить засаду так, чтобы нас не было видно с крепостной стены. Я ломал себе голову до темноты, пока у меня не созрел гениальный план.

Я нашел заброшенный дом ниже по склону и чуть выше по течению реки. Там можно будет разместить группу захвата, а вдоль дороги, в населенном районе, расставить часовых. Они передадут нам весточку, если заметят что-нибудь подозрительное. А мы тогда сразу рванем по склону вверх и чуть наискосок, перерезав дорогу потенциальным торговцам трупами. Фургоны тащатся медленно, так что времени у нас будет достаточно.

Старина Костоправ — блестящий стратег. Да, господа! К полуночи все мы были уже на местах. И до завтрака успели два раза сорваться с места по ложной тревоге. Гениальный стратег не учел одной мелочи: что даже ночью мимо моих часовых продолжается вполне законное дорожное движение.

Я сидел в старом доме вместе со своей группой, попеременно то играя в тонк, то вскакивая по тревоге, а то поклевывая носом. И непрестанно думал о том, что творится сейчас на другом берегу — внизу, в Котурне, и наверху, в Черепичнике.

Я молил Бога, чтобы Капитану удалось удержать в руках все нити.

Глава 28
Арча. Лиза

Шед весь день провалялся в постели, глядя в потолок и ненавидя себя. Он пал так низко, как только может пасть человек. Нет на свете преступлений, которые оказались бы теперь слишком грязными для него, ибо ничто не способно замарать его черную душу еще сильнее. И даже за миллион лев не купить ему проездного билета в День Перехода. Имя его должно быть занесено в Черную книгу, наряду с именами величайших злодеев.

— Господин Шед! — позвала его Лиза, возникнув в дверях на следующее утро, когда он собрался предаться дальнейшему изучению потолка и самобичеванию.— Господин Шед!

— Ну?

— Бо и Лана пришли.

Бо, Лана и их дочь обслуживали старую Джун.

— Что им надо?

— Чтобы вы оплатили счета за месяц, я так думаю.

— Ах да.— Он сполз с кровати.

Лиза остановила его возле лестницы:

— Я была права насчет Сью?

— Да.

— Мне жаль. Я не стала бы говорить, если б мы могли себе это позволить.

— Мы? Кто это — мы? А, черт! Не бери в голову. И вообще, забудь ты об этом деле, я слышать о нем больше не хочу!

— Как скажете. Только про ваше обещание я не забуду.

— Какое обещание?

— Вы обещали, что позволите мне управлять «Лилией».

— А-а! Ладно.

Сейчас ему было на все наплевать. Он забрал месячные счета у прислуги. Да, с этими людьми ему повезло. Они не пытались его надуть. Шед решил выдать им небольшую премию.

Он пошел за деньгами в спальню. Лиза с изумлением уставилась на него. Шед слишком поздно осознал свою ошибку. Теперь она начнет ломать себе голову: откуда, мол, у него появились деньги, если вчера еще не было ни герша? Он нашел свою грязную одежду, вывернул содержимое карманов на кровать. И ахнул.

— Ах, паразиты! Гады ползучие! Какого черта я буду делать с этим золотом? Три золотые монеты!

Там было и серебро, и даже пригоршня меди, но... Какое надувательство! Эти твари подсунули ему целое состояние, которое он не мог потратить. Закон Арчи запрещал ее жителям держать у себя золотые монеты. Даже чужестранцам приходилось менять свое золото, хотя, к примеру, иноземные серебряные монеты имели такое же законное хождение, как и местные. Мало того: деньги из черного замка были явно старинной чеканки, хотя и стандартного веса.

Как же ему избавиться от золота? Продать какому-нибудь капитану, отчаливающему на юг? Обычно все так и делают. Шед запрятал золото в самый сокровенный тайник, вместе с амулетом из черного замка. Бесполезное богатство. Он подсчитал остаток. Двадцать восемь монет серебром плюс несколько

лев медяками. Хватит, чтобы позаботиться о матери и Сэл. Но недостаточно, чтобы сбросить со своей шеи Гилберта.

— Опять я угодил в ловушку с этими дурацкими деньгами!— простонал Шед.

Тут он вспомнил о драгоценностях Сью, зло усмехнулся и пробормотал:

— Ничего, еще посмотрим, чья возьмет.

Сунув все до единого украшения в карман, Шед спустился вниз, расплатился с прислугой матери и бросил Лизе:

— Я выйду ненадолго.

Сначала он уладил все проблемы Сэл, потом зашагал к конторе Гилберта. Поблизости никто не слонялся. Гилберт, в отличие от Крейга, не держал под рукой целую армию, хотя свои громилы у него имелись. Правда, сейчас их тут не было. Однако в кабинете кто-то сидел, поскольку из-за занавесок пробивался свет. Шед улыбнулся своим мыслям и поспешил обратно в «Лилию».

Он подошел к столику, стоявшему в глубокой тени, неподалеку от излюбленного места Ворона. За столиком сидели двое чужеземных матросов. На вид — круче не бывает. Здесь они ошивались с недавних пор. По их словам, они сами, а также их друзья, которые то появлялись, то исчезали, отстали от судна и ждут следующего. Но Шед ни разу не слыхал, чтобы они упомянули название порта своей приписки.

— Хотите сшибить маленько легких деньжат, ребята? — спросил он их.

— А кто не хочет? — откликнулся один из матросов.

— Чего делать-то надо? — тут же спросил другой.

— У меня небольшое затруднение. Хочу уладить кое-какое дельце с одним человеком. А он жутко вспыльчивый.

— Нужна моральная поддержка?

Шед кивнул.

Второй моряк глянул на него через прищур:

— Кто он такой?

— Зовут Гилберт. Он ростовщик. Слыхали о таком?

— Угу.

— Я только что проходил мимо его конторы. Похоже, он там один.

Моряки переглянулись.

— Если ты не против,— сказал тот, что повыше,— я кликну нашего дружка.

— Целая армия мне не по карману.

— Никаких проблем! Ты нам заплатишь за двоих. А его мы захватим так, за компанию. С ним нам всем будет уютнее.

— Такой крутой?

Матросы усмехнулись. Один из них подмигнул другому.

— Да уж! Ты просто не поверишь!

— Ладно, ведите его.

Один из матросов вышел. Шед начал торговаться о цене с оставшимся. Лиза наблюдала за ним из другого конца зала, недобро прищурив глаза. Шед мельком подумал, что она слишком настырно лезет в его дела.

Дружком матросов оказался типчик с лягушачьей физиономией от силы пяти футов ростом. Шед нахмурился.

— Он крутой, не забудь! — напомнил ему моряк.

— Да? Ну ладно, пошли.

С тремя провожатыми Шед чувствовал себя на сто процентов увереннее, хотя и не был убежден, что они сумеют помочь, если Гилберт затеет разборку.

Возле конторы слонялись двое горилл.

— Я хочу видеть Гилберта,— сказал им Шед.

— Да? А если он не хочет тебя видеть?

Это была обычная игра в крутых парней, но Шед растерялся, не зная, что ответить. Его выручил один из матросов.

— По-моему, у него нет выбора. Разве что за этой грудой сала у тебя скрывается пара мышц? — небрежно спросил он, вытащил нож и начал чистить им ногти — так похоже на Ворона, что Шед даже вздрогнул.

— Он в конторе.— Жирный телохранитель переглянулся со своим напарником.

«Один из них рванет сейчас за подмогой»,— подумал Шед. Он сделал шаг вперед.

— Я останусь тут,— сказал коротышка с лягушачьей физиономией.

Шед с силой толкнул дверь кабинета. Ростовщик, положив на стол мешок с деньгами, взвешивал левы на точных весах, одну

монету за другой, откладывая обрезанные в сторону. Он поднял на вошедших злобный взгляд.

— Какого черта?..

— Двое моих друзей очень хотели заглянуть к тебе — посмотреть, как ты обделываешь свои делишки.

— Мне не нравится такое отношение, Шед. Похоже, ты мне не доверяешь.

Шед пожал плечами:

— До меня дошли нехорошие слухи. Говорят, ты вместе со Сью решил меня ограбить. Прибрать к рукам мою «Лилию».

— Вместе со Сью? Кстати, где она, Шед?

— Так, значит, вы и правда связаны? — Шед состроил угрюмую мину.— Черт бы тебя побрал! Вот почему она дала мне от ворот поворот. Сволочь ты, Гилберт! Она больше не хочет меня видеть. А эта обезьяна у двери уверяет, будто Сью нету дома. Твоих рук дело, Гилберт? Ты это подстроил? Знаешь, ты мне совсем не нравишься!

Гилберт искоса оглядел всех троих. Казалось, он взвешивает свои шансы. Но тут в кабинет неторопливо вошел коротышка и прислонился к стене, раздвинув широкий рот в насмешливой ухмылке.

— Ты пришел по делу или так, потрепаться? — спросил Гилберт.— Если по делу, то выкладывай. И убирайся поскорее со своими уродами. Они мне всю репутацию испортят.

Шед вытащил из кармана кожаный мешочек.

— Репутация у тебя и так хреновая, Гилберт. Люди говорят, с тобой не стоит связываться. Им не нравится, что ты вечно норовишь прикарманить чужую собственность.

— Заткнись и давай сюда деньги, Шед. А если пришел просто поныть, тогда уматывай.

— А он храбрец. Ишь как раздухарился, даром что один против четверых,— сказал матрос, бывший повыше ростом. Второй ответил ему на незнакомом языке. Гилберт злобно зыркнул на них: я, мол, ваши физиономии запомню! Коротышка ухмыльнулся и поманил его пальчиком. Гилберт решил, что пока не время заедаться.

Шед отсчитывал монеты. Гилберт смотрел на растущую кучку, и глаза его становились все шире.

— Я же говорил, что проверну выгодное дельце,— сказал Шед и бросил в кучку драгоценности Сью.

Один из моряков взял браслет, покрутил его в пальцах.

— Сколько ты должен этому типу?

Гилберт отрывисто назвал сумму, показавшуюся Шеду преувеличенной.

— Гляди, Шед, не продешеви,— сказал матрос.

Я просто хочу забрать у этого шакала закладную на «Лилию».

Гилберт уставился на украшения, бледный и взмокший. Облизнул губы, потянулся рукой за колечком. Пальцы у него дрожали.

Шед испытывал и страх, и злорадство одновременно. Гилберт узнал колечко. Теперь, возможно, он поостережется связываться с Каштаном Шедом. Или, наоборот, перережет кое-кому глотку. Гилберт, как и Крейг, тоже испытывал проблемы со своим «эго».

Этого с лихвой хватит, чтобы покрыть все мои долги, господин Гилберт. Даже считая с дополнительными процентами. Несите-ка сюда мою закладную.

Гилберт рассеянно достал документ из ящика соседней полки. Глаза его не отрывались от кольца.

Шед немедленно порвал бумагу.

— По-моему, еще один должок за мной остался, а, господин Гилберт? Да, думаю, что так. Будьте уверены, я уж постараюсь, чтобы вы получили все, что вам причитается.

Гилберт злобно сощурился. Но в глазах его мелькнула также тень испуга. Шеду это понравилось. Никто никогда не боялся Каштана Шеда, за исключением Азы, но Аза был не в счет.

Пора сматывать отсюда, чтобы не спугнуть удачу.

— Благодарю вас, господин Гилберт. До скорого свидания.

Проходя через приемную, Шед с изумлением увидел, что оба телохранителя сладко похрапывают. Человечек с лягушачьей физиономией усмехнулся. На улице Шед расплатился со своим эскортом.

— А он не так уж ерепенился. Я думал, будет хуже.

— Так мы же были с тобой,— сказал коротышка.— Давай двинем к тебе и попьем пивка.

— Вид у него был такой, будто он в шоке,— заметил один из матросов.

— Как ты умудрился наделать такую кучу долгов? — поинтересовался коротышка.

— Из-за бабы. Я собирался жениться на ней. А она просто тянула из меня денежки. В конце концов я прозрел.

Троица покачала головами.

— Женщины! — сказал один моряк.— С ними, приятель, нужно поосторожнее. Иначе костей не соберешь.

— Я получил хороший урок. Эй, давайте это обмоем! Я угощаю. У меня осталось немного вина — я закупил его для особого клиента. Но клиент уехал, а вино девать некуда.

— Такое дрянное?

— Нет. Такое хорошее. Никому не по карману.

Шед провел весь оставшийся вечер, потягивая вино, даже когда моряки смотались куда-то по делам. Каждый раз при воспоминании о том, как Гилберт отреагировал на кольцо, хозяин таверны расплывался в широкой усмешке.

«Не очень-то зарывайся,— тут же одергивал он себя.— Гилберт такой же сумасшедший, как и Крейг».

Но потом приподнятое настроение прошло, сменившись страхом. Гилберт отомстит ему, когда он будет один, а под патиной, оставленной Вороном и несколькими последними сделками, по-прежнему скрывалось слишком много того самого старины Шеда.

— Нужно было отвезти гада в замок,— пробормотал Шед в свою кружку. И тут же обругал себя: — Вот черт! Я такой же негодяй, как Ворон. Даже хуже. Ворон хоть живых туда не возил. Что, интересно, делает сейчас этот подонок со своим шикарным кораблем и хитрой маленькой потаскушкой?

Шед надрался до поросячьего визга и чуть не рыдал от жалости к себе.

Последний постоялец ушел в свою спальню. Последний посетитель ушел домой. А Шед все сидел, уговаривая бутылку и косо глядя на Лизу, на которую он злился, сам не зная почему.

«Из-за ее тела,— подумал он.— Ишь, какое налитое! А она не дает. Слишком, мол, хороша для меня. И какую волю забрала в последнее время! Да-а».

Лиза посматривала на него, прибираясь в зале. Ловкая, сучка. Даже лучше Душечки — та тоже работала не покладая рук, но не было в ней этакой экономности движений. Может, и правда разрешить ей похозяйничать в таверне? Сам он не очень-то с этим справляется.

Внезапно он обнаружил, что Лиза сидит напротив него. Шед смерил ее злобным взглядом. А ей хоть бы хны — сидит себе и бровью не ведет. Боевая девка. Такую на пушку не возьмешь. Не запугаешь. Ох, наплачется он из-за нее когда-нибудь!

— В чем дело, господин Шед?

— Ни в чем.

— Я слыхала, вы отдали Гилберту долги. По закладной на «Лилию». Как вы могли заложить «Лилию»? Она принадлежит вашей семье уже несколько поколений!

— Не пудри мне мозги этой сентиментальной чепухой! Тебе-то какая печаль?

— Где вы взяли деньги?

— Кончай приставать, поняла? Иначе тебе не поздоровится! — Несмотря на суровый тон, Шед сам не верил своим угрозам.

— Вы как-то странно себя ведете последнее время.

— Я был влюблен.

— Не в этом дело. Кстати, а куда она девалась, ваша любовь? Я слыхала, будто Сью исчезла. Гилберт говорит, вы ее порешили.

— О чем это мы порешили? Я был у нее сегодня.

— Вы с ней виделись?

— Нет. Привратник сказал, ее нет дома. Она просто не хочет меня видеть. Небось, ублажала кого-нибудь.

— А может, ее действительно не было дома?

— Я говорил тебе, что не хочу больше о ней вспоминать! — взревел Шед.— Ясно?

— Конечно. Скажите, где вы взяли деньги.

— Тебе-то зачем?

— Потому что, если там есть еще, я хочу войти в долю. У меня нет ни малейшего желания угробить свою жизнь в Котурне. Я готова на все, чтобы выбраться отсюда.

Шед горько усмехнулся.

Лиза неправильно истолковала его усмешку.

— Здесь я работаю временно, только пока не подыщу себе другое занятие!

— Миллионы людей мечтали о том же, Лиза. И все они замерзли потом в переулках Котурна.

— Не все. Я выберусь отсюда. Где вы раздобыли деньги, господин Шед?

Лиза принесла еще бутылку дорогого вина. «Скоро конец запасам»,— мельком подумал Шед.

И рассказал Лизе о своем тайном партнере.

— Будет врать-то! Я здесь не первый день, что-нибудь да заметила бы.

— Ты лучше поверь мне, девочка.— Шед хихикнул.— А будешь давить на меня — сама с ним встретишься. Он тебе не понравится, даю гарантию.— Он вспомнил, как длинная тварь приглашала его приезжать поскорее.

— Куда девалась Сью?

Шед попытался встать, но ноги его не слушались. Он плюхнулся обратно на табуретку.

— Развезло меня. Сильнее, чем я думал. Форму теряю.— Лиза серьезно кивнула.— Я любил ее. Любил по-настоящему. Зачем она так со мной обошлась? Я бы обращался с ней как с королевой. Я бы в ад для нее пошел, не побоялся. В общем-то, туда я и пошел.— Он хихикнул.— Вместе с ней... И тю-тю!

— А для меня вы бы сделали это, господин Шед?

— Что?

— Вы давно меня домогаетесь. Чего я стою, как по-вашему?

— Не знаю,— осклабился Шед.— Не могу сказать, пока не попробовал.

— У тебя все равно нет денег, старик!

— Зато я знаю, где их добыть!

— Где?

Шед молча сидел и ухмылялся, пуская слюну изо рта.

— Ладно, сдаюсь. Ваша взяла. Пошли. Я помогу вам добраться до спальни, а потом пойду домой.

Восхождение было эпически долгим. Шеду не хватило одного глотка, чтобы отключиться. Дойдя до спальни, он мешком повалился на кровать.

— Спасибо,— пробормотал он.— Эй, чего ты делаешь?

— Вам же надо раздеться!

— Да, пожалуй.— Он даже не пытался ей помочь.— Эй, ты чего? Чего руки-то распускаешь?

— Вы же хотите меня, разве нет?

Через минуту Лиза уже прижималась к нему своим обнаженным телом. Но Шед был слишком пьян, чтобы воспользоваться ситуацией. Он обнял ее, разнюнился и излил все свои горести. На это она и рассчитывала.

Глава 29
Арча. Расплата

Шед сел так резко, что голова пошла кругом. Внутри кто-то сразу начал выбивать барабанную дробь. Шед перекатился к краю кровати, и его громко вытошнило. А потом затошнило по-другому. От страха.

— Я выболтал ей. Рассказал все как на духу.— Он дернулся, собираясь спрыгнуть с кровати. Нужно бежать из Арчи, пока не заявились инквизиторы. У него есть золото. Какой-нибудь иноземный капитан может отвезти его на юг. Там он найдет Ворона и Азу... Шед бессильно упал обратно на койку, слишком несчастный, чтобы действовать.— Помираю,— пробормотал он.— Если ад существует, то я уже в аду.

Неужто он выболтал все? Да, похоже. И главное — ни за что ни про что. Он ничего не получил взамен.

— Каштан Шед, ты прирожденный неудачник! Когда ты наконец усвоишь это?

Он снова приподнялся, более осторожно, и пошарил в тайнике. Золото по-прежнему было там. Может, он все-таки что-то утаил от Лизы? Шед задумчиво уставился на амулет. Лизу можно отправить вслед за Сью. Если только она не успела никому растрепаться. Но она будет начеку,

верно ведь? Ее не застанешь теперь врасплох, если она вообще не удрала.

— Моя голова! Боги мои! Я ничего не соображаю.— Снизу донесся какой-то шум.— Проклятье,— пробормотал Шед.— Она сбежала, оставив таверну открытой. Сейчас там все растащат!

По щекам его покатились слезы. Вот к какому концу он пришел! Возможно, это Вол со своими душегубами орудует в зале.

Лучше пойти и встретить свою судьбу. Проклиная все на свете, Шед оделся и начал долгий спуск по лестнице.

— Доброе утречко, господин Шед! — радостно приветствовала его Лиза.— Что вы хотите на завтрак?

Шед уставился на нее, разинув рот, потом доковылял до столика и сел, обхватив голову руками и не обращая внимания на изумленный взгляд одного из своих вчерашних спутников.

— Похмелье мучает, господин Шед? — спросила Лиза.

— Да.— Собственный голос показался ему громоподобным.

— Я вам кое-что смешаю по папашиному рецепту. Он у меня заядлый выпивоха, как вы знаете.

Шед слабо кивнул. И даже такой кивок отдался болью в голове. Лизин папаша был одной из причин, по которым Шед вообще ее нанял. Девушка отчаянно нуждалась в помощи. Еще одно доброе дело вышло ему боком.

Лиза принесла такую отвратную на вид бурду, что к ней не притронулся бы даже колдун.

— Выпейте залпом, так будет легче.

— Могу себе представить.— Почти надеясь, что бурда отравлена, Шед заглотнул адскую смесь.— Когда они придут? — спросил он, еле отдышавшись.— Сколько у меня времени?

— Кто придет, господин Шед?

— Инквизиторы. Законники. Кого ты там вызвала?

— А с какой стати им сюда приходить?

Шед, морщась от боли, поднял на нее глаза.

— Я же вам говорила, что готова на все, лишь бы выбраться из Котурна,— зашептала Лиза.— И я не собираюсь упускать свой шанс. Теперь мы с вами партнеры, господин Шед. Доходы пополам.

Шед снова обхватил руками голову и застонал. Это никогда не кончится. Разве что вместе с ним. В душе он клял последними словами и Ворона, и весь род его.

Зал был пуст. Дверь закрыта.

— Сначала нужно заняться Гилбертом,— сказала Лиза.

Шед понуро кивнул, избегая ее взгляда.

— Глупо с вашей стороны было давать ему драгоценности, которые он может узнать. Он убьет вас, если мы не прикончим его первые.

Шед снова кивнул. «Почему я? — стенал он про себя.— За что мне такое наказание?»

— И не думайте, будто вам удастся отделаться от меня, как от Сью или шантажиста. Я оставила у отца письмо, и, если я исчезну, он отнесет его Волу.

— Слишком ты сообразительная. Плохо кончишь,— буркнул Шед. И добавил: — Потерпи до зимы, уже недолго осталось.

— Да. Но мы не будем работать как Ворон. Слишком это утомительно и рискованно. Мы займемся благотворительностью. Будем пускать сюда всех бездомных. А утром одним или двумя станет меньше.

— Ты соображаешь, о чем говоришь? Это же убийство!

— А кому какое дело? Для них самих так будет лучше. Можете назвать это милосердием.

— Невероятно! Чтобы такая молодая девушка была такой бессердечной!..

— Сердце в Котурне только помеха, господин Шед. Надо приготовить холодное местечко, где мы будем хранить трупы, пока не пригоним фургон. Думаю, одной поездки в неделю будет достаточно.

— Зима...

— ...будет моим последним сезоном в Котурне.

— Я не стану этого делать.

— Еще как станете! Или отправитесь к Волу. У вас нет выбора. У вас есть партнер.

— Боже, избави меня от этого изверга в юбке!

— А вы разве не изверг? Вы убили пятерых!

— Четверых,— слабо запротестовал Шед.

— Вы думаете, Сью еще жива? Не стоит спорить по мелочам. С какой стороны ни посмотри, вы все равно убийца. Просто вы такой непрактичный убийца, что вечно сидите без герша за душой. И такой глупый, что связываетесь со всякими Сью и Гилбертами. Повесить могут только раз, господин Шед!

Что толку спорить с социопатом? Лиза была средоточием Лизиной вселенной. Остальные люди существовали исключительно для того, чтобы она могла их использовать.

— После Гилберта надо будет заняться еще кое-кем. Например, Крейговым громилой, которому удалось смыться. Он наверняка гадает, куда девались трупы. Покамест он молчит, иначе весь Котурн гудел бы от слухов. Но в один прекрасный день может и заговорить. А потом примемся за человека, который помог вам избавиться от шантажиста.

Лиза походила на генерала, планирующего ход кампании. Она хладнокровно планировала убийства оптом. Как такое возможно?!

— Я не хочу больше мочить руки в крови, Лиза.

— А разве у вас есть выбор?

Шед не мог отрицать, что смерть Гилберта имеет некоторое значение для его собственного выживания. А после Гилберта наступит еще чья-то очередь. И в конце концов эта девчонка потеряет осторожность и погубит его.

Что она там говорила про письмо? Проклятие! Может, начать с ее папаши?.. Да, ловушка просторная, но выхода из нее не видно.

— Возможно, для меня это единственный шанс выбраться отсюда, господин Шед. И уж поверьте мне, я ухвачусь за него обеими руками.

Шед стряхнул с себя летаргию, нагнулся, уставился в камин. Его выживание прежде всего. Поэтому Гилберт должен умереть. Тут двух мнений быть не может.

А как насчет черного замка? Сказал он ей про амулет? Шед не мог вспомнить. Надо будет намекнуть о существовании некоего специального пропуска, иначе девчонка может попытаться убить и продать его самого. Он станет для нее угрозой,

как только она выполнит свой план. Да. Естественно. Едва ей удастся установить контакт с тварями из черного замка, как она тут же захочет избавиться от Шеда. Стало быть, он должен внести еще одно имя в свой черный список.

Черт возьми! Ворон сделал самую умную вещь, единственно возможную. Он нашел единственный выход. И этот выход — уехать из Арчи.

— Придется последовать за ним,— пробормотал Шед.— Другого выхода нет.

— Что?

— Не обращай внимания, девочка. Ты победила. Давай займемся Гилбертом.

— Хорошо. Тогда не пейте сегодня, а завтра встанете рано. Вам придется присмотреть за «Лилией», пока я кое-что организую.

— Договорились.

— А потом вы выполните свою долю работы.

— Да. Наверное.

— Спокойной ночи, господин Шед.

Лиза проводила его подозрительным взглядом.

— Все в порядке,— сказала она Шеду на следующий день.— Гилберт придет ко мне сегодня вечером. Один. Вы подгоните фургон. А я позабочусь о том, чтобы мой папашка не шлялся поблизости.

— Насколько я слыхал, Гилберт никуда теперь не ходит без телохранителя.

— Сегодня вечером пойдет. Он принесет мне десять лев за то, чтобы я помогла ему прибрать к рукам «Лилию». Я намекнула, что ему может обломиться кое-что еще.

У Шеда заурчало в животе.

— А если он заподозрит?

— Нас будет двое, а он один. Не пойму я, как такое ничтожество с заячьей душонкой вообще могло кого-то пришить?

«Тогда мне не было так страшно»,— подумал Шед. Но оставил эту мысль при себе. Не стоило давать Лизе в руки лишние козыри. Пора было найти козыри против нее.

— Ты что, ничего не боишься, детка?

— Нищеты боюсь. Особенно в старости. Меня всю колотит, когда я вижу, как Хранители волокут из переулка трупы старичья в лохмотьях.

— Н-да. Это я могу понять.— Шед незаметно улыбнулся. Что ж, для начала неплохо.

Шед остановил фургон, глянул на заднее окошко полуподвала. Свеча не горит. Лиза, очевидно, еще не вернулась. Шед стегнул мулов вожжами, покатил вперед. Гилберт мог расставить наблюдателей. Он ведь не дурак.

Сделав круг по переулкам, Шед зашагал обратно пешком, прикидываясь пьяным. Кто-то уже успел зажечь в квартире свет. С бьющимся сердцем Шед скользнул к двери черного хода.

Дверь была незаперта. Как и договаривались. Может, Гилберт все-таки дурак? Шед осторожно протиснулся внутрь. Кишки в животе точно узлом связало. Руки тряслись. Из горла рвался крик.

Да, это был не тот Каштан Шед, что победил Крейга и его банду. Того Шеда загнали в капкан, и он боролся за свою жизнь. У него не было времени на раздумья, вгоняющие в панику. У нынешнего Шеда времени хватало. Он был уверен, что проколется.

Квартира состояла из двух крохотных комнатушек. Прихожая была пустой и темной. Шед осторожно прошел вперед, притаился за рваной шторой. Мужской голос в спальне что-то невнятно пробурчал. Шед осторожно выглянул.

Гилберт уже разделся и встал коленом на убогое подобие кровати. На ней лежала Лиза, натянув одеяло по самую шею, точно не в силах побороть стыдливость. Ссохшееся, сморщенное тело Гилберта, обвитое веревками синих вен, резко контрастировало с юной свежестью Лизы.

Гилберт злился.

Шед выругался про себя. Пора ей прекратить эти игры, пока не доигралась. Она просто не может идти к своей цели прямым путем. Вечно ей нужно что-то выдумать для собственного удовольствия.

С этим надо кончать.

Лиза сделала вид, что уступает, подвинулась, освобождая для Гилберта место.

Шеду велено было напасть, когда Лиза обовьет старика руками и ногами. Но он решил сыграть по-своему, не торопясь. Он стоял и ухмылялся, глядя на ее искаженное гримасой отвращения лицо, в то время как Гилберт пыхтел на ней верхом.

Шед наконец шагнул вперед.

Три быстрых и бесшумных шага. Удавка обвила тощую шею петлей. Шед с силой потянул веревку на себя. Лиза еще крепче сжала Гилберта в объятиях. Каким маленьким и смертным оказался этот ростовщик! Совсем не похож на человека, перед которым трепетало пол-Котурна.

Гилберт трепыхался, но вырваться не мог.

Шеду казалось, что этому не будет конца. Он и не думал, что так тяжело задушить человека. Наконец он отступил от кровати, с трудом подавляя внутреннюю дрожь.

— Снимите его с меня! — взвизгнула Лиза.

Шед откинул труп в сторону.

— Одевайся. Скорей. Надо убираться отсюда. Он мог оставить телохранителей где-нибудь поблизости. Я подкачу фургон.

Он метнулся к двери, выглянул в переулок. Никого. Шед быстро подогнал к двери повозку.

— Шевелись! — рявкнул он, вернувшись и застав Лизу голой.— Нужно убрать его отсюда!

Лиза застыла как изваяние.

Шед сунул ей в руки одежду, похлопал по обнаженной спине:

— Побыстрей, черт возьми!

Лиза начала медленно одеваться. Шед подлетел к двери, проверил переулок. По-прежнему никого. Он мгновенно выволок труп, забросил его в фургон, накрыл брезентом. Забавно, как смерть меняет людей: они даже легче становятся.

Шед метнулся назад:

— Ты долго будешь копаться? Я вытащу тебя на улицу в таком виде!

Угроза не возымела никакого действия. Шед схватил Лизу за руку, поволок к дверям.

— Садись!

Закинул ее на сиденье, вспрыгнул сам. Хлестнул поводьями. Мулы флегматично тронулись вперед. Когда повозка миновала мост через Портовую реку, животные привычно побрели по знакомой дороге, почти не нуждаясь в понуканиях. «Сколько же раз они проделали этот путь?»— мельком подумал Шед.

Фургон одолел половину склона, и лишь тогда Шед успокоился настолько, чтобы обратить внимание на Лизу. Она по-прежнему была в шоке. Убийство внезапно стало не просто словами. Она своими руками помогла убить человека. И тем самым сунула собственную голову в петлю.

— Не так-то легко, как тебе казалось, а?

— Я не думала, что так будет. Я держала его и чувствовала, как из него выходит жизнь. Это... Это оказалось страшнее, чем я ожидала.

— А еще собиралась сделать карьеру убийцы! Послушай, что я тебе скажу. Я своих постояльцев убивать не собираюсь. Хочешь — души их сама.

Лиза сделала вялую попытку пригрозить ему.

— Все, кончилась твоя власть надо мной, поняла? Валяй, иди к инквизиторам. Под пытками ты выложишь им всю правду, партнер!

Лиза поежилась. Шед заговорил снова лишь тогда, когда они подъехали к черному замку:

— И кончай свои дурацкие игры, ясно тебе?

Он подумал было продать ее вместе с Гилбертом, но решил, что у него не хватит для этого ни ненависти, ни злости, ни даже просто подлости.

Он остановил мулов.

— Оставайся здесь. Не вылезай из фургона, что бы ни случилось. Поняла?

— Да.— Голос у Лизы был глухой и еле слышный.

«Напугалась до смерти»,— подумал Шед.

Он постучал в черные ворота. Они распахнулись внутрь. Шед залез обратно на сиденье, въехал под арку, спрыгнул, швырнул Гилберта на каменную плиту. Длинная тварь вышла из тени, осмотрела труп, потом взглянула на Лизу.

— Нет, ее не трожь,— сказал Шед.— Она мой новый партнер.

Тварь кивнула.

— Тридцать.

— По рукам.

— Нам нужно много тел, Каштан Шед. Очень много. Наша работа подходит к концу. Мы хотим завершить ее поскорее.

Шед поежился от тона, каким это было сказано.

— Скоро привезу еще.

— Хорошо. Очень хорошо. Мы тебя щедро вознаградим.

Шед снова поежился, огляделся вокруг.

— Ищете женщину? — спросила нечисть.— Она еще не слилась воедино с порталом.

Тварь щелкнула длинными желтыми пальцами. Во тьме зашаркали шаги. Черные тени выступили вперед, поддерживая под руки нагую Сью. Шед громко сглотнул. Выглядела она ужасно. Исхудала, кожа стала бесцветной — там, где не была разукрашена синяками и ссадинами. Одно из чудищ приподняло женщине подбородок, заставив посмотреть на Шеда. Глаза у Сью были пустые и бездумные.

— Ходячий труп! — прошептал Шед.

— Ну как, месть достаточно сладка? — спросила тварь.

— Уберите ее отсюда! Я не хочу ее видеть.

Длинная тварь щелкнула пальцами. Ее товарки отступили в тень.

— Мои деньги! — рявкнул Шед.

Выродок, хихикая, бросил монеты к ногам Гилберта. Шед подобрал их и сунул в карман.

— Привози нам побольше живых, Каштан Шед. Мы им находим разнообразное применение.

Во тьме эхом прокатился крик. Шеду показалось, что он услышал свое имя.

— Она узнала тебя, дружок.

Из горла у Шеда вырвался стон. Он мигом запрыгнул на сиденье, рявкнул на мулов.

Длинная нечисть уставилась на Лизу с откровенной жадностью. Лиза поняла, что значит этот взгляд.

— Уедем отсюда, господин Шед! Пожалуйста!

— Н-но, залетные!

Фургон скрипел, стонал и, казалось, целую вечность тащился к воротам. Откуда-то из замка продолжали доноситься крики.

Когда они выехали наконец, Лиза посмотрела на Шеда с каким-то странным выражением. Шед уловил в нем облегчение, страх и даже долю презрения. Облегчение преобладало. Лиза поняла, насколько она уязвима. Шед загадочно улыбнулся, кивнул и ничего не сказал. «Как Ворон»,— вдруг вспомнил он.

И усмехнулся. Как Ворон.

Пускай она поразмыслит. Пускай поволнуется.

Мулы неожиданно остановились.

— Что такое?

Из темноты материализовались людские фигуры. В руках они держали обнаженные мечи. Настоящие мечи, боевые.

— Чтоб я сдох! — воскликнул чей-то голос.— Это ж хозяин таверны!

Глава 30
Арча. Новые неприятности

Масло вкатился в дом из ночной темноты.

— Эй, Костоправ! У нас клиент!

Я сложил свои карты, но не бросил их в кучу.

— Ты уверен? — Я чертовски устал от ложных тревог.

Масло робко улыбнулся:

— Ага. Уверен.

Что-то тут было не так.

— Где он? Выкладывай все до конца!

— Они въезжают в ворота.

— Они?

— Мужчина и женщина. Мы даже не думали их подозревать, пока они не проехали мимо последнего дома и не направились к замку. А потом уже было поздно их задерживать.

Я хлопнул ладонью по столу. Опять проворонили! Утром мне выдадут по первое число. Шепот по горло сыта моими оправданиями. Не исключено, что она просто отправит меня в Катакомбы. Навсегда. Взятые не отличаются терпеливостью.

— Пошли,— сказал я как можно спокойнее, прожигая взглядом в Масле дырку. Он старательно держался от меня подальше. Он знал, что я недоволен. Знал, чем я рискую при встрече со Взятыми. И не хотел давать мне повода придушить его на месте.— Если опять напортачите — всем глотки перережу.

Мы схватили мечи и рванули в ночь.

Нашли место для засады — колючий кустарник двумя сотнями ярдов ниже крепостных ворот. Я только успел разместить людей, как в замке раздались истошные вопли.

— Жуть какая! — сказал один из ребят.

— Не высовывайся! — рявкнул я. По спине у меня побежали мурашки. Вопли и правда были жуткие.

Казалось, им не будет конца. Потом я услышал приглушенное звяканье упряжи и скрип несмазанных колес. А потом — человеческие голоса, переговаривающиеся шепотом.

Мы выскочили из кустов. Кто-то из ребят откинул крышку лампы.

— Чтоб я сдох! — вырвалось у меня.— Это ж хозяин таверны!

Мужчина обмяк. Женщина уставилась на нас круглыми глазами. Потом спрыгнула с сиденья и побежала.

— За ней, Масло! Если упустишь — не забудь помолиться. Дергач, тащи этого паршивца сюда. А ты, Косоглазый, отгонишь фургон за дом. Все остальные — за мной, пойдем напрямки.

Поскольку кабатчик не сопротивлялся, я отрядил еще двоих в помощь Маслу. Он гнался за женщиной через кусты. А та бежала к невысокому обрыву, загоняя себя в тупик.

Мы ввели Шеда в заброшенный дом. Оказавшись в освещенном помещении, он совсем сник, точно из него выпустили воздух. Он не говорил ни слова. Обычно пленники как-то сопротивляются задержанию, хотя бы тем, что уверяют, будто задерживать их нет никакой причины. Но Шед был похож на человека, который уже приготовился к худшему.

— Садись.— Я показал ему на стул возле стола, где мы играли в карты. Сам развернул другой стул, оседлал его, положил руки на спинку и уперся в них подбородком.— Мы взяли тебя с поличным, Шед.

Он уставился потухшим взглядом на столешницу — человек, потерявший надежду.

— Что скажешь?

— А что я могу сказать?

— По-моему, очень даже многое. Мы взяли тебя за задницу, это верно, но ты пока не помер. И, быть может, останешься жив, если сумеешь со мной поладить.

Глаза у него слегка блеснули, но тут же потухли снова. Он мне не верил.

— Я не инквизитор, Шед.

Он немного оживился.

— Это правда. Я ходил вместе с Волом потому, что он знает Котурн. Но у меня своя работа, к Волу она не имеет никакого отношения. Набег на Катакомбы меня вообще не волнует. Черный замок волнует немного больше, поскольку он грозит катастрофой, но сильнее всего меня волнуешь ты, Шед. Из-за человека по имени Ворон.

— Один из ваших парней назвал вас Костоправом. Ворон до смерти испугался какого-то Костоправа, увидав его той ночью, когда люди герцога схватили Вороновых дружков.

Так. Значит, Ворон видел наш захват. Черт, оказывается я рисковал в тот день даже больше, чем думал.

— Я и есть тот самый Костоправ. И я хочу знать все, что ты знаешь о Вороне и Душечке. А также все обо всех, кто что-нибудь знает.

По лицу его скользнула еле заметная тень протеста.

— За тобой охотится уйма народу, Шед. Не только Вол. Моя начальница тоже жаждет тебя повидать. А Вол — сущее дитя по сравнению с ней. Она тебе совсем не понравится. Но я ей тебя отдам, если будешь упрямиться.

Вообще-то я лучше отдал бы его Волу, поскольку Вола не интересовали наши внутренние разногласия со Взятыми. Но он уехал на юг.

— Да, и еще Аза. Я хочу услышать все, что ты мне о нем не рассказал.— До меня донеслись женские проклятия, звучавшие так, будто Масло с ребятами пытались ее изнасиловать. Но я-то знал, что у них просто не встанет после того, как они сегодня облажались.— Кто эта шлюшка?

— Моя служанка. Она...— И тут он начал изливать мне все, что у него наболело. Теперь, когда он заговорил, его было не остановить.

Я решил перекрыть фонтан, пока этот дурак не выболтал лишнего.

— Заткни его! — Один из моих ребят зажал ему ладонью рот.— Вот что мы с тобой сделаем, Шед. Если, конечно, ты хочешь выбраться из этой передряги живым.

Он ждал.

— Люди, на которых я работаю, все равно узнают, что в замок сегодня ночью доставили труп. Я должен поймать поставщика. Мне придется кого-то им предъявить: тебя, девушку или вас обоих. Но ты знаешь кое о чем, что мне хотелось бы утаить от Взятых. А сделать это я могу, только прикончив тебя. При необходимости я действительно тебя убью. Но пока меня устроит, если ты просто притворишься мертвым. Пускай девчонка увидит твой труп. Усек?

— По-моему, да,— сказал он, задрожав.

— Я хочу знать абсолютно все.

— Но девчонка...

Я предостерегающе поднял руку, прислушался. Женские вопли звучали уже совсем близко.

— После встречи со Взятыми она уже не вернется. Поэтому я не вижу причины, мешающей мне тебя отпустить, если все пройдет гладко.

Он не поверил мне. Он совершил преступления, заслуживавшие, с его точки зрения, самой суровой кары, и ожидал ее.

— Мы — Черный Отряд, Шед. Арча скоро на собственной шкуре узнает, что это такое. Кстати, мы никогда не нарушаем данных обещаний. Но сейчас для тебя это не самое главное. Тебе сейчас нужно остаться в живых, а потом уехать куда подальше. Поэтому, дружок, постарайся изобразить из себя такого жмурика, чтоб он казался мертвее тех, кого ты таскал на вершину горы.

— Ладно.

— Тащите его к печке и обработайте поубедительнее.

Мои ребята знали, что делать. Они помяли Шеда, почти не причинив ему боли. Я разбросал в комнате вещи, чтобы создать впечатление драки, и успел как раз вовремя.

Девушка влетела в дверь, подталкиваемая кулаками Масла. Видок у нее был потрепанный. У Масла и его помощников тоже.

— Настоящая тигрица, да?

Масло попытался улыбнуться. Из разбитой губы потекла струйка крови.

— Хуже, Костоправ.— Он пнул девушку под коленки, сбив ее с ног.— А что с тем парнем?

— Мы с ним немного повздорили, и я пырнул его ножом.

— Понятно.

Мы уставились на девушку. Глаз она не отвела, но боевой задор в них погас. С каждым брошенным на Шеда взглядом она становилась все более смирной.

— Н-да. Ты здорово вляпалась, малышка.

Она выдала нам ту самую сказочку, которую я ожидал услышать от Шеда. Мы почти не слушали ее, поскольку знали, что все это вранье. Масло тем временем прибрал в комнате, а потом связал девчонку по рукам и ногам и усадил в кресло. Я развернул кресло спинкой к Шеду. Бедняге все-таки надо было дышать.

Я сел напротив девушки и начал допрос. Шед говорил, что выболтал ей почти все. Мне хотелось выяснить, знает ли она о Вороне что-нибудь такое, что может подвести его или всех нас под монастырь.

Но выяснить это мне не удалось.

Воздух вокруг дома взвихрился с таким ревом, точно грянул гром или нам на головы обрушился торнадо.

— Ох, блин! Взятая,— сказал Масло.

Дверь резко распахнулась, стукнувшись о стенку. Я встал. Желудок у меня свело, сердце стучало, как молот. В дверях появилась Перо — в таком виде, будто она выпрыгнула из горящего здания. От ее тлеющей одежды поднимались колечки дыма.

— Что стряслось? — спросил я.

— Замок. Я подлетела слишком близко. Они чуть не сбили меня. А что у вас?

Я быстро рассказал о наших приключениях, не умолчав о том, что мы проворонили труп. Потом показал на Шеда:

— Один кончился: не хотел отвечать на вопросы. Но вторая жива.— И махнул рукой в сторону Лизы.

Перо подошла к нам поближе. Видно, досталось ей здорово. Я не почувствовал той ауры сдерживаемого напора мощной энергии, которую обычно излучают Взятые. А Перо не почувствовала, что в теле Каштана Шеда теплится жизнь.

— Такая молодая! — Перо приподняла подбородок Лизы.— О, какие глазищи! Огонь и сталь. Госпоже она понравится.

— Нам продолжать наблюдение? — спросил я, полагая, что Перо конфискует пленницу.

— Конечно. Может, еще кто появится.— Она повернулась ко мне лицом.— Но внутрь больше никто проникнуть не должен. Все и так висит на волоске. Этих Шепот вам простит. Следующие станут вашим смертным приговором.

— Так точно, мадам. Только очень трудно вести наблюдение, не привлекая внимания местных жителей. Мы, увы, не можем устроить засаду прямо у дороги.

— Почему?

Я объяснил. Перо успела разглядеть местность вокруг черного замка.

— Да, ты прав. Пока не стоит. Но скоро, когда прибудет Отряд, необходимость в секретности отпадет.

— Так точно, мадам.

Перо взяла девушку за руку.

— Пошли,— сказала Взятая.

Я удивился тому, как безропотно поплелась за ней наша дикая кошка. Вышел, проводил взглядом потрепанный ковер, быстро взмывший в воздух и полетевший к Черепичнику. Взлет его сопровождался одним-единственным отчаянным вскриком.

Я повернулся, собираясь зайти в дом, и столкнулся в дверях с Шедом. Чуть было не врезал ему за своеволие, но сдержался.

— А *это* кто был? — спросил он.— *Что* это было?

— Перо. Одна из Взятых. Одна из моих начальниц.

— Колдунья?

— Одна из самых могущественных. Пошли, сядем. Поговорим. Мне нужно точно знать, что известно девчонке про Ворона и Душечку.

Тщательный допрос убедил меня, что Лизе известно слишком мало, чтобы возбудить у Шепот подозрения. Разве что Взятая свяжет имя Ворона с человеком, причастным к ее пленению несколько лет назад.

Я допрашивал Шеда до зари. Он жаждал выложить свою историю во всех грязных подробностях. В нем назрело желание исповедаться. За несколько следующих дней, когда я тайком выбирался в Котурн, он рассказал мне все, что вы прочли в тех главах Анналов, где Шед выступает как главное действующее лицо. Мне редко доводилось встречать людей, которые вызывали бы у меня большее омерзение. Негодяев — да, их я встречал пачками. Злодеев похлеще Шеда — на каждом углу. Но его закваска на жалости к себе и трусости низводила кабатчика до уровня жалкого ничтожества.

. Бедный дурошлеп. Ему на роду написано быть игрушкой в чужих руках.

И все же... Была в характере Каштана Шеда одна светлая искорка, отражавшаяся в его отношениях с матерью, Лизой, Сэл, Душечкой, Вороном и Азой,— искорка, о которой он сам упоминал, не замечая ее. В его душе жило тайное стремление к милосердию и порядочности. Именно постепенное разгорание этой искорки, оказавшей впоследствии влияние и на Черный Отряд, обязывает меня без утайки изложить все предыдущие неприглядные поступки этого перепуганного человечка.

Поутру мы прикатили в город в Шедовом фургоне, и я позволил ему открыть «Лилию», как обычно. И тут же созвал на совещание Ильмо и Гоблина. Увидав, что мы знакомы друг с другом, Шед совсем приуныл. Просто удивительно, как мы не взяли его раньше. Дуракам везет.

Бедный олух. Мы допрашивали его без конца. Бедные мы. Он не мог сказать нам всего, что нас интересовало.

— А что будем делать с отцом девчонки? — спросил Ильмо.

— Если письмо существует, надо его перехватить,— ответил я.— Нам не нужно новых неприятностей. Гоблин, ты займешься папой. Если он хоть о чем-то подозревает, устрой ему сердечный приступ.

Гоблин мрачно кивнул. Спросил Шеда о местопребывании папаши и умотал. Вернулся он через полчаса.

— Тяжелый случай. Письма у него не было. Девчонка блефовала. Но знал он слишком много, и на допрос его пускать было нельзя. Меня это дело уже доконало. Лучше уж охотиться за повстанцами. Там по крайней мере знаешь, кто есть кто и на чьей ты стороне.

— Так. Мне пора в замок. Взятые меня не поймут, если я буду ошиваться тут внизу. Ильмо, оставь кого-нибудь у Шеда в засаде.

— Конечно. Здесь поселится Ростовщик. Если что, он сразу поймает этого болвана за руку.

— Значит, Ворон купил корабль,— задумчиво проговорил Гоблин.— Надо же! Как по-вашему, что у него на уме?

— Думаю, он поплыл прямо в море,— сказал я.— Говорят, далеко впереди есть какие-то острова. Или даже целый материк. Там он запросто сможет затеряться.

Я вернулся в Черепичник и два дня пробездельничал, время от времени ускользая тайком, чтобы выудить из Шеда все, что он вспомнит. Больше ни черта не происходило. Никто не пытался проникнуть в черный замок. Похоже, Шед был единственным недотепой, занявшимся трупным бизнесом.

Порой я глядел на мрачную черную стену с бойницами и гадал, что там творится. Они чуть было не сбили Перо. Значит, знали, кто такие Взятые и чем они грозят. Интересно, как скоро обитатели замка поймут, что к ним отрезали доступ, и попытаются заново наладить поставку мяса?

Глава 31
Арча. Возвращение

Прошло уже два дня после того, как он попался, а Шед все еще не мог прийти в себя. Стоило ему взглянуть на проклятых живодеров из Черного Отряда, рассевшихся у него в зале, как он опять терял от страха голову. Время, отпущенное на его век, кончилось; теперь он жил взаймы. Шед не знал, зачем он нужен этим головорезам, но не сомневался, что как только они его используют, так сразу выкинут на помойку. Некоторые из его

нянек даже не скрывали, что относятся к нему как к падали. Он и сам к себе так относился.

Он стоял за стойкой и мыл кружки, когда в таверну вошел Аза. Кружка выпала у Шеда из рук.

Аза на мгновение встретился с ним взглядом, завернул на угол и начал подниматься по лестнице. Шед глубоко вздохнул и последовал за ним. Когда он поднялся на второй этаж, то обнаружил, что человек из Отряда по прозвищу Ростовщик неслышно, как смерть, крадется за ним с ножом в руке.

Шед вошел в бывшую спальню Ворона. Ростовщик остался за дверью.

— Какого черта ты здесь делаешь, Аза? Тебя ищут инквизиторы, по делу о Катакомбах. Сам Вол отправился за тобой на юг.

— Успокойся, Шед. Мы с ним столкнулись. Порезали маленько, но он оклемается. И вернется сюда за тобой. Я пришел предупредить тебя. Ты должен уносить ноги из Арчи.

— Ох, нет,— прошептал Шед. Опять судьба сжимает его в клыкастой пасти.— Хотя я уже подумывал об отъезде.— И черт с ним, с Ростовщиком, пускай слушает. Это для него не новость.— Здесь совсем житья не стало. Я начал подыскивать покупателя.— Еще не начал, но сегодня же начнет.

Возвращение Азы как-то подбодрило Шеда. Возможно, просто потому, что теперь у него был союзник, разделявший его тревоги.

Шед рассказал Азе о своих злоключениях, упомянув в том числе и Ростовщика. Упомянутый, однако, не появился.

Что до Азы, то он явно переменился. Шедова история не повергла его в шок. Шед спросил почему.

— Потому что я много времени провел с Вороном. Он мне таких историй о своем прошлом порассказал, что у тебя бы волосы дыбом встали.

— Как он?

— Погиб.

— Погиб? — ахнул Шед.

— Что? — В комнату ворвался Ростовщик.— Ты сказал — Ворон погиб?

Аза взглянул на Ростовщика, на Шеда, потом опять на Ростовщика.

— Сволочь ты, Шед...

— Заткнись, Аза,— оборвал его Шед.— Ты понятия не имеешь, что тут творилось, пока тебя не было. Ростовщик — наш друг. Ну, что-то вроде того.

— Ростовщик? Это из Черного Отряда, что ли?

— Неужто Ворон разболтал? — удивился Ростовщик.

— Он рассказывал истории о вашем прошлом.

— Ясно. Все правильно, приятель. Это я и есть. Давай вернемся к Ворону.

Аза глянул на Шеда. Тот кивнул:

— Говори!

— Ладно. Если честно, я и сам не знаю, что случилось. Мы сделали ноги после стычки с Волом. В бегах, значит, были. А он подослал к нам наемных убийц, и они застали нас врасплох. Мы спрятались в лесу за городом — и тут вдруг Ворон как заорет, как замечется по кустам! А я сижу, ничего не понимаю.— Аза покачал головой. Лицо у него было бледным и мокрым от пота.

— А дальше? — мягко спросил его Шед.

— Не знаю.

— Что? — рявкнул Ростовщик.

— Я не знаю. Я оттуда убег.

Шед скривился. Перед ним снова был старый знакомый Аза.

— Ты настоящий друг, парень,— сказал Ростовщик.

— Послушайте...

Шед махнул на него рукой.

— Тебе нужно бежать из Арчи, Шед,— не унимался Аза.— Деньги у тебя есть, а больше ничего и не нужно. Катакомбы там, на юге, никого не волнуют. Местные считают, что мы классно разыграли Хранителей. Вот почему Волу удалось нас найти. Все со смеху покатывались, когда слышали о грабеже. А несколько парней даже заявили, что снарядят экспедицию и как следует почистят пещеры.

— Откуда же они прослышали о Катакомбах? Ведь о набеге знали только ты да Ворон.

Аза смутился.

— Ну конечно. Я так и думал. Не мог удержаться, хвастунишка несчастный! — Шед был испуган, растерян и начал вымещать свой испуг на Азе. Он не знал, что делать. Нужно убираться из Арчи, тут Аза прав. Но как усыпить бдительность сторожевых псов, которые глаз с него не спускают? Особенно теперь, когда они знают, что ему надо бежать?

— Шед, послушай! Корабль, что стоит в Тулварских доках, утром отплывает в Медополь. Я сказал капитану, чтоб придержал два местечка. Поедешь со мной?

Ростовщик отошел к двери и загородил проход:

— Ни один из вас никуда не поедет. Мои друзья должны с вами поговорить.

— Шед, что это значит? — Аза, казалось, вот-вот ударится в истерику.

Шед взглянул на Ростовщика. Наемник кивнул. Шед выложил все, что знал. Аза ничего не понял. Шед и сам многого не понимал: поскольку его надсмотрщики рассказали ему не все, в картине, сложившейся у него в мозгу, недоставало смысла.

В данный момент Ростовщик был в «Лилии» один.

— Может, мне сходить за Гоблином? — предложил Шед.

— А может, просто подождем? — усмехнулся Ростовщик.

— Но...

— Кто-нибудь да появится. Мы подождем. Пошли вниз. А ты,— Ростовщик ткнул в сторону Азы кончиком ножа,— не вздумай выкинуть какой-нибудь фортель.

— Будь осторожен, Аза,— сказал Шед.— Этих парней боялся сам Ворон.

— Ладно. Ворон много мне про них рассказывал.

— А зря,— сказал Ростовщик.— Костоправу с Ильмо это не понравится. Пошли вниз, господа. Шед, займись своими делами, как обычно.

— Кто-нибудь может узнать Азу,— предупредил Шед.

— Ничего, рискнем. Пошли! — Ростовщик посторонился, пропуская обоих приятелей. В зале он усадил Азу за столик в самом темном углу и, расположившись рядом, принялся чистить ногти ножом. Аза вылупился на него, как завороженный. «Точно призрак увидел»,— подумал Шед.

Теперь, если пожертвовать Азой, можно было сбежать. Аза им нужнее. Рвани сейчас Шед через кухню, Ростовщик не погнался бы за ним.

Из кухни вышла его невестка, балансируя тарелками, которые несла на обеих ладонях.

— Подойди на минутку, Сэл,— позвал ее Шед. И когда она подошла, спросил: — Как ты думаешь, сможешь вместе с детьми управиться в таверне пару недель?

— Конечно. А что стряслось? — Она выглядела озадаченной, однако быстро оглянулась на темный угол.

— Возможно, мне придется на время уехать. Я буду чувствовать себя спокойнее, если кто-то из родственников приглядит за таверной. Лизе я не доверяю.

— Ты до сих пор не знаешь, где она?

— Нет. Казалось бы, могла и объявиться, когда умер отец, правда?

— Может, она не слыхала о его смерти? — Но в голосе Сэл не было уверенности. Шед подозревал, что она как-то связывает Лизино исчезновение с ним. Слишком уж много людей пропадало вокруг него. Он боялся, как бы Сэл не сложила два и два и не решила, что он причастен также к исчезновению Ферта.

— Ходят слухи, что ее арестовали. Пригляди за мамой, ладно? У нее есть прислуга, но за ними тоже нужно присматривать.

— Куда ты собираешься отправиться, Шед?

— Сам пока не знаю.— Он боялся, как бы ему не пришлось отправиться прямиком в Выгородку. Но если нет, тогда он точно рванет куда подальше, прочь от всех здешних дел. Прочь от этих безжалостных людей и их еще менее жалостливых хозяев. Нужно будет расспросить Азу про Взятых. Может, Ворон что-нибудь ему рассказал.

Он хотел улучить момент и сговориться с Азой, чтобы бежать вдвоем. Но не на Тулварском корабле. Аза о нем проболтался, чтоб ему пусто было. На каком-нибудь другом судне, отплывающем на юг.

Что же, интересно, сталось с новеньким кораблем Ворона? И с Душечкой?

— А где Душечка, Аза? — спросил он, подойдя к столику.

Аза покраснел и уставился на свои ладони.

— Я не в курсе, Шед. Честно. Я сдрейфил и на первом же корабле драпанул на север.

Шед пошел к стойке, укоризненно покачивая головой. Бросить девочку одну на произвол судьбы! Да, Аза все-таки совсем не изменился.

В дверях появился тип по прозванию Гоблин. И разулыбался, глядя на Азу, прежде чем Ростовщик успел что-то сказать.

— Так, так, так, так,— проговорил он.— Неужели это тот, о ком я подумал, а, Рост?

— Попал в точку. Пресловутый Аза собственной персоной, вернулся домой с поля брани. И жаждет поделиться новостями.

Гоблин уселся напротив Азы, по-прежнему сияя лягушачьей улыбкой.

— А именно?

— Ну, главное, он утверждает, будто Ворон погиб.

Улыбка исчезла с лица Гоблина. Помрачнев, он заставил Азу рассказать всю историю заново, уставившись в кружку с вином. Когда он наконец поднял глаза, вид у него был подавленный.

— Нужно обсудить это с Ильмо и Костоправом. Молодец, Ростовщик. Я заберу его с собой. А ты не спускай глаз с нашего друга Шеда.

Шед поморщился. В глубине души он надеялся, что они оба уйдут вместе с Азой.

Он уже все решил. Он удерет при первой же возможности. Уедет на юг, сменит фамилию, купит на свое золото гостиницу и будет вести себя так тихо, что никто о нем ничего не услышит.

Аза попробовал было взбунтоваться:

— Кто вы такие, чтобы мне указывать, черт подери? Может, я не хочу никуда идти?

Гоблин нехорошо усмехнулся и что-то еле слышно пробормотал. Из его кружки повалил густой коричневый дым, подсвеченный изнутри кровавым сиянием. Гоблин уставился на Азу. Аза уставился на кружку, разинув рот.

Дым сгустился в форме небольшой головки. На месте глаз заблестели огненные точки.

— Мой маленький дружок очень хочет, чтобы ты поупрямился,— сказал Гоблин.— Он питается болью. Он, бедный, так давно не ел! В Арче мне пришлось держать его на голодном пайке.

Глаза у Азы все больше вылезали из орбит. У Шеда тоже. Колдовство! Он почуял его в той особе, которую называли Взятой. Но тогда оно Шеда не слишком взволновало, поскольку не коснулось его непосредственно. Что-то случилось с Лизой, однако не на его глазах. Но теперь...

Вообще-то колдовство это было низкого пошиба. Просто ловкий фокус. Но жители Арчи вообще не сталкивались с колдовством, если не считать медленного роста черного замка. Черная магия практически была неизвестна в городе.

— Ладно,— сказал Аза.— Ладно.

Голосок у него стал тонким и писклявым, он старался отодвинуть свою табуретку подальше от стола. Ростовщик не пускал его.

— Я вижу, Ворон упоминал про Гоблина,— усмехнулся Гоблин.— Отлично. Надеюсь, теперь ты будешь паинькой. Пошли.

Ростовщик отпустил табуретку. Аза покорно побрел за Гоблином.

Шед бочком подошел к столу поближе и заглянул в кружку Гоблина. Ничего. Он нахмурился.

— Классный фокус, да? — ухмыльнулся Ростовщик.

— Да-а.

Шед понес кружку к раковине и, когда Ростовщик отвернулся, швырнул ее в мусорник. Он был напуган до смерти. Сбежишь от такого колдуна, как же!

В памяти всплыли байки, слышанные от моряков с юга. О колдунах рассказывали страшные вещи.

Шед еле сдерживал слезы.

Глава 32
Арча. Гости

Гоблин привел ко мне этого мошенника Азу, но упорно настаивал на том, чтобы мы не начинали его допрашивать до прихода Ильмо. Он уже послал кого-то за Ильмо в Черепичник, где тот пытался умиротворить Шепот. Ее каждый день накручивала Госпожа, и наша начальница разряжалась на любом, кто попадался под руку.

Гоблин был так расстроен новостями, что не стал, как обычно, играть со мной в угадалки, а сразу доложил:

— Аза говорит, он и Ворон схлестнулись с Волом. Ворон погиб. Аза удрал. Душечка осталась там одна.

Сказать, что я был поражен,— значит, ничего не сказать. Мне хотелось тут же подвергнуть коротышку допросу. Но я взял себя в руки.

Ильмо не спешил. Мы с Гоблином совершенно извелись от ожидания. Азу тем временем вообще чуть удар не хватил.

Однако ожидание оказалось не напрасным. Ильмо пришел не один.

Первым намеком стал слабенький, но едкий запашок, которым вдруг потянуло от камина, где я разжег небольшой огонь. Разжег так, на всякий случай, сами понимаете. А рядом прислонил парочку железных прутьев, чтобы их в любой момент можно было раскалить,— пускай Аза посмотрит на них и подумает: глядишь, и убедит себя, что лучше рассказать все без утайки.

— Чем тут воняет? — спросил кто-то из ребят.— Костоправ, ты что, опять пустил этого кота?

— Я вышвырнул его вон после того, как он оросил мои ботинки,— ответил я.— Спустил вниз на полгоры. Может, он успел наделать перед этим в дрова?

Запашок стал сильнее. В общем, он был не такой уж противный, просто раздражал немного. Мы по очереди проверили дрова. Ничего.

Я начал перебирать поленья по третьему разу, и тут мой взгляд случайно упал на огонь. В пламени мелькнуло лицо.

У меня чуть сердце не остановилось. Полминуты я пребывал в состоянии дикой паники, завороженный увиденным. Я

лихорадочно соображал, какое из зол свалилось на наши головы: Взятые ли наблюдают за нами, или Госпожа, или твари из черного замка, а может, сам Властелин подглядывает через пламя... А потом откуда-то из глубин подсознания, из его сокровенной тихой заводи, всплыло нечто, чего я в первый момент не заметил, поскольку не имел ни малейших оснований этого ожидать. У лица, мелькнувшего в огне, был всего один глаз.

— Одноглазый,— выпалил я, не задумываясь.— Этот мелкий пакостник в Арче.

Гоблин резко повернулся ко мне, распахнув глаза. Принюхался. Лицо его прорезала знаменитая лягушачья усмешка.

— Ты прав, Костоправ. Абсолютно прав. Так вонять может только этот гнусный скунс. Как же я сразу-то не догадался?

Я взглянул на огонь. Лицо больше не появлялось.

— Какой бы достойный прием ему устроить? — задумчиво протянул Гоблин.

— Думаешь, его Капитан послал?

— Наверное. Со стороны Капитана было бы вполне логично прислать сюда Одноглазого или Молчуна.

— Окажи мне услугу, Гоблин.

— Какую?

— Не устраивай Одноглазому особого приема.

Гоблин сник. Они так давно не виделись! Ему очень не хотелось упускать возможность ознаменовать свою встречу с Гоблином громом и молниями.

— Послушай,— сказал я.— Он же прибыл сюда тайком. Взятые ничего не должны знать. Или ты хочешь, чтобы они что-нибудь пронюхали?

Слово я выбрал явно не то. Вонь стояла уже такая, что хоть на двор выбегай.

— Лучше б Капитан послал Молчуна,— проворчал Гоблин.— А я-то размечтался! Я устроил бы ему самый большой сюрприз в его жизни.

— Ну и устроишь, только позже. А пока почему бы тебе не очистить тут воздух? И не достать этого козла, напрочь игнорируя его присутствие?

Гоблин задумался. Глаза у него загорелись.

— Точно! — воскликнул он, и я понял, что Гоблину, с его извращенным чувством юмора, моя идея пришлась по душе.

В дверь громко постучали. Я вздрогнул, хотя и ждал этого. Кто-то из ребят открыл двери и впустил Ильмо.

Одноглазый вошел вслед за Ильмо, ухмыляясь, как маленький черный мангуст, готовый сожрать змею. Мы не обратили на него никакого внимания. Потому что за ним появился Капитан.

Капитан! Последний человек, которого я ожидал увидеть в Арче раньше, чем прибудет весь Отряд.

— Ты? — вырвалось у меня.— Что *ты* тут делаешь?

Он грузно протопал к камину, вытянул руки к огню. Лето кончалось, но было еще не так уж холодно. Капитан, как всегда, походил на медведя, хотя здорово похудел и постарел. Видно, переход и вправду был тяжелый.

— Аист,— буркнул он.

Я нахмурился, взглянул на Ильмо. Он пожал плечами:

— Я посылал Аиста с донесением.

— Ни черта я не понял из этого донесения! — пробурчал Капитан, на сей раз чуть более пространно.— Что там за бодяга с Вороном?

Ну конечно! Ворон же был его лучшим другом, пока не дезертировал. До меня начало доходить.

— Этот парень,— я показал на Азу,— знает все в подробностях. Был корешем Ворона. Он говорит, Ворон погиб... как называлось это место, Аза?

Аза уставился на Капитана с Одноглазым и раз шесть сглотнул, так и не сумев выдавить ни слова.

— Ворон ему такого про нас наговорил, что он поседел, бедняга,— объяснил я Капитану.

— Давайте послушаем его,— сказал Капитан, не спуская с Азы глаз.

Пришлось Азе повторить свою историю в третий раз. Гоблин навострил уши, пытаясь уловить хотя бы малейший намек на фальшь. Одноглазого он игнорировал настолько натурально, что любо-дорого было смотреть. И все зазря.

Как только Аза закруглился, Капитан утратил к нему всякий интерес. Такая у нашего Старика манера. Он должен как следует переварить информацию, прежде чем делать выводы.

Он велел мне кратко доложить обо всем, чему я был свидетелем со дня моего прибытия в Арчу. Доклад Ильмо он, очевидно, уже выслушал.

— Ты слишком подозрительно относишься ко Взятым,— сказал он, когда я закончил свой рассказ.— Хромой был с нами всю дорогу. По его поведению не скажешь, чтобы они что-то замышляли против вас.

Если у кого-то и был повод нас ненавидеть, так это у Хромого.

— Отношения между Госпожой и Взятыми очень непростые,— заметил я.— У них там интрига на интриге и интригой погоняет. Возможно, его просто не поставили в известность, боясь, как бы он не проболтался.

— Возможно,— признал Капитан и заходил по комнате, то и дело озадаченно поглядывая на Азу.— Как бы там ни было, не давайте Шепот повода к излишнему любопытству. Держите язык за зубами. Притворитесь, будто ничего не подозреваете. Делайте свое дело. Одноглазый со своими ребятами будут поблизости и в случае чего вас прикроют.

Да уж, подумал я. Это от Взятых-то?

— Как же тебе удалось улизнуть, если Хромой всю дорогу был с Отрядом? — спросил я Старика.— Стоит ему узнать, что ты здесь, как он сразу доложит Госпоже, разве нет?

— Он не узнает. Мы с ним не общались уже несколько месяцев. Он держится особняком. Обрыдло ему все, по-моему.

— А что в Курганье? — спросил я. Мне не терпелось узнать в подробностях, что пережил Отряд за время долгого перехода, поскольку в Анналах давно не было записей, касающихся большинства моих товарищей. Но я понимал, что сейчас не время выпытывать детали — узнать бы хоть в общих чертах.

— Мы там не были,— ответил Капитан.— По словам Хромого, Курганьем занимаются Госпожа и Странник. Скорее всего, решающий бой будет дан, когда мы возьмем Арчу.

— А подготовка к оккупации на нулях,— сказал я.— Взятые все время отвлекают, заставляют возиться с черным замком.

— Мерзкое местечко, верно? — Он смерил нас взглядом.— Я думаю, вам удалось бы сделать гораздо больше, не впади вы в паранойю.

— То есть?

— Ваше судорожное заметание следов кажется мне совершенно бесполезной тратой времени. Это была не ваша проблема, а Ворона. И он решил ее в типичной для себя манере. Без чьей-либо помощи.— Капитан метнул на Азу яростный взгляд. — Теперь, похоже, проблема решена раз и навсегда.

Легко ему говорить: он здесь не жил и не испытывал этого ежедневного напряжения. Но я решил не возникать.

— Как по-твоему, Аза говорит правду? — спросил я у Гоблина.

Тот нерешительно кивнул.

— А ты, Одноглазый? Ты уловил какие-то фальшивые нотки?

Черный человечек проронил осторожное «нет».

— Аза! У Ворона должна была быть при себе куча бумаг. Он когда-нибудь о них упоминал?

Аза удивленно покачал головой.

— Может, у него был сундук, к которому он никого не подпускал?

Мои вопросы совсем сбили Азу с толку. Остальные тоже смотрели на меня с недоумением. Об этих бумагах знал только Молчун. И еще, быть может, Шепот, у которой они находились недолгое время.

— Ну же, Аза! Было у Ворона что-нибудь, с чем он обращался как-то необычно?

В глазах у коротышки вспыхнул огонек.

— Был один ящик! Размером с гроб. Я, помнится, отпустил какую-то шуточку, а Ворон таинственно так заявил, что это, мол, чей-то билет в могилу.

Я улыбнулся. Значит, бумаги еще целы.

— А куда он дел этот ящик?

— Я не знаю.

— Аза!..

— Честное слово! Я видел его пару раз на корабле. А потом и думать про него забыл.

— К чему ты клонишь, Костоправ? — спросил Капитан.

— У меня есть теория. Основанная на том, что я знаю о Вороне и Азе.

Все обратились в слух.

— Судя по тому, что нам известно об Азе, Ворон бы с ним в разведку не пошел. Аза трус. Ненадежен. Слишком болтлив. Но Ворон все же взял его с собой. Поплыл с ним на юг, сделал чуть ли не своим напарником. Почему? Может, вас, друзья, это не волнует, зато меня — очень даже.

— Я что-то не врубаюсь,— сказал Капитан.

— Предположим, что Ворон хотел исчезнуть так, чтобы никто его больше не искал. Однажды он уже пытался скрыться с глаз, поселившись в Арче. Но тут появились мы. Он решил, что мы за ним охотимся. Что же делать? А почему бы ему не умереть? На глазах у свидетеля. За мертвецом никто охотиться не станет.

— Ты хочешь сказать,— прервал меня Ильмо,— что он инсценировал свою смерть, чтобы Аза о ней растрепался и все успокоились?

— Я говорю только, что мы не должны упускать из виду такую возможность.

Капитан лишь задумчиво хмыкнул.

— Но Аза видел, как он погиб! — возразил Гоблин.

— Может быть. Но возможно, ему это только кажется.

Мы все уставились на Азу. Он съежился.

— Прогони-ка всю его историю еще разок, Одноглазый! — велел Капитан.— Шаг за шагом.

Два часа Одноглазый терзал коротышку вопросами. Но сбить его не удалось. Аза твердил, что своими глазами видел, как Ворона пожирала изнутри какая-то тварь, похожая на змею-ку. И чем сильнее трещала по швам моя теория, тем больше я убеждался в ее правоте.

— Моя версия основана на знании характера Ворона,— настаивал я, отбиваясь от наскоков друзей.— Во-первых, с ним были бумаги, а во-вторых — Душечка. Да еще дорогущий корабль, который он построил черт знает зачем. Ворон ушел из Арчи, оставив за собой следы, и прекрасно это осознавал. Зачем, скажите на милость, причаливать в гавани, проплыв несколько

сотен миль, если за тобой идет охота? Зачем оставлять в живых Шеда, который может растрепаться о набеге на Катакомбы? К тому же Ворон ни за что на свете не бросил бы Душечку одну. Ни на минуту. Он обязательно позаботился бы о ней. Вы это знаете не хуже меня.— Мои доводы начали казаться притянутыми за уши даже мне самому. Я чувствовал себя миссионером, пытающимся обратить в свою веру язычников.— Но, по словам Азы, они просто оставили Душечку болтаться в какой-то гостинице. Говорю вам: у Ворона был план. Если кто-то из вас сейчас туда съездит, зуб даю, что Душечка исчезла без следа. И ящика на борту вы не найдете, даже если корабль все еще на приколе.

— Да что это за ящик такой? — сердито спросил Одноглазый. Я пропустил его вопрос мимо ушей.

— По-моему, у тебя чересчур разыгралось воображение, Костоправ,— сказал Капитан.— Но, с другой стороны, Ворон достаточно хитер, и это было бы вполне в его духе. Как только я смогу тебя отправить, поедешь туда и все выяснишь.

— Если Ворон достаточно хитер, так, может, и Взятые достаточно коварны, чтобы разделаться с нами?

— Не буди лихо, пока тихо. Там видно будет.— Он повернулся к Одноглазому:— А вы с Гоблином чтобы прекратили свои шуточки. Ясно? Начнете резвиться — Взятые враз насторожатся. Ты, Костоправ, не спускай с Азы глаз. Он должен будет показать тебе, где погиб Ворон. Я отправляюсь назад к Отряду. Ильмо, поедем со мной, проводишь меня чуток.

Понятно. Небольшой разговор наедине. Держу пари, он коснется моих подозрений насчет Взятых. К некоторым людям так привыкаешь, что можешь запросто читать их мысли.

Глава 33
Арча. Стычка

После визита Капитана многое переменилось. Ребята стали более собранными. Влияние Ильмо начало расти, мое — наоборот, таять. Исчезла давешняя расхлябанность и апатия, настроение авангарда Отряда сделалось решительным. Все были готовы к действию в любой момент.

Средства сообщения улучшались на глазах, а спать приходилось все меньше. Мы постоянно, каждые пару часов, поддерживали друг с другом связь. А Ильмо придумывал повод за поводом, чтобы отослать всех, за исключением самого себя, подальше от Черепичника — туда, где Взятым было бы труднее их найти. Я со своим подопечным Азой торчал на склоне возле черного замка.

Напряжение росло. Я чувствовал себя цыпленком из выводка, готового броситься врассыпную, как только из засады прыгнет лисица. Я старался отвлечься от мандража, приводя в порядок Анналы. В последнее время я совсем их забросил, делая лишь короткие заметки.

Когда напряжение становилось невыносимым, я шел наверх поглазеть на черный замок.

Я намеренно подвергал себя риску, как ребенок, который ползет по ветке дерева, несмотря на то что может упасть и разбиться насмерть. Чем ближе я подходил к замку, тем больше сосредоточивались на нем мои мысли. На расстоянии двух сотен ярдов все прочие тревоги испарялись. Угроза, исходившая от крепости, пробирала меня до мозга костей. На расстоянии двух сотен ярдов я ощущал, что это значит — когда тень Властелина нависает над миром. Я понимал, что чувствовала Госпожа, когда думала о возможном воскрешении супруга. Все эмоции окрашивались в тона безнадежного отчаяния.

В некотором смысле черный замок был чем-то большим, чем ворота, через которые в мир могло проникнуть величайшее зло. Он был зримым воплощением метафорической концепции, живым символом. Замок действовал на психику подобно большому кафедральному собору. Как и собор, он был отнюдь не только зданием.

Я мог до бесконечности смотреть на его обсидиановые стены и гротескные барельефы, вспоминая Шедовы рассказы и постоянно копаясь в отстойниках своей собственной души в поисках некоей врожденной порядочности, погребенной под хламом моей взрослой жизни. Этот замок был, если хотите, нравственным ориентиром. Если, конечно, вы сохранили способность соображать и хоть какие-то остатки восприимчивости.

Порой меня сопровождали Одноглазый, Гоблин, Ильмо или еще кто-нибудь из ребят. Никто из них не оставался равнодушным к воздействию замка. Они могли стоять там со мной, болтая всякий банальный вздор о его архитектуре или же о влиянии его на судьбу Отряда, но в душе при этом постоянно шла подспудная работа.

Я не верю в абсолютное зло. О своей философии я не раз уже упоминал в разных местах Анналов, и ею проникнуты все наблюдения, записанные за время моего пребывания в должности летописца. Я верю в то, что есть их сторона и наша, а где добро и где зло — об этом судить тем, кто выживет. В мире людей редко бывает так, чтобы под одним знаменем стояли сплошь светлые личности, а под другим — темные. В нашей войне с повстанцами восемь-девять лет назад мы служили стороне, которая считалась темной. Однако мы видели, что приверженцы Белой Розы творят гораздо больше зла, нежели те, кто служит Госпоже. Явные злодеи по крайней мере не лицемерны.

Мир хорошо знает, чего ждать от Госпожи. Идеалы же и нравственные принципы повстанцев, переменчивые, как погода, и гибкие, как змея, вечно противоречат их поступкам.

Однако я отвлекся. Это все из-за черного замка. Он заставляет вас попетлять по всем тупикам, кривым дорожкам и ложным следам, которые вы протоптали в течение своей жизни. Он заставляет совершить переоценку ценностей. Вызывает у вас желание определиться и встать на чью-либо сторону, хотя бы даже на сторону тьмы. Делает вас нетерпимым к вашей собственной податливой нравственности.

Подозреваю, что именно поэтому жители Арчи предпочитают делать вид, будто черный замок не существует. Это абсолют, требующий абсолютов в мире, предпочитающем относительность.

Стоя под теми черными стеклянно блестящими стенами, я часто думал о Душечке, поскольку она была антиподом замка. Белым полюсом — абсолютом, противоположным тому, что символизировал черный замок. Я не так уж много общался с ней после того как узнал, кто она такая, но, помнится, ее присутствие тоже лишало меня душевного покоя. Интересно, какое воздействие оказала бы она на меня теперь, когда подросла?

Судя по тому, что рассказывал Шед, Душечка не давила на психику так, как черный замок. У самого Шеда она вызывала только одно желание — затащить ее в постель. И Ворон тоже не свернул под ее влиянием на стезю добродетели. Скорее, наоборот, еще глубже погряз в грехах — хотя из самых благородных побуждений.

Возможно, в этом был какой-то глубинный смысл, диалектическое противоречие средств и целей: Ворон, действующий с прагматичной аморальностью Князя Тьмы ради спасения девочки, воплощавшей в себе единственную надежду на избавление мира от Властелина и Госпожи.

О, как это было бы чудесно, если бы мир и его моральные проблемы походили на шахматную доску с черными и белыми фигурами, с твердыми правилами игры — и никаких тебе серых оттенков!

Даже Аза и Шед ощущали ауру замка, когда я приводил их сюда среди бела дня и заставлял постоять, глядя на его беспощадные стены.

Особенно Шед.

Он был сейчас в таком положении, когда мог себе позволить колебания и угрызения совести. Финансовые проблемы уже не мучили его, как прежде, а вырыть себе очередную яму мешало наше неусыпное наблюдение, так что он мог свободно предаться самоанализу и исполниться презрением к самому себе. Я не раз водил его к вершине, наблюдая за тем, как вспыхивала искорка порядочности, таившаяся на самом дне его души, вздергивая беднягу на дыбу внутренних терзаний.

Не знаю, как Ильмо это удалось. Возможно, он не спал неделями. Но когда Отряд спустился с Воландерских гор, план оккупации был уже готов. Вчерне, конечно, но мы и такого не ожидали.

Я был в Котурне, сидел у Шеда в «Железной лилии», когда первые слухи дошли до побережья, вызвав сильнейшее смятение его обитателей. Шедов сосед, торговец дровами, ворвался в «Лилию» с воплем:

— Там целое войско спустилось через перевал! Иноземное! Тысячи солдат! Говорят...

В течение часа в таверне появилась дюжина клиентов со свежими новостями. И с каждым разом войско становилось все больше, а цели его — все загадочнее. Никто понять не мог, чего хочет Отряд. Очевидцы строили догадки, исходя из своих собственных опасений. Все они были далеки от истины.

Солдаты, хотя и измотанные долгим переходом, под руководством людей Ильмо быстро заняли город. Леденец привел в Котурн усиленную роту. Мы по опыту знали, что самые злачные трущобы обычно оказывают самое яростное сопротивление. Но стычки случались крайне редко. Жители Арчи, захваченные врасплох, понятия не имели, как и за что им сражаться. Большинство просто наблюдали и выжидали.

Я вернулся к своему взводу. Если Взятые что-то замышляли против нас, сейчас для них самое время перейти к действию.

Но все было тихо-мирно. Насколько я мог судить, члены нашего авангарда вели и направляли прибывающие подразделения. Никто не вышел со мной на связь в течение двух следующих дней. К этому времени город был усмирен. Все ключевые позиции оказались в наших руках. Все общественные здания, арсеналы, все укрепленные пункты, даже штаб-квартира Хранителей в Выгородке. А жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Беглые мятежники попытались было поднять народ на восстание, совершенно обоснованно обвинив герцога в том, что это он привел в Арчу Госпожу. Но горожанам было до фени.

И только в Котурне еще вспыхивали схватки. Ильмо хотел навести в трущобах порядок. Однако некоторым здешним обитателям порядок был не по нутру. Силами роты Леденца Ильмо разгромил группировки преступных боссов. Я не видел в этом особой необходимости, но умные головы боялись, что гангстерские банды могут стать очагами будущего сопротивления. А любое сопротивление, мол, нужно подавлять в зародыше. Я думаю, определенную роль здесь сыграло также стремление завоевать народную поддержку.

На третий день после прибытия Отряда Ильмо привел в мою хижину на склоне горы Лейтенанта.

— Как дела? — спросил я. Лейтенант сильно постарел со времени нашей последней встречи. Всем им трудно дался этот марш-бросок на запад.

— Город взят,— ответил он.— Не город, а вонючее болото, верно?

— Не то слово. Настоящий гадюшник. И что теперь?

— Ему нужно взглянуть на цель,— сказал Ильмо.

Я вздернул бровь.

— Хромой говорит, замок должен быть взят,— пояснил Лейтенант.— Не знаю только когда. Капитан велел мне прощупать почву.

— Веселая будет потеха,— пробормотал я.— Его так просто не возьмешь, внезапным штурмом.

Я накинул пальто. Там, наверху, было прохладно. Ильмо с Одноглазым потащились за нами. Лейтенант задумчиво разглядывал замок и в конце концов заявил:

— Не нравится он мне. Совсем не нравится.

Видно, почувствовал холодную угрозу, исходящую от замка.

— У меня есть свидетель, побывавший за крепостной стеной,— сказал я.— Только не проболтайся Взятым. Они считают его мертвым.

— Он может мне что-то рассказать?

— Не думаю. Он бывал там только по ночам, и то не в самом замке, а во дворе за воротами.

— Хм. В Черепичнике у Взятых тоже есть одна девчонка. Я разговаривал с ней. Никакого толку. Она была там всего лишь раз и слишком перепугалась, чтобы глазеть по сторонам.

— Она жива еще?

— Ага. Так это ты ее поймал? Жива, жива. Видно, Госпожа так велела. А девчонка противная — этакая маленькая ведьма. Давай-ка обойдем его вокруг.

Под аккомпанемент неумолчного брюзжания Одноглазого мы добрались до заднего склона, круто обрывающегося вниз.

— Отсюда к нему не подберешься.— Лейтенант констатировал то, что было видно с первого взгляда.— Разве что с помощью Взятых.

— К нему и с других сторон не очень-то подберешься,— заметил я.

Он вопросительно глянул на меня.

Я рассказал ему о том, как подбили Перо в ту ночь, когда мы захватили Шеда с его служанкой.

— А потом были подобные случаи?

— Ни потом, ни прежде. Мой очевидец, который наведывался в замок, тоже не заметил ничего особенного. Но эта чертова крепость связана с Курганьем. За ней стоит Властелин. Так что нахрапом ее не возьмешь. К тому же обитатели замка знают о грозящей опасности.

Одноглазый пронзительно взвизгнул.

— В чем дело? — резко спросил Лейтенант.

Одноглазый ткнул пальцем вверх. Мы уставились на крепостную стену, уходившую ввысь на добрых шестьдесят футов. Я ничего не заметил. Лейтенант тоже.

— В чем дело? — спросил он опять.

— За нами кто-то наблюдал! Какая-то отвратная тварь!

— Я тоже его видел,— сказал Ильмо.— Длинный, костлявый, желтоватый выродок с глазами как у змеи.

Я смерил стену взглядом:

— Как ты смог его разглядеть?

— Сам не знаю.— Ильмо поежился.— Но тип ужасно противный. Уставился на меня так, будто вот-вот укусит.

Мы потащились дальше сквозь заросли кустарника, перелезая через большие валуны и глядя одним глазом на замок, а другим себе под ноги.

— Голодные глаза,— пробормотал Ильмо.— Да, вот именно — голодные.

Когда мы добрались до гряды, ведущей к западной стороне замка, Лейтенант остановился:

— Насколько близко можно отсюда подойти?

Я пожал плечами:

— У меня не хватило духу выяснить.

Лейтенант отошел в сторону, вернулся, опять отошел, точно выискивая точку прицела.

— Давайте пригоним сюда заключенных и посмотрим.

Я звучно всосал сквозь зубы слюну, потом сказал:

— Местных ты сюда никакими силами не загонишь.

— Думаешь? А если в обмен на помилование? Леденец засадил за решетку половину головорезов Котурна. Объявил настоящий крестовый поход против гангстеров. Как только на кого-то поступает три жалобы, его тут же хвать — и в тюрягу.

— А не слишком это просто? — усомнился я. Мы огибали замок, выходя на финишную прямую напротив фасада. Говоря о простоте, я имел в виду не легкость, а упрощенность подобного подхода.

Лейтенант усмехнулся. Месяцы тяжких лишений не сумели притупить его своеобразное чувство юмора.

— Простым умам импонируют простые решения. Еще пара месяцев таких Леденцовых реформ — и герцога провозгласят героем.

Что ж, в этом был определенный резон. В Арче царило право сильного, не признающее законов. Тысячи Шедов жили в постоянном страхе и унижении. Любой, кто хоть отчасти рассеет тучи страха, завоюет их любовь. И если ее надлежащим образом поддерживать, любовь эта переживет дальнейшие испытания.

Тем не менее я сомневался, стоит ли так стараться, чтобы добиться признательности слабаков. К тому же не исключено, что, вселяя в их души мужество, мы тем самым создаем себе новые трудности. Снимите с шеи обывателя привычное домашнее ярмо — и он, того и гляди, увидит угнетателей в вас самих.

Я с этим сталкивался уже не раз. Слабым людишкам нужно кого-то ненавидеть, нужно свалить на кого-то вину за собственное бессилие.

Но в данный момент эта проблема была не главной. Данный момент требовал от нас немедленной и энергичной реакции.

Ибо как только мы вышли на финишную прямую, ворота замка распахнулись, и оттуда вырвалось полдюжины диких тварей в черном. Меня объяла, точно облаком окутала, странная апатия; я испугался, что вот-вот хлопнусь в обморок. Когда твари были от нас уже в нескольких шагах, у меня осталось только одно желание — лечь и не двигаться.

Ноги и руки пронзила внезапная боль. Голова раскалывалась. Желудок сводили судороги. Апатию как рукой сняло.

Одноглазый приплясывал на месте, выкидывая какие-то странные коленца, подвывая по-волчьи и маша руками, точно стая раненых птиц. Его большая нелепая шляпа упала и покатилась, подталкиваемая ветром, вниз, пока не застряла в кустах.

— Сделайте же что-нибудь, вы, кретины! — проорал он между подвываниями.— Я не могу сдерживать их вечно!

Вж-жик! Ильмо выхватил из ножен меч. Лейтенант — вслед за ним. У меня с собой был только длинный кинжал. Я схватил его и тоже бросился в атаку. Твари застыли на месте, в их змеиных глазах сквозило удивление. Лейтенант добежал до них первым, остановился, размахнулся и нанес мощный удар, держа меч обеими руками.

Меч у Лейтенанта просто исполинский, любой палач может позавидовать. От такого удара три человеческие головы, как пить дать, слетели бы с плеч. Но голова этого отродья удержалась на плечах, хотя рана была глубокой. Кровь брызнула фонтаном.

Ильмо сделал выпад, я тоже. Его меч вошел в тело жертвы на фут. Мой кинжал застрял, точно я всадил его в мягкое дерево. Вонзился дюйма на три — и ни с места, наверняка не повредив никаких жизненно важных органов.

Я вытащил лезвие, порылся в своих медицинских познаниях, вспоминая наиболее уязвимые для убийства точки. Ильмо встал ногой на грудь поверженному врагу, чтобы освободить свой меч.

У Лейтенанта и оружие было лучше нашего, и подход более правильный. Пока мы возились, он срубил еще одну голову.

И тут Одноглазый иссяк. Глаза у обитателей замка сразу ожили. В них кипела жгучая и беспримесная злоба. Я испугался, что те двое, с которыми мы не успели справиться, растерзают нас в клочья. Но Лейтенант яростно замахнулся, и они отступили. Мой раненый поковылял за ними следом и упал, не дойдя до ворот. Он продолжал ползти, пока ворота не захлопнулись у него перед носом.

— Итак, этих тварей стало на две пары меньше,— сказал Лейтенант.— Выражаю тебе благодарность, Одноглазый.— Говорил он довольно спокойно, но в голосе его звенела дрожь. А руки тряслись. Мы спаслись буквально чудом. Не будь с нами

Одноглазого — нас бы уже не было в живых.— Я думаю, на сегодня достаточно. Пошли назад.

Девяносто процентов моего существа жаждали умчаться отсюда во всю прыть. Десять процентов сохранили деловую сметку.

— Давайте прихватим с собой одного из этих ублюдков,— прохрипели они пересохшими от страха губами.

— На кой черт? — осведомился Ильмо.

— Чтобы я мог его вскрыть и посмотреть, что там внутри.

— Ясно.

Лейтенант присел и подхватил тварь под мышки. Та начала вяло отбиваться. Содрогаясь, я вцепился в обутую ногу и дернул ее вверх. Тварь перегнулась пополам.

— А, черт! — Лейтенант бросил выродка наземь и подошел ко мне.— Ты тащи за одну ногу, а я за вторую.

Мы потащили. Тело начало болтаться из стороны в сторону. Мы с Лейтенантом начали препираться, выясняя, кому чего делать.

— Вы что, совсем ополоумели? — рявкнул на нас Одноглазый, тыкая корявым черным пальцем назад. Я обернулся. На крепостной стене появились новые фигуры. Ощущение угрозы, излучаемое замком, усилилось.

— Они что-то затевают,— сказал я и припустил вниз, не выпуская ногу из рук. Лейтенант рысцой мчался рядом. Наша ноша билась всем телом о кусты и камни.

Бум-м! Что-то с силой ударило по склону, точно топнула гигантская нога. Я чувствовал себя прусаком, убегающим от человека, который ненавидит тараканов и давит их башмаком. Еще один удар сотряс землю.

— Ох, блин! — ругнулся Ильмо, пробегая мимо меня и вовсю работая руками-ногами. Одноглазый пролетел следом за ним, почти не касаясь ступнями земли. Ни тот, ни другой не предложили помочь.

Третий удар, затем четвертый — с равными интервалами и с каждым разом все ближе. Последний брызнул над головой осколками камней и клочьями растерзанного кустарника.

Ярдах в пятидесяти ниже по склону Одноглазый затормозил, развернулся и выкинул одну из своих колдовских штучек. В

его поднятых ладонях полыхнул бледно-голубой огонь, с ревом устремившийся вверх по склону, чуть было не поджарив меня по пути. Мы с Лейтенантом обогнали Одноглазого. Пятый удар гигантского башмака осыпал наши спины градом камней и веток.

Одноглазый истошно завопил и дал деру.

— Это был мой коронный выстрел,— проорал он нам на бегу.— Бросайте, к шутам, свою падаль и уносите ноги!

И он рванул вперед, улепетывая, как заяц от гончих.

Тишину над долиной разорвал резкий вой. С южного склона слетели, крутясь, две точки и помчались вперед с такой скоростью, что глаз не успевал следить за ними. Они пронеслись над нашими головами с глухим низким ревом и оглушительно громыхнули сзади, как будто сам Господь ударил в барабан. Я не был уверен, но мне показалось, что точки связаны друг с дружкой.

Появилась еще одна пара точек, вращавшихся вокруг общего центра. Я пригляделся. Да, они были связаны. И снова этот рев. И снова гром. Я оглянулся. Черный замок скрылся за радужной завесой — казалось, кто-то плеснул краску на стекло, и она стекает вниз, не в силах прилипнуть к скользкой поверхности.

— Взятые принялись за дело,— задыхаясь, шепнул Лейтенант. Глаза у него были очумелые, но он вцепился мертвой хваткой в свою часть нашей общей ноши.

Проклятый выродок зацепился за колючки. Чертыхаясь, мы принялись кромсать его балахон, чтобы вытащить тело из кустов. Я поминутно глядел вверх, ожидая, что очередной удар башмака размажет нас по склону.

Мимо пронеслась очередная пара шаров, разбрызгивая краску. Очевидного вреда они замку не причиняли, но отвлекали на себя внимание его обитателей.

Мы высвободили тело, поспешили вперед.

В воздухе показалась пара других на вид точек, падавших вниз с высоты.

— Перо и Шепот,— показал я на них.

Взятые с пронзительным свистом спикировали на замок. Крепостная стена занялась огнем. Обсидиан начал плавиться и

стекать вниз подобно воску свечи, придавая своим и без того гротескным скульптурам совершенно чудовищные очертания. Взятые взмыли вверх и сделали круг, готовясь ко второму заходу. Меж тем над рекой с ревом пролетела еще пара точек, раскрасив воздушные полотнища. Живописное было зрелище, жаль только, времени не было им полюбоваться.

Склон содрогнулся под очередным шагом невидимого великана. Над нами образовалась воронка футов пятнадцати диаметром и пяти — глубиной. Полетели сучья и осколки. На сей раз твари дали промашку футов в двенадцать, не больше. Взрывная волна сбила нас с ног. Вверх по склону уходила целая цепочка таких отпечатков.

Но каким бы мощным ни показался нам удар, он был слабее предыдущих.

Перо и Шепот опять ринулись вниз, черный замок снова начал плавиться, стекать, теряя форму. И тут грохнули громовые раскаты. *Бах-бах!* Взятых заволокло клубами дыма. Они отпрянули от замка, стараясь удержать в воздухе ковры. Обе дымились и тлели, в точности как Перо той ночью, когда мы взяли Шеда. Ковры-самолеты начали судорожно набирать высоту.

Замок обратил все свое внимание на них. А мы с Лейтенантом благополучно смылись.

Глава 34
Арча. Побег

«Лилию» тряхнуло несколько раз.

Шед протирал кружки, гадая о том, кто из его клиентов — солдат Черного Отряда. Подземные толчки заставляли его нервно вздрагивать. Над крышей вдруг раздался пронзительный вой и стих помаленьку, уносясь на север. Через мгновение земля содрогнулась еще раз, да так сильно, что посуда затряслась на полках. Шед рванул на улицу. Какая-то потайная часть его сознания не переставала при этом перебирать в памяти постояльцев, пытаясь вычислить, кто же за ним наблюдает. С прибытием Отряда шансы Шеда на побег катастрофически упали. Он не знал больше, кто есть кто. А они все прекрасно его знали.

Он выбежал на улицу как раз в тот момент, когда из Черепичника снова донесся вой. Шед посмотрел туда, куда тыкали пальцами все прохожие. Пара шаров, соединенных проволокой, стремительно умчалась к северу. Через несколько секунд всю Арчу озарило разноцветное сияние.

— Черный замок! — галдели зеваки.— Они ударили по черному замку!

Шед увидел, как замок скрылся за цветной завесой. Ужас объял кабатчика до глубины души. Хотя он не понимал почему. Ведь здесь, внизу, ему ничего не грозит. Разве нет?

Разве нет? Отряд поддерживают могущественные колдуны. Они не позволят замку сделать что-нибудь этакое... Мощный удар вздыбил землю на северном склоне. Шеду не было видно, что там творится, но он сразу понял, что замок ударил по людям — возможно, по тому самому Костоправу, который сидел на вершине, отрезая подходы к крепости. Быть может, замок пытался освободить дорогу.

Вопли толпы привлекли внимание Шеда к двум точкам, падающим из поднебесья. Крепость занялась огнем. Обсидиан поплыл, начал терять форму, но потом снова обрел свой прежний вид. Нападающие взмыли вверх, развернулись. Пролетела еще одна пара шаров, очевидно из Черепичника. Ковры-самолеты ринулись вниз.

Шед понимал, кто атакует замок, и трясся от страха. А вокруг него бесновался ничего не понимающий Котурн.

Хозяин таверны собрался с духом и начал обдумывать свое положение. Члены Черного Отряда бежали по улицам на боевые позиции. Солдаты строились по взводам и быстро расходились. Несколько военных попарно заняли боевые посты, предназначенные для подавления стихийных бунтов и мародерства. За Шедом, похоже, никто не следил.

Он скользнул обратно в «Лилию», наверх, в свою спальню, бросился к тайнику. Рассовал по карманам золото и серебро, достал дрожащими руками амулет, повесил его на шею, спрятав под одеждой. Обвел комнату прощальным взглядом, не заметил в ней больше ничего, что хотелось бы взять с собой, и поспешил по лестнице вниз. В зале не было ни души, кроме Сэл, которая стояла в дверях и наблюдала за

зрелищем на северном склоне. Шед никогда еще не видел ее такой домашней и спокойной.

— Сэл!

— Что, Каштан? Пора?

— Да. Оставляю тебе в ящике двадцать лев. Пока солдаты будут заглядывать сюда, ты не пропадешь.

— Вся эта заваруха началась из-за той черной штуковины наверху?

— В общем, да. Наверное, дальше будет еще хуже. Они пришли сюда, чтобы разрушить замок. Если смогут.

— Куда ты собираешься?

— Сам не знаю.— Он и правда еще не решил.— А и знал бы, так не сказал. Иначе они из тебя всю душу вынут, но допытаются.

— Когда ты вернешься?

— Может быть, никогда. По крайней мере не раньше, чем они отсюда уберутся.— Шед сомневался, что Отряд когда-нибудь уйдет из Арчи. А если уйдет, так его заменят другим. Их Госпожа, похоже, не из тех, кто выпускает что-либо из рук.

Шед чмокнул невестку в щеку:

— Береги себя. И не отказывай ни в чем ни себе, ни детям. Если объявится Лиза, передай ей, что она уволена. А если Ферт — скажи, я его простил.

Он направился к задней двери. На северном склоне по-прежнему громыхало и полыхало. Нарастающий вой вдруг понесся оттуда к Черепичнику, но оборвался где-то над Выгородкой. Шед, склонив голову и подняв воротник, пошел переулками к набережной.

Патруль ему встретился только дважды. Ни в одной из патрульных групп знакомцев Шеда не было. Первая группа вообще проигнорировала его. Капрал, возглавлявший вторую, велел Шеду убираться с улицы к чертовой матери и пошел своей дорогой.

С пристани, сквозь мачты бессчетных судов, Шед снова увидел черный замок. Похоже, ему только что нанесли очередной мощный удар. От крепости валил густой черный дым. Он поднимался жирным столбом, чуть накренясь в сторону, на тысячи футов, и там рассеивался темной дымкой. Склон под замком

шевелился и кишел, словно потревоженный муравейник. Видать, Отряд пошел в атаку.

На набережной царила жуткая суматоха. Канал забили суда, стремящиеся выйти в море. Каждый второй иноземный корабль готовился к отплытию. И даже сама река, покрывшись зыбью, казалось, разделяла всеобщее волнение.

Шед обошел три судна, прежде чем отыскал такое, где голос денег еще оказался внятным. Отдав десять лев пиратского вида боцману, он спрятался в укромном местечке, чтобы его не было видно с берега.

Однако, когда судно уже отдало швартовы, на пирс со взводом солдат прискакал человек по прозвищу Ростовщик и заорал шкиперу, чтобы тот остановился.

Шкипер послал его подальше, сопроводив свои слова непристойным жестом, и повел корабль вниз по течению. Для всех судов, жаждавших выйти в море, буксиров не хватало.

За свое нахальное неповиновение шкипер получил стрелу прямо в горло. Ошеломленные матросы и офицеры застыли как вкопанные. Стрелы полетели тучей и прикончили больше дюжины человек, в том числе помощника капитана и боцмана. Шед съежился в своем укрытии, объятый таким безмерным ужасом, какого не испытывал ни разу в жизни.

Кабатчик знал, конечно, что они крутые ребята, что с ними шутки плохи. Но до сих пор он по-настоящему не осознавал, насколько они беспощадны и свирепы. Люди герцога просто развели бы руками и убрались восвояси, проклиная беглецов. Они ни за что не решились бы устроить такую бойню.

А стрелы все летели, легко постукивая о дерево, пока судно не вышло из зоны досягаемости.

Только тогда Шед выглянул наружу и увидел, как город понемногу уплывает вдаль. Медленно, до чего же медленно он удалялся!

К удивлению Шеда, моряки не злились на него. Конечно, они были вне себя от ярости, но не уловили связи между нападением и своим случайным пассажиром.

«Слава Богу, пронесло!»— с облегчением вздохнул Шед. Но чувство это вскоре сменилось тревогой, когда он задумался над тем, куда забросит его судьба и что ждет его на новом месте.

— Сударь! Они гонятся за нами на лодке! — крикнул один из матросов.

Сердце у Шеда ушло в пятки. Он обернулся и увидел, как от пристани отчалило маленькое суденышко. Матросы, понукаемые людьми в форме Черного Отряда, пытались поставить парус.

Шед снова спрятался в укрытие. После такой бойни экипаж корабля, без сомнения, выдаст его, едва моряки поймут, что Ростовщик охотится за Шедом.

Как этот подонок напал на его след?

С помощью колдовства, не иначе.

Значит ли это, что они найдут его где угодно?

Глава 35
Арча. Плохие новости

Все стихло. Представление было эффектным, хотя я видал и более впечатляющие. Битву на Лестнице Слез, например. Или сражение под Чарами. Нынешние же громы и молнии больше потрясли горожан, чем нас или обитателей черного замка. У нас вообще не было потерь. У них — только те, кого мы убили возле самых ворот. Огонь, объявший замок, не причинил ему вреда. По крайней мере, так сказали Взятые.

Шепот с угрюмым видом посадила свой ковер возле моей штаб-квартиры и ввалилась в дом, изрядно потрепанная, но целая и невредимая.

— Как это началось? — спросила она.

Лейтенант объяснил.

— Они боятся,— заметила Шепот.— Возможно, впадают в отчаяние. Они пытались вас прогнать или взять в плен?

— Взять в плен, безусловно,— ответил я.— Сначала они поразили нас каким-то сонным заклятием, а потом уж набросились.

Одноглазый подтвердил мои слова кивком.

— Почему же им это не удалось?

— Одноглазый снял с нас заклятие. Обернул его против них самих. Троих мы убили.

— Вот оно что! Неудивительно, что они так разволновались. И вы притащили с собой труп?

— Я подумал — мы сумеем лучше понять их, если я вскрою его и посмотрю, из чего он сделан.

Шепот отрешенно уставилась в пустоту, удалившись на очередное мысленное совещание с нашей повелительницей.

— Идея хорошая,— сказала она, когда вернулась.— Но вскрытием займемся мы с Пером. Где труп? Я сейчас же возьму его с собой в Черепичник.

Я показал ей на тело. Оно лежало на виду. Шепот велела двум солдатам оттащить труп к ковру.

— Нам, черт возьми, уже вообще ничего не доверяют! — в сердцах проворчал я себе под нос. Шепот услышала, но ничего не сказала.

Когда труп погрузили, она обратилась к Лейтенанту:

— Немедленно начинайте подготовку к осаде. Возьмите их в кольцо, создайте укрепленную линию. Хромой вам поможет. Подручные Властелина наверняка попытаются прорваться или захватить пленных. Не позволяйте им этого. Иначе будете иметь дело с самим Властелином. А он вас не помилует.

— Ну и хрен с ним! — Лейтенант, когда захочет, может быть самым крутым из всех крутых парней. В такие моменты его даже Госпожа не запугает.— Почему бы вам не убраться отсюда? Займитесь своей работой и дайте мне заняться моей.

Огрызнулся он не по делу, конечно, но Лейтенант был сыт Взятыми по горло. За несколько месяцев перехода Хромой достал и его, и командира. Он осточертел им до смерти. Не исключено, что это и послужило источником трений между Отрядом и Взятыми. Терпение Капитана тоже было небеспредельно, однако он вел себя дипломатичнее, чем Лейтенант. Капитан попросту игнорировал те приказы, которые его не устраивали.

Я вышел поглазеть на строительство укрепленной линии вокруг черного замка. Из Котурна прибыли команды рабочих с лопатами за плечами и ужасом в глазах. Наши люди отложили в сторону инструменты и взяли на себя роль надсмотрщиков и руководителей. Черный замок время от времени встряхивался и делал слабые попытки вмешаться, точно вулкан, что-то бормочущий про себя и потерявший всю энергию после извержения. Жители Арчи то и дело бросались врассыпную, и их приходи-

лось силой водворять на место. Мы вмиг потеряли большую долю их расположения, завоеванного ранее.

На склоне, разыскивая меня, появился Ростовщик, сконфуженный и злой. Солнечный свет подчеркивал его мрачность. Я вышел ему навстречу.

— Плохие новости?

— Этот треклятый Шед! Сбежал под шумок, зараза!

— Под шумок?

— В городе началась безумная паника, когда Взятые налетели на замок. Мы потеряли Шеда из виду. А когда Гоблин напал на его след, этот поганец уже отчалил на корабле в Медополь. Я пытался задержать судно, но оно не подчинилось. Я обстрелял их, потом схватил лодку и помчался в погоню, но не догнал.

Выругав Ростовщика и подавив в себе желание придушить его на месте, я сел и начал соображать.

— Как по-твоему, Рост, что его побудило? Чего он так испугался?

— Всего, Костоправ. Своей собственной тени. Думаю, он считал, что мы собираемся убить его. Гоблин говорит, дело не только в этом, но ты же знаешь, как он любит все усложнять.

— А в чем все-таки дело, по мнению Гоблина?

— Гоблин говорит, кабатчик хочет раз и навсегда сбежать от старины Шеда. Страх перед нами послужил лишь стимулом, который подстегнул его к бегству.

— Сбежать от старины Шеда?

— Ну, ты ж понимаешь. От чувства вины за то, что он натворил. От преследований инквизиторов. Вол же в курсе, что Шед участвовал в набеге на Катакомбы. Стоило Волу вернуться — он живо взял бы кабатчика в оборот.

Я глянул вниз на гавань, затянутую туманом. Суда по-прежнему уходили в море. Набережная выглядела оголенной. Если иноземцы будут продолжать уносить ноги, мы потеряем в Арче всю свою популярность. Город сильно зависел от торговли.

— Найди Ильмо. Расскажи ему все. Передай, что, по-моему, тебе следует отправиться за Шедом. Разыщи Шишку и его парней и доставь их обратно. А заодно проверь, как там дела у Душечки и Вола.

Ростовщик мрачно выслушал приговор, но протестовать не стал. На его совести было уже несколько проколов. Он еще дешево отделался: разлука с товарищами — не такое уж серьезное наказание за его грехи.

— Ладно,— буркнул он и выкатился вон.

Я вернулся к более насущным делам.

Наши наконец расставили местных жителей по местам, с беспорядком было покончено, и работа закипела вовсю. Земля так и летела во все стороны: сначала глубокий ров, чтобы выродкам из замка было затруднительно оттуда выбраться, а за ним — частокол.

Взятые по очереди кружили высоко в небесах, наблюдая за крепостью.

Из города потянулись фургоны с бревнами и камнями. Там, внизу, специальные рабочие команды крушили здания, разбирая их на стройматериалы. И хотя это были жалкие лачуги, непригодные для жилья и давно уже предназначенные на снос, в них жили люди, которые вряд ли проникнутся к нам теплыми чувствами за то, что мы лишили их жилья.

Одноглазый и сержант по прозвищу Трясун повели большую рабочую бригаду вокруг замка, к самому крутому склону, и начали рыть подкоп, чтобы обрушить часть крепостной стены в пропасть. Они не скрывали своих намерений. Смысла не было стараться. Твари, с которыми мы имели дело, все равно бы их засекли.

Вообще говоря, обрушить часть стены — работенка та еще. На нее могло уйти несколько недель, даже при помощи Одноглазого. Людям нужно было пробиться сквозь толщу сплошного камня.

Подкоп был одним из отвлекающих маневров, до которых так охоч наш Лейтенант, хотя при его методе вести осаду сегодняшний ложный след завтра мог запросто стать направлением главного удара. Имея в своем распоряжении такой источник рабочей силы, как Арча, Лейтенант мог себе позволить подготовку запасных вариантов.

Я с некоторой даже гордостью наблюдал за возведением осадных сооружений. Я служу в Отряде уже немало лет, но никогда еще мы не затевали такого грандиозного проекта. У

нас попросту не хватало для этого средств. Я шатался вокруг, пока не наткнулся на Лейтенанта.

— Слушай, а общий план кампании тебе известен?

Меня, например, до сих пор никто не удосужился ввести в курс дела.

— Мы просто обложим их так, чтобы исключить всякую возможность прорыва. А потом Взятые обрушатся им на головы.

Я фыркнул. Просто и без затей. Я ожидал, что план будет более сложным. Обитатели замка без боя не сдадутся. Да и Властелин наверняка ломает голову, планируя контратаку.

Должно быть, это адская мука — быть погребенным заживо, лежать не двигаясь, сгорая от страстного желания вырваться на волю и надеясь лишь на своих подчиненных, которые находятся в сотнях миль от тебя. Меня бы такое бессилие доконало в считанные часы.

Я рассказал Лейтенанту о бегстве Шеда. Его это не взволновало. Что ему какой-то кабатчик? Лейтенант не знал о Вороне и Душечке. Ворон был для него всего лишь дезертиром, а Душечка — его сообщницей. И не более. Я упомянул о хозяине таверны только для того, чтобы Лейтенант сказал об этом Капитану. Старик, возможно, решит принять более активные меры, нежели те, что я рекомендовал Ильмо.

Я постоял немного рядом с Лейтенантом. Он наблюдал за работой, я — за караваном фургонов, тянувшихся в гору. Должно быть, на сей раз они везли нам ужин.

— До чертиков надоел сухой паек,— пробормотал я.

— Я скажу, чего тебе нужно, Костоправ. Тебе нужно жениться и осесть на месте.

— Конечно,— отозвался я с иронией, которой на самом деле не ощущал.— Сразу после тебя.

— Нет, правда! Ну чем плохое местечко? Обзаведешься частной практикой, будешь лечить богачей. Герцогскую семейку, например. А потом, когда сюда приедет твоя подружка, поставишь перед ней вопрос ребром, и дело в шляпе.

Ледяные кинжалы пронзили мне душу.

— Подружка? — просипел я.

— Ну да! — ухмыльнулся Лейтенант.— Неужто тебе никто не сказал? Она появится к началу нашего грандиозного шоу. Сама будет им управлять. Так что не прозевай свой единственный шанс.

Мой единственный шанс. Только на что?

Лейтенант говорил о Госпоже, разумеется. Сколько лет уже прошло, а друзья все подкалывали меня по поводу нескольких романтических историй, которые я записал в Анналы до того, как встретился с Госпожой лицом к лицу. Стоит им нащупать твою слабину, как тебя будут доставать всю оставшуюся жизнь. Таковы условия игры, принятой в нашем братстве.

Голову даю на отсечение, что этот сукин сын изнывал от нетерпения поделиться со мною новостью с тех самых пор, как услышал о ней.

Госпожа. Прибывает в Арчу.

Я всерьез задумался о бегстве. Пока в гавани осталась еще пара кораблей.

Глава 36
Арча. Фейерверк

Замок усыпил нашу бдительность. Мы возомнили, будто сумеем захлопнуть дверь без всякого стука. Два дня рабочие бригады усердно вкалывали на северном склоне — выдолбили надежный и глубокий ров, возвели длинный частокол, прогрызли в камне начало подкопа. И тут твари впервые выказали свое недовольство.

Поднялась такая кутерьма, чуть было не стоившая нам жизни, что теперь, оглядываясь назад, даже трудно поверить, сколь невинным выглядело ее начало.

Ночь стояла безлунная, но бригады трудились при свете костров, факелов и ламп. Через каждую сотню футов готового рва и частокола Лейтенант воздвиг деревянные вышки, поставив рядом с ними небольшие баллисты, которые в любую минуту можно было водрузить наверх. Зряшная потеря времени, по-моему. Чего стоят обыкновенные осадные орудия против подручных Властелина? Но Лейтенант у нас специалист по осадам, и он привык делать все как положено:

даже если баллисты окажутся без надобности, они должны быть под рукой.

Самые зоркие члены Отряда взобрались на еще не достроенные вышки, наблюдая за замком. Один углядел какое-то движение у ворот и, не поднимая шума, сообщил о нем на землю. Лейтенант полез на вышку сам и увидал, что кто-то крадется от замка в сторону бригады Одноглазого. Тут же затрещали барабаны, взревели трубы, в воздух полетели тучи стрел.

Тревога разбудила меня. Я побежал наверх поглядеть, что происходит. Но сначала не увидел ничего особенного.

Одноглазый с Трясуном на заднем склоне изготовились к бою. Их бригада запаниковала. Многие погибли или покалечились, пытаясь удрать по крутому каменистому и заросшему обрыву. Меньшинству хватило ума остаться на месте.

Ребята из замка хотели сделать молниеносную вылазку, словить нескольких рабочих Одноглазого, затащить их внутрь и завершить свои обряды, необходимые для освобождения Властелина. Но, поняв, что их засекли, они изменили тактику. Дозорные закричали с вышек, что из ворот вылезают новые твари. Лейтенант приказал открыть огонь. Парочка небольших требюше забросала территорию возле ворот вязанками горящего хвороста. А Лейтенант тем временем послал солдат на поиски Гоблина и Молчуна, справедливо решив, что они обеспечат более яркую иллюминацию.

Гоблин был в Котурне и мог появиться здесь не раньше чем через час. Где обретался Молчун — понятия не имею. Я не видел его, хотя он прибыл в Арчу уже неделю назад.

Лейтенант зажег сигнальные костры, чтобы предупредить часовых на крепостных стенах Черепичника о том, что у нас намечается заварушка.

Наконец к нам пожаловал один из Взятых. Им оказался Хромой. Первым делом он схватил охапку копий, что-то с ними сотворил и бросил с неба на землю. Между рвом и замком выросли столбы зеленовато-желтого света.

Одноглазый на заднем склоне сам обеспечил себе освещение, распустив по ветру сиреневые паутинки. Их сияние сразу высветило полдюжины крадущихся черных фигур. Полетели копья и стрелы.

Твари понесли несколько жертв убитыми, прежде чем нашли выход из положения. Полыхнула ослепительная вспышка, потом быстро потускнела, и каждую фигуру окутало неяркое мерцание. Защищенные им, выродки бросились в атаку.

А на верху крепостной стены появились новые фигуры и побросали вниз какие-то штуковины размером с человеческую голову. Те покатились прямиком к месту подкопа. Одноглазый завернул их в сторону, не успев отклонить только один шар, который оставил за собой цепочку повалившихся без сознания солдат и рабочих.

Похоже, Властелиновы отродья учли все возможные варианты, за исключением Одноглазого. Они были готовы устроить Хромому достойную встречу, но совершенно упустили из виду нашего отрядного колдуна.

Он прикрыл своих людей и заставил их вступить в рукопашную, когда черные твари добрались до них. Большинство людей Одноглазого погибли, но противник был отброшен.

Тем временем обитатели замка пошли в наступление на ров с частоколом, прямо туда, где я стоял, глазея по сторонам. Помнится, я больше удивился, чем испугался.

Сколько же их было в замке на самом-то деле? Судя по рассказам Шеда, крепость казалась мне почти не заселенной. Но для добрых двух с половиной десятков выродков, шедших в атаку при поддержке колдовства, ров и частокол оказались слабой помехой.

Они вышли из ворот. А потом что-то взмыло над крепостной стеной — что-то большое и похожее на пузырь. Он ударился оземь, подскочил пару раз и шлепнулся на ров с частоколом, заровняв первый и сокрушив второй. Подготовка к атаке была закончена. Твари могли двигать вперед.

Хромой с яростным воплем свалился им на головы из тьмы, сияя все ярче по мере своего снижения. Сияние рассыпалось мириадами светящихся хлопьев, похожих на семечки клена, которые кружились и порхали в воздухе, падая на землю и разъедая все, что попадалось на пути. Четверо или пятеро нападающих упали.

Лейтенант предпринял поспешную контрвылазку, добил раненых чудищ, но тут же был вынужден отступить. Несколько

выродков подхватили упавших солдат и потащили к замку. Остальные продолжали наступать.

Поскольку во мне нет героической жилки, я взял ноги в руки и драпанул. Как оказалось, очень вовремя.

Атмосфера затрещала, заискрилась и распахнулась, как окно. Что-то хлынуло на склон невесть откуда. Часть горы замерзла так быстро и так сильно, что сам воздух обратился в лед. А вокруг зоны поражения взвихрился смерч и помчался внутрь, тоже замерзая на лету. Мороз сковал почти всех атакующих. Случайно брошенное копье поразило одну из ледяных статуй — и она разлетелась вдребезги. Люди начали швырять все, что попадалось под руку, и расколотили остальные статуи.

Окно закрылось буквально через несколько секунд. Тепло окружающего мира растопило нездешний холод. На несколько минут пораженную зону заволокло клубами пара. Когда пар рассеялся, от тварей не осталось и следа.

Тем временем три уцелевших выродка помчались вниз по дороге к Арче. Ильмо вместе с целым взводом бросился в погоню. Хромой, набрав высоту, снова спикировал на замок — как раз в тот момент, когда из ворот вылезла новая шайка.

Твари похватали все ближайшие трупы и поспешили назад. Хромой перестроил направление полета и нанес им удар. Половина попадала наземь. Остальные утащили в ворота как минимум дюжину трупов.

Из Черепичника с воем вырвалась пара шаров и разбилась о стену замка, взметнув целое полотнище краски. За Хромым показался еще один ковер. С него что-то слетело прямо в черный замок. Вспышка ослепила людей на мили вокруг. Я успел отвернуться, но все равно ослеп секунд на пятнадцать и лишь потом увидел крепость, объятую огнем.

Пламя было совсем не таким, как в прошлый раз, когда обсидиан оплывал наподобие свечи. Теперь там бушевал пожар, пожиравший замок по-настоящему. Из него донеслись странные вопли, от которых мне стало не по себе. Это были вопли не боли, но ярости. На крепостную стену высыпали чудовища, размахивая чем-то вроде плеток-девятихвосток и сбивая пламя. Там, где полыхал пожар, крепость заметно съежилась.

Над рекой ревел непрекращающийся поток шаров. Видимого вреда они не причиняли, но я уверен, что Взятые пускали их не без причины.

Пока Хромой и второй ковер взмывали ввысь, сверху ринулся третий. За ним тянулось облако пыли. Все, на что оседала эта пыль, она разъедала похлеще кленовых семечек Хромого. Осыпанные ею твари завопили в агонии. Несколько из них расплавились. Остальные удрали с крепостной стены.

События развивались в том же духе еще некоторое время. Казалось, черный замок обречен. Но выродкам удалось затащить в крепость немало трупов, и я подозревал, что это чревато новыми осложнениями.

Как-то во всей этой суматохе Аза подмыл. Я напрочь забыл о нем. И все остальные тоже — до тех пор пока, несколько часов спустя, Ростовщик не заметил его у входа в «Железную лилию». Но Ростовщик стоял далеко, а в «Лилии», несмотря на неурочный час, было не протолкнуться — все, кто мог, скинулись на выпивку и глазели на побоище на северном склоне. Ростовщик потерял Азу в толпе. Надо полагать, тот поговорил с Шедовой невесткой и выяснил, что Шед тоже смылся. Мы так и не успели ее допросить.

Тем временем Лейтенант принялся наводить порядок. Убрал трупы из бреши, пробитой в линии укреплений. Поставил баллисты на вышки, чтобы при попытке прорыва сразу открыть огонь. Велел вырыть ямы-ловушки. Послал рабочих Одноглазому взамен убитых.

Взятые продолжали атаковать замок, хотя и не в таком темпе. Все свои лучшие громы-молнии они уже разметали.

Из Черепичника время от времени с ревом вылетала очередная пара шаров. Как я позже узнал, стрелял ими Молчун, которого научили Взятые.

Казалось, худшее уже позади. Если не считать троих беглецов, за которыми охотился Ильмо, мы не дали тварям хода. Хромой умчался, намереваясь примкнуть к погоне за удравшей троицей. Шепот вернулась в Черепичник, чтобы пополнить запасы для своих убийственных фокусов. Перо парила над замком, ныряя время от времени вниз, когда его обитатели вылезали на стену и пытались

сбить последние огненные языки. Воцарилось относительное спокойствие.

Однако никто из нас и не помышлял об отдыхе. В замок попали новые трупы. Все мы гадали, хватит ли тварям урожая, чтобы освободить Властелина.

Но у них на уме было кое-что другое.

На крепостной стене появилась группа тварей с каким-то устройством, нацеленным книзу, вдоль склона горы. Перо тут же спикировала с небес.

Бах! Ее заволокло клубами дыма, подсвеченными изнутри. Ковер, покачиваясь, выплыл из них. *Бах!* И еще раз *бах!* И еще три раза. Последний удар ее достал. Объятая пламенем, она кометой взмыла вверх, прочертила огненную дугу и упала где-то в городе. На месте ее падения прогремел оглушительный взрыв. Через пару мгновений на набережной бушевал жестокий пожар, быстро распространяясь среди тесно прижатых друг к другу домишек.

Шепот молнией вылетела из Черепичника и через пару минут закидала черный замок смертоносной пылью, разъедавшей все дотла, и огнем, пожиравшим крепость. Неистовство ее атаки выдавало те чувства, что вызвала у Шепот весть о падении Пера.

Между тем Хромой прервал погоню и бросился тушить в Котурне пожар. С его помощью огонь был остановлен за несколько часов. А не будь его, мог бы выгореть весь район.

Ильмо поймал двоих беглецов. Третий как сквозь землю провалился. К охоте подключились потом и Взятые, но напасть на след так и не смогли.

Шепот продолжала атаку, пока полностью не истощила свои ресурсы. Случилось это уже после восхода солнца. Крепость больше напоминала теперь гигантскую кучу шлака, чем замок, но окончательно разгромить ее Взятой не удалось. Одноглазый, когда пришел за инструментами, сказал мне, что там внутри кипит бурная деятельность.

Глава 37
Арча. Затишье

Я урвал пару часиков для сна. Лейтенант позволил такую же роскошь половине солдат и рабочих, потом второй половине. Когда я проснулся, практически ничего не изменилось, за исключением того, что Капитан велел Карману организовать полевой госпиталь. Карман вернулся из Котурна, где старался завоевать нам сторонников бесплатным медобслуживанием. Я заглянул в госпитальную палатку, обнаружил там горстку пациентов и полный порядок и пошел смотреть, как продвигаются осадные работы.

Лейтенант починил пролом и решил продлить частокол и ров таким образом, чтобы взять замок в кольцо, несмотря на сложность работ на заднем склоне. Сооружались новые, более мощные метательные орудия.

Похоже, Лейтенант не больно-то полагался на Взятых. Он не верил, что они смогут взять крепость.

За время моего короткого сна прибыли бригады заключенных Леденца. Но Лейтенант не отпустил горожан, работавших здесь раньше: он бросил их на земляные работы, поскольку собирался воздвигнуть лестницу для штурма.

— Ты бы соснул немного,— сказал я ему.

— Я должен пасти свое стадо,— ответил Лейтенант.

Ну что ж, это был его звездный час. Талант Лейтенанта оставался невостребованным долгие годы. Он наслаждался происходящим. По-моему, Взятые казались ему досадной помехой, несмотря на колдовскую природу черного замка.

— Это твое шоу,— сказал я.— Но от тебя будет мало толку, если они ударят, когда ты замотаешься так, что не сможешь нормально соображать.

Мы понимали друг друга без лишних слов. Все мысли от усталости у нас были в таком разброде, а нервы в таком напряжении, что не хотелось не только двигаться, но даже ворочать языком. Лейтенант коротко кивнул.

— Ты прав.— Он обвел взглядом склон.— Пока все идет как по маслу. Я пойду в госпиталь. Пришли за мной кого-нибудь, если что.

Госпитальная палатка была ближайшим местом, где можно было укрыться от солнца. Утро стояло ясное, погожее, обещая теплый не по сезону день. Я предвкушал, как погреюсь на солнышке. Мне осточертело дрожать.

— Конечно, пришлю.

Лейтенант был прав: все действительно шло как по маслу. Так оно обычно и бывает, когда люди точно знают, что им делать.

Хромому, патрулировавшему замок с воздуха, наш склон, наверное, казался разворошенным муравейником. Шестьсот солдат Отряда надзирали за работой вдесятеро большего числа горожан. Дорога, ведущая к вершине, была совершенно разбита интенсивным потоком транспорта. Несмотря на ночную заварушку и недосып, настроение у солдат было превосходное.

Переход был таким долгим и нудным, что у них накопился мощный заряд энергии. И теперь она выплескивалась наружу. Их энтузиазм заражал горожан, которые не без удовольствия участвовали в мероприятии, требовавшем объединенных усилий тысяч людей. Кто-то из местных подметил, что жителям Арчи уже несколько поколений не приходилось трудиться сообща. А другой добавил, что именно потому город пришел в упадок. По его мнению, Черный Отряд и его атака на черный замок могут послужить хорошим лекарством для хиреющего города.

Впрочем, это мнение разделяли далеко не все. Особенно сильно возмущались тем, что их используют как рабочую силу, заключенные Леденца. Они представляли для нас серьезную потенциальную опасность.

Мне не раз говорили, что я всегда вижу будущее в черном цвете. Может быть. Зато и разочаровываться мне приходится реже.

День шел за днем, но, вопреки моим ожиданиям, все было тихо. Обитатели замка, похоже, не собирались выползать из норы. Мы немного сбавили темп: перестали вкалывать так, будто все должно быть сделано именно сегодня.

Лейтенант завершил строительство укрепленной линии, в том числе и на заднем склоне, обогнув петлей подкоп Одноглазого. Потом разобрал переднюю часть частокола и приступил к сооружению лестницы. Особенных прикрытий вокруг нее он

возводить не стал, считая, что она сама послужит надежным щитом. С нашей стороны лестница круто уходила вверх. Ступени ее были сделаны из камня разрушенных зданий. Рабочие бригады привозили из города обломки домов, пострадавших от пожара, который вызвало падение Пера. Стройматериала было более чем достаточно. Солдаты Леденца оставляли лучшие доски и камни для строительства нового жилья на пожарищах.

Лестница должна была вырасти футов на двадцать выше замка, а затем наклонно спуститься к крепостной стене. Работа шла быстрее, чем я ожидал. Рытье подкопа у Одноглазого тоже продвигалось вовсю. Он нашел комбинацию заклятий, которые размягчали камень, и вскоре докопался до замка.

Там он наткнулся на материал, похожий на обсидиан, и дальше продвинуться не смог. Тогда Одноглазый начал рыть в обход, в обе стороны.

Сам Капитан осчастливил нас своим визитом. Я давно уже гадал, куда он делся и чем занимается. А теперь не выдержал и спросил.

— Стараюсь, чтобы народ был при деле,— буркнул он в ответ.

Он беспорядочно косолапил вокруг. Стоило мне на мгновение отвлечься, как он тут же пропадал из виду — резко сворачивал в сторону и начинал инспектировать какую-нибудь явную ерундовину.

— Эта чертовка Шепот хочет сделать из меня военного губернатора,— пожаловался он наконец.

— Э-э...

— Что, Костоправ?

— Я же летописец, если ты помнишь. Мне нужно это где-то записать.

Он насупился, глядя на бочку с водой, предназначенную для животных. С водой было трудно. Приходилось доставлять ее из города, пополняя те скудные запасы, что мы собирали во время случайных дождей.

— Она заставила меня управлять Арчой. Делать то, чем должны были заниматься герцог и отцы города.— Капитан пнул ногой камешек и снова заговорил только тогда, когда тот остановился.— Вроде справляюсь покуда. Все горожане рабо-

тают. Платят им всего ничего, лишь бы не сдохли с голоду, но они работают. К нам уже целая очередь выстроилась с проектами, которые нужно бы осуществить, пока мы заставляем людей вкалывать. Хранители сводят меня с ума. Не могу решиться сказать им, что все их усилия по расчистке Выгородки, возможно, бессмысленны.

Он сказал это каким-то странным тоном. У меня уже раньше возникло впечатление, что Капитана угнетает все происходящее.

— Почему бессмысленны?

Капитан огляделся. Никого из горожан поблизости не было.

— Это только догадка, учти. Никаких распоряжений пока не было, но мне кажется, что Госпожа собирается обчистить Катакомбы.

— Народу это не понравится.

— Знаю. Ты знаешь, я знаю, даже Шепот и Хромой знают. Но приказы отдаем не мы. Говорят, у Госпожи туго с финансами.

За все годы службы нам ни разу не задержали выдачу жалованья. Дело у Госпожи было поставлено четко. Войскам платили в срок — как наемникам, так и регулярной армии. Впрочем, в отдельных подразделениях могли порой случаться задержки. То, что командиры время от времени надувают собственных солдат, стало почти военной традицией.

Большинство из нас деньги не очень-то и волновали. Вкусы у нас достаточно скромные и непритязательные. Хотя отношение к деньгам, возможно, изменилось бы в корне, если бы нам вдруг пришлось обходиться без них.

— Чересчур много армий, и чересчур много границ,— задумчиво протянул Капитан.— Слишком интенсивная экспансия, и длится она слишком долго. Империя не выдерживает напряжения. Усиленные работы в Курганье пожрали последние резервы Госпожи. А работы еще не закончены. Если она разделается с Властелином, многое изменится, вот увидишь.

— Может, мы сделали ошибку, а?

— Мы сделали их целую кучу. Которую ты имеешь в виду?

— То, что мы устремились на север, переплыв морс Мук.

— Да Я давно это понял.

— Ну и?

— Сейчас мы ничего не в силах изменить. Когда-нибудь, возможно, нам удастся еще пожить по-человечески, если мы вернемся в Самоцветные города или найдем цивилизованное местечко за пределами империи.— В голосе его звучала неизбывная тоска.— Чем дольше я торчу на севере, тем меньше мне хочется провести здесь остаток дней своих, Костоправ. Запиши это к себе в Анналы.

Чтобы Капитан разговорился — такое случалось крайне редко. Я просто промычал в ответ, надеясь, что он продолжит свои откровения. И не ошибся.

— Мы несем с собой тьму, Костоправ. Я знаю, что это не наша вина. С точки зрения логики. Мы Черный Отряд. Добро и зло — категории, не имеющие к нам отношения. Мы просто солдаты, которые продают свой меч. Но я устал от того, что все наши усилия используют только во зло. Если Госпожа решится на грабеж Катакомб, я, возможно, выйду из игры. Ворон сделал правильный выбор при Чарах. Слинял к чертовой матери, и все дела.

Тут я высказал мысль, которая годами зрела в глубинах моего сознания. Я сам не принимал ее всерьез, считая чистейшей воды донкихотством.

— Это не выход, Капитан. У нас есть выбор: мы можем перейти на другую сторону.

— А? — Он очнулся от раздумий, которые занесли его невесть в какие дали, и впервые посмотрел на меня в упор.— Не пори ерунды, Костоправ. Какой, к черту, выбор? Госпожа раздавит всех, кто попробует встать у нее на пути.— Он вдавил в землю каблук сапога.— Как клопов.

— Н-да.

Идея и правда была дурацкой, по многим причинам, не исключая и тот немаловажный факт, что противоположной стороне мы были просто не по карману. К тому же я, хоть убей, не мог представить нас в роли мятежников. В большинстве своем они или дураки, или честолюбивые ничтожества, обуреваемые надеждой отломить жирный кусок от пирога Госпожи. Душечка представляла собой редкое исключение, но она была больше символом, чем реальной силой, к тому же символом тайным.

— Восемь лет прошло с тех пор, как в небе мелькнула комета,— сказал Капитан.— Ты же знаешь легенды. Власть Госпожи не падет до тех пор, пока Великая комета не появится снова. И ты надеешься прожить двадцать девять лет, скрываясь от Взятых? Нет, Костоправ. Пусть даже сердца наши на стороне Белой Розы, выбора у нас нет. То, что ты предлагаешь, это самоубийство. Единственный выход — бежать за границы империи.

— Госпожа найдет нас.

— А зачем ей нас искать? Мы служили ей верой и правдой десять лет — разве этого мало? Мы не представляем для нее опасности.

Вот тут он сильно ошибался. Мы представляли для Госпожи серьезную опасность, хотя бы потому, что знали о существовании нового воплощения Белой Розы. И я не сомневался, что, оказавшись за пределами империи, или я, или Молчун не выдержим и проболтаемся.

Но пока, естественно, Госпожа не подозревала о том, что нам известно.

— Все эти разговоры — пустое сотрясение воздуха,— сказал Капитан.— Давай замнем эту тему.

— Как хочешь. Тогда расскажи мне, что здесь готовится.

— Сегодня ночью прибывает Госпожа. Шепот говорит, мы начнет штурм, как только расположение звезд станет благоприятным.

Я взглянул на черный замок.

— Да,— сказал Капитан.— Это будет не просто. Возможно, мы так и не сумеем его взять, даже с помощью Госпожи.

— Если она спросит обо мне, скажи, что я умер. Или придумай что-нибудь еще,— выпалил я.

— Но, Костоправ,— Капитан даже улыбнулся,— она же твоя...

— Ворон! — оборвал я его.— Я знаю о нем такие подробности, которые всем нам будут стоить головы. Молчун тоже в курсе. Убери его из Черепичника, пока она не появилась. Не дай Бог, меня или его просветят Оком.

— В таком случае это и для меня опасно. Потому что я знаю, что вы что-то знаете. Придется рискнуть, Костоправ.

— Похоже на то. Но, по крайней мере, не наводи ее на разные глупые мысли.

— Да она наверняка давным-давно забыла тебя, Костоправ. Ты для нее просто один из тысяч солдат.

Глава 38
Арча. Штурм

Госпожа не забыла меня. И не собиралась даже. Вскоре после полуночи меня растормошил мрачный Ильмо:

— Здесь Шепот. Ты ей нужен, Костоправ.

— А?

Я не сделал ничего такого, чтобы навлечь на себя ее гнев. По крайней мере, в последние несколько недель.

— Она отвезет тебя в Черепичник. *Сама* хочет тебя видеть. Шепот прилетела за тобой.

Видали вы когда-нибудь, как взрослый мужик хлопается в обморок? Я не хлопнулся. Но был к этому близок. И к апоплексическому удару тоже. Кровяное давление у меня подпрыгнуло до небес. Минуты две перед глазами все кружилось так, что я ничего не соображал. Сердце ухало в груди. Внутренности ныли от страха. Я *знал*, что она собирается просветить меня Оком, которое видит все секреты, запрятанные в человеческом мозгу. И я ничего не мог поделать. Бежать было поздно. И какого черта я не сел на корабль вместе с Ростовщиком?

Я шагнул на ковер, как на эшафот, сел у Шепот за спиной и, когда мы взлетели и понеслись в прохладной ночи к Черепичнику, погрузился в свои мысли.

— Ты, видно, произвел на нее неизгладимое впечатление, лекарь! — обернулась ко мне Шепот, когда мы пролетали над портом.— Не успела она появиться, как сразу спросила о тебе.

Я собрался с духом и выдавил:

— Почему?

— Думаю, потому, что она хочет иметь под рукой придворного летописца. Как тогда, во время битвы при Чарах.

Я поднял на нее изумленный взгляд. Откуда она знает? Я всю жизнь считал, что Госпожа не очень-то откровенничает со Взятыми.

Но насчет битвы при Чарах Шепот была права. Госпожа тогда таскала меня с собой повсюду, чтобы все события были описаны так, как они происходили. Она не требовала пристрастного подхода. Наоборот, настаивала, чтобы я писал все как вижу. Однажды Госпожа даже намекнула, что, дескать, власть ее будет свергнута и тогда историки обольют ее грязью. Поэтому она хочет, чтобы сохранилось непредвзятое свидетельство очевидца. Давненько я об этом не вспоминал. Это была одна из самых любопытных странностей, подмеченных мною в Госпоже. Ее совершенно не волновало мнение окружающих, и в то же время она боялась, как бы какой-нибудь сукин сын не перелицевал историю по своей мерке.

Слова Шепот зародили во мне искорку надежды. Может, Госпожа действительно хочет иметь при себе летописца? Может, я еще как-нибудь выкручусь? Особенно если сумею увернуться от всевидящего Ока.

Мы приземлились на северной стене Черепичника, где нас встретил Капитан. Судя по количеству ковров, сюда слетелись все Взятые. Даже Странник, который, как я думал, останется в Курганье. Правда, у Странника были свои счеты с черным замком. Перо была его женой.

Судя по виду Капитана, он молчаливо сочувствовал мне и хотел что-то сказать, однако не осмеливался. Я тихонько передернул плечами: возможно, мол, случай представится позже. Но он не представился. Шепот прямиком повела меня к Госпоже.

Со времени нашей последней встречи она ни капельки не изменилась. Все мы здорово постарели, она же осталась навеки двадцатилетней и ослепительной. Та же роскошная черная грива, те же бездонные глаза, в которых мог утонуть любой мужчина. И то же обаяние, настолько неотразимое, что описывать ее внешность в деталях просто невозможно. Да и не нужно, поскольку то, что я видел, не было настоящей Госпожой. Так она выглядела лет четыреста назад, если и тогда ее внешний вид не был подделкой.

Она встала и подошла ко мне, протягивая руку. Я не мог оторвать от нее глаз. Она одарила меня чуть насмешливой улыбочкой, которую я так хорошо помнил: словно у нас с ней был какой-то общий секрет. Я легко коснулся ее руки и с удивлени-

ем обнаружил, что она теплая. Вдали от Госпожи, когда она превратилась в памяти в абстрактный символ угрозы, типа землетрясения, я думал о ней не иначе как о чем-то холодном и смертельно опасном. Она представлялась мне скорее кровожадным зомби, чем живой, дышащей и, возможно, даже уязвимой личностью.

Госпожа улыбнулась еще раз и предложила мне сесть. Я так и сделал, чувствуя себя до нелепости неуместным в этой компании, собравшей всех величайших — за исключением одного — злодеев мира. Хотя Властелин тоже был здесь, по крайней мере дух его, который витал над нами грозной тенью.

Меня призвали сюда не для доклада, это я быстро понял. Капитан с Лейтенантом отчитались от имени Отряда. Герцог с Аргадоном тоже присутствовали, но говорили немногим больше моего. Взятые засыпали вопросами Капитана и Лейтенанта. Ко мне обратились лишь раз, да и то Капитан, который спросил, готов ли я к приемке раненых с поля боя.

Во всем совещании лишь один пункт касался непосредственно меня. На утро послезавтрашнего дня был назначен штурм. И продолжаться он будет до тех пор, пока мы не возьмем замок или же не выдохнемся окончательно.

— Это место — пробоина в днище корабля империи,— сказала Госпожа.— Или мы ее заткнем, или все потонем.

Она отмела все возражения герцога и Аргадона, уже раскаявшихся в том, что они попросили Госпожу о помощи. Герцог потерял всякую власть над своими владениями. Положение Аргадона было не лучше. Хранитель подозревал, что попросту лишится работы, когда Госпожа покончит с черным замком. Члены Отряда и Взятые не давали себе труда скрывать то презрение, которое вызывала у них странная религия Арчи. Я провел среди горожан достаточно много времени, чтобы утверждать, что и они принимали ее всерьез лишь постольку, поскольку их принуждали к этому Хранители да горстка фанатиков.

И тем не менее я надеялся, что Госпожа, буде она вознамерится здесь все изменить, не станет слишком спешить с нововведениями, чтобы Отряд успел уйти отсюда подальше. Играть с религией народа — все равно что играть с огнем. Даже если народу она вроде как безразлична. Религия внедряется в наше

подсознание с юных лет и по-настоящему никогда оттуда не уходит. Есть в ней какая-то сила, не поддающаяся рациональному объяснению.

Утро штурма приближалось. Тотальная война. Отчаянная попытка уничтожить черный замок. Все силы Госпожи, Взятых, Отряда и Арчи будут подчинены достижению единой цели, чего бы это ни стоило.

Утро штурма приближалось. Но вышло все иначе. Никто не предупредил Властелина, что ему следует дожидаться утра.

Он нанес первый удар за шесть часов до назначенного срока, когда большинство солдат и все рабочие спали мирным сном. Когда единственным, кто патрулировал замок с воздуха, был Странник, наименее могущественный из подручных Госпожи.

Все началось с того, что знакомая нам уже штуковина в виде пузыря шлепнулась из замка и заткнула дыру, зиявшую между крепостной стеной и лестницей Лейтенанта. Не меньше сотни тварей выбежали наружу и устремились вверх по ступеням.

Странник был начеку. Он почуял, что в замке что-то происходит, и был готов к неожиданностям. Быстро спустившись вниз, он осыпал нападающих едкой пылью.

Бах! Бах-бах-бах! Замок подбил Странника, как до того подбил его жену. Он пролетел, виляя, еще немного, избежав, правда, худшего, но не избежав попаданий, и рухнул, окутанный клубами дыма. Ковер его был безнадежно испорчен.

Этот грохот разбудил меня. Он разбудил весь лагерь, поскольку раздался одновременно с сигналом тревоги, начисто его заглушив.

Я выбежал из госпиталя и увидал, как твари сплошным потоком стекают по штурмовой лестнице. Страннику удалось остановить лишь горстку нападающих. Всех их окружало то защитное сияние, с которым Одноглазому уже пришлось столкнуться прежде. Они бежали вперед сквозь ураган снарядов, которыми обстреливали их дозорные с вышек. Несколько тварей упали, но совсем немного. Они начали тушить огонь: должно

быть, глаза их лучше наших были приспособлены к видению во тьме.

Люди метались во все стороны, волоча за собой одежду. Кто бежал в сторону неприятеля, кто наоборот. Рабочие совершенно потеряли от страха голову и сильно задержали ответный удар Отряда. Многих убили наши солдаты, раздраженные тем, что обезумевшие люди путаются у них под ногами.

Зычный голос Лейтенанта, отдававшего команды, перекрыл даже этот хаос. Первым делом он расставил по местам все расчеты тяжелых орудий и приказал нацелить их на ступени. Он разослал курьеров во все стороны с приказом переместить каждую баллисту, катапульту и требюше так, чтобы они могли стрелять по лестнице. Его команды вызвали у меня некоторое недоумение, быстро рассеявшееся, когда я увидел, как первая тварь повернула домой, таща под мышками два трупа. Шквал снарядов, полетевший в нее, разорвал тела в мелкие клочья и оставил от твари мокрое место.

Лейтенант велел стрелять из требюше горшками, наполненными маслом: они разбивались о ступени, и те занимались огнем, как только вслед им падали горящие вязанки. Масляные и огненные снаряды летели беспрерывным залпом. Твари из замка не могли преодолеть стену огня.

А я-то, болван, считал, что Лейтенант попусту теряет время, сооружая ненужные махины!

Он знал свое дело туго. Одно слово — профессионал. Его приготовления и мгновенная реакция оказались в ту ночь более ценными, чем все, что сделали потом Взятые и Госпожа. Он удержал линию обороны в критический момент.

Когда твари поняли, что отрезаны от замка, началось дикое побоище. Они тут же бросились вперед, пытаясь добраться до орудий. Лейтенант просигналил младшим офицерам и повел весь свой наличный резерв на подмогу. Ничего другого ему не оставалось. Каждая из тварей стоила как минимум пары солдат, да к тому же находилась под охраной защитного сияния.

То там, то здесь какой-нибудь храбрый горожанин подхватывал с земли оружие и бросался в драку. Большинство из них поплатились за это жизнью, но их самопожертвование помогло не подпустить врага к орудиям.

Все мы понимали, что, если выродки уволокут достаточно много трупов, наше дело — труба. Тогда мы столкнемся лицом к лицу с их хозяином.

Из Черепичника полетели пары шаров, взрывая ночную тьму сумасшедшими красочными сполохами. С неба спикировали Хромой и Шепот, и каждый из них снес по яичку, из которых вылупился огонь, пожиравший субстанцию замка. Хромой, увернувшись от нескольких атак из крепости, вихрем пронесся в воздухе и посадил свой ковер неподалеку от госпиталя, уже заполненного первыми пациентами. Мне пришлось удалиться туда и заняться работой, за которую мне платили. Но я держал дверцы палатки раскрытыми, чтобы наблюдать за сражением.

Хромой оставил своего воздушного скакуна и зашагал к вершине, обнажив длинный черный меч, зловеще мерцавший в отблесках полыхающей крепости. От самого Хромого исходило сияние, похожее на защитное сияние тварей. Однако оно было более сильным, что Хромой и продемонстрировал, врубившись в толпу этой нечисти. Оружие врага не причиняло ему никакого вреда, в то время как он пластал их, как свиное сало.

К тому времени твари убили не меньше пятисот человек. Большинство из них были рабочие, но Отряд тоже понес ужасные потери. И потери эти продолжали расти даже после того, как Хромой повернул неприятеля вспять, поскольку он мог управиться только с одним выродком за раз. Солдаты старались не дать тварям разбежаться, чтобы Хромому было легче их рубить.

Те, в свою очередь, попытались задавить Хромого массой и почти преуспели, навалившись на него кучей в пятнадцать-двадцать тел и прижав к земле. Лейтенант временно перенес огонь орудий на эту бурлящую кучу и палил, пока она не распалась и Хромой не встал на ноги.

Увидав, что их уловка не удалась, твари сбились вплотную друг к дружке и попытались прорваться на запад. Не знаю, собирались ли они удрать совсем или просто обойти и ударить с тыла. Дюжина чудищ, сумевшая прорвать оборону, наткнулась на Шепот, которая щедро посыпала их разъедающей пылью. На каждую тварь, погибшую от пыли, пришлось по полудюжине жертв среди рабочих, но прорыв был остановлен. Уцелело лишь пятеро гадин.

Над ними немедленно разверзлось невидимое небесное окно, из которого повеяло холодным дыханием вечности. Все пятеро погибли.

Шепот между тем отчаянно пыталась удержаться в воздухе, преследуемая оглушительной барабанной дробью выстрелов. Летуньей она была более искусной, чем Странник, но увернуться все-таки не сумела — и вскоре рухнула, упав где-то за крепостью.

А в самой крепости целая толпа нечисти с плетками-девятихвостками сбивала пламя, разожженное Хромым и Шепот. Здание совершенно скукожилось, потеряв большую часть своей массы, и приобрело жалкий вид. Своеобразное, хотя и мрачное изящество замка растаяло без следа. Он казался бесформенной кучей оплавленного темного стекла: трудно было поверить, что внутри мог уцелеть кто-то живой, но твари таки уцелели и продолжали сражаться. Горстка их высыпала на ближайшую к замку часть лестницы, что-то поколдовала, и в сплошной стене огня, поддерживаемого Лейтенантом, появилась черная брешь. Чудища, которым огненный вал преграждал дорогу домой, тут же хлынули туда, не забыв прихватить с собой хотя бы по одному трупу.

И снова раскрылось леденящее окно, дохнув на ступени. Огонь вспыхнул напоследок и мгновенно исчез. Целая толпа чудовищ исчезла тоже, размолоченная в пыль снарядами Лейтенанта.

Твари, оставшиеся в крепости, прибегли к трюку, о котором я не мог без дрожи вспомнить с того дня, когда погибла Перо. Они начали дубасить по склону своим исполинским колдовским башмаком.

Если это и не был тот самый невидимый великан, что преследовал тогда Лейтенанта, Ильмо, Одноглазого и меня, он как минимум был его близким родственником. На склоне, почти без огня и дыма, появлялись гигантские воронки, зачастую с кровавой кашей на дне.

Все случилось так быстро и неожиданно, что никто из нас не успел собраться с мыслями. Я не сомневаюсь, что даже Отряд дрогнул бы и побежал, будь у людей время подумать. Но сейчас, захваченные врасплох, они по инерции продолжали иг-

рать свою роль, к которой готовились со дня прибытия в Арчу. Они стояли насмерть и гибли один за другим.

Хромой метался по склону, как обезумевшая наседка, квохча и гоняясь за уцелевшими чудищами. Таких было немало, и в основном их окружали разъяренные солдаты. Часть тварей погибла от рук своих же сородичей, поскольку скопления людей представляли собой соблазнительную цель для невидимого исполина.

Группа чудищ вылезла на остатки крепостной стены и начала собирать установку, похожую на ту, которую они пытались уже пустить в ход ранее. Но на сей раз в небе не было Взятых, и некому было смешать эту нечисть с дерьмом.

Правда, лишь до тех пор, пока изрядно потрепанный Странник не промчался мимо госпиталя и не спер ковер Хромого.

До сих пор я думал, что Взятые не могут летать на чужих коврах. Оказалось — могут. Во всяком случае, Странник взмыл в поднебесье и ринулся на крепость, осыпая ее пылью и сбросив еще одно яйцо. Замок сбил его снова, и, несмотря на оглушительный шум и гвалт, царившие кругом, я расслышал вопли Хромого, проклинавшего воришку.

Видали вы когда-нибудь, как ребенок чертит прямую линию? Не очень прямо, верно? Вот такая же дрожащая линия протянулась от Черепичника к черному замку. Она повисла в ночи какой-то неправдоподобной бельевой веревкой — извилистой и светящейся неопределенным цветом. Кончик ее высекал из обсидиана искры, точно стальное кресало из кремня, только в десять тысяч раз сильнее, так что на это нестерпимое сияние было больно смотреть. Весь склон залило ослепительным голубоватым заревом.

Я отложил инструменты и шагнул из палатки, чтобы ничего не упустить, поскольку инстинктивно понял, что другой конец этой веревки сжимает Госпожа, впервые вступившая в сражение. Она была нашим самым мощным оружием, и если замок вообще мог быть сокрушен, то лишь ее силами.

Лейтенант, по-видимому, растерялся, ибо на пару секунд защитная стена огня погасла. Полдюжины тварей сразу устремились вверх по ступеням, волоча по два-три трупа каждый. А из

замка навстречу Хромому, который преследовал беглецов, рванули их сородичи. Насколько мне удалось разглядеть, чудища утянули около двенадцати тел. В некоторых из них, возможно, еще теплилась искра жизни.

Там, где веревка Госпожи касалась замка, от него отлетали ослепительно сверкающие куски. На черной глыбе заалели тоненькие трещинки, понемногу расползаясь все дальше. Твари, собиравшие установку, отступили, и их заменили другие, пытавшиеся уменьшить разрушительные последствия атаки Госпожи. Но тщетно. Нескольких из них раздолбали снаряды, пущенные Лейтенантом.

Хромой добрался до вершины лестницы и картинно выпрямился, высоко подняв меч на фоне пылающей части замка. Гигантский карлик, да простится мне такой оксюморон. Хромой росточком невелик, но смотрелся в тот момент настоящим исполином.

— За мной! — заорал он и бросился по наклонной вниз.

К моему величайшему удивлению, люди последовали за ним. Сотни людей. Я увидел, как Ильмо с остатком своего взвода с ревом бросился вверх по лестнице, потом вниз — и пропал из вида. Довольно много горожан, из тех, что похрабрее, тоже приняли участие в штурме.

Часть истории Каштана Шеда недавно выплыла наружу, безо всяких имен или подробностей, но с непременным упором на то, какую кучу денег огребли они с Вороном в замке. Слухи явно распускались ради того момента, когда замок потребуется штурмовать живой людской силой. Зов богатства в считанные минуты вознес толпу обитателей Котурна на уходящие кверху ступени.

А тем временем на заднем склоне Шепот добралась до лагеря Одноглазого. Он со своими людьми, конечно, находился в боевой готовности, но в бой пока что не вступал. Рытье подкопа было приостановлено им тогда, когда Одноглазый убедился, что нет никакой возможности обойти или пробить материал, из которого состояла крепость.

Шепот притащила с собой огненное яйцо, уложила его рядышком с обсидианом и оставила вгрызаться в самое чрево крепости.

Как я узнал потом, сделать это предполагалось значительно раньше. Но Шепот пришлось немало попетлять в воздухе, прежде чем она сумела добраться на своем разодранном ковре до позиций Одноглазого.

Глядя на штурмующих замок людей, глядя на его покинутые и полуразрушенные Госпожой стены, глядя на никем не сбиваемое пламя, я решил, что победа за нами и до нее уже рукой подать. Я вернулся в госпиталь резать и латать, помогая одним и качая головой над другими, которым ничем помочь не мог. И очень жалел об отсутствии Одноглазого, засевшего на дальнем склоне. Он всегда был моим главным помощником, и сейчас мне его крайне недоставало. Не хочу принижать умений Кармана, но талантами Одноглазого он не обладал. Мне часто приходилось видеть, как безнадежного — с моей точки зрения — раненого спасала малая толика колдовства.

Вопли и рев снаружи возвестили о том, что Странник вернулся с места своего последнего падения и снова напал на врага. А следом за ним в драку ринулось подразделение, прибывшее из Котурна. Лейтенант встретил Леденца и предупредил, чтобы солдаты не лезли на лестницу. Вместо этого он расставил их по периметру и принялся отгонять толпившихся поблизости рабочих, наводя порядок в своем хозяйстве.

Орудие тварей, которым они сбивали Взятых, палило не переставая и лишь теперь начало выдыхаться. Лейтенант громко выругался, сожалея о том, что не осталось ни одного ковра, с которого можно было бы сбросить огненные яйца.

Но *один* ковер остался. Ковер Госпожи. И я уверен, что она знала, как обстоят дела. Однако она не выпускала из рук своей светящейся веревки, очевидно полагая, что это важнее.

Огонь в подкопе Одноглазого прогрыз-таки дырку в обсидиане. Она понемногу расширялась. По словам Одноглазого, это пламя совершенно не дает тепла. Как только Шепот решила, что проход достаточно широк, она тут же повела рабочую бригаду в крепость.

Одноглазый говорит, он чуть было не подался туда вместе с ними, но его остановило дурное предчувствие. Он посмотрел, как толпа рабочих и солдат исчезает в отверстии, и почесал на

нашу сторону склона. В госпитальной палатке, помогая обрабатывать раненых, он мне все это и рассказал.

Через несколько минут после его прихода задняя часть крепости обрушилась. Земля содрогнулась от удара. Отколовшаяся глыба с грохотом покатилась в бездонную пропасть. Очень эффектно, но малоэффективно. Обитателям замка это не причинило ни малейшего вреда.

Части передней стены тоже валились на землю, не выдерживая неотступного натиска Госпожи.

Продолжали прибывать все новые подразделения Отряда, сопровождаемые перепуганными формированиями людей герцога и даже несколькими Хранителями, призванными под ружье. Лейтенант расставлял их рядами, не позволяя никому приближаться к замку.

А там творилось что-то несусветное: странные вспышки огня и света, душераздирающие вопли... И жуткие, жуткие запахи доносились до нас. Я не знаю, что там происходило, и, возможно, не узнаю никогда. Едва ли кто-то вышел оттуда живым.

И тут раздался протяжный, какой-то утробный, еле слышный стон. Меня затрясло еще раньше, чем я его услышал. Он исключительно медленно набирал высоту и гораздо быстрее — силу. Вскоре от него задрожал весь горный кряж. Стон исходил одновременно отовсюду. Через некоторое время мне показалось, что это не просто стон, а чудовищно замедленная речь. Я даже уловил ее ритм: каждое слово растянуто на несколько минут.

Одна мысль. В мозгу билась только одна мысль. Властелин. Он выходит из могилы.

На секунду мне почудилось, будто я различаю слова: «Ты сука, Ардат!» Но они тут же улетучились из памяти, изгнанные страхом.

В палатку заглянул Гоблин, окинул нас беглым взором, облегченно вздохнул при виде Одноглазого. Он ничего не сказал, и я не успел расспросить, чем он занимался во время штурма. Гоблин растворился в ночи, махнув нам рукой.

А спустя пару минут появился Молчун. Очень мрачный. Молчун, мой собрат по преступному знанию, мой друг, которого я не видал больше года, которого мне так не хватало во время

последнего визита в Черепичник. Он выглядел выше, тоньше и печальнее обычного. Кивнул мне и быстро заговорил на языке глухонемых:

— У причала стоит корабль под красным флагом. Немедленно отправляйся туда.

— Что?

— Немедленно отправляйся на корабль с красным флагом. Сообщи всем остальным членам Отряда, из «стариков». Это приказ Капитана. Ты обязан его выполнить.

— Одноглазый!..

— Я понял, что он говорит,— ответил тот.— Эй, Молчун, какого черта?!

— Взятые готовят нам западню,— продолжал жестикулировать Молчун.— Корабль отвезет нас в Медополь, где можно будет оборвать все концы. Те, кто слишком много знает, должны исчезнуть. Пошли. Нам нужно собрать «стариков» и отчаливать.

Членов нашего старого братства осталось не так уж много. Мы с Одноглазым поспешно отыскали всех, кого смогли, и через пятнадцать минут двинулись толпой к мосту через Портовую речку, все до единого в полной растерянности. Я постоянно оглядывался назад. Ильмо остался в замке. Ильмо, лучший мой друг. Ильмо, который, возможно, будет захвачен Взятыми в плен...

Глава 39
В бегах

Девяносто шесть человек явились по приказу на борт. На двенадцать из них приказ не распространялся, но у нас рука не поднялась их прогнать. Не хватало сотни членов нашего старого братства, сформировавшегося до того, как Отряд переплыл море Мук. Кто-то погиб на склоне. Кто-то остался в замке. Кого-то мы просто не сумели найти. Но среди недостающих не было никого, кто владел бы опасным знанием, за исключением Ильмо и Капитана.

Я был на борту. Молчун, Одноглазый и Гоблин были на борту. Лейтенант тоже был здесь, растерянный более прочих. Леденец, Масло, Ведьмак... Список можно продолжать достаточно долго. Все они были в сборе.

Но Ильмо не было, и Старика тоже, и на корабле чуть не поднялся бунт, когда Молчун велел отчаливать без них.

— Приказ,— бросил он единственное слово, и то на языке жестов, которого многие не понимали, хотя мы пользовались им годами. Он достался Отряду в наследство от Душечки и оказался удобным средством общения в критических ситуациях.

Как только корабль отчалил от пристани, Молчун вытащил запечатанное письмо за подписью Капитана. Собрав всех присутствующих офицеров в капитанской каюте, Молчун попросил меня прочесть его вслух.

«Ты был прав насчет Взятых, Костоправ,— начал я.— Они действительно нас подозревают и намереваются выступить против Отряда. Я сделал все, что сумел, пытаясь сорвать их планы: нанял корабль, чтобы он отвез моих братьев, которым опасность угрожает больше всего, в безопасное место. Сам я не могу присоединиться к вам, поскольку мое отсутствие насторожит Взятых. Поспешите. Вряд ли я продержусь слишком долго после того, как ваше бегство будет раскрыто. Вы с Гоблином можете подтвердить, что никто не силах скрыть свои мысли от всевидящего Ока Госпожи.

Я не очень-то надеюсь на успех вашего побега. Они погонятся за вами, потому что вытянут из меня все подробности, если только мне не удастся от них удрать. Я знаю достаточно, чтобы навести их на ваш след...»

— Что, черт возьми, происходит? — прервал меня Лейтенант. Он знал, что некоторые из нас владели тайной, в которую он не был посвящен.— Слушайте, хватит нам играть друг с другом в прятки!

Я посмотрел на Молчуна и предложил:

— Думаю, мы должны рассказать об этом всем, хотя бы для того, чтобы знание не было утеряно.

Молчун кивнул.

— Душечка — это Белая Роза, Лейтенант.

— Что? Но...

— Да. Мы с Молчуном знаем это со времени битвы при Чарах. Ворон первым раскрыл секрет. Поэтому он и дезертировал. Он хотел убрать ее с глаз Госпожи как можно дальше.

Ты ведь знаешь, как он любил девчушку. По-моему, кое-кто из вас догадывался, в чем дело.

Мое заявление не вызвало бури эмоций. Удивился один Лейтенант. Остальные подозревали нечто в этом роде.

Больше в письме Капитана ничего существенного не было. Слова прощания. Предложение выбрать на его место Лейтенанта. И последнее, личное обращение ко мне:

«Обстоятельства, похоже, навязывают вам тот выбор, о котором ты говорил, Костоправ. Разве что ты сумеешь скрыться от Взятых там, на юге». Я точно слышал его ехидный смешок, сопровождавший эти слова.

Одноглазого интересовало, куда девалась отрядная казна. Давным-давно, находясь на службе у Госпожи, мы как-то захватили целое состояние в монетах и драгоценностях. Казна путешествовала с нами все эти годы, деля с нами радости и беды,— наша тайная страховка на черный день.

Молчун сказал, что казна осталась в Черепичнике у Старика. Вынести ее не было никакой возможности.

Одноглазый не выдержал и разрыдался. Этот сундук был для него важнее всех превратностей судьбы, как прошлых, так настоящих и грядущих.

Гоблин начал издеваться над ним. Полетели искры. Лейтенант собрался было вмешаться, как вдруг чья-то голова просунулась в дверь:

— Вы, ребята, лучше поднимитесь на палубу да посмотрите!

И он исчез, не дав нам возможности выяснить, о чем речь.

Мы поспешили на главную палубу.

Корабль, подгоняемый течением и приливом, отплыл уже от порта на добрые две мили. Но отсветы черного замка освещали и нас, и Арчу примерно так же, как солнце сквозь дымку облаков.

Замок был эпицентром огненного фонтана, залившего небо заревом на несколько миль. В пламени колыхалась громадная фигура. Губы ее шевелились. Медленные, протяжные слова эхом прокатились по порту:

— Ты сука, Ардат!

Все-таки я правильно их разобрал.

Фигура медленно, лениво подняла руку и указала на Черепичник.

— Им удалось затащить туда достаточно трупов! — прохрипел Гоблин.— Старый подлец выходит из могилы.

Все замерли, завороженные зрелищем. Я тоже замер, а в мозгу билась лишь одна мысль: повезло нам, что мы вовремя удрали! В тот момент я не способен был сочувствовать людям, которых мы оставили там. Я мог думать только о себе.

— Ой! — воскликнул кто-то еле слышно.— Смотрите туда!

На стене Черепичника образовался светящийся шар. Он быстро разбухал, переливаясь всеми цветами радуги. Выглядел он великолепно — точно громадная, медленно вращающаяся луна из цветного стекла. Достигнув не меньше двухсот ярдов в диаметре, он оторвался от Черепичника и поплыл по направлению к черному замку. Громадная фигура протянула руку, пытаясь заграбастать шар, но тщетно.

Я хихикнул.

— Что тут смешного, черт побери? — сердито спросил Лейтенант.

— Я просто представил себе, что должны испытывать, глядя на это, жители Арчи. Они никогда не сталкивались с колдовством.

А разноцветный стеклянный шар, крутясь, уплывал все дальше. На мгновение он повернулся к нам стороной, которую я прежде не разглядел. Сторона эта была лицом Госпожи. Ее огромные стеклянные глазищи вперились прямо в меня, прожигая насквозь.

— Я тебя не предавал,— невольно вырвалось у меня.— Это ты меня предала.

Клянусь всеми богами, между нами протянулась незримая ниточка. Что-то в ее глазах сказало мне, что она услышала и что обвинение больно задело ее. Потом шар повернулся, и больше я ее лица не видел.

Шар поплыл прямо в огненный фонтан и исчез. Мне почудилось, будто я снова слышу этот низкий голос, медленно выговаривающий слова:

— Ты попалась, Ардат!

— Эй! Смотрите сюда! — воскликнул чей-то голос, и мы повернулись к Черепичнику.

Над стеной, откуда Госпожа начала двигаться к своему супругу, вновь появился свет. Сначала я никак не мог понять, что происходит. Свет приближался к нам — мерцая, поднимаясь и опускаясь.

— Это ковер Госпожи,— знаками сказал Молчун.— Я видел его раньше.

— Но кто?..

В Черепичнике не осталось никого, кто умел управлять ковром. Все Взятые были у черного замка.

Ковер ускорил полет, перестав вихлять вверх-вниз и стремительно набирая скорость. Он приближался к нам, все быстрее и быстрее, одновременно опускаясь все ниже и ниже.

— Кто-то, не имеющий понятия о том, что он делает,— высказал предположение Одноглазый.— И он непременно убьется, если...

Ковер летел прямо на нас, футах в пятидесяти над водой. Корабль начал долгий поворот, огибая последний мыс перед выходом в море.

— Может, его послали, чтобы ударить по нам,— сказал я.— Как снаряд. Чтобы помешать нам удрать.

— Нет,— возразил Одноглазый.— Ковры слишком дороги. Их очень трудно сделать и сохранить. А у Госпожи он последний. Лишись она ковра — и ей придется топать домой ножками.

Ковер снизился до тридцати футов, вырастая на глазах, со свистом рассекая воздух. Скорость у него была по меньшей мере сто пятьдесят миль в час.

И вот он уже у нас над головами — рвет снасти, с треском натыкается на мачту и отлетает от удара на добрую половину мили. В воздухе разлетаются брызги. Ковер, как плоский камушек, подскакивает над водой, касается ее поверхности снова и с силой врезается в утес. Колдовская энергия, управляющая ковром, высвобождается фиолетовой вспышкой.

Никто из нас не вымолвил ни слова. Потому что, когда ковер порвал такелаж, мы мельком увидели лицо седока.

Капитан.

Кто знает, что было у него на уме? Хотел ли он присоединиться к нам? Может быть. Как мне представляется, он пошел

на стену, намереваясь вывести ковер из строя, чтобы никто не смог отправиться на нем за нами в погоню. Возможно, он сам хотел броситься потом со стены и избежать таким образом допроса. А поскольку Капитан достаточно часто видел ковер в действии, то не удержался от искушения попробовать улететь на нем.

В общем, это неважно. Он достиг своего. Никто не сможет воспользоваться ковром, чтобы догнать нас. А ему самому не придется предстать перед Оком.

Но личной своей цели он не достиг. Капитан умер на севере.

Мы все переживали про себя его полет и гибель, а корабль тем временем двигался дальше, пока и Арча, и северная гряда не пропали за мысом. Над черным замком продолжал полыхать огонь, поднимаясь пламенными языками до самых звезд, но и он потускнел понемногу. Разгорающаяся заря поглощала его сияние. И когда над волнами прокатился исступленный вопль, означавший чье-то поражение, мы уже не смогли определить, кто же победил.

Впрочем, для нас это не имело значения. Нам не будет пощады ни от Госпожи, ни от ее восставшего из гроба мужа.

Корабль вышел в море и повернул на юг. Матросы с бранью заменяли снасти, порванные Капитаном. Мы же разбрелись молча по палубе, каждый наедине со своими мыслями. И только тогда меня объяла тревога за брошенных нами товарищей.

Мы отслужили по ним долгую двухдневную панихиду. Мы скорбели о каждом погибшем и в особенности о Капитане. Все уцелевшие, все до единого нашли для него слова хвалы и благодарности. Он был главой семьи, нашим патриархом, он был отцом каждому из нас.

Глава 40
Медополь. В поисках пути

Благодаря ясной погоде и попутным ветрам мы сравнительно быстро добрались до Медополя. Капитан корабля был доволен. Ему щедро заплатили за хлопоты, но, расставаясь с

нами, он ничуть не старался скрыть свою радость. Пассажиры мы были, конечно, не лучшие. Одноглазый панически боялся моря, постоянно страдал от морской болезни и к тому же требовал, чтобы все вокруг страдали и боялись не меньше него. Они с Гоблином непрерывно задирались, несмотря на угрозы Лейтенанта бросить их обоих акулам. Сам Лейтенант был в таком скверном расположении духа, что они воспринимали его слова наполовину всерьез.

Исполняя волю Капитана, мы избрали Лейтенанта своим командиром, а Леденца — его заместителем. На месте Леденца должен был быть Ильмо... Мы не стали называть Лейтенанта Капитаном. Наша численность настолько уменьшилась, что это звучало бы глупо. Нас не набралось бы сейчас даже на приличную уличную банду.

Последний из Свободных Отрядов Хатовара. Четыре столетия братства и традиций — и что от них осталось? Горстка беглецов. Бред какой-то. К тому же крайне несправедливый бред. Великие деяния наших предков по оружию заслуживали лучших продолжателей.

Казна была потеряна, но Анналы каким-то образом все же попали на борт. По-моему, их притащил Молчун. Для него они были почти так же важны, как для меня самого. В ночь перед нашим прибытием в Медопольскую гавань я читал солдатам отрывок из книги Воега, который вел летопись Отряда после его разгрома в сражении при Печи, в Норсселе. Уцелела тогда всего сотня человек, но Отряд возродился.

Однако солдаты не воспринимали услышанного. Рана была слишком свежа. Я бросил читать, не дойдя и до середины.

Медополь подействовал на нас освежающе. Настоящий город, не бесцветная мерзлая гора типа Арчи. Мы сошли на берег, имея при себе лишь оружие да те деньги, что каждый прихватил с собой во время бегства. Горожане посматривали на нас с опаской, мы на них — тоже, поскольку не были достаточно сильны, чтобы дать достойный отпор, если принцу не понравится наше присутствие. Три колдуна представляли собой наше главное достояние. Лейтенант с Леденцом надеялись раздобыть с их помощью какие-нибудь средства, чтобы отправиться дальше на другом корабле и, возможно, вернуться в знакомые нам края

на южном берегу моря Мук. Но для этого нужно было проделать немалый путь, причем частично по суше, пересекая земли, принадлежащие Госпоже. Я считал, что нам лучше продвигаться вдоль берега, заметая следы, и поступить к кому-нибудь на службу, по крайней мере пока войско Госпожи не окажется слишком близко. Что непременно рано или поздно случится.

Госпожа. Я постоянно думал о Госпоже. Более чем вероятно, что ее войска присягают сейчас на верность Властелину.

Ростовщика и Шишку мы обнаружили через несколько часов после высадки на берег. Ростовщик приехал всего двумя днями раньше нас — его задержали в пути встречные ветры и плохая погода. Лейтенант немедленно набросился на Шишку:

— Ты где ошивался, бездельник? — Шишка, естественно, превратил свое задание в затяжные каникулы. Такой уж он у нас лоботряс.— Ты должен был вернуться, когда...

— Я не мог. Мы свидетели по делу об убийстве. Я не имею права покинуть город до суда.

— По делу об убийстве?

— Ну конечно! Ворон-то погиб. Рост говорил, вы в курсе. Ну, мы позаботились о том, чтобы Вола засадили за решетку. А теперь нам нужно сделать так, чтобы его повесили.

— Где он? — спросил я.

— В тюряге.

Лейтенант обрушился на него, кляня и браня на все корки, а прохожие меж тем нервно косились на двух крутых парней, честящих друг друга на разных незнакомых языках.

— Нам нужно убраться с улицы,— предложил я.— Возьмите себя в руки! У нас и так забот хватает, незачем привлекать к себе внимание. Лейтенант, если ты не против, я хотел бы потрепаться с Шишкой. Пускай его парни проводят вас куда-нибудь, где вы сможете залечь на дно. Шиш, пошли со мной. И вы тоже.— Я указал на Молчуна, Гоблина и Одноглазого.

— А куда мы пойдем? — поинтересовался Шишка.

— Сам придумай. Туда, где мы сможем поговорить. Посерьезному.

— Ладно! — Он резво зашагал вперед, стараясь поскорее увеличить расстояние между собой и Лейтенантом.—

Это правда? То, о чем он сказал? Что Капитан погиб и все такое?

— К сожалению, да.

Шишка потряс головой, пораженный мыслью о распаде Отряда.

— О чем ты хочешь узнать, Костоправ? — спросил он наконец.

— Обо всем, что тебе удалось выяснить. В первую очередь о Вороне. А также о парне по имени Аза. И о кабатчике.

— О Шеде? Я видал его на днях. По крайней мере, так мне показалось. Я даже не сразу понял, кто это. Он был одет совсем по-другому. Да. Рост говорил мне, что кабатчик подмыл. И Аза тоже. Его я, по-моему, знаю, где искать. А вот Шеда... Ну, если он тебе так нужен, можешь начать поиски оттуда, где я его видел.

— А он тебя видел?

Мой вопрос озадачил Шишку. По-видимому, такая мысль попросту не приходила ему в голову. Он у нас маленько тугодум.

— По-моему, нет.

Мы вошли в кабачок, облюбованный иноземными моряками. Здесь толкалась разношерстная и такая же оборванная, как и мы, толпа, галдевшая на десятках наречий. Мы уселись за столик и начали беседовать на языке Самоцветных городов. Шишка говорил на нем не ахти, но все понимал. Я надеялся, что остальные посетители этого языка не знают.

— Ворон! — сказал я.— Вот о ком я хочу услышать, Шишка!

Он поведал нам историю, очень похожую на историю Азы, только чуть менее связную, что вполне естественно, когда рассказ исходит не из уст очевидца.

— Ты по-прежнему думаешь, что Ворон все подстроил? — спросил Одноглазый.

— Да. Это всего лишь интуиция, но я так думаю. Возможно, когда мы осмотрим место происшествия, я изменю свое мнение. Можете вы, ребята, как-нибудь определить, в городе он или нет?

Колдуны склонили друг к дружке головы и высказались отрицательно.

— Для начала нам нужна хоть какая-то вещь, принадлежавшая ему,— сказал Гоблин.— А ее у нас нет.

— Где Душечка, Шишка? И где корабль Ворона?

— А?

— Что случилось с Душечкой после того, как Ворон якобы погиб? И куда девался его корабль?

— Про Душечку я ничего не знаю. А корабль стоит на приколе в гавани.

Я переглянулся с колдунами.

— Мы посетим это судно, даже если придется прорываться туда с боем,— сказал я.— Помните, я спрашивал о бумагах? Аза не смог тогда сказать ничего вразумительного. Я хочу их добыть. Это для нас единственный шанс избавиться от Госпожи.

— Если Госпожа еще жива,— откликнулся Одноглазый.— А если Властелин на свободе — грош цена твоим бумажкам.

— Типун тебе на язык! — Без всяких на то оснований я убедил сам себя, что Госпожа победила. Очевидно, просто потому, что мне очень хотелось так думать.— Шишка, мы пойдем на корабль сегодня ночью. Так где все-таки Душечка?

— Я же сказал: не знаю.

— Тебе было велено найти ее.

— Ага. Но она пропала с концами.

— Пропала? Как это?

— Не «как», Костоправ,— сказал Одноглазый в ответ на оживленную жестикуляцию Молчуна.— «Как» — это вопрос несущественный. Когда?

— Ладно. Когда, Шишка?

— Я не знаю. Но начиная с ночи накануне гибели Ворона ее никто не видел.

— Ай да ну! — тихо и с восторгом промолвил Гоблин.— Лопни мои глаза, Костоправ, твоя интуиция тебя не подвела.

— Чего? — не понял Шишка.

— Она могла исчезнуть накануне только в том случае, если знала, что завтра что-то произойдет.

— Шишка, ты взглянул на то место, где они жили? — спросил я:— Побывал ты в их гостиничном номере?

— Да. Но кто-то побывал там до меня.

— Что?

— Номер кто-то почистил. Я спросил хозяина гостиницы. Он говорит, они не собирались съезжать. Заплатили, мол, за месяц вперед. Я подумал, что кто-то, прослышав о смерти Ворона, решил поживиться его имуществом. Если честно, то я грешил на Азу. Он почти сразу тогда исчез.

— И что ты делал потом?

— Что? Ну, я подумал, что вы не хотите, чтобы Вол возвращался в Арчу, поэтому мы предъявили ему обвинение в убийстве. Их драку видело много свидетелей. А раз так, то судьи могут поверить, что мы видели, как он пришил Ворона.

— Ты хоть пытался разыскать Душечку?

Ответить Шишке было нечего, поэтому он уставился в пол. Мы с колдунами обменялись раздраженными взглядами.

— Я говорил Ильмо, что глупо его посылать,— проворчал Гоблин.

Пожалуй, Гоблин был прав. Мы за считанные минуты обнаружили несколько следов, которые Шишка прошляпил.

— Какого черта она так волнует тебя, Костоправ? — обиделся Шишка.— И вообще, я понять не могу, о чем вы, парни, толкуете?

— Слушай, Шишка! Нравится тебе это или нет, но когда Взятые начали наезжать на нас, они тем самым толкнули нас на противоположную сторону. Теперь мы на стороне Белой Розы, и тут уж ничего не попишешь. Взятые будут охотиться за нами. А единственная надежда повстанцев — это Белая Роза. Верно?

— Если она существует.

— Она существует. Душечка и есть Белая Роза.

— Да ну тебя, Костоправ! Она же глухонемая!

— Да, а кроме того, она еще и эпицентр безмагии,— вернул Гоблин.

— Чего?

— Колдовство вокруг нее теряет силу. Мы собственными глазами видели это при Чарах. И если Душечка будет следовать своей природе, с возрастом этот эффект усилится.

Я, помню, тоже заметил кое-какие странные явления вокруг Душечки во время битвы при Чарах, но не сделал тогда никаких выводов.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том, что есть люди с отрицательным талантом. Они не умеют колдовать — их сила в том, что колдовство вокруг них не действует. И, если задуматься, это единственное, что объясняет победы прежней Белой Розы. Разве может глухонемая девочка состязаться с Госпожой или Властелином на их собственной территории? Готов поспорить, что и бывшая Белая Роза не могла.

Я ничего не мог сказать по этому поводу. В хрониках ни словом не упоминалось о способностях Белой Розы или значимом отсутствии таковых.

— Тогда мы тем более должны ее отыскать.

Одноглазый кивнул.

Шишка непонимающе хлопал глазами. Беднягу совсем сбили с толку, подумал я и пояснил:

— Раз колдовство рядом с ней теряет силу, нам нужно найти ее и держаться поблизости. Тогда Взятые ничего не смогут с нами сделать.

— Не забывай, что в их распоряжении целая армия, которую они могут послать за нами,— заметил Одноглазый.

— Вряд ли мы им так уж нужны... Ох, черт!

— Что?

— Ильмо. Если он жив — он знает достаточно, чтобы Госпожа послала по нашему следу всю империю. Не столько даже за нами, сколько в надежде, что мы приведем их к Белой Розе.

— И что же нам делать?

— А почему ты смотришь на меня?

— Потому что у тебя, по-моему, есть какой-то план, Костоправ.

— Ну... Может быть. Сначала мы все разузнаем о Вороне и Душечке. В особенности о Душечке. И нам опять придется заловить Шеда с Азой, поскольку они могут знать что-то стоящее. Мы должны провернуть это дело быстро и убраться из города, пока империя не наложила на него лапу. Быстро — но тихо, чтобы не взбудоражить местных жителей. А сейчас нужно обсудить наше положение с Лейтенантом. Выложить карты на стол, ничего не скрывая от ребят, а потом уж всем миром принимать решение.

Глава 41
Медополь. Корабль

Наш корабль, похоже, был последним из тех, кому удалось покинуть Арчу. Мы ждали следующего судна, чтобы узнать новости. Но так и не дождались. Команда корабля между тем оказала нам медвежью услугу. Моряки растрепались о нашем прибытии по всему городу. Нас осаждали местные жители, горевшие желанием узнать что-нибудь о родственниках в Арче, а также городская управа, озабоченная тем, как бы группа крутых беженцев не вызвала в городе смуту. Леденец с Лейтенантом отбивались от них. А борьба за выживание легла на плечи всех остальных членов Отряда.

Троица колдунов, Масло, Шишка, Ростовщик и я тайком пробирались после полуночи по темному портовому району Медополя, охранявшемуся усиленными нарядами полиции. Мы уворачивались от них с помощью Одноглазого, Гоблина и Молчуна. Особенно пригодилось нам умение Гоблина погружать людей в спячку.

— Вот он! — прошептал Шишка, показав на корабль Ворона. Еще днем я пытался разведать, кто и как оплачивает стоянку судна в порту, но потерпел неудачу.

Большой красивый корабль, новенький с иголочки, чего не могла скрыть даже ночная мгла. На нем горели лишь обычные огни: на носу, на вершине кормовой мачты, по левому и правому борту и еще один — наверху у трапа, где стоял на вахте одинокий скучающий морячок.

— Одноглазый?

Он покачал головой:

— Не могу сказать.

Я опросил остальных. Ни Молчун, ни Гоблин тоже не заметили ничего особенного.

— Ладно, Гоблин. Принимайся за дело. Тогда все сразу станет ясно, верно ведь?

Он кивнул. Если Душечка на борту, заклятие не подействует на вахтенного.

Теперь, когда все уверовали в мою теорию о том, что Ворон жив, сам я начал в ней сомневаться. Я никак не мог понять, почему он до сих пор не увел свой драгоценный корабль куда-нибудь подальше. На острова, к примеру.

Эти острова меня очень интриговали. Я подумывал, а не захватить ли нам какое-либо судно и не рвануть ли туда. Правда, придется взять с собой проводника. Путь до островов был неблизкий, и регулярная торговля с ними не поддерживалась. На авось туда не доберешься.

— Порядок,— заявил Гоблин.— Он вырубился.

Морячок, стоявший на юте, плюхнулся на сиденье, обхватил руками поручень и уткнулся в них головой.

— Душечки там нет,— сказал я.

— Душечки нет.

— А кто-нибудь есть поблизости?

— Никого.

— Тогда пошли. Быстро и бесшумно.

Мы пересекли причал и взобрались по трапу. Морячок шевельнулся. Гоблин дотронулся до него, и тот заснул как убитый. Гоблин пробежался вперед, потом на корму в поисках караульных. Вернувшись, он кивнул:

— Внизу еще восемь человек, все спят. Я усыплю их покрепче. А вы начинайте.

Мы начали с самой большой каюты, рассудив, что она должна принадлежать владельцу. Так оно и оказалось. Находилась она на корме, где обычно располагается капитанская каюта, и была разделена на отсеки. В одном я нашел пару вещиц, принадлежавших Душечке. В отсеке Ворона мы обнаружили заскорузлую от засохшей земли одежду, брошенную довольно давно. Судя по слою пыли, никто не приходил в отсек уже несколько недель.

Мы не нашли бумаги, которые я искал.

Зато мы нашли деньги. Солидную сумму. Они были спрятаны достаточно хитроумно, но нюх у Одноглазого на такие вещи просто безошибочный. Мы извлекли из тайника сундучок, набитый серебром.

— Не думаю, что они понадобятся Ворону, если он мертв,— сказал Одноглазый.— А если жив — перетопчется. Пускай поможет своим старым друзьям в нужде

Монеты выглядели как-то странно. Внимательно осмотрев их, я понял, в чем эта странность заключается. Они были точь-в-точь как те монеты, что Шед получил в черном замке.

— Понюхай их как следует,— велел я Одноглазому.— Они из черного замка. Может, в них есть какой-нибудь подвох?

— Никакого подвоха. Чистое серебро,— ухмыльнулся Одноглазый.

— Хм.— Моральная сторона вопроса меня не волновала. Ворон добыл эти деньги нечестным путем. А значит, мы можем присвоить их без зазрения совести. Деньги не пахнут, как говорят в Арче.— А ну, подойдите все ко мне поближе. У меня идея.— Я обернулся на кормовые огни, взглянув через иллюминатор на причал.

Все, кто был в каюте, окружили меня и сундук.

— В чем дело? — спросил Гоблин.

— Зачем уносить отсюда деньги? Почему бы нам не прибрать к рукам весь корабль? Если Ворон мертв и даже если прикидывается мертвым, как он сможет нам помешать? Мы превратим это судно в свою штаб-квартиру.

Гоблину идея понравилась. Поэтому Одноглазому — нет. Тем более что корабли имеют обыкновение плавать по морям.

— А с командой как же? — спросил он.— И что скажет начальник порта и его сотрудники? Они упекут нас за решетку!

— Возможно. Но я думаю, мы с этим справимся. Переберемся на корабль и посадим команду под замок — вот и некому будет жаловаться. А раз жалоб не будет, с какой стати начальнику порта беспокоиться?

— Команда не вся на борту. Некоторые в городе.

— Мы их прихватим, когда вернутся. Слушай, черт подери, можешь ты придумать лучший способ, как унести отсюда ноги, если припрет? И лучшее место, где можно ожидать появления Ворона?

Одноглазый сдался. Он лентяй по натуре. К тому же глаз его внезапно заблестел, и я понял, что у него родилась собственная идея.

— Нужно поговорить с Лейтенантом,— промолвил он.— Наш Лейтенант знает толк в кораблях.

Зато Гоблин у нас знает толк в Одноглазом.

— Не думай, что я составлю тебе компанию, если ты собрался заделаться пиратом. Хватит с меня приключений. Я домой хочу.

Они сцепились, подняли шум, и нам пришлось заткнуть им рты.

— Давайте строить планы только на ближайшие дни,— рявкнул я.— А что будем делать потом — потом и обсудим. Слушайте сюда! У нас есть одежда Душечки и Ворона. Можете вы теперь их отыскать?

Колдуны сблизили головы, посовещались, и Гоблин ответил:

— Молчун считает, что может. Загвоздка в том, что ему придется идти по следу, как собаке. То есть пройти по всему пути Ворона, вплоть до места его гибели. А если он жив, Молчун выведет нас на него.

— Но это... Черт! Ему потребуется не меньше пары месяцев.

— Люди проводят довольно много времени на одном месте, Костоправ. А Молчун это время сэкономит.

— Все равно слишком долго.

— Лучшего мы предложить не можем. Разве что Ворон сам к нам пожалует. Но это не очень-то вероятно.

— Ладно. Хорошо. А как с кораблем?

— Спроси у Лейтенанта. А мы пока попробуем найти твои дурацкие бумаги.

Но бумаги так и не нашлись. Одноглазый не обнаружил больше никаких тайников. Чтобы отыскать хоть какую-то зацепку, придется допросить команду. Кто-то наверняка помогал Ворону сгружать бумаги с корабля.

Мы сошли на берег. Гоблин и Ростовщик нашли укромное местечко, откуда могли наблюдать за судном. Молчун с Маслом пошли по следу Ворона. А мы с Одноглазым и Шишкой вернулись в город и разбудили Лейтенанта. Он счел захват корабля отличной идеей.

Лейтенант всегда недолюбливал Ворона. Я думаю, на его решение это повлияло даже больше, чем практические соображения.

Глава 42
Медополь. Беглец

По Медополю быстро разносились слухи о самых невероятных происшествиях. Шед услыхал о корабле из Арчи через несколько часов после его прибытия. Новости ошеломили его. Черный Отряд сбежал? От собственных хозяев? Бессмыслица какая-то. Что, черт возьми, творится в Арче?

Там его мать. Сэл. Его друзья. Что сталось с ними? Если слухи верны хотя бы наполовину, Арча практически разрушена. Битва с черным замком поглотила город.

Шеду отчаянно хотелось найти кого-нибудь, расспросить о близких. Он подавлял в себе это желание. Нужно забыть о родной стороне. Может, Костоправ со своей бандой специально распускает все эти слухи, чтобы выкурить его из норы?

Целый день он провел в своей комнате, споря с самим собой, пока не убедил себя, что высовываться ему сейчас не с руки. Если Отряд и правда в бегах, то он отчалит, и довольно скоро. Бывшие хозяева бросятся на поиски беглецов.

Будут ли Взятые искать и его тоже? Нет. Он с ними не ссорился. На его преступления им наплевать. За ним охотятся только Хранители... Шед вспомнил про гниющего в каталажке Вола, обвиненного в убийстве Ворона. Этого кабатчик уж и вовсе понять не мог, но он слишком нервничал, чтобы углубляться в подоплеку вопроса. Для выживания Каштана Шеда ответ на данный вопрос особого значения не имел.

Проведя день в уединении, Шед решил возобновить поиски работы. Он хотел стать совладельцем какой-нибудь таверны, решив заняться знакомым бизнесом.

Только таверна должна быть лучше «Лилии». Чтобы не сесть опять в финансовую лужу. Каждый раз при воспоминании о «Лилии» Шеда охватывала ностальгия и нестерпимое одиночество. Он всю жизнь был одиночкой, но никогда не был одинок. Изгнание оказалось для него тяжким испытанием.

Пробираясь по узкой темной улочке, утопавшей в грязи после ночного дождя, Шед неожиданно уловил краем глаза какое-то движение, заставившее его похолодеть. Он остановился и развернулся так резко, что сбил с ног случайного прохожего.

Помогая ему встать и рассыпаясь в извинениях, Шед пристально вглядывался во тьму переулка.

— Все это шуточки нечистой совести,— пробормотал он наконец, расставшись со своей жертвой. Но в глубине души он сам не верил своим словам. Ему это не почудилось. Он *видел* — и слышал тихий голос, окликнувший его по имени. Шед подошел к темному провалу между зданиями. Но там никого не оказалось.

Пройдя еще квартал, Шед истерически расхохотался, пытаясь убедить себя, что воображение все-таки сыграло с ним дурную шутку. Откуда им здесь взяться, тварям из замка? И вообще, замок разгромлен... Однако парни из Отряда, сбежавшие сюда, не знали этого наверняка. Они же драпанули до окончания схватки. Они просто надеялись, что их хозяйка победила, потому что ее враг был еще хуже.

Нет, он просто дурак. Ну как могла эта тварь добраться сюда? Ни один капитан не возьмет на борт такую нечисть.

«Шед, ты забиваешь себе голову разными глупостями!»— подумал кабатчик и вошел в таверну «Рубиновый бокал», хозяина которой звали Селкерк. Посмотреть это заведение рекомендовал Шеду домовладелец, сдававший ему комнату.

Переговоры оказались плодотворными. Шед обещал зайти еще раз завтра вечером.

Шед со своим потенциальным партнером потягивал пивко. Его предложения были приняты благосклонно настолько, что хозяин уже пытался продать ему таверну целиком.

— Вечерами торговля снова пойдет бойко, как только уляжется паника.

— Паника?

— Ну да. Тут по соседству пропало несколько человек. Пять или шесть за последнюю неделю. После наступления темноты. Причем пропавшие — люди совсем не того сорта, каких хватают отряды армейских вербовщиков. Поэтому народ попрятался по домам. Обычно у нас вечерами куда оживленней.

Температура в зале, казалось, упала на сорок градусов. Шед сидел неподвижный как доска, с пустыми глазами, а старые

страхи, словно гадюки, ползли по спине. Пальцы невольно потянулись к амулету, спрятанному под рубахой.

— Эй, Каштан, что с тобой?

— Так же все начиналось и в Арче,— сказал Шед, не сознавая, что говорит вслух.— Только там им доставляли покойников. Но они хотели живых. Если могли их достать. Пора сматывать удочки.

— Шед! Да что случилось, черт возьми?

— Ох, извини, Селкерк,— мгновенно очнулся кабатчик.— Все нормально. Считай, что мы договорились. Только мне надо кое-что уладить. Проверить одну вещь.

— Какую?

— Это не имеет к тебе отношения. То есть к нам с тобой. У нас с тобой все на мази. Завтра я принесу деньги, и мы вместе пойдем к нотариусу, чтобы оформить сделку законным образом. А сейчас у меня очень срочное дело.

Он вылетел из таверны, не соображая, куда бежать и с чего начать, не будучи даже уверен, что его подозрения — не плод больной фантазии. Но внутренний голос твердил свое: в Мёдополе начинается тот же ужас, что и в Арче. Только здесь события будут развиваться быстрее, поскольку твари занялись сбором тел самостоятельно.

Он снова потрогал свой амулет, гадая, насколько надежна эта защита. Обладает ли висюлька какой-то силой? Или это просто условный знак?

Шед поспешил к себе на квартиру, где соседи терпеливо сносили его расспросы, зная о том, что он приехал издалека. Он принялся расспрашивать о Вороне. Об этом убийстве судачил весь город: подумать только — иноземному полицейскому предъявили обвинение свои же земляки! Но толком никто ничего не знал. Очевидцев убийства, кроме Азы, не было. А Аза остался в Арче. И скорее всего, погиб. Зачем Черному Отряду живые свидетели?

Шед подавил импульсивное желание связаться с беглецами. Вполне возможно, что они хотят убрать и его тоже.

Нет, придется справляться самому.

Начать, очевидно, надо с того места, где погиб Ворон. Кто знает, где это произошло? Аза. Но связаться с Азой невозможно. А еще кто? Вол, конечно.

Шед поежился. Вол воплощал в себе все, чего кабатчик боялся дома, в Арче. И пусть инквизитор сейчас в тюремной камере, от этого не легче. Разве Шед осмелится предстать перед ним?

И захочет ли Вол с ним говорить?

Найти инквизитора оказалось нетрудно. Главная тюрьма стояла на месте, куда она денется? Найти в себе достаточно смелости, чтобы встретиться с Волом лицом к лицу, даже через решетку,— это другой вопрос. Но как же быть, если над целым городом нависла страшная тень?

Шеда терзали муки совести. Чувство вины рвало его на части. Он натворил таких дел, что сам себе был противен. Он совершил такие преступления, искупить которые невозможно. И все-таки...

«Ты дурак, Каштан Шед,— убеждал он себя.— Чего ты так волнуешься? Медополь сам о себе позаботится. Бери ноги в руки и переезжай в другой город!»

Но голос более глубокий, чем голос трусости, твердил, что он не может убежать. И не только от самого себя. Тварь из черного замка объявилась в Медополе. Двое человек, имевшие дело с замком, тоже были здесь. Это не похоже на простое совпадение. Ну, предположим, он переедет. Что может помешать тварям вновь догнать его, куда бы он ни скрылся?

Он заключил сделку с дьяволом. И чувствовал интуитивно, что сеть, в которой он запутался, нужно расплетать осторожно, петельку за петелькой.

Он задвинул привычного малодушного Шеда подальше с глаз долой и разбудил в себе того Шеда, который вышел на охоту вместе с Крейгом и в конце концов убил своего мучителя.

Он даже и не помнил, каких небылиц наплел надзирателям, но в конце концов прорвался-таки на свидание с Волом.

Инквизитор не потерял присутствия духа. Он подошел к решетке, плюнул, выматерился и пообещал Шеду, что казнит его самым мучительным способом.

— Никого ты сейчас не казнишь, кроме разве тараканов в своей камере,— огрызнулся Шед.— Заткнись и слушай. Забудь, кем ты был, и вспомни, где ты сейчас. Я для тебя единственная надежда на освобождение.

Шед сам изумился своей храбрости. Посмел бы он говорить таким тоном, не будь между ними решетки?

Вол взял себя в руки.

— Валяй,— сказал он бесстрастно.— Говори дальше.

— Я не знаю, доходят ли к тебе в камеру какие-нибудь слухи. Возможно, что и нет. Я вкратце обрисую тебе ситуацию. После того как ты отчалил из Арчи, туда пожаловал весь Черный Отряд и захватил город. Потом прибыла их Госпожа со своими колдунами или хрен его знает кем. В общем, они атаковали черный замок. Не знаю, чем это кончилось. Ходят слухи, что Арчу просто стерли с лица земли Во время сражения часть Черного Отряда села на корабль и смоталась, якобы потому, что собственные хозяева Отряда собирались расправиться с ним. За что — я не знаю.

— Это правда? — пристально глядя на Шеда, спросил инквизитор.

— Так говорят.

— Эти подонки из Черного Отряда упекли меня сюда. По ложному обвинению. Я всего лишь подрался с Вороном. Черт возьми, да он чуть было не прикончил *меня*!

— Он погиб.— Шед рассказал о том, что видел Аза.— Я догадываюсь, кто его убил и как. Но мне надо знать, где это было. Чтобы удостовериться. Если ты мне скажешь, я попытаюсь вытащить тебя отсюда.

— Я знаю лишь приблизительно. То есть я могу сказать, где мы с ним сцепились и в какую сторону они с Азой удрали потом. Думаю, далеко они не ушли. А почему тебя это так интересует?

— Мне кажется, твари из замка посадили в Ворона нечто вроде семечка. И поэтому он погиб. Точно так же, как погиб человек, принесший в свое время семечко в Арчу.

Вол нахмурился.

— Да, конечно. Звучит неправдоподобно. Но ты послушай дальше. Вчера я видел одну из тварей неподалеку от моей здешней квартиры. Она наблюдала за мной. Погоди, дай сказать! Я знаю, как они выглядят. Я встречался с ними. К тому же в округе начали пропадать люди. Пока не слишком много. Не так, чтобы вызвать большой переполох. Но достаточно, чтобы соседи перепугались.

Вол отошел в глубь камеры, сел на пол и прислонился к стене. Целую минуту, если не больше, он не говорил ни слова. Шед нервничал, но ждал.

— А в чем твоя корысть, кабатчик?

— Я обязан отдать кое-какие долги. Слушай, Вол, Черный Отряд некоторое время держал меня своим пленником. И я многое узнал о черном замке. Правда оказалась хуже любых подозрений. Замок был чем-то вроде дверей, через которые пытался проникнуть в мир некий Властелин. И я невольно помогал ему. Из-за меня замок вырос настолько, что привлек внимание Черного Отряда и его дружков-колдунов. Если Арча разрушена, в этом большая доля моей вины. А теперь то же самое грозит Медополю. Я не могу этого допустить. Если от меня хоть что-то зависит.

Вол прыснул. Потом захихикал. Потом расхохотался во все горло.

— Ну и оставайся тут гнить! — крикнул Шед и повернулся, собираясь уйти.

— Погоди!

Шед притормозил.

Вол подавил смешок:

— Извини. Просто это так неожиданно. Услышать от тебя такие праведные речи... Нет, без шуток, я верю, что ты серьезно. Ладно, Каштан Шед. Попытайся. И если у тебя получится и ты вызволишь меня отсюда, я, возможно, не потащу тебя обратно в Арчу.

— Нет больше никакой Арчи, Вол. Ходят слухи, что Госпожа собиралась ограбить Катакомбы, как только покончит с черным замком. Ты знаешь, что это значит. Всеобщий бунт.

Вол посерьезнел:

— Прямо по Тряской дороге, мимо указателя двенадцатой мили. Потом налево по первой же проселочной дороге, под сухим дубом. По ней придется пройти миль шесть, не меньше, мимо ферм. Места там довольно дикие. Возьми с собой оружие.

— Оружие? — Шед застенчиво улыбнулся.— Ну что ты! Каштану Шеду никогда не хватало духа научиться держать в руках оружие. Спасибо.

— Не забудь про меня, Шед. Суд начнется в первую неделю следующего месяца.

— Ладно!

Проехав миль шесть от Тряской дороги, Шед спешился и повел нанятого мула в поводу. Он прошел еще полмили. Проселочная дорога оказалась обыкновенной охотничьей тропкой, петляющей по хмурой, густо поросшей лесом местности. Казалось, по тропинке давно не ступала нога человека. Странно. Каким ветром занесло сюда Ворона с Азой? Шед не мог придумать разумного объяснения. Аза уверял, что они бежали от Вола. Если так, почему они не бежали дальше по Тряской дороге?

Нервы у Шеда были натянуты как струны. Он тронул амулет, потом нож, спрятанный в рукаве. Он не поскупился и приобрел два добротных коротких ножа: один висел на поясе, другой — в рукаве.

Но они не придавали ему уверенности.

Тропинка сбежала с пригорка к ручью, попетляла вдоль него несколько сотен ярдов, а потом вдруг уткнулась в широкую поляну. Шед чуть не выскочил на нее. Дитя города, он никогда не бывал на природе более дикой, чем Выгородка.

Какое-то шестое чувство остановило его на краю поляны. Упав на одно колено, Шед раздвинул ветки кустарника и тихо выругался, когда мул толкнул его носом.

Так и есть.

На поляне возвышалась черная глыба размером с дом. Шед воззрился на застывшие лица, искаженные гримасами ужаса и агонии.

Прекрасное местечко выбрали твари, ничего не скажешь. Если здание будет продолжать расти такими же темпами, то достигнет нужных размеров, никем не замеченное. Разве что кто-то наткнется на него чисто случайно. А случайный прохожий тут же станет строительным материалом для замка.

Сердце у Шеда забилось сильнее. Его одолевало страстное желание броситься назад в Медополь и кричать на улицах, что город в опасности. Он увидел все, что хотел. Он выяснил все, что собирался выяснить. Пора двигать назад.

Он медленно пошел вперед. Отпустил вожжи — но мул последовал за ним, привлеченный высокой травой. Шед осторожно, останавливаясь через каждые несколько шагов, подобрался к черной глыбе. Ничего не происходило. Он обошел глыбу кругом.

Форма здания стала более очевидной. Вскоре здесь вырастет точно такая же крепость, что стояла над Арчой, только ворота у нее будут выходить в другую сторону — на юг. Туда, к небольшой пока что дыре, вела хорошо утоптанная тропинка. Еще одно подтверждение правильности его подозрений.

Откуда взялись здесь черные твари? Значит ли это, что они наводняют мир повсюду, скрываясь под сенью ночи и показываясь лишь тем, кто вступает с ними в сделку?

На обратном пути Шед обо что-то споткнулся.

Кости. Человеческие кости. Целый скелет — череп, руки, ноги, только части грудной клетки не хватает. А на костях — истлевшие лохмотья одежды, в которой он видел Ворона сотни раз. Шед опустился на колени.

— Ворон! Я ненавидел тебя. Но я и любил тебя тоже. Ты был самым худшим злодеем на свете. И самым лучшим другом в моей жизни. Ты заставил меня почувствовать себя человеком.

На глаза его навернулись слезы. Шед порылся в воспоминаниях детства и в конце концов выудил оттуда заупокойную молитву. Он запел ее хриплым голосом, не привыкшим выводить мелодии.

Трава еле слышно зашелестела — и на плечо кабатчика легла рука.

— Каштан Шед! — произнес чей-то голос.

Шед взвизгнул и схватился за поясной нож.

Глава 43
Медополь. Свежий след

После посещения Воронова корабля я провел беспокойную ночь. Ночь с видениями. Или привидениями, если угодно. Проснувшись, я не стал никого обременять рассказами о своих кошмарах — ребятам и без того хватало страхов и забот.

Она явилась ко мне во сне, чего не делала давным-давно, со времен нашего бесславного отступления, когда повстанцы чуть было не взяли Чары. Она явилась в золотистом сиянии, которое могло быть и явью, поскольку озарило всю комнату и пятерых моих спящих товарищей. А я лежал, пытаясь унять сердцебиение, и пялился на него, не веря собственным глазам. Но соседи по комнате не проснулись, и позже я уже не был уверен, что это мне не приснилось. Хотя визиты Госпожи всегда происходили где-то между сном и явью.

— Почему ты покинул меня, лекарь? Разве я плохо с тобой обращалась?

Смущенный, сконфуженный, я прохрипел:

— Нам ничего другого не оставалось — или побег, или смерть. Мы не сбежали бы, будь у нас выбор. Мы служили тебе верой и правдой, преодолевая такие трудности и опасности, каких не сыщешь за всю историю Отряда. Мы без жалоб шли ради тебя на край земли. И когда мы пришли в город Арчу и потеряли пол-отряда при штурме замка, то узнали, что в награду за это нас хотят уничтожить.

Ее дивное лицо появилось в золотистом облачке. Дивное лицо, омраченное печалью.

— Против вас строили козни Шепот и Перо. Сводили какие-то личные счеты. Но Перо погибла, а Шепот я призвала к порядку. И я в любом случае никогда не допустила бы такого преступления. Вы были моей отборной частью. Я ни за что не позволила бы Взятым уничтожить вас. Вернитесь ко мне!

— Поздно, Госпожа. Жребий брошен. Мы потеряли слишком многих друзей. Мы постарели и потеряли боевой настрой. У нас осталось единственное желание: уйти на юг, отогреться на солнышке и обо всем забыть.

— Вернитесь! Еще так много надо сделать! Вы мой отборный отряд. Я вознагражу вас неслыханно щедро, как никогда и нигде не награждали солдат.

Я не мог уловить ни намека на фальшь. Но разве это имело значение? Госпожа стара и мудра. Она обвела вокруг пальца собственного мужа, перехитрить которого куда труднее, чем меня.

— Слишком поздно, Госпожа.

— Вернись, лекарь. Хотя бы ты один. Мне нужно твое перо.

Я и сам не пойму, зачем я сказал то, что сказал. Это было не очень умно, если она и впрямь была настроена по отношению к нам хоть чуточку снисходительно, если действительно не собиралась ринуться за нами в погоню.

— Мы окажем тебе еще одну услугу, Госпожа. Потому что мы постарели, и устали, и не хотим больше воевать. Мы не выступим против тебя. Если ты оставишь нас в покое.

Золотистое сияние излучало грусть.

— Мне жаль. Искренне жаль. Ты был одним из моих любимцев. Мушкой-однодневкой, вызвавшей мой интерес. Нет, лекарь. Это невозможно. Ты не сможешь остаться в стороне. Ты никогда не мог. Ты будешь со мной — или против меня. Третьего не дано.

Тут золотое облачко растаяло, и я уснул глубоким сном — если вообще просыпался.

Пробудился я отдохнувшим, но встревоженным, и не сразу вспомнил о сновидении. Но скоро оно всплыло в памяти. Я быстро оделся и побежал к Лейтенанту.

— Нам надо спешить, Лейтенант! Она победила и собирается за нами в погоню.

Он удивленно уставился на меня. Я рассказал ему о ночном видении. Он недоверчиво качал головой до тех пор, пока я не рассказал ему, что Госпожа проделывала такие фокусы и раньше, во время долгих отступлений и стычек, которые привели в конце концов главные силы повстанцев к самым воротам Чар. Лейтенант не хотел мне верить, но не верить не смел.

— Тогда иди и разыщи Азу,— сказал он.— Мы с Леденцом сегодня ночью пойдем на тот корабль. А ты, Костоправ, передай остальным: мы отчаливаем через четыре дня, найдете вы Ворона или нет.

Я начал возражать. Самое главное для нас было найти Душечку. Она была нашей последней надеждой.

— Почему через четыре дня? — спросил я наконец.

— Мы добрались сюда из Арчи за четыре дня. При попутном ветре, хорошей погоде и так далее. Если Госпожа тронулась в путь сразу, как только ты отверг ее предложение, она

не появится здесь быстрее. Поэтому я даю тебе эти четыре дня. А потом мы уходим в море. Даже если придется пробиваться силой.

— Ладно.— Мне это было не по душе, но решения принимал Лейтенант. Мы сами его избрали.— Ведьмак, найди Шишку. Мы идем на поиски Азы.

Ведьмак вылетел как ошпаренный. Через несколько минут он приволок Шишку. Тот недовольно бурчал, что ему не дали позавтракать и поспать положенные восемь часов.

— Заткнись, Шиш! Жареный петух уже клюнул нас в задницу.— Я объяснил, в чем дело, хотя мог и просто приказать.— Захвати что-нибудь с собой, проглотишь на бегу. Мы должны найти Азу.

Ведьмак, Шишка, Одноглазый и я рванули на улицу. Как всегда, на нас во все глаза глядели утренние торговцы — не столько потому, что мы прибыли из Арчи, сколько потому, что Одноглазый был им в диковинку. В Медополе никогда не видели чернокожих. А большинство населения о них и не слыхало.

Шишка повел нас по извилистым улочкам.

— Я думаю, он прячется в той же дыре, где и раньше. Район этот ему знаком. К тому же он не больно сообразительный и поэтому не сбежит из города, прослышав о вашем приезде. Наверняка решит отсидеться, пока мы не смотаемся. Он же понимает, что нам тут оставаться нельзя.

Доводы Шишки звучали разумно. И вскоре подтвердились на все сто. Он расспросил нескольких знакомцев, с которыми повстречался раньше, выполняя свое задание, и быстро выяснил, что Аза действительно скрывается где-то в районе. Только никто не знал в точности где.

— Сейчас узнаем,— заявил Одноглазый.

Он забрался на какое-то крылечко и продемонстрировал несколько дешевых трюков, сплошь трескотня да вспышки. Это привлекло внимание местных сорванцов. Улицы Медополя кишат ими в любое время суток.

— Давайте-ка исчезнем,— предложил я остальным, не желая пугать пацанов.

Мы отошли подальше, и вокруг Одноглазого мигом собралась целая толпа. Он, как всегда, привел публику в восторг.

Через пятнадцать минут он догнал нас, сопровождаемый эскортом уличных мальчишек.

— Адрес есть,— сказал Одноглазый.— Мои маленькие друзья нас проводят.

Порой он меня просто изумляет. Я готов был поклясться, что Одноглазый терпеть не может детей. Ведь когда он о них вспоминает — не чаще раза в год,— то неизменно в одном и том же смысле: вкуснее ли они поджаренные или же вареные.

Аза затихарился в дыре, типичной для трущоб всего мира. Настоящее раздолье для крыс и пожаров. Похоже, богатство не изменило его привычек — в отличие от старины Шеда, которому деньги мочой бросались в голову.

В норе был всего лишь один выход — он же вход. Ребятишки просочились за нами. Мне это не понравилось, но что я мог поделать?

Мы ввалились в берлогу, которую Аза считал своим домом. Хозяин дома дрыхнул в углу на соломенном тюфяке. Рядом в луже блевотины лежал какой-то пьянчуга, от которого разило винищем. Аза похрапывал, свернувшись калачиком.

— Пора вставать, солнышко.— Я легонько тряхнул его.

Он напрягся под моей рукой. Распахнул глаза — и они мгновенно наполнились ужасом. Я придержал его, когда он попробовал вскочить.

— Со свиданьицем!

Он беззвучно хватал воздух ртом.

— Успокойся, Аза. Мы тебя не тронем. Мы просто хотим, чтобы ты показал нам, где погиб Ворон.— Я убрал руку.

Он медленно перевернулся, глядя на нас, как кот, загнанный собаками в угол.

— Вы, ребята, вечно от меня «просто» чего-то хотите!

— Будь паинькой, Аза. Мы не хотим причинять тебе зла. Но можем, если придется. Через четыре дня здесь будет Госпожа. Мы должны найти Душечку раньше. Ты нам поможешь. А потом делай что хочешь.

Одноглазый фыркнул, представив себе Азу в канаве с перерезанным горлом. По его мнению, этот человечишко лучшего не заслуживал.

— Езжайте по Тряской дороге. Потом сверните влево на первую же проселочную дорогу после указателя двенадцатой мили. Держите путь на восток, миль примерно семь. Там уже и дороги-то нет, узкая тропинка, но это вас пусть не волнует. Продолжайте идти и придете на место.— Аза закрыл глаза, отвернулся и наигранно захрапел.

Я махнул Ведьмаку и Шишке:

— Поднимите его!

— Эй! — завопил Аза.— Я вам все рассказал! Чего вы еще хотите?

— Я хочу, чтобы ты поехал с нами. На всякий случай.

— Какой еще случай?

— На случай, если ты нам соврал. Ты должен быть рядом, чтобы я быстро открутил тебе башку.

— Мы не верим, что Ворон погиб,— добавил Одноглазый.

— Но *я видел* его!

— Возможно, ты кого-то видел,— заметил я.— Но я не думаю, что Ворона. Пошли.

Мы подхватили его под руки. Я велел Ведьмаку раздобыть лошадей и провизию. А Шишку послал сказать Лейтенанту, что мы не вернемся до завтра. Ведьмаку я отвалил пригоршню серебра из Воронова сундучка. Аза вытаращил глаза. Откуда у нас деньги, он, конечно, не понял, но чеканку узнал наверняка.

— Вы мне тут не указчики! — снова завелся он.— Вы здесь такие же беглые, как и я. Стоит нам выйти на улицу, как я закричу и...

— ...и горько об этом пожалеешь,— сказал Одноглазый, проделав руками какие-то пассы. От ладоней его заструилось фиолетовое сияние, сгустившееся в нечто вроде змеи, которая извивалась меж пальцев.— Эта змейка может залезть к тебе в ухо и выесть глаза изнутри. Только пикни — и я напущу ее на тебя.

Аза сглотнул и сразу стал сговорчивее.

— Ты только покажешь нам место, и все,— сказал я.— Пошевеливайся. У меня мало времени.

Аза сдался. Конечно же, он боялся, что мы его прикончим. Слишком долго, видать, водил компанию с негодяями почище нас.

Ведьмак раздобыл лошадей за полчаса. Шишку мы дожидались еще полчаса — его только за смертью посылать. Когда он наконец явился, Одноглазый одарил его таким взглядом, что тот побледнел и схватился за меч.

— Поехали,— рявкнул я.

Мне не нравилось, что члены Отряда начали набрасываться друг на друга, как раненое животное, выгрызающее собственный бок. Я задал приличный темп, надеясь, что все будут слишком заняты и измотаны, чтобы ссориться.

Следуя указаниям Азы, мы легко находили дорогу. Я был доволен, и, заметив это, он сразу начал проситься домой.

— Почему ты так не хочешь вернуться на то место? Чего ты боишься?

Мне пришлось применить некоторое давление, а Одноглазому — опять сотворить фиолетовую змейку, чтобы развязать Азе язык.

— Я вернулся туда сразу после того, как подмыл из Арчи. Потому что вы, ребята, не верили мне насчет Ворона. Ну, я и подумал: может, вы правы, может, он действительно меня одурачил. Поэтому я решил посмотреть, как он мог это сделать. И...

— И?

Он оглядел нас, оценивая наше настроение.

— Там еще одна такая же *штуковина*. Ее не было, когда Ворон погиб. Но теперь она есть.

— Штуковина? — переспросил я.— Какая штуковина?

— Такая же, как черный замок. Прямо на том месте, где он умер. Посреди поляны.

— Ах ты, паршивец! — прорычал Одноглазый.— Хотел послать нас туда без предупреждения! Я все-таки перережу ему горло, Костоправ.

— Нет, ты оставишь его в покое!

Следующую милю пути я расспрашивал Азу о подробностях, но ничего существенного больше не услышал.

Ведьмак, прирожденный разведчик, скакал немного впереди. Он поднял руку. Я подъехал к нему. Он показал на кучки помета, разбросанные вдоль тропинки.

— Нас кто-то опередил. Ненамного.— Ведьмак спрыгнул с лошади, ковырнул кучку палкой и прошел чуть дальше по тропе.— Он едет верхом на муле или битюге.

— Аза!

— А? — пискнул коротышка.

— Кто там впереди? Куда он направляется?

— Там ничего нет, насколько я знаю. Может, это охотник? На местном рынке продают много дичи.

— Может быть.

— Ну конечно,— ехидно бросил Одноглазый, поигрывая фиолетовой змейкой.

— Думаю, нам не помешало бы немного тишины, Одноглазый. Нет, ты не понял! Я имею в виду — сделай так, чтобы тот парень не услышал нашего приближения. Далеко еще, Аза?

— Осталась пара миль. Почему бы вам, ребята, не отпустить меня, а? Я мог бы добраться до города засветло.

— Нет. Ты поедешь с нами.— Я взглянул на Одноглазого. Он выполнил мою просьбу. Теперь мы слышали друг друга, но никто другой нас не слышал.— Давай, садись на коня, Ведьмак. Там всего лишь один человек.

— Да, но кто он, Костоправ? Может, это один из тех ползучих гадов? Если в Арче их возникла невесть откуда целая куча, то почему бы им не появиться и здесь?

Аза издал парочку нечленораздельных звуков, означавших, по-видимому, что он тоже так думает. Теперь понятно, почему он так рвался назад.

— Ты видел кого-нибудь, когда был там, Аза?

— Нет. Но трава там примята, как будто кто-то все время ходит туда-сюда.

— Одноглазый, когда мы доберемся до места, будь повнимательнее. Я не хочу никаких сюрпризов.

Через двадцать минут Аза сказал:

— Мы почти приехали. Еще ярдов двести вверх по ручью. Можно, я останусь здесь?

— Прекрати задавать дурацкие вопросы.— Я взглянул на Ведьмака, рассматривавшего следы. Кто-то по-прежнему был впереди нас.— Дальше идем пешком. И кончаем болтать.

Объясняемся только знаками. А ты, Аза, держи рот на замке, понятно?

Мы спешились, вытащили оружие и зашагали вперед под прикрытием заклятия Одноглазого. Мы с Ведьмаком первыми дошли до края поляны. Я усмехнулся и махнул рукой, подзывая Одноглазого. Он тоже расплылся в усмешке. Я помедлил пару минут, дожидаясь удобного момента, потом скользнул на поляну, остановился у кабатчика за спиной и положил ему руку на плечо:

— Каштан Шед!

Он взвизгнул и попытался удрать, выхватив на бегу нож. Шишка с Ведьмаком перерезали ему дорогу и привели обратно. Я тем временем встал на колени там, где застукал Шеда, и уставился на человеческие кости.

Глава 44
Медополь. Поляна

Я посмотрел на Шеда. Он больше не рыпался.

— Что, не ожидал встретиться с нами так быстро?

Он разразился бессвязным монологом. Я почти ничего не понял, потому что он говорил обо всем сразу. Ворон. Твари из черного замка. Его надежда на новую жизнь. И так далее, и тому подобное.

— Успокойся и давай потише, Шед. Мы на твоей стороне.— Я объяснил ему ситуацию, сказал, что у нас всего четыре дня, чтобы найти Душечку. Он никак не мог поверить, что девушка, которая работала у него в «Железной лилии», и есть Белая Роза. Я не убеждал его, просто приводил факты.— Четыре дня, Шед. Потом Госпожа и Взятые будут здесь. И я гарантирую, что они начнут разыскивать тебя тоже. Теперь они уже знают, что мы надули их с твоей смертью. Они наверняка уже допросили достаточно много народу, чтобы понять, что происходит. Мы боремся за свою жизнь, Шед.— Я взглянул на черную глыбу и добавил, не обращаясь ни к кому в особенности: — А тут еще эта зараза.

Я снова посмотрел на кости.

— Ведьмак, обследуй их и выскажи свое мнение. Одноглазый, вы с Азой постараетесь воспроизвести все в точности, как

было в тот день. Шаг за шагом. Шишка, ты будешь изображать для них Ворона. Шед, пойдем со мной.

Я был доволен. И Аза, и Шед беспрекословно выполнили мои приказания. Шед, хотя и потрясенный нашим возвращением на сцену его жизни, не собирался впадать в панику. Я наблюдал за ним, пока Ведьмак исследовал землю дюйм за дюймом. Шед, похоже, здорово возмужал, обнаружив в себе нечто такое, что не могло взойти на бесплодной почве Арчи.

— Слушайте, Костоправ! — прошептал он.— Я ничего не знаю про вашу Госпожу и Душечку, которую вы хотите найти. Меня это не очень волнует.— Он показал на черную глыбу:— Но что вы собираетесь делать с этим?

— Хороший вопрос.— Ему не надо было объяснять мне, что означает появление черной глыбы. Это означало, что Властелин не потерпел в Арче окончательного поражения. Он заранее подготовился к отступлению. И теперь здесь растет другой выход, причем растет очень быстро. Аза не зря так боялся тварей из замка. Властелин знал, что ему надо спешить,— хотя и вряд ли ожидал, что его замысел будет раскрыт так скоро.— Если вдуматься, боюсь, мы ничего не можем сделать.

— Но вы должны! Послушайте, я знаю, о чем говорю. Я имел дело с этими тварями. То, что они сотворили со мной, и с Вороном, и с Арчой... Черт возьми, Костоправ, вы не можете допустить, чтобы это повторилось здесь!

— Я не сказал, что не хочу ничего делать. Я сказал, что не могу. Ты же не станешь просить человека с перочинным ножом нарубить леса и построить город. У него попросту нет инструментов.

— А у кого есть?

— У Госпожи.

— Тогда...

— Всему есть предел, друг мой. Я не собираюсь жертвовать собой ради Медополя. И не хочу, чтобы остатки Отряда погибли во имя людей, которых я даже не знаю. Возможно, за нами есть моральный долг, но не таких же размеров!

Шед что-то проворчал, понимая мои доводы, но не принимая их. Он меня изумлял. Было видно без слов, что он объявил

крестовый поход против тварей. Преступник пытался найти искупление. Я ни в коей мере не упрекал его за это, но ему придется обойтись без меня и Отряда.

Я наблюдал за тем, как Одноглазый с Азой и Шишкой восстанавливают картину гибели Ворона. С моей точки зрения, в рассказе Азы не было противоречий. Я надеялся, что Одноглазый окажется более проницательным. Если кто-то и мог найти зацепку, то именно он. Одноглазый был не только хорошим колдуном, но и прекрасным фокусником.

Я вспомнил, что Ворон тоже умел показывать фокусы. Его коронный номер — когда ножи появлялись прямо из воздуха. Но были у него в запасе и другие трюки, которыми он развлекал Душечку.

— Взгляни-ка сюда, Костоправ! — позвал меня Ведьмак.

Я посмотрел и не увидел ничего особенного.

— В чем дело?

— След — тянется через траву прямо к глыбе. Его уже почти не видно, но он есть.— Ведьмак раздвинул стебли травы.

Я не сразу его заметил. Казалось, эту еле поблескивающую полоску оставила за собой улитка. Приглядевшись повнимательнее, я увидал, что след начинается примерно оттуда, где находилось сердце мертвеца. Обнаружить это было непросто, потому что стервятники растерзали останки.

Я обследовал кости руки. На пальцах остались кольца. Вокруг валялись металлические детали снаряжения и несколько ножей.

Одноглазый привел Шишку к костям.

— Ну? — спросил я.

— Это возможно. Если слегка замести следы и применить парочку трюков. Хотя я не могу сказать, как он это сделал. Если сделал.

— Но у нас есть труп.— Я показал на кости.

— Это он! — настаивал Аза.— Посмотрите! На нем кольца Ворона. А это его ременная пряжка, и меч, и ножи.— Но в голосе Азы появилась тень сомнения. Похоже, он начинал склоняться в пользу моей версии.

А я все никак не мог понять, почему Ворон бросил такой замечательный новенький корабль.

— Ведьмак, поищи кругом, нет ли чьих-нибудь следов, идущих с поляны. Аза! Так ты удрал тотчас же, когда увидел, что с Вороном что-то неладно?

— Ага.

— Так. Давайте-ка на минутку отвлечемся и попробуем представить, что здесь произошло потом. Ясно, что у мертвеца было с собой нечто, превратившееся в эту штуку.— Я показал на глыбу.

Я сам удивлялся тому, с какой легкостью игнорировал ее присутствие. Наверное, человек ко всему привыкает. Я так долго глазел на черный замок в Арче, что практически перестал ощущать ту холодную угрозу, которая пробирала меня раньше до костей. Я хочу сказать, коль скоро человек способен привыкнуть к скотобойням или к моей профессии — солдата *и* хирурга,— то он способен привыкнуть ко всему.

— Аза, ты общался с Вороном. Шед, он жил в твоем доме пару лет и был твоим партнером. Что, по-вашему, он мог принести с собой из Арчи, что впоследствии дало жизнь черной глыбе?

Они покачали головами и воззрились на кости.

— Подумайте как следует,— настаивал я.— Шед, это должно быть что-то такое, что было у Ворона до побега из Арчи. Он перестал навещать черный замок задолго до того, как отплыл на юг.

Прошла минута, за ней другая. Ведьмак начал обследовать края поляны. Я не надеялся, что он найдет какой-то след по прошествии столь долгого времени. Я, конечно, не следопыт, но я знаю Ворона.

Аза внезапно ахнул.

— Что? — резко спросил я.

— Все на месте. Все металлические штучки. Даже его пуговицы сохранились. Кроме одной вещицы.

— А именно?

— Эта цепочка, что он носил на шее. Я видел ее пару раз... Что с тобой, Шед?

Я обернулся. Шед схватился за грудь чуть повыше сердца. Лицо у него стало белым, как мрамор. Он разевал рот, но оттуда не вылетало ни звука. Он начал рвать на себе рубаху.

Я решил, что у него сердечный приступ. Но когда я подбежал, чтобы помочь, он расстегнул рубашку и схватился за цепочку, висевшую на шее, стараясь сорвать ее. Цепочка не поддавалась.

Я заставил его снять цепочку через голову, выдрал ее из закостеневших пальцев и протянул Азе.

Аза слегка побледнел:

— Да. Это она.

— Серебро,— сказал Одноглазый, многозначительно глянув в сторону Ведьмака.

Вот, стало быть, о чем он подумал. Что ж, может, он и прав.

— Эй, Ведьмак! Подойди сюда.

Одноглазый взял цепочку, поднес поближе к глазу.

— Ручная работа,— задумчиво произнес он... И вдруг, бросив цепочку наземь, прыгнул в сторону, точно жаба с листа кувшинки. Описав в воздухе дугу, он приземлился и завыл по-шакальи.

Сверкнула вспышка. Я резко развернулся. Двое тварей замерли неподалеку от черной глыбы на полпути к нам. Шед выругался. Аза взвизгнул. Шишка промчался мимо меня и вонзил свой меч выродку в грудь. Я сделал то же самое, настолько взвинченный, что даже не почувствовал сопротивления тугой плоти, как во время предыдущей схватки.

Мы оба пронзили мечами одну и ту же тварь. И оба вытащили оружие.

— Шея! — выдохнул я.— Руби прямо по вене!

Одноглазый уже очухался и сделал стойку. Позже он рассказал мне, что краем глаза уловил какое-то движение и еле успел отпрыгнуть, увернувшись от удара. Твари что-то бросили в него, мигом смекнув, кого надо первым вывести из строя. Кто из нас более опасен.

Ведьмак бросился в бой, напав на выродков с тыла. К моему изумлению, Шед последовал за ним. Он прыгнул на тварь с ножом длиною в фут, присел и принялся резать ей подколенные сухожилия.

Схватка длилась недолго. Одноглазый дал нам выиграть время. Твари умирали. Второй выродок взглянул перед смертью на Шеда, осклабился и сказал:

— Каштан Шед! Ты меня еще попомнишь!

Шеда затрясло.

— Он знает тебя, Шед,— прошептал Аза.

— Это та самая нечисть, что принимала у меня трупы. Все время, кроме одного раза.

— Погоди-ка,— перебил я его.— Из Арчи удрал только один выродок. Как-то не верится, чтобы это был тот самый, который знал тебя...— Я осекся, заметив кое-что еще более невероятное.

Обе твари были совершенно одинаковые. Вплоть до шрамов через всю грудь, которые я увидел, сорвав их черные хламиды. У того выродка, которого мы с Лейтенантом тащили по склону после стычки у крепостных ворот, тоже был такой же шрам.

Пока все прочие приходили в себя после битвы, Одноглазый спросил у Ведьмака:

— Ты видал серебряную вещицу, когда обследовал кости? Ну, говори!

— Э-э...

Одноглазый поднял с земли цепочку Шеда.

— Вот такое украшение. Кстати, оно его и убило.

Ведьмак разинул рот и полез в карман. Он вытащил такую же висюльку, как у Шеда, только змеи на этом кулончике были без глаз.

— Ага! — протянул Одноглазый и снова уставился на Шедов амулет.— Ага! Значит, все дело в глазах. Это из них начинает расти глыба — в урочный час, в урочном месте.

Меня сейчас больше интересовало, каких еще сюрпризов можно ожидать от черного здания. Я взял с собой Ведьмака, обогнул глыбу и обнаружил вход. Он был похож на дыру, ведущую в какую-нибудь глиняную лачугу. Но, очевидно, именно здесь появятся со временем ворота, когда здание подрастет. Я показал Ведьмаку на следы:

— О чем они тебе говорят?

— Они говорят мне о том, что здесь часто кто-то ходит и что нам пора убираться прочь. Там этих тварей до черта.

— Н-да.

Мы вернулись к остальным. Одноглазый завернул амулет Шеда в тряпицу.

— Когда вернемся в город, я запечатаю его в стальную капсулу и утоплю в море.

— Уничтожь его, Одноглазый! Зло всегда находит дорогу назад. Властелин — прекрасный тому пример.

— Да. Хорошо. Если сумею.

Пока я собирал свой небольшой отряд, готовясь в обратный путь, в памяти у меня всплыла картина прорыва Ильмо в замок. Я решил не останавливаться на ночевку. Мы успеем до ночи проделать большую часть пути. В Медополе, как и в Арче, не было ни городских стен, ни ворот, так что нам не придется торчать снаружи до утра.

Мысль об Ильмо продолжала подспудно зреть в моем подсознании. И когда наконец созрела, я пришел в ужас.

Дерево обеспечивает продолжение рода, разбрасывая миллионы семян. Одно из них точно приживется, и вырастет новое дерево. Я представил, как орды штурмующих наводняют черный замок и повсюду находят серебряные амулеты. Я представил, как солдаты и горожане рассовывают их по карманам.

Наверняка так оно и случилось. Тот замок был обречен. И Властелин это понял даже раньше Госпожи.

Я невольно зауважал старого дьявола еще больше. Хитер, мерзавец!

Мы выехали на Тряскую дорогу, и только тогда я вспомнил, что собирался спросить у Ведьмака, нашел ли он следы, ведущие с поляны в каком-нибудь направлении.

— Не-а,— ответил он.— Но это ничего не значит.

— Слушайте, кончайте трепаться,— оборвал нас Одноглазый.— Шед, можешь ты заставить своего треклятого мула шевелиться быстрее?

Одноглазый сдрейфил не на шутку. А если уж он испугался, то я и подавно.

Глава 45
Медополь. Горячий след

Мы добрались до города. Хотя я клянусь, что спиной ощущал, как некто крадется за нами, пока мы не выехали на освещенную улицу. Мы вернулись на квартиру — и обнаружили,

что там почти никого нет. Куда они все подевались? Пошли захватывать Воронов корабль, ответил мне кто-то из ребят.

Я совсем забыл об этом. Да. Воронов корабль... А Молчун идет по следу Ворона. Где он сейчас? Проклятие! Рано или поздно след приведет его к поляне... Тогда мы наверняка узнаем, ушел оттуда Ворон или нет. И почти так же наверняка потеряем Молчуна.

— Одноглазый! Можешь ты связаться с Молчуном?

Колдун бросил на меня недовольный взгляд. Он устал и хотел спать.

— Послушай, если он повсюду следует за Вороном, то обязательно выйдет на эту поляну.

Одноглазый застонал и недвусмысленно объяснил, что он обо мне думает. Потом пошарил в своем мешочке с колдовскими причиндалами и выудил оттуда какой-то высохший палец. Ухватил его за кончик, отрешенно застыл и в конце концов промолвил:

— Я напал на его след. Я найду его.

— Спасибо.

— Не за что. Сволочь ты, Костоправ. Мне бы следовало заставить тебя пойти вместе со мной.

Я уселся у огня с большой пивной кружкой и погрузился в размышления.

— Нам надо будет вернуться туда,— заявил я Шеду чуть погодя.

— Да?

— С Молчуном.

— А кто такой Молчун?

— Еще один парень из Отряда. Колдун. Типа Одноглазого и Гоблина. Он идет по следу Ворона, в точности воспроизводя весь его путь. Молчун надеется, что сможет его отыскать или по крайней мере выяснить, собирался ли Ворон одурачить Азу.

Шед пожал плечами:

— Надо так надо.

— Хм-м. Шед, ты меня изумляешь. Ты переменился.

— Не знаю. Может, и так. Но одно я знаю точно: это не должно повториться, нигде и никогда.

— Н-да.

Я не стал упоминать о сотнях людей, которые тащат амулеты из Арчинской крепости. Зачем? У Шеда была его миссия. Я не мог лишить его надежды.

Я спустился вниз и спросил у хозяина еще пивка. От пива я обычно быстро засыпаю. А у меня родилась одна идея. Довольно безумная. Я не стал делиться ею с товарищами: им она вряд ли пришлась бы по душе.

Через час я сходил отлить и потащился в спальню, больше напуганный мыслью о возвращении на ту поляну, нежели мыслью о том, чем собирался сейчас заняться.

Сон бежал меня, несмотря на пиво. Я не мог расслабиться. Я все пытался дотянуться до нее и призвать к себе. Глупая и тщетная затея.

Только последний дурак мог надеяться, что она вернется так скоро. Я сам отверг ее. Так с какой стати она должна обо мне помнить? Почему бы ей не забыть обо мне, пока ее подручные не поймают меня и не приведут к ней в цепях?

Наверное, между нами все-таки была какая-то связь — на уровне, недоступном моему пониманию. Потому что, очнувшись от дремы и решив, что мне опять требуется посетить гальюн, я увидел вокруг себя золотистое сияние. А может, я и не просыпался, а увидел его во сне. Я никогда не мог этого понять. В воспоминаниях ее визиты всегда кажутся сном.

Я не стал дожидаться приветствий. Я начал говорить. Говорил быстро и выложил все, что ей нужно было знать о глыбе в Медополе и о том, как солдаты могли разнести семечки из черного замка.

— Ты рассказываешь мне все это, хотя решил стать моим врагом, лекарь?

— Я не хочу быть твоим врагом. Я стану им, только если ты не оставишь мне выбора.— Я снова перешел к делу, прекратив этот ненужный спор.— Нам с ним не справиться. А справиться с ним необходимо. И со всеми его подобиями. В мире и без того хватает зла.— Я рассказал ей, что мы нашли амулет у жителя Арчи, не называя имен. И добавил, что мы оставим труп на месте, чтобы она могла убедиться сама, когда прибудет сюда.

— Когда прибуду?

— А разве ты еще не в пути?

Скрытная полуулыбка, показывающая, что она раскусила мою нехитрую уловку,— и ни слова в ответ. Она просто спросила:

— Где вы будете?

— Далеко. И постараемся уйти как можно дальше.

— Что ж, поживем — увидим.— И золотое сияние погасло.

Я хотел ей сказать еще много чего, однако все это не относилось непосредственно к делу. Я хотел задать ей несколько вопросов. Но не задал.

По лицу моему скользнул последний золотистый блик, и я услышал тихий шепот:

— Я твоя должница, лекарь.

Одноглазый заявился лишь под утро, измочаленный до предела. Вместе с ним притащился такой же усталый Молчун. Он шел по Воронову следу, не останавливаясь ни на минуту.

— Я поймал его как раз вовремя,— заметил Одноглазый.— Еще час — и он бы отправился дальше. Я уговорил его подождать до рассвета.

— Правильно. Давай будить ребят. Если сегодня выедем пораньше, то успеем вернуться засветло.

— Чего?

— Я что, неясно выражаюсь? Мы должны вернуться туда. Немедленно. Один из четырех дней уже прошел.

— Эй, послушай, да я же с ног валюсь. Я просто сдохну, если ты заставишь меня...

— Выспишься в седле. Ведь это ж твой конек: спать где угодно и когда угодно.

— О, моя больная задница!

Часом позже я вновь повел вчерашний отряд, к которому прибавились Молчун и Масло, по Тряской дороге. Шед настоял, что поедет с нами, хотя я готов был оставить его. И даже Аза решил присоединиться к нам. Возможно, он считал, что Шед прикроет его собой, как зонтиком. С легкой Шедовой руки Аза

тоже запел о миссии, но даже глухой услышал бы, как он фальшивит.

На сей раз мы ехали быстрее, погоняя коней. Шеда пересадили с мула на нормальную лошадь. К полудню мы были уже на поляне. Пока Молчун разнюхивал следы, я заставил себя подойти к черной глыбе и рассмотреть ее повнимательнее.

Никаких перемен. Если не считать того, что обе убитые твари пропали. Мне не нужен был зоркий глаз Ведьмака, чтобы понять, что их втащили внутрь через дыру.

Молчун обогнул поляну и вышел почти в ту точку, где тропка, протоптанная тварями, уходила в лес. Там он поднял руку и махнул, подзывая меня. Я поспешил к нему, практически не нуждаясь в чтении слов по его пляшущим пальцам, чтобы понять, что он нашел. Все было написано у него на лице.

— Нашел, да? — спросил я с радостью, которой не испытывал. Я уже почти хотел, чтобы Ворон был мертв. Мне не нравилось то, на что намекал этот скелет.

Молчун кивнул.

— Эй! — крикнул я.— Мы нашли след! Пойдем дальше. Ведите сюда лошадей.

К нам подбежали все остальные. Аза растерянно хлопал глазами:

— Но как он это сделал?

Никто из нас не мог ему ответить. Некоторые из нас гадали, чей же скелет лежит на поляне и почему у него на шее оказалась Воронова цепочка. А меня удивляло, как могло случиться, что планы исчезновения Ворона столь тесно переплелись с планами Властелина, который хотел посеять новое семечко черного замка.

Только Одноглазый, казалось, был в разговорчивом настроении, хотя из уст его лились сплошные жалобы.

— Если мы пойдем по следу, то, как пить дать, не вернемся в город до темноты,— сказал он и разразился длинной тирадой о том, как сильно он устал. Никто не обращал на него внимания. Даже те из нас, кому удалось отдохнуть, были порядком измотаны.

— Веди нас, Молчун,— сказал я.— Масло, позаботишься пока о его лошади, ладно? Одноглазый, будешь замыкающим. Чтобы с тыла не было никаких сюрпризов.

Тропинка была даже не тропинкой, а просто узеньким просветом меж кустами. Мы сильно намаялись, пока не вышли на охотничью тропу. Ворон, очевидно, тоже притомился, потому что свернул на нее и пошел вверх, на вершину холма, потом вдоль ручья, потом на другой холм. После чего повернул на заброшенную дорожку, бежавшую вдоль горной гряды по направлению к Тряской дороге. За следующие пару часов мы наткнулись на несколько таких развилок, и каждый раз Ворон забирал все дальше на запад.

— Этот паршивец шел обратно к большой дороге,— сказал Одноглазый.— Надо было нам догадаться — тогда не пришлось бы продираться сквозь кусты.

Кто-то рявкнул на него. Одноглазый всем осточертел со своим нытьем. Даже Аза бросил на него сердитый взгляд через плечо.

Ворон, без сомнения, выбрал окольный путь. Мы прошагали не меньше десятка миль, прежде чем перебрались через горный хребет и увидели перед собой долину, полого уходящую к большой дороге. Справа виднелось несколько ферм. Вдали в голубой дымке угадывалось море. Пейзаж вокруг был окрашен в коричневые тона, ибо в Медополь пришла осень. Листва начинала менять окраску. Аза, показав на кленовую рощицу, вдруг заговорил о том, какой красивой она станет через неделю. Странно. Никогда бы не подумал, что у человека типа Азы может быть развито чувство прекрасного.

— Вон там! — Масло ткнул пальцем в сторону кучки строений в трех четвертях мили к югу от нас. На ферму они смахивали мало.— Спорю на что угодно — это придорожная гостиница, и Ворон направился именно туда.

— Молчун?

Он кивнул, но не очень уверенно. Ему хотелось пройти по следу, чтобы убедиться. Мы сели на коней, предоставив Молчуну возможность проделать оставшийся путь пешком. Мне лично до смерти надоело топать на своих двоих.

— Может, мы в ней и заночуем? — спросил Одноглазый.

Я взглянул на солнце:

— Я тоже об этом подумываю. Как ты считаешь, там безопасно?

Одноглазый пожал плечами:

— Дымок из труб курится — похоже, все пока спокойно.

Он словно прочел мои мысли. Я внимательно рассматривал фермерские постройки, мимо которых мы проезжали, выискивая признаки того, что твари из глыбы совершают набеги на округу. Но фермы выглядели мирно и буднично. Очевидно, выродки ограничивались пока похищением людей из города, где их исчезновение было менее заметно.

След Ворона вышел на Тряскую дорогу в полумиле от строений, в которых Масло опознал гостиницу. Я поискал глазами указатель, не в силах определить, далеко ли мы ушли на юг от двенадцатой мили. Молчун махнул мне рукой, указывая направление. Ворон и правда свернул на юг. Мы поехали по дороге и вскоре миновали каменный столбик с шестнадцатимильной отметкой.

— Ну и долго еще ты собираешься идти по его следу, Костоправ? — спросил Одноглазый.— Зуб даю: он просто встретился здесь с Душечкой и двинул дальше.

— Скорее всего. Далеко отсюда до Тряски? Кто-нибудь знает?

— Двести сорок семь миль,— ответил Шишка.

— А что тут за народ? Разбойники на дорогах водятся?

— Я, по крайней мере, не слыхал,— откликнулся Шишка.— Но впереди есть горы, и довольно крутые. Перебраться через них будет нелегко.

Я прикинул про себя: если не спеша, то на такую дорогу уйдет недели три. А Ворон гнать особенно не сможет, поскольку при нем Душечка и бумаги.

— Фургон. Он наверняка нанял фургон.

Молчун тем временем тоже сел на коня. Мы быстро доскакали до строений. Масло оказался прав. Типичная придорожная гостиница. Как только мы спешились, из дома вышла девушка, посмотрела на нас, округлив глаза, и кинулась обратно. Видок у нас, конечно, был страшноватый. А если кто из нашей кавалькады и не выглядел грозным, то уж странненьким наверняка.

В дверях показался встревоженный толстяк, подвязывавший на ходу фартук. Физиономия его никак не могла

решиться — то ли еще больше залиться румянцем, то ли побелеть.

— День добрый,— сказал я.— Можем мы рассчитывать на ужин и корм для наших лошадей?

— И вино! — воскликнул Одноглазый, расседлывая коня.— Я должен нырнуть в галлон вина, а потом — на перину!

— Посмотрим,— сказал толстяк. Выговор у него был непривычный. В Медополе говорят на местном диалекте того же языка, на котором разговаривают в Арче. Поэтому горожан мы понимали без труда, тем более что между двумя городами постоянно поддерживается связь. Но хозяин гостиницы говорил на сельском диалекте и совсем в ином ритме.— Полагаю, вы сможете заплатить?

Я протянул ему две серебряные монеты из Вороновых запасов.

— Если этого не хватит, скажешь.— Я бросил поводья на перила коновязи, взобрался на крыльцо и мимоходом похлопал толстяка по руке.— Не волнуйся. Мы не разбойники — мы солдаты. Следуем за одним человеком, который проезжал через ваши края.

Хозяин недоверчиво нахмурился. С первого взгляда было ясно, что мы не состоим на службе у принца Медополя.

Гостиница оказалась уютной, и, хотя у толстяка было несколько дочерей, ребята вели себя пристойно. Когда мы отужинали и почти все разбрелись по спальням, хозяин вздохнул с облегчением.

— Могу я задать тебе пару вопросов? — спросил я, выложив на стол серебряную монету.— Глядишь, и подзаработаешь немного.

Толстяк уселся напротив, рассматривая меня через прищур поверх гигантской пивной кружки. Он опустошил ее уже раз шесть после нашего приезда, что вполне объясняло наличие столь объемистого брюха.

— Что вас интересует?

— Высокий человек — вон тот, немой,— разыскивает свою дочку.

— Да?

Я показал на Молчуна, который устроился, как дома, возле камина на полу и поклевывал носом.

— Глухонемую девушку — она была в ваших краях. Возможно, ехала в фургоне. А здесь могла встретиться с одним парнем.— Я описал Ворона.

Лицо у толстяка застыло. Он вспомнил Ворона. И не хотел о нем говорить.

— Молчун!

Тот подпрыгнул как ужаленный. Я сказал ему знаками пару слов. Молчун нехорошо улыбнулся.

— Он колдун, хотя по виду и не скажешь,— объяснил я хозяину гостиницы.— А теперь подумай. Парень, который здесь был, наверняка пообещал, что вернется и перережет тебе горло, если ты проболтаешься. Но он сейчас далеко. Молчун же сию минуту может навести такую порчу, что коровы твои перестанут доиться, поля повысохнут, а все вино и пиво прокиснет.

Молчун сотворил одно из тех мелких чудес, которыми так любят забавляться наши колдуны. По залу поплыл светящийся шар, тыкаясь во все предметы, точно любопытный щенок.

Хозяин гостиницы поверил, что я не блефую.

— Ладно. Они тут были. Все верно. Летом у меня много народу, так что я мог их и не заметить, но девушка действительно была глухонемая, а парень очень крутой. Она приехала утром — похоже, провела в пути всю ночь. В фургоне. Он пришел вечером, пешком. Они держались особняком, в уголку. А наутро уехали.— Толстяк взглянул на мою монету.— Расплатились они, кстати, такими же чудными деньгами.

— Понятно.

— Вы прибыли издалека, верно?

— Да. А куда они поехали?

— На юг. По дороге. Судя по вопросам, которые задавал тот парень, они, похоже, направлялись к Трубе.

Я вздернул бровь. В жизни не слыхал такого названия.

— Нужно ехать вдоль побережья, мимо Тряски. Оттуда — по Игольной дороге, потом по Ключевой. Там, южнее, будет перекрестная дорога, так вам надо свернуть на запад. Труба находится на Салатном полуострове. Где именно — не знаю. Я только слыхал про этот город от путешественников.

— Хм. Длинный путь. Насколько длинный, как по-твоему?

— Сейчас прикинем. Двести двадцать четыре мили до Тряски. Еще добрых двести до Иглы. А от Иглы до Ключа вроде сто восемьдесят миль. Или двести восемьдесят, я не помню. Перекрестная дорога будет в сотне миль от Ключа, и сколько-то еще нужно проехать до Трубы. Понятия не имею сколько. По крайней мере еще сто миль, а то и двести. Или триста. Я как-то видал карту, мне парень один показывал. Этот полуостров выпирает в море, как палец.

Молчун присоединился к нам, достал листок бумажки и ручку со стальным кончиком. Он заставил хозяина гостиницы повторить все сначала, набрасывая схемку и исправляя ее до тех пор, пока толстяк не сказал, что она похожа на виденную им карту. Молчун накарябал в столбик несколько цифр и подсчитал приблизительное расстояние от Медополя. Оказалось девятьсот с лишком миль. Зачеркнув последнюю цифру, Молчун приписал рядом «дни» и знак плюс.

— Как минимум четыре месяца пути,— кивнул я.— Даже дольше, если они будут останавливаться на отдых во всех этих городах.

Молчун провел прямую линию от Медополя до кончика Салатного полуострова и написал: «прибл. 600 миль, со скор. 6 узлов = 100 ч.».

— Да,— сказал я.— Да. Вот почему корабль все еще на приколе. Он ждет, пока Ворон доберется до полуострова. Нужно будет завтра же расспросить экипаж. Спасибо, хозяин.— Я подтолкнул к нему монету.— У вас в округе ничего странного не происходило в последнее время?

— До сегодняшнего дня — нет,— нерешительно улыбнулся толстяк.

— Нет, ты не понял. Я имею в виду — может, кто-то из соседей пропал без вести или что-нибудь в этом роде.

Он покачал головой:

— Не-а. Разве что Кротовой Шкуры давно не видно. Но в этом ничего странного нет.

— Кротовой Шкуры?

— Он охотник. Промышляет в лесах к востоку отсюда. В основном добывает меха и шкуры, но порой приносит мне дичинку, когда ему нужна соль или другие товары. Правда, заходит

он нерегулярно, однако на сей раз что-то слишком припозднился. Обычно осенью он делает у меня запасы на зиму. Я даже сначала принял за него вашего друга, когда тот вошел в гостиницу.

— Друга? Какого друга?

— Ну, того, за которым вы гонитесь. Который умыкнул дочку у вашего Молчуна.

Мы с Молчуном переглянулись.

— Больше ты Кротовую Шкуру, похоже, не увидишь,— сказал я толстяку.— Я думаю, он погиб.

— С чего вы взяли?

Я вкратце рассказал ему, как Ворон инсценировал свою смерть, оставив в лесу труп, который запросто можно принять за него самого.

— Какая подлость, а? Ай, какая подлость! Надеюсь, вы его поймаете.— Хозяин прищурил свои хитрые глазки.— А вы, ребята, случайно не из тех будете, что прибыли из Арчи? Все проезжие только и говорят...— Поймав на себе свирепый взгляд Молчуна, хозяин осекся на полуслове.

— Я, пожалуй, сосну немного,— сказал я.— Если никто из моих людей не встанет раньше, разбуди меня на заре.

— Да, сударь! — откликнулся хозяин гостиницы.— А я уж вам такой прекрасный завтрак приготовлю, сударь!

Глава 46
Медополь. Новые напасти

Завтрак и правда был превосходный. Я дал хозяину на чай еще одну монету. Он, должно быть, решил, что я свихнулся.

Мы проехали полмили, когда Одноглазый вдруг остановил отряд.

— Ты собираешься просто так их оставить? — спросил он у меня.

— Кого их?

— Тех людей. Первый же Взятый, кому придет в голову проехать по этой дороге, узнает о нас во всех подробностях.

У меня екнуло сердце. Я понял, на что он намекает. Я сам уже думал об этом. Но не сумел отдать приказ.

— Нет смысла,— сказал я.— Мы так и так отчалим из города на виду у всего Медополя.

— Но весь Медополь не будет знать, куда мы направляемся. Мне такие дела тоже не по нутру, Костоправ. И все-таки мы должны замести за собой следы. Ворон этого не сделал — и, пожалуйста, мы идем за ним по пятам!

— Да. Ты прав.

Я глянул на Азу и Шеда. Они подавленно молчали. Аза наверняка считал себя следующим.

— Мы не можем взять их с собой, Костоправ.

— Знаю.

Одноглазый повернулся и поскакал назад. Один. Даже Масло, у которого совесть кот наплакал, не составил ему компанию.

— Что он собирается делать? — спросил Аза.

— Заколдует их, чтобы они все забыли,— соврал я.— Поехали. Он нас догонит.

Шед то и дело поглядывал на меня — с таким выражением он, должно быть, смотрел на Ворона, когда узнал, что тот промышляет трупным бизнесом. Но не говорил ни слова.

Одноглазый догнал нас через час — и разразился хохотом.

— Их уже и след простыл! Слиняли все до единого, со всем скотом и собаками. В лес. Чертовы крестьяне! — Он снова залился смехом, почти истерическим. По-моему, он испытывал облегчение.

— Осталось два дня, даже меньше,— сказал я.— Давайте-ка поднажмем. Чем больше у нас будет форы, когда мы отчалим, тем лучше.

Окрестностей Медополя мы достигли через пять часов — не так быстро, как мне хотелось. Углубившись в город, мы невольно сбавили шаг. По-моему, каждый из нас почуял что-то неладное. В конце концов я остановился.

— Шиш, ты с Азой разведаешь, что слышно в окрестностях. Мы подождем вас у фонтана.

Детей на улицах не было. Взрослые казались какими-то пришибленными. Случайные прохожие обходили нас за квартал.

Шиш, вопреки своему обыкновению, вернулся буквально через две минуты.

— Беда, Костоправ! Сегодня утром здесь объявились Взятые. На побережье была большая заруба.

Я глянул в сторону моря. Там подымался призрачный дымок, словно над пожарищем. Небо на западе, куда дул ветер, было грязно-серое.

Аза вернулся минутой позже с теми же известиями и небольшой добавкой:

— У них завязалось серьезное сражение с принцем. Говорят, до сих пор не кончилось.

— Ну, долго оно не продлится,— сказал Одноглазый.

— Не скажи,— задумчиво проговорил я.— Даже Госпожа не в силах поспеть сразу всюду. Но как, черт их дери, они добрались сюда с такой скоростью? Ковров-то у них не осталось!

— По суше,— сказал Шед.

— По суше? Но...

— Этот путь короче, чем по морю. Дорога идет напрямик. Если скакать день и ночь, можно обернуться за двое суток. В моем детстве даже состязания такие проводились. Но нынешний герцог, когда пришел к власти, их отменил.

— Ладно, это уже неважно. Итак, что теперь?

— Нужно выяснить, что произошло,— сказал Одноглазый. И пробормотал себе под нос: — Если этот дурак Гоблин дал себя прикончить, я ему шею сверну.

— Правильно. Но как выяснить? Взятые нас знают.

— Давайте я схожу,— вызвался Шед.

Более суровых взглядов, чем те, которыми мы пронзили Каштана Шеда, вы себе и представить не сможете. Он дрогнул на мгновение, но добавил:

— Я им в руки не дамся. Да и с какой стати им меня ловить? Они меня не знают.

— Ладно,— сказал я.— Иди.

— Костоправ!..

— Мы должны ему довериться, Одноглазый. Иначе ты сам пойдешь на разведку.

— Ну уж нет. А тебя, Шед, если ты нас надуешь, я из могилы достану.

Шед натянуто улыбнулся и ушел. Пешком. Всадников на улицах Медополя было негусто. А мы нашли таверну и распо-

ложились там как дома, выставив на улицу двоих дозорных. Шед вернулся лишь на закате.

— Ну? — спросил я, жестом потребовав еще кувшин пива.

— Плохие новости. Вы, ребята, здорово влипли. Ваш Лейтенант отчалил на корабле. Человек двадцать — двадцать пять из ваших погибло. А все остальные уплыли. Принц потерял...

— Не все остальные,— перебил его Одноглазый, указав пальцем поверх своей кружки.— Кое-кого ты привел за собой.

Шед в ужасе оглянулся.

В дверях стояли Гоблин и Ростовщик. Рост был здорово порезан. Он дохромал до стола и плюхнулся в кресло. Я осмотрел его раны. Гоблин с Одноглазым обменялись взглядами, которые могли означать что угодно, но, скорее всего, означали, что они рады видеть друг друга.

Посетители таверны начали испаряться. Слухи разносятся быстро. Горожане уже знали, что нас преследуют какие-то злые люди.

— Сядь, Гоблин,— сказал я.— Шиш с Маслом, вы пойдете и раздобудете свежих лошадей.— Я отдал им почти все оставшиеся у меня монеты.— И жратвы закупите как можно больше. Нам предстоит далекий путь. Верно я говорю, Гоблин?

Он кивнул.

— Расскажи нам, что тут стряслось.

— Сегодня утром объявились Хромой и Шепот. Вместе с пятьюдесятью солдатами. Из Отряда. Разыскивали нас. Но наделали много шума, так что мы прослышали об их прибытии. Лейтенант кликнул всех, кто был на берегу. Но не все сумели вовремя добраться до корабля. Шепот направилась к пристани, и Лейтенанту пришлось отдать швартовы, не дождавшись девятнадцати человек.

— А ты-то что остался?

— Вызвался добровольцем. Сиганул за борт, доплыл до берега и пошел поджидать вас, ребята, чтобы сказать вам, где встретить корабль. А потом случайно наткнулся на Роста. Пока я пытался его подлатать, увидел Шеда, который шлялся по улицам. Ну, мы за ним и пошли.

— Корабль направился к Трубе, верно? — вздохнул я.

— Да! А ты откуда знаешь? — удивился Гоблин.

Я коротко объяснил.

— Рост, теперь твой черед рассказывать,— заявил Гоблин.— Роста заловили на берегу. По-моему, он единственный из оставшихся, кому удалось уцелеть.

— Взятые затеяли все это по собственной инициативе,— сказал Рост.— Примчались сюда, хотя их послали куда-то в другое место. Видно, решили, что теперь самое время разделаться с нами, поскольку мы больше не числимся любимчиками Госпожи.

— Так она не в курсе, что они здесь?

— Нет.

Я рассмеялся. Несмотря на всю серьезность положения, я просто не мог удержаться.

— Тогда их ждет отличный сюрприз. Старая ведьма скоро сама сюда пожалует. Тут неподалеку растет еще один черный замок.

Я поймал на себе недоверчивые взгляды: мои товарищи никак не могли взять в толк, откуда мне известны намерения Госпожи. Я никому не рассказывал о своем сновидении, кроме Лейтенанта.

— Ехать ты сможешь, только осторожно,— сказал я, закончив перевязывать Роста.— Откуда ты все это узнал?

— От Трясуна. Мы с ним немного потрепались, прежде чем он попытался прирезать меня.

— Трясун? — воскликнул Одноглазый.— Какого дьявола?..

— Я не знаю, чего им Взятые про нас наговорили, но только парни кидались на нас как бешеные. Крови нашей жаждали — страсть! Молокососы. Ну, большинство из них и поплатились за свое усердие жизнью.

— Жизнью, говоришь?

— Принц как-его-там возмутился, что Взятые разгуливают по городу, как по своей вотчине. Завязалась серьезная потасовка, наши дрались под предводительством Хромого. Их смяли и перебили почти всех поголовно. Может, все сложилось бы иначе, если б ребятам дали отдохнуть.

Занятно. Мы переживали за них, так и не сумев почувствовать себя заклятыми врагами бывших товарищей. А я с горе-

чью думал о Взятых, которые настропалили ребят против нас и обрекли их на гибель.

— Трясун говорил что-нибудь про Арчу?

— Ага. Там началась обычная кровавая бойня. От города почти ничего не осталось. Когда Госпожа покончила с черным замком, Отояд недосчитался шестисот человек, включая нас. Еще больше парней погибло во время последующих бунтов, когда она обчистила Катакомбы. Город просто взбесился, а наш знакомец Аргадон возглавил восстание. Запер ребят в Черепичнике. Ну, тут у Госпожи терпение лопнуло, и она стерла остатки города с лица земли.

Я покачал головой:

— Капитан верно угадал насчет Катакомб.

— Отояд — вернее, то, что от него осталось,— взял под свое командование Странник,— сказал Гоблин.— Они собирались покинуть Арчу, как только закончат грабить Катакомбы. Город так сильно разрушен, что там просто нет смысла оставаться.

Я посмотрел на Шеда. Более унылой физиономии я в жизни не видал. Его терзали боль и невысказанные вопросы. Он хотел узнать о судьбе своих близких — и не мог заставить себя заговорить, опасаясь, как бы его не обвинили в гибели родного города.

— Это не твоя вина, дружище,— сказал я ему.— Герцог пригласил Госпожу еще до твоих похождений. Так что финал был неизбежен, и от тебя тут ничего не зависело.

— Но как люди вообще могут творить такое?

— Не глупи, Шед,— сказал Аза, бросив на приятеля странный взгляд.— А как ты мог творить то, что творил? Все из-за отчаяния. Люди, когда они в отчаянии, хуже диких звероей.

Одноглазый посмотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать: «Видал, что деется?» Даже Аза порой способен мыслить.

— Рост! Трясун говорил что-нибудь про Ильмо?

Ильмо по-прежнему был моей самой большой печалью.

— Нет. Я не спрашивал. У нас было мало времени.

— Что делать будем? — осведомился Гоблин.

— Двинем на юг, как только Шиш с Маслом вернутся с лошадьми и провизией.— Я вздохнул.— Нелегко нам придется. У меня осталось всего две левы. А у вас, ребята?

Мы подсчитали свои финансы.

— Дело дрянь,— подытожил я.

— Лейтенант просил передать тебе это.— Гоблин выложил на стол мешочек. В нем оказалось пятьдесят серебряных монет из запасов Ворона.

— Чуть лучше, но все равно надолго не хватит.

— У меня есть деньги,— вдруг выпалил Шед.— Они припрятаны на той квартире, которую я снимал.

Я уставился на него:

— Тебе с нами идти не обязательно. Это не твои проблемы.

— Нет, мои!

— Все время, сколько я тебя знаю, ты пытался удрать от нас...

— Теперь у меня с ними свои счеты, Костоправ. Я должен отомстить за то, что они сделали с Арчой. Я не могу сидеть сложа руки.

— И я тоже,— поддержал его Аза.— У меня сохранились почти все монеты, которые Ворон дал мне после ограбления Катакомб.

Я вопросительно взглянул на остальных. Они молчали, предоставив право решения мне.

— Ладно. Несите свои сбережения. Только быстро. Я хочу выступить как можно скорее.

— Я могу догнать вас на дороге,— сказал Шед.— И Аза тоже.

Он встал и робко протянул мне руку. Я колебался не больше секунды.

— Добро пожаловать в Черный Отряд, Шед.

Аза на подобный жест не решился.

— Думаешь, они вернутся? — спросил Одноглазый, проводив их взглядом.

— А ты как думаешь?

— По-моему, нет. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Костоправ. Если их поймают, они наведут Взятых на наш след.

— Да. Возможно.— Откровенно говоря, я на это рассчитывал. Мне в голову пришла совершенно дикая идея.— Давайте-ка вмажем по госледней. Бог весть, когда еще придется попить пивка.

Глава 47
Гостиница. В бегах

К моему *величайшему* изумлению, Шед догнал нас десятью милями южнее Медополя. И не один.

— Чтоб я сдох! — раздался в арьергарде вопль Одноглазого.— Костоправ, иди сюда и посмотри!

Я повернул назад — и увидел Шеда. А рядом с ним оборванного и грязного Вола.

— Я обещал, что вытащу его, если сумею,— сказал Шед.— Пришлось кое-кого подкупить, но, в общем, это оказалось нетрудно. Сейчас там не до него.

Я посмотрел на Вола. Он не отвел глаз.

— Ну и? — спросил я.

— Шед рассказал мне, Костоправ. Я бы поехал с вами, ребята. Если вы меня возьмете. Мне больше некуда идти.

— Черт побери! Если еще и Аза объявится, я потеряю веру в человеческую природу. И моя идея, кстати, тоже накроется. Ладно, Вол, о чем разговор! Только помни, что мы уже не в Арче. И ты тоже. За нами охотятся Взятые. Так что теперь не время сводить старые счеты. Хочешь дать кому-нибудь в зубы — побереги свои силы для Взятых.

— Как скажешь, начальник. Дай мне только шанс расплатиться с ними за Арчу.— Вол последовал за мной в начало колонны.— Между вашей Госпожой и типами вроде Крейга нет особой разницы, верно?

— Разница только в масштабах,— отозвался я.— Возможно, шанс подвернется тебе куда быстрее, чем ты думаешь.

Молчун и Масло вынырнули из темноты.

— Молодцы! — похвалил я их.— Ни одна собака не залаяла.

Я специально послал Молчуна, потому что он умел обращаться с животными.

— Они вернулись из леса и сладко спят в своих кроватках,— доложил Масло.

— Отлично. Пошли. Только тихо. И чтобы никого даже пальцем не тронули, ясно? Слышишь, Одноглазый?

— Слышу, слышу.

— Гоблин, Ростовщик и Шед останутся с лошадьми. Я посигналю вам лампой.

Захватить гостиницу оказалось даже легче, чем спланировать захват. Все спокойно спали, поскольку Молчун утихомирил собак. Хозяин таверны проснулся, пыхтя и задыхаясь от ужаса. Я повел его вниз, оставив Одноглазого приглядывать за остальными, в том числе и ехавшими на север путниками, чье присутствие не входило в наши планы, но особой проблемы не представляло.

— Садись,— сказал я толстяку.— Ты по утрам чай пьешь или пиво?

— Чай,— просипел хозяин.

— Он заваривается. Итак, мы вернулись. В общем, мы не собирались этого делать, но обстоятельства сложились так, что нам придется путешествовать по суше. Мне нужна твоя гостиница на пару дней. Мы с тобой должны тут кое-что подготовить.

Ведьмак принес не чай, а настоящий чифирь. Толстяк тут же выдул громадную кружку, из которой обычно пил пиво.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал,— продолжал я, отхлебнув глоток.— И я заплачу за постой. Но если ты хочешь уладить дело миром, тебе придется мне помочь.

Он что-то проворчал.

— Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что мы здесь. Поэтому твоих постояльцев мы пока не отпустим. Проезжающим должно казаться, что в гостинице все как обычно. Я понятно излагаю?

Толстяк оказался сообразительнее, чем я думал.

— Вы кого-то ждете,— заявил он.

Никто из моих людей пока до этого не додумался.

— Да. И этот кто-то, в отличие от меня, уберет вас всех, чтобы не было свидетелей. Если только не угодит в мою ловушку.

Успех моей безумной идеи целиком зависел от Азы. Если он нас догонит, как обещал, ничего не получится.

Хозяин гостиницы, похоже, поверил, что я не собираюсь убивать его семейство. Пока.

— Вы, небось, ждете кого-то из тех парней, что устроили резню вчера в городе?

— Слухи разносятся быстро.

— Особенно плохие слухи.

— Да. Кого-то из них. Они убили около двадцати моих людей. Да и городских изрядно потрепали.

— Я слышал. Плохие слухи и правда разносятся быстро. Среди убитых был мой брат. Он служил в гвардии принца. Сержантом. Единственный из семьи, кому удалось выбиться в люди. Говорят, какая-то штука пожрала его целиком. Ее напустил на брата колдун.

— Да. Он мерзкий парень, этот колдун. Хуже моего немого друга.

Я не знал, кто из них погонится за нами. Но надеялся, что Аза в любом случае укажет им путь. Я рассчитывал также, что погоня будет быстрой. Аза скажет им, что Госпожа направляется в Медополь.

Толстяк смерил меня подозрительным взглядом. В глазах его кипела ненависть. Я решил направить ее в нужное русло.

— Я хочу убить его.

— Очень хорошо. Медленно? Как он убил моего брата?

— Не думаю. Если не убить его быстро, он победит. Или она. Их там двое. И я не в курсе, кто сюда пожалует.

Я надеялся, что если мы сумеем убрать одного из Взятых, то выиграем довольно много времени. Госпоже, у которой останется всего пара помощников, придется целиком сосредоточиться на борьбе с черными замками. К тому же я хотел расплатиться за гибель друзей и заодно внести полную ясность в вопрос, на чьей мы стороне.

— Позвольте мне отослать жену и детей,— сказал толстяк.— А сам я останусь с вами.

Я мельком глянул на Молчуна. Он еле заметно кивнул.

— Ладно. А как насчет твоих постояльцев?

— Я их знаю. Они не тронутся с места.

— Отлично. Тогда иди и займись делом.

Он ушел. Теперь мне предстояло ввести в курс предстоящей операции Молчуна и остальных. Меня никто не избирал командиром. Я взял руководство на себя, поскольку временно оказался старшим по званию офицером. У нас разгорелся довольно жаркий спор, но в конце концов я настоял на своем.

Страх — превосходный стимулятор. Он заставил Гоблина и Одноглазого развить такую бурную деятельность, какой я от них даже не ожидал. Остальные тоже не сидели без дела. В результате была подготовлена целая уйма ловушек и укрытий для засады, замаскированных колдовскими заклятиями. Оружие приводилось в порядок прямо-таки с фанатичным усердием.

Взятые не совсем неуязвимы. Их просто очень трудно убить, особенно когда они настороже. А тот, кто погонится за нами, естественно, будет начеку.

Молчун отправился в лес вместе с семьей толстяка. Вернулся он с ястребом, которого приручил в рекордно короткий срок, и пустил его в небо следить за дорогой между Медополем и гостиницей. Теперь нас не застигнут врасплох.

Хозяин приготовил тарелки, намазанные ядом, хотя я и предупредил его, что Взятые редко едят. Потом он обратился к Молчуну за советом по поводу собак. У толстяка была целая свора свирепых мастифов, и он хотел приспособить их к делу. Молчун нашел им местечко в своих планах. Мы сделали все, что было в наших силах, и затаились в ожидании. Отстояв свою вахту, я прилег немножко отдохнуть.

Она явилась в тот самый момент, когда я сомкнул веки. Я лихорадочно попытался выкинуть из головы все мысли о нашем местонахождении и намерениях. Хотя — что толку? Она уже нашла меня. Главное — утаить от нее план засады.

— Не передумал? — спросила она.— Тебе от меня все равно не убежать. Ты нужен мне, лекарь.

— Поэтому ты подослала Хромого и Шепот? Чтобы вернуть нас? Они поубивали половину наших ребят, погубили почти всех своих, навели в городе шорох и всех восстановили против себя. Так ты собиралась вернуть нас назад?

Она, конечно, была тут ни при чем. Ростовщик говорил, что Взятые действовали по собственному почину. Я хотел, чтобы она разозлилась или растерялась. Я хотел увидеть ее реакцию.

— Я послала их назад в Курганье,— сказала она.

— Ну конечно. А они просто свернули в сторону, чтобы свести счеты десятилетней давности.

— Они знают, где вы находитесь?

— Пока что нет.— У меня появилось ощущение, что Госпожа сама этого в точности не знает.— Мы за городом, залегли на дно.

— Где?

Я позволил образу гостиницы всплыть в воображении.

— Неподалеку от того места, где растет новый черный замок. В ближайшей к нему гостинице.— Я решил не скрывать от нее правды. Тем более что мне хотелось, чтобы она нашла подарочек, который я собирался ей оставить.

— Не двигайтесь с места и не привлекайте к себе внимания. Скоро я к вам прибуду.

— Чего еще изволите-с?

— Не испытывай моего терпения, лекарь. Ты забавляешь меня, но все-таки не зарывайся. Мне нынче не до шуток. И на сей раз Шепот и Хромому это так просто с рук не сойдет.

Дверь в комнату отворилась.

— С кем ты разговариваешь, Костоправ? — спросил Одноглазый.

Я вздрогнул. Он стоял по ту сторону сияния, не замечая его. Значит, мне это не снится.

— Со своей подружкой,— усмехнулся я.

И тут же почувствовал приступ дикого головокружения. Что-то отделилось от меня, оставив привкус изумления и раздражения одновременно. Придя в себя, я увидел, что Одноглазый стоит на четвереньках и обалдело моргает.

— Что это за чертовщина? — сердито спросил он.

Я потряс головой.

— Башка как чугунная. Не надо было пить столько пива. А в чем дело-то?

Одноглазый подозрительно прищурился:

— Ястреб Молчуна прилетел. Они приближаются. Спускайся. Нужно срочно менять план.

— Они?

— Хромой с девятью солдатами. Поэтому и надо пересмотреть план. Сейчас у нас силы неравные, и не в нашу пользу.

— Да уж.

Солдаты, естественно, из Отряда. Спокойствие гостиницы их не обманет. Гостиницы — средоточие жизни в сельской местности. Капитан частенько устраивал в них засады против мятежников.

Молчун добавил мало что нового. Сказал только, что наши преследователи в шести милях, а значит, времени у нас всего ничего.

— Эй! — Меня внезапно осенило. Я *понял*, зачем Взятые примчались в Медополь.— Есть у тебя фургон с упряжкой? — спросил я хозяина. Я так и не удосужился узнать, как его зовут.

— Ага. Я вожу на нем продукты из Медополя, с мельницы и пивоварни. А что?

— А то, что Взятые охотятся за бумагами, о которых я уже говорил.

Мне пришлось раскрыть их происхождение.

— Те самые, что мы откопали в Облачном лесу? — осведомился Одноглазый.

— Да. Слушайте. Душелов говорила, что в них упомянуто настоящее имя Хромого. А еще там есть тайные записи колдуна Боманца, где, по всей вероятности, зашифровано имя Госпожи.

— Ни фига себе! — воскликнул Гоблин.

— Вот именно.

— Ну, и что это нам дает? — спросил Одноглазый.

— Хромой хочет заполучить свое имя. Предположим, он увидит, как люди с фургоном делают отсюда ноги. Что он подумает? Аза раззвонил, что бумаги были у Ворона. Он же не знает, что мы не нашли их на корабле.

— Аза идет сюда с Хромым,— знаками просигналил мне Молчун.

— Прекрасно. Именно этого я и хотел. Все идет по плану. Хромой решит, что мы пытаемся сбежать вместе с бумагами. Особенно если разбросать на земле несколько листочков.

— Понятно,— сказал Одноглазый.— Только людей у нас для отвлекающего маневра маловато. Вол да хозяин гостиницы — вот и вся команда.

— Кончайте трепаться и начинайте что-то делать,— заявил Гоблин.— Они приближаются.

Я подозвал толстяка:

— Твои друзья с юга должны оказать нам одну услугу. Скажи им, что это их единственный шанс выбраться отсюда живыми.

Глава 48
Гостиница. Засада

Четверо южан потели и дрожали. Они не понимали, что творится, и не одобряли того, что видели. Но одно они усвоили твердо: если они откажутся нам помочь, им крышка.

— Гоблин! — заорал я на лестнице, задрав голову.— Ты их видишь?

— Погоди еще чуток. Сосчитай до пятидесяти — и вперед.

Я сосчитал. Медленно, принуждая себя не торопиться. Я боялся не меньше южан.

— Пошли!

Гоблин кубарем скатился по лестнице вниз. Мы кинулись в сарай, где стояла упряжка с фургоном, вылетели на дорогу и поскакали на юг, изображая захваченных врасплох беглецов. Отряд Хромого на мгновение остановился, посовещался и устремился за нами. Я заметил, что Хромому приходится подгонять солдат. Они не очень-то рвались в драку со своими прежними приятелями.

Я скакал в арьергарде, позади Гоблина, Одноглазого и фургона. Одноглазый сидел на козлах. Гоблин ехал верхом на лошади рядышком с повозкой.

Мы вихрем неслись по извилистой дороге, подымавшейся к югу от гостиницы на лесистый холм. Хозяин сказал, что леса тянутся дальше на несколько миль. Сам он вместе с Молчуном, Волом и южанами ушел вперед.

— Эй! — предупредил нас чей-то окрик.

Перед глазами мелькнул лоскут красной ткани. Одноглазый выпрямился, цепляясь за постромки. Гоблин рванул к нему поближе. Одноглазый прыгнул.

На мгновение мне показалось, что он промахнулся. Ноги Одноглазого волоклись по земле, вздымая пыль. Но он все же вскарабкался на коня, лег на живот за спиной у своего друга и метнул на меня злобный взгляд: только, мол, попробуй ухмыльнуться.

Я все-таки не удержался.

Фургон ударился о заготовленные бревна, подпрыгнул и завихлял из стороны в сторону. Лошади заржали, стараясь его удержать, но не смогли. Повозка с упряжкой полетела с дороги вниз, с треском ломая деревья, и развалилась на части. Кони оглашали окрестности ржанием, в котором смешались ужас и боль. Люди, подстроившие крушение фургона, немедленно дунули прочь.

Я погнал коня во весь опор, мимо Гоблина, Одноглазого и Ростовщика, крича южанам, чтобы они не останавливались и убирались отсюда к чертовой матери.

Проскакав еще четверть мили, я свернул на тропу, о которой рассказал мне толстяк, забрался подальше в лес, чтобы меня не увидели с дороги, и подождал Одноглазого. А потом мы с ним вместе помчались обратно к гостинице.

Хромой со своей бандой подъехали к месту крушения фургона, где по-прежнему раздавалось отчаянное ржание лошадей.

И началось.

Крики. Вопли. Предсмертные хрипы людей. Шипение и рев заклятий. Я не думал, что у Молчуна есть хотя бы шанс, но он сам вызвался добровольцем. Мы надеялись, что фургон отвлечет внимание Хромого и массированная атака застанет его врасплох.

Когда мы выехали из леса, приглушенный расстоянием шум за спиной все еще продолжался.

— Все не так уж плохо,— крикнул я.— Иначе давно стало бы тихо.

Я не чувствовал того оптимизма, который старался изобразить. Мне совсем не нравилось, что схватка затянулась. Я надеялся, что они быстренько нанесут удар и смоются, потрепав Хро-

мого настолько, чтобы он приплелся в гостиницу зализывать раны.

Мы загнали лошадей в сарай и разошлись по укрытиям.

— Нам не пришлось бы так надрываться, если бы Ворон тогда прикончил его,— пробурчал я на ходу.

Давным-давно, когда я участвовал в захвате Шепот, пытавшейся переманить Хромого на свою сторону, Ворону выпала фантастически редкая возможность расправиться с ним. Но Ворон не воспользовался ею, хотя у него со Взятым были и личные счеты. Теперь его милосердие обернулось проклятием для всех нас.

Ростовщик пошел в свинарник, где мы наспех соорудили легкую баллисту, бывшую частью нашего первоначального плана. Гоблин простеньким заклинанием замаскировал его под борова, неотличимого от остальных хрюшек. Мне казалось, что баллиста нам вряд ли пригодится, и я велел Росту не высовываться зазря.

Мы с Гоблином поднялись наверх, следить за дорогой и восточной грядой. По плану Молчун почти сразу после атаки должен был рвануть — чего он вовремя не сделал — в ту же сторону, что и южане, а потом, заметая следы, пробраться лесом к этой гряде и наблюдать оттуда за гостиницей. Я хотел, чтобы часть людей Хромого погналась за южанами, приняв их за нас. Самим южанам я об этом не докладывал. Я только надеялся, что им хватит ума драпать вперед без оглядки.

— Ха! — воскликнул Гоблин.— Вон он, Молчун! Жив, курилка!

Вскоре показались еще люди. Лиц я отсюда не различал.

— Всего лишь трое,— пробормотал я. Это означало, что четверо погибли.— Проклятье!

— Думаю, им удалось его подранить,— сказал Гоблин.— Иначе их бы здесь не было.

Меня это не успокоило. Полевой командир я был неопытный и не привык справляться с чувствами, которые неизбежно возникают, когда ты узнаешь, что люди погибли, пытаясь выполнить твои приказы.

— А вот и всадники.

Они выехали из леса, приближаясь к гостинице по Тряской дороге и отбрасывая длинные тени.

— Шестеро,— сказал я.— Нет, семеро. Значит, они не погнались за южанами.

— Похоже, всем им здорово досталось.

— Элемент неожиданности. А Хромой с ними есть? Не видишь?

— Нет. Вон тот... Ба, да это же Аза! А на третьей лошади — старина Шед. И хозяин гостиницы сзади, перед замыкающим.

Уже лучше. Стало быть, численность противника уменьшилась вдвое. А я потерял только двоих из семерых, принимавших участие в атаке.

— Что будем делать, если Хромого с ними нет? — спросил Гоблин.

— Поживем — увидим.

Молчун уже скрылся с дальней гряды.

— Вот он, Костоправ! Перед хозяином гостиницы! Похоже, без сознания.

На такое я не смел и надеяться. Но Взятый действительно выглядел так, словно был в отключке.

— Пошли вниз! — скомандовал я.

Сквозь щель в ставне я увидел, как они въехали во двор. Не ранен был только Аза. Руки у него были привязаны к седлу, ноги — к стременам. Один из раненых спешился, развязал Азу и, приставив к нему нож, заставил помочь остальным. Досталось им всем по-разному. Шед, казалось, был при последнем издыхании. Хозяин гостиницы выглядел получше. Его, по-видимому, просто сильно поколотили.

Солдаты заставили Азу с толстяком снять Хромого с лошади. Я чуть было не выдал себя невольным возгласом. Взятый лишился правой руки почти по плечо. На теле у него было еще несколько серьезных ран. Но он, конечно, оклемается, если полежит под защитой своих подчиненных. Взятые — ребята живучие.

Аза с толстяком двинулись к двери. Хромой обмяк, как сырая веревка. Человек, понукавший Азу, распахнул дверь.

— Нет! — очнувшись, прохрипел Хромой.— Западня!

Аза и хозяин гостиницы бросили его наземь. Аза начал удаляться на цыпочках, зажмурив от страха глаза. Толстяк пронзительно свистнул. Его свирепые собаки выскочили из сарая.

Гоблин с Одноглазым метнулись во двор. Я прыгнул и бросился на Хромого, пытавшегося подняться на ноги.

Мой меч вонзился ему в плечо поверх культи. Единственный кулак Хромого саданул мне прямо в живот.

Из меня со свистом вырвался весь воздух. Я чуть было не отрубился и осел на землю, выблевывая кишки и слабо соображая, что творится кругом.

Собаки бросались на солдат Хромого и рвали их в клочья. Несколько псов набросились на Взятого. Он молотил их кулаком, убивая с одного удара.

Гоблин с Одноглазым выдали ему все, на что были способны. Отмахнувшись от их заклятий, как от дождичка, Хромой вмазал Одноглазому и повернулся к Гоблину.

Тот побежал. Хромой, шатаясь, ковылял за ним. Уцелевшие мастифы вцепились ему в спину.

Гоблин бежал к свинарнику, но, поскользнувшись, растянулся в грязной луже. Хромой навис над ним, замахнувшись для смертельного удара.

Копье, выпущенное Ростовщиком, пробило ему грудь и вышло на три фута из спины. Хромой зашатался — истерзанный низенький человечек в коричневом, вцепившийся в копье. Казалось, все его силы сосредоточились на этой торчащей из груди палке. Гоблин откатился в сторону. Рост в свинарнике зарядил баллисту и выстрелил еще раз.

Вж-жих! Копье пронзило Взятого насквозь и сбило с ног. Собаки вцепились ему в глотку.

Я перевел дух. Нашел свой меч. И тут из кустов ежевики, росших возле пруда футах в двухстах к северу, до меня донесся какой-то шум. Рядом с кустами взад-вперед бегал одинокий пес и рычал. Аза, больше некому. Спрятался в единственное доступное укрытие.

Я встал. Толстяк помог подняться Одноглазому и схватил с земли чей-то меч. Мы втроем сгрудились над Хромым. Он лежал в луже крови, слегка повернувшись набок. Маска его соскользнула, и нам открылось изъеденное временем лицо, кото-

рое она скрывала. Хромой вяло отбивался от собак, не в силах поверить в случившееся.

— И все впустую,— сказал я.— Бумаг здесь давно уже нет.

— Это тебе за брата! — воскликнул толстяк и замахнулся мечом. Однако он был так избит, бедняга, что удар получился слишком слабым.

Хромой пытался собраться с силами. Тщетно — сил у него больше не было. Он понял, что умирает. После стольких веков. После того, как он пережил Белую Розу и гнев Госпожи, которую предал в битве при Розах и в Облачном лесу.

Глаза у него закатились, и я понял, что Хромой зовет мамочку на помощь.

— Скорее, мы должны убить его! — сказал я.— Он призывает Госпожу.

Мы рубили, кололи и кромсали. Псы рычали и кусали. Он не умирал. Даже когда мы выбились из сил, в нем еще теплилась искорка жизни.

— Давайте оттащим его на задний двор.

Мы так и сделали. И там я увидел Шеда, лежащего на земле рядом с солдатами, бывшими нашими братьями по Черному Отряду. Я поднял глаза к тускнеющему горизонту и заметил Молчуна, который приближался к гостинице. За ним шли Ведьмак и Масло. У меня немного отлегло от сердца. Слава Богу, что эти двое уцелели! Сколько я их помню, они всегда были неразлучны. Не представляю, что было бы, переживи один из них другого.

— А Вола убили?

— Да,— откликнулся толстяк.— Его и этого парня, Шеда. Вы бы видели, как они дрались! Выскочили на дорогу и стянули колдуна с коня. Вол отрубил ему руку. А еще они вдвоем убили четверых солдат.

— Как погиб Вол?

— Кто-то раскроил ему голову мечом, точно спелую дыню.

— А Шишка?

— Затоптан насмерть. Но он им тоже выдал будь здоров.

Я сел на корточки рядом с Шедом. Одноглазый тоже склонился над ним.

— Как они тебя поймали? — спросил я хозяина гостиницы.

— Слишком я толстый, чтобы быстро бегать.— Он выдавил слабую улыбку.— Никогда не собирался быть солдатом.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Что скажешь, Одноглазый?

Я с первого же взгляда понял, что Шеду ничем помочь не смогу.

Одноглазый покачал головой.

— Двое солдат еще живы, Костоправ,— сказал Гоблин.— Чего с ними делать будем?

— Несите их в гостиницу. Я подлатаю.

Они были мне братьями. То, что Взятые настроили их против нас и превратили в наших врагов, ни в коей мере не лишало их права на мою помощь.

В сумерках возникла долговязая фигура Молчуна.

— Маневр, достойный Капитана, Костоправ,— сказал он знаками.

— Да уж.

Я уставился на Шеда с грустью, какой от себя даже не ожидал.

Лежавший передо мной человек пал так низко, что дальше некуда. Но он боролся с собой, он силой заставил себя подняться и обрести достоинство. Он стал настоящим человеком, гораздо лучше меня, ибо нашел в своей душе путеводную звезду и без колебаний последовал за ней, несмотря на то что это стоило ему жизни. Возможно, хотя бы отчасти, он искупил свои грехи.

Погибнув в схватке, которая, по моему мнению, его не касалась, Шед стал для меня кем-то вроде святого покровителя, примером для подражания на всю оставшуюся жизнь. Он очень высоко поднял планку перед своим концом.

Шед открыл глаза, улыбнулся и спросил:

— Мы победили?

— Да, Шед. Благодаря тебе и Волу.

— Хорошо.— Он с улыбкой закрыл глаза.

— Эй, Костоправ! — окликнул меня Ведьмак.— Что ты думаешь делать с этим предателем Азой?

Аза по-прежнему сидел в кустах ежевики и орал, взывая о помощи. Собаки окружили кустарник.

— Копье ему в глотку, и все дела,— пробурчал Одноглазый.

— Нет,— еле слышно прошептал Шед.— Не трогайте его. Он был моим другом. Он пытался вас догнать, но его поймали. Отпустите его.

— Хорошо, Шед. Ведьмак! Вытащи его из кустов и отпусти на все четыре стороны.

— Что?!

— Выполняй приказание! — Я посмотрел на Шеда.— Ты доволен, Шед?

Он ничего не ответил. Не смог. Просто улыбнулся.

— Ну, хоть один человек погиб так, как хотел,— сказал я, вставая.— Масло! Бери лопату в руки — и вперед!

— Но, Костоправ...

— Бери лопату, черт тебя дери, и за работу! Молчун, Одноглазый, Гоблин, за мной. Надо обсудить, что делать дальше.

Уже почти стемнело. До прибытия Госпожи в Медополь, по прикидкам Лейтенанта, осталось несколько часов.

Глава 49
Переход

— Нам нужен отдых,— заявил Одноглазый.

— В могиле отдохнем,— возразил я.— Мы сожгли за собой все мосты, Одноглазый. Мы сделали то, чего не сумели сделать повстанцы: мы прикончили последнего из старейших Взятых. Госпожа погонится за нами, как только закончит прополку всходов черного замка. У нее нет другого выхода. Если она быстро не прижмет нас к ногтю, все мятежники на пять тысяч миль вокруг воспрянут духом и зашевелятся. А у нее осталось всего двое Взятых, и из них только Шепот чего-то стоит.

— Да. Я понимаю. Просто очень хочется. Ты же не можешь запретить человеку хотеть, Костоправ!

Я посмотрел на висюльку Шеда. Нужно бы оставить ее Госпоже, но серебро могло пригодиться нам в долгом пути. Я собрался с духом и начал выковыривать у змеек глаза.

— Что ты делаешь, черт побери?

— Скормлю их Хромому. Авось, вылупятся.

— Ха! — развеселился Гоблин.— Браво! Классная шутка.

— Я подумал — это будет в каком-то смысле справедливо. Вернуть его Властелину.

— А Госпоже придется самой его уничтожить. Мне это нравится.

Одноглазый нехотя согласился с ним.

— Я так и знал, что вы оцените. А теперь сходите и посмотрите, всех ли похоронили.

— Да они только десять минут как приволокли из леса тела!

— Ладно. Тогда помогите им.

Я с трудом поднялся и пошел навестить своих пациентов. Не знаю, все ли солдаты, которых Ведьмак с Маслом притащили с места засады, были мертвы в тот момент, когда эти двое до них добрались. Но теперь-то они точно были трупами. Друзья прихватили с собой и Шишку, чтобы я его осмотрел, но тот уже окоченел.

Мои пациенты шли на поправку. Один уже настолько очухался, что даже успел испугаться. Я похлопал его по руке и поплелся на двор.

Ребята только что опустили в землю Шишку рядом с могилами Шеда, Вола и одного из солдат Хромого, которых похоронили раньше. Осталось закопать всего два трупа. Аза рыл могилу. Все остальные стояли кружком и наблюдали, пока не поймали на себе мой свирепый взгляд.

— Как улов? — спросил я у толстяка, которому велел пошарить в карманах убитых.

— Не густо.— Он протянул мне шапку с монетами и безделушками.

— Возьми сколько нужно, чтобы покрыть убытки.

— Вам, ребята, эти цацки нужнее, чем мне.

— Ты лишился фургона с упряжкой, не говоря уже о собаках. Возьми сколько надо. Я в любой момент могу ограбить кого-нибудь, кто придется мне не по душе.— Никто не знал, что я стащил кошелек у Шеда. Его вес меня приятно поразил. Это будет мой тайный резерв.— И пару лошадей себе оставь.

Толстяк покачал головой:

— Не хочу, чтобы у меня нашли чужих коней, когда все утрясется и принц начнет искать козлов отпущения.— Он взял несколько серебряных монет.— Этого мне хватит.

— Ладно. Ты сховайся на время в лесу. Госпожа непременно пожалует сюда. А она еще хуже Хромого.

— Хорошо.

— Ведьмак! Если не хочешь копать, иди приготовь лошадей. Живо!

Я подозвал к себе Молчуна. Мы оттащили Хромого под тенистое дерево напротив гостиницы. Молчун перекинул через сук веревку. Я затолкал змеиные глаза Хромому в глотку. Потом мы подвесили его. Он плавно покачивался в холодном лунном сиянии. Я разглядывал его, потирая ладони.

— Долго же ты нас морочил, приятель. Но в конце концов попался.

Десять лет я мечтал увидеть его мертвым. Он был самым бесчеловечным из Взятых.

Ко мне подошел Аза:

— Всех похоронили, Костоправ.

— Хорошо. Спасибо за помощь.— Я повернулся к сараю.

— Возьмите меня с собой!

Я рассмеялся.

— Ну пожалуйста, Костоправ! Не бросайте меня здесь одного...

— Как хочешь, Аза. Только не думай, что я буду тебе нянькой. И не пытайся больше нас надуть. Что-нибудь замечу — убью на месте.

— Спасибо, Костоправ.

Он побежал вперед и поспешно забрался на коня. Одноглазый посмотрел на меня и покачал головой.

— По коням, ребята! В погоню за Вороном!

Мы скакали во весь опор, но не успели отъехать от гостиницы и двадцати миль, как что-то шарахнуло мне по мозгам, словно кулаком. Золотистое облачко излучало ярость:

— Ты исчерпал мое терпение, лекарь!

— А ты мое исчерпала уже давно.

— Ты пожалеешь об этом убийстве!

— И не подумаю! Я всегда буду вспоминать о нем с радостью. Это единственное доброе дело, какое я совершил по эту сторону моря Мук. Иди ищи зародыши черного замка. А меня оставь в покое. Мы с тобой в расчете.

— О нет! Ты еще услышишь обо мне. Как только я захлопну последнюю дверь за своим муженьком.

— Не искушай судьбу, старая ведьма! Я готов выйти из игры. Но если будешь ко мне приставать — я изучу теллекурре.

Это был удар ниже пояса.

— Спроси у Шепот, что она потеряла в Облачном лесу и надеялась отыскать в Медополе. А потом подумай, как может воспользоваться этим рассерженный Костоправ, если он знает, где найти то, что она потеряла!

Госпожа испарилась, оставив мне на память минутное головокружение.

Я обнаружил, что мои спутники недоуменно косятся на меня.

— Только что попрощался со своей подружкой,— объяснил я им.

Аза потерялся в Тряске. Мы остановились там на денек, чтобы передохнуть перед следующим марш-броском, а когда пришла пора выступать, Аза как в воду канул. Никто не дал себе труда его искать. От имени Шеда я пожелал ему удачи. Хотя, судя по его прошлому, удача вечно поворачивалась к нему спиной.

Госпожа, как выяснилось, не распрощалась со мной окончательно. Три месяца спустя после гибели Хромого, когда мы набирались сил, готовясь одолеть последнюю горную гряду, лежавшую между нами и Трубой, золотистое облачко навестило меня опять. На сей раз Госпожа была настроена не так воинственно. Я бы сказал, она держалась чуточку насмешливо.

— Привет, лекарь! Тебе, возможно, интересно узнать — хотя бы для Анналов,— что с угрозой черного замка покончено. Я нашла и уничтожила все семечки до единого.— Насмеш-

ка в ее голосе стала еще явственнее.— Теперь мой муженек может восстать из могилы, только если его эксгумируют. Он отрезан от мира и напрочь изолирован от своих сторонников. Курганье охраняет постоянный гарнизон.

Я не нашелся, что ей ответить. Именно этого я и хотел, надеясь, что у нее достанет сил справиться с Властелином, ибо Госпожа все-таки была меньшим из двух зол и, как я подозревал, сохранила в душе искру света, не дававшую ей полностью погрузиться во тьму. На моей памяти она не раз удерживалась от жестокости, когда могла себе ее позволить. Возможно, если ей перестанет грозить ежедневная опасность, светлая сторона ее души возобладает над мрачной.

— Я допросила Шепот. С помощью Ока. Теперь мне все ясно, Костоправ.

Никогда раньше она не звала меня по имени. Я сел, навострив уши. В голосе ее больше не было веселой насмешки.

— Что ясно?

— Насчет этих бумаг. И девчонки.

— Девчонки? Какой девчонки?

— Не прикидывайся, мне все известно. Тебе не удалось замести следы. Даже мертвые способны многое поведать тому, кто умеет правильно ставить вопросы. Когда я вернулась в Арчу, там еще остался кое-кто из вашего Отряда, и они мне рассказали практически все. Если ты хочешь провести остаток дней своих спокойно, убей ее. Иначе я сама ее убью. И всех, кто окажется рядом с ней.

— Не понимаю, о чем ты.

И снова насмешка, только уже не веселая, а скорее злорадная:

— Продолжай кропать свои Анналы, лекарь. Я еще свяжусь с тобой. Буду извещать тебя, как идут дела в империи.

— Но зачем? — озадаченно спросил я.

— Затем, что это меня забавляет. Веди себя хорошо.— И она растаяла.

Мы наконец добрались до Трубы, полумертвые от усталости. Нашли Лейтенанта, корабль и — кого бы вы думали? —

Душечку, которая жила на борту вместе с Отрядом! Лейтенант из меркантильных побуждений подрядился на службу в частной охране. Как только мы появились, он тут же прибавил к списку наши имена.

Ворона мы не застали. Он избежал необходимости выбирать между примирением или конфронтацией со своими старыми товарищами, ускользнув от нас в очередной раз.

Судьба — коварная злодейка, которая жить не может без иронии. После всех этих немыслимых испытаний, пережив столько бед и напастей, Ворон в то самое утро, когда Лейтенант причалил к берегу, поскользнулся на мокром мраморном возвышении в общественной бане, раскроил себе голову, упал в воду и утонул.

Я отказывался этому верить. Просто не мог себя заставить, памятуя о том, как он инсценировал свою гибель на севере. Я начал копать. Выяснять. Разнюхивать. Но тело погибшего видела куча народу. И самая надежная свидетельница — Душечка — была абсолютно уверена. В конце концов я был вынужден сдаться. На сей раз никто моих сомнений не разделял.

Лейтенант утверждал, что самолично узнал покойного сквозь пламя погребального костра, взметнувшегося в небо в то самое утро, когда причалил корабль. Именно во время похорон он встретил Душечку и привел ее назад под опеку Черного Отряда.

Что я могу сказать? Если даже Душечка поверила, значит, это правда. Ворон никогда ей не лгал.

Через девятнадцать дней после нас в Трубу прибыло пополнение, объяснявшее туманную реплику Госпожи о том, что она, мол, допросила только тех, кого сумела найти в Арче после своего возвращения.

Ильмо прискакал во главе отряда из семнадцати человек, в основном «стариков», которых он увел из Арчи, когда оттуда слиняли все Взятые, кроме Странника, а Странник пребывал в такой растерянности из-за противоречивых приказов Госпожи, что даже не осмелился доложить ей о событиях в Медополе. Ильмо следовал за мной вдоль побережья.

Итак, за два года Черный Отряд пересек целый континент, от самой восточной точки до самой западной, прошагав почти четыре тысячи миль и чуть было не погибнув,— но уцелел и обрел новую цель и новую жизнь. Мы стали солдатами Белой

Розы: мы, по прихоти насмешницы судьбы, стали ядром той силы, что, согласно легенде, должна была свергнуть власть Госпожи.

Я не верил в это ни секунды. Но Ворон рассказал Душечке, кто она такая, и она, по крайней мере, была готова сыграть свою роль.

Что ж, попытка не пытка.

Сидя в капитанской каюте, я поднял бокал вина. Ильмо, Молчун, Одноглазый, Гоблин, Лейтенант и Душечка подняли свои. Люди наверху готовились к отплытию. Ильмо притащил с собой отрядную казну, так что мы могли не работать. Я провозгласил тост:

— За двадцать девять лет!

Двадцать девять лет. Согласно легенде, именно тогда вернется Великая комета и фортуна снова улыбнется Белой Розе.

— За двадцать девять лет! — откликнулись они хором.

Мне почудилось, будто я уловил краем глаза еле заметный золотистый блик, излучавший еле заметную насмешку.

Содержание

Черный отряд 5

Тени сгущаются 319

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Черный Отряд
Тени сгущаются

Ответственный редактор А.М. Лактионов
Редактор А.В. Етоев
Художественные редакторы О.Н. Адаскина, А.Е. Нечаев
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Ю.Ю.Смирнов
Корректор Е.В. Шестакова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-007186-8

9 785170 071869